

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета,
Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет,
Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси,
Минск, Беларусь

Дацьшен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет,
Красноярск, Россия

Ильинных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессор
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной
коллегии

Катионов Олег Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального
образования, Новосибирский педагогический
университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни

профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна

кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори

профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна

доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте

доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецко, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна

доктор исторических наук
Омский государственный педагогический
университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен

кандидат исторических наук
Германский исторический институт,
Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович

доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна

доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающие редакторы
Ответственный секретарь
Корректор
Верстальщик
Интернет-верстальщик

кандидат исторических наук М.А. Семенов
В.В. Введенский
Т.В. Соболева
В.В. Введенский
К.А. Васильев

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7–8

From the Editor 9–10

■ Жизнь и смерть в эпоху войны

В.А. Исупов. Демографическая история России
в период Великой Отечественной войны: новые задачи – новые источники 11–28

В.Б. Жиромская, Н.А. Араловец. Инвалиды в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 29–40

Н.В. Чернышева. Особенности смертности населения
тыловых районов РСФСР в период Великой Отечественной войны 41–53

М.А. Семенов. Влияние заболеваемости инфекционными болезнями
на смертность населения СССР в годы Великой Отечественной войны 54–67

С.А. Кусков. Эвакогоспитали в период Великой Отечественной войны:
текущее положение и перспективы исследования темы 68–77

■ Страна трудовой доблести

Г.А. Ткачева. Сухопутные пути сообщения в стратегии обеспечения безопасности
восточных рубежей СССР 1922–1945 годов 78–94

Е.Е. Красноженова. Рабочие кадры предприятий
ленинградской промышленности (1941–1944 годы) 95–104

М.В. Шиловский. Структура оборонного потенциала Новосибирска
в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов 105–117

С.В. Шарпов. Экономика колхозного двора накануне
и в годы Великой Отечественной войны (по материалам Западной Сибири) 118–131

Н.Н. Мельников. Сергей Васильевич Кафтанов и управление советской наукой
в годы Великой Отечественной войны 132–140

■ Опаленное детство

Л.Э. Мезит. Роль школы в повседневной жизни советского ребенка
в годы Великой Отечественной войны 141–148

С.А. Власов. Маленькие труженики тыла: детский и подростковый труд
на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны 149–159

Н.М. Маркдорф. Правонарушения несовершеннолетних в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны 160–173

Т.Г. Недзелюк, Е.В. Матерова. Детство в эвакуации: источники для изучения истории повседневности детских учреждений, эвакуированных на юг Западной Сибири в период Великой Отечественной войны 174–183

■ **На фронтах...**

Е.П. Мироничев. «...Это не операция, а экспедиция. Жаль сил, которые будут здесь использованы»: Советское Заполярье в документах высшего германского командования в 1940–1941 годах 174–200

И.И. Ханипова. Ратные подвиги уроженцев Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам татарских фронтовых газет) 201–211

■ **В трудах потомков**

В.А. Иванов, В.Р. Щербакова. Исследование подпольного Сопrotивления Крыма 1941–1944 годов в региональной литературе 212–232

С.В. Кулик, А.Г. Лагойко, А.С. Прищепа. Исследование блокады Ленинграда в трудах сотрудников “Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда” 233–244

С.И. Сивцева. Великая Отечественная война в историографии Якутии 245–257

■ **Мир книги**

М.Н. Потемкина. Рецензия на книгу: Каганович А. «Ташкентский фронт»: еврейские беженцы в советском тылу. М.: Библиотека М. Гринберга; Книжники, 2023. 448 с. 258–265

А.В. Куликова, Н.Г. Пушкарева, С.И. Трусова. Региональные энциклопедические и справочные издания, посвященные Великой Отечественной войне (1993–2024 годы) 266–295

CONTENTS

From the Editor (*In Rus.*) 7–8

From the Editor 9–10

■ Life and Death in the Age of War

V.A. Isupov. Demographic History of Russia during the Great Patriotic War: New Tasks – New Sources 11–28

V.B. Zhiromskaya, N.A. Aralovets. Disabled People during the Great Patriotic War of 1941–1945 29–40

N.V. Chernysheva. Peculiarities of Mortality of the Population of the Rear Areas of the RSFSR during the Great Patriotic War 41–53

M.A. Semenov. The Impact of the Incidence of Infectious Diseases on the Mortality of the USSR Population during the Great Patriotic War 54–67

S.A. Kuskov. Evacuation Hospitals during the Great Patriotic War: Current Situation and Opportunities for Studying the Topic 68–77

■ The Country of Labor Valor

G.A. Tkacheva. Land Communication Routes in the Strategy for Ensuring Security of the Eastern Borders of the USSR in 1922–1945 78–94

E.E. Krasnozhenova. Workers of Leningrad Industrial Enterprises (1941–1944) 95–104

M.V. Shilovskiy. The Structure of the Defense Potential of Novosibirsk during the Great Patriotic War of 1941–1945 105–117

S.V. Sharapov. Economy of the Collective Farm Yard on the Eve and during the Great Patriotic War (Based on the Materials of Western Siberia) 118–131

N.N. Melnikov. Sergey Vasilievich Kaftanov and the Management of Soviet Science during the Great Patriotic War 132–140

■ Scorched Childhood

L.E. Mezil. The Role of School in the Daily Life of a Soviet Child during the Great Patriotic War 141–148

S.A. Vlasov. Little Home Front Workers: Child and Adolescent Labor in the Far East during the Great Patriotic War 149–159

N.M. Markdorf. Juvenile Delinquency in Kuzbass During the Great Patriotic War 160–173

T.G. Nedzelyuk, E.V. Materova. Childhood in Evacuation:
Sources for Studying the History of the Daily Life
of Children's Institutions Evacuated to the South of Western Siberia During the Great Patriotic War 174–183

■ **On the Fronts...**

E.P. Mironichev. "...This is Not an Operation, but an Expedition.
It is a Pity for the Forces That will Be Used Here": The Soviet Arctic
in the Documents of the German High Command in 1940–1941 174–200

I.I. Khanipova. Military Feats of the Natives of the Bashkir ASSR
during the Great Patriotic War (Based on Materials from Tatar Front-line Newspapers) 201–211

■ **In the Writings of Descendants**

V.A. Ivanov, V.R. Shcherbakova. Study of Underground Resistance
in Crimea 1941–1944 in Regional Studies 212–232

S.V. Kulik, A.G. Lagoyko, A.S. Prischepa. Study of the Siege of Leningrad in the Writings
of Employees of the "State Memorial Museum of the Defense and Blockade of Leningrad" 233–244

S.I. Sivtseva. The Great Patriotic War in Historiography of Yakutia 245–257

■ **The World of Books**

M.N. Potemkina. Review of the Book: Kaganovich A. "Tashkent Front":
Jewish Refugees in the Soviet Rear. Moscow: M. Grinberg Library; Knizhniki, 2023. 448 p 258–265

A.V. Kulikova, N.G. Pushkareva, S.I. Trusova. Regional Encyclopedic
and Reference Publications Devoted to the Great Patriotic War (1993–2024) 266–295

2025 · № 2 (40)

Тема номера:

**80 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

ОТ РЕДАКТОРА

С течением времени продолжает расти количество работ, посвященных Великой Отечественной войне. Общий счет исследований идет на десятки тысяч. Грядущий 80-летний юбилей Победы традиционно увеличил интерес общества к истории Великой Отечественной войны.

Однако общественный запрос определяет не только круглая дата, но и сама окружающая действительность. Победа над фашизмом, долгие годы казавшаяся незыблемой и окончательной, оказалась незавершенной. В условиях Специальной военной операции интерес общества к тому, как была достигнута Победа, неуклонно возрастает. Имеется в этом и практический смысл. Требования военной обстановки приводят к формированию схожих государственных и общественных институтов, механизмов и практик решения задач. Изучение исторического опыта может облегчить и ускорить их воплощение в жизнь.

Остается актуальным исследование Великой Отечественной войны и в строго научном плане. Понимание происходивших в военные годы процессов помогает выявить закономерности развития человеческого общества в экстремальных условиях, глубже понять сильные и слабые стороны, саму суть Советского государства, одержавшего важнейшую Победу в нашей истории. Работа ученых позволяет сохранить и передать потомкам священную память о подвиге предков.

Кропотливая работа сотен исследователей, введение в научный оборот тысяч разнообразных источников делают наше знание о военном периоде все более полным и многогранным. На повестку дня ставятся все новые вопросы. Юбилей Победы становится осязаемой точкой, позволяющей подвести некоторые итоги этого процесса, наметить перспективные направления дальнейших исследований.

Под обложкой журнала собраны исследования ученых от Санкт-Петербурга до Владивостока, представляющие срез актуального положения дел в исследовании Великой Отечественной войны.

В первом разделе «Жизнь и смерть в эпоху войны» собраны работы, отражающие наиболее драматичную грань истории военных лет – влияние войны на жизнь и здоровье людей. Открывает блок статья основоположника школы сибирской исторической демографии В.А. Исупова в которой автор подводит итоги противоречивого развития историко-демографических исследований войны и на основе анализа источниковой базы формулирует новые перспективные задачи, стоящие перед ними. В.Б. Жиромская и Н.А. Араловец в своей статье анализируют положение инвалидов в годы Великой Отечественной войны, приводят данные об их численности, системе мер государственной политики, направленной на данную группу лиц. Сразу две публикации посвящены важнейшему демографическому процессу – смертности. В публикациях Н.В. Чернышевой и М.А. Семенова рассмотрены особенности смертности тылового населения СССР в годы войны, проанализированы факторы, влиявшие на ее динамику. В работе С.А. Кускова внимание сосредоточено на достигнутых в ходе изучения деятельности тыловых эвакуогоспиталей результатах, имеющих сложностях в дальнейшей научной разработке данного направления.

Раздел «Страна трудовой доблести» раскрывает перед нами процессы, происходившие в сфере промышленности, сельского хозяйства, науки. Вопросам развития сухопутной системы на Дальнем Востоке посвящено исследование Г.А. Ткачевой, показывающее картину развития системы коммуникаций на протяжении ряда десятилетий. Вопросам состояния

рабочих кадров Ленинграда, их трансформации в экстремальных условиях блокады посвящена статья Е.Е. Красноженовой. Развитие оборонной промышленности в Новосибирской области послужило предметом исследования работы М.В. Шиловского. Экономическую сторону жизни крестьян-колхозников анализирует С.В. Шарапов. Н.Н. Мельников сосредоточивает свое внимание на роли С.В. Кафтanova в управлении советской наукой в годы Великой Отечественной войны.

Военное детство привлекает все большее внимание ученых. Из работ по данной тематике сформирован раздел «Опаленное детство». Л.Э. Мезит исследует значение школы в повседневной жизни ребенка. С.А. Власов анализирует участие детей в трудовой деятельности, Н.М. Маркдорф – правонарушения, совершаемые несовершеннолетними. В работе Т.Г. Недзелюк, Е.В. Матеровой предпринята попытка стратификации источников по истории детских эвакуированных учреждений в Западной Сибири.

Раздел «На фронтах...» посвящен исследованиям, затрагивающим собственно военный аспект освещаемого периода. В работе Е.П. Мироничева на основе документов германского командования представлен анализ роли и места Заполярья в немецкой военной стратегии. Статья И.И. Ханиповой посвящена отражению подвигов уроженцев Башкирской АССР в материалах фронтовых газет на татарском языке.

Историографические исследования сосредоточены в разделе «В трудах потомков». В.А. Иванов и В.Р. Щербакова анализируют исследования, посвященные борьбе крымских подпольщиков, С.В. Кулик, А.Г. Лагойко, А.С. Прищепа – современные тенденции в изучении блокады Ленинграда, С.И. Сивцева – исторические исследования в Якутии.

В традиционной рубрике «Мир книги» представлена рецензия М.Н. Потемкиной на книгу А. Кагановича «“Ташкентский фронт”: Еврейские беженцы в советском тылу», а также подготовленный А.В. Куликовой, Н.Г. Пушкаревой, С.И. Трусовой библиографический список региональных энциклопедических и справочных изданий, посвященных Великой Отечественной войне.

*Выпускающий редактор
кандидат исторических наук
Михаил Александрович Семенов*

<i>Выпускающий редактор</i>	кандидат исторических наук М.А. Семенов
<i>Ответственный секретарь</i>	В.В. Введенский
<i>Корректор</i>	Т.В. Соболева
<i>Верстальщик</i>	В.В. Введенский
<i>Интернет-верстальщик</i>	К.А. Васильев

2025 · No. 2 (40)

The Theme of the Issue:

**80 YEARS OF THE GREAT VICTORY:
RESULTS AND PROSPECTS OF STUDYING
THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

FROM THE EDITOR

Over time, the number of works devoted to the Great Patriotic War continues to grow, counting in tens of thousands. The upcoming 80th anniversary of the Victory has traditionally increased public interest in the history of the Great Patriotic War.

However, the public demand determines not only the anniversary date, but the surrounding reality itself. The victory over fascism, which for many years seemed unshakable and final, turned out to be incomplete. In the context of the Special Military Operation, public interest in how Victory was achieved is steadily increasing. This makes practical sense, as the requirements of the military situation lead to the formation of similar state and public institutions, mechanisms and practices for solving problems. The study of historical experience can facilitate and accelerate their implementation.

The study of the Great Patriotic War remains relevant in a strictly scientific sense. Understanding the processes that took place during the war helps to identify patterns of development of human society in extreme conditions, and to understand the strengths and weaknesses, the very essence of the Soviet state, which won the most important Victory in Russian history. The work of scientists makes it possible to preserve and pass the sacred memory of the feat of the ancestors to descendants.

The painstaking work of hundreds of researchers and the introduction of thousands of diverse sources into scientific circulation make the knowledge of the war period more complete and multifaceted. More and more new issues stand on the forefront of study. The Victory Anniversary is becoming a tangible point that allows to summarize some of the results of this process and outline promising areas for further research.

The cover of the magazine contains research by scientists based from St. Petersburg to Vladivostok, representing a cross-section of the current state of affairs in the study of the Great Patriotic War.

The first section, “Life and Death in the Age of War”, contains works reflecting the most dramatic facet of the history of the war years – the impact of war on people’s lives and health. The block opens with an article by the founder of the school of Siberian historical demography, V.A. Isupov, in which the author summarizes the contradictory development of historical and demographic studies of the war and, based on the analysis of the source base, formulates new promising tasks facing them. V.B. Zhiromskaya and N.A. Aralovets in their article analyze the situation of people with disabilities during the Great Patriotic War, provide data on their number, the system of state policy measures aimed at this group of people. Two publications are devoted to the most important demographic process – mortality. In the publications of N.V. Chernysheva and M.A. Semenov, the peculiarities of mortality of the rear population of the USSR during the war years are considered, and the factors influencing its dynamics are analyzed. The work of S.A. Kuskova is focused on the results achieved during the study of the activities of rear evacuation hospitals, the existing difficulties in the further scientific development of this area.

The section “The Country of Labor Valor” reveals the processes that took place in the field of industry, agriculture, and science. A study by G.A. Tkacheva is devoted to the development of the land system in the Far East, showing a picture of the development of the communications system over a number of decades. The article by E.E. Krasnozhenova is devoted to the issues of the state of Leningrad’s working personnel and their transformation in the extreme conditions of the blockade. The development of the defense industry in the Novosibirsk oblast was the subject of research

by M.V. Shilovsky. S.V. Sharapov analyzes the economic side of the life of collective farmers. N.N. Melnikov focuses on the role of S.V. Kaftanov in the management of Soviet science during the Great Patriotic War.

Wartime childhood is attracting more and more attention from scientists. The section “Scorched Childhood” has been formed from the works on this topic. L.E. Mezit examines the importance of school in the daily life of a child, while S.A. Vlasov analyzes children’s labor, and N.M. Markdorff studies offenses committed by minors. T.G. Nedzelyuk and E.V. Materova attempt to stratify sources on the history of children’s evacuated institutions in Western Siberia.

The section “On the Fronts...” is devoted to research on the actual military aspect of the period. E.P. Mironichev presents an analysis of the role and place of the Arctic in the German military strategy based on the documents of the German command. The article by I.I. Khanipova is devoted to the reflection of the exploits of the natives of the Bashkir ASSR in the materials of frontline newspapers in the Tatar language.

Historiographical research is concentrated in the section “In the Writings of Descendants”. V.A. Ivanov and V.R. Shcherbakova analyze studies on the struggle of the Crimean underground, S.V. Kulik, A.G. Lagoiko, A.S. Prishchepa explore modern trends in the study of the siege of Leningrad, and S.I. Sivtseva deals with historical research conducted in Yakutia.

The traditional heading “The World of Books” presents M.N. Potemkina’s review of A. Kaganovich’s book “*The Tashkent Front: Jewish Refugees in the Soviet Rear*”, as well as a bibliographic list of regional encyclopedic and reference publications on the Great Patriotic War prepared by A.V. Kulikova, N.G. Pushkareva, and S.I. Trusova.

Executive editor
Candidat of Historical Sciences
Mikhail Aleksandrovich Semenov

Executive editor

Candidate of Historical Sciences M.A. Semenov

Executive secretary

V.V. Vvedenskiy

Corrector

T.V. Soboleva

Layout designer

V.V. Vvedenskiy

Web designer

K.A. Vasil’ev

В.А. Исупов*

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
НОВЫЕ ЗАДАЧИ – НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-1
УДК 94(57)“1941/45”

Выходные данные для цитирования:
Исупов В.А. Демографическая история России в период Великой Отечественной войны: новые задачи – новые источники // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 11–28. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-01.pdf>

V.A. Isupov*

**DEMOGRAPHIC HISTORY OF RUSSIA
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
NEW TASKS – NEW SOURCES**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-1

How to cite:
Isupov V.A. Demographic History of Russia during the Great Patriotic War: New Tasks – New Sources // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 11–28. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-01.pdf>]

Abstract. The current stage of development of historical demography in Russia is characterized by significant achievements in the study of population dynamics during the Great Patriotic War. At present, historical demography is one of the rapidly developing sections of the humanities. Positive shifts in the study of just recently little known trends in demographic dynamics during the war are very significant. To date, significant steps have been made to eliminate numerous “blank spots” and much of what was previously hidden has become known. Thus, it became possible to summarize the first results of the contradictory development of research on the demographic history of Russia, in particular those aspects that reflect the problems of the war period. At the same time, the article highlights the problems of forming a corpus of sources underlying the study of the demographic history of the Great Patriotic War. The slowdown in the development of historical demography characteristic of the Soviet period is explained not only by ideological prohibitions, but, to no lesser extent, by the inaccessibility of sources, their unreliability and, accordingly, large errors contained in statistical documents. Nevertheless, the first specific studies using the statistical base revealed a clear exaggeration of the role and significance of the myth about the unreliability of Soviet statistics, which turned out to be significantly more accurate than expected. Based on this, the objectives of the article include the characteristics of the main trends in the development of historiography devoted to the demographic problems of the Great Patriotic War over a long period from 1946 to the present and, at the same time, the analysis of the source base. An equally important task is to link the development of historical demography as a science with the formation of a corpus of sources and, therefore, to identify the main trend in the creation of a corpus of sources. The development of historiography and the source study aspects of the problem in the article are rather conditionally, but quite logically, divided into three large periods.

Keywords: historical demography, population size, population composition, reproduction, migration, historiography, statistical sources.

The article has been received by the editor on 09.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Владимир Анатольевич Исупов**, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Пушкин, Россия, e-mail: vladimir_2004@mail.ru
Vladimir Anatolievich Isupov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia, e-mail: vladimir_2004@mail.ru

Аннотация. Современный этап развития исторической демографии в России характеризуется значительными достижениями в изучении динамики народонаселения в годы Великой Отечественной войны. В настоящее время историческая демография представляет собой один из бурно развивающихся разделов гуманитарной науки. Очень существенны, на наш взгляд, позитивные сдвиги в исследовании еще совсем недавно малоизвестных тенденций демографической динамики в годы Великой Отечественной войны. К сегодняшнему дню сделаны заметные шаги в ликвидации многочисленных «белых пятен». Многие из ранее скрытого стало известно. Таким образом, появилась возможность подвести первые итоги противоречивого развития исследований по демографической истории России, в частности тех ее аспектов, которые отражают проблемы военного периода. Вместе с тем в статье освещаются проблемы формирования корпуса источников, лежащих в основе изучения демографической истории Великой Отечественной войны. Торможение в развитии исторической демографии, свойственное советскому периоду, объясняется не только идеологическими запретами, но в не меньшей степени недоступностью источников, их недостоверностью и, соответственно, большими погрешностями, содержащимися в статистических документах. Но первые конкретные исследования с использованием статистической базы выявили явное преувеличение роли и значения мифа о недостоверности советской статистики. Она оказалась значительно точнее, чем ожидалось. Исходя из этого, в задачи статьи входит характеристика основных тенденций развития историографии, посвященной демографическим проблемам Великой Отечественной войны за длительный период с 1946 г. по настоящее время, и вместе с тем анализ источниковой базы. Не менее важной задачей является стремление связать развитие исторической демографии как науки с формированием корпуса источников и, таким образом, выявить основной тренд создания корпуса источников. Развитие историографии и источниковедческие аспекты проблемы в статье достаточно условны, но вполне логично разделяются на три крупных периода.

Ключевые слова: историческая демография, численность, состав населения, воспроизводство, миграции, историография, статистические источники.

Статья поступила в редакцию 09.02.2025 г.

Сегодня исследования демографической истории России периода Великой Отечественной войны вступают в новый этап. Этот тезис нашел подтверждение в выступлениях коллег-историков на II Международной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов», прошедшей в апреле 2025 г. в Казани. В связи с этим чрезвычайно важно подвести некоторые итоги развития историко-демографической науки на предшествующих этапах и наметить очередные научные задачи. Это в свою очередь требует введения в научный оборот новых, ранее не использовавшихся (или слабо использовавшихся) источников.

Отметим попутно, что в статье речь идет о развитии исключительно отечественной историко-демографической науки. Важно учитывать, что зарубежная историография развивалась по своим весьма специфическим канонам, сильно отличающимся от принципов развития историко-демографических исследований в СССР. Совместить в одной статье анализ развития отечественной, с одной стороны, и зарубежной историографии, с другой, в сущности невозможно.

Первый этап изучения демографической истории Второй мировой войны. Первые публикации по историко-демографической проблематике военного времени увидели свет сразу после завершения Великой Отечественной войны, когда были организованы научно-практические медицинские конференции, на которых рассматривались такие специфические аспекты войны, как ее медико-санитарные последствия. Всего в СССР в 1946–1947 гг. было

проведено четыре конференции по военно-медицинской тематике¹. В ходе исследования медико-санитарных аспектов войны были поставлены и в крайне сжатом виде охарактеризованы некоторые демографические проблемы, а именно – динамика численности, состава, смертности и рождаемости населения в районах глубокого тыла и в регионах, подвергшихся оккупации². Однако демографические проблемы, сформулированные на конференциях врачей, не являлись специальным предметом рассмотрения. Они привлекались главным образом в качестве иллюстративного материала для освещения собственно медико-санитарных аспектов войны.

Но первые шаги были сделаны. Перспективы глубокого научного изучения демографических аспектов войны вырисовывались все более отчетливо. Было понятно, что исследователи натолкнулись на проблемы, достойные пристального и интенсивного изучения. Во всяком случае Н.А. Семашко, который к тому времени занимал пост председателя Комиссии по изучению последствий войны при Президиуме АМН СССР, в своем пленарном выступлении на второй конференции, состоявшейся в декабре 1946 г., подчеркнул, что научное изучение медико-санитарных последствий войны предполагает исследования и по демографической проблематике³. В качестве свидетельства развития изысканий в этом направлении Н.А. Семашко указал на появление первых диссертационных работ по военно-демографическим проблемам. Так, Г.Ф. Ершов (гор. Молотов) представил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицинских наук «О демографических сдвигах во время войны», а латвийский исследователь Лемперт представил кандидатскую диссертацию «Демографический анализ последствий немецкой оккупации»⁴.

Характерно, что Н.А. Семашко рассматривал демографическое развитие не как самостоятельный предмет исследования, но в рамках изучения медико-санитарных последствий войны. Это были первые шаги, которые в дальнейшем, в ходе развития методологической составляющей, несомненно привели бы к усилению демографической компоненты. Но, к сожалению, последующего развития исследования по демографии войны не получили. Первые шаги так и остались первыми шагами. Остро необходимая для изучения демографического тренда войны Всесоюзная перепись населения в первые послевоенные годы так и не была проведена. Согласно принятым в статистической науке правилам, перепись должна была состояться через 10 лет после предшествующей переписи, организованной в 1939 г. Стало быть, первая послевоенная перепись должна была проводиться в 1949 г. Но, как писал российский демограф А.Г. Вишневский, «Сталин не разрешил провести после войны перепись населения... Из-за этого очень важная информация о демографических итогах войны была безвозвратно утрачена»⁵. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что Сталин опасался распространения сведений о потерях. Как известно, сам Сталин 14 марта 1946 г. в интервью корреспонденту газеты «Правда» объявил, что потери Советского Союза в результате немец-

¹ Ашкинази И.Г. Изучение медико-санитарных последствий войны и мероприятий по их ликвидации // Гигиена и санитария. Журнал Наркомздрава СССР. 1947. № 4. С. 49–53.

² См., например: Фердинин Я.М. Демографические сдвиги в Ростовской области за годы войны // Санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды первой конференции (22–24 апреля 1946 г.). М., 1947. С. 35–43; Новосельский С.А. Влияние войны и блокады на изменения возрастного-полового состава населения, на брачность и частоту разводов в Ленинграде // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. 2. М., 1948. С. 5–11; Ершов Г.Ф. Демографические последствия войны в Молотовской области // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации... С. 12–16; Обновленский П.Ф. Влияние войны на численный состав и движение населения в Калининской области // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации... С. 17–24.

³ Семашко Н.А. Состояние мероприятий по ликвидации медико-санитарных последствий войны // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. 1. М., 1948. С. 3–12.

⁴ Там же.

⁵ Вишневский А.Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 10. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1752?ysclid=m9i42ynl4m447125188> (дата обращения: 28.01.2025).

кого вторжения составили около семи миллионов человек⁶. Выйти за очерченные Сталиным рамки не представлялось возможным. Соответственно определение реальных людских потерь Советского Союза, а вслед за этим исследование динамики демографической подсистемы СССР в военные годы были фактически свернуты.

Послевоенные годы оцениваются как провал в изучении демографической истории СССР. «В 1953 году, после смерти вождя, – отмечал А.Г. Вишневецкий, – информационное поле демографической статистики и исследовательское поле демографии представляли собой выжженную пустыню»⁷. Публикации по демографической проблематике войны после непродолжительного периода активности в ходе научно-медицинских конференций прекратились. Статистические справочники не издавались. Первый послевоенный справочник, опубликованный ЦСУ СССР, увидел свет только в 1956 г.⁸ В этом справочнике впервые в советской статистической литературе была обнародована официальная оценка послевоенной численности населения СССР. На апрель 1956 г. она была определена в 200,2 млн чел., причем методика расчета не была раскрыта⁹. После проведения Всесоюзной переписи населения 1959 г. стало очевидным, что опубликованная оценка численности населения СССР не соответствовала реалиям. Вместе с тем стали очевидными причины сокрытия данных о населении и «замораживании» демографических исследований по периоду военных лет. Потери в годы Великой Отечественной войны столь ошеломляющие, что для властных структур СССР было удобнее скрыть истинные цифры. Фактически на исследования по демографической истории войны был наложен негласный запрет. Это, в конечном итоге, тормозило исследования по исторической демографии в целом. Выдающийся специалист в области исторической географии и экономической истории В.К. Яцунский в 1957 г. отмечал, что «история населения является забытым участком в нашей исторической науке, чрезвычайно мало привлекающим внимание советских историков»¹⁰. В сущности, на изучение протекавших в военные годы демографических процессов был наложен негласный запрет.

Второй этап. Только в 1960–1970-е гг. удалось прорвать пелену молчания о влиянии войны на динамику демографических показателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Первую попытку охарактеризовать влияние войны на динамику рождаемости СССР в 1941–1945 гг. предпринял выдающийся демограф советского времени Б.Ц. Урланис в 1963 г.¹¹ В условиях практически полного отсутствия статистических сведений, крайне необходимых для определения уровня рождаемости в годы войны, автор использовал данные о динамике числа учащихся первых четырех классов за 1949–1954 гг., т.е. тех, кто родился в годы Великой Отечественной войны. Б.Ц. Урланис пришел к выводу, что рождаемость в СССР в военные годы упала больше чем в 2 раза по сравнению с довоенным уровнем¹². Позднее Б.Ц. Урланис подтвердил свои расчеты в статье, размещенной в сборнике статей, вышедшем в 1977 г.¹³ Этот сборник явил собой знаменательный феномен первых позитивных сдвигов в становлении исторической демографии в СССР. В статье Б.Ц. Урланиса, посвященной колебаниям уровня рождаемости в СССР за хронологически длительный период с 1918 по 1976 г., собственно периоду Великой Отечественной войны отведена всего одна страница текста. Для подтверждения своего вывода о падении рождаемости в СССР в военные годы более чем в 2 раза Б.Ц. Урланис привлек материалы переписей 1959 и 1970 г. о структуре населения¹⁴.

⁶ Правда. 1946. 14 марта.

⁷ Вишневецкий А.Г. Демография сталинской эпохи [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2003. № 103–104. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/tema01.php> (дата обращения: 28.01.2025).

⁸ Народное хозяйство СССР: стат. сб. М., 1956.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Яцунский В.К. Изменения в размещении населения европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 192.

¹¹ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

¹² Там же. С. 29–30.

¹³ Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М., 1977. С. 13–14.

¹⁴ Там же.

В этом же сборнике была опубликована статья И.П. Ильиной¹⁵. Это одна из первых в советской историко-демографической литературе статей, в которой предпринята результативная попытка охарактеризовать тенденции матримониального поведения женщин в военные годы, показать структурные изменения брачности (недостаток женихов в группах репродуктивных возрастов). Но этот сборник оказался единственным, в котором характеризовались некоторые тенденции демографической динамики в 1941–1945 гг. И только в 1979 г. увидела свет статья Р.И. Сифман, посвященная анализу причин снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны¹⁶. Подчеркивая недостаточную изученность проблемы, Р.И. Сифман пишет о снижении детской смертности в годы Великой Отечественной войны как о «загадочном» явлении социально-демографического развития СССР¹⁷.

Казалось бы, обнаружение результатов исследований по военно-демографической тематике столь авторитетных ученых, как Б.Ц. Урланис, И.П. Ильина, Р.И. Сифман, должно было придать импульс развитию этого важного направления в советской науке. Но этого не произошло. Изучение демографических аспектов войны вновь оказалось отодвинутым на далекую периферию научной жизни. Демографическая проблематика войны, как и прежде, была табуирована в идеологическом отношении. Но главное – источники были недоступны для ученых. В исследованиях по демографической истории войны наступила пауза.

Третий этап. В середине 1980-х гг. в связи с кардинальными политическими изменениями, происшедшими в стране, затянувшаяся пауза была прервана. Снятие многочисленных идеологических табу, отмена цензуры, расширение источниковой базы способствовали бурному росту историко-демографических исследований. Отметим, что непредвиденный прорыв в изучении демографических аспектов войны наметился прежде всего в глубокой провинции. В 1985 г. в Новосибирске свет увидела небольшая по объему статья, которой суждено было прорвать пелену умолчания¹⁸. Статья засвидетельствовала приход нового этапа в исследовании демографической истории Великой Отечественной войны. Вслед за этой статьей хлынул целый поток работ монографического характера, связанных с исследованием демографических аспектов войны в российских регионах¹⁹.

Вместе с тем, несмотря на преобладание региональных исследований, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. появляется все больше исследований, посвященных общероссийским тенденциям динамики демографической подсистемы страны в годы Великой Отечественной войны. С этого времени и уже несколько десятилетий историческая демография после длительного периода застоя являет собой своеобразный феномен науки, бурно развивающейся на стыке истории и демографии. Проблемы в 1980–1990-е гг., решаемые главным образом на региональном материале, были сформулированы в масштабах страны. Были сделаны первые и достаточно уверенные шаги в исследовании демографических аспектов войны в масштабах страны в целом. В работах, посвященных общероссийской тематике, сформулированы новые проблемы, выявлены ранее неизвестные количественные параметры

¹⁵ Ильина И.П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М., 1977. С. 50–61.

¹⁶ Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование: сб. ст. М., 1979. С. 50–60.

¹⁷ Там же. С. 50.

¹⁸ Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1985. № 3, вып. 1. С. 3–8.

¹⁹ См.: Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986; Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990; Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; Кыштанов В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг.: Абакан, 1995; Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск, 2000; Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003; Чернышева Н.В. Население Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров, 2012; Уваров С.Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск, 2014; Сакаев В.Т., Телишев В.Ф. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты. Казань, 2015; Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2017; и др.

демографического развития, определены важнейшие тенденции воспроизводства тылового населения (смертность, рождаемость, брачность), установлены изменения половозрастной структуры населения, вскрыты основные тенденции миграционного движения населения²⁰.

Важной проблемой третьего периода исследований демографических аспектов военных лет стало изучение потерь советского населения в годы войны. Эту проблему, в сущности, нельзя рассматривать только как демографическую – это скорее военно-политический вопрос, имеющий косвенное отношение к историко-демографической тематике. Учитывая это, мы в своей статье не затрагиваем проблему потерь. Тем более что по этому вопросу в 2012 г. опубликована обстоятельная монография С.А. Кропачева и Е.Ф. Кринко, к которой мы и отсылаем читателя²¹.

Источники, характерные для начальных этапов исследования демографической истории Великой Отечественной войны.

Переписи населения. В 1980-е гг. изучение новой историко-демографической науки проблематики потребовало значительного расширения источниковой базы и привлечения ранее не использовавшихся источников. Историки, проявившие интерес к проблемам демографической истории, прежде всего обратились, как и следовало ожидать, к статистическим источникам. В состав источников по демографической истории Великой Отечественной войны прежде всего вошли Всесоюзные переписи населения 1939 и 1959 гг.

Материалы переписи 1939 г. до середины 1980-х гг. практически не вводились в научный оборот. Ее материалы публиковались отрывочно и в крайне сжатом виде. Основная часть материалов переписи для исследователей была недоступна. И только в середине 1980-х гг. перепись 1939 г. была открыта для исследователей демографической истории СССР. В 1992 г. материалы переписи были обнародованы²². Перепись сразу же привлекла внимание ученых в качестве источника информации не только о численности, но, что особенно важно, о составе как городского, так и сельского населения. Но как только историки получили свободный доступ к материалам переписи 1939 г., возник вопрос о степени достоверности ее материалов, что вызвало бурную дискуссию на предмет ее фальсификации. Позитивным результатом дискуссии явился доскональный анализ переписи 1939 г. как источника по демографической истории СССР накануне Второй мировой войны и вывод о возможности использования переписи 1939 г. как источника по демографической истории СССР²³.

Перепись 1939 г. содержит информацию о населении СССР по состоянию на начало Второй мировой войны. С переписью 1959 г. ситуация обстоит несколько сложнее. В большинстве стран, участниц Второй мировой войны, переписи были проведены почти сразу после ее окончания. Только в СССР послевоенная перепись населения была проведена через 14 лет после окончания войны – в январе 1959 г. Это понизило информативность переписи. Однако ее результатами в принципе можно пользоваться. Так, материалы переписи 1959 г. с использованием метода передвижки возрастов назад (от 1959 к 1945 г.) были положены в основу исследования В.С. Гельфанда о численности, структуре, воспроизводстве и потерях населения СССР в годы Второй мировой войны²⁴. Исследование о демографических последствиях Второй мировой войны в России на основе переписей населения 1939 г. (на входе) и 1959 г. (на выходе) провел А.Г. Вишневский²⁵. В настоящее время нет, пожалуй, ни одного

²⁰ Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2: 1940–1959; *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012; *Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Население России в 1939–1945 гг. // *Российская история.* 2019. № 3. С. 3–17; *Исупов В.А.* Демографическая политика сталинского государства в условиях «сжатия» гражданского общества // *Парадигмы и модели демографического развития. XII Уральский демографический форум: междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст.* Т. 1. Екатеринбург, 2021. С. 71–78; и др.

²¹ *Кропачев С.А., Кринко Е.Ф.* Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012.

²² Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. М., 1992.

²³ Более подробно о состоявшейся дискуссии см.: *Население России в XX веке...* Т. 1. М., 2000.

²⁴ *Гельфанд В.С.* Население СССР за 50 лет (1941–1990): стат. справочник. Пермь, 1992.

исследователя демографической истории войны, который прошел бы мимо этих важных исторических источников.

Заговская статистика. Не менее важным источником информации о воспроизводстве населения России в военные годы являются материалы так называемой заговской статистики. Без этого вида источников глубокое научное исследование демографической проблематики военных лет вообще невозможно. Соответственно этот вид источников освоен настолько обстоятельно, что необходимости в его детальном анализе в настоящей статье нет. Отметим только, что в центральных архивах (РГАЭ, ГАРФ) имеются фонды ЦСУ СССР, ЦСУ РСФСР, а в региональных – фонды местных статистических управлений (краевых и областных), а также фонды статистических управлений автономных республик. Получившие в ходе перестройки доступ к фондам статистических учреждений исследователи в первую очередь обратили внимание на богатейшие коллекции документов, содержащих сведения о численности населения (по стране в целом, по отдельным краям, областям, автономным республикам). Большое количество документов заговского происхождения содержит цифровые данные о рождаемости, смертности, брачности, разводимости.

Но так называемые «статистические» источники представляют собой не только колонки цифр, оформленные в таблицы, но и материалы нарративного характера. В фондах статистических органов хранится большое количество так называемых аналитических записок, которые представляют собой доклады для принимающих решения руководителей партийного и советского аппарата. Записки содержат не только статистическую информацию, но и выводы статистиков об основных тенденциях демографической динамики. Самые важные материалы, оформленные в виде докладных записок, направлялись непосредственно на имя крупных руководителей – В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу, Г.М. Маленкову, Н.А. Вознесенскому и др. Решения о воинских и трудовых мобилизациях, о распределении продовольственных и промтоварных фондов по регионам и многие другие в значительной степени принимались с учетом материалов органов статистики.

Возникает вопрос – откуда статистики черпали первичную информацию, без которой создание нарративных документов было невозможно? В СССР основным первичным источником сведений о населении была так называемая «заговская» регистрация демографических событий. Вся страна была охвачена сетью так называемых загсов, создание которых началось в 1918 г. В сельской местности функции загсов выполняли сельсоветы, а в рабочих поселках – поселковые советы. Каждый гражданин обязан был явиться в загс и зарегистрировать там рождение ребенка, смерть родственника, брак или развод.

Заявительный принцип, который лежал в основе деятельности загсов, был самым слабым местом получения первичных статистических данных. Далеко не все граждане аккуратно исполняли требования закона. Они не придавали значения гражданской регистрации, а в некоторых случаях намеренно уклонялись от явки в загсы. Это приводило к погрешностям учета. Тем не менее усилия властей, предпринимаемые с целью улучшения учета, позитивно отражались на точности регистрации родившихся и умерших, браков и разводов. Добиться абсолютной точности учета не удалось. Так, в марте 1940 г. начальник ЦУНХУ Госплана СССР И.В. Саутин докладывал Председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому: «Вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в Загсах <...>, цифры не являются вполне точными»²⁵. В годы Великой Отечественной войны погрешность учета демографических событий увеличилась за счет того, что на оккупированных территориях работа загсов прекращалась. Эти территории с позиций демографического учета представляют собой огромное «белое пятно». Отметим, что при изгнании оккупантов сеть загсов немедленно восстанавливалась.

Гражданская регистрация демографических событий содержала следующую информацию (с разбивкой на город и сельскую местность): число родившихся и их гендерное соот-

²⁵ Вишневецкий А.Г. Демографический след войны [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2016. № 689–690. С. 1–20. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0689/demoscope689.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

²⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 20.

ношение, возраст матерей, число заключаемых браков и разводов, возраст мужчин и женщин, заключавших брак или оформляющих развод, число смертных случаев, пол и возраст умерших, причины смерти (только в городах). Это дает возможность достаточно детально анализировать так называемое «естественное движение населения». Мы высоко оцениваем собственно гражданскую загсовскую регистрацию демографических событий в тыловых регионах РСФСР (России).

Вместе с тем историк сталкивается с некоторыми трудностями при работе с материалами так называемых неординарных социальных групп, которые оказались за пределами загсового учета. В частности, особым образом фиксировался такой специфический компонент естественного движения населения, как смертность пенитенциарных групп. Показатели смертности этой группы населения оказывали существенное воздействие на параметры смертности по СССР в целом. Игнорирование смертных случаев в лагерях, колониях и тюрьмах приводило к искажению статистических сведений. В этой связи в 1939 г., в соответствии с приказом НКВД СССР № 00674, была предпринята попытка организовать учет смертности заключенных с использованием общегражданской (загсовской) системы регистрации демографических событий. Начальникам лагерей, колоний и тюрем вменялось в обязанность в трехдневный срок направлять в загсы по месту проживания узников (до момента ареста) извещения о каждом случае смерти²⁷. Но приказ этот выполнялся крайне неохотно. НКВД строго хранил свои мрачные тайны и не стремился делиться сведениями об умерших заключенных. Материалы о смерти заключенных намеренно искажались. Они отличались неполнотой и направлялись в загсы с большим опозданием. Так, в 1942 г. в лагерях СССР умерло почти 20 тыс. заключенных, бывших жителей Ленинграда. Но в загсы осажденного города отрывные талоны на них пришли только в конце 1943 г. Эти сведения так и не были учтены при расчетах динамики смертности ленинградцев²⁸. В лагерях Карело-Финской ССР в 1941–1943 гг. и первом квартале 1944 г. была зафиксирована смерть 100 заключенных. Но зарегистрированы они были как умершие только в марте 1944 г.²⁹ Те немногие сведения, поступавшие в загсы из лагерей и колоний, перемешивались с материалами о смертности гражданского населения. Это делалось для того, чтобы было невозможно вычлнить сведения о смертности пенитенциарного населения из общего массива статистических материалов.

Не находили отражения в отчетности гражданских статистических органов и смерти военнослужащих. Они не регистрировались загсами, сельскими и поселковыми советами. Начальник ЦСУ Госплана СССР В.Н. Старовский 15 апреля 1942 г. писал заместителю начальника Главного управления формирования и укомплектования НКО СССР генерал-майору Белякову и начальнику главного управления милиции НКВД СССР Галкину: «В настоящее время военнослужащие, погибшие в боях и умершие от ран, учитываются в органах Наркомата Оборонны, смерть их в отделах ЗАГС не регистрируется. Военнослужащие, умершие от болезней, также учитываются в органах Наркомата Оборонны»³⁰. Это делалось, с одной стороны, с целью избежать двойного счета, а с другой – предотвратить распространение информации о потерях Красной армии.

Похозяйственный учет сельских советов. Основным источником сведений о составе сельского населения в военные годы является похозяйственный учет, который проводился сельсоветами. Система похозяйственного учета, сложившаяся в нашей стране, состояла из двух видов первичного учета – похозяйственных книг и списка лиц, временно проживающих на территории, подведомственной сельсовету. Похозяйственные книги содержали сведения о каждом отдельном хозяйстве и, соответственно, о каждом члене хозяйства (семьи). В списки временно проживающих вносились все прибывшие на срок более месяца.

²⁷ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 26.

²⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1471. Л. 22.

²⁹ Там же. Д. 406. Л. 20.

³⁰ Там же. Д. 791. Л. 66.

Похозяйственные книги и списки временно проживающих служили основой для составления на начало каждого года единовременного отчета с распределением всего наличного населения по полу, возрасту и ряду других признаков. В ноябре 1942 г. ЦСУ Госплана СССР утвердил специальную отчетную форму: «Единовременный отчет о возрастном и половом составе сельского населения». Ежегодно, начиная с 1943 г., отчеты направлялись районным инспекторам ЦСУ, которые проводили их статистическую обработку и передавали полученные сведения в высшие инстанции. Необходимость получения таких статистических данных диктовалась тем, что материалы переписи 1939 г. в связи с кардинальными сдвигами в численности и структуре населения с началом войны устарели и не могли служить надежной базой для анализа. Власти требовали «свежую» статистическую информацию. Между тем единовременные отчеты сельсоветов преследовали главным образом фискальные и мобилизационные цели. Их активно использовали налоговые учреждения, органы по учету и распределению рабочей силы, а также военные комиссариаты. По этой причине отчеты сельсоветов о численности и структуре сельского населения проверялись особенно тщательно, а потому были достаточно надежны. Сегодня они дают возможность не только определить численность и состав сельского населения по полу и возрасту в годы Великой Отечественной войны, но и дифференцировать женский перевес по различным диапазонам возрастов. Это чрезвычайно важно для исторической демографии, так как аномалии в соотношении полов были особенно значительны в наиболее активных возрастах от 18 до 49 лет.

Статистика механического движения населения. Статистика механического движения населения (миграции) обладает своими особенностями. Собственно регистрация прибывших-выбывших в городах (главным образом в крупных) на основе прописки-выписки была развернута в СССР еще в 1920-е гг. Но система, основанная на «заявительном» принципе (как и в случае регистрации рождений и смертей), согласно которому граждане должны были явиться в так называемые «адресные столы» для оформления прописки или выписки, действовала недостаточно четко. Большинство миграций в городах не фиксировалось, а переселения в сельской местности и перемещения людского контингента в небольших городских поселениях не учитывались вовсе. Относительно систематизированный облик регистрация прибывших-выбывших приняла в конце 1932 г., когда советское государство, стремившееся к тотальному контролю над гражданами страны, приняло решение о паспортизации населения³¹. Право получить паспорт (как акт особого политического доверия) было предоставлено главным образом жителям городов. Колхозники, а тем более единоличники, паспорта не получали. Соответственно миллионные массы населения оказались за бортом паспортного учета.

С заявительным принципом при оформлении прописки-выписки было покончено. Граждане, имевшие паспорта, при смене места жительства были обязаны под угрозой сурового наказания оформить при отъезде выписку, а при прибытии прописку. В 1940 г. с целью полного охвата городского населения паспортным учетом и усиления ответственности за нарушение паспортного режима 10 октября 1940 г. СНК СССР утвердил «Положение о паспортах»³². Согласно «Положению» граждане при оформлении прописки-выписки заполняли отрывные адресные листки, которые передавались для обработки в статистические органы³³. Таким образом, вырабатывались сведения о численности мигрантов, их половозрастном составе, об основных направлениях территориальных перемещений людей.

Расчеты численности населения. Важная задача исследования демографических аспектов войны – определение динамики численности населения страны. Расчеты численности населения, которые проводились советскими статистиками, охватывали только гражданское население, без армии, госпиталей и спецконтингента. Во всех документах ЦСУ СССР и региональных статистических управлений, в которых содержались сведения о численности населения, ставился особый гриф: «Без армии, госпиталей и спецконтин-

³¹ Собрание законов и распоряжение Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (далее СЗ СССР). № 84. 1932, отд. 1, ст. 516.

³² Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза ССР. 1940, № 24, ст. 591.

³³ Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. 2-е изд. М., 1945. С. 231.

гентов». Соответственно, советская демографическая статистика не учитывала миллионы людей, которые, по сути, игнорировались общегражданскими организациями. Сегодня нам известно, что за четыре года войны в Вооруженные Силы СССР было мобилизовано 29,6 млн чел., а всего с кадровым составом, находившимся к 22 июня 1941 г. на действительной военной службе в Красной армии и Военно-морском флоте, – 34,5 млн чел.³⁴ Максимальной одномоментной численности Красная армия достигла 1 января 1945 г., когда в строю насчитывалось 11,1 млн солдат, сержантов и офицеров³⁵. Число военнослужащих, госпитализированных в течение войны, составляло свыше 22,3 млн чел.³⁶ При этом на 1 января 1942 г. на излечении в госпиталях находилось 606,8 тыс. чел., на 1 января 1943 г. – 949 тыс., на 1 января 1944 г. – 1 255,3 тыс., на 1 января 1945 г. – 915,3 тыс. чел.³⁷

Численность заключенных в годы войны колебалась от 1,9 млн чел. в 1941 г. до 1,5 млн чел. в 1945 г.³⁸ Кроме того, в Советском Союзе на 1 октября 1941 г. насчитывалось 936,5 тыс. трудпоселенцев («кулацкая ссылка»)³⁹. К 1 января 1945 г. количество спецпереселенцев и ссыльнопоселенцев превысило 2 217,7 тыс. чел.⁴⁰ По вопросу запутанности учета спецпереселенцев мы имеем авторитетное свидетельство заместителя уполномоченного Госплана СССР по Коми АССР П. Иванова. Отмечая неразбериху в учете спецпереселенцев, он отмечал, что спецпереселенцы не проходят процедуры прописки-выписки в паспортных столах, а следовательно, об их прибытии и выбытии гражданские статистические органы сведений не имеют. В сельской местности, указывал П. Иванов, часть спецпереселенцев попадает в списки сельсоветского учета, другая часть не учитывается⁴¹.

Таким образом, миллионы граждан оказались за рамками статистического учета при расчетах численности населения местными областными и краевыми статистическими органами. Согласно методике ЦСУ СССР, военнослужащие и спецконтингент обозначались как «нераспределенные по территориям». Они включались в численность населения Советского Союза в целом, но не учитывались при расчетах количества населения союзных и автономных республик, краев и областей. В итоге складывалась противоречивая учетная ситуация. На 1 января 1942 г. численность населения регионов СССР, не подвергшихся оккупации, была определена в 150,2 млн чел. В это число включалось население, нераспределенное по территориям, а именно военнослужащие в армии и госпиталях, заключенные и спецпереселенцы. Их количество достигало 24,5 млн чел., что составляло 16 % от общей численности населения СССР⁴². Следовательно, когда ЦСУ СССР указывало, что в РСФСР на эту дату проживало 96,1 млн чел.⁴³, необходимо иметь в виду, что на самом деле реальная численность населения России было значительно больше, так как нераспределенные по территории в данном случае не учитывались. Но выявить количество нераспределенных по территориям в региональном аспекте – в отдельных союзных и автономных республиках, краях и областях не представляется возможным.

Отметим, однако, что численность нераспределенных по территориям к концу войны сократилась. На 1 января 1945 г. население СССР по оценкам ЦСУ СССР составляло 179,6 млн чел., в том числе число нераспределенных по территориям было определено в 16 млн чел., или 9,4% от населения страны⁴⁴. В принципе сегодня историки имеют довольно значительный корпус источников, который делает возможным научный анализ основных тенденций динамики демографической сферы России в годы Великой Отечественной войны.

³⁴ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009. С. 36.

³⁵ Там же. С. 39.

³⁶ Там же. С. 55.

³⁷ Там же. С. 39.

³⁸ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 11.

³⁹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 99.

⁴⁰ Там же. С. 119.

⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 417. Л. 89.

⁴² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 68.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 119.

Новые задачи – новые источники. Современный период являет собой логичное продолжение третьего этапа изучения демографической истории России в годы Второй мировой войны. Сегодня мы находимся в начале нового, четвертого этапа изучения демографической истории Великой Отечественной войны. Это пока гипотеза. Подтвердится эта гипотеза или нет – станет ясно в ближайшее время. Но в любом случае перед историками во всей своей сложности встанут новые задачи и вместе с тем остаются давние нерешенные задачи.

Во-первых, важно продолжать изучение той демографической катастрофы, в которую была ввергнута наша страна в период Великой Отечественной войны. Следовательно, остается научно актуальным установление объема потерь населения: боевых потерь вооруженных формирований Советского Союза (Красной армии, ополченских формирований, потерь военнопленных, партизан и подпольщиков, потерь среди коллаборантов), потерь гражданского населения вследствие деятельности нацистских оккупационных властей и потерь тылового населения вследствие сокращения рождаемости и повышения смертности. Собственно потери вооруженных формирований и потери населения вследствие репрессивной деятельности оккупантов – это не столько демографическая, но скорее военно-политическая проблема. Но эта проблема не исследована полностью, а кроме того, она вносит огромный вклад в масштабы той демографической катастрофы, которая обрушилась на нашу страну в годы войны, и ее исследование должно быть продолжено.

Во-вторых, важно продолжать исследование региональных аспектов демографической динамики как тыловых районов, так и территорий, подвергшихся оккупации. Россия территориально настолько обширная страна, что без анализа регионального среза формирование цельной картины демографической истории невозможно. Между тем демографическая история многих регионов и отдельных городов еще не изучена. Вместе с тем во всей своей полноте встает задача исследования динамики демографической подсистемы России в военные годы. Пазл, состоящий пока (подобно мозаике) из региональных исследований, должен сложиться в цельную картину.

В-третьих, должны быть продолжены исследования уже сформулированных ранее проблем. Во всяком случае определение количественных параметров демографического развития в военные годы, как и прежде, остается важной задачей. В этом контексте необходимо продолжать изучение динамики численности и состава народонаселения (в том числе и внесение поправок и уточнений). Не менее важной задачей, как и прежде, остается выявление основных характеристик воспроизводства населения в его количественном выражении. Также важен анализ миграционного движения населения. Без исследования этих проблем невозможно определение масштабов демографической катастрофы военного времени.

Но вместе с тем на современном этапе развития науки встанут и новые, более сложные задачи. Они генерируются разными факторами, но прежде всего спецификой современной демографической ситуации, которая характеризуется острыми кризисными явлениями. Очевидно, что решить задачи по разрешению кризиса и поиском решений, направленных на борьбу с депопуляцией, можно только с учетом ретроспективы. Нет сомнений, что корни нынешней крайне напряженной демографической обстановки уходят в прошлое. Это не декларация историков, но свидетельство самих демографов. «Ни настоящее, ни будущее не может быть понято без знания прошлого», – указывается в предисловии к одной из лучших отечественных книг по демографии⁴⁵. Демографы не только осознают значение исторического фактора, но чаще, чем представители других наук, обращаются к истории. Доказательством тому являются работы выдающихся отечественных демографов А.Г. Вишневецкого, А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского, А.Я. Кваши, Л.Е. Рыбаковского, Б.Ц. Урланиса и др.

Если рассматривать эволюцию населения в широком историческом контексте, нельзя не учитывать воздействие внешних (по отношению к демографической подсистеме) недемографических факторов политического, социокультурного и экономического характера. А это задача историков, которые могут и должны сыграть роль, только им предназначенную.

⁴⁵ Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.

Иными словами, историки призваны навести мосты между двумя берегами – собственно демографическими процессами – с одной стороны, и воздействующими на них факторами исторического характера – с другой.

Что же должны сделать историки? Чтобы достигнуть цели, они должны решить несколько сложных и весьма специфических историко-демографических задач.

1. Определить основные направления демографической динамики России в военные годы в их числовом выражении. Эта задача, несмотря на многочисленные попытки ее разрешения на прошлых этапах развития науки, по-прежнему остается актуальной.

2. Ответить на вопрос – имел ли место демографический переход как ядро демографической модернизации в тыловых районах России в годы Второй мировой войны? Ответ на этот вопрос приобретает особую актуальность в связи с установлением факта резкого падения рождаемости в регионах глубокого тыла России. В этом контексте чрезвычайно важно определить роль различных факторов в процессе снижения рождаемости. В частности необходимо понять, сокращалась ли рождаемость только вследствие деформации половозрастной структуры населения военных лет (дефицит мужчин – мужей и женихов) или определенный вклад в этот процесс внесли кардинальные изменения репродуктивного поведения тылового населения.

3. Установить, имел ли место в военные годы в районах глубокого тыла эпидемиологический переход. Ответ на этот вопрос также весьма актуален в свете установленного факта сокращения смертности в тыловых районах, изменения структуры причин смертности и трансформации возрастных характеристик смертности. Это должно быть соотнесено с военными потерями населения России.

4. Выявить изменения половозрастного состава сельского и городского населения и вскрыть воздействие этого фактора на послевоенное демографическое развитие.

5. Определить военно-политические, экономические и социокультурные последствия миграций военного времени и их воздействие на размещение населения.

Новые задачи дополнительно к уже выявленным требуют наряду с уже выявленными источниками введения в научный оборот новых источников.

Новые задачи – новые источники.

Стандартные справки. Для периода Великой Отечественной войны источники (единовременная отчетность, которая велась сельскими советами) позволяют с достаточной степенью достоверности определить численность сельского населения и половозрастные деформации, сложившиеся в сельской местности. Но не менее важно вскрыть изменения численности и состава городского населения. Достижению этой цели служит недавно обнаруженный новый источник – расчеты, которые вели статистики с 1943 г. на основе так называемых стандартных справок. Начало Великой Отечественной войны характеризуется сложными и в сущности хаотичными социально-экономическими процессами. Беспорядок, злоупотребления и мошенничество имели место и при организации снабжения населения продовольственными карточками. В этой связи в ноябре 1942 г. увидел свет приказ НКГ СССР «Об упорядочении карточной системы на хлеб»⁴⁶. Отныне каждый гражданин, оформляя продовольственные карточки, обязан был получить индивидуальную стандартную справку, в которой фиксировались ФИО, пол, возраст, адрес проживания и другие данные. Таким образом, индивидуальные стандартные справки, как указывалось в аналитической записке ЦСУ СССР от 2 января 1943 г., «дают почти исчерпывающую возможность полного учета городского населения»⁴⁷. Стандартные справки распространялись на широкий круг городского населения: рабочих, служащих, студентов, иждивенцев, надомников, состоящих в штатах предприятий, пенсионеров, инвалидов, кустарей, членов семей военнослужащих. Заинтересованность граждан в получении стандартной справки способствовала заметному повышению точности статистического учета. Отметим, что при расчетах численности городского населения учитывались группы, которые не получали карточек, но состояли

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 339. Л. 6.

⁴⁷ Там же. Л. 6 об.

на государственном обеспечении: дети в детских домах, лица, находившиеся в домах инвалидов, в больницах и т.д. Сведения о них статистики получали непосредственно от руководителей учреждений. Лица, не получившие стандартную справку, лишались карточек.

Начиная с января 1943 г. статистики проводили регулярную сверку численности городского населения с данными карточных бюро. Для этого Наркомат торговли СССР направлял сведения о количестве выданных продуктовых карточек в органы статистики. Это позволяло уточнить данные о численности и составе городского населения.

Списки избирателей. Еще одним важным источником, содержащим сведения о численности и составе населения, являются списки избирателей, составившиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946 г.) а также Верховных Советов РСФСР и автономных республик (1947 г.). В эти списки вносились граждане страны в возрасте 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом. СНК СССР своим распоряжением от 31 декабря 1945 г. разрешил статистикам использовать эти списки для расчетов с целью определения численности и половозрастного состава населения⁴⁸.

Однако в списки избирателей вносились не все группы населения. В частности, в списки не включались лишённые избирательных прав заключённые и спецпереселенцы. Исходя из соображений секретности, СНК СССР запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. Тем не менее сопоставление численности и структуры населения по окончании войны с аналогичными данными до начала войны имеет неосценимое значение при определении потерь населения в военные годы.

Что касается численности и состава детского и подросткового населения (до 18 лет), не вошедшего в списки избирателей, то этот пробел компенсируется использованием такого источника, как подсчет детей и подростков, организованный в декабре 1947 – январе 1948 гг. в городских поселениях страны. Он был проведен, чтобы дополнить списки избирателей и получить недостающую информацию о населении. Организатором подсчета явилось ЦСУ СССР. Подсчет условно можно оценить как своеобразную микроперепись населения моложе 18 лет.

Сведения о количестве и составе детей и подростков по домам индивидуального жилищного фонда были получены в ходе подворного обхода. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобщественного жилищного фонда отчеты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о численности и составе детей и подростков в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсчета проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Проверка охватила примерно 10–14 % детей и подростков и показала, что погрешность составила в принципе незначительную величину – всего 2 %⁴⁹.

Документы органов здравоохранения. Анализ эпидемиологического перехода, который, по нашему мнению, развернулся в тыловых районах России в военные годы, невозможен без привлечения документов Наркомздрава СССР и Наркомздрава РСФСР. Эти документы содержат информацию о заболеваемости населения, причинах смертности и больничной летальности, возрастном и половом составе умерших, о борьбе с эпидемиями.

И если сегодня изучение демографической истории Великой Отечественной войны вступило в новую стадию, то важно отметить, что анализ этих вопросов достаточно хорошо обеспечен источниками.

Литература

Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1985. № 3, вып. 1. С. 3–8.

⁴⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409. Л. 7.

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 691. Л. 2.

Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.

Ашкинази И.Г. Изучение медико-санитарных последствий войны и мероприятий по их ликвидации // Гигиена и санитария. Журнал Наркомздрава СССР. 1947. № 4. С. 49–53.

Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003. 33 с.

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев и др. М., 2009. 384 с.

Вишневский А.Г. Демография сталинской эпохи [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2003. № 103–104. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/tema01.php> (дата обращения: 28.01.2025).

Вишневский А.Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 3–42. URL: <https://demoreview.hse.ru/article/view/1752?ysclid=m9i42ynl4m447125188> (дата обращения: 28.01.2025).

Вишневский А.Г. Демографический след войны [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2016. № 689–690. С. 1–20. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0689/demoscope689.pdf> (дата обращения: 28.01.2025).

Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков и др.; авт. коммент. Н.А. Араловец и др. М.: Наука, 1992. 256 с.

Гельфанд В.С. Население СССР за 50 лет (1941–1990): стат. справочник. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. 284 с.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / ред. А.Г. Вишневский. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

Ершов Г.Ф. Демографические последствия войны в Молотовской области // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. 2. М.: Изд-во АМН СССР, 1948. С. 12–16.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 318 с.

Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17.

Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 304 с.

Ильина И.П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 50–61.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

Исупов В.А. Демографическая политика сталинского государства в условиях «сжатия» гражданского общества // Парадигмы и модели демографического развития. XII Уральский демографический форум. Междунар. науч.-практ. конф. Сб. ст. Т. 1. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2021. С. 71–78.

Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1990. 223 с.

Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.

Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 350 с.

Кышпанаков В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг.: Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1995. 348 с.

Народное хозяйство СССР: стат. сб. М.: Гос. статистическое изд-во, 1956. 263 с.

Население России в XX веке: Исторические очерки. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959. 416 с.

Население России в XX веке. Т. 1 / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 463 с.

Новосельский С.А. Влияние войны и блокады на изменения возрастно-полового состава населения, на брачность и частоту разводов в Ленинграде // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. 2. М.: Изд-во АМН СССР, 1948. С. 5–11.

Обновленский П.Ф. Влияние войны на численный состав и движение населения в Калининской области // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. 2. М.: Изд-во АМН СССР, 1948. С. 17–24.

Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР / И.Ю. Писарев и др. 2-е изд. М.: Госпланиздат, 1945. 268 с.

Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2017. 350 с.

Сакаев В.Т., Телишев В.Ф. Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты. Казань: Казан. ун-т, 2015. 229 с.

Семашко Н.А. Состояние мероприятий по ликвидации медико-санитарных последствий войны // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды второй конференции (17–19 декабря 1946 г.). Т. 1. М.: Изд-во АМН СССР, 1948. С. 3–12.

Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск, 2000. 148 с.

Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование: сб. ст. М.: Статистика, 1979. С. 50–60.

Уваров С.Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск: ФГБОУ Ижевская ГСХА, 2014. 170 с.

Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 136 с.

Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 8–27.

Фердинин Я.М. Демографические сдвиги в Ростовской области за годы войны // Санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Труды первой конференции (22–24 апреля 1946 г.). М.: Медгиз, 1947. С. 35–43.

Чернышева Н.В. Население Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во ВятГТУ, 2012. 217 с.

Яцунский В.К. Изменения в размещении населения европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 192–224.

Reference

Alekseev, V.V., Isupov, V.A. (1985). *Naselenie Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gody)* [The Population of Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii*. No. 3, Iss. 1, pp. 3–8.

Alekseev, V.V., Isupov, V.A. (1986). *Naselenie Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Nauka. 232 p.

Ashkinazi, I.G. (1947). *Izuchenie mediko-sanitarnykh posledstviy voyny i meropriyatii po ikh likvidatsii* [Study of the Health Consequences of War and Measures to Eliminate Them]. In *Gigiena i sanitariya. Zhurnal Narkomzdrava SSSR*. No. 4, pp. 49–53.

Beznosova, N.P. (2003). *Demograficheskaya situatsiya v Komi ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gody)* [The Demographic Situation in the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Syktyvkar. 33 p.

Chernysheva, N.V. (2012). *Naselenie Kirovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Population of the Kirov Region during the Great Patriotic War]. Kirov, Izdatel'stvo VyatGTU. 217 p.

Ershov, G.F. (1948). Demograficheskie posledstviya voyny v Molotovskoy oblasti [Demographic Consequences of the War in the Molotov Region]. In *Mediko-sanitarnye posledstviya voyny i meropriyatiya po ikh likvidatsii. Trudy vtoroy konferentsii (17–19 dekabrya 1946 goda)*. Vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo AMN SSSR, pp. 12–16.

Ferdinin, Ya.M. (1947). Demograficheskie sdvigi v Rostovskoy oblasti za gody voyny [Demographic Shifts in the Rostov Region during the War Years]. In *Sanitarnye posledstviya voyny i meropriyatiya po ikh likvidatsii. Trudy pervoy konferentsii. 22–24 aprelya 1946 goda*. Moscow, Medgiz, pp. 35–43.

Gelfand, V.S. (1992). *Naselenie SSSR za 50 let (1941–1990): statisticheskiy spravochnik* [USSR Population for 50 Years (1941–1990): Statistical Handbook]. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 284 p.

Iliina, I.P. (1977). Vliyanie voyn na brachnost' sovetskikh zhenshhin [The Impact of Wars on the Marriage of Soviet Women]. In *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' naseleniya v Rossii i v SSSR*. Moscow, Statistika, pp. 50–61.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Disasters and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical and Demographic Essays]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 244 p.

Isupov, V.A. (2021). Demograficheskaya politika stalinskogo gosudarstva v usloviyah "szhatiya" grazhdanskogo obshchestva [The Demographic Policy of the Stalinist State in the Conditions of "Compression" of Civil Society]. In *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya. XII Ural'skiy demograficheskiy forum. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Sbornik statey*. Vol. 1. Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN, pp. 71–78.

Kornilov, G.E. (1990). *Ural'skaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gody)* [Ural Village during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 223 p.

Kornilov, G.E. (1993). *Ural'skoe selo i voyna. Problemy demograficheskogo razvitiya* [Ural Village and War. Problems of Demographic Development]. Yekaterinburg, Uralagropress. 174 p.

Krivosheev, G.F. et al. (2009). *Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter'. Noveyshee spravochnoe izdanie* [The Great Patriotic War Without a Stamp of Secrecy. Loss Book. Newest Reference Edition]. Moscow, Veche. 384 p.

Kropachev, S.A., Krinko, E.F. (2012). *Poteri naseleniya SSSR v 1937–1945 godakh: masshtaby i formy. Otechestvennaya istoriografiya* [Losses of the Population of the USSR in 1937–1945: Scales and Forms. Domestic Historiography]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 350 p.

Kyshpanakov, V.A. (1995). *Naselenie Khakasii: 1917–1990-e gody* [Population of Khakassia: 1917–1990s]. Abakan, Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.F. Katanova. 348 p.

(1956). *Narodnoe khozyaystvo SSSR. Statisticheskiy sbornik* [National Economy of the USSR. Statistical Compilation]. Moscow, Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo. 263 p.

(2001). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. Tom 2: 1940–1959* [The Population of Russia in the 20th Century. Vol. 2: 1940–1959]. Moscow, ROSSPEN. 416 p.

Novoselskiy, S.A. (1948). Vliyanie voyny i blokady na izmeneniya vozrastno-polovogo sostava naseleniya, na brachnost' i chastotu razvodov v Leningrade [The Influence of War and the Blockade on Changes in the Age and Sex Composition of the Population, on Marriage and the Frequency of Divorce in Leningrad]. In *Mediko-sanitarnye posledstviya voyny i meropriyatiya po ikh likvidatsii. Trudy vtoroy konferentsii (17–19 dekabrya 1946 goda)*. Vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo AMN SSSR, pp. 5–11.

Obnovlenskiy, P.F. (1948). Vliyanie voyny na chislennyi sostav i dvizhenie naseleniya v Kalininskoy oblasti [The Impact of the War on the Strength and Movement of the Population in the Kalinin Region]. In *Mediko-sanitarnye posledstviya voyny i meropriyatiya po ikh likvidatsii. Trudy vtoroy konferentsii (17–19 dekabrya 1946 goda)*. Vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo AMN SSSR, pp. 17–24.

Pisarev, I.Yu. et al. (1945). *Posobie po statistike dlya rayonnykh i uchastkovykh inspektorov CzSU Gosplana SSSR. 2-e izdanie* [Manual on Statistics for District and District Inspectors of the Central Directorate of the USSR State Planning Commission. 2nd Edition]. Moscow, Gosplanizdat. 268 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke. Tom 1* [The Population of Russia in the 20th Century. Vol. 1]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 463 p.

Polyakov, Yu.A. et al. (Comp.), Aralovets, N.A. (Comm.). (1992). *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: osnovnye itogi* [All-Union Census of 1939: The Main Results]. Moscow, Nauka. 256 p.

Rakachev, V.N. (2017). *Naselenie Kubani i Stavropol'ya v 1930–1950-e gody: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Population of the Kuban and Stavropol in – 1930s and 1950s: Historical and Demographic Research]. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. 350 p.

Sakaev, V.T., Telishev, V.F. (2015). *Gorodskoe naselenie Tatarstana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: istoriko-demograficheskie i politiko-demograficheskie aspekty* [Urban Population of Tatarstan during the Great Patriotic War: Historical-Demographic and Political-Demographic Aspects]. Kazan, Kazanskiy universitet. 229 p.

Semashko, N.A. (1948). Sostoyanie meropriyatiy po likvidatsii mediko-sanitarnykh posledstviy voyny [Social Measures to Eliminate the Health Consequences of War]. In *Mediko-sanitarnye posledstviya voyny i meropriyatiya po ikh likvidatsii. Trudy vtoroy konferentsii (17–19 dekabrya 1946 goda)*. Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo AMN SSSR, pp. 3–12.

Sifman, R.I. (1979). K voprosu o prichinakh snizheniya detskoj smertnosti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [To the Question of the Reasons for Reducing Child Mortality during the Great Patriotic War]. In *Prodolzhitel'nost' zhizni: analiz i modelirovanie. Sbornik statey*. Moscow, Statistika, pp. 50–60.

Sivtseva, S.I. (2000). *Yakutiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sotsial'no-demograficheskiy aspekt (1941–1945 gody)* [Yakutia during the Great Patriotic War: Socio-Demographic Aspect (1941–1945)]. Yakutsk. 148 p.

Urlanis, B.Cz. (1963). *Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR* [Birth Rate and Life Expectancy in the USSR]. Moscow, Gosstatizdat. 136 p.

Urlanis, B.Cz. (1977). Dinamika urovnya rozhdaemosti v SSSR za gody Sovetskoj vlasti [Dynamics of the Birth Rate in the USSR during the Years of Soviet Power]. In *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' naseleniya v Rossii i v SSSR*. Moscow, Statistika, pp. 8–27.

Uvarov, S.N. (2014). *Sel'skoe naselenie Udmurtii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: demograficheskiy aspekt* [Rural Population of Udmurtia during the Great Patriotic War: Demographic Aspect]. Izhevsk. 170 p.

Vishnevskiy, A.G. (2003). Demografiya stalinskoy epokhi [Demography of the Stalinist Era]. In *Demoskop Weekly*. № 103–104. Available at: URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/tema01.php> (date of access 28.01.2025).

Vishnevskiy, A.G. (2016). Demograficheskie posledstviya Velikoy Otechestvennoy voyny [Demographic Consequences of the Great Patriotic War]. In *Demograficheskoe obozrenie*. Vol. 3, No. 2, pp. 3–42. Available at: URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1752?yslid=m9i42ynl4m447125188> (date of access 28.01.2025).

Vishnevskiy, A.G. (2016). Demograficheskiy sled voyny [Demographic Footprint of War]. In *Demoskop*. No. 689–690. Available at: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0689/demoscope689.pdf> (date of access 28.01.2025).

Vishnevskiy, A.G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 608 p.

Yaczunskiy, V.K. (1957). *Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya evropeyskoy Rossii v 1724–1916 godakh* [Changes in the Placement of the Population of European Russia in 1724–1916]. In *Istoriya SSSR*. No. 1, pp. 192–224.

Zemskov, V.N. (1991). GULAG (istoriko-sociologicheskiy aspekt) [Gulag (Historical and Sociological Aspect)]. In *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 6, pp. 10–27.

Zemskov, V.N. (2005). *Spetszposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow, Nauka. 304 p.

Zhiromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [The Main Trends in the Demographic Development of Russia in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 318 p.

Zhiromskaya, V.B., Isupov, V.A., Kornilov, G.E. (2019). *Naselenie Rossii v 1939–1945 godakh* [The Population of Russia in 1939–1945]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 3–17.

В.Б. Жиромская
Н.А. Араловец*

ИНВАЛИДЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-2
УДК 314.44

Выходные данные для цитирования:
Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Инвалиды в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 29–40.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-02.pdf>

V.B. Zhiromskaya
N.A. Aralovets*

DISABLED PEOPLE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-2

How to cite:
Zhiromskaya V.B., Aralovets N.A. Disabled People during the Great Patriotic War of 1941–1945 // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 11–40.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-02.pdf>]

Abstract. Based on a set of archival and published statistical data, the article shows a significant increase in the number of disabled people during the Great Patriotic War in the RSFSR and the USSR as a whole. Determining their number causes historians many of difficulties. It is shown that before the outbreak of the Great Patriotic War, both the USSR and the Union republics had a significant number of disabled people from the First World War and the Civil War. During the First World War, people with disabilities received state benefits (pensions) in accordance with the degree of their disability. The return of the disabled to work was expected as well. After the October, the class approach towards people with disabilities intensified. Thus, disabled people who received benefits and pensions included only Soviet citizens who had lost their ability to work. During the period of war communism, the state mainly provided for the disabled of the Red Army. After the end of the Civil War, war invalids were allocated to a special category, and the status of disabled citizens, disability groups, and forms of state aid were established. In the 1930s, in the context of industrialization and the increasing need of the state for labor, disabled people who were able to work were considered as an additional source of labor attraction. During the Great Patriotic War, the largest number of disabled people were among the direct participants in the fighting. Medical and labor expert commissions (VTEC) determined disability groups depending on the injuries. However, in the harsh conditions of wartime, the country's need for workers increased dramatically. The current situation has significantly tightened the requirements for disabled groups of the population. Since June 1942, the disabled of the second group were employed as logistics and support workers. The invalids of the Great Patriotic War received state pensions, were provided with housing, and special shops and canteens were created for them. People with the most severe signs of disability, including lonely people, were assigned to homes for the disabled and boarding schools. Homes for the disabled of the Great Patriotic War were created. Attention is drawn to cases of embezzlement, abuse of administration, failure to provide medical care, and ill-treatment of people with disabilities held in homes for the disabled and boarding schools. The specifics of state assistance to children with disabilities are demonstrated. The achievements of the policy towards people with disabilities are assessed and unresolved issues are noted.

* **Валентина Борисовна Жиромская**, доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: zhyromskaya@yandex.ru

Valentina Borisovna Zhiromskaya, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: zhyromskaya@yandex.ru

Наталья Аркадьевна Араловец, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: aralovets@yandex.ru

Natalia Arkadievna Aralovets, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: aralovets@yandex.ru

** Статья выполнена в ходе работы над проектом многотомного издания «История России».

The article was completed during the work on the project of the multi-volume publication “History of Russia”.

Keywords: People with disabilities, RSFSR, First World War, Civil War, Great Patriotic War, numbers, disability groups, state aid, disabled children.

The article has been received by the editor on 27.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе комплекса архивных и опубликованных, в том числе статистических данных показывается существенное повышение численности инвалидов в годы Великой Отечественной войны в РСФСР и в СССР в целом. Определение их числа вызывает у историков немало сложностей. Показано, что до начала Великой Отечественной войны и в СССР, и в союзных республиках было значительное число инвалидов Первой мировой и Гражданской войн. В годы Первой мировой войны инвалиды в соответствии со степенью утраты ими трудоспособности получали государственные пособия (пенсии). Предполагалось и возвращение инвалидов к трудовой деятельности. После Октября в отношении инвалидов усилился классовый подход. Так, к инвалидам, получавшим пособия и пенсии, относили только советских граждан, потерявших способность к трудовой деятельности. В период «военного коммунизма» обеспечивались преимущественно инвалиды Красной армии. После окончания Гражданской войны инвалиды войны выделялись в особую категорию, устанавливался статус нетрудоспособных граждан, группы инвалидности, формы государственной помощи. В 1930-е гг. в условиях индустриализации и возрастания потребности государства в рабочей силе инвалиды, способные к труду, рассматривались как дополнительный источник привлечения рабочей силы. В годы Великой Отечественной войны самое большое число инвалидов было среди непосредственных участников боевых действий. Врачебно-трудовые экспертные комиссии (ВТЭК) в зависимости от ранений определяли группы инвалидности. Однако в тяжелых условиях военного времени резко усилилась потребность страны в рабочих кадрах. Возникшая ситуация заметно ужесточила требования к нетрудоспособным группам населения. С июня 1942 г. инвалиды второй группы привлекались к труду в качестве тыловых и вспомогательных работников. Инвалиды Великой Отечественной войны получали государственные пенсии, обеспечивались жильем, для них создавались специальные магазины и столовые. Инвалиды с наиболее тяжелыми признаками инвалидности, в том числе одинокие, определялись в дома инвалидов и в интернаты. Для инвалидов Великой Отечественной войны были созданы дома инвалидов Великой Отечественной войны. Обращается внимание на случаи хищения, злоупотребления администрации, неоказание медицинской помощи, жестокое обращение с инвалидами, содержащимися в домах инвалидов и интернатах. Показываются также особенности государственной помощи детям-инвалидам. Оцениваются успехи политики по отношению к инвалидам и отмечаются нерешенные вопросы.

Ключевые слова: инвалиды, РСФСР, Первая мировая война, Гражданская войны, Великая Отечественная война, численность, группы инвалидности, государственная помощь, дети-инвалиды.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025 г.

В отечественной историографии заметно активизировалось изучение темы инвалидов Великой Отечественной войны. Однако исследователи в основном рассматривали формы государственной помощи инвалидам, методы их реабилитации¹, показывали особенности реабилитации инвалидов в регионах РСФСР².

Вместе с тем в отечественной историографии вопросам численности инвалидов, групп инвалидности, принципов их выделения, причин инвалидности уделялось недостаточное внимание³. Эти вопросы недостаточно освещались и в зарубежной литературе⁴. К тому же определение численности инвалидов Первой мировой, Гражданской, а также Великой Отечественной войн является до настоящего времени дискуссионным⁵. В статье рассматриваются недостаточно изученные и спорные в историографии вопросы.

В годы Великой Отечественной войны в РСФСР и в СССР число инвалидов заметно увеличилось. Важно иметь в виду, что до начала Великой Отечественной войны в СССР в целом и в союзных республиках были инвалиды прошедших войн, прежде всего Первой мировой войны (по терминологии того времени Империалистической). Эта группа инвалидов представляла воевавших, получивших увечье на фронте («военные инвалиды»). Определение их численности вызывает у историков немало сложностей. В 1920 г. из материалов картотеки учета Главного военно-санитарного управления Военного министерства Российской империи (ГВСанУ⁶) за период войны с августа 1914 г. по декабрь 1916 г. на трех фронтах Северном, Северо-Западном, Юго-Западном исследователь В.Г. Аврамов определил число инвалидов – 3 478 322 чел. (офицеров – 57 318, солдат – 3 421 004). По другим данным их численность заметно меньше. Военный историк Л.Л. Керсновский считал, что инвалиды Первой мировой войны составляли 900 тыс. (инвалиды по ранению – 600 тыс., по болезни – 300 тыс.). Близкую оценку дал генерал Н.Н. Головин (эмигрант): уволено инвалидов по службе – 890 тыс. (по ранению – 611 тыс., по болезни – 279 тыс.)⁷.

В годы Первой мировой войны инвалиды стали получать не благотворительную, а государственную помощь. В условиях войны в России была организована работа по обеспечению минимальной помощи инвалидам войны. Им выплачивались государственные пособия (пенсии). Выплачиваемые пособия соответствовали степени утраты трудоспособности. Вместе с тем, предполагалась возможность возвращения к трудовой деятельности.

¹ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 2000; Суркова И.Ю. Система социальной защиты участников ВОВ в СССР // Социология. 2010. № 2. С. 4–16; Золотарева В.Ю. Реабилитация инвалидов Великой Отечественной войны в отечественной историографии // Гуманитарный вектор. 2015. № 3 (43). Социальная история. С. 57–65; Зинич М.С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.; СПб., 2019; Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений: историко-демографический аспект, 1946–1960. М.; Берлин, 2020.

² Палецких Н.П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 2007; Красноженова Е.Е. Социальная политика советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Астрахань, 2013; Ковалев А.С. Государственная социальная политика и повседневная жизнь инвалидов Красноярского края в 1941–1945 гг. Красноярск, 2023; Семенов М.А. Комплексная реабилитация раненных на фронте воинов в госпиталях Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 66–80. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-05.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

³ См., например: Гергиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М., 1975; Ковалев А.С. Положение инвалидов войны в России: история вопроса, начиная с XVIII и по 20-е годы XX века // Военно-исторический журнал. 2019. № 11. С. 71–77.

⁴ Физелер Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40–41). С. 290–297.

⁵ Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: стат. исследование. М., 1993; Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000; Население России в XX веке: ист. очерки. М., 2000. Т. 1: 1900–1939; Печалова Л.В. «Красная армия должна взять помощь инвалидным домам в свои руки...»: государственная поддержка и общественная реабилитация увечных войной защитников Отечества // Военно-исторический журнал. 2007. № 6. С. 68–69.

⁶ В 1918 г. вошло в состав Наркомата здравоохранения РСФСР.

⁷ Население России в XX веке... С. 74, 77.

Однако в годы Первой мировой войны особый социальный статус инвалидов войны законодательно не был закреплен.

Законодательное закрепление данного статуса осуществлялось длительный период – с начала Первой мировой войны и продолжалось после окончания Гражданской. В этот период в стране произошли радикальные политические и социальные изменения. Все это отразилось на особенностях законодательного оформления статуса инвалида. Однако в законодательном закреплении статуса инвалида войны усиливался классовый подход. В первые годы советской власти к инвалидам стали относить только советских граждан, потерявших способность к трудовой деятельности⁸.

В положении «О социальном обеспечении трудящихся», принятом Советом Народных Комиссаров 31 октября 1918 г., отмечалось, что социальная помощь оказывалась лицам в случаях «временной утраты средств к существованию, вследствие нетрудоспособности, независимо от причины, ее вызвавшей (общие заболевания, увечья и т.п.); постоянной утраты (всех или части) средств к существованию, вследствие нетрудоспособности, вызванной увечьем, болезнью, старостью и т.п.»⁹. Важно отметить, что инвалиды войны не выделялись в отдельную группу. Социальная помощь им оказывалась, как и всем другим нетрудоспособным лицам.

Важно отметить, что в конкретных исторических условиях «обеспечению подлежали все без исключения лица, источниками существования которых является только труд без эксплуатации чужого»¹⁰. Таким образом, инвалиды войн не выделялись в специальную категорию.

Нуждавшиеся нетрудоспособные трудящиеся обеспечивались пособиями (временная утрата трудоспособности) и пенсиями (полная или частичная постоянная утрата трудоспособности) «независимо от причин, вызвавших утрату трудоспособности (болезнь, увечье, старость, профессиональное заболевание и т.п.)»¹¹.

В положении также отмечалось, что в случае постоянной утраты пенсионерами трудоспособности «местным Подотделам Социального обеспечения и Охраны Труда предоставляется, взамен выдачи денежных пенсий, помещать пенсионеров в инвалидные дома..., снабжать их некоторыми видами довольствия, понижая соответственно размер пенсий»¹².

В период «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) в большинстве случаев обеспечивались инвалиды Красной армии (по наличию заслуг в борьбе с контрреволюцией).

В условиях завершения Гражданской войны инвалиды войны были выделены в специальную группу. Об этом выделении свидетельствовал Декрет «О социальном обеспечении инвалидов», принятый Совнаркомом РСФСР 8 декабря 1921 г. В декрете отмечалось, что «военнослужащие старой и Красной Армии, лишившиеся трудоспособности вследствие увечья или заболевания, полученных на войне или во время нахождения их на военной службе»¹³ пользуются правом на социальное обеспечение при инвалидности.

В декрете также выделялись шесть групп инвалидности: «1) инвалиды, не только не способные к труду для заработка, но нуждающиеся еще в посторонней помощи для удовлетворения обычных жизненных потребностей; 2) инвалиды, не способные ни к какому труду, дающему заработок, но не нуждающиеся в постоянном уходе; 3) инвалиды, не только вынужденные отказаться от своей обычной профессии, но и вообще не способные ни к какой регулярной профессиональной работе и могущие добывать средства к существованию лишь случайной, временной и при том легкой работой; 4) лица, вынужденные перейти к другой профессии более низкой квалификации; 5) лица, вынужденные отказаться от своей обычной профессии и перейти к другой профессии такой же квалификации, если они нуждаются для такого перехода в услугах Народного Комиссариата Социального Обеспечения;

⁸ Ковалев А.С. Положение инвалидов войны в России... С. 72.

⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. (далее – СУ). М., 1942. № 906. Ст. 1.

¹⁰ СУ. № 906. Ст. 2.

¹¹ Там же. Ст. 11, 15.

¹² Там же. Ст. 35.

¹³ СУ за 1921 г. М., 1944. Ст. 672.

б) лица, могущие продолжать прежнюю профессиональную деятельность, но с пониженной производительностью»¹⁴.

Устанавливались формы обеспечения инвалидов: трудовые, хозяйственные, пенсионные, жилищные. Установление данных форм было обусловлено наличием или отсутствием у инвалидов доходного хозяйства или промысла¹⁵.

Таким образом, в принятом декрете были определены статус нетрудоспособных граждан, группы инвалидности, формы помощи.

Однако исследователи отмечали, что, несмотря на официально выделенные и принятые шесть групп инвалидности, в реалиях не только в 1920-х, но и в 1930-х гг. существовало неофициальное, заметно упрощенное деление на инвалидов труда и инвалидов войны. Наиболее привилегированными были инвалиды труда, затем – инвалиды войны, далее – все остальные группы инвалидов. Это деление отражало усиление классового подхода, в том числе к инвалидам.

Вместе с тем государственное социальное обеспечение инвалидов войны было связано с некоторыми особенностями. В первую очередь обеспечивались инвалиды Гражданской войны. Далее обеспечение имели инвалиды Красной армии, которые в период прохождения действительной военной службы получили увечье. Только потом выделялись инвалиды Первой мировой войны. Вместе с тем эта группа инвалидов получала государственное социальное обеспечение в полном объеме, имела пенсии¹⁶.

Важно отметить, что с целью устройства инвалидов на посильную работу, обеспечивавшую им существование, пенсии выплачивались ограниченно.

В годы Гражданской войны учет инвалидов представлял немалые сложности. В первой половине 1920-х гг. данная ситуация сохранялась. В 1926 г. в рамках Всесоюзной переписи населения 1926 г. впервые осуществилось численное определение инвалидов. Однако к категории инвалидов были отнесены лишь инвалиды, находящиеся в инвалидных домах и интернатах, – 30 тыс. чел., в том числе 10 тыс. мужчин и 20 тыс. женщин в РСФСР и соответственно 38 тыс. инвалидов, в том числе 14 тыс. мужчин и 24 тыс. женщин в СССР¹⁷. Инвалидных домов было еще очень мало, в них содержалось незначительное число инвалидов. Остальные группы инвалидов вошли в такие категории, как пенсионеры, иждивенцы частных лиц, члены артелей, кустари и пр. Кроме того, далеко не все инвалиды были обеспечены средствами к существованию, занимались нищенством и были отнесены в период переписи к так называемым деклассированным группам. Впоследствии НКСО, опираясь на материалы переписи 1926 г., определило в РСФСР численность инвалидов в 643,7 тыс. чел. Однако это число отражало учтенных инвалидов, получавших государственное социальное обеспечение, и не учитывало данные об инвалидах Белой армии¹⁸. Впоследствии исследователи неоднократно обращались к расчетам числа инвалидов по переписям 1923 и 1926 гг. Но, учитывая фактически еще только начавшееся официальное оформление государственными органами инвалидности и все еще очень слабое обеспечение инвалидов и их семей, в основном давали оценки численности всех категорий социально необеспеченного населения, зафиксированного в переписных материалах – оценки достигают от 0,6 до 2,8 млн чел. только по РСФСР¹⁹.

Из данных Всесоюзной переписи населения 1926 г. видно, что в городах РСФСР было 327,0 тыс. пенсионеров. Данное число составляло 4,0 % городского населения²⁰.

В 1930-е гг. в СССР учет инвалидов оставался сложным. Всесоюзная перепись населения 1937 г. в СССР зафиксировала численность инвалидов в инвалидных домах, составлявшая 81,4 тыс. (36,2 тыс. мужчин и 45,1 тыс. женщин). Часть инвалидов была учтена

¹⁴ СУ за 1921 г. Ст. 672.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ковалев А.С. Положение инвалидов войны в России... С. 73.

¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930. Т. 26. С. 162; Т. 34. С. 172.

¹⁸ Ковалев А.С. Положение инвалидов войны в России... С. 72–73.

¹⁹ Там же. С. 73; Печалова Л.В. «Красная армия должна взять помощь инвалидным домам в свои руки...»... С. 69.

²⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года... Т. 26. С. 160.

в составе пенсионеров. Пенсионеров всего было 1 051,4 тыс. чел. (456,0 тыс. мужчин и 595,4 тыс. женщин). По социальному признаку среди пенсионеров были (в тыс.): рабочие – 688,5, служащие – 265,0, колхозники – 55,9, единоличники – 21,5, кустари – 4,3, люди свободных профессий – 0,7. Инвалиды также попадали в категорию «деклассированные элементы». Численность деклассированных элементов составляла 3,3 тыс. чел. (2,5 тыс. мужчин и 0,8 тыс. женщин)²¹. Однако в данных переписи населения 1937 г., как и в 1926 г., число инвалидов в составе пенсионеров и деклассированных элементов не выделено.

Таким образом, в 1920-е гг. число инвалидов, зафиксированное разными источниками, было великим. Инвалидам, в том числе войны, оказывалась государственная помощь в материальном обеспечении. Вместе с тем государство стремилось трудоустроить инвалидов, предоставить им возможность для самообеспечения.

В 1930-е гг. в условиях индустриализации и возрастания потребности государства в рабочей силе отношение к инвалидам изменилось. Инвалиды, способные к труду, рассматривались как дополнительный источник привлечения рабочей силы. *Речь шла уже не о самообеспечении инвалида, а о внесении инвалидом вклада в меру его возможностей в трудовой потенциал страны и о создании специальных условий для труда инвалидов.* 16 марта 1931 г. было принято постановление об утверждении положения о Совете по трудовому устройству инвалидов при Наркомсобесе РСФСР²². 18 августа 1931 г. СНК РСФСР принял постановление «О трудовом устройстве инвалидов»²³.

В 1930-е гг. проводилась реорганизация органов, ранее занимавшихся врачебной экспертизой инвалидов (Врачебно-контрольная комиссия). В 1931 г. эти органы были преобразованы во врачебно-трудовые экспертные комиссии (ВТЭК). Новый орган устанавливал причину и группу инвалидности. В то же время определял характер работ, доступных инвалиду. Инвалиды, особенно войны, признанные годными к труду, направлялись на производство и в учреждения. Для этого проводилось обучение и переобучение инвалидов. Они направлялись на работу в специализированные инвалидные артели и промкооперацию. Прежде всего государство занималось трудоустройством инвалидов Гражданской войны. С целью поощрения инвалидов к труду допускалось получение ими и пенсии, и зарплаты²⁴.

В начале 1930-х гг. изменилась классификация групп инвалидности: выделялись три основные группы нетрудоспособного населения. В 1932 г. на основании новой классификации к первой группе инвалидов были причислены инвалиды с полной нетрудоспособностью, требовавшие обеспечение постоянного ухода. Вторая группа также состояла из нетрудоспособных инвалидов, вместе с тем они не нуждались в постоянном уходе. Третья группа включала только частично потерявших трудоспособность лиц, способных выполнять работу низкой квалификации. Однако инвалиды этой группы могли трудиться в облегченных условиях. Важно также отметить, что эта работа инвалидов была низкооплачиваемой²⁵.

Таким образом, в условиях индустриализации инвалидов стимулировали к трудовой деятельности. Проводимая социальная политика способствовала тому, что принадлежность инвалидов к определенной категории постепенно утрачивала свое значение, нетрудоспособные группы населения рассматривались в качестве трудовых ресурсов. В годы Великой Отечественной войны сохранялась ориентация инвалидов на трудовую деятельность.

В условиях Великой Отечественной войны многие солдаты и офицеры Красной армии и других военизированных структур становились инвалидами. Об этом свидетельствует тот факт, что 30,0 % раненых после завершения курса лечения в госпиталях получали инвалидность²⁶.

²¹ Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док-тов и мат-лов. М., 2007. С. 124–125.

²² СУ. 1931. № 15. Ст. 165.

²³ Там же. № 49. Ст. 365.

²⁴ Ковалев А.С. Положение инвалидов войны в России... С. 77.

²⁵ Трудовое устройство инвалидов: пособие для инспекторов отделов социального обеспечения. М., 1952. С. 56.

²⁶ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 167.

В наиболее опасных условиях находились непосредственные участники боевых действий. Многие из них лишились конечностей, зрения и слуха, получили тяжелейшие ранения позвоночника, грудной, брюшной и челюстно-лицевой областей, контузии, страдали от незаживающих ран, заболеваний внутренних органов, суставов, нервно-психических заболеваний и т.д.²⁷ Широко распространенными причинами инвалидности военнослужащих были различные заболевания суставов (анкилозы, контрактуры с несросшимися переломами нижних и верхних конечностей) – 24,0 %, ампутация нижних и верхних конечностей – 18,0 %, параличи и парезы рук и ног – 17,0 %²⁸.

За годы войны из Красной армии было демобилизовано по ранению, болезни, возрасту около 3,8 млн чел., из них 2,6 млн – инвалиды, среди них – 450 тыс. однорукие или одноногие. В 1945 г. после завершения Великой Отечественной войны и разгрома Японии в госпиталях находилось на лечении более 1 млн чел. За все годы войны через различные лечебные учреждения прошло свыше 30 млн военнослужащих²⁹.

Среди военнослужащих, получивших инвалидность после 1 января 1938 г., доминировали инвалиды Великой Отечественной войны. Из данных Народного комиссариата социального обеспечения (НКССО) видно, что на 1 января 1943 г. по 35 территориям РСФСР было учтено 342 933 (94,7 %) инвалида Великой Отечественной войны и 19 295 (5,3 %) прочих инвалидов из военнослужащих, ставших инвалидами после 1 января 1938 г.³⁰

В годы войны, как и в 1930-е гг., инвалидность устанавливалась врачебно-трудовой экспертной комиссией (ВТЭК) путем освидетельствования. Большинство лиц из впервые освидетельствованных военнослужащих, рабочих и служащих, а также членов семей военнослужащих и прочих лиц, признавалось инвалидами. В РСФСР в целом из числа впервые освидетельствованных было признано инвалидами 1 877 217 лиц, или 89,0 % от общего числа освидетельствованных; не признано инвалидами 231 119 лиц, или 11,0 %.

Из данных статистики видно, что самое большое число инвалидов было среди военнослужащих. В РСФСР из общего числа освидетельствованных было признано инвалидами 877 616 военнослужащих (46,8 %), 686 414 рабочих и служащих (36,6 %), 313 187 членов семей военнослужащих и прочих лиц (16,7 %)³¹.

Врачебно-трудовые экспертные комиссии определяли группы инвалидности. Инвалиды Великой Отечественной войны в зависимости от ранений подразделялись на три основные категории. В первую категорию входили инвалиды с множественными резко выраженными дефектами, полностью нетрудоспособные, нуждавшиеся в постоянном уходе. Вторая группа состояла из инвалидов с комбинированными дефектами: отсутствие обеих верхних или нижних конечностей, отсутствие ноги и руки, пальцев обеих рук и т.п. Они также утратили трудоспособность. Однако при определенных условиях (например, обеспечение транспортом, специальным оборудованием, помогавшим им персоналом, обслуживанием в быту) эти инвалиды могли работать. В третью группу входили инвалиды с дефектами одного органа: однорукие, одноногие, одноглазые и др. Такие инвалиды могли работать если не в своей профессии, то в близкой к прежней или в другой профессии³².

²⁷ Мелехов Д.Е. Врачебно-трудовая экспертиза и трудоустройство инвалидов Отечественной войны с нервно-психическими заболеваниями: пособия для врачей ВТЭК. М., 1945. С. 33–36, 47, 63–64, 72, 74, 88–89; Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические проблемы и последствия войн... С. 122–123.

²⁸ Советское здравоохранение. 1944. № 10–11. С. 16; Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 167.

²⁹ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 167; Гриф секретности снят... С. 139–141; Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил: стат. исследование. М., 2001. С. 246, 248; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество... С. 29. Однако в современных условиях появились обобщенные данные доктора социологических наук Н. Михайлова о том, что во время Великой Отечественной войны было ранено 14 млн, из них 11 млн получали пособия по инвалидности I, II, III групп. А. Котляренко, заместитель председателя совета организации «Память сердца. Дети погибших защитников Отечества»: «Мы знаем, как дорого обходится равнодушие», привел эти данные в статье «Под защитой государства», опубликованной в историческом журнале «Суждения» (2020. Вып. 3). Однако приводимые данные не были обоснованы.

³⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 18. Д. 268. Л. 5.

³¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 339. Л. 1 (подсчеты авторов).

В тяжелых условиях военного времени резко усилилась потребность в рабочих кадрах, что ужесточило требования к нетрудоспособным группам населения, в том числе демобилизованным солдатам и офицерам с серьезными ранениями и контузиями. Следует отметить, что инвалиды, включая инвалидов Великой Отечественной войны, с тяжелейшими ранениями и контузиями должны были проходить повторные освидетельствования³³.

Освидетельствованные инвалиды в основном имели вторую и особенно третью группу инвалидности. Это подтверждено данными экспертизы, проведенной в годы Великой Отечественной войны. Фронтвики в большинстве случаев (85 %) имели локальные поражения опорно-двигательного аппарата и были ограниченно трудоспособными инвалидами третьей группы. Первая группа инвалидности была самой малочисленной. Из данных НКСО РСФСР на 1 января 1943 г. по 35 территориям РСФСР инвалиды первой группы инвалидности составляли 6 127 (1,8 % от общего числа инвалидов Великой Отечественной войны), второй – 162 634 (47,3 %), третьей – 174 172 (50,8 %)³⁴.

Инвалиды с наиболее тяжелыми дефектами, а также одинокие попадали в дома инвалидов³⁵. Вместе с тем в таких домах инвалиды Великой Отечественной войны были малочисленны. Из данных НКСО видно, что на 1 января 1943 г. в РСФСР (51 территория) в домах инвалидов находилось 4 319 инвалидов Великой Отечественной войны, что составляло 11,5 % (от общей численности инвалидов, находившихся в домах инвалидов на 1 января 1943 г.)³⁶.

Однако в домах инвалидов Великой Отечественной войны численно преобладали инвалиды Великой Отечественной войны – 3 745 лиц, или 87,7 % (от общего числа инвалидов в домах инвалидов Великой Отечественной войны); инвалиды труда составляли 704 лица, или 4,1 %³⁷.

Тяжелых инвалидов I и II групп инвалидности направляли в интернаты³⁸. В таких интернатах численно преобладали инвалиды Великой Отечественной войны. Так, в интернатах инвалиды Великой Отечественной войны I группы инвалидности составляли 81,9 % (от общего числа инвалидов соответствующей группы в интернатах), II группы инвалидности – 79,1 %. Заметно меньше было число инвалидов труда – соответственно 13,9 и 15,3 %, и особенно прочих инвалидов – 4,2 и 5,6 %³⁹.

В домах инвалидов, особенно в домах инвалидов Великой Отечественной войны, а также в интернатах доминировали мужчины, численность женщин была невысокой.

Ситуация в домах инвалидов была разной, иногда просто тяжелой для содержащихся в них инвалидов. Были и хищения, и злоупотребления со стороны администрации, неоказание медицинской помощи, жестокое обращение. О некоторых интернатах сложены страшные легенды, особенно о Валааме, где находились инвалиды с очень серьезными увечьями, как одинокие, так и имеющие семьи. Некоторые там и умерли, другие получили профессию, которой могли бы заниматься, и вернулись к родственникам, третьи переехали в другие инвалидные дома. Ситуация в интернате на острове была тяжелой, однако не безысходной.

Практика интернатов для инвалидов – ветеранов войны имела много недостатков, но полностью негативной считать ее нельзя.

³² Очередные задачи органов социального обеспечения: материалы Всерос. совещания руководящих работников соц. обеспечения (май 1945 г.). М., 1945. С. 25.

³³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 340. Л. 4–4 об.

³⁴ Там же. Д. 268. Л. 5.

³⁵ В годы Великой Отечественной войны Народные комиссариаты социального обеспечения (НКСО) занимались организацией работы домов инвалидов и интернатов, а также решали вопросы социального обеспечения инвалидов

³⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 268. Л. 10 (подсчеты авторов).

³⁷ Там же. Д. 341. Л. 2 (подсчеты авторов).

³⁸ 15 декабря 1942 г. было принято постановление СНК РСФСР «Об интернатах для инвалидов Отечественной войны». Дома инвалидов Отечественной войны реорганизовывались в интернаты для инвалидов Отечественной войны. Устанавливались типы интернатов: трудовые интернаты общего типа и интернаты больничного типа для инвалидов, нуждавшихся в постороннем уходе, психохроников, больных туберкулезом. Ставилась задача создать сеть таких интернатов.

³⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Т.Д. 342. Л. 38, 40–40 об. (подсчеты авторов).

Политика государства по отношению к инвалидам не ограничивалась инвалидными домами и интернатами. Предусматривался большой комплекс мер по поддержке инвалидов.

Инвалиды Великой Отечественной войны получали государственные пенсии, обеспечивались жильем, для них создавались специальные магазины и столовые. Инвалиды самых тяжелых I и II групп инвалидности освобождались от уплаты налогов. Немало делалось для создания новых лекарств и протезов⁴⁰. Инвалидов войны посылали на курортное лечение. Все это позволяло вернуть работоспособность многим воинам.

Однако острые проблемы обеспечения инвалидов сохранялись и в военных, и в послевоенных условиях. В годы войны государственные пенсии инвалидам перечислялись нерегулярно. К тому же отмечались случаи неправильного подсчета пенсий. Важно отметить, что пенсии были дифференцированными. Ее размеры определялись величиной заработка, военным званием, группой инвалидности.

Ситуацию несколько улучшало выделение единовременных материальных пособий.

Инвалиды, пришедшие на производство, сталкивались с проблемами переподготовки⁴¹. Однако далеко не все предприятия ее обеспечивали, что вынуждало инвалидов соглашаться на подсобные и вспомогательные работы на производственных участках, работать сторожами, вахтерами с низкой заработной платой.

В условиях войны было особенно трудно решать вопросы, связанные с пенсионным, трудовым, бытовым, медицинским и другим обеспечением инвалидов. Однако, несмотря на возникавшие трудности, в 1941–1943 гг. государство решало вопросы обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны. Государственное обеспечение инвалидов Отечественной войны в эти годы составило 3 154 млн руб.⁴² Вместе с тем существовала и негосударственная помощь инвалидам, включая пожертвования населения, сбор одежды, проведение благотворительных мероприятий.

Особенно сложная ситуация была с детьми-инвалидами. Они помещались, как правило, в больницы-стационары и в санатории. Многие жили в семьях. Но дети-инвалиды с тяжелыми увечьями, чаще сироты, находились в домах и интернатах для инвалидов. Для таких детей-инвалидов организовывались специальные инвалидные дома. В РСФСР по окончании войны было 64 детских инвалидных дома, в них содержалось 4,3 тыс. детей, в том числе 1,7 тыс. девочек⁴³.

Остро стояла проблема протезирования. В 1945 г. в протезировании нуждались тысячи детей. Между тем практики детского протезирования не было, только подросткового и только нижних конечностей. С целью разработки протезов и организации детского протезирования в 1948 г. создается специальное детское клиническое отделение при Ленинградском институте протезирования (ЛНИИП). Впоследствии была организована детская клиника по протезированию.

Детям-инвалидам оказывалась медицинская помощь, им обеспечивались, хотя и не в полной мере, уход, профессиональное и общеобразовательное обучение.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны повысилась численность инвалидов, в том числе полностью нетрудоспособных и нуждавшихся в постоянном уходе. Наибольшее их число было среди непосредственных участников боевых действий. Освидетельствованные ВТЭК инвалиды в основном имели вторую и особенно третью группу

⁴⁰ Материалы (справки, постановления, донесения) о выполнении постановления Государственного Комитета Оборона от 12 октября 1943 г. «Об увеличении производства протезов и улучшении обслуживания инвалидов Отечественной войны» // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 5. Д. 1945-1946. Ч. 1-2.

⁴¹ Инструкция Наркомсобеса РСФСР и Санитарного управления Красной Армии от 16 июля 1941 г. «О порядке трудоустройства и направления на обучение инвалидов Отечественной войны»; Постановление Совнаркома СССР от 6 мая 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны»; Постановление Совнаркома СССР от 20 января 1943 г. «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны» и др., см.: Возвращение к трудовой деятельности инвалидов Отечественной войны: сб. постановлений и инструкций. Л., 1943.

⁴² Красная звезда. 1943. 7 окт.

⁴³ Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений... С. 121.

инвалидности. Усилившаяся в условиях войны, как и в 1930-е гг., потребность страны в рабочей силе заметно ужесточила требования, в том числе к инвалидам со сложнейшими ранениями и контузиями. Инвалиды Великой Отечественной войны с наиболее тяжелыми признаками инвалидности и одинокие в основном направлялись в дома инвалидов Великой Отечественной войны и в интернаты. Получали государственные пенсии, единовременные финансовые и материальные пособия, обеспечивались жильем, столовыми, специальными магазинами. Вместе с тем в домах инвалидов и интернатах фиксировались тяжелые ситуации, серьезные нарушения в обеспечении и обслуживании инвалидов. Особая сложность в медицинской помощи, уходе, обучении возникала с детьми-инвалидами.

В годы Великой Отечественной войны государство активно поддерживало инвалидов, развивало формы помощи инвалидам, возникшие в прошлые десятилетия, особенно в 1920–1930-е гг. Однако, учитывая сложность и масштабность задач помощи и обеспечения инвалидов, далеко не все вопросы удавалось решить.

Литература

Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. док. и мат-лов / сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.

Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М.: Медицина, 1975. 250 с.

Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: стат. исследование / под общ ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. 416 с.

Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений: историко-демографический аспект, 1946–1960. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 310 с.

Золотарева В.Ю. Реабилитация инвалидов Великой Отечественной войны в отечественной историографии // Гуманитарный вектор. 2015. № 3 (43). Социальная история. С. 57–65.

Зинич М.С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 347 с.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. 242 с.

Ковалев А.С. Государственная социальная политика и повседневная жизнь инвалидов Красноярского края в 1941–1945 гг. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. 300 с.

Ковалев А.С. Положение инвалидов России: история вопроса, начиная с XVIII и по 20-е годы XX века // Военно-исторический журнал. 2019. № 11. С. 71–77.

Красноженова Е.Е. Социальная политика советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Астрахань: Астраханский ун-т, 2013. 231 с.

Мелехов Д.Е. Врачебно-трудовая экспертиза и трудоустройство инвалидов Отечественной войны с нервно-психическими заболеваниями: пособия для врачей ВТЭК. М.: Медгиз, 1945. 124 с.

Население России в XX веке: ист. очерки / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1: 1900–1939. 463 с.

Палецких Н.П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск: Челябинский гос. агроинженерный ун-т, 2007. 167 с.

Печалова Л.В. «Красная армия должна взять помощь инвалидным домам в свои руки...»: государственная поддержка и общественная реабилитация увечных войной защитников Отечества // Военно-исторический журнал. 2007. № 6. С. 68–69.

Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил: стат. исследование / под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 607 с.

Семенов М.А. Комплексная реабилитация раненных на фронте воинов в госпиталях Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 66–80. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-05.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

Суркова И.Ю. Система социальной защиты участников ВОВ в СССР // Социология. 2010. № 2. С. 4–16.

Физелер Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40–41). С. 290–297.

References

Fiziler, B. (2005). “Nishchie pobediteli”: invalidy Velikoy Otechestvennoy voyny v Sovetskom Soyuze [“Poor Winners”: Invalids of the Great Patriotic War in the Soviet Union]. In *Neprikosnovenny zapas*. No. 2 (40–41), pp. 290–297.

Georgievskiy, A.S., Gavrilov, O.K. (1975). *Sotsialno-gigienicheskie problemy i posledstviya voyn* [Social and Hygienic Problems and Consequences of Wars]. Moscow, Meditsina. 250 p.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka* [Demographic Disasters and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century]. Novosibirsk, Sibirskiy Khronograf. 242 p.

Kovalev, A.S. (2019). Polozhenie invalidov Rossii: istoriya voprosa, nachinaya s XVIII i po 20-e gody XX veka [The Situation of Disabled People in Russia: The History of the Issue, Beginning from the 18th and 20th Years Centuries]. In *Istoricheskiy zhurnal*. No. 11, pp. 71–77.

Kovalev, A.S. (2023). *Gosudarstvennaya sotsialnaya politika i povsednevnyaya zhizn invalidov Krasnoyarskogo kraya v 1941–1945 gg.* [State Social Policy and Daily Life of Disabled People of the Krasnoyarsk Territory in 1941–1945.]. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet. 300 p.

Krasnozhenova, E.E. (2013). *Sotsialnaya politika sovetskogo gosudarstva v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 godov (na materialakh Nizhnego Povolzhya)* [The Social Policy of the Soviet State during the Great Patriotic War of 1941–1945 (Based on the Materials of the Lower Volga Region)]. Astrakhan, Astrakhanskiy universitet. 231 p.

Krivosheev, G.F. (Ed.). (1993). *Grif sekretnosti snyat: poteri Vooruzhennykh sil Rossii v voynakh, boevykh deystviyakh i voennykh konfliktakh: statisticheskoe issledovanie* [The Secrecy Stamp has been Removed: Losses of the Armed Forces of the USSR in Wars, Hostilities and Military Conflicts: Statistic Research]. Moscow, Voenizdat. 416 p.

Krivosheev, G.F. (Eds.). (2001). *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka: poteri vooruzhennykh sil: statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century: Losses of the Armed Forces: Statistic Research]. Moscow, OLMA-PRESS. 607 p.

Paletskikh, N.P. (2007). *Sotsialnye pesursy i sotsialnaya politika na Urale v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Social Resources and Social Policy in the Urals during the Great Patriotic War]. Chelyabinsk, Chelyabinskiy gosudarstvennyy agroiuzhenemnyy universitet. 167 p.

Pechalova, L.V. (2007). “Krasnaya armiya dolzhna vzyat pomoshch invalidam v svoi ruki...”: gosudarstvennaya podderzhka i obshchestvennaya rehabilitatsiya uvechnykh voynoy zashchitnikov Otechestva [“The Red Army Must take Care of Disabled Homes into its Own Hands...”: State Support and Public Rehabilitation of War-Crippled Defenders of the Fatherland]. In *Voennistoricheskiy zhurnal*. No. 6, pp. 68–69.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. 463 p.

Semenov, M.A. (2024). Kompleksnaya rehabilitatsiya ranennykh na fronte voinov v gospi-talyakh Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Comprehensive Rehabilitation of Soldiers Wounded at the Front in Hospitals in Western Siberia during the Great Patriotic War]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 6, pp. 66–80. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-05.pdf> (date of access 20.01.2025).

Surkova, I.Yu. (2010). Sistema sotsialnoy zashchity uchastnikov VOV v SSSR [The System of Social Protection of Great Patriotic War Articipants in the USSR]. In *Sotsiologiya*. No. 2, pp. 4–16.

Zhiromskaya, V.B. (2020). *Shiznennyy potentsial poslevoennykh pokoleniy: istoriko-demograficheskiy aspekt, 1946–1960* [Life Potential of Post-War Generations: Historical and Demographic Aspect, 1946–1960]. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 310 p.

Zhiromskaya, V.B., Polyakov, Yu.A. (Comp.). (2007). *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1937 goda: obshchie itogi: sb. dok. i materialov* [The All-Union Population Census of 1937: Overall Results: Collection of Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN. 320 p.

Zinich, M.S. (2019). *Povsednevnyaya zhizn naroda v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Everyday Life of the People during the Great Patriotic War]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gymanitarnykh initsiativ. 347 p.

Zolotoreva, V.Yu. (2015). Reabilitatsiya invalidov Velikoy Otechestvennoy voyny v otechestvennoy istoriografii [Rehabilitation of the Disabled of the Great Patriotic War in Russian Historiography]. In *Gymanitarnyy vektor*. No. 3 (43). *Sotsialnaya istoriya*, pp. 57–65.

Zybko, E.Yu. (2000). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnyaya zhizn* [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life]. Moscow, ROSSPEN. 229 p.

Н.В. Чернышева*

**ОСОБЕННОСТИ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
ТЫЛОВЫХ РАЙОНОВ РСФСР
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-3
УДК 94:314.14(47+57)

Выходные данные для цитирования:
Чернышева Н.В. Особенности смертности населения тыловых районов РСФСР в период Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 41–53. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-03.pdf>

N.V. Chernysheva*

**PECULIARITIES OF MORTALITY OF THE POPULATION
OF THE REAR AREAS OF THE RSFSR
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-3

How to cite:
Chernysheva N.V. Peculiarities of Mortality of the Population of the Rear Areas of the RSFSR during the Great Patriotic War // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 41–53. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-03.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the mortality rate of the rear population of the RSFSR in 1941–1945. On the materials of the rear regions of the RSFSR, the peculiarities of the mortality rate of the rear population are determined and given. During the Great Patriotic War, these peculiarities were reflected in the structural and non-structural characteristics of the demographic process. After determining the mortality trends of the population of the RSFSR and its regions on the eve of the war, the article details on the characterization of its features in 1941–1945. The presence of characteristic stages of mortality (from June 1941 to the autumn of 1942 an increase in the mortality rate was determined, while from the autumn of 1942 to the spring of 1945 the mortality rate was decreasing). Differences in the dynamics of mortality of urban (a sharp increase and a gradual decrease in the mortality rate) and rural population (protracted nature of negative trends) are revealed. Seasonal mortality rates included an increase in the number of deaths in all months in the first phase, with elevated indicators being prevalent in winter and summer and uncharacteristic in spring, and an increase in the mortality rate in the summer of 1944 in the second stage). It is determined that changes in age-related mortality rates were mainly due to changes in mortality of infants and children under 5 years of age. Furthermore, it indicates the predominance of male mortality with an increase in specific gravity during the studied period. On the example of certain rear regions of the RSFSR (mainly the Volga-Vyatka region, the Urals and Siberia), some specificity in the characteristics of mortality is presented, and the causes and factors contributing to this are determined.

Keywords: mortality, infant mortality, rear population, RSFSR, the Great Patriotic War.

The article has been received by the editor on 21.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена смертности тылового населения РСФСР в 1941–1945 гг. На материалах тыловых регионов РСФСР определяется и дается характеристика особенностям смертности тылового населения. Данные особенности в годы Великой Отечественной войны нашли свое отражение в структурных и неструктурных характеристиках демографического процесса. Определив тенденции смертности населения

* **Наталья Викторовна Чернышева**, доктор исторических наук, доцент, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия, e-mail: natich84@mail.ru
Nataliya Viktorovna Chernysheva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, e-mail: natich84@mail.ru

РСФСР и ее регионов накануне войны, автор подробно останавливается на характеристике ее особенностей в период 1941–1945 гг. Определено наличие характерных этапов смертности (июнь 1941 – осень 1942 г. – рост уровня смертности; осень 1942 – весна 1945 гг. – снижение уровня смертности). Выявлены различия в динамике смертности городского (резкое увеличение и постепенное снижение уровня смертности) и сельского населения (затяжной характер негативных тенденций). Рассмотрены сезонные показатели смертности (рост количества смертей во все месяцы на первом этапе; преобладание повышенных показателей зимой и летом и нехарактерных весной; на втором этапе рост уровня смертности летом 1944 г.). Определено, что изменения в возрастных показателях смертности являлись главным образом следствием изменения смертности младенцев и детей в возрасте до 5 лет. Также указывается на преобладание мужской смертности с увеличением удельного веса в изучаемый период. На примере отдельных тыловых районов РСФСР (преимущественно Волго-Вятского региона, Урала и Сибири) представлена некоторая специфика в характеристиках смертности, определены причины и факторы, этому способствующие.

Ключевые слова: смертность, младенческая смертность, тыловое население, РСФСР, Великая Отечественная война.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025 г.

В годы Великой Отечественной войны в СССР произошли существенные изменения в процессах воспроизводства населения, обусловленные резким ухудшением уровня жизни населения, длительным и масштабным военным противостоянием с агрессором на оккупированных и тыловых территориях. Они выразились в изменениях структурных и неструктурных характеристик демографических процессов. На фоне растущих людских потерь на фронте и на оккупированной территории смертность жителей тыловых регионов в 1941–1942 гг. нарастала. Тем не менее показатели смертности от сверхвысоких и высоких, а в некоторых случаях катастрофических (смертность младенцев) постепенно снизились, наряду с незначительным ростом рождаемости дав в некоторых тыловых регионах РСФСР в 1945 г. положительный естественный прирост. Но изменения в показателях смертности, вызванные войной, не заключались лишь в росте или падении их уровня. Исказились и другие характеристики демографического процесса. Данные тенденции позволяют говорить о наличии некоторых особенностей смертности тылового населения. Цель статьи – выявить и охарактеризовать особенности смертности тылового населения РСФСР в годы Великой Отечественной войны.

В советский и постсоветский периоды изучены отдельные аспекты темы (деятельность органов здравоохранения, роль партии и правительства в решении медико-санитарных вопросов, смертность как демографический процесс, голод и эпидемии и др.), однако данная проблема по-прежнему нуждается в дальнейшей разработке. Необходим анализ смертности в тылу и на оккупированных территориях, слабо изученной остается тема голода и эпидемиологических заболеваний, нуждаются в проработке вопросы смертности отдельных категорий населения (дети и младенцы, женщины и мужчины, лица пожилого возраста, инвалиды войны и пр.). В данной статье использовались труды, посвященные истории медицины и здравоохранения (О.В. Бароян, С.В. Маркова, М.А. Семенов)¹. В историко-демографических исследованиях проанализированы основные тенденции смертности населения РСФСР,

¹ Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968; Маркова С.В. Болезни войны и голода // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2016. № 63. С. 156–162; Семенов М.А. Распространение инфекционных заболеваний и смертности среди городского населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 27–36; Семенов М.А. Метод количественного анализа влияния качества лечебной деятельности здравоохранения на смертность населения в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 3 (35). С. 208–222. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-16.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

ее влияние на численность и состав населения (Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, В.А. Исупов и др.)². Ряд работ посвящен исследованию детской и младенческой смертности, преобладающей в структуре общей смертности накануне и в первые годы войны, и значительно изменившейся ее динамике в 1943–1945 гг. (В.А. Исупов, Г.Е. Корнилов, Е.М. Андреев и др.)³. Отдельный корпус работ – региональные исследования преимущественно постсоветского периода, позволившие представить региональную специфику, сравнить тенденции смертности в тыловых регионах РСФСР (В.В. Алексеев, В.А. Исупов, Н.В. Чернышева, Н.С. Коробейникова и др.)⁴. Данная публикация позволит обобщить имеющийся пласт научных исследований по проблемам смертности тылового населения РСФСР и на данной основе выделить и проанализировать ее особенности (структурные и неструктурные). Кроме того, приобщение регионального материала, а именно трех крупных тыловых районов РСФСР (Волго-Вятского, Урала и Сибири), а также некоторые сведения по другим регионам дадут возможность понять, насколько сильно выражена региональная специфика в тенденциях и показателях смертности в годы Великой Отечественной войны, что было характерно для смертности в довоенные годы.

Основной корпус источников представлен статистическими источниками (данные текущего учета, Всесоюзной переписи населения 1939 г., а также статистические сборники и справочники) и опубликованными сведениями в трудах ученых, а также документами, содержащимися в сборниках документов и материалов.

Исследователь опирается на теорию модернизации, составляющей которой является теория демографического и эпидемиологического перехода. В СССР во второй половине 1930-х гг. были достигнуты определенные успехи в снижении уровня смертности, однако к концу десятилетия негативные тенденции стали нарастать, а с началом Великой Отечественной войны еще более усилились, в очередной раз прервав данный процесс⁵. Ухудшение эпидемиологического состояния способствовало росту смертности и увеличению удельного веса экзогенных причин. В этом заключалась специфика эпидемиологического перехода в России, сформулированная В.А. Исуповым: «Всякий раз, когда в России разворачивался процесс эпидемиологического перехода, страна в силу особенностей своей социально-политической истории оказывалась на пороге мощного кризиса...»⁶. В период Великой Отече-

² Население России в XX веке: в 3 т. Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки. М., 2002; Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Исупов В.А. Гендерный дисбаланс сельского населения России (РСФСР) в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 32–49. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/9781?ysclid=m9ibv9m8ng661241957> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Исупов В.А. Демографическое «чудо»: сокращение детской смертности в Сибири в 1943–1945 гг. (на материалах Алтайского края) // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории. Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Межвузов. сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 177–186; Корнилов Г.Е. Младенческая смертность на Урале в годы Великой Отечественной войны // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993. С. 52–58; Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 80–89; Андреев Е.М. Снижение младенческой смертности в России в 1940–1958 гг. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2016. № 689–690. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/analit01.php> (дата обращения: 10.01.2025); Чернышева Н.В., Свинцова М.Н., Сакович Н.В. Детская и младенческая смертность в областях Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 102–111.

⁴ Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986; Чернышева Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров, 2012; Исупов В., Коробейникова Н., Семенов М. Население Западной Сибири в годы Второй мировой войны: 1939–1945 гг. [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 143–168. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1756?ysclid=m9ibr3f0j8721382693> (дата обращения: 10.01.2025); Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона в 1939–1945 годы: историко-демографическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2022.

⁵ Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 11, 21.

⁶ Исупов В.А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 83. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/3207?ysclid=m9ibmotzcb224739763> (дата обращения: 10.01.2025).

ственной войны путем разнообразных мер были достигнуты существенные успехи, позволившие стабилизировать санитарно-эпидемиологическую ситуацию.

Для выявления и характеристики особенностей смертности тылового населения РСФСР использовались общенаучные методы (анализа, обобщения, дедукции, систематизации и др.), специальные исторические методы (историко-динамический, историко-генетический, историко-сравнительный), для проведения расчетов демографических показателей – статистические методы, применяемые в демографии.

Прежде чем определить особенности и дать им характеристику, важно отметить тенденции смертности населения РСФСР и регионов накануне Великой Отечественной войны.

К концу 1930-х гг. рост заболеваемости в стране отмечался по большинству инфекционных болезней, в том числе опасным болезням с высокой степенью летальности (брюшной и сыпной тиф, коклюш, корь, дифтерия). Среди причин смертности рос удельный вес желудочно-кишечных заболеваний, а каждая десятая диагностированная смерть была вызвана болезнями органов дыхания и туберкулезом⁷. В 1940 г. в РСФСР скончались 15 % больных корью, около 15 % – дифтерией, 9 % – скарлатиной, 7 % – коклюшем⁸.

В предвоенные годы началась массовая вакцинация населения, в частности новорожденных детей, против туберкулеза, детей от 1 года до 8 лет – от дифтерии. Однако имеющаяся вакцина не позволяла добиться 100 %-ного формирования коллективного иммунитета⁹. Вакцину от сыпного тифа в широких масштабах стали применять в стране уже в годы Великой Отечественной войны¹⁰.

В 1940 г. в РСФСР общая смертность составляла 20,6 ‰. Негативные тенденции в наибольшей степени проявили себя в показателях младенческой смертности. В 1939 г. коэффициент младенческой смертности составлял 179,1 ‰, в 1940 г. – 206,2 ‰, т.е. до 1 года не дожил каждый пятый родившийся ребенок¹¹. По расчетным данным В.А. Исупова, он был еще выше и составлял 212 ‰¹². Необходимо также учитывать тот факт, что в СССР, в том числе в РСФСР, существовала проблема недоучета младенческой смертности, масштабы которого оценить сложно.

Мужская смертность была выше смертности женщин с преобладанием данной разницы среди горожан. Для смертности была характерна сезонность: в зимние месяцы традиционное повышение со снижением показателей в весенние и осенние месяцы и самыми высокими показателями в летний сезон.

Более половины умерших приходилось на детей с рождения до 5 лет (56 %). У детей с неокрепшей иммунной системой в условиях распространения инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний смертность была высокой.

Для показателей младенческой смертности в РСФСР была характерна значительная региональная дифференциация. По данным Е.М. Андреева, основанным на официальных расчетах статистических органов, в 1940 г. самый низкий коэффициент младенческой смертности зафиксирован в Северо-Осетинской АССР, а самый высокий – в Кировской области¹³. Высокий уровень младенческой смертности в Кировской области был связан с ростом заболеваемости и смертности детей от кори и коклюша. В 1940 г. 17,3 % детей до 1 года в городах области умерли от кори и 12,8 % от коклюша¹⁴. Демограф разделил все регионы РСФСР по данному показателю на пять групп. В итоге коэффициент младенческой смертности варьируется в пределах от 102 до 375 ‰. Самая высокая младенческая смертность наблюдалась на Европейском Севере, в некоторых областях Урала и в Якутии, самая

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф-4372. Оп. 92. Д. 284. Л. 19 об.

⁸ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы... С. 125–126.

⁹ Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР... С. 96.

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Население России за 100 лет (1897–1997 гг.): статистический сборник. М., 1998. С. 114.

¹² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы... С. 127.

¹³ Андреев Е.М. Снижение младенческой смертности в России в 1940–1958 гг. ...

¹⁴ Чернышева Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области... С. 50.

низкая – на Северном Кавказе и в Брянской области. Оговоримся, что показатели низкого уровня младенческой смертности на Северном Кавказе могут опять же являться следствием низкого качества учета смертности.

Территориальная дифференциация смертности нуждалась в тщательном анализе и изучении. Поэтому в план учетно-статистических работ по демографии на 1941 г. было внесено введение статистического учета и составление сводки за период 1938–1941 гг. в разрезе отдельных районов (табл. 1 – городская и табл. 2 – сельская)¹⁵. Так, в районах Мордовской АССР уровень рождаемости (без мертворожденных) в 1940 г. варьировался в пределах от 29,6 до 41,0 ‰ и от 29,1 до 42,3 ‰ в 1941 г. с преобладанием районов со средним уровнем рождаемости¹⁶.

Великая Отечественная война внесла коррективы в динамику смертности тылового населения. В итоге можно выделить несколько характерных особенностей смертности тылового населения.

Первая особенность – наличие четко выраженных этапов. Выделяют два этапа, характеризующих динамику смертности населения в тылу: июнь 1941 – осень 1942 гг., когда уровень смертности заметно увеличился; осень 1942 – весна 1945 гг. – в этот период наблюдается снижение уровня смертности¹⁷.

На первом этапе показатели общей смертности возросли и значительно дифференцировались в зависимости от сезона и фактора военного времени. В среднем коэффициент общей смертности тылового населения РСФСР в 1941 г. составлял 21,1 ‰, в 1942 г. – 27,7 ‰ и варьировался ежемесячно¹⁸. Устойчивое снижение его показателя зафиксировано с сентября 1942 г. – 25,3 против 31,0 ‰ в августе 1942 г. В 1943 г. общая смертность в тылу составляла 16,5 ‰, в 1944 г. – 15,1 ‰, в 1945 г. – 14,1 ‰¹⁹.

Однако в регионах РСФСР имелись колебания уровня смертности, которые значительно отклонялись от средней величины по РСФСР (см. табл. 1). Тем не менее общие тенденции в динамике смертности сохранялись.

Таблица 1

Коэффициент общей смертности населения Волго-Вятского региона, Урала и Сибири

Год	Волго-Вятский регион	Урал	Сибирь
1941	23,3	22,8	21,2
1942	30,4	26,2	26,0
1943	21,1	17,6	18,4
1944	20,4	17,9	12,9
1945	13,2	10,5	9,0

Составлено по: Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы... С. 159; Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона... С. 233–237; Исупов В., Коробейникова Н., Семенов М. Население Западной Сибири... С. 150.

Уровень смертности в Волго-Вятском регионе был выше, чем на Урале и в Сибири, а также чем по РСФСР в целом за исключением 1945 г. В Сибири уровень смертности населения снижался быстрее, чем на Урале.

Среди причин роста уровня смертности в тыловых районах можно выделить следующие: снижение уровня медицинского обслуживания, потеря части предприятий фармацевтической промышленности СССР, снижение качества питания, голод, распространение нетипичных заболеваний, значительный рост инфекционных заболеваний и др.

¹⁵ Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона... С. 70.

¹⁶ Там же. С. 169.

¹⁷ Население России в XX веке... С. 87.

¹⁸ Там же. С. 87, 96.

¹⁹ Там же.

С 1943 г. в тыловых районах страны начался перелом с последующим снижением заболеваемости по всем острым инфекциям. В конце 1942–1943 гг. в тыловых районах страны сократилось число умерших от всех без исключения экзогенных причин, но особенно значительно от таких опасных заболеваний, как корь, скарлатина, гемоколит, токсическая диспепсия, острый гастроэнтероколит, коклюш, дифтерия, дизентерия, сыпной тиф. Медленнее сокращалась смертность от туберкулеза, воспаления легких, брюшного тифа. В 1944 г. в некоторых тыловых районах страны вновь зафиксирован рост заболеваемости сыпным и брюшным тифом. Медиками они определялись как вспышки заболеваемости, носившие локальный характер.

Говоря о факторах снижения смертности тылового населения в 1943–1945 гг., в первую очередь необходимо назвать развитие системы здравоохранения, фармакологии, ужесточение санитарного контроля. В некоторой степени воздействие оказывали адаптационные механизмы к условиям военного времени.

Вторая особенность – наличие определенных различий в динамике смертности городского и сельского населения (см. табл. 2).

На первом этапе (июнь 1941 – осень 1942 г.) темпы роста уровня смертности в городах были выше, чем в сельской местности. Это было обусловлено прежде всего эвакуационными процессами. В тыл направлялась огромная масса населения. До войны на оккупированных территориях СССР проживало 85,2 млн чел. Части из них удалось эвакуироваться, однако оценки масштабов эвакуации значительно разнятся – от 6 до 25 млн чел. Города являлись крупными транзитными путями, что порождало сложную санитарно-эпидемиологическую ситуацию. В РСФСР доля случаев заболевания горожан сыпным тифом в 1942 г. составила 46 % от общей заболеваемости²⁰.

Размещение эвакуированного населения в тылу было неоднородным. Здесь необходимо учитывать не только количественные показатели, но и удельный вес эвакуированного населения в составе городских и сельских жителей, а также его социальный состав. В областях и республиках Волго-Вятского региона к 1 января 1943 г. разместились 554,0 тыс. эвакуированных, из них 27,7 % – в городской местности. В Сибири – 908,2 тыс., из них 56,6 % – в городских поселениях²¹.

Таблица 2

Коэффициенты смертности городского и сельского населения
Волго-Вятского региона и Сибири в 1941–1945 годы, в промилле

Год	Волго-Вятский регион		Сибирь	
	городское	сельское	городское	сельское
1941	23,4	23,3	24,1	19,7
1942	37,7	28,1	29,6	21,3
1943	24,6	19,7	27,2	13,6
1944	16,8	23,4	17,3	10,6
1945	12,1	17,6	12,2	7,4

Составлено по: Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири... С. 117; Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона... С. 505.

В 1943 г. уровень смертности снизился как в городской местности, так и в сельской. Однако данный процесс в регионах протекал по-разному. В городских поселениях Волго-Вятского региона наблюдались более высокие темпы снижения уровня смертности населения. В Сибири смертность в городах начинает значительно снижаться лишь в 1944 г. В городах Сибири, особенно в Западной, был сосредоточен огромный эвакуоконтингент, обес-

²⁰ Семенов М.А. Распространение инфекционных заболеваний... С. 31.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-327. Оп. 2. Д. 18. Л. 152; Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири... С. 149.

печить который даже минимальным медицинским обслуживанием было крайне сложно. К аналогичным выводам на основе метода количественного анализа пришел сибирский исследователь М.А. Семенов²².

В то же время смертность сельского населения в ряде регионов не имела устойчивых тенденций к снижению. В 1944 г. в некоторых регионах РСФСР фиксируется рост уровня смертности сельского населения (вспышка сыпного и брюшного тифа). В 1941–1942 гг. в стране увеличивается заболеваемость септической ангиной. Пик заболеваемости пришелся на 1944 г. По стране число учетных случаев достигло 173 тыс. Из заболевших около 28 тыс. умерло. 80–85 % всех больных и умерших приходились на РСФСР, особенно много в Куйбышевской, Чкаловской, Ульяновской областях, Башкирской и Татарской АССР²³.

Малоизученной остается проблема голода военных лет. Случаи дистрофии и истощения у населения фигурируют в документах органов здравоохранения, органов партийного контроля, НКВД и др. Эти документы не позволяют воссоздать полную картину.

Третья особенность – изменения в показателях сезонности. Уже в августе-сентябре 1941 г. коэффициент смертности в тылу значительно увеличился. В 1942 г. показатели смертности оставались стабильно высокими фактически в любой месяц, и только с сентября по декабрь фиксируется снижение числа умерших. В некоторых тыловых районах РСФСР показатели смертности начинают снижаться лишь к концу осени 1942 г. (рис. 1).

Рис. 1. Сезонные колебания коэффициента смертности населения тыловых районов РСФСР в 1941 и 1942 г., в промилле. Составлено по: Население России в XX веке... С. 87

В 1943–1944 гг., как было сказано выше, показатели смертности нарастали в период зимы, отчасти весны, вновь увеличились во второй половине лета – начале осени. В 1945 г. снижение смертности пришлось на часть весенне-летних месяцев с последующим увеличением во второй половине 1945 г.

Традиционное повышение показателей смертности в зимние и летние месяцы в целом сохранялось, но имело затяжной характер (с января по май). В летние месяцы 1944 г. росту уровня смертности способствовали новые вспышки заболеваемости сыпным и брюшным тифом. Во второй половине 1945 г. смертность только нарастала по причине высокой миграционной активности населения.

Четвертая особенность – изменения в возрастных показателях смертности. В структуре общей смертности тылового населения доминировала детская и младенческая смертность. Дети особенно чувствительны к социальным изменениям, ухудшению условий жизни. Понимая данную специфику, сотрудники Наркомата здравоохранения РСФСР определяли в качестве главной задачи медицинского обслуживания детей в первый год войны оказание медицинской помощи эвакуированным детям²⁴. Тем не менее справиться с задачами медицинского обслуживания детского контингента в первые годы войны в полной мере не удалось.

²² Семенов М.А. Метод количественного анализа... С. 221.

²³ Маркова С.В. Болезни войны и голода... С. 19.

²⁴ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 2046. Л. 1.

Негативные тенденции нарастали и проявили себя в высокой смертности детей в первые недели жизни, невынашивании плода, неудовлетворительной работе органов здравоохранения по профилактике дифтерии, рахита и гипотрофии; лечении воспаления легких, выявлении туберкулеза; обеспечении детей питанием через сеть молочных кухонь²⁵.

В связи с существенным снижением уровня младенческой смертности в 1943–1945 гг. изменялся удельный вес смертности населения трудоспособного возраста, а также старших возрастов.

Смертность детей до 5 лет, особенно младенцев, преобладала в структуре общей смертности. Удельный вес младенческой смертности среди умерших на Урале в 1941 г. составлял 58 %, в 1942 г. – 44,8 %, а с 1943 г. начал постепенно снижаться – 28,0, 21,1 и 23,4 % соответственно²⁶.

Смертность детей в возрасте от 5 лет до 9 лет в структуре общей смертности населения Волго-Вятского региона составляла 3–6 %. Смертность детей от 10 лет и старше – 1,5–3 %²⁷.

Рост уровня смертности детей до 1 года летом и осенью 1941 г. в основном связан с сезонными колебаниями смертности, отчасти эвакуацией населения. С весны, особенно в летние месяцы 1942 г., происходит значительное нарастание уровня младенческой смертности. За первое полугодие 1942 г. коэффициент младенческой смертности увеличился более чем в 3 раза, а в августе он достиг 611,6 ‰ (рис. 2).

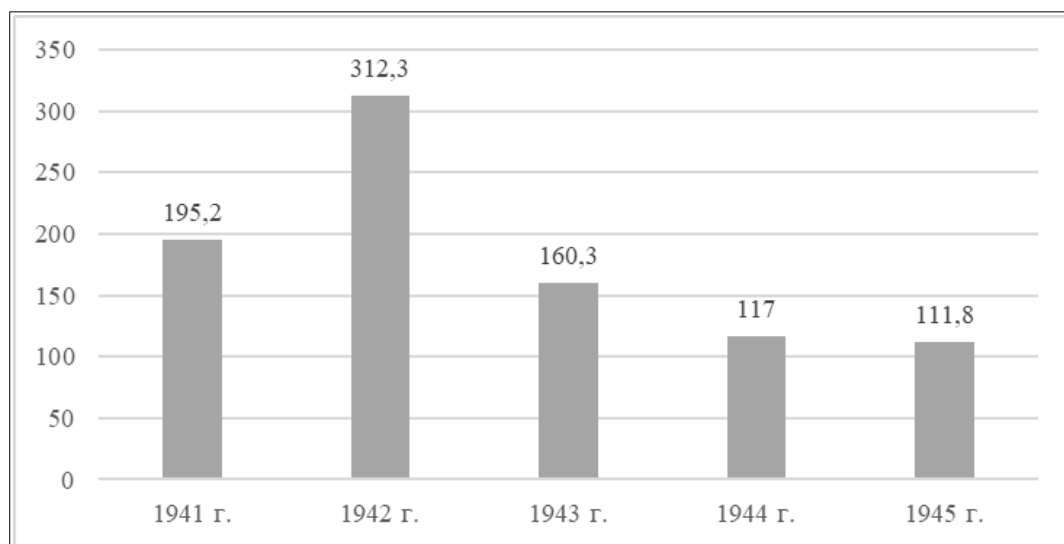

Рис. 2. Коэффициент младенческой смертности в тыловых районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны, в промилле.
Составлено по: Население России в XX веке... С. 88, 96

Уровень смертности детей до 1 года был сверхвысоким во всех тыловых регионах РСФСР, однако в некоторых из них он был чрезвычайно высоким, особенно в крупных городах (Свердловске, Молотове, Горьком, Новосибирске и др.) и регионах массового вселения эвакуированного населения (Кировская, Архангельская, Свердловская и Омская области, а также Татарская и Чувашская АССР)²⁸.

В Волго-Вятском регионе в 1942 г. умирал каждый третий-четвертый младенец, особенно высокими были показатели в Кировской (395,2 ‰) и в Горьковской (320,9 ‰)²⁹ областях. На Урале в 1942 г. младенческая смертность достигла 289,0 ‰, а в Свердловской области в июне-июле 1942 г. – показателя в 459,0 ‰³⁰. В городах Западной Сибири смертность младенцев в этом году составляла 327,4 ‰.

²⁵ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 2046. Л. 32–33.

²⁶ Корнилов Г.Е. Младенческая смертность на Урале... С. 54.

²⁷ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 164. Л. 17–17 об.; Д. 278. Л. 340–340 об.

²⁸ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы... С. 145.

²⁹ Чернышева Н.В. Детская и младенческая смертность... С. 345.

³⁰ Корнилов Г.Е. Младенческая смертность на Урале... С. 54.

Пиковые показатели 1942 г. резко снижаются в 1943 г. и будут снижаться с каждым военным годом. По тыловым регионам РСФСР показатель младенческой смертности в 1943 г. сократится в 1,9 раза.

Сверхсмертность младенцев являлась не только следствием ухудшения социально-экономической ситуации, продовольственной проблемы, увеличения нагрузок на человеческий организм, роста заболеваемости, что приводило к тому, что истощенный физическими нагрузками и работой материнский организм не мог благополучно вынести беременность и роды³¹. По расчетным данным В.А. Исупова, война унесла жизни приблизительно 1,3 млн грудных детей в СССР³².

В 1941–1942 гг. смертность младенцев мальчиков и девочек в тыловых районах РСФСР нарастала одинаковыми темпами, увеличившись в 1,6 раза. Повышенная выживаемость девочек в военное время не играла значимой роли³³.

Смертность младенцев преобладала и в структуре смертности детей в возрасте до 5 лет. В 1942 г. преобладающую долю умерших в Волго-Вятском регионе составляли дети до 1 года (от 52 до 60 %), т.е. рожденные в 1941–1942 гг.; каждый пятый ребенок умер в возрасте 1–2 года (19–22 %) и каждый десятый – в возрасте 2–3 года (10–13 %)³⁴. В последующие годы войны детская смертность оставалась высокой и в более старших возрастных группах (дети, рожденные в 1940–1942 гг.). Вероятно, сказывалось не только общее ухудшение качества жизни и затянувшаяся война, но и ослабленность детей, родившихся накануне и в первые годы войны³⁵.

На втором этапе (1943–1945 гг.) удельный вес детской смертности заметно снизился, а смертность в наиболее активных возрастных группах увеличилась. Также возрастал удельный вес умерших старших возрастных групп.

Важнейший вопрос заключается в установлении причин и факторов столь резкого снижения показателей общей и младенческой смертности в период войны. Исследователи отмечают, что в основе данного явления – внедрение в лечебную практику сульфаниламидных препаратов. Определенную роль, конечно же, сыграло большее стремление матерей к выхаживанию младенцев³⁶.

Пятая особенность – преобладание смертности мужской части населения. Данная особенность связана со спецификой реакции мужского и женского организмов на ухудшение условий жизни; кроме того, смертность мужчин от травм, болезней органов дыхания, инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний была выше. В период войны можно говорить о причинах смертности лишь учитывая, что их регистрация была затруднена и фактически проводилась только в городах. Это не дает полной картины.

По сведениям В.А. Исупова, в тыловых районах РСФСР на протяжении всего периода войны смертность мужчин преобладала, достигнув максимума в 1942–1943 гг. (55,0–55,5 %). Несколько снизился удельный вес мужской смертности в 1944–1945 гг. (52,8 %), став даже ниже показателя 1941 г. Но это снижение во многом результат половозрастных изменений³⁷.

Не стоит также забывать о том, что в ходе воинской мобилизации на фронт были отправлены наиболее здоровые мужчины, а до окончания войны возвращались инвалиды. В РСФСР по состоянию на 1 августа 1943 г. в органах социального обеспечения числилось 590,3 тыс. инвалидов Отечественной войны, в начале 1945 г. – 1 139 668 чел., в том числе 1-й группы – 17 483 (2,4 %), 2-й группы – 382 516 (33,6 %), 3-й группы – 728 842 (64,0 %)³⁸.

³¹ Чернышева Н.В. Государственная защита материнства и детства... С. 62.

³² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы... С. 198.

³³ Там же. С. 145.

³⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 171. Л. 41–41 об., 45–45 об., 100–100 об.; Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 860. Л. 10–10 об.; Чернышева Н.В. Детская и младенческая смертность... С. 345.

³⁵ Чернышева Н.В., Свинцова М.Н., Сакович Н.В. Детская и младенческая смертность... С. 105.

³⁶ Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности... С. 86; Исупов В.А. Демографическое «чудо»... С. 177–186.

³⁷ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы... С. 146.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 430. Л. 2.

Данная разница в уровне смертности мужчин и женщин была еще больше, учитывая нарастающий половозрастной дисбаланс в тылу. К началу войны в стране уже наблюдалась половозрастная деформация. В РСФСР к 1 января 1943 г. на селе проживало 37,6 % мужчин и 62,4 % женщин. К 1 января 1945 г. эта разница достигла максимальных различий и составляла 36,2 % мужчин и 63,4 % женщин. Особенно ощутима она в возрастных группах 18–24 года, где женщины составляли 79,8 %, и 25–49 лет – 80,5 %. Наиболее значительные по масштабам мобилизации мужчин были проведены в сельской местности Центральной России, Поволжья и Сибири, что усиливало в данных регионах диспропорцию. В связи с начавшейся демобилизацией ситуация незначительно улучшилась, но огромные людские потери не позволяли ее сильно изменить. В 1946 г. в РСФСР по данным списков избирателей на выборах депутатов Верховного Совета СССР насчитывалось 32,4 % мужчин и 37,6 % женщин, наибольшая разница среди полов сохранялась в возрастах 20–27 лет, среди них лишь 23–26 % составляли мужчины³⁹.

Таким образом, смертность тылового населения как демографический процесс в 1941–1945 гг. претерпела существенные изменения. Негативные тенденции воспроизводства населения, проявившиеся в 1939–1940 гг., сменились еще большим увеличением смертности в период с июня 1941 г. по осень 1942 г. Наибольшее воздействие на рост уровня смертности оказала смертность младенцев, особенно в 1942 г.

Можно выделить ряд особенностей смертности тылового населения РСФСР, проявившихся в структурных и неструктурных характеристиках данного демографического процесса. Во-первых, наличие четко выраженных этапов, характерных для смертности тылового населения. Во-вторых, наличие различий в динамике смертности городского и сельского населения. В-третьих, появились изменения в показателях сезонности. В-четвертых, произошли изменения в возрастных показателях смертности. В-пятых, рост мужской смертности. Данные особенности нашли свое отражение в тыловых районах РСФСР с разной степенью интенсивности.

Литература

Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.

Андреев Е.М. Снижение младенческой смертности в России в 1940–1958 гг. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2016. № 689–690. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/analit01.php> (дата обращения: 10.01.2025).

Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М.: Медицина, 1968. 303 с.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Исупов В.А. Гендерный дисбаланс сельского населения России (РСФСР) в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 32–49. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/9781?ysclid=m9ibv9m8ng661241957> (дата обращения: 10.01.2025).

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 242 с.

Исупов В.А. Демографическое «чудо»: сокращение детской смертности в Сибири в 1943–1945 гг. (на материалах Алтайского края) // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории. Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Межвузов. сб. науч. трудов. Новосибирск, 2002. С. 177–186.

Исупов В.А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 82–92. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/3207?ysclid=m9ibmotzcb224739763> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁹ Исупов В.А. Гендерный дисбаланс сельского населения России... С. 40–42, 44.

Исупов В., Коробейникова Н., Семенов М. Население Западной Сибири в годы Второй мировой войны: 1939–1945 гг. [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 143–168. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1756?ysclid=m9ibr3f0j8721382693> (дата обращения: 10.01.2025)

Корнилов Г.Е. Младенческая смертность на Урале в годы Великой Отечественной войны // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993. С. 52–58.

Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 80–89.

Маркова С.В. Болезни войны и голода // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2016. № 63. С. 156–162.

Население России в XX веке: в 3 т. Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2002. 463 с.

Население России за 100 лет (1897–1997 гг.): статистический сборник / ред. Ю.А. Юрков. М.: Моск. изд. Дом, 1998. 222 с.

Семенов М.А. Распространение инфекционных заболеваний и смертности среди городского населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 27–36.

Семенов М.А. Метод количественного анализа влияния качества лечебной деятельности здравоохранения на смертность населения в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 3. С. 208–222. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-16.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

Чернышева Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. 203 с.

Чернышева Н.В. Государственная защита материнства и детства в годы Великой Отечественной войны // Отечественный журнал социальной работы. 2013. № 1. С. 56–64.

Чернышева Н.В. Детская и младенческая смертность в автономных республиках и областях Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны // Военная история России: проблемы, поиски, решения: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 3 ч. Ч. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. С. 342–352.

Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона в 1939–1945 годы: историко-демографическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2022. 516 с.

Чернышева Н.В., Свинцова М.Н., Сакович Н.В. Детская и младенческая смертность в областях Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. № 11. 2019. С. 102–111.

References

Alekseev, V.V., Isupov, V.A. (1986). *Naselenie Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Nauka. 232 p.

Andreev, E.M. (2016). Snizhenie mladencheskoy smertnosti v Rossii v 1940–1958 gg. [Reduction of Infant Mortality in Russia in 1940–1958]. In *Demoskop Weekly*. No. 689–690. Available at: URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/analit01.php> (date of access 10.01.2025).

Baroyan, O.V. (1968). *Itogi poluvekovoi bor'by s infektsiyami v SSSR i nekotorye aktual'nye voprosy sovremennoy epidemiologii* [Results of Half a Century of Fight against Infections in the USSR and Some Topical Issues of Modern Epidemiology]. Moscow, Meditsina. 303 p.

Chernysheva, N.V. (2012). *Sotsial'no-demograficheskie protsessy v Kirovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Social and Demographic Processes in the Kirov Region during the Great Patriotic War]. Kirov, Izdatel'stvo VyatGGU. 203 p.

Chernysheva, N.V. (2013). Gosudarstvennaya zashchita materinstva i detstva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [State Protection of Motherhood and Childhood during the Great Patriotic War]. In *Otechestvennyy zhurnal sotsial'noy raboty*. No. 1, pp. 56–64.

Chernysheva, N.V. (2020). Detskaya i mladencheskaya smertnost' v avtonomnykh respublikakh i oblastyakh Volgo-Vyatskogo regiona v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Child and Infant Mortality in the Autonomous Republics and Regions of the Volga-Vyatka Region during the Great Patriotic War]. In *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchenoy 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne: v 3-kh chastyakh*. Part 1. Volgograd, Izdatel'stvo VolGU, pp. 342–352.

Chernysheva, N.V. (2022). *Naselenie Volgo-Vyatskogo regiona v 1939–1945 gody: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [Population of the Volga-Vyatka Region in 1939–1945: Historical and Demographic Research], Dr. hist. sci. diss. St. Petersburg. 516 p.

Chernysheva, N.V., Svintsova, M.N., Sakovich, N.V. (2019). Detskaya i mladencheskaya smertnost' v oblastyakh Volgo-Vyatskogo regiona v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Child and Infant Mortality in the Volga-Vyatka Region during the Great Patriotic War]. In *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 102–111.

Isupov, V., Korobeynikova, N., Semenov, M. (2016). Naselenie Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny: 1939–1945 gg. [Population of Western Siberia during the Second World War: 1939–1945]. In *Demograficheskoe obozrenie*. Vol. 3, No. 2, pp. 143–168. Available at: URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1756?ysclid=m9ibr3f0j8721382693> (date of access 10.01.2025).

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka. Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century. Historical and Demographic Essays]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 242 p.

Isupov, V.A. (2002). Demograficheskoe “chudo”: sokrashchenie detskoj smertnosti v Sibiri v 1943–1945 gg. (na materialakh Altayskogo kraja) [Demographic “Miracle”: Reduction in Child Mortality in Siberia in 1943–1945 (Based on Materials from the Altai Territory)]. In *Sibir' v XVII–XX vekakh: problemy politicheskoy i sotsial'noy istorii. Bakhrushinskie chteniya 1999–2000 gg. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, pp. 177–186.

Isupov, V.A. (2016). Epidemiologicheskij perekhod v Rossii: vzglyad istorika [Epidemiological Transition in Russia: A Historian's View]. In *Demograficheskoe obozrenie*. Vol. 3, No. 4, pp. 82–92. Available at: URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/3207?ysclid=m9ibmotzcb224739763> (date of access 10.01.2025).

Isupov, V.A. (2019). Gendernyy disbalans sel'skogo naseleniya Rossii (RSFSR) v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945 gody) [Gender Imbalance of the Rural Population of Russia (RSFSR) during the Second World War (1939–1945)]. In *Demograficheskoe obozrenie*. Vol. 6, No. 1, pp. 32–49. Available at: URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/9781?ysclid=m9ibv9m8ng661241957> (date of access 10.01.2025).

Kornilov, G.E. (1993). Mladencheskaya smertnost' na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Infant Mortality in the Urals during the Great Patriotic War]. In *Naselenie Rossii i SSSR: novye istochniki i metody issledovaniya*. Yekaterinburg, pp. 52–58.

Kornilov, G.E. (2014). Evolyutsiya mladencheskoj smertnosti na Urale v pervoy polovine XX v. [Evolution of Infant Mortality in the Urals in the First Half of the 20th Century]. In *Ural'skiy istoricheskij vestnik*. No. 3, pp. 80–89.

Markova, S.V. (2016). Bolezni voyny i goloda [Diseases of War and Famine]. In *Nauchno-meditsinskiy vestnik Tsentral'nogo Chernozem'ya*. No. 63, pp. 156–162.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2002). *Naselenie Rossii v XX veke: v 3-kh tomakh. Tom 2: 1940–1959 gg.: istoricheskie ocherki* [Population of Russia in the 20th Century: in 3 Vol. Vol. 2, 1940–1959: Historical Essays]. Moscow, ROSSPEN. 463 p.

Semenov, M.A. (2023). Rasprostranenie infektsionnykh zabolevaniy i smertnosti sredi gorodskogo naseleniya SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Spread of Infectious Diseases and Mortality among the Urban Population of the USSR during the Great Patriotic War]. In *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. No. 2, pp. 27–36.

Semenov, M.A. (2024). Metod kolichestvennogo analiza vliyaniya kachestva lechebnoy deyatel'nosti zdravookhraneniya na smertnost' naseleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Method of Quantitative Analysis of the Impact of the Quality of Medical Activities of Health Care on Mortality during the Great Patriotic War]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 3, pp. 208–222. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-16.pdf> (date of access 10.01.2025).

Yurkov, Yu.A. (1998). *Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997 gg.): statisticheskiy sbornik* [Population of Russia for 100 years (1897–1997): Statistical Collection]. Moscow, Moskovskiy izdatel'skiy dom. 222 p.

Zhiromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Main Trends of Demographic Development of Russia in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 320 p.

М.А. Семенов*

ВЛИЯНИЕ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ ИНФЕКЦИОННЫМИ БОЛЕЗНЯМИ НА СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-4
УДК 94(47)"1941/1945"*Выходные данные для цитирования:**Семенов М.А. Влияние заболеваемости инфекционными болезнями на смертность населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 54–67.**URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-04.pdf>*

M.A. Semenov*

THE IMPACT OF THE INCIDENCE OF INFECTIOUS DISEASES ON THE MORTALITY OF THE USSR POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-4

*How to cite:**Semenov M.A. The Impact of the Incidence of Infectious Diseases on the Mortality of the USSR Population during the Great Patriotic War // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 54–67. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-04.pdf>]*

Abstract. The study of demographic processes during the war period is of great importance. To a large extent, we are only at the beginning of the study of civilian mortality. One of the key problems of historical demography studying the war period is to clarify the role of various factors in changing the mortality rate of the population. Based on published and unpublished materials, this article analyzes the impact of the dynamics of the incidence of a number of infectious diseases on the mortality of the civilian population of the USSR during the Great Patriotic War. The article provides summary data on the incidence of a number of infectious diseases in the USSR and the RSFSR. The factors influencing the change in morbidity are indicated. First of all, it is worth noting the activities of the healthcare system. It can be divided into several areas. Firstly, the impact of sanitary and educational work. Secondly, the sanitary activities of doctors played a huge role. Thirdly, the implementation of preventive vaccinations and phage of the population played an important role. Fourth, comprehensive work to eliminate epidemic outbreaks: disinfection of premises, phage of contact persons, hospitalization of patients and the implementation of quarantine measures. Significant progress has been made in this area. In addition to health care activities, other factors influenced the dynamics of morbidity. For example, changes in contact activity, the level of the body's defenses, etc. A significant influence on the dynamics of morbidity was exerted by natural cycles of infection self-regulation. In order to determine the contribution of changes in morbidity to the mortality of the population, based on the data on morbidity and mortality, the number of deaths from a number of infectious diseases is calculated. It has been established that reducing mortality from infectious diseases is one of the most important components of reducing mortality in the USSR in 1940–1945. Based on the results obtained, we can draw a preliminary conclusion about the decisive contribution of Soviet healthcare to reducing mortality during the war years.

* **Михаил Александрович Семенов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: pihterek@yandex.ru

Mikhail Aleksandrovich Semenov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: pihterek@yandex.ru

** Статья выполнена по теме государственного задания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article is on the topic of the state assignment “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Keywords: mortality, morbidity, epidemics, healthcare, medicine, demography, the Great Patriotic War.

The article has been received by the editor on 28.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Изучение демографических процессов военного периода имеет огромное значение. В значительной степени в исследовании смертности гражданского населения мы находимся лишь в начале пути. Одной из ключевых проблем исторической демографии, исследующей военный период, является выяснение роли различных факторов в изменении смертности населения. В данной статье на основе опубликованных и неопубликованных материалов проанализировано влияние динамики заболеваемости рядом инфекционных заболеваний на смертность гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны. В статье приводятся сводные данные о заболеваемости рядом инфекционных заболеваний по территории СССР и РСФСР. Указаны факторы, влияющие на изменение заболеваемости. В первую очередь стоит отметить деятельность системы здравоохранения. Условно ее можно разделить на несколько направлений. Во-первых, влияние санитарно-просветительной работы. Во-вторых, огромную роль играла санитарная деятельность врачей. В-третьих, значимую роль играло осуществление профилактических прививок и фагирование населения. В четвертых, комплексная работа по ликвидации эпидемических очагов: дезинфекция помещений, фагирование контактных лиц, госпитализация больных и осуществление карантинных мероприятий. В этом направлении был достигнут значительный прогресс. Помимо деятельности здравоохранения, на динамику заболеваемости влияли и другие факторы. Например, изменение контактности, уровень защитных сил организма и т.д. Значительное влияние на динамику заболеваемости оказывали природные циклы саморегуляции инфекций. Для того чтобы определить вклад изменения заболеваемости в смертность населения, исходя из приведенных данных о заболеваемости и летальности, рассчитано число умерших от ряда инфекционных заболеваний. Установлено, что снижение смертности от инфекционных болезней является одной из важнейших составляющих снижения смертности населения в СССР в 1940–1945 гг. Опираясь на полученные результаты, можно сделать предварительный вывод о решающем вкладе советского здравоохранения в снижение смертности военных лет.

Ключевые слова: смертность, заболеваемость, эпидемии, здравоохранение, медицина, демография, Великая Отечественная война.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025 г.

Изучение демографических процессов военного периода имеет огромное значение. В конечном счете, именно человеческие ресурсы лежали в основе военных, экономических, социальных достижений и неудач военного времени. Неотъемлемой частью естественного движения населения является смертность. Анализ ее во многом парадоксальной динамики и факторов, оказывавших на нее воздействие, территориальных и социальных особенностей – гигантское пространство для исследований многих поколений ученых.

В значительной степени в исследовании смертности гражданского населения мы находимся лишь в начале пути. Основным местом приложения усилий историков служат потери, напрямую вызванные военными действиями. Смертность же гражданского населения по-прежнему находится в некоторой тени. К настоящему времени в масштабе СССР

и РСФСР известны лишь основные демографические показатели: численность населения¹, общие коэффициенты смертности и рождаемости². При этом серьезные изменения в результате военных действий, круга территории, по которым собиралась статистика, крайне затрудняют работу с данными сведениями из-за их несопоставимого характера.

В лучшей степени представлены данные по некоторым макрорегионам и отдельным административно-территориальным образованиям, разбросанные по множеству монографий, диссертационных исследований, статей³. В то же время имеются регионы, где подобная работа не была проведена либо находится в зачаточном состоянии. Существует настоятельная необходимость в сводной работе, описывающей основные демографические показатели для совокупности республик СССР, краев и областей. Однако, несмотря на наличие необходимых источников и отработанную, не раз проделанную в масштабе отдельных регионов методику работы с ними, значительное количество уже опубликованных материалов, подобное исследование требует кропотливых усилий значительного коллектива ученых и, к сожалению, в обозримой перспективе не предвидится.

Данная ситуация серьезно затрудняет демографический анализ процессов военного времени, заставляет производить приблизительные расчеты там, где этого можно было бы избежать, в значительной степени делает невозможным использование относительных показателей, имеющих большую эвристическую ценность.

Тем не менее даже имеющийся массив сведений позволяет сформулировать ряд ключевых вопросов. Одной из ключевых проблем исторической демографии, исследующей военный период, является выяснение роли различных факторов в изменении смертности населения.

В данной статье мы остановимся лишь на одном из таких факторов – влиянии динамики заболеваемости рядом инфекционных заболеваний на смертность гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны.

В то же время заболеваемость – крайне широкое понятие. Полная заболеваемость по всем существующим болезням не собиралась, не собирается и, очевидно, никогда не будет собираться ни в одной стране мира. Исследование ограничено совокупностью тех заболеваний, по которым советская медицина собирала более или менее полную статистику в годы войны. В то же время именно эти болезни здравоохранение той поры расценивало как наиболее общественно опасные.

Помимо уже опубликованных материалов, в статье используются данные о заболеваемости по Союзу ССР и его административно-территориальным единицам, составленные на основе сводных данных по формам 85 и 87 медицинской статистики, хранящиеся в фонде ЦСУ Российского государственного архива экономики (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 251, 264, 275, 298, 326). Данные формы были предназначены для учета случаев заболевания опреде-

¹ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза 1922–1991. М., 1993; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998; Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 46–53; Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17.

² Араловец Н.А. Смертность городского населения в тыловых районах России, 1941–1945 гг. // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995. С. 154–159; Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 76–94; Попов В.П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 3–15; 1996. № 3. С. 91–103; № 4. С. 58–66; Население России в XX веке: исторические очерки. М., 2000. Т. 2. С. 106–127; Попов В.П. Демографические перемены в СССР в 1940-х – начале 1950-х гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 49–64.

³ См., напр.: Сакаев В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008; Красноженова Е.Е. Социальная политика советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах нижнего Поволжья). Астрахань, 2013; Сивцева С.И. Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014; Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2017; Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона в 1939–1945 годы: историко-демографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2023; и др.

ленными болезнями и заполнялись в каждом медицинском учреждении. Форма 85 учитывала заболеваемость острозаразными заболеваниями, а форма 87 – заболевания неинфекционного характера и инфекционные заболевания, носившие, с точки зрения советского здравоохранения, менее опасный характер. Как и любая медицинская статистика, она отражала не действительное число заболеваний, а число зафиксированных органами здравоохранения случаев. В этой связи точность статистики напрямую зависела от развития медицинской сети территории, уровня организации медико-статистического учета. Соответственно, полнота учета по данным формам была неодинакова в территориальном плане. Так, применительно к исследуемому периоду в РСФСР и Казахской ССР статистика собиралась лучше, а, к примеру, в Таджикской ССР хуже. Влиял на точность статистики и тип поселения: в городах фиксация случаев болезни была значительно полнее, чем на селе.

Различается точность статистики и для различных болезней. Опасные болезни фиксировались достаточно полно, так как обеспечивали и высокую обращаемость пациентов в лечебные учреждения, и внимательное отношение медиков к учету случаев подобных болезней. С другой стороны, статистика по сравнительно легким заболеваниям велась значительно хуже как ввиду того, что многие пациенты просто не обращались за медицинской помощью, так и вследствие невнимательного отношения медиков к их регистрации. Если данные по сыпному тифу, вероятно, близки к действительным значениям распространения болезни, то, к примеру, статистика по гриппу иногда просто не заполнялась даже на уровне отдельных регионов.

При этом фиксацию случаев заболеваний с летальным исходом следует считать достаточно полной.

Указанные недостатки, значительно повлиявшие на отражение медицинской статистикой действительной заболеваемости, не претерпели в ходе войны кардинальных изменений. Следовательно, при анализе динамики заболеваемости можно предположить, что в каждый конкретный момент времени относительная погрешность, вносимая вышеуказанными факторами, является одинаковой, и динамика действительной заболеваемости населения отражается динамикой учтенной заболеваемости достаточно корректно.

В то же время подобное нельзя сказать о влиянии активных боевых действий, то сужавших круг отчитывающихся учреждений, то расширявших его. При этом даже после освобождения территории качество медицинской статистики далеко не сразу выходило на уровень, существовавший до оккупации. В среднем адекватную медицинскую статистику освобожденные территории начинали предоставлять примерно через год после освобождения. В этой связи возникает проблема сопоставимости данных по территории СССР и РСФСР в военные годы для статистического анализа. Данная проблема вновь поднимает вопрос о необходимости сведения воедино, на основе сведений по отдельным регионам, демографических и медико-статистических данных в масштабе СССР, что сделает возможным анализ по сопоставимой территории. В данной статье приходится опираться на данные по СССР и РСФСР в объеме предоставивших статистические сведения в тот или иной период времени учреждений, что делает крайне сложным использование относительных показателей, снижает релевантность полученных выводов.

В настоящее время при изучении влияния заболеваемости на смертность, как правило, прибегают к анализу структуры смертности по причинам смертности и ее изменениям. Не отрицая важного познавательного значения подобного анализа, стоит отметить, что в силу изменения размеров самой смертности он не дает адекватного представления об изменении влияния на смертность той или иной причины в целом и заболеваемости инфекционными болезнями в частности. Условно и 100 умерших от туберкулеза из общего числа умерших в 1 000 человек, и 10 умерших от туберкулеза из общего числа умерших в 100 человек с точки зрения анализа только структуры смертности по причинам смертности полностью равнозначные ситуации. Однако при неизменной доле туберкулеза в причинах смертности данный показатель не отражает тот факт, что количество заболеваний и смертей от туберкулеза сократилось во втором случае в десять раз. Данная особенность делает необ-

ходимым и иные подходы к изучению влияния заболеваемости на смертность. Обратимся к опыту медицинской статистики.

В медицинской статистике давно известна формула смертности от той или иной болезни в виде $M_{заб} = \frac{d * m}{p}$, где $M_{заб}$ – смертность от заболевания, d – количество умерших

от заболевания, m – численность заболевших, p – численность населения⁴. Таким образом, обусловленная болезнью смертность населения определяется произведением двух показателей – собственно заболеваемости $\frac{m}{p}$ и летальности $\frac{d}{m}$. Подробному исследованию влияния летальности на смертность было посвящено отдельное исследование автора, к которому рекомендуем обратиться всех желающих⁵. В данной же работе сосредоточимся на изучении влияния на смертность заболеваемости. Из указанной формулы следует, что динамика итоговой смертности от болезни напрямую зависит от изменения заболеваемости и, в предельном случае, при неизменной летальности динамика смертности от болезни будет строго равна динамике заболеваемости.

Также стоит указать, что реальное количество умерших от заболевания и его потенциальная опасность далеко не равнозначны. Многие болезни, не принесшие в годы войны значительного ущерба, в отсутствие усилий медиков по борьбе с ними легко могли распространиться и стать настоящим бичом общества.

В первую очередь речь идет о так называемых особо опасных болезнях: чуме, холере, оспе и т.д. Отдельно отметим слабую изученность динамики этих болезней, характер протекания эпидемических вспышек, деятельность медиков по их ликвидации и т.д. Например, официально оспа в СССР считается ликвидированной с 1936 г. Однако отдельные вспышки этого заболевания фиксировались в течение всей войны. Так, в 1942 г. на территории СССР был зафиксирован 51 случай оспы (22 случая – в Азербайджанской и 29 – в Узбекской ССР), в 1943 г. – 1 случай (Таджикская ССР), в 1944 г. – 125 случаев (из них 114 – в Таджикской ССР, 3 – в Казахской ССР, 8 – в Армянской ССР), в 1945 г. – 41 случай (20 случаев – в Узбекской ССР, 10 случаев – в Таджикской ССР, 2 – в Туркменской ССР, 3 – в Грузинской ССР, 6 случаев – в Читинской области РСФСР)⁶. Значение огромных усилий, затраченных здравоохранением на ликвидацию очагов особо опасных болезней, несмотря на, казалось бы, ничтожный вклад их в реальную смертность, сложно переоценить.

Заболеваемость отдельными видами болезней в годы войны по территории СССР и РСФСР представлена в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Заболеваемость в СССР* в 1940–1945 гг. (число случаев)

Заболевание	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Сыпной тиф	43 967	59 068	367 822	311 417	613 728	430 085
Брюшной тиф	106 109	66 357	116 143	116 531	101 225	88 507
Паратиф	12 342	7 323	11 714	15 383	11 593	11 028
Возвратный тиф	н/д	н/д	56	1 096	37 422	96 639
Токсическая диспепсия	275 318	167 615	117 674	47 864	35 382	25 335
Острый гастроэнтероколит	н/д	н/д	970 446	561 195	426 249	340 756

⁴ Новосельский С.А. К методологии измерения летальности // Гигиена и санитария. 1936. № 12. С. 49–52.

⁵ Семенов М.А. Метод количественного анализа влияния качества лечебной деятельности здравоохранения на смертность населения в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2024. № 3 (35). С. 208–222. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-16.pdf> (дата обращения: 16.01.2025).

⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 18. Д. 264. Л. 17; Д. 275. Л. 17; Д. 298. Л. 27; Д. 326. Л. 29–30; Д. 331. Л. 72.

Окончание табл. 1

Заболевание	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Корь	1 173 866	1 188 006	370 742	142 983	1 035 139	588 957
Дифтерия	172 349	153 358	149 015	124 424	126 766	86 997
Скарлатина	249 165	220 221	105 209	50 507	66 215	208 125
Дизентерия и гемоколиты	781 176	500 942	390 016	248 333	178 898	100 223
Коклюш	449 894	370 052	228 122	188 563	361 737	176 165
Грипп	н/д	н/д	5 296 014	6 624 692	7 448 236	7 264 263
Малярия	н/д	н/д	2 179 711	3 043 490	3 941 183	4 055 790
Малярия, свежих случаев	н/д	н/д	492 834	696 733	1 042 441	1 166 508

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 251. Л. 2–9, 18–21, 26–49; Д. 264. Л. 1–3, 5–11, 20–23; Д. 275. Л. 1–3, 5–11, 20–23; Д. 298. Л. 1–6, 9–21, 30–37; Д. 326. Л. 1–6, 9–22, 37–44.

* По несопоставимой территории.

Таблица 2

Заболеемость в РСФСР* в 1940–1945 гг. (число случаев)

Заболевание	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Сыпной тиф	30 003	38 611	244 351	222 314	215 035	122 873
Брюшной тиф	56 538	37 867	71 655	84 985	56 084	48 014
Паратиф	7 819	4 749	8 350	10 599	7 777	7 430
Возвратный тиф	н/д	н/д	1	169	3 278	16 061
Токсическая диспепсия	177 815	121 429	89 686	36 825	20 388	16 045
Острый гастроэнтероколит	н/д	н/д	722 111	417 068	297 112	235 692
Корь	782 678	817 350	289 245	132 027	563 459	429 304
Дифтерия	123 869	118 161	132 199	113 226	68 516	45 145
Скарлатина	145 609	145 260	89 191	43 247	45 903	156 171
Дизентерия и гемоколиты	575 768	375 162	289 207	192 685	113 140	71 486
Коклюш	292 072	286 214	175 569	156 757	197 978	128 662
Грипп	н/д	н/д	4 416 718	5 801 220	6 103 586	5 679 323
Малярия	н/д	н/д	929 297	1 597 921	2 236 754	1 993 124
Малярия, свежих случаев	н/д	н/д	269 718	484 184	737 450	651 683

Составлено по: Те же источники, что и табл. 1.

* По несопоставимой территории.

В процентном выражении динамика заболеваемости выглядит следующим образом (табл. 3). Разумеется, нельзя забывать о влиянии на представленную динамику хода военных действий: в 1941–1942 гг. значительно сократившего круг территорий, предоставлявших сведения, а в 1943–1945 гг. восстановивших его до уровня 1940 г.

Из материалов табл. 3 и приведенной ранее формулы смертности от болезни очевидно, что без учета изменения летальности количество умерших от той или иной болезни должно было значительно изменяться. Так, за 1940–1945 гг. заболеваемость сыпным и возвратным тифом выросла по территории СССР в 12 раз, по территории РСФСР – в 4,6 раза. Соответственно, должно было вырасти и число умерших от них. И наоборот, заболеваемость дизентерией и гемоколитами сократилась за этот же период почти в десять раз, соответственно, без учета изменения летальности должно было в десять раз уменьшиться и число погибших от нее.

Таблица 3

Заболееваемость инфекционными болезнями в СССР* и РСФСР* по отношению к базовому периоду (в %)

Заболевание	Территория	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Сыпной и возвратный тиф	СССР	100	134	837	711	1481	1198
	РСФСР	100	129	814	742	728	463
Брюшной тиф и паратиф	СССР	100	62	108	111	95	84
	РСФСР	100	66	124	149	99	86
Дизентерия и гемоколиты	СССР	100	64	50	32	23	13
	РСФСР	100	65	50	33	20	12
Токсическая диспепсия	СССР	100	61	43	17	13	9
	РСФСР	100	68	50	21	11	9
Острый гастроэнтероколит	СССР	–	–	100	58	44	35
	РСФСР	–	–	100	58	41	33
Корь	СССР	100	101	32	12	88	50
	РСФСР	100	104	37	17	72	55
Дифтерия	СССР	100	89	86	72	74	50
	РСФСР	100	95	107	91	55	36
Скарлатина	СССР	100	88	42	20	27	84
	РСФСР	100	100	61	30	32	107
Коклюш	СССР	100	82	51	42	80	39
	РСФСР	100	98	60	54	68	44
Грипп	СССР	–	–	100	125	141	137
	РСФСР	–	–	100	131	138	129
Малярия	СССР	–	–	100	140	181	186
	РСФСР	–	–	100	172	241	214
Малярия, свежих случаев	СССР	–	–	100	141	212	237
	РСФСР	–	–	100	180	273	242

Рассчитано по материалам табл. 1 и 2.

* По несопоставимой территории.

На изменение заболеваемости оказывали влияние многие факторы. В первую очередь стоит отметить деятельность системы здравоохранения. Условно ее можно разделить на несколько направлений. Во-первых, влияние санитарно-просветительной работы. Знакомые сейчас с детства азбучные истины – «мой руки перед едой», «пей кипяченую воду» – были в значительной степени новшеством для повседневной жизни людей военного периода, когда вода в луже считалась чистой и пригодной для питья, если «[после плевок в лужу, в воде] слюни расходятся [в разные стороны]»⁷, а мыло только вводилось в повсеместное употребление. Знания о путях распространения инфекционных заболеваний, методах предотвращения заражения в этот период только становились известными широким слоям населения. Конечно, помимо деятельности медицинских органов, нацеленных на распространение санитарно-гигиенических знаний, огромную роль в этом играли средства массовой агитации и пропаганды. Во-вторых, огромную роль играла санитарная деятельность врачей: борьба за оздоровление условий труда, соблюдение санитарных требований

⁷ Воспоминания И.Л. Семенова. Из личного архива автора.

на предприятиях общественного питания, предотвращение образования свалок мусора и нечистот были важной задачей санитарных органов страны. Однако успехи по этим двум направлениям работы в военный период были довольно скромными.

Более значимую роль играло осуществление профилактических прививок и фагирование населения. В годы войны по этому направлению проводилась гигантская работа. Так, против брюшного тифа в 1940 г. было сделано 21 159 тыс. прививок, в 1941 г. – 14 911 тыс., в 1942 г. – 18 953 тыс., в 1943 г. – 21 037 тыс., в 1944 г. – 12 539 тыс. В целом же за 1941–1944 гг. прививку от брюшного тифа получили 79 млн чел. От дизентерии в 1939 г. было сделано 21 940 тыс. прививок, в 1940 г. – 29 367, в 1941 г. – 23 415 тыс., в 1942 г. – 13 455 тыс., в 1943 г. – 9 688 тыс., в 1944 г. – 14 509 тыс. Всего же за 1941–1944 гг. было поставлено около 60 млн прививок от дизентерии⁸. Только в 1944 г. в РСФСР и 9 тыловых республиках было сделано 570 тыс. прививок от кори⁹. Широко в очагах инфекций и для профилактики в годы войны применялось фагирование населения. Например, по оценке Наркомата здравоохранения, около 70 млн чел. за годы войны были фагированы от дизентерии¹⁰.

Другим направлением противоэпидемической борьбы органов здравоохранения стала комплексная работа по ликвидации эпидемических очагов: дезинфекция помещений, фагирование контактных лиц, госпитализация больных и осуществление карантинных мероприятий. В этом направлении был достигнут значительный прогресс. Например, по СССР в 1941 г. было госпитализировано 97,6 % больных сыпным тифом, в 1942 г. – 97,7 %, в 1943 г. – 93,0 %, в 1944 г. – 94 %, в 1945 г. – 98,4 % заболевших¹¹. С брюшным тифом было госпитализировано в 1941 г. – 94,2 %, в 1942 г. – 95,1 %, в 1943 г. – 96,6 %, в 1944 г. – 97,2 %, в 1945 г. – 99,1 %¹². Значительно возрос уровень госпитализации в годы войны с токсической диспепсией и дизентерией. Если с дизентерией в 1941 г. уровень госпитализации был 67,1 % от числа заболевших, то в 1942 г. – 79,6 %, в 1943 г. – 88,2 %, в 1944 г. – 86,9 %, в 1945 г. – 91,3 %¹³. Таким образом, дизентерия к исходу войны вошла в число болезней с полной госпитализацией заболевших. По токсической диспепсии госпитализация в 1941 г. составляла 48,8 % от числа заболевших, в 1942 г. – 55,8 %, в 1943 г. – 59,8 %, в 1944 г. – 54,9 %, в 1945 г. – 66,4 %¹⁴. Очевидно, что именно возросшая госпитализация стала причиной спада заболеваемости дизентерией и токсической диспепсией в годы войны.

Помимо деятельности здравоохранения, на динамику заболеваемости влияли и другие факторы. Например, эффективность механизмов передачи инфекции зависела от изменения контактности вследствие трансформации половозрастного состава населения, сложившейся жилищной ситуации. Восприимчивость людей к инфекции зависела от уровня защитных сил организма, в определенной степени зависящего от питания, уровня физической и психической нагрузки и т.д.

В качестве примера можно привести взрывной рост заболеваемости, вызванный эвакуацией населения. Резкий рост контактности эвакуированных граждан в транспорте, снижение защитных сил организма из-за плохого питания, стресса создали благоприятные возможности для распространения различного рода инфекций. Мощность протекания эпидемического процесса во время транспортировки граждан была колоссальной и привела к резкому росту заболеваемости населения. Именно эвакуационный процесс сыграл основную роль в формировании эпидемического облика тыловых районов СССР военных лет. Однако, как правило, изменение данных факторов было сравнительно плавным и не могло определять резкие колебания заболеваемости военного периода.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8009. Оп. 3. Д. 343. Л. 42а.

⁹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1473. Л. 31–32.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 3. Д. 343. Л. 43.

¹¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 251. Л. 30–33; Д. 264. Л. 6; Д. 275. Л. 6; Д. 298. Л. 11–12; Д. 326. Л. 11–12.

¹² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 251. Л. 2–5; Д. 264. Л. 1; Д. 275. Л. 1; Д. 298. Л. 1–2; Д. 326. Л. 1–2.

¹³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 251. Л. 18–21; Д. 264. Л. 3; Д. 275. Л. 3; Д. 298. Л. 5–6; Д. 326. Л. 5–6.

¹⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 251. Л. 26–29; Д. 264. Л. 5; Д. 275. Л. 5; Д. 298. Л. 9–10; Д. 326. Л. 9–10.

Значительное влияние на динамику заболеваемости оказывали природные циклы саморегуляции инфекций¹⁵. Их влияние на болезни было неодинаковым: инфекции, распространение которых органы здравоохранения могли эффективно предотвращать, зависели от них в меньшей мере заболеваемость же болезнями, более устойчивыми к медицинским мероприятиям, во многом развивалась в соответствии с природными циклами. В большей степени это касалось болезней с высокоэффективным воздушно-капельным путем передачи инфекции. Среди них наибольшее значение в исследуемый период играли так называемые детские болезни (корь, скарлатина, дифтерия). Несмотря на значительные усилия медиков, переломить природные циклы распространения этих болезней не удавалось. В качестве показательного примера рассмотрим попытку ликвидировать корь в Кемеровской области. В Кемеровской области в 1943 г. насчитывалось всего 705 заболевших корью. В следующем году медиками была предпринята попытка полностью ликвидировать заболеваемость корью в области. Однако естественный цикл движения заболеваемости корью вступил в фазу нарастания. Медики Кемеровской области осуществили целый комплекс мероприятий по борьбе с корью: широко применялись прививки детей вплоть до 8–10 лет, проводилась стопроцентная госпитализация больных, применялись жесткие карантинные меры и т.д. В результате кузбасские врачи сумели отсрочить подъем заболеваемости. За первое полугодие 1944 г. было всего 702 случая заболевания корью. Однако в конце 1944 г. ситуация вышла из-под контроля и только за один декабрь 1944 г. произошло 1 912 случаев заболевания¹⁶. Органы здравоохранения были не в силах остановить распространение кори в таких масштабах и инфекция пошла по тем районам области, где ее развитие в 1944 г. было ранее приостановлено. Наличие большого количества детей, не имеющих иммунитета от кори, привело к взрывному росту заболеваемости. При этом районы, в которых эпидемия этого заболевания прошла в 1944 г., были сравнительно благополучными. Всего в Кемеровской области за 1945 г. зафиксирован 15 081 случай заболевания корью¹⁷. Несмотря на все усилия, остановить эпидемию не удалось.

Таким образом, динамика инфекционных болезней определялась целым комплексом факторов, из которых наибольшее значение имела различная деятельность органов здравоохранения.

Для того чтобы определить вклад изменения заболеваемостью той или иной болезнью в смертность населения, нам нужно хотя бы приблизительно оценить количество умерших от нее. При этом нужно учитывать разные масштабы распространения различных заболеваний. Так, рост гриппа на 25 % между 1942 и 1943 гг. привел к росту числа заболевших на 1 млн 400 тыс. чел., а рост сыпного тифа в 1940–1945 гг. в 12 раз вызвал рост числа заболевших всего на 480 тыс. чел.

Также следует учитывать и разную степень опасности болезней. Для этого необходимо обратиться к показателю летальности.

К сожалению, сведения о летальности имеются далеко не для всех заболеваний и в целом крайне отрывочные. Отсутствуют данные за 1941 г. Сведения по летальности даются для разных территорий, с разным охватом населения, уровнем развития медицинской помощи и т.д. Имеющиеся сведения представлены в табл. 4.

Конечно же, использование в расчетах приведенных значений летальности позволяет лишь крайне грубо определить число умерших от той или иной болезни и пригодно лишь для ориентировочных расчетов. На взгляд автора, выявление и уточнение сведений о летальности при различных заболеваниях в военные годы являются одной из первоочередных задач исторических исследований медико-демографической направленности.

Исходя из вышеприведенных данных о заболеваемости и летальности, рассчитаем число умерших от ряда инфекционных заболеваний (табл. 5, 6).

¹⁵ Беляков В.Д., Голубев Д.Б., Каминский Г.Д., Тец В.В. Саморегуляция паразитарных систем (молекулярно-генетические механизмы). Л., 1987.

¹⁶ Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 161. Л. 10.

¹⁷ Там же. Д. 325. Л. 64 об. – 66.

Таблица 4

Летальность при инфекционных заболеваниях, 1940, 1942–1945 гг.
(% от числа заболевших)

Заболевание	1940	1942	1943	1944	1945
Сыпной тиф	6,2*	9,5*	6,8*	3,4**	4,6***
Корь	14,6*	14,4*	4,7*	1,4**	3,5***
Скарлатина	7,7*	8,2*	3,1*	2,0**	2,2***
Дифтерия	12,7*	16,2*	8,1*	6,8**	12,4***
Коклюш	6,8*	8,4*	4,4*	5,6**	3,0***
Брюшной тиф	10,1**	н/д	7,8**	5,5**	7,4***
Дизентерия и гемоколиты	11,7**	н/д	17,2**	7,1**	2,0***

Составлено и рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1473. Л. 7–8; ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 23. Д. 24. Л. 8; Ф. А-374. Оп. 11. Д. 359. Л. 7 об.

* Данные по 33 крупным городам СССР.

** Данные по городам Московской области.

*** Данные по результатам выборочного обследования 140 больниц в сельской местности из 105 районов СССР.

Таблица 5

Расчетное число умерших от некоторых инфекционных заболеваний
по СССР, 1940, 1942–1945 гг. (тыс. чел.)

Заболевание	1940	1942	1943	1944	1945
Сыпной тиф	2,7	34,9	21,2	20,9	19,8
Корь	171,4	53,4	6,7	14,5	20,6
Скарлатина	19,2	8,6	1,6	1,3	4,6
Дифтерия	21,9	24,1	10,1	8,6	10,8
Коклюш	30,6	19,2	8,3	20,3	5,3
Брюшной тиф	10,7	н/д	9,1	5,6	6,5
Дизентерия и гемоколиты	91,4	н/д	42,7	12,7	2,0

Рассчитано по данным табл. 1, 4.

Таблица 6

Расчетное число умерших от некоторых инфекционных заболеваний
по РСФСР, 1940, 1942–1945 гг. (тыс. чел.)

Заболевание	1940	1942	1943	1944	1945
Сыпной тиф	1,9	23,2	15,1	7,3	5,7
Корь	114,3	41,7	6,2	7,9	15,0
Скарлатина	11,2	7,3	1,3	0,9	3,4
Дифтерия	15,7	21,4	9,2	4,7	5,6
Коклюш	19,9	14,7	6,9	11,1	3,9
Брюшной тиф	5,7	н/д	6,6	3,1	3,6
Дизентерия и гемоколиты	67,4	н/д	33,1	8,0	1,4

Рассчитано по данным табл. 2, 4.

Еще раз обратим внимание на крайне приблизительный характер подсчета. В то же время основная неопределенность связана с использованием недостаточно релевантных показателей летальности. В свою очередь, летальность в формировании итоговой цифры умерших играет второстепенную роль, так как человек должен вначале заболеть и лишь потом может умереть. Например, несмотря на то, что на первый взгляд снижение заболеваемости дизентерией в 8 раз и снижение летальности от нее в 6 раз по территории СССР за период 1940–1945 гг. выглядят достаточно сопоставимыми по важности показателями из общего сокращения числа умерших от дизентерии на 89,6 тыс. чел., снижением заболеваемости обусловлено уменьшение на 79,5 тыс. умерших, или 89 %, а изменением летальности обусловлено сокращение числа умерших всего на 9,9 тыс., или 11 %.

На основе проведенных расчетов можно выявить влияние заболеваемости теми болезнями, для которых возможно вычисление количества умерших от них, на динамику общей смертности.

Еще одна проблема при расчете влияния заболеваемости инфекционными болезнями на смертность заключается в крайне ограниченных сведениях о собственно смертности тылового населения. Имеющиеся сведения содержатся в табл. 7.

Таблица 7

Численность умерших в СССР и РСФСР, 1940–1945 гг. (тыс. чел.)

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР*	3 170	н/д	3 040	2 064	2 014	1 765
РСФСР*	2 237	2 098	2 284	1 619	1 406	1 003

Составлено и рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1451. Л. 37, 93; Попов В.П. Демографические перемены в СССР в 1940-х – начале 1950-х гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 55; Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 81; Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 49.

* По несопоставимой территории.

Данные сведения в разные годы охватывают население по различной территории, за исключением 1940 и 1945 гг., что дополнительно ограничивает возможности анализа. Чтобы элиминировать воздействие несопоставимости данных по территории СССР и РСФСР, сравним лишь крайние точки 1940 и 1945 гг., где разница была минимальна, а по РСФСР охват территории полностью совпадал с 1940 г.

На основании приведенных в табл. 7 данных мы видим, что по территории СССР в 1945 г. в сравнении с 1940 г. число смертей сократилось на 1 405 тыс. случаев – с 3 170 тыс. до 1 765 тыс., а по территории РСФСР на 1 234 тыс. случаев – с 2 237 тыс. до 1 003 тыс. смертей. Исходя из данных табл. 5 и 6, видно, что количество умерших только от семи представленных в них заболеваний снизилось в 1945 г. по сравнению с 1940 г. – по территории СССР с 347,9 тыс. до 69,6 тыс. чел., а по территории РСФСР – с 236,1 тыс. до 38,6 тыс. чел. Таким образом, количество смертей от указанных болезней сократилось по территории СССР на 278,3 тыс., а по территории РСФСР – на 197,5 тыс. смертей.

На изменение абсолютных значений смертности безусловно оказало влияние и сокращение населения в годы войны. Например, по территории СССР число жителей уменьшилось с 1 января 1941 г. по 1 января 1945 г. на 28 млн чел., а по территории РСФСР – на 21 млн чел.¹⁸ Если пересчитать абсолютные показатели в относительные, получим следующую картину (табл. 8).

Как видно из таблицы, несмотря на относительно небольшой удельный вес смертности от семи инфекционных болезней, описанных в табл. 5, 6, от общего уровня смертности, ситуация меняется, если рассмотреть их вклад в снижение смертности. Мы видим, что по СССР смертность снизилась в 1945 г. по сравнению с уровнем 1940 г. на 5,7 %, а по РСФСР – на 9,0 %. При этом смертность от семи инфекционных болезней сократилась в СССР на 1,4 %, а по территории РСФСР – на 1,4 %.

¹⁸ Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны... С. 49.

а по РСФСР – на 1,7 %. Таким образом, вклад снижения смертности от указанных инфекционных болезней в общее снижение смертности в 1945 г. по сравнению с 1940 г. составлял по территории СССР 24,6 %, а по территории РСФСР – 18,9 %.

Таблица 8

Изменение смертности населения СССР и РСФСР в 1940, 1945 гг. (%)

Показатель	Территория	1940	1945	Изменение уровня смертности в 1945 г. по отношению к 1940 г.
Общий коэффициент смертности	СССР	16,0	10,3	5,7
	РСФСР	20,2	11,2	9,0
Коэффициент смертности от семи инфекционных заболеваний	СССР	1,8	0,4	1,4
	РСФСР	2,1	0,4	1,7

Рассчитано по данным табл. 5–7. Данные о численности населения для расчетов по СССР взяты на 1 января 1941 г. и 1 января 1945 г. Для РСФСР в 1941 г. приведена среднегодовая численность населения, в 1945 г. использовано среднее значение между численностью населения на 1 января и 1 сентября 1945 г. Исходные данные о численности населения взяты из: *Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 49.

Среди рассмотренных инфекций наибольший вклад в снижение смертности произошел за счет снижения числа умерших от кори и дизентерии. При этом из-за отсутствия данных по летальности не учтено влияние на смертность ряда широко распространенных болезней, таких как токсическая диспепсия и острый гастроэнтероколит, которые в годы войны имели значительное снижение заболеваемости. Вероятно, при учете влияния на смертность других инфекционных болезней их влияние на снижение смертности окажется существенно большим.

Таким образом, снижение смертности от инфекционных болезней является одной из важнейших составляющих снижения смертности населения в СССР в 1940–1945 гг.

Снижение смертности от инфекционных болезней в свою очередь является производной от сокращения заболеваемости ими в военные годы.

Учитывая, что ведущий вклад в снижение заболеваемости инфекционными болезнями внесли органы здравоохранения, можно считать, что снижение смертности населения в значительной степени является их заслугой.

Также стоит учитывать, что система здравоохранения СССР, помимо борьбы с заболеваемостью, влияла на снижение смертности также посредством лечения инфекционных и неинфекционных заболеваний. Анализу влияния лечения на смертность населения посвящена другая работа автора¹⁹. Опираясь на полученные в ней, а также в данном исследовании результаты, можно сделать предварительный вывод о решающем вкладе советского здравоохранения в снижение смертности военных лет.

Литература

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза 1922–1991. М.: Наука, 1993. 143 с.

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М.: Информатика, 1998. 187 с.

Араловец Н.А. Смертность городского населения в тыловых районах России, 1941–1945 гг. // Людские потери СССР в период второй мировой войны. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 1995. С. 154–159.

Беляков В.Д., Голубев Д.Б., Каминский Г.Д., Тец В.В. Саморегуляция паразитарных систем (молекулярно-генетические механизмы). Л.: Медицина, Ленингр. отд-ние, 1987. 238 с.

¹⁹ Семенов М.А. Метод количественного анализа влияния качества лечебной деятельности...

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2017. 350 с.

Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17.

Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 46–53.

Красноженова Е.Е. Социальная политика советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах нижнего Поволжья). Астрахань: Издательский дом Астраханского университета, 2013. 232 с.

Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959. 416 с.

Новосельский С.А. К методологии измерения летальности // Гигиена и санитария. 1936. № 12. С. 49–52.

Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 76–94.

Попов В.П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 3–15.

Попов В.П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 91–103.

Попов В.П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 58–66.

Попов В.П. Демографические перемены в СССР в 1940-х – начале 1950-х гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 49–64.

Сакаев В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 27 с.

Семенов М.А. Метод количественного анализа влияния качества лечебной деятельности здравоохранения на смертность населения в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2024. № 3 (35). С. 208–222. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-16.pdf> (дата обращения: 16.01.2025).

Сивцева С.И. Население Якутии в 1939–1959 гг.: историко-демографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. 57 с.

Чернышева Н.В. Население Волго-Вятского региона в 1939–1945 годы: историко-демографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2023. 36 с.

References

Andreev, E.M., Darskiy, L.E., Kharkova, T.L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuza 1922–1991* [The Population of the Soviet Union 1922–1991]. Moscow, Nauka. 143 p.

Andreev, E.M., Darskiy, L.E., Kharkova, T.L. (1998). *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959* [Demographic History of Russia: 1927–1959]. Moscow, Informatika. 187 p.

Aralovets, N.A. (1995). *Smertnost gorodskogo naseleniya v tylovykh rayonax Rossii, 1941–1945 gg.* [Mortality of the Urban Population in the Rear Regions of Russia, 1941–1945]. In *Lyudskie poteri SSSR v period Vtoroy mirovoy voyny*. St. Petersburg, Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr “Blits”, pp. 154–159.

Belyakov, V.D., Golubev, D.B., Kaminskiy, G.D., Tets, V.V. (1987). *Samoregulyatsiya parazitarnykh sistem (molekulyarno-geneticheskie mekhanizmy)* [Self-Regulation of Parasitic Systems (Molecular and Genetic Mechanisms)]. Leningrad, Meditsina, Leningradskoe otdelenie. 238 p.

Chernysheva, N.V. (2023). *Naselenie Volgo-Vyatskogo regiona v 1939–1945 gody: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Population of the Volga-Vyatka Region in 1939–1945: Historical and Demographic Research], Dr. hist. sci. diss. abstract. St. Petersburg. 36 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX – XX v.)* [Demographic History of Western Siberia (Late 19th – 20th Centuries)]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 350 p.

Isupov, V.A., Kornilov, G.E. (2017). Chislennost' naseleniya Rossii v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945 gg.) [The Population of Russia During the Second World War (1939–1945)]. In *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (57), pp. 46–53.

Krasnozhenova, E.E. (2013). *Sotsialnaya politika sovetskogo gosudarstva v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzhya)* [The Social Policy of the Soviet State during the Great Patriotic War of 1941–1945 (Based on the Materials of the Lower Volga Region)]. Astrakhan, Astrakhanskiy universitet. 231 p.

Novoselskiy, S.A. (1936). K metodologii izmereniya letalnosti [Towards a Methodology for Measuring Mortality]. In *Gigiena i sanitariya*. No. 12, pp. 49–52.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2001). *Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki. V 3 tomakh. Tom 2: 1940–1959* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays. In 3 Vol. Vol. 2: 1940–1959]. Moscow, ROSSPEN. 416 p.

Popov, V.P. (1994). Prichiny sokrasheniya chislennosti naseleniya RSFSR posle Velikoy Otechestvennoy voyny [The Reasons for the Decline in the Population of the RSFSR After the Great Patriotic War]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 10, pp. 76–94.

Popov, V.P. (1995). Regionalnye osobennosti demograficheskogo polozheniya RSFSR v 40-e gody [Regional Features of the Demographic Situation of the RSFSR in the 40s]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 12, pp. 3–15.

Popov, V.P. (1996). Regionalnye osobennosti demograficheskogo polozheniya RSFSR v 40-e gody [Regional Features of the Demographic Situation of the RSFSR in the 40s]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 3, pp. 91–103.

Popov, V.P. (1996). Regionalnye osobennosti demograficheskogo polozheniya RSFSR v 40-e gody [Regional Features of the Demographic Situation of the RSFSR in the 40s]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 58–66.

Popov, V.P. (2019). Demograficheskie peremeny v SSSR v 1940-kh – nachale 1950-kh gg. [Demographic Changes in the USSR in the 1940s – Early 1950s]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 49–64.

Sakaev, V.T. (2008). *Gorodskoe naselenie Tatarskoy ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: istoriko-demograficheskie protsesy* [The Urban Population of the Tatar ASSR during the Great Patriotic War: Historical and Demographic Processes], Cand. hist. sci. diss. abstract. Kazan. 27 p.

Semenov, M.A. (2024). Metod kolichestvennogo analiza vliyaniya kachestva lechebnoy deyatelnosti zdravookhraneniya na smertnost' naseleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Method of Quantitative Analysis of the Impact of the Quality of Medical Care on the Mortality of the Population during the Great Patriotic War]. In *Istoricheskiy kurer*. No. 3 (35), pp. 208–222. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-16.pdf> (date of access 16.01.2025).

Sivtseva, S.I. (2014). *Naselenie Yakutii v 1939–1959 gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Population of Yakutia in 1939–1959: Historical and Demographic Research], Dr. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 57 p.

Zhiromskaya, V.B., Isupov, V.A., Kornilov, G.E. (2019). Naselenie Rossii v 1939–1945 gg. [The Population of Russia in 1939–1945.]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 3–17.

С.А. Кусков*

**ЭВАКОГОСПИТАЛИ В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ТЕКУЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕМЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-5
УДК 930+94(47).084.8

Выходные данные для цитирования:
Кусков С.А. Эвакогоспитали в период Великой Отечественной войны: текущее положение и перспективы исследования темы // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 68–77. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-05.pdf>

S.A. Kuskov*

**EVACUATION HOSPITALS DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR:
CURRENT SITUATION AND OPPORTUNITIES
FOR STUDYING THE TOPIC**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-5

How to cite:
Kuskov S.A. Evacuation Hospitals during the Great Patriotic War: Current Situation and Opportunities for Studying the Topic // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 68–77. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-05.pdf>]

Abstract. The article describes how historians have been studying evacuation hospitals over the past 60 years. This article also discusses the possibilities for further exploration of this topic. The author reports on the growing importance of archival sources for writing scientific papers about evacuation hospitals during the Great Patriotic War. He also complains that the documents of the evacuation hospitals are still concentrated in central departmental archives and that historians, especially provincial researchers, do not have sufficient access to them. To correct this problem, the author proposed to transfer military medical records to civilian archives and improve their funding. The article also identifies other difficulties that hinder researchers: the lack of original hypotheses, weak interest in the topic on the part of foreign researchers, narrow territorial coverage of research, and the shift of research interest to other topics. The author suggested that expanding the territorial boundaries of the research, as well as comparing military medical institutions from different countries that participated in World War II, would help solve these problems. The author also pointed out the uniqueness of Soviet military medicine during the war of 1941–1945, which excludes the expansion of the scope of research to adjacent chronological periods. The article also notes that researchers of evacuation hospitals have not completely abandoned the Soviet conceptual paradigm, but this theoretical basis is not sufficient to generalize and interpret all the collected facts. The author shows that in order to develop original concepts for the development of evacuation hospitals, ego-documents created by the organizers of military medicine and war participants are necessary.

Keywords: evacuation hospitals, Great Patriotic War, archival documents, interpretation of historical documents, historiography.

The article has been received by the editor on 20.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Сергей Александрович Кусков**, кандидат исторических наук, Объединенный государственный архив Челябинской области, Челябинск, Россия, e-mail: kuskov_1981@mail.ru
Sergey Aleksandrovich Kuskov, Candidate of Historical Sciences, Joint State Archives of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia, e-mail: kuskov_1981@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт изучения эвакуационно-госпиталей периода Великой Отечественной войны за последние 60 лет, а также анализируются перспективы дальнейшей разработки данной темы. Отмечается, что в современных условиях имеет место рост значимости архивных источников периода войны. Показано, что документы эвакуационно-госпиталей военной поры сконцентрированы в центральных ведомственных отраслевых архивах, и при этом доступ историков, особенно провинциальных исследователей, обеспечивается в них далеко не в полной мере. Для исправления сложившейся ситуации автор выдвинул предложение передать военно-медицинские документы в гражданские архивы и улучшить их материально-техническое обеспечение. В статье обозначены и другие трудности, мешающие современным исследователям: недостаток объяснительных концепций и гипотез, слабый интерес к теме со стороны зарубежных исследователей, узкие территориальные рамки работ, переход исследователей на другие темы. В качестве способов решения этих трудностей отстаиваются тезисы о перспективности расширения территориальных рамок, а также необходимости сравнительных исследований о военно-медицинских системах, сложившихся в странах-участницах. По мнению автора, в силу уникальности системы советской военной медицины периода Великой Отечественной войны затрудняется произвольное расширение рамок исследований на смежные хронологические периоды. Также отмечается, что исследователи эвакуационно-госпиталей периода Великой Отечественной войны не в полной мере отказались от советской концептуальной парадигмы, но теперь этого багажа уже недостаточно для обобщения и интерпретации всех собранных данных. Автор показывает, что для разработки собственных оригинальных концепций развития эвакуационно-госпиталей могут быть полезны оригинальные эго-документы, созданные теми организаторами военной медицины и участниками войны, чьи взгляды не вписывались в господствующие идеологические и профессиональные клише.

Ключевые слова: эвакуационные госпитали, Великая Отечественная война, архивные документы, интерпретация исторических источников, историография.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025 г.

Научный и общественный интерес к истории Великой Отечественной войны традиционно велик, что выражается как в количестве исследователей, так и в разнообразии освещаемых вопросов в монографиях и статьях. Один из них – о деятельности эвакуационных госпиталей в тыловых областях периода войны – изучают сразу две научные дисциплины: медицина и история. В этой статье рассмотрим, как историки осваивают тему эвакуационно-госпиталей. Она вошла в предметное поле исторической науки примерно 60 лет назад (что связано с упоминаниями эвакуационно-госпиталей в официальных многотомных изданиях по истории войны)¹. С тех пор совокупными усилиями исследователей накоплены сведения о дислокации военно-медицинских учреждений, о ходе лечебной и воспитательной работы, частично собрана биографическая информация о руководителях и обслуживающем персонале госпиталей. Но сейчас следовало бы остановиться не на былых достижениях, а на трудностях, с которыми сталкиваются современные исследователи, а также на перспективах дальнейшего изучения данной темы.

В первых специальных работах историко-партийного содержания по теме эвакуационно-госпиталей рассматривался опыт отдельных регионов (у С.Г. Мушкина – Закавказье²,

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1965. Т. 6: Итоги Великой Отечественной войны. С. 110, 117, 130; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5: Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938–1958. Кн. 1: 1938–1945 гг. С. 328.

² Мушкин С.Г. Всенародная помощь раненым воинам в годы Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1971.

у М.А. Водолагина – Сталинградская область³, В.Ф. Кудряшов исследовал Ленинградскую область⁴). Широкие территориальные рамки, обозначенные в некоторых из них, не должны нас обманывать. Авторы использовали не только архивные документы, но и собственный военный опыт участия в организации партийно-политической и хозяйственной работы госпиталей своих регионов, а также располагали личными архивами.

Возможность интервьюировать ветеранов или прояснить у них непонятный аспект боевой и тыловой повседневности Великой Отечественной войны всегда имела у начинающих исследователей. Я с чувством глубокой благодарности вспоминаю беседы с ветеранами – бывшими пациентами и сотрудниками эвакогоспиталей, отвечавшими на самые разные мои вопросы. Но теперь, в связи с сокращением числа живых участников Великой Отечественной войны, исследователи истории эвакогоспиталей утрачивают непосредственный контакт с воевавшим поколением и подобно бытописателям более древних времен опираются на огромный, но ограниченный круг исторических источников⁵.

Между тем за послевоенные десятилетия документы эвакуационных госпиталей передавались из периферийных архивов в Военно-медицинский музей⁶. В результате в архиве музея были сконцентрированы не только медицинские карты раненых бойцов и командиров Красной армии, но и документы Военно-санитарного управления РККА, фронтовых, районных и местных эвакуационных пунктов, военных госпиталей, а также эвакуационных госпиталей Наркомздрава СССР и ВЦСПС. Для Челябинской области эти изъятия документов оказались особенно разорительными: помимо фондов госпиталей, военные увезли из Челябинска фонд отдела эвакогоспиталей, т.е. структурного подразделения облисполкома.

Доступ для историков к фондам музея поддерживался, но из-за отдаленности и ведомственных ограничений они могли полноценно работать в основном только с отчетами одного эвакопункта. Для ознакомления с документами эвакогоспиталей, пересчета первичных статистических форм отчетов для уточнения боевого и трудового вклада городов, районов, областей в современных административных границах – возможностей не имелось ни тогда, ни теперь. В последние годы проблема доступности документов эвакогоспиталей усугубилась в связи с увеличением числа региональных исследователей.

Своеобразным ответом военных архивистов на общественную потребность в получении биографической информации об участниках войны, в том числе умерших от ран в эвакогоспиталях и воинов, погибших на этапах санитарной эвакуации, стало создание в 2007 г. обобщенного банка данных «Мемориал»⁷. К 70-й годовщине архивы Министерства обороны РФ заполнили универсальную информационную систему «Память народа», содержащую разнообразные биографические сведения, в том числе и документы раненых бойцов. По состоянию на 2022 г. в систему было загружено 27 млн записей из карточек о ранениях и умерших от ран в госпиталях и медсанбатах⁸. Титаническая работа по наполнению информационной системы облегчила увековечивание памяти участников войны, обращение к ней позволяет изучать журналы боевых действий и другие документы фронтовых частей, но деятельность военно-медицинских учреждений глубокого тыла, их приказы, донесения, переписку по-прежнему можно изучать только непосредственно в стенах военных архивов. За рамками

³ Водолагин М.А. Партия – организатор помощи раненым бойцам и командирам Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1978. № 1. С. 64–75.

⁴ Кудряшов В.Ф. Коммунистическая партия – организатор всенародной помощи раненым и больным воинам в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (На материалах Ленинградской партийной организации): автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1975. 18 с.

⁵ В России осталось около 12,5 тыс. ветеранов Великой Отечественной войны // ТАСС [Электронный ресурс]. 2024. 22 февраля 2024 г. URL: https://bio.spbu.ru/science/scienceinfo/el_resource.php (дата обращения: 28.12.2024).

⁶ Воронай А.В. Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР // Советская военная энциклопедия: в 8 т. М., 1979. Т. 2. С. 229.

⁷ Обобщенный банк данных «Мемориал» – банк данных о защитниках Отечества, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период [Электронный ресурс]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/about.htm> (дата обращения: 14.12.2024).

⁸ О проекте «Память народа» [Электронный ресурс] // Память народа. 1941–1945. URL: <https://pamyat-naroda.ru/about/> (дата обращения: 14.12.2024).

указанного проекта остались сотрудники тыловых частей: госпиталей, военно-санитарных поездов, прачечно-дезинфекционных отрядов, что затрудняет мемориальную работу многочисленных провинциальных музеев, посвященных эвакуогоспиталям военной поры⁹.

Теперь, через 80 лет после окончания Великой Отечественной войны, уменьшилась практическая применимость опыта санитарного обеспечения войск в современных условиях. Исходя из этого обстоятельства, а также значимости Великой Отечественной войны для национального самосознания народа, по моему мнению, назрела необходимость передачи архива военно-медицинского архива от Министерства обороны в ведение Российского архивного агентства. Федеральные архивы доступнее, но и там имеются существенные проблемы для провинциальных исследователей. Сказывается недостаточная оплата труда архивистов и недофинансирование материально-технической базы архивной службы, а также платный характер копирования документов даже своими силами и собственным фотоаппаратом.

Исследователи темы истории госпиталей традиционно очень активно работают в региональных государственных и партийных архивах, особенно много сведений содержится в фондах областных комитетов КПСС. В результате так называемой «архивной революции» облегчился доступ исследователей к документам центральных и региональных органов государственной власти, а также партийных, профсоюзных, комсомольских организаций¹⁰. Среди материалов органов партийного и государственного контроля, в протоколах заседаний бюро обкомов партии обнаруживаются наиболее критичные оценки положения дел в госпиталях периода Великой Отечественной войны. Это разнообразие внутри единого массива партийных документов подкупает кажущейся объективностью. Но содержащиеся в них факты нуждаются в самом глубоком анализе, поскольку идеологические подходы И.В. Сталина отразились на самой системе комплектования фондов партийных архивов: приоритет отдавался сохранению документов крупных промышленных парторганизаций и свидетельств всенародной помощи фронту.

Исследователями мало используются фонды ведомственных отраслевых архивов учреждений, взаимодействовавших с эвакуогоспиталями: правоохранительных органов, транспорта, системы научных учреждений. Например, работы Юрия Юрьевича Буряка по истории железной дороги демонстрируют нам, насколько слабо вовлечены в научный оборот материалы железнодорожного ведомства¹¹. Работы, посвященные научной деятельности эвакуогоспиталей, также в основном опираются на мемуарные источники и опубликованные документы¹².

Результаты исследования региональных госпитальных систем в тыловых районах РСФСР обобщаются в статьях и диссертациях¹³. В ряде случаев кандидатские диссертации о госпиталях отдельных регионов публикуются авторами в формате монографий¹⁴. Однако

⁹ Кусков С.А. Список сотрудников эвакуогоспиталей: алгоритм поиска сведений // Войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археологии, архивоведения и источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сб. мат-лов Десятой междунар. конф. молодых ученых и специалистов «Сlio-2020». М., 2020. С. 155–158.

¹⁰ Кусков С.А. Документы эвакуогоспиталей в партийных архивах Урала // Партийные архивы. Проблемы и перспективы развития: мат-лы 5-й межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург; Нижний Тагил, 2019. С. 228–236.

¹¹ Буряк Ю.Ю. Военно-санитарные поезда СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 11–19.

¹² Горелова Г.Г., Мануйлов Г.В., Попкова Т.А. Деятельность советских психологов на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13, № 2. С. 5–14; Котив Б.Н., Ганопольский В.П., Цыган В.Н., Фомин Н.Ф., Коровин А.Е., Овчинников Д.В. Научный потенциал военной медицины в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) // Известия Российской Военно-медицинской академии. 2021. Т. 40, № 3. С. 75–82.

¹³ Орлова Е.А. Эвакуогоспитали Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007; Аргунова М.П. Эвакуогоспитали Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015; и др.

¹⁴ Десярева Н.А. Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): монография. Оренбург, 2014; Свицова М.Н. Служба здоровья в Кировской области в годы Великой Отечественной войны: монография. Киров, 2020; и др.

защит докторских диссертаций по специальностям исторического профиля, целиком посвященных деятельности эвакуационных госпиталей периода Великой Отечественной войны, пока не было. В 2013 г. требования к диссертациям возросли: согласно «Положению о присуждении ученых степеней», критерием докторской диссертации является наличие в ней важного научно-теоретического достижения либо решения научной проблемы, имеющей важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение¹⁵. Объектом такой обобщающей работы может стать развитие общественного института или значимый процесс, затронувший одно или несколько государств.

Будучи частью здравоохранения, эвакуационные госпитали (т.е. значимая часть военной медицины тыла) имеют длительную полутораветковую прерывную историю. Некоторые исследователи, изучив состояние здравоохранения большого региона в период Великой Отечественной войны, вовсе не рассматривают местные эвакуационные госпитали¹⁶. Территориальная привязка эвакуационных госпиталей поближе к театру боевых действий и к удобным путям санитарной эвакуации обеспечивает различные ареалы их локализации. Наименьшая зона распространения – в ходе малых приграничных вооруженных конфликтов, а наибольшая – в завершающий период Второй мировой войны: весной-летом 1945 г., помимо СССР, она охватывала территорию государств Восточной и Центральной Европы.

Корректность обобщения данных российских эвакуационных госпиталей периодов войн 1877–1878, 1904–1905, 1914–1917, 1919–1921, 1939–1940, 1941–1945 гг. выдерживается не по всем критериям. В XX в. слишком быстро шло социально-экономическое развитие, также совершенствовалось и лечебное дело. Например, при формировании эвакуационных госпиталей в Челябинской области в период советско-финской и в 1941 г. (первое полугодие Великой Отечественной войны) были созданы разные госпитальные системы, так как не совпадали субъекты создания госпиталей, органы управления, схемы финансирования, степень вовлечения местного населения, способы решения хозяйственных проблем. Более подробный анализ различий двух систем, действовавших с разницей в один год на одной и той же территории, вовлекших одних и тех же управленцев и медицинских работников, потребовал бы отдельной статьи, здесь же заметим, что госпитальная система переживала глубокие революционные изменения и в период Великой Отечественной войны.

Интересен также и вопрос о возможности компаративных исследований национальных систем эвакуационных госпиталей в странах-участниках Второй мировой войны. К сожалению, в других странах нет столь заметного интереса к деятельности эвакуационных госпиталей глубокого тыла, как в бывших республиках Советского Союза. Благодаря интернациональным поисковым системам мне удалось найти несколько немецкоязычных работ о положении фронтовой медицинской службы в годы войны, но не о лечебной работе в армии резерва. В известном сборнике «Итоги Второй мировой войны» не оказалось ни одной статьи о военной медицине¹⁷. Для лучшего понимания уникальных и типичных черт советских эвакуационных госпиталей периода Великой Отечественной войны необходимы исследования деятельности военно-медицинских служб всех воевавших государств. Малоизвестными остаются и сюжеты, связанные с эвакуационными госпиталями, развернутыми Красной армией за пределами границ Советского Союза. Взаимодействие советских госпитальных коллективов и раненых с иноязычным населением, использование местной инфраструктуры и ресурсов могли быть другими на территории иностранных государств.

Сохранение таких лакун, вероятно, связано с тем, что тема истории эвакуационных госпиталей привлекает в основном провинциальных историков. Погрузившись в материал своего региона, со временем историки или останавливаются совсем, или переходят на смежные темы. Таким путем пошла доктор исторических наук профессор Алла Владимировна Федорова, изучившая Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Информация об эвакуаци-

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 16.10.2024) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней»).

¹⁶ Тищенко Е.М. История здравоохранения Беларуси в XX веке: дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001.

¹⁷ Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. М., 1957.

госпиталях была ею структурирована в одной из многих глав ее книги¹⁸. Изучая относительно узкий круг источников о ленинградских госпиталях в 1939–1940 гг., историк Д.А. Журавлев перешел к изучению советско-финской войны и общих вопросов истории медицинской науки. Первые работы челябинского историка Н.А. Антипина были посвящены истории Южного Урала в конце XIX – начале XX в., в том числе эвакуационным госпиталям в период войны 1904–1905 гг.¹⁹ Результатом его исследования стала диссертационная работа об особенностях формирования и сохранения исторической памяти российского общества о русско-японской войне. В данном случае тема госпиталей облегчила автору погружение в проблематику военных событий на начальном этапе исследования, но не вошла в структуру диссертационной работы²⁰.

То, что при расширении охвата проблемного поля тема эвакуационных госпиталей может отойти на второй план или вовсе редуцироваться в процессе исследовательской работы, является признаком ее узости. Считаю, что это явление обусловлено субъективными факторами.

Внешний фактор обусловлен не слишком высоким интересом западных историков к теме медицинской и социальной реабилитации раненых и больных воинов Красной армии. Западные советологи, в отличие от советских ученых, свое внимание на ней не акцентировали, а значит она не стала полем идеологической борьбы с фальсификаторами истории. Несмотря на активное введение в научный оборот документов об эвакуационных госпиталях, в том числе о сложностях и неудачах в их деятельности, эта тема не привлекла внимание «разоблачителей» перестроечного периода, а позднее иностранных историков, в том числе из англосаксонских государств. Замечу, что англосаксонская система подготовки историков предполагает поверхностный взгляд на рассматриваемый исторический материал, в своих работах они генерируют яркие, запоминающиеся читателям концепции. Таким образом, отечественные исследователи темы истории военной медицины не могли заимствовать или переосмыслить готовые гипотезы развития эвакуационных госпиталей, хотя и перенимали новые концептуальные подходы к интерпретации исторических фактов.

Внутренний фактор узости темы истории эвакуационных госпиталей выражается в преобладании работ, охватывающих границы одного города или региона. Обобщаемый материал в таких узколокальных работах не в полной мере поддается концептуализации. Постепенно накапливая эмпирические данные об эвакуационных госпиталях, историки оставались в общих рамках советской концепции истории Великой Отечественной войны. Во второй половине 1980-х гг. историко-партийная историография породила дискуссию о содержании и участниках партийно-политической работы в эвакуационных госпиталях. Однако с утратой КПСС идеологической монополии эти споры, затрагивающие достаточно узкую сферу повседневности военных госпиталей, утратили смысл²¹. Российские исследователи темы эвакуационных госпиталей не в полной мере отмежевались от историко-партийной историографической традиции: они лишь перестали акцентировать роль партийного руководства в деятельности военно-медицинских учреждений. На данный момент трудности в интерпретации и осмыслении исторического опыта эвакуационных госпиталей периода Второй мировой войны свидетельствуют о неосновательности lamentаций на негативное влияние деидеологизации и международного сотрудничества на качество исторических исследований.

Еще одно теоретическое основание исторических работ по истории эвакуационных госпиталей составляет медицинская концепция этапного лечения²². Она определяет место эвакуационных

¹⁸ Федорова А.В. Долг милосердия: Тыловые госпитали в Оренбуржье // Блокнот агитатора. 1987. № 12. С. 11–13; Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995.

¹⁹ Антипин Н.А. Организаторы госпиталей на Южном Урале в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Архивы России на службе общества и государства: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию создания архивной службы России. Челябинск, 2008. С. 127–129.

²⁰ Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 34 с.

²¹ Дементьев Б.П. Идеологическая работа партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 139; Савушкин Л.М. Идеология советского тыла: проблемы и противоречия. 1941–1945 гг. (Опыт деятельности партийных организаций тыловых районов РСФСР). Воронеж, 1990. С. 12.

²² Военно-полевая хирургия: учебник. М., 2013. С. 36–37.

гелей в системе военно-медицинского обеспечения войск, а также позволяет изучать деятельность медицинской части и специализацию эвакуогоспиталей. Концепция этапного лечения возникла и развивалась в условиях войн первой половины XX в., способствовала внедрению массовой стандартизированной медицинской помощи раненым. Возможно, что для изучения индивидуальной лечебной и психологической помощи раненым в эвакуогоспиталях эта концепция окажется не столь результативной.

Участники и современники войны в том или ином качестве сталкивались с деятельностью эвакуогоспиталей и предлагали более эффективные пути медицинской и социальной реабилитации раненых и обеспечения деятельности эвакуогоспиталей, при этом далеко не всегда их идеи совпадали с позицией руководства страны²³. Время от времени и в среде руководителей партии и правительства вырабатывались аналитические записки и предложения концептуального характера по отдельным аспектам организации военной медицины. Внедрение в научный оборот таких эго-документов может и должно расширить проблемное поле изучения эвакуогоспиталей периода Великой Отечественной войны. Это лучше получится, если не замыкаться в региональных границах, а изучать какой-либо аспект деятельности госпиталей: организацию снабжения, политико-воспитательную работу, формирование госпитальных коллективов, социальную реабилитацию раненых и др.

Таким образом, недостаточная доступность документов военных госпиталей, технические сложности систематизации и интерпретации больших массивов документов, регионализация исследований эвакуогоспиталей не могут остановить накопление эмпирических данных, но препятствуют переходу исследований эвакуогоспиталей на новый уровень. Исследователей истории эвакуогоспиталей, преодолевающих эти трудности, ждут открытия, позволяющие лучше понять советское общество.

Литература

Антипин Н.А. Организаторы госпиталей на Южном Урале в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Архивы России на службе общества и государства: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию создания архивной службы России. Челябинск, 2008. С. 127–129.

Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 34 с.

Аргунова М.П. Эвакуогоспитали Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 367 с.

Буряк Ю.Ю. Военно-санитарные поезда СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 11–19.

Водолагин М.А. Партия – организатор помощи раненым бойцам и командирам Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1978. № 1. С. 64–75.

Военно-полевая хирургия: учебник / под ред. Е.К. Гуманенко. М.: ГЭОТАР, 2013. 768 с.

Воропай А.В. Военно-медицинский музей Министерства обороны СССР // Советская военная энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 1979. Т. 2. С. 229.

Горелова Г.Г., Мануйлов Г.В., Попкова Т.А. Деятельность советских психологов на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13, № 2. С. 5–14.

Дегтярева Н.А. Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Оренбург: ОГИМ, 2014. 230 с.

Дементьев Б.П. Идеологическая работа партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 150 с.

²³ Три проекта социализации инвалидов войны [Электронный ресурс] // Непридуманные истории о войне. 2014. 31 марта. URL: <https://world-war.ru/tri-proekta-socializacii-invalidov-vojny/> (дата обращения: 15.09.2021).

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1965. Т. 6: Итоги Великой Отечественной войны / ред. П.Н. Поспелов и др. 652 с.

История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938–1958. Кн. 1: 1938–1945 гг. / ред. П.Н. Поспелов, Е.И. Бугаев, Л.Ф. Ильичев и др. 723 с.

Итоги Второй мировой войны: сб. ст. / под ред. генерал-майора И.Н. Соболева; пер. с нем. Л.К. Комоловой. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 640 с.

Котив Б.Н., Ганопольский В.П., Цыган В.Н., Фомин Н.Ф., Коровин А.Е., Овчинников Д.В. Научный потенциал военной медицины в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) // Известия Российской Военно-медицинской академии. 2021. Т. 40, № 3. С. 75–82.

Кудряшов В.Ф. Коммунистическая партия – организатор всенародной помощи раненым и больным воинам в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (На материалах Ленинградской партийной организации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. 18 с.

Кусков С.А. Документы эвакогоспиталей в партийных архивах Урала // Партийные архивы. Проблемы и перспективы развития: мат-лы 5-й межрег. науч.-практ. конф. Екатеринбург; Нижний Тагил, 2019. С. 228–236.

Кусков С.А. Список сотрудников эвакогоспиталей: алгоритм поиска сведений // Войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, архивоведения и источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сб. мат-лов Десятой междунар. конф. молодых ученых и специалистов «Clio-2020». М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 155–158.

Мушкин С.Г. Всенародная помощь раненым воинам в годы Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1971. 116 с.

Орлова Е.А. Эвакогоспитали Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 22 с.

Савушкин Л.М. Идеология советского тыла: проблемы и противоречия. 1941–1945 гг. (Опыт деятельности партийных организаций тыловых районов РСФСР). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 193 с.

Свинцова М.Н. Служба здоровья в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2020. 369 с.

Тищенко Е.М. История здравоохранения Беларуси в XX веке: дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 461 с.

Федорова А.В. Долг милосердия: Тыловые госпитали в Оренбуржье // Блокнот агитатора. 1987. № 12. С. 11–13.

Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1995. 216 с.

References

Antipin, N.A. (2008). Organizatory gospitaly na Yuzhnom Urale v gody Russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg. [Organizers of Military Hospitals in the Southern Urals during the Russo-Japanese War of 1904–1905]. In *Arkhivy Rossii na sluzhbe obshchestva i gosudarstva: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu sozdaniya arkhivnoy sluzhby Rossii*. Chelyabinsk, pp. 127–129.

Antipin, N.A. (2013). *Russko-yaponskaya voyna v kul'turnoy pamyati rossiyskogo obshchestva. 1904–2000-e gg.* [The Russo-Japanese War in the Cultural Memory of Russian Society. 1904–2000s], Cand. hist. sci. diss. abstract. Chelyabinsk. 34 p.

Argunova, M.P. (2015). *Evakogospitali Altayskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Evacuation Hospitals of the Altai Territory during the Great Patriotic War (1941–1945)], Cand. hist. sci. diss. Barnaul. 367 p.

Buryak, Yu.Yu. (2021). Voenno-sanitarnye poezda SSSR nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Military Hospital Trains of the USSR on the Eve of and during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 71, pp. 11–19.

Degtyareva, N.A. (2014). *Gospitali na Yuzhnom Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Military Hospitals in the Southern Urals during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Orenburg, OGIM. 230 p.

Dement'ev, B.P. (1990). *Ideologicheskaya rabota partiynykh organizatsiy Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Ideological Work of the Party Organizations of the Urals during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 150 p.

Fedorova, A.V. (1987). Dolg miloserdiya: Tylovye gospitali v Orenburzh'e [Duty of Mercy: Rear Hospitals in Orenburg]. In *Bloknot agitatora*. No. 12, pp. 11–13.

Fedorova, A.V. (1995). Orenburg v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Orenburg during the Great Patriotic War]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo. 216 p.

Gorelova, G.G., Manuilov, G.V., Popkova, T.A. (2020). Deyatel'nost' sovetskikh psikhologov na Yuzhnom Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Activities of Soviet Psychologists in the Southern Urals during the Great Patriotic War]. In *Psikhologiya. Psikhofiziologiya*. Vol. 13, No. 2, pp. 5–14.

Gumanenko, E.K. (Eds.). (2013). *Voenno-polevaya khirurgiya: uchebnik* [Military Field Surgery: Textbook]. Moscow, GEOTAR. 768 p.

Kotiv, B.N., Ganapol'skiy, V.P., Tsygan, V.N., Fomin, N.F., Korovin, A.E., Ovchinnikov, D.V. (2021). Nauchnyy potentsial voennoy meditsiny v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.) [Scientific Potential of Military Medicine in the Great Patriotic War (1941–1945)]. In *Izvestiya Rossiyskoy Voenno-meditsinskoy akademii*. Vol. 40, No. 3, pp. 75–82.

Kudryashov, V.F. (1975). *Kommunisticheskaya partiya – organizator vsenarodnoy pomoshchi ranenym i bol'nym voinam v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) (Na materialakh Leningradskoy partiynoy organizatsii)* [The Communist Party – the Organizer of Nationwide Aid to Wounded and Sick Soldiers during the Great Patriotic War (1941–1945) (Based on Materials from the Leningrad Party Organization)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Leningrad. 18 p.

Kuskov, S.A. (2019). Dokumenty evakogospitaley v partiynykh arkhivakh Urala [Documents of Evacuation Hospitals in the Party Archives of the Urals]. In *Partiynye arkhivy. Problemy i perspektivy razvitiya: materialy 5 mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Yekaterinburg, Nizhniy Tagil, pp. 228–236.

Kuskov, S.A. (2020). Spisok sotrudnikov evakogospitaley: algoritm poiska svedeniy [List of Evacuation Hospital Staff: Information Search Algorithm]. In *Voyny v istorii. Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arkheografii, arkhivovedeniya i istochnikovedeniya, rossiiskoy i vseobshchey istorii novogo i noveyshego vremeni: Sbornik materialov Desyatoy mezhdunarodnoy konferentsii "Clio-2020"*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 155–158.

Mushkin, S.G. (1971). *Vsenarodnaya pomoshch' ranenym voinam v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [National Assistance to Wounded Soldiers during the Great Patriotic War]. Tbilisi. 116 p.

Orlova, E.A. (2007). *Evakogospitali Kuzbassa v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Evacuation Hospitals of Kuzbass during the Great Patriotic War (1941–1945)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Kemerovo. 22 p.

Pospelov, P.N. (Ed.). (1965). *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuz 1941–1945 gg.: v 6 tomakh. Tom 6: Itogi Velikoy Otechestvennoy voyny* [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945 in 6 vol. Vol. 6: Results of the Great Patriotic War]. Moscow. 652 p.

Pospelov, P.N., Bugaev, E.I., Il'ichev L.F. (Eds.). (1970). *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz 1941–1945 gg.: v 6 tomakh. Tom 5: Kommunisticheskaya partiya nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny, v period uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva. 1938–1958. Kniga 1: 1938–1954 gody* [History of the Communist Party of the Soviet Union. Vol. 5: The Communist

Party on the Eve of and during the Great Patriotic War, during the Period of Strengthening and Development of Socialist Society. 1938–1958. Part 1: 1938–1945]. Moscow. 723 p.

Savushkin, L.M. (1990). *Ideologiya sovetskogo tyła: problemy i protivorechiya. 1941–1945 gg.* (Opyt deyatel'nosti partiynykh organizatsiy tylovykh rayonov RSFSR) [Ideology of the Soviet Rear: Problems and Contradictions. 1941–1945 (Experience of the Activities of Party Organizations in the Rear Regions of the RSFSR)]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 193 p.

Sobolev, I.N., Komolova, L.K. (Eds.). (1957). *Itogi Vtoroy mirovoy voyny* [Results of the Second World War]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury. 640 p.

Svintsova, M.N. (2020). *Sluzhba zdorov'ya v Kirovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Health Service in the Kirov Region during the Great Patriotic War]. Kirov, Raduga-PRESS. 369 p.

Tishchenko, E.M. (2001). *Istoriya zdavookhraneniya Belarusi v XX veke* [History of Healthcare in Belarus in the 20th Century], Dr. med. sci. diss. Moscow. 461 p.

Vodolagin, M.A. (1978). Partiya – organizator pomoshchi ranenym boytsam i komandiram Krasnoy Armii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Party Organized Assistance to Wounded Soldiers and Commanders of the Red Army during the Great Patriotic War]. In *Voprosy istorii KPSS*. No. 1, pp. 64–75.

Voropay, A.V. (1979). Voenno-meditsinskiy muzey Ministerstva oborony SSSR [Military Medical Museum of the USSR Ministry of Defense]. In *Sovetskaya voennaya entsiklopediya*. Vol. 2. Moscow, Voenizdat. 639 p.

Г.А. Ткачева*

**СУХОПУТНЫЕ ПУТИ СООБЩЕНИЯ
В СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖЕЙ СССР 1922–1945 ГОДОВ****doi:10.31518/2618-9100-2025-2-6
УДК 947.084.085.51:332.1(571.6)*Выходные данные для цитирования:**Ткачева Г.А. Сухопутные пути сообщения в стратегии обеспечения безопасности восточных рубежей СССР 1922–1945 годов // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 78–94. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-06.pdf>*

G.A. Tkacheva*

**LAND COMMUNICATION ROUTES
IN THE STRATEGY FOR ENSURING SECURITY
OF THE EASTERN BORDERS OF THE USSR IN 1922–1945**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-6

*How to cite:**Tkacheva G.A. Land Communication Routes in the Strategy for Ensuring Security of the Eastern Borders of the USSR in 1922–1945 // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 78–94. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-06.pdf>]*

Abstract. Using a new source base, the article presents the main directions of transformation of the road infrastructure of the Far East region in the spatial and communication system of the USSR in 1920–1945. It is revealed that it was transformed using militarized methods of the administrative-command model of interaction between central structures and subordinate organizations and enterprises of the industry. The presented statistical data on the operational length of land communication routes and their type characteristics made it possible to determine that the new configuration was created according to a forced scenario to increase the capacity of military-strategic roads, integrating the region into the territorial and economic space of the country. The formation of the logistics structure of land communication routes was considered as one of the areas of external and internal strategy for ensuring the country's defense capability, which unloaded the railways from inefficient transportation requiring numerous reloads, but did not solve the problem of industry interaction. Departmental disunity led to the dispersion of resources and, in conditions of over-watered soil and sharp temperature changes with a shortage of building materials and labor, to impassable roads.

Keywords: Far East, modernization, transformation, transport and communications network, land communication routes, the Great Patriotic War.

The article has been received by the editor on 18.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье с использованием новой источниковой базы представлены основные направления трансформации автодорожной инфраструктуры Дальневосточного региона в пространственно-коммуникационной системе СССР 1920–1945-х гг.

* **Галина Анатольевна Ткачева**, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, e-mail: tkacheva.ga@bk.mail.ru

Galina Anatolievna Tkacheva, Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: tkacheva.ga@bk.mail.ru

** В статье использованы фотографии дорожных работ в окрестностях Хабаровска из фондов Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (публикуются впервые).

The article uses photographs of road works in the vicinity of Khabarovsk from the funds of the Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov (published for the first time).

Выявлено, что она преобразовывалась с использованием милитаризованных методов административно-командной модели взаимодействия центральных структур с подведомственными организациями и предприятиями отрасли. Представленные статистические данные эксплуатационной протяженности сухопутных путей сообщения и их видовая характеристика позволили определить, что новая конфигурация создавалась по форсированному сценарию для увеличения пропускной способности дорог военно-стратегического назначения, интеграции региона в территориально-экономическое пространство страны. Формирование логистической структуры сухопутных путей сообщения рассматривалось как одно из направлений внешней и внутренней стратегии обеспечения обороноспособности страны, которые разгружали железнодорожные магистрали от неэффективных перевозок, требующих многочисленных перегрузок, но не решали проблему отраслевого взаимодействия. Ведомственная разобщенность приводила к распылению средств, а в условиях переувлажнения почвы и резких перепадов температур при недостатке строительных материалов, рабочей силы – к бездорожью.

Ключевые слова: Дальний Восток, модернизация, трансформация, транспортно-коммуникационная сеть, сухопутные пути сообщения, Великая Отечественная война.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025 г.

Введение. В отечественной историографии сложилась традиция в изучении трансформации советского общества, что нашло отражение в массиве исторических и тематических работ общесоюзной (общероссийской) и региональной научно-исследовательской мысли, которые условно подразделяются на работы с основными концептуальными подходами в оценке исторических событий, анализом конкретных проблем и специфических условий Дальнего Востока СССР.

Сравнительный анализ опубликованной литературы показывает, что с учетом состояния источниковой базы и организации научного процесса в отечественной историографии проблемы формирования и использования сухопутных путей сообщения в стратегии обеспечения безопасности восточных рубежей СССР 1922–1945 гг. практически не исследованы. В отечественной военной историографии внимание акцентировалось на управлении, снабжении армии и флота оружием и военной техникой, совершенствовании военного искусства. В контексте становления оборонно-промышленного комплекса СССР исследователями изучались коммуникационные возможности восточных районов страны, которые показывают, что в условиях военного времени задачи функционирования военно-оборонных предприятий и стратегического развертывания дальневосточной группировки войск решались путем взаимодействия всех звеньев транспортной системы общесоюзного и регионального значения¹.

Рис. 1. Дорожные работы в окрестностях Хабаровска. 1926 г.

¹ Зайцев Ю.М. Инженерно-строительные органы Тихоокеанского флота в 1932–1945 гг. Владивосток, 2007; Ковальчук М.А. История транспорта Дальнего Востока России (вторая половина XIX в. – июнь 1941 г.). Хабаровск, 1997; Лаврентьев А.В. Развитие транспорта на Дальнем Востоке России (середина 1980-х годов – начало XXI века). Владивосток, 2014; Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владивосток, 2005; Сметанко В.Г., Ковальчук М.А., Цехместер Н.Ф. Автомо-

Исходя из степени изученности проблемы, в статье анализируется процесс модернизации автодорожной инфраструктуры Дальневосточного региона как одного из направлений обеспечения обороноспособности страны в пространственно-коммуникационной системе СССР 1920–1945-х гг. Территориальные рамки исследования определяются в рамках Дальневосточной области (с 25 июля 1923 г.), которая 4 января 1926 г. преобразована в Дальневосточный край с девятью округами (Читинский, Сретенский, Зейский, Амурский, Хабаровский, Николаевский-на-Амуре, Владивостокский, Камчатский, Сахалинский). В дальнейшем территории Читинского, Сретенского, Зейского административных образований вошли в состав Восточно-Сибирского края, Чукотского, Корякского и Охотско-Эвенкийского – Камчатской области, северо-восток СССР передали под управление Государственного треста по промышленному и дорожному строительству (Дальстрой). С 20 октября 1938 г. Дальневосточный регион объединял Приморский край (центр Владивосток) – Приморская и Уссурийская области (ликвидированы соответственно в 1939 и 1943 гг.), Хабаровский (центр Хабаровск) – Хабаровская (ликвидирована в 1939 г.), Амурская, Нижне-Амурская, Еврейская автономная, Камчатская и Сахалинская области, Чукотский и Корякский национальные округа, районы Колымы².

Рис. 2. Дорожные работы в окрестностях Хабаровска. 1926 г.

Источниковую базу исследования составил комплекс первичных документов и материалов, выявленных в 15 фондах пяти государственных архивохранилищ и опубликованных сборниках документов. Стенограммы и протоколы совещаний, конференций, решения бюро краевых, областных, городских комитетов партии, служебная переписка, справки, докладные записки партийных организаций (Ф. 17, РГАСПИ; Ф. П-2, Ф. П-35, ГАХК; Ф. П-68, П-85) позволили определить реализацию мобилизационных задач по широкому спектру вопросов, использование статистических обзоров, обследований, переписей (Ф. 4372, Ф. 1562, РГАЭ; Ф. 353, ГАХК) – выявить региональные особенности функционирования транспортной системы. Информационно-аналитические материалы комиссий, рассредоточенные по различным фондам, детализируют процессы, происходившие на Дальнем Востоке СССР, значение принятых решений и их выполнение в рамках формирования инфраструктуры сухопутных путей сообщения (А-374, ГАРФ; Ф. П-84, ГАПК; Ф. П-331, Ф. 706, ГАХК).

Источники чаще всего распылены внутри фондов и редко составляют целостные комплексы, изобилуют не соотносимой по времени и параметрам документацией, что затрудняет составление динамических рядов и их анализ. Основные направления модернизации Дальневосточного региона определялись нормативно-законодательными актами и программными мобилизационными решениями государственно-партийных структур, имели единые стандарты, но различались по форме и содержанию. Предложенный подход в изучении проблем обеспечения безопасности восточных рубежей СССР уточняет тематику исследований социально-экономических и военных проблем в период модернизационных преобразований 1922–1945 гг.

Геополитические императивы и реализация советских внешнеполитических целей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, руководящие установки на повышение боеспособности

бильные дороги Дальнего Востока России (1917–1960 гг.). Хабаровск, 2008.

² Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 1228. Оп. 1. Д. 68. Л. 64–69; Ф. 137. Оп. 23. Д. 50. Л. 51; Д. 73. Л. 2; Ф. П-2. Д. 768. Л. 401, 402.

Красной армии и Военно-Морского флота обусловили модернизацию военно-производственной структуры Дальнего Востока СССР. Транспортно-коммуникационная сеть преобразовывалась в рамках взаимодействия центральных структур с подведомственными организациями и предприятиями, используя милитаризацию отрасли как элемент транспортной системы для повышения обороноспособности страны.

Нормативно-законодательная база расширила применение внеэкономических методов функционально-отраслевых принципов властных полномочий административно-командной системы управления. В 1919 г. автомобильный и гужевой транспорт из ведения различных структур передали в транспортно-материальный отдел ВСНХ советской республики, в июле 1921 г. – в Центральное управление местного транспорта (ЦУМТ), которое в 1928 г. реорганизовали в Центральное управление шоссейных, грунтовых дорог и автомобильного транспорта (Цудортранс) и передали под управление в Наркомат путей сообщения, а 6 марта 1931 г. – в СНК СССР³.

Разграничение сферы ответственности между ведомствами привело к очередной реорганизации: 28 октября 1935 г. Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог переподчинили Наркомату внутренних дел, в составе которого в 1936 г. образовали Главное управление шоссейных дорог (Гушосдор). Для руководства строительством и эксплуатацией дорог республиканского и местного значения 22 апреля 1938 г. создали в союзных республиках Главные управления дорог (Главдорупр), а 29 мая 1939 г. – наркоматы автомобильного транспорта⁴.

Рис. 3. Дорожные работы в окрестностях Хабаровска. 1926 г.

В 1922–1945 гг. Дальневосточный регион определяется как локализованная административно-территориальная структура социально-экономического пространства СССР со специфическими геополитическими условиями формирования и функционирования. Вертикальная и горизонтальная системы управления автогужевого транспорта были децентрализованы между территориальными органами власти и ведомственными структурами: строительство и обслуживание дорог союзного, оборонного значения находилось в ведении Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР, другие в зависимости от категории – дорожных отделов при республиканских, краевых, областных советах депутатов трудящихся.

Мобилизационные преобразования автотранспортной инфраструктуры в 1920–1930 гг. Концептуальное обоснование советской институциональной составляющей формировалось в рамках теоретического осмысления и практической реализации идей строительства социалистического общества. Пространственная структура трансформации советского общества предусматривала выравнивание условий развития территорий с учетом политических и военно-стратегических факторов, требовала модернизации безрельсового транспорта, но в пятилетних планах обозначалось развитие его инфраструктуры лишь по военно-стратегическим направлениям оборонного значения. Плановые задания на ближайшую и отдаленную перспективу предусматривали восстановление и модернизацию автогужевого транспорта с учетом грузовых и пассажирских сообщений, увеличение сети дорог с улучшенным покрытием проезжей части и стандартным типом искусственных

³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1931 г. № 1-8, 10-22. М., б.г. С. 455–456.

⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1936 г. М., 1946. С. 121.

сооружений за счет механизации дорожных работ, использования научных разработок по добыче, обработке материалов в различных районах СССР. На республиканском и местном уровнях создание постоянного коммуникационного сообщения должно было осуществляться путем организации работ с максимальным привлечением средств и трудовых ресурсов местных органов власти, предприятий и организаций.

Для выполнения обширных планов требовалось не только финансирование, но и коллективы строителей, укомплектованные специалистами и обеспеченные техникой и материальными ресурсами. В отчетной документации неизменно констатировались трудности в определении стоимости работ на текущий

Рис. 4. Выравнивание вспаханного полотна улицы. Работают два трактора «Тайлор» и «Фордзон» с грейдерами. Хабаровск, 1926

и капитальный ремонт, проектно-сметные изыскания и строительство новой инфраструктуры при отсутствии достоверных данных ведомственности принадлежности по типам и значимости сухопутного сообщения по административно-территориальным образованиям СССР.

В конце 1920 г. протяженность автогужевых дорог Советской России определялась в 3 млн км (1 450 тыс. км в ведении дорожных структур), из них требовали капитального ремонта 60 % дорог государственного значения, 85 % – местного. В восстановительный

период обустройство новых трасс практически не осуществлялось: к 1928 г. протяженность дорог государственного и местного значения увеличилась до 1 452,1 тыс. км, в том числе с усовершенствованным покрытием – с 25 до 32 тыс. км⁵.

За 1928–1932 гг. всеми ведомствами СССР в эксплуатацию введено 102 тыс. км дорог, из них 86,8 % – грунтовых профилированных улучшенного типа, 12,6 % – с каменным мощением и 0,6 % – с асфальто- и цементно-бетонным покрытием. Основной объем работ выполняли работники Цудортранса, построив в 1928–1932 гг. 79,1 тыс. км автогужевых дорог (66,5 тыс. грунтовых, 12 тыс. мощеных, 562 км асфальто-цементно-бетонных), за 1933–1934 гг. – 113,6 тыс. км (87 % грунтовых дорог)⁶.

Государственные мобилизационные программы определяли стратегию модернизации социально-производственной структуры советского общества и принципы ускоренной трансформации транспортной системы. Проблема транспортного сообщения между центральными и отдаленными районами Дальневосточного края решалась строительством путей сообщения малой проходимости. Законодательством определялось обязательное включение в расходную часть местных бюджетов статьи на содержание местных дорог, все необходимые материалы для этого выделялись на льготных условиях. В 1923/1924–1925/1926 гг. на ремонт автогужевых дорог союзного значения централизованно было отпущено по текущему курсу 2,5 млн руб., что составило не более 15–16 % необходимых сумм для выполнения производственной программы, по местному бюджету – 431,9 тыс. руб., или 1,5 % краевого бюджета. В 1928–1936 гг. на строительство и содержание транспортной инфраструктуры местного значения было использовано около 29 млн руб., составляя 1,8 % расходов⁷.

В 1926/1927 г. на территории Дальневосточного края имелось 41,8 тыс. км путей, включая 13 км шоссейных и 25,7 тыс. км грунтовых дорог, 8,6 тыс. км троп (все на Камчатке и Сахалине), 7,4 тыс. км зимников. В ведении Далькрайисполкома значилось около 4,4 тыс.

⁵ Советский транспорт. 1917–1927. М., 1927. С. 214, 219; Транспорт и связь СССР: стат. сб. М., 1957. С. 195.

⁶ Транспорт и связь СССР в цифрах М., 1936. С. 56 (подсчит. авт.).

⁷ ГАХК. П-2. Оп. 1. Д. 1351. Л. 290; Денисов Н. К вопросу восстановления и постройки гужевых дорог Дальневосточного края // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 7: Транспорт и строительство. Хабаровск; Владивосток, 1927. С. 12 (подсчит. авт.).

км (23 маршрута) союзного и 24,2 тыс. км местного значения. Несмотря на необходимость строительства новых транспортных артерий, в первом пятилетии предполагалось в рамках восстановления, переустройства дорог и искусственных сооружений выполнить 70 % объема работ по дорогам специального, 46 % – краевого, 27 % – окружного и только 12 % районного и сельского назначения. Предполагалось использовать на эти цели 11 млн руб., которые на 38 % покрывались из республиканского дорожного и на 7 % – специального фонда, на 36 % – из местного бюджета и на 19 % – использованием труда населения⁸.

С целью обеспечения грузопотока по транспортным магистралям осуществлялись геологические исследования районов по всем направлениям военно-стратегического предназначения. К 1932 г. 72,9 % дорог региона составляли грунтовые естественные, 13,1 % – профильные, 10,7 % – улучшенные, 3 % – щебеночные и 0,3 % – гудроновые, но на 10 тыс. кв. км приходилось не более 1,6 км, грузооборот составлял 14,9 млн т⁹.

За 1932–1937 гг. силами населения в Хабаровском крае было построено 17 951 м мостов, 1 277 км профилированных, 177 км улучшенных гравийных грунтовых дорог, главным образом в обжитых экономических районах Амурской, Хабаровской, Еврейской автономных областей. В начале 1938 г. край располагал 12 435 км дорог местного значения, из них 193 км – гравийных и улучшенных, 2 337 км – профилированных, а остальные – естественный накат и проселочная тропа¹⁰.

Следует отметить, что состояние безрельсового транспорта на Дальнем Востоке вызывало особую озабоченность у военных структур. Недостаток коммуникационной системы приводил к разногласиям не только между силовыми структурами, но гражданскими ведомствами. Приказы управления НКВД по Дальневосточному краю о необходимости согласования передвижения войсковых соединений и техники по авто- и гужевым дорогам региона нарушали ритмичность грузовых перевозок, ущемляя интересы всех наркоматов и населения. Так, в докладной записке ОКДВА В.К. Блюхер в апреле 1937 г. информировал партийно-политическое руководство края о запрещении начальником УНКВД по ДВК Т.Д. Дерibasом свободного движения автомобильного и гужевого транспорта, в результате чего на дорогах края наблюдалось скопление военных машин с грузом, констатируя, что «...дороги, помимо общего и общеизвестного их значения для края, являются еще дорогами стратегическими и оборонными, строительство их проводится по требованиям командования ОКДВА и по оборонным кредитам, <...> а что же за стратегические и оборонные дороги мы строим в крае, если они от снега и весенней распутицы приходят в быстрое расстройство?»¹¹.

Качество дорог объяснялось не только недостатком материально-технических средств и трудовых ресурсов, но и использованием труда заключенных. Начальник управления Дальлага информировал 9 июня 1937 г. начальника НКВД по ДВК, что «...дорожные работы, раскинутые на несколько тысяч километров, исключают всякую возможность усиленной охраны, ведутся в приграничной зоне и поэтому требуют лучшего подбора людей. <...> Судя же по данным “Дальлага”, такой отбор не осуществлен»¹².

К началу 1938 г. протяженность грунтовых дорог в Дальневосточном крае составляла около 20 тыс. км, из них с твердым покрытием и профилированные – лишь 4 тыс. км, остальные – естественные, накатные. Для решения проблем коммуникационного сообщения предусматривалось строительство 9,9 тыс. км путей сообщения, включая 1,1 тыс. км улучшенных и 2,2 тыс. профилированных грунтовых дорог, 9,4 пог. м мостов и труб параллельно линии дальневосточной магистрали Владивосток – Хабаровск, участок Хабаровск – Ксень-

⁸ Перспективы развития народного хозяйства и культурно-социального строительства ДВК на пятилетие 1928–1929–1932–1933 гг. Хабаровск, 1929. С. 151, 152 (подсчит. авт.); ГАХК. Ф. 353. Оп. 6. Д. 58. Л. 48; ДВК в цифрах: статистический справочник на 1932 г. Хабаровск, 1932. С. 80; Материалы к плану развития народного хозяйства и культурного строительства ДВК во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Хабаровск, 1932. С. 148 (подсчит. авт.).

⁹ ГАХК. Ф. 353. Оп. 6. Д. 58. Л. 48; Оп. 1. Д. 197. Л. 3 (подсчит. авт.).

¹⁰ Там же. Оп. 4. Д. 25. Л. 28.

¹¹ Там же. П-2. Оп. 1. Д. 1299. Л. 130–136.

¹² Там же. Л. 341–344.

евская по направлению от Благовещенска на Экимчан и Керби до Николаевска-на-Амуре. Северные угле- и золотоносные районы должны связать Колымский тракт по направлению Экимчан – Нелькан, Буреинский – Завитая – В. Буря – Усть-Ниман, Магдагачи – Толбузино. Ускоренное строительство Байкало-Амурской магистрали обуславливало реконструкцию дороги Чурелево – Тында – Зeya – Дамбуки протяженностью 350 км¹³.

Однако поставленную задачу было невозможно решить при хроническом дефиците кадров только за счет трудоустройства дальневосточников без создания материально-технической структуры. В целях дальнейшей централизации руководства строительством и обслуживанием дорог союзного значения с 1 января 1939 г. было образовано Дальневосточное управление шоссейных дорог НКВД СССР. Начальником Хабаровского Ушосдора был назначен Петр Никитович Морев, главным инженером – Георгий Дмитриевич Ярошенко. Приморское отделение возглавил Иван Васильевич Окоемов, должность главного инженера получил Александр Павлович Кондратьев. Дорожно-эксплуатационные участки дислоцировались в г. Свободном, Благовещенске, Хабаровске, Спасске, Ворошилове (ныне Уссурийск), Имане, а также в поселке Вяземском, селах Черниговка, Семеновка, Вознесенка¹⁴.

На 1 января 1940 г. осуществляли новое дорожное строительство в Хабаровском крае пять отрядов и четыре строительно-монтажных звена треста НКВД численностью 6,1 тыс. чел. (78,3 % плана), ремонтировали 1 012 чел. (69,6 %), 14 эксплуатационных участков УШОСДОРа НКВД, имевших 98 автомашин, 4 бензовоза, 52 трактора, 21 мотокаток, 18 паровых катков, 21 грейдер, 8 кирковщиков, 4 камнедробилки, 29 лопат Беккер» и 23 лопаты «Киллифер». Край располагал 16 408 км дорог, в том числе 1 270 км госдорог в ведении управления Ушосдора НКВД (12 км асфальтобетонные, 7 км мостовые, 664 км гравийные, 398 км грунтово-улучшенные и 189 км грунтово-естественные) и 15 138 км дорог местного значения (79 км гравийные, 193 км улучшенные, 2 729 км грунтово-профилированные, 7 492 км грунтово-естественные, 4 128 км троп, 516 км зимних дорог по льду)¹⁵.

В Приморском крае строительство инфраструктуры автогужевого транспорта осуществлялось по юго-восточному и северному направлениям, связывая сельскохозяйственные районы, предприятия угольной, лесной, рыбной промышленности, военно-морские базы Тихоокеанского флота с Приморской железной дорогой. Реконструировались дороги Хабаровск – Владивосток, Барабаш – Хунчун, Завитая – Поярково, Ворошилов – Николо-Львовск, Гродеково, Турий Рог, Михайловка – Анучино, Бочкарево – разъезд Березовский, Кизи – Де-Кастри, Галёнки – Покровка – Полтавка, Раздольное – Барабаш. Дополнительные ассигнования выделялись на завершение строительства дорог Угольная – Сучан – Николаевка, Яковлевка – Анучино – Варваровка, Манзовка – Комиссаровский, Шкотово – залив Америка. Одновременно проводились работы по строительству дорог Варфоломеевка – Кокшаровка, Надеждинская – Тавричанка, Шмаковка – Успенка, Михайловка – Воздвиженка, Авдеевка – Уссурка, Пантейлемоновка – Прохасено, являющиеся связующим звеном с трассами союзного значения и тылом Дальневосточного фронта. К 1941 г. по всем направлениям в крае насчитывалось 273,5 км отличных дорог (16,1 %), 1 226,3 км – хороших (71,9 %), 196 км – в удовлетворительном состоянии (11,6 %)¹⁶.

Эксплуатационные характеристики региональной сети не соответствовали нормативным требованиям, неблагоприятные природно-климатические условия и развертывание вооруженных формирований сокращали сроки службы дорожного покрытия. Закрепленные за дорожно-эксплуатационными участками, организациями, населенными пунктами дороги поддерживались в технически исправном состоянии в зависимости от ведомственной

¹³ ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 27. Л. 27–28; Оп. 5. Д. 7. Л. 62, 63.

¹⁴ Лаврентьев А.В. Развитие транспорта на Дальнем Востоке России... С. 83, 84.

¹⁵ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1273. Л. 131, 132, 136, 154, (подсчит. авт.).

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 64–65; Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 1. Д. 645. Л. 83; Оп. 4. Д. 116. Л. 18.

В докладных записках на имя секретарей Приморского и Хабаровского крайкомов ВКП(б) отмечалось, что в Дальневосточном регионе не введено в эксплуатацию строящихся с 1932 г. по заниженным проектным заданиям 3 тыс. км автогужевых дорог. Большинство покрытий дорог из местных строительных материалов союзного и военно-стратегического значения составляли не более 12–14 см (необходимо 18 см) без водоотвода со сроком службы всего два года, построенные мосты и искусственные сооружения не выдерживали нагрузку, требовали замены или капитального ремонта. Принятая в эксплуатацию в 1938 г. шоссейная дорога Хабаровск – Владивосток протяженностью 278 км построена с многочисленными техническими нарушениями, гравийно-щебеночное покрытие дороги Биробиджан – поселок Новенькое (149 км) отсыпано не полностью, а эксплуатация пути Благовещенск – Свободный – Нарский (367 км) при определенных условиях вообще неосуществима¹⁷.

В распоряжении Народного комиссариата путей сообщения СССР от 19 октября 1940 г. отмечалось, что неудовлетворительная разгрузка товарных станций от прибывающих по железным дорогам грузов вызвана недостаточностью автогужевых средств у потребителей и неэффективным их использованием. Так, машины управления автотранспорта по Хабаровскому краю простояли за год не менее 55,7 тыс. машино-дней, из них 40,4 % – в ожидании ремонта, 26,3 % – из-за отсутствия бензина (получено не более 30 % потребности), 28,5 % – резины (22 % потребности), 1 % – шоферов, 3,8 % – прочие. Недостаток горюче-смазочных средств обеспечивался за счет потребителей, в большинстве от строительных и торговых организаций, и план грузоперевозок выполнен приблизительно на 47–48 %¹⁸.

Контроль над следованием машин по трактам и загородным линиям в прямом и обратном направлениях осуществляли не только заинтересованные структуры, но и органы милиции. Для повышения рентабельности работы ведомственного автотранспорта, в соответствии с постановлением Экономического совета СССР от 8 февраля 1940 г. за № 212 и СНК РСФСР № 134 от 14 марта 1941 г., на автотранспортных пунктах в Хабаровске, Благовещенске, Комсомольске и Куйбишевке-Восточной осуществлялась загрузка попутным грузом автомашин всех наркоматов (исключая военных ведомств и внутренних дел), следующих порожняком от железнодорожных станций и пристаней по трассам¹⁹.

К большому сожалению, определить формирование инфраструктуры безрельсового транспорта в 1920–1930-х гг. по территориям СССР не удалось. Архивные данные в единых административных границах свидетельствуют, что к началу 1941 г. по отношению к 1928 г. эксплуатационная длина дорог с твердым покрытием увеличилась более чем в 4,4 раза, автомобильный парк – в 43,6 раза, количество грузовых машин – в 79 раз, перевозка грузов – в 33 раза (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели работы автотранспорта
в условиях ускоренной модернизации СССР, 1928–1940 гг.

Показатель	1913	1928	1932	1937	1940
Эксплуатационная длина дорог с твердым покрытием, тыс. км	24,3	32,0	44,5	83,9	143,4
Автомобильный парк, тыс. шт., в том числе	8,8	18,7	73,0	431,8	815,4
Автомобили грузовые, тыс. шт.	2,6	8,3	51,0	348,1	655,7
Перевезено грузов, тыс. т	10,0	20,0	100,0	569,1	658,6

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 70, 71, 76, 77.

¹⁷ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 477. Л. 381; Ф. 353. Оп. 4. Д. 54. Л. 108; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Л. 8, 16.

¹⁸ ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 51. Л. 4 об.; Д. 52. Л. 17, 18.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 524. Л. 1, 11, 37, 37 об., 40, 66, 67.

К началу 1941 г. в СССР имелось 1 531,2 тыс. автогужевых дорог, в том числе союзного значения – 57,8 тыс. км, из них 75,7 % – с твердым покрытием, республиканского – 94,3 тыс. км (29,7 %) и местного – 1 379,1 тыс. (5,2 %). По отношению к 1920 г. протяженность дорог увеличилась незначительно (на 5,6 %), но изменилась качественно: 9 % дорог имели твердое покрытие против 1,7 % в 1920 г., по-прежнему преобладали грунтовые естественные дороги, составляя не менее 58 %. За 1920–1940 г. объем перевозок возрос почти в 86 раз, автомобильный транспорт перевез 4 491,5 млн т грузов²⁰.

Реконструкция дорожного сообщения на Дальнем Востоке СССР определялась военно-стратегическими задачами обеспечения национальной безопасности с использованием возможностей военно-промышленных, транспортных, военизированных строительных структур и управлений НКВД, трудовых ресурсов Дальневосточного региона. В 1928–1936 гг. в автодорожную сеть региона ежегодно расходовалось из местного бюджета не более 1,1–1,6 % средств, из них на капитальное строительство направлялось 40–50 % финансирования. К 1937 г. количество автомобилей во всех отраслях региона увеличилось со 110 до 8 313 ед., из них грузовых – с 74 до 6 706 ед., численность работников (включая совместителей) – до 19 тыс. чел.²¹

Очаговый характер освоения природных ресурсов Дальневосточного региона с использованием ресурсов промышленно развитых районов страны определили основные стратегические направления модернизации транспортной системы. Созданная автодорожная инфраструктура проходила в основном по обжитым районам и не обеспечивала выход на основные транспортные коридоры СССР, устойчивую коммуникационную связь с железнодорожными узлами, морскими, речными портами.

Рис. 5. А. Гай на строительстве автодороги Хабаровск – Биробиджан. Июнь 1941 г.

Сухопутная транспортно-коммуникационная сеть Дальневосточного региона в годы Великой Отечественной войны. Военно-стратегическое предназначение путей сообщения являлось той доминантой, которая определила модернизацию дальневосточного автогужевого транспорта в 1941–1945 гг. Протяженность дорог с твердым покрытием увеличилась, их нередко дублировали железнодорожные пути сообщения, и зачастую являлись самостоятельным средством коммуникации, что обуславливалось особенностями решения военно-стратегических задач обороны дальневосточных рубежей. Все они были закреплены за дорожно-эксплуатационными участками, организациями, населенными пунктами и поддерживались в технически исправном состоянии в зависимости от ведомственной принадлежности (табл. 2).

При активном участии населения и частей Дальневосточного фронта строились транспортные артерии малой проходимости, крайне необходимые в условиях ограниченных коммуникационных связей Дальневосточного региона. Только за первые два с половиной года войны в Хабаровском крае было построено 542 км гравийно-грунтовых магистралей и отремонтировано 1 604 км автогужевых дорог. Краевой центр с Еврейской автономной и Амурской областями связала возведенная автогужевая дорога Хабаровск – Райчихинск (417 км). При минимальной механизации было произведено 2 756 кубометров земляных работ, построено 3 050 погонных метров деревянных искусственных сооружений, вывезено 176 тыс. кубометров каменных и гравийных материалов. Улучшены грунтовые дороги

²⁰ Транспорт и связь СССР: стат сб. М., 1957. С. 155, 195–197 (подсчет. авт.).

²¹ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1351. Л. 54, 68, 91–94, 290 (подсчет. авт.).

Куйбышевка – Арга (45 км) и Ромны – Поздеевка (36 км)²². Если в 1940 г. капитальному ремонту подверглось 2 069 погонных метров мостов и 1 338 труб, то за 1943 г. – соответственно 1 328 и 60²³.

Таблица 2

Протяженность автогужевых дорог Хабаровского и Приморского краев в 1941–1945 гг. (км)

Год	Хабаровский край		Приморский край	
	Автогужевые (без Амурской обл.)	Автогужевые с твердым покрытием	Автогужевые	Автогужевые с твердым покрытием
1941	8 399,0	846,2	8 400,0	1 900,0
1942	8 399,0	902,8	8 400,0	1 700,0
1943	8 399,0	995,5	7 900,0	1 400,0
1944	8 399,0	1 016,6	8 100,0	1 700,0
1945	8 402,8	1 056,5	9 200,0	2 000,0

Составлено по: ГАХК. Ф. 719. Оп. 31. Д. 20. Л. 3, 12; Приморское краевое управление статистики. Текущий архив. Д. 1. Л. 9.

Хабаровский краевой дорожный отдел ввел в 1945 г. в эксплуатацию 198 км и капитально отремонтировал 80,4 км улучшенных и профилированных дорог местного значения, построил 1 449 пог. м и отремонтировал 1 388 пог. м мостов и труб при трудозатратах населения 219 тыс. человеко-дней, 34,8 тыс. коне-дней и при участии воинских частей 9 410 автомобиле-дней. Следует отметить, что данные объемы работ были выполнены при значительном сокращении грузовых машин, тракторов, грейдеров, механических лопат (табл. 3).

Таблица 3

Основные показатели деятельности Хабаровского краевого дорожного отдела

Показатели, наличие		Год		
		1940	1945	1946
Подразделений, ед.	дорожных участков	–	3	3
	машинодорожных станций	6	2	2
Дорожных машин и механизмов, ед.	автомашин грузовых	78	44	28
	тракторов гусеничных	48	34	27
	тракторов колесных	48	29	27
	грейдеров	26	21	18
	мотокатков	9	5	5
	лопат механических	120	66	72
Протяженность местных дорог, км	всего, в том числе	16 244,5	16 244,5	16 244,5
	гравийных	16	16	16
	грунтово-улучшенных	403,5	938,5	975,5
	грунтово-профилированных	2544	2 592,4	2 597,4
	естественных	13 280,9	12 697,6	12 655,6

²² ГАХК Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1457. Л. 41, 42.

²³ Там же. Ф. 353. Оп. 4. Д. 54. Л. 108.

Окончание табл. 3

Показатели, наличие		Год		
		1940	1945	1946
Строительство местных дорог, км	всего, в том числе	293	198	78
	гравийных	–	–	–
	грунтово-улучшенных	131	96	37
	грунтово-профилированных	162	102	41
	естественных	–	–	–
Капитальный ремонт местных дорог, км	всего, грунтово-улучшенных	53	80,4	96
Строительство сооружений, пог. м	мостов, труб	3 534	1 449,0	1 118
Капитальный ремонт сооружений, пог. м	мостов, труб	3 310,0	1 388,0	1 850
Финансирование, тыс. руб.	капитальных затрат, тыс. руб.	13 210,0	5 825,1	4 612,0
	трудового участия	7 135	5 431,5	2 776,0
	из местного бюджета	6 075,0	393,6	607,0
	прочих средств	–	–	1 229,0
Трудовое участие населения	человеко-дней, тыс.	290,3	219,2	112,0
	коне-дней, тыс.	108,2	34,8	47,0
	автомобиле-дней (включая воинские части), дней	10 750	9 410	1 200

Составлено по: ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 108. Л. 78, 79.

Во всех отчетах подчеркивалось высокое качество произведенных работ, но в реальности все было гораздо сложнее. В докладных записках начальников управления НКВД по Хабаровскому и Приморскому краям отмечается, что сухопутные дороги не отвечают требованиям укрепления дальневосточных рубежей СССР. Так, гравийно-щебеночное покрытие дороги Биробиджан – поселок Новенькое 149 км низкое и постоянно подвергается разрушению, а дорога Благовещенск – Свободный, Свободный – Нарский протяженностью 367 км на отдельных местах непроходима, искусственные сооружения трассы Хабаровск – Владивосток требуют замены и капитального ремонта²⁴.

В конце 1941 г. по всем направлениям в Приморском крае насчитывалось 273,5 км отличных дорог (16,1 %), 1226,3 км – хороших (71,9 %), 196,0 км – в удовлетворительном состоянии (11,6 %), 7 км – в неудовлетворительном (0,4 %). Проводились большие работы по строительству дорог так называемого «особого назначения»: Надеждинская – Тавричанка (14 км), Шмаковка – Успенка (18 км), Михайловка – Воздвиженка (8 км), Авдеевка – Уссурка (15 км), Пантелеймоновна – Прохасено (40 км). Выстроенная дорога государственного значения Варфоломеевка – Кокшаровка протяженностью 104 км стала связующим звеном с трассой Хабаровск – Владивосток и тылом Дальневосточного фронта, выход к железной дороге получили три труднодоступных сельскохозяйственных района Приморья²⁵.

В то же время Нижне-Амурский лагерь, не располагая людскими и транспортными ресурсами, выполняя большие объемы работ по оперативному пропуску воинских грузов, дорогу Варфоломеевка – Кокшаровка с ответвлением на Чугуевку протяженностью 11,7 км сдал в эксплуатацию позже намеченных сроков (1 октября 1942 г.) с большими отступлениями от проекта. Проезжая часть возводилась из местных строительных материалов

²⁴ ГАХК. Ф. 974. Оп. 1. Д. 9. Л. 23, 23 об.

²⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 645. Л. 83; Оп. 4. Д. 116. Л. 18.

(гравий, естественный щебень, сланцы) толщиной 12–14 см со сроком службы всего на два года без водоотвода и определения класса²⁶.

Ведомственная разобщенность приводила к распылению средств, а в условиях переувлажнения почвы и резких перепадов температур при недостатке строительных материалов и рабочей силы – к бездорожью. В начале 1945 г. на территории Приморского края имелось 2 238 км дорог общесоюзного значения, в том числе 1 772 км гравийно-щебеночного покрытия толщиной 12–13 см, и лишь 475 км (Спасск – Михайловка, Жариково – Камень – Рыболов, Жариково – Алексеевка, Рубиновка – Атамановка – Граница, Галенки – Полтавка – Покровка, Краскино – Подгорная) толщиной 15–18 см, обеспечившие интенсивность движения до 3 тыс. автомашин в сутки, а остальные – 300–400 автомашин. Тыловые шоссейные дороги, выстроенные в 1943 г., идут к югу от г. Имана, а в северном направлении дорог нет. Требовалось построить в кратчайшие сроки тыловую шоссейную дорогу Гончаровка – Бурлит и провести ремонт существующих с привлечением не менее 4 тыс. заключенных²⁷.

Согласно техническим требованиям Главного дорожного управления Красной армии, из 1 510 мостов длиной 30 299 м (1 438 деревянных мостов протяженностью 27 593 м и 72 долговременных моста протяженностью 2 706 м) Приморья, построенных в 1934–1937 гг., только 337 мостов длиной 8 188 м могли выдержать подвижной состав весом 60 т, другие – до 25 т. Требуется срочно перестроить 4–5 тыс. погонных метров мостов и вывезти 160 тыс. куб. м гравия, щебня, произвести 160 тыс. куб. м земляных работ для восстановления земляного полотна, разрушенного паводками 1943–1944 г., провести реконструкцию части дорог по специальному техническому проекту для предохранения дорог Приморья от дальнейших разрушений. Однако такие объемы работ выполнить не было возможности. Так, за 1939–1944 гг. управление шоссейных дорог НКВД построило в Приморье 4 868 м мостов, отремонтировало 2 238 км и вывезло 907 тыс. куб. м гравия для возмещения износа дорог. Для выполнения поставленных задач управлению требуется не менее 2,5 тыс. чел. и 100 автомашин, а имеется 500 чел. (93 заключенных, 250 рабочих-механиков и 157 чел. разных профессий), 75 автомашин выпуска 1934–1936 гг., пришедших в негодность и подлежащих списанию и ремонту²⁸.

Проблемой для всех дальневосточных территорий являлось создание опорной автодорожной сети круглогодичной эксплуатации, позволяющей снять социально-экономическую напряженность в северных районах региона, где дорожное строительство практически не проводилось. Заключенные использовались для создания транспортных коммуникаций для доставки грузов в места промышленных разработок полезных ископаемых магистрального назначения, облегченного типа местного значения с небольшим грузооборотом и зимние. За 1932–1935 гг. была построена магистральная трасса Магадан – Дебин (465 км), Магадан – Атка (200 км) сдана в эксплуатацию, дороги облегченного типа Спорный – Утинка (442–463 км) и Спорный – Хатыннах (442–576 км). С 1937 по 1940 г. возводились дороги магистрального назначения Берелох – Аркагала, сданы в эксплуатацию трассы Ларюковская – Дебин, Дебин – Ягодное, Ягодное – Берелох, а также магистраль Палатка – Нелькоба. Строились дороги местного значения: Сусуман – Челбанья, Аркагала – Чай-Урьинская долина, Среднекан – Нижний Сеймчан, Магадан – б. Гертнера, автозимники Нелькоба – Кулу²⁹.

На Сахалине шесть административных районов связывались одной шоссейно-гравийной дорогой, 275 км временными грунтовыми и 1 168 км троп, пригодных только для гужевого транспорта. Дорога Дербинское – Адатимово – залив Найский связывала восточный и западный берега острова, Гилево – Александровск – Верещагино – рыбные промыслы, угольные рудники на западном побережье, Пилево – Верещагино –

²⁶ ГАХК. Ф. 706. Оп. 2. Д. 8. Л. 114, 260.

²⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 61. Л. 7–7 об.; Ф. 131. Оп. 1. Д. 164. Л. 46.

²⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 61. Л. 8.

²⁹ Наварсардов А.С. Из истории строительства Колымской трассы 1928–1940 гг. // Краеведческие записки. Магадан, 1991. Вып. 17. С. 21–23.

Александровск-на-Сахалине – с восточными районами, Восточно-Сахалинский тракт, идущий от Охи вдоль восточного берега Сахалина на Катангли, должен был связать все нефтеносные районы. К 1942 г. планировалось иметь на Сахалине 9,4 тыс. км дорог (6,4 тыс. с твердым покрытием и 3 тыс. профилированных). Однако запланированные объемы дорожно-строительных работ не выполнили, строительство трасс Ныш – Погиби (202 км), Оха – Погиби (200 км), Оха – полуостров Шмидта (98 км), Ныш – Ноглики (84 км) не завершили, постоянное сообщение с нефтеносными и угольными районами не установлено³⁰.

Дорожная сеть Камчатской области насчитывала 619 км (68 км дорог с гравийным покрытием, 131 км – грунтовых улучшенных и профилированных, 420 км – естественных), на 11 тыс. км тянулись тропы, а строительство 160 км автодороги от Петропавловска до Усть-Большерецка, где силами населения был построен мост длиной 88 м через реку Авача, затягивалось³¹.

Статистические данные свидетельствуют, что интенсивное автодорожное строительство на Дальнем Востоке осуществлялось в рамках противостояния японским агрессивным планам захвата советских территорий 1941–1942 гг. и в период подготовки к войне с Японией с конца 1944 г. Так, с трудовым участием населения в 1945 г. сдано в эксплуатацию 161,9 км местного и 7,2 км республиканского, отремонтировано 231,4 км грунтово-улучшенных дорог местного и 16 км республиканского значения, построено 3 793 пог. м и отремонтировано 3297 пог. м искусственных сооружений на дорогах местного и 436 пог. м республиканского значения, причем большая часть строительно-ремонтных работ проводилась на военно-стратегических направлениях в Приморском крае³².

В годы Великой Отечественной войны основные тенденции трансформации дальневосточных сухопутных путей сообщения лишь немного отличались от общероссийских. Военные действия на территории западных областей РСФСР привели к сокращению протяженности автогужевых дорог, но к началу 1945 г. увеличилась на 1,7 тыс. км эксплуатационная длина дорог союзного подчинения и на 3,1 тыс. – республиканского за счет строительства дорог с твердым покрытием. Соотношение транспортных путей по типам изменилось незначительно: 87 % составляли грунтовые дороги и 3 % – тропы, 9 % – дороги с твердым покрытием (табл. 4).

Война наложила отпечаток на автомобильный транспорт. Капиталовложения в автотранспортную отрасль сократились почти в два раза, выпуск целого ряда моделей (автобусов, легковых и грузовых автомашин) для отраслей народного хозяйства свернули в пользу новых типов машин военного назначения и боевой техники. Если в январе 1941 г. в СССР имелось 815,4 тыс. автомобилей, включая 655,7 тыс. грузовых, то к началу 1945 г. их число сократилось в три раза – до 272,1 и 210 тыс. соответственно. Количество автохозяйств уменьшилось почти в четыре раза (с 223 тыс. до 59,9 тыс.), большинство из которых были маломощные: 86,8 % автохозяйств имели до 4 машин, 7,5 % – 5–9, 3,9 % – 10–19 машин³³.

Мобилизационные мероприятия предусматривали изъятие технически исправной техники всех ведомств. Организации и предприятия, располагавшие собственными автохозяйствами, помимо поставок машин в западные районы СССР, передавали автотранспортные средства подразделениям Дальневосточного фронта и в автоколонны централизованного резерва. Механизированный транспорт стал передаваться специализированным оборонным ведомствам на основании постановления СНК РСФСР от 7 сентября 1940 г. за № 2665с при объявлении мобилизации. В результате автомобильный парк Хабаровского края за два с половиной года войны сократился на 8 762 грузовые и 783 легковые машины, а Приморского

³⁰ ГАХК. Ф. 331. Оп. 1. Д. 73. Л. 44; Ф. 353. Оп. 5. Д. 7. Л. 64.

³¹ Там же. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1860. Л. 68; *Медведева Л.М.* Транспорт Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны... С. 91.

³² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 2. Д. 166. Л. 94, 96; Д. 167. Л. 104 (подсчит. авт.).

³³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1846. Л. 81, 83 (подсчит. авт.).

краевого управления автомобильного транспорта – со 182 до 99 машин³⁴. Незначительное пополнение автопарка осуществлялось за счет поставок по ленд-лизу и передачи трофейных автомобилей.

Таблица 4

Протяженность автогужевых дорог РСФСР на 1 января 1940–1945 гг. (тыс. км)

	Класс дорог	Протяженность дорог									
		Все дороги	Дороги с твердым покрытием				Дороги грунтовые			Тропы	Прочие
			асфальто-бетонные	черно-белое шоссе	мостовые	гравийные	улучшенные	профильные	естественные		
1940	всего, т.ч.	903 099	665	13 222	17 847	29 726	97 324	135 185	575 278	29 002	4 850
	союзные	18 298	624	6 320	2 052	5 000	2 981	–	1 321	–	–
	республиканские	40 548	41	2 335	3 871	4 766	11 399	11 192	5 407	–	1 537
	местные	844 253	–	4 567	11 924	19 960	82 944	123 993	568 550	29 002	3 313
1941	всего, в т.ч.	866 198	968	13 773	19 366	33 969	95 952	132 202	538 821	29 100	2 047
	союзные	20 110	927	6 890	2 060	6 425	1 331	–	2 477	–	–
	республиканские	39 907	40	2 309	4 317	4 690	12 703	10 659	4 569	76	544
	местные	806 181	1	4 574	12 989	22 854	81 918	12 543	531 775	29 024	1 503
1942	всего, в т.ч.	748 109	642	7 530	14 647	29 741	92 144	113 083	461 086	27 665	1 570
	союзные	13 958	601	2 262	555	5454	2 487	–	2 599	–	–
	республиканские	36 267	40	1 820	3 693	4 589	11 194	10 075	42 114	76	566
	местные	697 884	1	3 448	10 399	19 698	78 463	103 008	4 542 274	27 589	1 004
1943	всего, в т.ч.	697 411	339	5 749	13 554	30 344	75 326	101 363	441 088	27 455	2 193
	союзные	10 938	310	1 460	329	4 823	1 390	–	2 626	–	–
	республиканские	32 292	28	1 706	3 628	4 487	10 124	800	3 617	76	626
	местные	654 181	1	2 583	9 597	21 034	63 812	93 363	434 845	27 379	1 567
1944	всего, в т.ч.	825 200	673	9 423	18 595	35 040	94 794	131 691	502 864	29 107	3 013
	союзные	14 502	643	3 816	506	4 866	1 759	–	2 196	–	716
	республиканские	38 896	29	2 164	4 395	4 906	13 280	9 724	3 726	76	596
	местные	771 802	1	3 443	13 694	25 268	79 755	121 967	496 942	29 031	1 701
1945	всего, в т.ч.	864 918	1 305	13 805	20 881	38 775	94 214	133 841	525 280	30 048	6 669
	союзные	21 845	1 262	6 614	2 369	7 335	2 910	–	1 355	–	–
	республиканские	43 083	42	2 542	4 227	5 335	12 992	11 949	4 609	289	398
	местные	798 890	1	4 649	13 585	26 105	78 312	121 892	518 316	29 759	6 271

³⁴ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 85. Л. 3; Ф. 172. Оп. 7. Д. 6. Л. 8; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1457. Л. 41.

Автохозяйства сталкивались с множеством проблем, связанных с техническим обслуживанием и эксплуатацией автомобилей, в большинстве своем имевших выработанный срок ресурса. Капитальный ремонт двигателей и важнейших узлов производили Уссурийский и Хабаровский авторемонтные заводы, одновременно выполняя оборонные заказы для Дальневосточного фронта. Основные объемы работ производились в непригодных помещениях ведомственных мастерских при автохозяйствах с минимальным оборудованием.

С другой стороны, технически исправные автомобили простаивали из-за отсутствия резины. До войны производство автошин в СССР было организовано на двух специализированных заводах в Ярославле и Ленинграде. В регионе шиноремонтные мастерские появились лишь накануне войны и не обладали достаточной технической базой, а некоторые и вовсе не были достроены. Например, вступившая в эксплуатацию в октябре 1940 г. Владивостокская мастерская треста «Росремшина» не имела в наличии даже элементарных приспособлений (гибких валов и стальных щеток), необходимых для вулканизации автокамер, и использовала нестандартные шины и камеры, что приводило к их быстрому износу.

В начале 1943 г. общая численность автопарка Уссурийской области без наркомата обороны определялась в 3 542 автомашины всех марок. По результатам технического осмотра 3 362 единиц (180 автомашин, принадлежащих ведомствам СНК, НКВД и Наркомату земледелия, не проходили технический осмотр) признали исправными 782 грузовые автомашины из 2 368 и 140 легковых из 317 наличных автомашин, 24 мотоцикла из 58 и 57 автоприцепов из 173 имеющихся. Находились в эксплуатации, но признаны неисправными 285 автомобилей (8,5 %). Технически годные автомашины составляли в автохозяйствах наркоматов заготовок, земледелия и колхозах 46 %, лесной промышленности – 42 %, коммунального хозяйства и совхозов – 33 % числившихся на балансе³⁵.

Кроме проблем с ремонтом, обострился довоенный топливный кризис. Горючесмазочные материалы являлись стратегическим сырьем и выделялись централизованно по лимитам, никоим образом не обеспечивая потребности транспорта. Например, для легковых автомобилей устанавливалась норма расхода бензина 50 л в месяц, которая даже при технически исправном двигателе в условиях бездорожья позволяла совершать поездки в пределах 200 км, и в результате перерасход горючего в Приморском крае за 1941 г. составил 9,8 тыс. л. только автомобильным транспортом республиканской подчиненности

Бензиновый кризис преодолевался за счет переоборудования автомашин под использование местных видов твердого топлива (древесных чурок). Количество автомашин с газогенераторными установками повсеместно возрастало (в Хабаровском крае увеличилось с 909 до 1 658 шт.)³⁶. В то же время для эффективной работы газогенераторного парка не было создано необходимых материально-технических условий, несмотря на то, что необходимый опыт на Дальнем Востоке приобретался еще с середины 1930-х гг. В Уссурийской области в начале 1943 г. из 524 автомобилей с газогенераторами технически исправными считалась лишь 271 единица, в том числе из имеющихся в наркомате земледелия – 43 %, заготовок – 36,5 % и коммунального хозяйства – лишь 25 %. Большинство данного типа машин простаивали в ожидании ремонта газогенераторных установок³⁷.

Предприятия и организации премировали рабочих за каждый переоборудованный на твердое топливо автомобиль в размере 250 руб., за каждый восстановленный газогенераторный автомобиль – 200 руб., инженерно-технических работников – до месячного оклада при выполнении плановых показателей по выработке запасных частей к газогенераторам. Шоферам за работу на газогенераторном автомобиле устанавливалась надбавка 30 % к фактическому заработку на бензиновых автомобилях³⁸.

Недостаток и слабая техническая готовность автотранспорта заставили принимать меры, направленные на его более эффективное использование. В годы войны автомобильный

³⁵ ГАПК. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 563. Л. 51, 54–56.

³⁶ Там же. Ф. 131. Оп. 2. Д. 204. Л. 8; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1457. Л. 41.

³⁷ Там же. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 563. Л. 62, 63.

³⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 35. Л. 55, 56.

транспорт использовался в различных отраслях, осуществляя перевозку материалов на строительные объекты, вывоз сельскохозяйственной продукции (особенно в период сбора урожая), доставляя необходимые грузы в распоряжение предприятий добывающей промышленности. За 1941–1945 г. при ежегодном снижении объемов грузооборота грузовым автопарком СССР было перевезено 2 304,4 млн т грузов³⁹.

Количественные потери и неудовлетворительное состояние автотранспорта, проблемы с обеспечением запасными частями, производственными помещениями, обслуживающим персоналом отражались на объемах грузовых и пассажирских перевозок на Дальнем Востоке, которые в течение военных лет продолжали снижаться. В частности, Хабаровским краевым управлением автомобильного транспорта за 1941 г. вместо 341 т запланированных грузов была перевезена лишь 161 т. В 1945 г. объемы грузоперевозок сократились по отношению к 1941 г. на 18 %, а объемы пассажирских перевозок – на 10,8 %⁴⁰.

Заключение. Геополитические императивы, реализация советских внешнеполитических целей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, руководящие установки на повышение боеспособности Красной армии и Военно-Морского флота стимулировали модернизацию на Дальнем Востоке СССР производственной инфраструктуры и системы путей сообщения военно-стратегического назначения. Несмотря на различия в определении значимости региона при формировании транспортно-логистической структуры, ее региональная модель определялась институциональным взаимодействием между административно-командными структурами в рамках концептуального обоснования обеспечения обороноспособности.

С политико-экономической точки зрения модернизация автогужевых дорог рассматривалась как условие развития внутренних и внешних связей. Протяженность на Дальнем Востоке увеличилась. Среди них выделяются трассы с ответвлениями военно-оперативного назначения, обеспечивающие маневренность войск вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, в сторону границы с Маньчжурией и на Тихоокеанское побережье. Расширилась сеть подъездных путей к железнодорожным станциям и опорным оборонительным пунктам, новым месторождениям стратегического сырья. С учетом геополитических интересов были проложены дороги на Камчатке и Северном Сахалине, на территории Дальстроя, но процент выполнения транспортных инвестиционных программ при решении геостратегических и социально-экономических проблем на Дальнем Востоке СССР снижался.

Учитывая геополитическую ситуацию, пространственное размещение, специализацию отраслевого производства и распределение трудовых ресурсов, новая конфигурация транспортно-коммуникационной автодорожной сети создавалась по форсированному военно-мобилизационному сценарию интеграции центра и периферии в рамках обеспечения безопасности советского Дальнего Востока в 1922–1945 гг.

Литература

Денисов Н. К вопросу восстановления и постройки гужевых дорог Дальневосточного края // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 7: Транспорт и строительство. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1927. С. 9–16.

Зайцев Ю.М. Инженерно-строительные органы Тихоокеанского флота в 1932–1945 гг. Владивосток: Изд-во ТОВМИ, 2007. 168 с.

Ковальчук М.А. История транспорта Дальнего Востока России (вторая половина XIX в. – июнь 1941 г.). Хабаровск, 1997. 153 с.

Ковальчук М.А. Исторический опыт формирования транспортной отрасли Дальнего Востока России (70-е гг. XIX в. – июнь 1945 г.). Хабаровск: Кн. изд-во, 2003. 193 с.

Лаврентьев А.В. Развитие транспорта на Дальнем Востоке России (середина 1980-х годов – начало XXI века): монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. 239 с.

Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 152 с.

³⁹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне: стат. сб. М., 1990. С. 172 (подсчит. авт.).

⁴⁰ ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 51. Л. 4 об.; Д. 59. Л. 18.

Наварсардов А.С. Из истории строительства Колымской трассы 1928–1940 гг. // Краеведческие записки. Магадан, 1991. Вып. 17. С. 21–24.

Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне: стат. сб. М.: Информ.-изд. центр, 1990. 235 с.

Сметанко В.Г., Ковальчук М.А., Цехместер Н.Ф. Автомобильные дороги Дальнего Востока России (1917–1960 гг.). Хабаровск: РИОТИП, 2008. 374 с.

References

Koval'chuk, M.A. (1997). *Istoriya transporta Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX v. – iyun' 1941 g.)* [History of Transport in the Russian Far East (Second Half of the 19th Century – June 1941)]. Khabarovsk. 153 p.

Koval'chuk, M.A. (2003). *Istoricheskiy opyt formirovaniya transportnoy otrasli Dal'nego Vostoka Rossii (70-e g. XIX vek – iyun' 1945 g.)* [Historical Experience of Formation of Transport Industry of the Russian Far East (1870s – June 1945)]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 193 p.

Lavrent'ev, A.V. (2014). *Razvitie transporta na Dal'nem Vostoke Rossii (seredina 1980-kh gg. – nachalo XXI veka): monografiya* [Transport Development in the Russian Far East (Mid-1980s – Early 21st Century): Monograph]. Vladivostok, VGUES. 239 p.

Medvedeva, L.M. (2005). *Transport Dal'nego Vostoka SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Transport of the Far East of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Vladivostok, Dal'nauka. 152 p.

(1990). *Narodnoe hozyaystvo SSSR v Velikoy Otechestvennoy voynе: statisticheskiy sbornik* [National Economy of the USSR in the Great Patriotic War: Statistical Compilation]. Moscow, Informatsionno-isdatelskiy tsentr. 235 p.

Navarsardov, A.S. (1991). Iz istorii stroitel'stva Kolym'skoy trassy 1928–1940 gg. [From the History of the Construction of the Kolyma Highway 1928–1940]. In *Kraevedcheskie zapiski*. Magadan. Iss. 17, pp. 21–24.

Smetanko, V.G., Koval'chuk, M.A., Tsekhmester, N.F. (2008). *Avtomobil'nye dorogi Dal'nego Vostoka Rossii (1917–1960 gg.)* [Highways of the Russian Far East (1917–1960)]. Khabarovsk, RИОТИП. 374 p.

Zaytsev, Yu.M. (2007). *Inzhenerno-stroitel'nye organy Tihookeanskogo flota v 1932–1945 gg.* [Engineering and Construction Bodies of the Pacific Fleet in 1932–1945.]. Vladivostok, TOVMI. 168 p.

Е.Е. Красноженова*

**РАБОЧИЕ КАДРЫ ПРЕДПРИЯТИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(1941–1944 ГОДЫ)****doi:10.31518/2618-9100-2025-2-7
УДК 94(47).084.8*Выходные данные для цитирования:
Красноженова Е.Е. Рабочие кадры предприятий ленинградской
промышленности (1941–1944 годы) // Исторический курьер. 2025. № 2 (40).
С. 95–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-07.pdf>*

E.E. Krasnozhenova*

**WORKERS OF LENINGRAD
INDUSTRIAL ENTERPRISES (1941–1944)****

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-7

*How to cite:
Krasnozhenova E.E. Workers of Leningrad Industrial Enterprises (1941–1944) //
Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 95–104.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-07.pdf>]*

Abstract. The article shows the state of the workforce of Leningrad industrial enterprises under the Leningrad Siege (1941–1944). The number of industrial workers in the city was rapidly decreasing due to mobilization into the army, joining the people's militia, evacuation of the city's largest industrial enterprises along with personnel, mobilization of workers for defense work, mass hunger, and shelling. The need to ensure an uninterrupted production process has led to a mass recruitment of new workers to industrial enterprises, with a significant part of them lacking the necessary qualifications, which had a direct impact on their productivity. Under the blockade, the age composition of the workers changed, as the proportion of younger and older age categories increased. There was a mass influx of women into production, who had to master male professions. The exception was defense enterprises, where qualified production-personnel were kept. The need to ensure the operation of Leningrad industrial enterprises led to the introduction of various forms of advanced training for workers – industrial and technical, individual and team training, schools for masters of socialist labor, and short-term courses, in which training was conducted both with and without interruption from production. During the training process, workers who became employed at industrial enterprises were given the opportunity to master basic technological knowledge and skills to perform their production functions.

Keywords: Great Patriotic War, blockade, industrial enterprises, workers, personnel problems, women, teenagers, qualifications, education, personnel training.

The article has been received by the editor on 02.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье показано состояние рабочих кадров предприятий ленинградской промышленности в условиях блокады (1941–1944 гг.). Численность промышленных рабочих в городе быстро сокращалась вследствие мобилизаций в армию, вступления в народное ополчение, эвакуации крупнейших промышленных предприятий города с персоналом, мобилизации рабочих на оборонные работы, массового

* Елена Евгеньевна Красноженова, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: eleena@inbox.ru

Elena Evgenievna Krasnozhenova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, e-mail: eleena@inbox.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00518 (<https://rscf.ru/project/25-28-00518>).

The study was supported by the Russian Science Foundation № 25-28-00518 (<https://rscf.ru/project/25-28-00518>).

голода и обстрелов. Необходимость обеспечить бесперебойный производственный процесс обусловила начало массового приема на промышленные предприятия новых рабочих, значительная часть которых не обладала необходимой квалификацией, что оказывало непосредственное влияние на производительность их труда. Отмечено, что в условиях блокады изменился и возрастной состав рабочих, возрос удельный вес младших и старших возрастных категорий. Наблюдался массовый приток на производство женщин, которые осваивали мужские профессии. Исключение составляли оборонные предприятия, где сохранились квалифицированные производственные кадры. Показано, что необходимость обеспечить работу предприятий ленинградской промышленности обусловила внедрение различных форм повышения квалификации рабочих – производственно-техническое, индивидуальное и бригадное обучение, школы мастеров социалистического труда, краткосрочные курсы, на которых обучение велось как с отрывом, так и без отрыва от производства. В процессе обучения пришедшие на промышленные предприятия рабочие получали возможность овладеть элементарными технологическими знаниями и навыками для выполнения ими производственных функций.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада, промышленные предприятия, рабочие, кадровые проблемы, женщины, подростки, квалификация, обучение, подготовка кадров.

Статья поступила в редакцию 02.02.2025 г.

В условиях блокады в Ленинграде продолжали работать многие промышленные предприятия, которые обеспечивали город и фронт необходимыми товарами. От состава и профессиональной квалификации рабочих кадров во многом зависело выполнение производственных планов выпуска продукции. Этим обусловлена актуальность исследования проблемы кадрового состава рабочих ленинградских предприятий в годы блокады.

Вышеуказанная проблема нашла отражение в исторических трудах. В научных работах, вышедших в военный и послевоенный периоды, акцент сделан на героизации труда ленинградцев, которые продолжали работать на заводах, несмотря на истощение и нехватку ресурсов¹.

В 1960–1980-е гг. появились исследования о работе промышленных предприятий блокадного Ленинграда, в которых фрагментарно представлен вклад женщин, подростков и стариков на предприятиях в блокадном Ленинграде, рассмотрены вопросы, связанные с эвакуацией и возвращением в город рабочих кадров, показана работа партийных организаций в области подготовки кадров².

Постсоветский период историографии характеризуется значительным расширением исследовательского поля, введением в научный оборот ранее неизвестных архивных материалов. Исследователи стали анализировать не только экономические, но и социально-психологические аспекты работы на заводах. Отдельно необходимо отметить исследования А.Р. Дзенискевича о работе промышленных предприятий Ленинграда накануне и в условиях блокады³.

В последние годы продолжается процесс осмысления накопленного историками материала, вырабатываются новые подходы к изучению проблемы трудовых ресурсов предприятий блокадного Ленинграда. Заметный след в новейшей историографии проблемы исследо-

¹ Народное хозяйство города Ленинграда: стат. сб. М., 1957.

² Дзенискевич А.Р. Заводы на линии фронта. Рабочие Ленинграда фронту. М., 1978; Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. М., 1969; Шитов И.И. Ленинградские школы рабочей молодежи: Исторический очерк (1942–1960). Л., 1961.

³ Дзенискевич А.Р. Накануне и в дни испытаний. Ленинградские рабочие в 1938–1945 гг. Л., 1990; Дзенискевич А.Р. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда (1941–1944). СПб., 1998.

вания оставили труды М.В. Ходякова⁴, А.В. Зотовой⁵, П.П. Данилова⁶, А.М. Рябкова⁷, посвященные работе отдельных предприятий города, организации труда в условиях крайне ограниченных ресурсов. Организации труда молодежи посвящена статья В.Е. Бередниковой⁸.

Историография проблемы рабочих кадров предприятий блокадного Ленинграда продолжает развиваться, интегрируя новые методологические подходы. Несмотря на это, многие вопросы в рамках обозначенной проблемы остаются малоисследованными. В их числе – проблема трудовых ресурсов предприятий блокадного Ленинграда, их численный, возрастной и профессиональный состав.

В исторических трудах слабо отражен анализ трудностей, возникающих у рабочих промышленных предприятий в процессе их производственной деятельности в блокадном Ленинграде. Малоисследованным остается и механизм управления трудовыми ресурсами во всех структурах государственной власти и органах управления, нуждается в исследовании и их кадровая политика. Требуется изучения проблема подготовки промышленных кадров.

Целью настоящей статьи стал анализ решения кадровых проблем промышленных предприятий Ленинграда в экстремальных условиях блокады.

Источниковая база статьи представлена документами центральных и региональных архивов: Государственного архива РФ (ГАРФ), Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). В числе архивных материалов – отчеты и справки о работе и производственной деятельности отдельных предприятий блокадного Ленинграда, переписка о снабжении сырьем и рабочими кадрами, личные карточки рабочих и служащих и иные документальные источники о работе предприятий ленинградской промышленности в условиях блокады.

В исследовании использованы материалы, опубликованные в различных документальных сборниках⁹.

С первых дней войны численность промышленных рабочих в городе быстро сокращалась. В послевоенной историографии считалось, что перед началом войны на промышленных предприятиях Ленинграда работало 538 тыс. производственных рабочих¹⁰. А.Р. Дзенискевич в своих исследованиях указывает на 630–640 тыс. производственных рабочих в блокадном Ленинграде перед началом войны¹¹.

Сокращение производственных кадров происходило вследствие мобилизаций в армию, вступления в народное ополчение, эвакуации крупнейших промышленных предприятий города с персоналом, голода и обстрелов. Часть заводских рабочих была мобилизована на различные оборонные работы.

⁴ Ходяков М.В. Кондитерское производство в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 812–839.

⁵ Зотова А.В. Военная промышленность Ленинграда в период Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 103–110; Зотова А.В. Местная промышленность Ленинграда в период Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование. 2014. № 1. С. 109–116.

⁶ Данилов П.П. Промышленность Ленинграда в годы блокады (сентябрь 1941 г. – декабрь 1943 г.) // Отечественная история. 2003. № 3. С. 40–48.

⁷ Рябков А.М. О работе промышленных предприятий Ленинграда в 1941 году // Технологос. 2021. № 2. С. 14–29.

⁸ Бередникова В.Е. «Со стороны рабочих имеется большое количество жалоб...»: к вопросу об организации труда молодежи в промышленности блокадного Ленинграда (1941–1942 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 232–240.

⁹ 900 героических дней: сб. док-тов и мат-лов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966; Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: сб. док-тов и мат-лов. Л., 1944. Т. I: 22 июня 1941 г. – 22 июня 1943 г.; Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: сб. док-тов и мат-лов. Л., 1947. Т. II: 23 июня 1943 г. – 24 марта 1944 г.; Народное хозяйство города Ленинграда...; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док-тов. М., 1968. Т. 3: 1941–1952.

¹⁰ Народное хозяйство города Ленинграда...

¹¹ Дзенискевич А.Р. Накануне и в дни испытаний... С. 87.

Так, из 2 500 рабочих «Русского дизеля» уже в первые дни войны в армию ушло 300–400 чел. и 1 000 подали заявления о вступлении в Ленинградскую армию народного ополчения (ЛАНО)¹². Около 1 500 чел. ушло на фронт с Октябрьского вагоноремонтного завода. На «Севкабеле» после мобилизации и ухода в ЛАНО осталось около 1 000 чел.¹³ К 1 июля 1941 г. на Ленинградском заводе по обработке цветных металлов из 1 500 чел. осталось 800. Почти половина заводских коллективов ушла в армию с первых дней войны с предприятий судостроительной промышленности¹⁴. В результате мобилизации, ухода в ЛАНО и эвакуации от рабочего коллектива «Электросилы» к концу 1941 г. осталось около 1 000 чел.¹⁵ На Сталепрокатном и проволочно-канатном заводе к началу войны было около 5 тыс. рабочих, а к январю 1942 г. оставалось всего 300 чел.¹⁶ Подобная ситуация складывалась на большинстве ленинградских предприятий.

Значительная смертность среди рабочих, как и всего населения Ленинграда, отмечалась в первую блокадную зиму 1941–1942 гг. А.Р. Дзенискевич приводит данные, согласно которым, на заводе «Севкабель» зимой 1941–1942 гг. ежедневно умирало до пяти человек. Автор приходит к выводу, что за время голода на заводе погибло не менее 20 % коллектива, остававшегося на предприятии к началу блокады. Он указывает, что на Кировском заводе на 1 января 1941 г. работало 32 142 чел., на 1 июля 1941 г. – 38 967 чел. В начале 1943 г. всего работающих здесь было 5 816, в том числе рабочих 4 474¹⁷. Таким образом, автор приходит к выводу, что накануне войны на Кировском заводе было около 24 000 рабочих, а к 1943 г. их число сократилось более чем в 5 раз. В период блокады от голода и болезней умерло 20–25 % работников ленинградских электростанций¹⁸. На предприятиях Выборгского района в 1940 г. было занято 57 933 рабочих, а в 1943 г. их оставалось 11 587 чел., или 20 %¹⁹.

К лету 1942 г. в городе оставалось 175 частично действующих предприятий с ограниченным числом рабочих и инженерно-технических работников. Все остальные предприятия подвергались консервации, на них оставляли лишь небольшое число работников, необходимых для охраны оборудования и производственных помещений.

Еще весной 1942 г. на действующих предприятиях стала ощущаться нехватка рабочих кадров. Источником их пополнения стали ранее не работавшие в промышленности женщины и подростки.

13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»²⁰. Согласно указу, мобилизации подлежали все неработающие мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. Их труд использовался в первую очередь в оборонной промышленности. В условиях блокады предприятия ленинградской промышленности обеспечивали город и Ленинградский фронт необходимыми боеприпасами, оружием, ремонтировали боевую технику.

Массовый прием новых рабочих на ленинградские промышленные предприятия отмечался с весны 1942 г. В 1942 г. 1 500 чел. было принято на Кировский завод²¹. Проведенный 15 декабря 1942 г. единовременный учет трудящихся заводов и строительных учреждений показал, что численность производственных рабочих в Ленинграде составила всего 100 тыс. чел.²²

¹² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 10. Д. 794. Л. 1–4 об.

¹³ Там же. Д. 743. Л. 5 об.

¹⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 13. Д. 23. Л. 16.

¹⁵ 900 героических дней... С. 131.

¹⁶ Дзенискевич А.Р. Накануне и в дни испытаний... С. 88.

¹⁷ Там же. С. 89.

¹⁸ Там же. С. 156.

¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2. Оп. 4. Д. 4. Л. 9.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 50. Л. 98–99.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2-3. Д. 4889. Л. 17.

²² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1629. Оп. 4. Д. 782. Л. 6.

Необходимо отметить, что промышленные предприятия Ленинграда в период блокады испытывали острую нужду в высококвалифицированных специалистах. Мобилизации на фронт, на обязательные работы, эвакуация привели к дальнейшему сокращению трудовых ресурсов города.

При этом расширение деятельности предприятий и начало восстановительных работ на них обусловили необходимость поиска новых рабочих кадров. 21 февраля 1943 г. Ленинградский горисполком и городской комитет ВКП(б) приняли постановление о создании при исполкоме городского бюро по учету и распределению рабочей силы. В февралемарте подобные бюро были созданы при районных Советах. Бюро занимались учетом рабочей силы, проводили трудовые мобилизации, распределяли рабочих по предприятиям.

В июне-июле 1943 г. по указанию ЦК ВКП(б) был осуществлен ряд мероприятий по укреплению кадров наиболее важных предприятий оборонной промышленности и организаций, занимавшихся заготовкой и доставкой топлива, проводивших ремонтно-восстановительные и погрузочно-разгрузочные работы²³. Частичная или полная консервация второстепенных заводов и фабрик, повышение норм выработки позволили высвободить более 10 000 рабочих и увеличить численность рабочих в оборонной промышленности²⁴.

В то же время, как отмечал А.Р. Дзенiskeвич, в 1943 г. завоз рабочей силы в город если и имел место, то не превышал 4 700 чел. Приток в Ленинград в это время небольшим, в основном за счет специалистов, приехавших в город по вызовам наркоматов²⁵. Однако отмечались случаи, когда предприятия завозили специалистов. Так, в апреле 1943 г. на завод «Электросила» было прислано около 300 чел., мобилизованных военкоматами в других областях и направленных в Ленинград, что приравнивалось к отправке на фронт. Около 100 чел. было принято на Невский машиностроительный завод им. В.И. Ленина²⁶. Подобная помощь оказывалась и некоторым другим заводам. К июлю 1943 г. в ряде отраслей ленинградской промышленности численность рабочих возросла за счет работников городского хозяйства, местной и пищевой промышленности, общественного питания, промкооперации и МПВО.

Свои особенности имело распределение рабочих кадров по отдельным отраслям промышленности города. Благоприятная кадровая обстановка складывалась на оборонных предприятиях, работа которых не прекращалась в течение всего военного периода.

Иная ситуация отмечалась в легкой промышленности. Общая численность предприятий отрасли сократилась в годы блокады более чем в три раза. Часть из них была вывезена в тыл, ряд предприятий были законсервированы, поскольку для работы текстильных заводов требовалось большое количество электроэнергии, дефицит которой в период блокады испытывали оборонные заводы. Вышеуказанные обстоятельства привели к сокращению численности рабочих кадров на предприятиях ленинградской легкой промышленности в условиях блокады. Так, к 1945 г. их численность сократилась более чем в 10 раз.

Значительные изменения произошли и в составе рабочих кадров. В условиях блокады отмечался приток женщин на производство. Они приходили на предприятия и проходили обучение профессиям, которые раньше считались сугубо мужскими. Часто пополнение поступало за счет членов семей бывших рабочих. Наибольшая доля женского труда пришлась на середину и конец 1943 г., когда нехватка рабочих рук ощущалась особенно остро.

Предприятия металлоизделий в начале блокады потеряли практически всех своих работников. В апреле 1942 г. был осуществлен набор новых рабочих кадров, 72 % рабочих пришли на производство впервые. Цифры показывают, что значительную долю новых сотрудников составили домохозяйки и молодежь. В числе молодежи – в первую очередь девушки. В целом в 1942–1943 гг. женщины составляли 73 % от общего числа рабочих²⁷.

²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4767. Л. 20.

²⁴ Там же.

²⁵ Дзенiskeвич А.Р. Накануне и в дни испытаний... С. 91.

²⁶ ГАРФ. Ф. 4965. Оп. 1. Д. 4744. Л. 15, 23, 46, 74.

²⁷ ГАРФ. Ф. 7912. Оп. 1. Д. 73. Л. 1, 1 об.

Женский труд вытеснял мужской и на заводе им. Лепсе, где число женщин-рабочих возросло до 63 %²⁸.

Наименьшее число женщин отмечалось на оборонных предприятиях, где благодаря брони сохранилось значительное количество квалифицированных рабочих-мужчин. Так, по подсчетам А.Р. Дзенискевича, наименьший процент женщин-работниц имели предприятия наркоматов вооружения, танковой и судостроительной промышленности. Наибольший процент женщин среди рабочих отмечался на предприятиях резиновой, легкой и текстильной промышленности, что было характерно для них и в довоенный период. На заводах химической и резиновой промышленности число женщин достигало 88 % от общей численности производственных кадров²⁹.

В целом к концу 1942 г. женщины составляли 79,9 % производственных рабочих ленинградской промышленности³⁰. В феврале 1943 г. их удельный вес возрос до 83,7 %. Высоким процент женщин среди промышленных рабочих Ленинграда оставался до 1944 г., когда с началом реэвакуации, а позже и демобилизации постепенно пошел на спад.

Изменения произошли и в возрастном составе рабочих. Мобилизация и уход в армию привели к уменьшению числа мужчин в возрасте от 18 до 49 лет. Одновременно возрос удельный вес младших и старших возрастных групп. Так, удельный вес молодежи в возрасте до 18 лет составил 7,3 % всех производственных рабочих, а группы трудящихся старше 50 лет – 13,7 %. Сократилось число мужчин в возрасте от 18 до 49 лет, но возросло количество женщин этого возраста. К концу блокады женщины составляли большую часть производственных кадров.

А.Р. Дзенискевич не подтверждает точку зрения о том, что к концу блокады в промышленности Ленинграда произошло весьма значительное «омоложение» рабочих кадров: «примеры отдельных цехов и даже заводов не должны вводить нас в заблуждение относительно общей картины по всей промышленности осажденного города»³¹. Он отмечает, что, вопреки бытовавшему мнению, число подростков до 16 лет, занятых на производстве, было сравнительно незначительным. У мужчин удельный вес подростков-рабочих был почти в четыре раза выше, чем у женщин, но в целом подростки (мужского и женского пола) составляли лишь 2 % всех производственных рабочих. Более значительной была группа 16–17-летних. Всего же молодежь до 18 лет составляла в декабре 1942 г. 7,3 % промышленных рабочих Ленинграда. Приток контингентов младших возрастных групп в промышленность Ленинграда был незначительным.

Таким образом, за годы войны контингент промышленных рабочих Ленинграда значительно обновился, что отразилось на квалификационном составе промышленных кадров.

И.И. Шитов приводит данные по заводу «Электросила», где новые кадры к концу войны составляли около 90 % всех рабочих. По его подсчетам, на предприятиях Московского района города в 1945 г. лишь 29 % рабочих имели довоенный трудовой стаж³².

На предприятиях судостроительной промышленности к началу 1944 г. удельный вес кадровых рабочих с довоенным опытом не превышал 18–20 % от их общей численности. На Кировском заводе к концу 1943 г. оставалось лишь около 10 % довоенного состава рабочих³³.

Весной 1942 г. на большинстве предприятий Ленинграда квалифицированных специалистов было очень мало. Так, на Пролетарском заводе из 106 необходимых квалифицированных специалистов имелось лишь 16. На Металлическом заводе до войны 60 % рабочих имели 5-й и выше производственные разряды, а к 1944 г. таких оставалось лишь 39 %. Более 40 % рабочих завода к этому времени имели лишь 2-й и 3-й разряды. Точно такое же положение к началу 1945 г. было и на Кировском заводе. На «Электросиле» число рабочих

²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4884. Л. 35.

²⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 13 а. Д. 57. Л. 108–116.

³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 4884. Л. 38.

³¹ Дзенискевич А.Р. Накануне и в дни испытаний... С. 97.

³² Шитов И.И. Ленинградские школы рабочей молодежи... С. 9.

³³ ГАРФ. Ф. 9023. Оп. 1. Д. 153. Л. 53.

6-го и 7-го разрядов сократилось вдвое³⁴. На Невском машиностроительном заводе им. В.И. Ленина удельный вес рабочих, имеющих высокие разряды, среди токарей в 1941 г. составил 27,4 %, а в 1945 г. – лишь 10,6 %³⁵. В первом полугодии 1945 г. на заводе было обучено 355 рабочих, 653 специалиста повысили квалификацию.

Подавляющее число рабочих ленинградских предприятий имели 2-й и 3-й разряды. Так, на заводе «Электросила» рабочие, имеющие 2-е и 3-и разряды, составляли 62 %, на заводе им. В.И. Ленина – 55 %³⁶. Были и рабочие, которые разряда не имели.

Таким образом, квалификационный состав рабочих кадров в конце 1944 г. оставался на низком уровне, а это не обеспечивало запланированного быстрого восстановления довоенного производства.

Тяжелая ситуация сложилась и с кадрами инженерно-технических работников. Около 77 % мастеров промышленных предприятий Петроградского района имели низшее образование. Среди начальников цехов их число составляло 51 %³⁷.

На предприятиях не хватало сталеваров, литейщиков, прокатчиков, вальцовщиков. В условиях блокады предпринимались попытки восполнить их кадры путем организации производственного обучения. Данный вопрос обсуждался на партийных собраниях заводов начиная с зимы 1942 г.

Во второй половине 1942 г. и в 1943 г. на ленинградских предприятиях использовался индивидуальный способ повышения квалификации рабочих, который осуществлялся без отрыва от производства. В марте 1942 г. индивидуальное обучение было организовано на Ижорском заводе, его прошел 131 чел.³⁸ В 1942–1943 гг. в Невском районе индивидуальное обучение прошли 7 647 чел., в том числе 820 подростков³⁹.

22 декабря 1943 г. бюро ГК ВКП(б) приняло постановление «О подготовке квалифицированной рабочей силы на промышленных предприятиях города Ленинграда»⁴⁰. В постановлении указывалось, что система ускоренной подготовки рабочих кадров, оправдавшая себя в условиях блокады, с переходом к выпуску более сложной продукции перестала соответствовать потребностям производства и фронта. Отмечалось, что «снижение уровня производственной квалификации рабочих становится тормозом дальнейшего развития промышленности»⁴¹.

Начиная с 1944 г. проблема высококвалифицированных кадров в промышленности города получает особое значение в связи с решением задач восстановления и развития промышленности страны, возрождением народного хозяйства. На предприятиях Ленинграда было развернуто техническое обучение. В 1944 г. на машиностроительных предприятиях через различные его формы прошло около 60 % всех рабочих⁴². В Кировском районе в 1944 г. квалификацию повысили 7 200 рабочих⁴³.

В январе 1944 г. на Кировском заводе производственно-техническое обучение прошли лишь 14 рабочих, в марте их число выросло до 327, в июне – до 994, в сентябре – до 3 669, в декабре – до 5 784 чел. В том числе 1 047 чел. получили 4-й разряд, 510 – 5-й и 20 рабочих повысили свою квалификацию до 8-го разряда⁴⁴.

В городе были открыты школы мастеров социалистического труда первой и второй степени, курсы повышения квалификации конструкторов и технологов⁴⁵. Значительные труд-

³⁴ Дзенiskeвич А.Р. Накануне и в дни испытаний... С. 157.

³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2-3. Д. 4883. Л. 161.

³⁶ Там же. Д. 5138. Л. 112.

³⁷ Там же. Оп. 2. Д. 5174. Л. 50.

³⁸ Там же. Ф. 2600. Оп. 2. Д. 1. Л. 59–60.

³⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 2–3. Д. 4884. Л. 38.

⁴⁰ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза... Т. II... С. 424–426.

⁴¹ Там же.

⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 13. Д. 302. Л. 9.

⁴³ Там же. Д. 5174. Л. 6.

⁴⁴ Там же. Д. 4884. Л. 27.

⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 4884. Л. 27.

ности возникали с обучением молодых рабочих, которые зачастую имели лишь 2-й и 3-й производственные разряды.

Осуществлялось массовое обучение новых кадров, не имеющих квалификации, пере-квалификация на новые рабочие профессии, повышение квалификации без отрыва от производства. Эффективным методом обучения новичков стал индивидуально-бригадный метод. Подготовкой квалифицированных кадров занимались кадровые рабочие, инженерно-технические работники, мастера и бригадиры.

Вводились обязательные сверхурочные работы в промышленности, отменялись отпуска, шло восстановление действовавших накануне войны учебных заведений системы профессионально-технического образования.

На многих предприятиях было организовано индивидуальное и бригадное обучение рабочих массовых профессий, его продолжительность для вновь принятых на работу сократилась с шести до одного-двух месяцев.

Таким образом, война привела к резкому сокращению численности рабочих на предприятиях блокадного Ленинграда. Сокращение рабочих кадров предприятий ленинградской промышленности произошло во втором полугодии 1941 г. в ходе мобилизации в армию, полки народного ополчения и при эвакуации рабочих вместе с предприятиями на восток. Вместе с тем в условиях блокады усилился приток на производство женщин, которые осваивали мужские профессии. Лишь на оборонных предприятиях города оставался большой процент мужчин, квалифицированных специалистов, меньше изменялся и возрастной состав.

Подавляющее число рабочих и инженерно-технического персонала, пришедших на ленинградские предприятия, имели низкие разряды и невысокую квалификацию. Это, в свою очередь, явилось одной из причин низкой производительности труда на предприятиях.

В создавшихся условиях практиковались различные формы повышения квалификации рабочих – производственно-техническое, индивидуальное и бригадное обучение, открывались школы мастеров социалистического труда, работали краткосрочные курсы, на которых обучение велось как с отрывом, так и без отрыва от производства. В процессе обучения пришедшие на промышленные предприятия рабочие получали возможность овладеть элементарными технологическими знаниями и навыками для выполнения ими производственных функций.

Обеспечение индустрии трудовыми ресурсами и превращение не имеющих навыков работников в квалифицированных рабочих стало важнейшей задачей организации военной экономики, способной трансформироваться в экстремальных условиях и противостоять глобальным потрясениям. Это имело огромное историческое значение, являясь одним из важнейших факторов Победы под Ленинградом и в Великой Отечественной войне в целом.

Литература

900 героических дней: сб. док-тов и мат-лов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / ред. Х.Х. Камалов, Р.В. Серднак, Ю.С. Токарев. М.; Л.: Наука, 1966. 422 с.

Бердникова В.Е. «Со стороны рабочих имеется большое количество жалоб...»: к вопросу об организации труда молодежи в промышленности блокадного Ленинграда (1941–1942 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 232–240.

Данилов П.П. Промышленность Ленинграда в годы блокады (сентябрь 1941 г. – декабрь 1943 г.) // Отечественная история. 2003. № 3. С. 40–48.

Дзенiskeвич А.Р. Накануне и в дни испытаний. Ленинградские рабочие в 1938–1945 гг. Л.: Наука, 1990. 197 с.

Дзенiskeвич А.Р. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда (1941–1944). СПб.: Нестор, 1998. 242 с.

Дзенiskeвич А.Р. Заводы на линии фронта. Рабочие Ленинграда фронту. М.: Политиздат, 1978. 111 с.

Зотова А.В. Военная промышленность Ленинграда в период Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2014. Т. 16, № 3. С. 103–110.

Зотова А.В. Местная промышленность Ленинграда в период Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование. 2014. № 1. С. 109–116.

Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Восстановление и техническая модернизация предприятий ленинградской промышленности (1942–1945 гг.) // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 168–172.

Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Формы и методы повышения производительности труда на оборонных предприятиях блокадного Ленинграда // Современная научная мысль. 2023. № 4. С. 106–111.

Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: сб. док-тов и мат-лов. Л.: Госполитиздат, 1944. Т. I: 22 июня 1941 г. – 22 июня 1943 г. / ред. С.И. Аввакумов. 428 с.

Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: сб. док-тов и мат-лов. Л.: Лениздат, 1947. Т. II: 23 июня 1943 г. – 24 марта 1944 г. / ред. К.Г. Шариков. 492 с.

Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. М.: Лениздат, 1969. 237 с.

Рябков А.М. О работе промышленных предприятий Ленинграда в 1941 году // Техно-логос. 2021. № 2. С. 14–29.

Стариков С.В., Кузнецов А.И. Повседневная жизнь рабочих танковой промышленности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2023. Т. 9, № 1. С. 65–71.

Ходяков М.В. Кондитерское производство в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 812–839.

Шитов И.И. Ленинградские школы рабочей молодежи: Исторический очерк (1942–1960). Л.: Лениздат, 1961. 148 с.

References

Avvakumov, S.I. (Ed.). (1944). *Leningrad v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuz. Tom I: 22 iyunya 1941 g. – 22 iyunya 1943 g.* [Leningrad in the Great Patriotic War of the Soviet Union. Vol. I. June 22, 1941 – June 22, 1943]. Leningrad, Gospolitizdat. 428 p.

Berednikova, V.E. (2024). “So storony rabochikh imeetsya bol’shoe kolichestvo zhalob...”: k voprosu ob organizatsii truda molodezhi v promyshlennosti blokadnogo Leningrada (1941–1942 gody) [“There are a Large Number of Complaints from Workers...”: On the Issue of Organizing Youth Labor in the Industry of Besieged Leningrad (1941–1942)]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 3, pp. 232–240.

Danilov, P.P. (2003). *Promyshlennost’ Leningrada v gody blokady (sentyabr’ 1941 g. – dekabr’ 1943 g.)* [Leningrad Industry during the Siege (September 1941 – December 1943)]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 3, pp. 40–48.

Dmitrieva, E.E., Lapitskiy, P.A., Mitrofanov, F.I., Pavlova, A.L. (Eds.). (1957). *Narodnoe khozyaystvo goroda Leningrada* [National Economy of the City of Leningrad]. Moscow, Gosstatizdat. 163 p.

Dzeniskevich, A.R. (1978). *Zavody na linii fronta. Rabochie Leningrada frontu* [Factories on the Front Line. Workers of Leningrad to the Front]. Moscow, Politizdat. 111 p.

Dzeniskevich, A.R. (1990). *Nakanune i v dni ispytaniy. Leningradskie rabochie v 1938–1945 godakh* [On the Eve and on the Days of Trials. Leningrad Workers in 1938–1945]. Leningrad, Nauka. 197 p.

Dzeniskevich, A.R. (1998). *Front u zavodskih sten. Maloizuchennyye problemy oborony Leningrada (1941–1944)* [The Front of the Factory Walls. The Little-Studied Problems of the Defense of Leningrad (1941–1944)]. St. Petersburg, Nestor. 242 p.

Kamalov, Kh.Kh., Serdnak, R.V., Tokarev, Yu.S. (Eds.). (1966). *900 geroicheskikh dney: Sbornik dokumentov i materialov o geroicheskoy bor'be trudyashhikh Leningrada v 1941–1944 godakh* [900 Heroic Days: A Collection of Documents and Materials about the Heroic Struggle of the Workers of Leningrad in 1941–1944]. Moscow, Leningrad, Nauka. 424 p.

Khodyakov, M.V. (2022). Konditerskoe proizvodstvo v blokadnom leningrade. 1941–1943 gg. [Confectionery Production in Besieged Leningrad. 1941–1943]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 12, No. 4, pp. 812–839.

Krasnozhenova, E.E., Kulik, S.V. (2022). Vosstanovlenie i tekhnicheskaya modernizatsiya predpriyatiy Leningradskoy promyshlennosti (1942–1945 gg.) [Restoration and Technical Modernization of Enterprises of the Leningrad Industry (1942–1945)]. In *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. No. 5, pp.168–172.

Krasnozhenova, E.E., Kulik, S.V. (2023). Formy i metody povysheniya proizvoditel'nosti truda na oboronnykh predpriyatiyakh blokadnogo Leningrada [Forms and Methods of Increasing Labor Productivity at Defense Enterprises of Besieged Leningrad]. In *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. No. 4, pp. 106–111.

Pavlov, D.V. (1969). *Leningrad v blockade* [Leningrad is Under Siege]. Moscow, Lenizdat. 237 p.

Ryabkov, A.M. (2021). O rabote promyshchlennykh predpriyatiy Leningrada v 1941 godu [About the Work of Leningrad Industrial Enterprises in 1941]. In *Tehnologos*. No. 2, pp. 14–29.

Sharikov, K.G. (Ed.). (1947). *Leningrad v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuza. Tom II. 23 iyunya 1943 g. – 24 marta 1944 g.* [Leningrad in the Great Patriotic War of the Soviet Union. Vol. II. June 23, 1943 – March 24, 1944]. Leningrad, Lenizdat. 492 p.

Shitov, I.I. (1961). *Leningradskie shkoly rabochey molodezhi: Istoricheskiy ocherk (1942–1960)* [Leningrad Schools of Working Youth: A Historical Sketch (1942–1960)]. Leningrad, Lenizdat. 148 p.

Starikov, S.V., Kuznetsov, A.I. (2023). Povsednevnyaya zhizn' rabochih tankovoy promyshlennosti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945) [Everyday Life of Workers in the Tank Industry during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki*. Vol. 9, No. 1, pp. 65–71.

Zotova, A.V. (2014). Mestnaya promyshlennost' Leningrada v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Local Industry of Leningrad during the Great Patriotic War]. In *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. No. 1, pp. 109–116.

Zotova, A.V. (2014). Voennaya promyshlennost' Leningrada v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Military Industry of Leningrad during the Great Patriotic War]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 16, No. 3, pp. 103–110.

М.В. Шиловский*

**СТРУКТУРА ОБОРОННОГО ПОТЕНЦИАЛА
НОВОСИБИРСКА В ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ****doi:10.31518/2618-9100-2025-2-8
УДК 94(571.1)"1941/1945"

Выходные данные для цитирования:
Шиловский М.В. Структура оборонного потенциала Новосибирска в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 105–117. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-08.pdf>

M.V. Shilovskiy*

**THE STRUCTURE OF THE DEFENSE POTENTIAL
OF NOVOSIBIRSK DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945****

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-8

How to cite:
Shilovskiy M.V. The Structure of the Defense Potential of Novosibirsk during the Great Patriotic War of 1941–1945 // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 105–117. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-08.pdf>]

Abstract. The article analyzes the structure of the defense potential of Novosibirsk during the Great Patriotic War of 1941–1945. The author defines the definition of “defense potential” fundamental to the topic under study. Without going into a detailed consideration of the content of various definitions used in the scientific literature, he concludes that they are all synonyms for the concept of “defense potential of the USSR”. It is noted that the deployment of in-line production of defense products in Novosibirsk took place by including in the production process at the sites of plant No. 153 (aviation named after Chkalov) and plant No. 179 (Sibselmash) factories evacuated from the European part of the USSR, as well as by re-profiling local civilian enterprises and cooperation on the production of defense products. Together, these enterprises made up six blocks of the city’s defense potential: fighters, ammunition, radio-technical devices and optics, ferrous and non-ferrous metals, machine tools, material and clothing allowances and medicines. As a result of the work done during the Great Patriotic War, it was possible to establish in Novosibirsk the manufacture of complex and high-tech products that require high qualifications of workers.

Keywords: structure, defense potential, the Great Patriotic War of 1941–1945, evacuation, workers, engineering and technical personnel.

The article has been received by the editor on 17.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется структура оборонного потенциала Новосибирска в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Автор определяет основополагающую для исследуемой темы дефиницию «оборонный потенциал». Не вдаваясь в детальное рассмотрение содержания различных дефиниций, используемых в научной литературе, он делает вывод о том, что все они являются

* **Михаил Викторович Шиловский**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: istorik.novosib@gmail.com

Mikhail Viktorovich Shilovskiy, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: istorik.novosib@gmail.com

** Статья выполнена в рамках госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

The article was carried out within the framework of the state assignment “Siberian Society as a Factor of Territorial Growth and Unity of Russia (Late 16th – Early 20th Centuries)” (FWZM-2024-0007).

синонимами понятия «оборонный потенциал СССР». Отмечается, что развертывание поточного выпуска оборонной продукции в Новосибирске происходило путем включения в производственный процесс на площадках завода № 153 (авиационный им. Чкалова) и комбината № 179 («Сибсельмаш») заводов, эвакуированных из европейской части СССР, а так путем перепрофилирования местных гражданских предприятий и кооперации на выпуск оборонной продукции. В совокупности указанные предприятия составили шесть блоков оборонного потенциала города: истребители, боеприпасы, радиотехнические приборы и оптика, черные и цветные металлы, станки, материально-вещевое довольствие и медикаменты. В результате проделанной работы в годы Великой Отечественной войны удалось наладить в Новосибирске изготовление сложной и высокотехнологической продукции, требующей высокой квалификации работников.

Ключевые слова: структура, оборонный потенциал, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., эвакуация, рабочие, инженерно-технический персонал.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025 г.

Объектом анализа исследования является оборонный потенциал Новосибирска в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., предметом – изменения в его структуре в избранных хронологических рамках. Для четкого представления о компонентах объекта следует определить основополагающую дефиницию «оборонный потенциал». На этот счет в научном обороте используют такие определения, как «оборонная промышленность», «военная промышленность», «военно-промышленный комплекс», «военная экономика», «военно-промышленная база», «военно-промышленная экономика»¹. Применительно к Новосибирску, благодаря И.М. Савицкому (1933–2020), активно употребляется дефиниция «оборонная промышленность». «Объектом настоящего исследования является оборонная промышленность Новосибирской области, – формулирует он, – в которую входили заводы, конструкторские организации, научно-исследовательские и проектные институты авиационной, атомной, оборонной, радиотехнической, электронной промышленности, общего (точного) машиностроения, судостроения, ряд предприятий химической, электротехнической промышленности и цветной металлургии. Они обеспечивали Советскую Армию военной техникой, вооружением, боеприпасами и снаряжением»². В краткой редакции: «Оборонная промышленность – это совокупность предприятий, подчиненных отдельным наркоматам (министерствам), которые обеспечивают вооруженные силы страны боеприпасами, вооружением, боевой и другой военной техникой»³.

Не углубляясь в детальное рассмотрение содержания перечисленных выше дефиниций, отметим, что все они синонимы понятия «оборонный потенциал СССР». Его основу составляют предприятия, производящие конечную военную продукцию (самолеты, танки, САУ, артиллерийские системы, минометы, стрелковое оружие, боеприпасы) и ее элементы (средства связи, оптика, автомобили), отправляемые в действующую армию. К ним же относятся производители компонентов вооружения и полуфабрикатов (порох, взрывчатка, гильзы, корпуса снарядов и мин, прокат черных и цветных металлов и т.д.). Неотъемлемой составляющей оборонного потенциала являются отрасли, обеспечивающие армию обмундированием, обувью, упряжью, тарой для снарядов, мин, авиабомб, лыжами и т.д., вплоть до пуговиц и шнурков для ботинок. Снабжение армии продовольствием (хлебом, мясом,

¹ Акулов М.Р. Сибирский тыл в 1941–1945 гг. // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1977. С. 194; Куманев Г.А. Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). М., 2007. С. 398.

² Савицкий Н.М. Оборонная промышленность Новосибирской области. Опыт послевоенного развития (1946–1963 гг.). Новосибирск, 1996. С. 5.

³ Савицкий И.М., Шумилов В.Н. Творцы военной техники предприятий оборонной промышленности Новосибирской области 1941–1985 гг. Новосибирск, 2015. С. 5.

пищевыми концентратами и т.д.) обеспечивается за счет переработки продукции сельского хозяйства. Согласно нормам суточного довольствия, военнотружущим полагалось на фронте и в тыловых частях (в скобках): хлеба 870 (760) г, крупы разной 140 (120), мяса 150 (120), рыбы 100 (80), сахара 35 (25), соли 30 (30), картофеля и овощей 820 (820), водки 100 г + чай, лавровый лист, томат-паста, уксус⁴. Соответственно для производства муки, консервов, концентратов, сахара, водки были необходимы соответствующие производственные мощности. Наконец, источником, обеспечивающим функционирование всего перечисленного выше, являлись трудовые ресурсы – рабочие и инженерно-технический персонал.

В совокупности все эти компоненты и составляют оборонный потенциал государства, а его сегменты – оборонный потенциал регионов (Поволжье, Урал, Сибирь), областей, краев, отдельно взятых городов, в нашем случае Новосибирска. Целью работы является на основе анализа историографических источников и мемуаров структурировать оборонный потенциал города по отдельным отраслевым группам: авиация, боеприпасы, металлургия, вооружение, станкостроение, приборостроение, вещевое и обоевое производство, трудовые ресурсы.

Первые обзорно-статистические публикации по изучаемой проблеме увидели свет в начале 1960-х гг. В обстановке соблюдения режима секретности в них содержалась фрагментарная информация относительно специализации и результатов деятельности отдельных новосибирских предприятий. К настоящему времени увидело свет значительное количество статей и монографий, посвященных оборонной проблематике нашего города. Так, М.Р. Акулов в качестве иллюстрации неоднократно упоминает завод «Сибметаллстрой» («Сибкомбайн», «Сибтекстильмашстрой», «Сибметаллстрой», комбинат № 179, «Сибсельмаш») в следующем контексте: «Велики успехи прославленного коллектива “Сибметаллстроя”. За период Великой Отечественной войны он выдал на 144 млн рублей продукции сверх плана...»⁵.

В середине 1960 – первой половине 1970-х гг. отдельные анонимные предприятия упоминаются в обобщающих работах по истории Сибири⁶. В последующем объектом изучения стабильно становятся оборонные предприятия Новосибирска⁷, а также отдельные аспекты городской повседневности, связанные с трудовыми ресурсами и их пополнением⁸. В своем исследовании будем опираться на фундаментальные исследования И.М. Савицкого и В.Н. Шумилова⁹. Особо следует подчеркнуть вклад Ивана Михайловича не только как ведущего исследователя по проблеме, но и много сделавшего в снятии грифа секретности с ведомственных архивных фондов оборонных предприятий г. Новосибирска и области.

Промышленность Новосибирска до середины 1930-х гг. не была ориентирована на военное производство. На рубеже 1920–1930-х гг. здесь началось строительство двух крупных промышленных предприятий – «Сибкомбайна» и завода горного оборудования.

⁴ Скрытая правда войны: 1941 год: неизвестные документы. М., 1992. С. 355.

⁵ Акулов М.Р. Новосибирская партийная организация в борьбе за подъем промышленности в годы Великой Отечественной войны // Новосибирская областная партийная организация в период Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1960. С. 73.

⁶ Васильев Ю.П. Сибирский арсенал: деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Свердловск, 1965; Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973; Акулов М.Р., Анисков В.Т., Васильев Ю.А., Кузнецов И.И. Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 1970.

⁷ Кузница стальных кораблей: История Новосибирского производственного объединения «Сибсельмаш». М., 1983; Сибтекстильмаш. Судьба и гордость. Новосибирск, 1990; История в воспоминаниях ветеранов: Производственное объединение «Луч»: Предприятию 50 лет (1942–1992). Новосибирск, 1992; Точный прицел. История Новосибирского приборостроительного завода им. Ленина (1905–2005). Новосибирск, 2005.

⁸ Букин С.С. Сибирский тыл: промышленная революция и адаптация кадров (1941–1945) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008. С. 24–29; Черемных О.А. Будни тылового города. Материально-бытовое положение горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (На материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей). Томск, 2017.

⁹ Савицкий И.М. Оборонная промышленность Новосибирской области...; Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2000.

По мере обострения международных отношений начинается постепенный перевод экономики СССР на военные рельсы. «Сибкомбайн» в 1939 г. становится комбинатом № 179, состоящим из трех производств: снарядного, патронного и по взрывателям. Завод горного оборудования в 1936 г. перепрофилируется на производство истребителей (авиационный завод им. В.П. Чкалова № 153). Тем не менее по состоянию на 1937 г. удельный вес основных отраслей промышленного производства в Новосибирске выглядел следующим образом: машиностроение и металлообработка – 33,8 %; текстильная – 16,6; кожевенная – 8,8; пищевкусовая – 25,3; стройматериалов – 2,6; химическая – 4,4; прочие – 8,5 %¹⁰. Следует обратить внимание на доминирование в структуре промышленного потенциала машиностроения и металлообработки. Данное обстоятельство существенно повлияло на военно-промышленную специализацию города в военное лихолетье.

После начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. развертывание военного производства в Новосибирске происходило по трем вариантам. Первый – путем размещения и включения в производственный процесс на площадках завода № 153 и комбината № 179 эвакуированных из европейской части Советского Союза предприятий. Второй – организацией производства на эвакуированных заводах и фабриках. Третий – перепрофилированием на выпуск оборонной продукции местных предприятий и кооперации. Существенное увеличение производственных мощностей и ассортимента предметов вооружения и материально-вещевого снабжения армии произошло прежде всего за счет эвакуированных заводов и фабрик.

В использованной исследовательской литературе имеются разночтения по поводу количества предприятий, размещенных в Новосибирске. И.М. Савицкий сообщает о 150 предприятиях и учреждениях, прибывших в Новосибирскую область. Через несколько страниц информирует, что во второй половине 1941 – начале 1942 г. в Новосибирскую область прибыло оборудование, рабочие, инженерно-технические работники 120 предприятий, в том числе 101 крупного¹¹. Согласно подсчетам Н.В. Шумилова, к 5 июня 1941 г. в Новосибирске насчитывалось 25 оборонных заводов, более 20 предприятий союзно-республиканского подчинения, 30 предприятий областного подчинения и до 130 городского и районного подчинения, 70 % станков и оборудования области по обработке металлов¹². Наконец, в написанной совместно монографии они сообщают о 34 предприятиях оборонной промышленности, эвакуированных в Новосибирскую область, в основном в Новосибирск¹³. Разночтения, по всей видимости, обусловлены территориальными рамками. В двух первых случаях речь идет о «большой» Новосибирской области (с 1937 г.) с включением в нее будущих Кемеровской (1943), Томской (1944) областей и собственно современной Новосибирской области. В.Н. Шумилов приводит данные только по Новосибирску со ссылкой на архивный источник.

Большая часть эвакуированных заводов и фабрик была размещена в «более 500 различного рода зданиях и не приспособленных для промышленного производства помещениях. Это главным образом строящиеся и действующие корпуса вузов, техникумов, дома культуры, трамвайные депо, гаражи, складские помещения различных организаций и другие сооружения»¹⁴. Например, приборостроительный завод им. Ленина (п/я 69), образованный на базе эвакуированных Ленинградского оптико-механического завода (ЛОМЗ) и Красногорского оптического завода, разместился в помещениях института военных инженеров транспорта (НИИЖТ), Сибстрина, техникума связи, армейских казарм, конюшен пограншколы, нескольких цехов артелей промкооперации¹⁵.

¹⁰ Новосибирская область. Экономико-географическое описание. Новосибирск, 1939. С. 106.

¹¹ Савицкий И.М. Оборонная промышленность Новосибирской области... С. 4, 12.

¹² Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области... С. 40.

¹³ Савицкий И.М., Шумилов В.Н. Творцы военной техники... С. 8.

¹⁴ Савицкий И.М. Оборонная промышленность Новосибирской области... С. 4.

¹⁵ Кирьянов В.П. Военная оптика Красной Армии накануне и в период Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2023, С. 60; Савицкий И.М. Оборонная промышленность Новосибирской области... С. 16.

Вместе с оборудованием приезжали рабочие, инженерно-технический персонал и члены их семей. Так, только с заводом № 350 приехало 1 445 рабочих и служащих, а также 2 437 членов их семей. На завод № 153 им. Чкалова прибыло 8 664 рабочих и ИТР¹⁶. Тем не менее обострился кадровый дефицит. По состоянию на июнь 1942 г. на военных заводах города недоставало 18 тыс. рабочих, в том числе по комбинату № 179 – около 20 %¹⁷. Дефицит кадров восполнялся за счет трудовых мобилизаций, учащихся средних школ, ремесленных училищ и школ ФЗО, спецпереселенцев. Характерной чертой кадрового потенциала Новосибирска являлась высокая и постоянно возрастающая доля инженерно-технического персонала. В частности численность рабочих и служащих завода им. Чкалова составляла в 1941 г. 12 008 чел., в том числе ИТР – 1 685 чел. (14 %), и 19 548 чел., в том числе ИТР – 3 021 чел. (16 %) в 1944 г.¹⁸

В рамках первого варианта «приземления» на площадях крупнейших предприятий города, прибывших из европейской части страны заводов, сошлемся на «авиаград» завода им. Чкалова, на территории которого разместилось 2 043 единицы оборудования шести авиационных производственных объединений из Москвы, Киева и Ленинграда. Было выстроено 22 новых цеха, станочный парк за время войны увеличился в четыре раза¹⁹.

Помимо оборонных предприятий, на выпуск необходимой для фронта продукции были перестроены непрофильные заводы, а также фабрики и артели местной и кооперативной промышленности. Непрофильные производственные мощности выпускали станки, оборудование, аппаратуру, оснастку для различных отраслей народного хозяйства. Во время войны наряду с основной продукцией они выполняли военные заказы. Например, старейшее промышленное предприятие города машиностроительный завод «Труд» Запсибзолото, изготовлявший горно-обогатительное оборудование, отливал ежедневно из чугуна с последующей станочной обработкой по 900 корпусов мин МБ-120. Станкостроительный завод им. XVI съезда ВКП(б), помимо основной продукции, освоил производство снарядных гильз и деталей мин. Стрелочный завод НКПС наладил выпуск корпусов мин и деталей для минометов.

Для выполнения военных заказов задействовали предприятия, казалось бы далекие от военно-промышленного производства. Лесозаводу № 7 «Большевик» поручили выпуск спецукупорки (снарядных ящиков) и авиабрусков. Шорно-седельная фабрика обеспечивала кавалерию РККА упряжью, седлами, патронажными сумками, водопойными ведрами, шнурами для ботинок. Обувная фабрика, помимо кирзовых сапог (6 млн пар обуви), изготовляла лыжи и крепления для них. Жировой комбинат наладил производство «коктейлей Молотова», солидола и технического вазелина. На его территории разместили цеха Тульского оружейного завода, которые выпускали 120-мм минометы. Швейные фабрики и артели промкооперации «Парижская коммуна», «Красная заря», «Красный металлист», «Бытпром» и другие изготовляли более 50 наименований казалось бы малозначимой, но востребованной в действующей армии продукции: пилотки, кальсоны, подковы, черенки к лопатам, котелки, костыли, ложки, мазь колесную и т.д.²⁰

В условиях военного времени обострилась проблема нехватки рабочей силы на всех предприятиях города. В значительной степени ситуация обуславливалась массовым уходом в армию мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. За годы Великой Отечественной войны с территории современной области призвали 634 890 чел.²¹ «Данный процесс способствовал снижению численности и ухудшению качественного состава рабочих и служащих, ставших

¹⁶ Савицкий И.М., Шумилов В.Н. Творцы военной техники... С. 21, 22.

¹⁷ Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области... С. 44.

¹⁸ Савицкий И.М. Оборонная промышленность Новосибирской области... С. 14.

¹⁹ Талалова М.Л. «Все выше, выше и выше...» (НАПО им. Чкалова) // История промышленности Новосибирска. Новосибирск, 2004. Т. II: Время вперед! (1918–1940). Исторические очерки. С. 179–248, 189, 191.

²⁰ Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области... С. 195–197.

²¹ Книга Памяти: Российская Федерация, Новосибирская область. 1941–1945. Новосибирск, 1994. Т. 1. С. 58.

причиной обострения дефицита кадров в отраслях военной экономики», – отмечают С.С. Букин и Р.Е. Романов²².

Дефицит преодолевался за счет прибывших вместе с эвакуированными предприятиями высококвалифицированными рабочими и ИТР, мобилизации трудоспособного городского населения мужчин в возрасте от 16 до 58 лет, женщин от 16 до 45 лет. Использовались заключенные. Уже в июле 1941 г. на комбинате № 179 их трудилось около 8 тыс. чел. Всего же в Новосибирской области в 1942–1943 гг. задействовали почти 20 тыс. заключенных²³. С 1943 г. на оборонных предприятиях города (№ 153, 179, стрелочный и инструментальный) трудились военнопленные. Только осенью 1944 г. сюда их прибыло более 8 тыс. чел.²⁴

Одним из источников пополнения рабочих кадров стали выпускники школ ФЗО и ремесленных училищ. По состоянию на июнь 1945 г. «на заводах Новосибирска работает 52 тысячи бывших воспитанников училищ и школ ФЗО»²⁵. В производстве задействовали старшеклассников и студентов. Как вспоминал студент НИИВТ и будущий первый секретарь Новосибирского ОК КПСС А.П. Филатов: «Наш курс отправили работать на комбинат № 179 (нынешний “Сибсельмаш”). Быстро освоив различные рабочие профессии, мы стали выпускать снаряды. Трудились по двенадцать часов в сутки, без выходных... Только из моих рук ушло на фронт не менее двадцати тысяч снарядов... Стужа доставала нас повсюду. На чердаках под утро замерзала вода в умывальниках. Не менее жестоким врагом был голод. В столовой нас кормили один раз за смену. Силы поддерживала лишь рабочая карточка – восемьсот граммов хлеба в сутки. Но мы не роптали»²⁶.

Основным же источником рабочей силы, как и в предвоенные годы, являлось сельское население. В связи с проблемой трудовых ресурсов в рассматриваемый период представляется декларативным и необоснованным следующее утверждение В.А. Исупова: «В Советском Союзе еще в 1930-е гг. сложилась и заострилась мобилизационная система привлечения населения к труду, а чрезвычайные условия Великой Отечественной войны способствовали окончательному затвердению советской экономики как хозяйства казарменного типа, снизу доверху спаянного жесточайшим государственным контролем. В 1941–1945 гг. линия на предельное ужесточение мобилизационных принципов в сфере трудовых отношений, несмотря на низкую их эффективность, получила максимальное развитие»²⁷. Во-первых, сам автор цитированного выше заявления на этой же странице объясняет военную ситуацию экстремальной обстановкой, когда враг «стоял у ворот Москвы и Красная армия в минимальные сроки должна была получить все необходимое вооружение и снаряжение». Во-вторых, он не предлагает альтернативного комплекса мероприятий, которые необходимо было бы реализовать для более эффективного и гуманного решения проблемы.

Сформировавшаяся во время войны структура оборонного потенциала Новосибирска определялась его пространственным положением в центре территории (центральная часть юга Западной Сибири) с преимущественно сельским населением в качестве основного источника трудовых ресурсов. Размещение в городе эвакуированных предприятий соответствующей специализации обуславливалось наличием промышленных площадок с недостроенными промышленными объектами, что позволило принять, разместить и обеспечить электрической энергией эвакуированные крупные родственные заводы наркоматов авиационной промышленности, боеприпасов, вооружения, электропромышленности. Таким обра-

²² Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012. С. 59.

²³ Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 68, 260.

²⁴ Букин С.С., Долголюк А.А., Савин А.Н. Военнопленные Второй мировой войны // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 322–323.

²⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-190. Оп. 2. Д. 1053. Л. 10–11.

²⁶ Филатов А.П. Жили-прожили мы не зря. Новосибирск, 2005. С. 19–20.

²⁷ Исупов В.А. Использование трудового потенциала в индустрии Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Разработка и реализация идем сибирского тыла в советской экономической и военно-оборонной стратегии (1920–1980 гг.). Новосибирск, 2015. С. 153.

зом, сформировались крупные центры производства боеприпасов (9 заводов), самолетов (5 заводов), военной оптики, радиоламп, радио и прожекторных станций (7 предприятий).

Учитывалась довоенная специализация заводов и фабрик, наличие сырьевой базы, станочного парка, квалифицированных кадров и учебных заведений по их подготовке, НИИ и вузов. В качестве примера сошлемся на три основных центра военного производства Новосибирской области в границах 1941–1942 гг.: Кузбасс (Кемерово, Сталинск, Юрга), Томск и Новосибирск. В города и рабочие поселки будущей Кемеровской области эвакуировали в общей сложности 78 заводов, включая табачную фабрику из Ленинграда в Прокопьевск, колодочно-каблучную фабрику из Киева в мой родной пос. Промышленная²⁸. Основной военной продукцией в Кемерово стало производство пороха, тротила, гексогена, салицила на базе исходного сырья коксохимического и азотно-тукового заводов. На их площадки эвакуировали 17 коксохимических и 6 азотно-туковых заводов. В Сталинске (завод № 525) и на станции Юрга (завод «Т») из металла Кузнецкого металлургического комбината наладили производство пулеметов Дегтярева и 122-мм орудий. Томск принял три десятка промышленных предприятий, 16 научно-исследовательских институтов и учебных заведений. В городе производили подшипники, миноискатели, радиооборудование, электромоторы поворота башни и вентиляции танков, бинокли, прицелы, источники питания, стартеры и т.д.²⁹

Предприятия, производящие конечную военную продукцию и компоненты к ней, а также необходимые для фронта предметы жизнеобеспечения, можно подразделить по их специализации и ведомственной принадлежности на несколько групп по состоянию на 1943 г.³⁰

1. Народный комиссариат авиационной промышленности: завод № 153 им. Чкалова; 16 221 рабочий и ИТР. В конце 1941 г. освоил производство истребителя Як-7. Как вспоминал его конструктор и одновременно заместитель наркома авиационной промышленности А.С. Яковлев: «...Уже через три недели после прибытия эшелонов нашего завода начался регулярный выпуск самолетов на новом месте, а еще через три месяца мы не только восстановили, но и значительно увеличили выпуск по сравнению с московским. А через одиннадцать месяцев самолетов выходило в семь с половиной раз больше, чем до эвакуации...»³¹. За годы войны коллектив завода выпустил 16 500 истребителей (Як-1, Як-7, Як-9) или 11,5 % от общего количества изготовленных в СССР самолетов³².

2. Народный комиссариат боеприпасов: комбинат № 179, заводы № 65, 136, 325, 386, 556, 564, 635, 677; 36 823 рабочих и ИТР. Предприятия отрасли занимали первое место в городе по объемам производства (тыс. руб.) и количеству работников, а комбинат № 179 лидировал по первому показателю, опередив завод им. Чкалова. На его площадку прибыло оборудование и кадры 15 промышленных предприятий, а затем выделилось четыре крупных завода. Вклад коллектива в Победу измеряется 48 млн шт. снарядов в диапазоне от 76 до 152 мм. Завод № 556 («Сибтекстильмаш») выпускал гильзы для наземной артиллерии и авиационных пушек, корпуса снарядов для них и крупнокалиберные патроны. Завод № 564 («Точмаш») изготавливал радиостанции А-7 и взрыватели (в 1943 г. 7,5 млн шт.). Завод № 386 «Искра» производил гранаты, капсюли-воспламенители, тротильные шашки для мин (8,42 млн шт.). Завод № 677 – взрыватели разных типов, корпуса 23-мм снарядов (3,8 млн шт.). Заводы № 65, 136, 325, 635 – боеприпасы.

Основной рабочей силой стали женщины. О специфике производственной повседневности мастер комбината № 179 М. Украинский вспоминал: «Очень тяжело работается людям в предутренние часы ночной смены... Поэтому, будучи уже мастером, часто поднимался на площадку, что высилась в правом углу цеха, и следил за поведением станочниц. Им очень трудно. Утомляются глаза, тяжелеют и незаметно опускаются веки. С вышки мне видно, как

²⁸ Шуранов Н.П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2000. С. 48–54.

²⁹ Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 1999. С. 287–288.

³⁰ Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области... С. 200–202.

³¹ Яковлев А.С. Цель жизни (Записки авиаконструктора). М., 1967. С. 297.

³² Акулов М.Р., Анисков В.Т., Васильев Ю.А., Кузнецов И.И. Подвиг земли богатырской... С. 151.

некоторые работницы, качаясь, все чаще наклоняются к станку, затем, инстинктивно почувствовав в горячем дыхании вращающегося корпуса грозную опасность, вдруг отшатываются, взмахивая при этом руками. Жуткая картина пронизывает меня страхом. Хватаюсь за оправку резца и сильно ударяю в подвешенный кусок металла. Резкий звук сквозь шум работающих станков тут же разносится по участку. Этот тревожный сигнал настораживает всех. Женщины, вздрогнув, выпрямляются, оглядываются по сторонам. Проходит какое-то время, и усталость снова берет свое. И снова звучит гонг мастера»³³.

3. Наркоматы вооружений и электропромышленности: заводы № 69, 188, 208, 590, 617, 644; 31 558 рабочих и ИТР. До войны в Новосибирске не было предприятий радиотехнической, электротехнической и электронной промышленности. Они возникли на базе эвакуированных предприятий и производили оптические приборы, радиостанции, прожекторные станции, радиолампы. В частности, приборостроительный завод № 69 начал функционировать в декабре 1941 г. О проблемах, которые пришлось решать коллективу, вспоминал заместитель наркома вооружения СССР В.Н. Новиков: «Обеспечение электроэнергией и водой удовлетворяло лишь пятую часть нужд завода. Не было холодильных установок и установок для сжатого воздуха, необходимых при испытании приборов. Недоставало многого другого. Пришлось реконструировать все здания. Перестроили энергетическую сеть. Построили несколько подстанций, проложили многие километры высоковольтных воздушных и кабельных линий. Перераспределили нормы расхода воды в городе, установили строгий график водоснабжения. Резко сократили расход воды на бытовые нужды. <...> Построили дороги, провели железнодорожные ветки к трем объектам завода. Обзавелись складским хозяйством. Основная работа шла зимой, когда морозы доходили до 45–48 градусов»³⁴. Завод обеспечивал оптикой и танковые войска, изготовив более 100 тыс. единиц различного оптического вооружения³⁵.

4. Народные комиссариаты черной и цветной металлургии: заводы № 2 (редкие металлы), № 171 Аффинажный, № 520 Оловозавод, № 702 им. Кузьмина, «Вторчермет», «Труд»; 3273 рабочих и ИТР (без № 171). Оловозавод начали строить еще в 1940 г. Война ускорила ввод предприятия в эксплуатацию и уже в феврале 1942 г. заработала первая плавильная печь. Был организован выпуск припоев и баббитов для заводов танковой и авиационной промышленности. Завод № 2 был организован на базе Сибирского института редких металлов и эвакуированных из Москвы и Украины предприятий. Здесь выпускали редкие металлы, в частности висмут. Металлургический завод им. Кузьмина отправлял на авиационные заводы прокат высокоуглеродистой и нержавеющей стали. Завод «Труд», помимо горнообогатительного дражного оборудования для золотодобывающей промышленности, производил корпуса мин.

5. Народный комиссариат станкостроения: заводы им. Воскова, № 230 им. XVI партсъезда, «Тяжстанкогидропресс»; 5128 рабочих и ИТР. Предприятия отрасли в течение войны продолжали производство станков, которые распределялись на объединения, производившие вооружение. Например, завод им. XVI партсъезда выпустил 835 токарно-винторезных станков, 90 поперечно-строгальных, 865 расточных, 548 специального назначения³⁶. В «нагрузку» они изготавливали минометы, детали к реактивным снарядам, корпуса мин, гильзы и т.д. На заводе им. Воскова собирали автоматы ППШ.

6. Помимо специализированных заводов, к производству вооружения привлекли гражданские предприятия. 6-я группа самая обширная по количеству производственных единиц. В частности, Наркомат химической промышленности: заводы № 36 Химфармзавод, № 759 «Химпласт», Камфарный; 452 рабочих и ИТР. На них производили формалин, уротропин, аминопласт, камфару, необходимые для производства боеприпасов и пороха, а также йод, пирамидон, стрептоцид, бинты; 452 рабочих и ИТР (без № 35). Сюда же мы включаем

³³ Левобережье Новосибирска. Страницы истории. Новосибирск, 1999. С. 154.

³⁴ Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний: Воспоминания. М., 1988. С. 324.

³⁵ Кирьянов В.П. Военная оптика Красной Армии... С. 60.

³⁶ Афанасьева Т.Б. Здесь делают станки (ОАО «Станкосиб») // История промышленности Новосибирска. Исторические очерки. Новосибирск, 2004. Т. II. С. 258.

заводы и фабрики легкой, кожевенно-обувной, местной промышленности и промкооперации. Они изготавливали 66 наименований предметов материально-вещевого довольствия для личного состава РККА и инвентаря, необходимого для обеспечения материальной части воинских формирований. Например, для кавалерии и гужевого транспорта – 16 наименований: седла, упряжь одноконная, пароконная, артиллерийская; тачанки, повозки, подковы и т.д.; обмундирование – 14 наименований: шинели, гимнастерки, телогрейки, кальсоны, шаровары, пилютки, шапки-ушанки и т.д.; обувь – 5 наименований: сапоги, валенки, обмотки, полусапоги, шнурки. Кроме того, котелки, топоры, черенки для лопат, ложки деревянные и т.д. Из 66 наименований 42 производились партиями от 10 тыс. штук/пар ежеквартально (1943 г.). Так, гимнастерки х/б – 515 тыс., ремни поясные – 200 тыс., медальоны деревянные – 300 тыс., вещевые мешки – 50 тыс., пуговицы металлические со звездой – 5 млн шт.³⁷ Всего же за годы войны в Новосибирске изготовлено 6 млн пар обуви и 1 320 тыс. шинелей³⁸.

Развертывание производства ранее не выпускавшейся продукции при одновременном изъятии оборотных средств и прекращении централизованного снабжения топливом потребовало существенной перестройки технологии и самообеспечения. На хлебокомбинате на отведенных за городом лесосеках хлебопеки своими силами валили лес, доставляли, пилили, кололи. Жиркомбинат заключал договора с артелями, добывающими уголь кустарным способом в Прокопьевске, Киселевске. Предприятие «должно было помогать артелям в добыче угля, обеспечивая их рабочей силой, транспортом. Не хватало людей, автомашин... И все же уголь шел в Новосибирск»³⁹.

Наряду с основной продукцией предприятия легкой, пищевой, местной промышленности, ремонтные, станкостроительные и другие по кооперации изготавливали детали, необходимые для производства вооружения. Так, в 1942 г. чугунные корпуса мин отливали на заводе «Труд», станкостроительном, судоремонтном, «Буровая техника», «Красный литейщик», в конторах «Сибстройпуть», «Желдорстроймеханизация», артели «Двигатель»⁴⁰. Даже на таком далеком от военного производства мясоконсервном комбинате в механическом цехе изготавливали корпуса для мин и противотанковые гранаты.

Таким образом, созданные к началу Великой Отечественной войны в Новосибирске производственные мощности позволили разместить эвакуированные заводы и фабрики. Помимо специализированных заводов, к производству вооружения подключались сугубо гражданские предприятия. В совокупности они составили шесть основных блоков оборонного потенциала города: авиационный, боеприпасы, станкостроение, металлургия, приборостроение и электротехника, гражданские предприятия, производившие предметы материально-вещевого довольствия и медикаменты. В Новосибирске изготавливали сложную и высокотехнологическую продукцию, требующую высокой квалификации работников соответствующих производств. Поэтому наш город не случайно, а вполне заслуженно носит почетное наименование «Город трудовой доблести».

Литература

Акулов М.Р. Новосибирская партийная организация в борьбе за подъем промышленности в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1960. 135 с.

Акулов М.Р. Сибирский тыл в 1941–1945 гг. // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. С. 190–200.

Акулов М.Р., Анисков В.Т., Васильев Ю.А., Кузнецов И.И. Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М.: Мысль, 1970. 364 с.

³⁷ Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области... С. 195–198.

³⁸ Домрачев А.П. Обувь для сибиряков // История промышленности Новосибирска. Исторические очерки. Новосибирск, 2004. Т. II. С. 416–438, 423; Новосибирск. Город трудовой доблести. Новосибирск, 2021. С. 29.

³⁹ Талалова М.Л. Жировой комбинат // История промышленности Новосибирска. Исторические очерки. Новосибирск, 2004. Т. II. С. 529.

⁴⁰ Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области... С. 154.

Афанасьева Т.Б. Здесь делают станки (ОАО «Станкосиб») // История промышленности Новосибирска. Исторические очерки. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2004. Т. II. С. 249–300.

Букин С.С. Сибирский тыл: промышленная революция и адаптация кадров (1941–1945) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения в Азиатской России: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008. С. 24–29.

Букин С.С., Долголюк А.А., Савин А.Н. Военнопленные Второй мировой войны // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. Т. 1. С. 322–323.

Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск: Параллель, 2012. 430 с.

Васильев Ю.П. Сибирский арсенал: деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд.-во, 1965. 384 с.

Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1973. 423 с.

Домрачев А.П. Обувь для сибиряков // История промышленности Новосибирска. Исторические очерки. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2004. Т. II. С. 416–438.

История в воспоминаниях ветеранов. Производственное объединение «Луч»: Предприятию 50 лет (1942–1992). Новосибирск, 1992. 691 с.

Исупов В.А. Использование трудового потенциала в индустрии Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Разработка и реализация идеи сибирского тыла в советской экономической и военно-оборонной стратегии (1920–1980 гг.). Новосибирск: Автограф, 2015. С. 139–169.

Кирьянов В.П. Военная оптика Красной Армии накануне и в период Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2023. 650 с.

Книга Памяти: Российская Федерация, Новосибирская область. 1941–1945 / редкол. И.И. Индинок и др. Новосибирск: Новосибирское кн. изд.-во, 1994. Т. 1. 512 с.

Кузница степных кораблей: История Новосибирского производственного объединения «Сибсельмаш» / ред. А.П. Окладников. М.: Мысль, 1983. 255 с.

Куманев Г.А. Проблемы военной истории Отечества (1938–1945). М.: Собрание, 2007. 656 с.

Левобережье Новосибирска. Страницы истории / ред. В.И. Шумилов. Новосибирск: Сибирская горница, 1999. 504 с.

Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний. М.: Политиздат, 1988. 398 с.

Новосибирск. Город трудовой доблести / ред. Д.Г. Симонов. Новосибирск, 2021. 300 с.

Савицкий И.М. Оборонная промышленность Новосибирской области. Опыт послевоенного развития (1946–1963 гг.). Новосибирск: Олсиб, 1996. 316 с.

Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 260 с.

Савицкий И.М., Шумилов В.Н. Творцы военной техники предприятий оборонной промышленности Новосибирской области 1941–1965 гг. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2015. 467 с.

Сибтекстильмаш. Судьба и гордость / сост. Т.И. Петрова. Новосибирск, 1990. 218 с.

Скрытая правда войны: 1941 год: неизвестные документы / сост. П.Н. Кнышевский и др. М.: Русская книга, 1992. 348 с.

Талалова М.Л. «Все выше, выше и выше...» (НАПО им. Чкалова) // История промышленности Новосибирска. Время вперед! (1918–1940). Исторические очерки. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2004. Т. II. С. 179–240.

Талалова М.Л. Жировой комбинат // История промышленности Новосибирска. Исторические очерки. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2004. Т. II. С. 503–544.

Томск. История города от основания до наших дней / ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 432 с.

Точный прицел. История Новосибирского приборостроительного завода им. Ленина (1905–2005) / ред. Н.Ф. Секушенко, Е.И. Доронина. Новосибирск: Новосибирский полиграфкомбинат, 2005. 400 с.

Филатов А.П. Жили-прожили мы не зря. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2005. 216 с.

Черемных О.А., Шевляков А.С. Будни тылового города. Материально-бытовое положение горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 (На материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 220 с.

Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945 гг.). Новосибирск: Редакционно-издательское объединение СО РАН, 2000. 204 с.

Шуранов Н.П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово: Изд-во ОбЛИУУ, 2000. 219 с.

Яковлев А.С. Цель жизни (Записки авиаконструктора). М.: Политиздат, 1967. 543 с.

References

Afanas'eva, T.B. (2004). Zdes' delayut stanki (OAO "Stankosib") [Machine Tools are Made Here (OAO Stankosib)]. In *Istoriya promyshlennosti Novosibirsk. Istoricheskie ocherki*. Novosibirsk. Vol. 2, pp. 249–300.

Akulov, M.R. (1960). *Novosibirskaya partiynaya organizatsiya v bor'be za pod'em promyshlennosti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Novosibirsk Party Organization in the Struggle for Industrial Recovery during the Great Patriotic War]. Novosibirsk. 135 p.

Akulov, M.R. (1977). Sibirskiy tyl v 1941–1945 gg. [Siberian Rear in 1941–1945]. In *Sibir' v Velikoy Otechestvennoy voyne*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 190–200.

Akulov, M.R., Aniskov, V.T., Vasil'ev, Yu.A., Kuznetsov, I.I. (1970). *Podvig zemli bogatyrskoy (Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.)* [The Feat of the Heroic Land (Siberia during the Great Patriotic War of 1941–1945)]. Moscow, Mysl. 364 p.

Bukin, S.S. (2008). Sibirskiy tyl: promyshlennaya revolyutsiya i adaptatsiya kadrov (1941–1945) [Siberian Rear: Industrial Revolution and Adaptation of Personnel (1941–1945)]. In *Adaptatsionnye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i transformiruyushchikhsya obshchestvakh: opyt osvoeniya v Aziatskoy Rossii: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Novosibirsk, pp. 24–29.

Bukin, S.S., Dolgolyuk, A.A., Savin, A.N. (2010). Voennoplennye Vtoroy mirovoy voyny [Prisoners of War of the Second World War]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 1, pp. 322–323.

Bukin, S.S., Romanov, R.E. (2012). *Rabochaya molodezh' predpriyatij oboronnoy kompleksa Sibiri (1941–1945)* [Working Youth of Enterprises of the Defense Complex of Siberia (1941–1945)]. Novosibirsk, Parallel'. 430 p.

Cheremnykh, O.A., Shevlyakov, A.S. (2017). *Budni tylovogo goroda. Material'no-bytovoe polozhenie gorozhan Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 (Na materialakh Novosibirskoy, Kemerovskoy i Tomskoy oblastey)* [Everyday Life in a Rear Town. The Material and Living Situation of Western Siberian Citizens during the Great Patriotic War of 1941–1945 (Based on Materials from the Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk Oblasts)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 220 p.

Dmitrienko, N.M. (Ed.). (1999). *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk. History of the City from Its Foundation to the Present Day]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 432 p.

Dokuchaev, G.A. (1973). *Rabochiy klass Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Working Class of Siberia and the Far East during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka. 423 p.

Domrachev, A.P. (2004). *Obuv' dlya sibiryakov* [Footwear for Siberians]. In *Istoriya promyshlennosti Novosibirskaya. Istoricheskie ocherki*. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 2, pp. 416–438.

Filatov, A.P. (2005). *Zhili-prozhili my ne zrya* [We Lived and Lived Not in Vain]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledstvo Sibiri. 216 p.

Indinok, I.I. et al. (Eds.). (1994). *Kniga Pamyati: Rossiyskaya Federatsiya, Novosibirskaya oblast'. 1941–1945* [Book of Memory: Russian Federation, Novosibirsk Region. 1941–1945]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1. 512 p.

(1992). *Istoriya v vospominaniyakh veteranov: Proizvodstvennoe ob'edinenie "Luch": Predpriyatiyu 50 let (1942–1992)* [History in the Memoirs of Veterans: Production Association Share History in the Memoirs of Veterans: Production Association "Luch": Enterprise 50 Years Old (1942–1992)]. Novosibirsk. 691 p.

Isupov, V.A. (2015). *Ispol'zovanie trudovogo potentsiala v industrii Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945 gg.)* [Use of Labor Potential in the Industry of Western Siberia during the Second World War (1939–1945)]. In *Razrabotka i realizatsiya idei sibirskogo tyla v sovetskoj ekonomicheskoy i voenno-oboronnoy strategii (1920–1980 gg.)*. Novosibirsk, Avtograf, pp. 139–169.

Kir'yanov, V.P. (2023). *Voennaya optika Krasnoy Armii nakanune i v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Military Optics of the Red Army on the Eve and during the Great Patriotic War], Cand. hist. sci. diss. Tomsk. 650 p.

Knyshevskiy, P.N. et al. (Comp.). (1992). *Skrytaya pravda voyny: 1941 god: neizvestnye dokumenty* [The Hidden Truth of War: 1941: Unknown Documents]. Moscow, Russkaya kniga. 348 p.

Kumanev, G.A. (2007). *Problemy voennoy istorii Otechestva (1938–1945)* [Problems of Military History of the Fatherland (1938–1945)]. Moscow, Sobranie. 656 p.

Novikov, V.N. (1988). *Nakanune i v dni ispytaniy* [On the Eve and in the Days of Trials]. Moscow, Politizdat. 398 p.

Okladnikov, A.P. (Ed.). (1983). *Kuznitsa stepnykh korablye: Istoriya Novosibirskogo proizvodstvennogo ob'edineniya "Sibsel'mash"* [Forge of Steppe Ships: History of the Novosibirsk Production Association "Sibselmash"]. Moscow, Mysl. 255 p.

Petrova, T.I. (Comp.) (1990). *Sibtekstil'mash. Sud'ba i gordost'* [Sibtekstil'mash. Destiny and Pride]. Novosibirsk. 218 p.

Savitskiy, I.M. (1996). *Oboronnyaya promyshlennost' Novosibirskoy oblasti. Opyt poslevoennogo razvitiya (1946–1963 gg.)* [Defense Industry of the Novosibirsk Region. Post-War Development Experience (1946–1963)]. Novosibirsk, Olsib. 316 p.

Savitskiy, I.M. (2005). *Vazhneyshiy arsenal Sibiri: Razvitie oboronnoy promyshlennosti Novosibirskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Most Important Arsenal of Siberia: Development of the Defense Industry of the Novosibirsk Region during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 260 p.

Savitskiy, I.M., Shumilov, V.N. (2015). *Tvortsy voennoy tekhniki predpriyatiy oboronnoy promyshlennosti Novosibirskoy oblasti 1941–1965 gg.* [Creators of Military Equipment of Defense Industry Enterprises of the Novosibirsk Region 1941–1965]. Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 467 p.

Sekushenko, N.F., Doronina, E.I. (Eds.) (2005). *Tochnyy pritsel. Istoriya Novosibirskogo priborostroitel'nogo zavoda im. Lenina (1905–2005)* [Accurate Sight. History of the Novosibirsk Instrument-Making Plant Named after Lenin. (1905–2005)]. Novosibirsk, Novosibirskiy poligrafkombinat. 400 p.

Shumilov, V.I. (Ed.). (1999). *Levoberezh'e Novosibirskaya. Stranitsy istorii* [Left Bank of Novosibirsk. Pages of History]. Novosibirsk, Sibirskaya gornitsa. 504 p.

Shumilov, V.N. (2000). *Sozдание oboronnoy promyshlennosti Novosibirskoy oblasti (1941–1945 gg.)* [Creation of the Defense Industry of the Novosibirsk Region (1941–1945)]. Novosibirsk, Redaktsionno-izdatelskoe ob'edinenie SO RASHN. 204 p.

Shuranov, N.P. (2000). *Kuzbass v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kuzbass during the Great Patriotic War]. Kemerovo, Izdatel'stvo ObliUU. 219 p.

Simonov, D.G. (Ed.). (2021). *Novosibirsk. Gorod trudovoy doblesti* [Novosibirsk. City of Labor Glory]. Novosibirsk. 300 p.

Talalova, M.L. (2004). “Vse vyshe, vyshe i vyshe...” (NAPO im. Chkalova) [“All the Way Up, Up and Up...” (NAPO named after Chkalov)]. In *Istoriya promyshlennosti Novosibirsk. Vremya vpered! (1918–1940). Istoricheskie ocherki*. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 2, pp. 179–240.

Talalova, M.L. (2004). Zhirovoy kombinat [Fat Plant]. In *Istoriya promyshlennosti Novosibirsk. Istoricheskie ocherki*. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 2, pp. 503–544.

Vasiliev, Yu.P. (1965). *Sibirskiy arsenal: deyatelnost' partiynykh organizatsiy Sibiri po razvitiyu promyshlennosti v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Siberian Arsenal: The Activities of Party Organizations in Siberia for the Development of Industry during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Sverdlovsk, Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 384 p.

Yakovlev, A.S. (1967). *Tsel' zhizni (Zapiski aviakonstruktora)* [The Purpose of Life (Notes of an Aircraft Designer)]. Moscow, Politizdat. 543 p.

С.В. Шарапов*

ЭКОНОМИКА КОЛХОЗНОГО ДВОРА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-9
УДК 94:338.43(571.14)"1941/1945"

Выходные данные для цитирования:
Шарапов С.В. Экономика колхозного двора накануне и в годы Великой Отечественной войны (по материалам Западной Сибири) // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 118–131. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-09.pdf>

S.V. Sharapov*

ECONOMY OF THE COLLECTIVE FARM YARD ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF WESTERN SIBERIA)**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-9

How to cite:
Sharapov S.V. Economy of the Collective Farm Yard on the Eve and during the Great Patriotic War (Based on the Materials of Western Siberia) // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 118–131. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-09.pdf>]

Abstract. The economy of the collective farmyard was subordinated to the task of joint survival of all, including disabled members of the peasant family. In accordance with it, functions were distributed within the farmstead and the optimal option of economic behavior was chosen. The article examines the importance of the collective farm as a basic element of the agrarian production system for family survival. In addition, the reverse influence of peasant behavior with its inherent special rationality on the state of the collective farm economy is investigated. The active participation of one or more family members in artisanal production depended on the degree of profitability of such labor inputs and the availability of alternatives (market trade, seasonal wage work, etc.). The state, increasing mobilization pressure on the eve and during the war years, followed the path of restricting alternative ways of earning an income and strengthening coercive measures. The latter made the peasants' struggle for survival more difficult, and therefore they encountered various tactics to save labor costs (imitation of labor, poor quality and untimely performance of work). Despite the fact that the economy of most collective farms was in a deplorable state, it remained vital for the peasant family to maintain a connection with the collective farm. Even if this connection did not mean the desire to work with full dedication, and the family's dependence on collective farm income alone threatened starvation. Belonging to a collective farm opened access to the use of personal subsidiary farms, as well as to integration into inter-family networks of mutual assistance that bound relatives and fellow villagers together. In addition, the weak state control over collective farm products and resources made it possible, albeit in violation of the law, to appropriate a part of them.

Keywords: collective farm yard, peasant family, economic behavior, subsistence ethics, the Great Patriotic War.

* **Сергей Валерьевич Шарапов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Sergey Valerievich Sharapov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

The article was made on the topic of the state assignment “Siberian Society as a Factor in the Territorial Growth and Unity of Russia (Late 16th – Early 20th Centuries)” (FWZM-2024-0007).

The article has been received by the editor on 13.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Экономика колхозного двора подчинялась задаче совместного выживания всех, включая нетрудоспособных членов крестьянской семьи. В соответствии с ней распределялись функции внутри дворохозяйства и выбирался оптимальный вариант экономического поведения. В статье рассматривается значение колхоза как базового элемента системы аграрного производства для выживания семьи. Кроме того, исследуется обратное влияние крестьянского поведения с присущей ему особой рациональностью на состояние колхозной экономики. Активность участия одного или нескольких членов семьи в артельном производстве зависела от степени доходности таких трудозатрат и доступности альтернатив (торговля на рынке, сезонные работы по найму и т.д.). Государство, наращивая мобилизационное давление накануне и в годы войны, шло по пути ограничения альтернативных способов получения дохода и усиления принудительных мер. Последние скорее затрудняли для крестьян борьбу за выживание, а поэтому наталкивались на различные формы пассивного сопротивления (имитация труда, некачественное и несвоевременное выполнение работ). Несмотря на то, что экономика большинства колхозов находилась в плачевном состоянии, для крестьянской семьи сохранение связи с артелью оставалось жизненно важным. Пускай эта связь и не означала желание работать с полной самоотдачей, а зависимость семьи только от колхозных доходов грозила голодной смертью. Принадлежность к колхозу открывала доступ к пользованию личным подсобным хозяйством, а также к интеграции в межсемейные сети взаимопомощи, скреплявшие родственников и односельчан. Кроме того, слабый государственный контроль над колхозной продукцией и ресурсами позволял, хотя и в нарушение закона, присваивать себе их часть.

Ключевые слова: колхозный двор, крестьянская семья, экономическое поведение, этика выживания, Великая Отечественная война.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025 г.

Введение. В 1930-е гг. колхозы и совхозы стали основой аграрного сектора экономики СССР. Коллективизация позволила государству установить контроль над производством и распределением большей части продовольствия в стране, что давало в условиях войны весомое стратегическое преимущество. Успех политики мобилизации сельских ресурсов зависел от экономического поведения самих колхозников. В основе их мотивации лежала простая и понятная цель: обеспечить себе и своим семьям минимальный уровень дохода, достаточный для выживания. В тех случаях, когда артельные заработки не удовлетворяли базовых потребностей, крестьяне, оставаясь хозяевами своего труда, активно искали сторонние возможности его применения. Последнее утверждение связано с опорным для данного исследования тезисом, который заключается в признании экономической агентности крестьянского двора. Семья по собственному усмотрению распределяла трудовую нагрузку среди своих членов и искала оптимальные пути получения необходимого для выживания дохода.

Об экономическом положении крестьянства во время войны писалось неоднократно. В разработку данной темы в разные годы внесли вклад Ю.В. Арутюнян¹, Г.Е. Корнилов², М.С. Зинич³, В.П. Мотревич⁴ и др. Применительно к западносибирскому макрорегиону стоит

¹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.

² Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990.

³ Зинич М.С. Будни военного лихолетья, 1941–1945. Вып. 1. М., 1994.

⁴ Мотревич В.П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2021.

выделить обобщающую монографию В.Т. Анискова, в которой освещены многочисленные аспекты жизни колхозной деревни, в том числе условия труда, размеры и источники дохода, слагаемые бюджета крестьянской семьи⁵. Интересными представляются статьи барнаульского историка А.И. Рыкова, который использовал собранные во время экспедиций воспоминания крестьян Алтайского края об условиях тыловой жизни и практиках адаптации к ним⁶. Уже имеющиеся в историографии наработки открывают дальнейшие перспективы в изучении темы выживания крестьянства в годы военного «лихолетья». На наш взгляд, объяснение многих аспектов их экономического поведения кроется в социальной жизни, первичным сегментом которой была семья.

Цель данной статьи – выяснить, насколько экономика крестьянского двора в действительности зависела от участия в колхозном производстве, какую роль играла артель в выживании семьи, а также какие сторонние формы экономической активности были доступны селянам. Анализ этих аспектов невозможен без реконструкции политики государства в отношении крестьян, которая приобрела новый импульс накануне войны. Нижнюю хронологическую рамку исследования мы определяем 1939 г., когда власть, готовясь к возможной большой войне, перешла к усилению мобилизационного нажима на деревню.

Доходы и занятость крестьян накануне войны. К концу 1930-х гг. власть столкнулась с рядом проблем в аграрном секторе экономики, связанных с низкой заинтересованностью колхозников в участии в артельном производстве и перетеканием трудовой активности за его пределы. Тревогу вызывала тенденция к превращению ЛПХ в рентабельные товарные хозяйства, которые ориентировались на продажу продукции (овощи, ягоды и фрукты, мед и пр.) на колхозных рынках. С точки зрения власти предприимчивые крестьяне паразитировали на артельных ресурсах: они незаконно прирезали к приусадебным участкам земли обобщественного фонда, пользовались при распашке колхозными лошадьми и техникой, при этом не участвуя в артельных работах. Это воспринималось как угроза самому проекту коллективизации, который был рассчитан на максимальную концентрацию труда в колхозах.

Во время майского пленума ЦК ВКП(б) 1939 г. И.В. Сталин обрисовал мрачную для большевиков перспективу отката к мелкотоварному крестьянскому производству: «Если так и впредь будем волочиться за событиями, а не руководить, то лет через 30–40 мы получим такую картину, что колхозы распадутся, вместо колхозов образуются хутора, новые индивидуальные хозяйства, числящиеся в составе колхозов, у которых общественного поля либо вовсе нет, либо очень мало осталось, не требуется тракторов, потому что на мелких полях тракторам нечего делать, не требуется много молотилок, комбайнов, общественного труда, ибо он сам у себя сидит королем на своем приусадебном участке и возвращается к индивидуальному крестьянскому хозяйству, хозяйству полунатуральному или вовсе натуральному»⁷.

Показателем вероятности описанного И.В. Сталиным сценария было значительное количество колхозников, которые либо не имели трудовой совсем (в 1937 г. их насчитывалось 10,4 % по Союзу), либо выработали от 1 до 50 трудовых (21,2 %)⁸. Это свидетельствовало о переключении трудовой активности на ЛПХ и индивидуализации сельскохозяйственного производства. Секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев во время совещания с секретарями обкомов и крайкомов 8–9 мая 1939 г. отмечал высокую доходность подсобных хозяйств: «Половина гектара земли приусадебной дают иногда несколько тысяч дохода, а в овощных районах или в садоводстве, или в вино-

⁵ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993.

⁶ Рыков А.В. Социальная структура сельского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: состав, правовое и материальное положение // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 121–131; Рыков А.В. Торговля крестьян периферийных районов Алтайского края в соседних регионах как адаптационная практика в годы Великой Отечественной войны по материалам устной истории // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 187–195. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-16.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 2006. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. С. 417.

⁸ Там же. С. 419.

градарстве дают более десятка тысяч дохода, т.е. доход от приусадебного участка в несколько раз превышает доход по трудовым дням. <...> Между тем этот доход, получаемый от личного хозяйства, плюс животноводство, никак не облагается»⁹.

Опасаясь углубления негативных для колхозной экономики тенденций, которые ставили под сомнение будущее проекта коллективизации, власть в конце 1938 г. запустила кампанию по борьбе с нарушениями устава сельхозартели. Этим документом ограничивались размеры ЛПХ: в зависимости от специфики района они колебались от 0,25 до 1 га. Для Западной Сибири допустимые нормы устанавливались следующим образом: в районах с животноводческой специализацией – от 0,8 до 1 га; в зерновых районах – от 0,5 до 0,8 га; для колхозов, располагавшихся в 25-километровой зоне городов с развитой промышленностью, – от 0,25 до 0,5 га¹⁰. Целый ряд постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) («О нарушении Устава сельскохозяйственной артели в колхозах Белорусской республики» от 4 декабря 1938 г., «О нарушении Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 21 января 1939 г., «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 г.) разворачивал в регионах кампанию по обмеру всех приусадебных хозяйств, сопровождающуюся изъятием незаконно прирезанной земли и конфискацией скота, если его поголовье превышало установленные для ЛПХ нормы. Тогда же, в 1939 г., был введен обязательный минимум трудовых дней для колхозников (в количестве 80 для регионов Западной Сибири).

С целью ограничения доходности подсобных хозяйств и увеличения поступлений в бюджет с 1939 г. был повышен сельхозналог, взимаемый с подсобных хозяйств. Теперь они облагались по тому же принципу, что и единоличные. Были определены нормы доходности с одной головы продуктивного скота, с одного гектара каждого вида посевов и от использования рабочего скота в хозяйстве. Налогообложение строилось по прогрессивной шкале: чем выше совокупный доход с ЛПХ, исчисляемый по нормам, тем выше была ставка налога. В результате колхозники стали платить значительно больше. Например, в Новосибирской области общая сумма налога в 1939 г. выросла по сравнению с 1938 г. в 2,2 раза¹¹.

Об источниках денежных доходов колхозного двора, которые шли, в том числе, на уплату сельхозналога, можно судить на основе бюджетных обследований. В 1939 г. в Алтайском крае средний денежный доход на один колхозный двор составлял 1 988 руб. В этой сумме заработок от работы в колхозе равнялся 432 руб., от работы по найму и в МТС – 361 руб., от продажи продуктов – 814 руб. Доля от колхозной работы составляла всего 22 %. В Новосибирской области средний доход определен в 1 685 руб. В том числе: заработок от работы в колхозе – 258 руб., от работы по найму и МТС – 182 руб., от продажи продуктов – 949 руб. Доля от колхозной работы составляла 15 %¹².

Бюджетные обследования дают некоторое представление и о структуре расходов колхозной семьи. В 1940 г. в Новосибирской области на покупку скота, птицы и пчел один колхозный двор израсходовал в среднем 173,8 руб. (7,7 % от всех расходов), на постройки и сельхозинвентарь – 58,5 руб. (2,0 %), на транспорт и живую тяговую силу – 24,2 руб. (1,1 %), на оплату пастухов – 5,8 руб. (0,3 %), а на все производственные нужды – 262,3 руб. (11,7 %). Расход на покупку продуктов питания составил 433,9 руб. (19,3 %), в том числе печеного хлеба и макаронных изделий – 22,9 руб. (1,0 %), на покупку промтоваров – 1078,4 руб. (48,1 %), на культурные нужды – 10,9 руб. (0,5 %), на налоги и сборы – 137,2 руб. (6,1 %), в том числе на уплату сельхозналога – 76,7 руб. (3,4 %)¹³.

Если денежные заработки от работы в колхозе действительно составляли малую часть в бюджете семьи, то зависимость от натуральных доходов была значительно сильнее. Привя-

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 18. Л. 3.

¹⁰ Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011. С. 542.

¹¹ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 61.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 12.

занность крестьянского двора к колхозу определялась, во-первых, преимуществами, которые давало простое членство в артели (возможность иметь ЛПХ, пользоваться колхозными пастбищами), во-вторых – получением жизненно важных продуктов. В Западной Сибири колхозы играли ключевую роль в обеспечении крестьян зерном, соломой и сеном. Другие продукты сельского хозяйства (картофель, овощи, мясо и сало, молоко, шерсть) они получали в основном от личных подсобных хозяйств¹⁴. Тем не менее полностью положиться на колхоз как на источник достаточных для выживания средств крестьянство не могло. Основная проблема заключалась в нестабильности натуральных доходов. Так, например, неурожай 1940 г. и чрезмерное изъятие зерна в ходе хлебозаготовок привели в ряде районов Новосибирской области и Алтайского края к вспышкам голода¹⁵.

Потребность в промышленных (а в случае низких натуральных доходов от колхоза – и продовольственных) товарах вынуждала крестьян активно включаться в торговлю на колхозных рынках. Вышеприведенные данные о структуре доходов и расходов двора показывают, что траты на покупку промтоваров значительно превышали заработок от участия в колхозном производстве. Дополнительные денежные средства выручались за счет продажи продукции, работы по найму или в МТС. Однако усредненные данные очевидно маскируют неравенство колхозников в возможностях получения внеколхозных доходов. Преимуществом обладали артели, располагавшиеся вблизи крупных городов или путей железнодорожного сообщения. Для них были легкодоступны рынки сбыта сельхозпродукции. Благоприятные условия для ведения торговли действительно могли переключить внимание семьи от участия в колхозном производстве на ведение личного подсобного хозяйства. Кроме того, близость к центрам промышленного производства облегчала колхозникам возможность наняться на сезонную работу.

Вместе с тем отдаленность от городов или недоступность транспортной сети снижали возможности рыночной реализации продукции. Например, в 1939 г. в нескольких колхозах Доволенского района Новосибирской области благодаря обильному урожаю крестьяне получили на трудодни избыточное количество зерна. Не имея подготовленных мест для его длительного хранения, колхозники были заинтересованы в том, чтобы часть хлеба продать. Однако возможности для этого оказались весьма ограниченными. Базарные цены внутри района были слишком низкими (по причине низкого же спроса). Один из владельцев зерновых выразил это так: «Мясо я продам, масло – продам, молоко – продам, на эти продукты покупатель есть, а вот на хлеб покупателя нет»¹⁶. Доставить хлеб в крупные города, где спрос и цены были выше, крестьяне не имели возможности. В колхозах недоставало лошадей и подвод, а сам район был отдален от линии железной дороги на 120–160 км. Для таких колхозных семей потребность в деньгах и промтоварах была особенно острой, но удовлетворить ее было крайне сложно. Отдаленность от покупателя и неразвитость института торгового посредничества создавали серьезные препятствия. Один из колхозников прямо связывал стимул работать в колхозе с ростом денежного вознаграждения: «Дай мне 70 рублей в месяц, и я буду в колхозе работать»¹⁷.

Однако такие ситуации скорее имеют характер исключительный. Общая для предвоенного времени тенденция в той же Новосибирской области заключалась в сокращении год от года выдачи хлеба на трудодень. В 1937 г. доля зерна, которая шла на оплату труда в колхозах, составляла 29,1 % от общего объема урожая. В среднем каждый колхозник получал 4,2 кг зерна за трудодень. В 1938 г. первый показатель снизился до 23,8 %, а средняя оплата трудодня составила 3,3 кг зерна. В 1939 г. оба показателя упали еще больше: 16,7 % и 2 кг на трудодень соответственно. Наконец, в 1940 г. доля зерна, выделяемая на оплату

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 77. Л. 6.

¹⁵ Шаранов С.В. «...Ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»: голод в сельской местности Новосибирской области в 1940-е годы // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 163–176. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 26. Л. 83.

¹⁷ Там же.

труда, уменьшилась до 13,3 %, а средняя оплата трудодня – до 1,1 кг зерна¹⁸. Таким образом, за четыре года количество зерна, выдаваемого на трудодни, уменьшалось не только в абсолютном выражении, но и относительно общего урожая.

Основной причиной сокращения натуральных доходов крестьян в колхозах стало ужесточение хлебозаготовительной политики. В конце 1930-х гг. политическое руководство СССР готовилось к возможной большой войне. Нарком земледелия СССР И.А. Бенедиктов свидетельствовал, что мобилизационные планы разрабатывались за два года до начала фашистской агрессии¹⁹. По линии наркомата земледелия предполагалось создание стратегических резервов продовольствия, материально-технических средств, запасных частей, сортовых семян, металлов, горючего и химикатов. К январю 1941 г. государственные резервы и мобилизационные запасы зерна, муки и крупы составляли около 6 млн 162 тыс. тонн²⁰.

В соответствии с мобилизационными задачами строилась и государственная политика в отношении колхозного крестьянства. Первое ее направление – концентрация крестьянского труда на колхозных полях и фермах (введение обязательного минимума трудодней, сдерживание экономической активности за пределами колхозов). Второе направление – наращивание объемов изъятия продовольственной продукции путем государственных заготовок. Для крестьянства преобладание принудительных мер вкупе со снижением натуральных доходов негативно сказывалось на стимуле активного участия в колхозном производстве. Это приводило к демотивации и снижению производительности труда, что, в свою очередь, усугубляло экономические трудности.

Рыночная торговля в годы войны. Начало Великой Отечественной войны резко изменило ситуацию на колхозных рынках, вызвав стремительный рост цен на продовольственные товары. Это было следствием сократившегося предложения со стороны крестьянства – удержание продуктов питания в собственных хозяйствах стало естественной реакцией на начало кризисных времен. По данным 34 крупных городов СССР за первую декаду войны рыночная реализация ржаной муки сократилась в два раза, а пшеничной муки – почти в три раза. За первый месяц войны цены на муку выросли более чем на 20 %, молоко подорожало на 25 %, яйца – на 21 %²¹. Западная Сибирь (наряду с Центром, Поволжьем, Уралом и северными областями Казахской ССР) относилась к зоне интенсивного роста цен на все сельскохозяйственные продукты.

В дальнейшем на сокращение подвоза продовольственной продукции влияло падение спроса на деньги. Нарком торговли СССР А.В. Любимов писал в письме заместителю председателя СНК СССР А.И. Микояну, что «колхозники не заинтересованы в вывозе сельскохозяйственных продуктов для продажи на колхозных рынках»²². Причина заключалась в оскудении товарных фондов государственной и кооперативной торговли: «Создавшееся положение в основном объясняется тем, что колхозники, располагая значительными средствами, не в состоянии, вследствие резкого недостатка товаров широкого потребления, приобретать в магазинах госторговли и кооперации необходимые предметы»²³. Не имея возможности приобрести необходимые товары по государственным ценам, колхозники сталкивались с дефицитом и дороговизной на рынке. Вдобавок снижение натуральных доходов от работы в колхозах вынуждало крестьян активнее использовать ЛПХ под собственные потребительские нужды.

В сложившейся ситуации государство должно было стимулировать приток продовольствия на колхозные рынки. В тыловых регионах, где крупные города стали центрами сосредоточения эвакуированного населения, система централизованного снабжения продовольствием была не в состоянии удовлетворить все потребности. Жизненно важным было

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 49.

¹⁹ Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 370.

²⁰ Там же. С. 372.

²¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 174.

²² Там же. С. 178.

²³ Там же.

принудить колхозное крестьянство продавать продукцию ЛПХ. Способом давления стало повышение налогов. В июле 1941 г. была установлена стопроцентная надбавка к сельхозналогу. В конце года надбавку отменили, но взамен вводился военный налог, который имел уже подушный характер. В 1943 г. сельхозналог вновь был повышен. В РСФСР нормы вмененной доходности возросли по зерновым культурам в 5 раз, по картофелю – в 4,4 раза, по овощам – в 4,8 раза, по коровам – в 3,5 раза, по овцам и козам – в 4,3 раза, по свиньям – в 3,8 раза²⁴. Дополнительно правительство инициировало государственные военные займы и денежно-вещевые лотереи. Приобретение облигаций займов и лотерей формально считалось добровольным делом, но местные власти, гнавшиеся за выполнением планов по их распространению, не стеснялись принудительных мер²⁵.

По данным ЦСУ по СССР, за 1940–1944 гг. денежные доходы сельскохозяйственного населения от работы в колхозах снизились, в то время как обязательства по налогам и займам возросли²⁶. Только за счет колхозных заработков расплатиться с государством было невозможно, что вынуждало крестьян включаться в торговлю. Следует понимать, что колхозники продавали отнюдь не излишки продовольствия – семья могла ограничивать себя в потреблении, но налоговые обязательства вынуждали изыскивать денежные средства.

С наибольшими трудностями сталкивались крестьяне отдаленных от крупных промышленных центров районов. А.В. Рыков, опираясь на воспоминания крестьян, собранные в ходе экспедиций в периферийные районы Алтайского края, описал типичные способы доставки товаров в города. Основным временем для торговли была зима, поскольку в период сезонных сельскохозяйственных работ надолго оторваться от собственного хозяйства было невозможно. В город отправлялись сообща, группами, состоявшими в основном из женщин. В некоторых случаях гужевой транспорт предоставлял колхоз, но чаще всего предстояло добираться пешком. Путь занимал несколько дней, зачастую через тайгу, преодолевая суровые погодные условия²⁷.

В лучшем положении находились близлежащие к административным центрам регионов колхозы. Там минимальные издержки на транспортировку продукции побуждали активнее включаться в торговые операции, зачастую в ущерб колхозному производству. Заместитель уполномоченного КПК по Новосибирской области В. Петляковский, обследовавший в 1944 г. ход уборочных работ в колхозах Искитимского района, примыкавшего к Новосибирску, отмечал: «Доходы колхозников от обобщественного хозяйства крайне незначительные. Так, в 1942 году в среднем по району колхозники получили на трудодень хлеба 530 грамм и денег по 82 копейки. Неполноценность трудодня членов сельхозартелей влечет за собой массовые нарушения трудовой дисциплины. В разгар сельскохозяйственных работ колхозники бросают работу в колхозах, едут в город для реализации на рынке по спекулятивным ценам сельскохозяйственных продуктов от своего хозяйства, а также ягод, грибов, рыбы»²⁸.

Встречный дефицит как продовольственных, так и промышленных товаров, спекулятивный характер ценообразования на рынках подталкивали владельцев товаров к прямому обмену, минуя денежный эквивалент. В уже упоминавшемся письме наркома торговли СССР А.В. Любимова отдельно отмечалось широкое распространение товарообменных операций: «Тысячи граждан устремляются в деревню для обмена подержанных домашних вещей на сельскохозяйственные продукты»²⁹. Во встречной «купле-продаже» участвовали не только частные лица, но и представители городских организаций или уполномоченные отделов рабочего снабжения крупных промышленных предприятий. Существуют свидетельства о том, насколько бойкой могла быть торговля непосредственно в колхозах. В будущем известный советский экономист В.Г. Венжер, в годы войны бывший аспирантом Института

²⁴ Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни... С. 64.

²⁵ Там же. С. 65.

²⁶ Советская повседневность и массовое сознание... С. 226–227.

²⁷ Рыков А.В. Торговля крестьян периферийных районов Алтайского края... С. 192.

²⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-12. Оп. 1. Д. 51. Л. 60.

²⁹ Советская повседневность и массовое сознание... С. 178.

экономики АН СССР, обследовал в 1941 г. по заданию сельхозотдела ЦК ВКП(б) два колхоза Омской области. Он стал очевидцем бурной торговой жизни одной из артелей, которую описал в своей докладной записке: «В течение дня в конторе колхоза непрерывно толкается и топчется колхозный люд. Ясно, что в рабочее время здесь может находиться только тот, кто не в поле и не на работе, или тот, кто плохо работает и, придя в контору колхоза по делу, не спешит закончить свое дело и вернуться к работе. Когда вслушиваешься в разговоры, остается впечатление, что это не контора колхоза, а товарная биржа. <...>. Тому нужна капуста, тому лук, этому картофель, тот покупает кожсырье и пр. И присутствующие здесь колхозники и, следовательно, плохо работающие, раз в рабочее время они толкуются в конторе колхоза, а в особенности работники конторы колхоза, горячо обсуждают, куда лучше сдать продукты своего подсобного хозяйства. Многие говорят: “Мне не к спеху. Пусть полежит!” или “Лучше корове скормлю, чем вам отдам”»³⁰.

Стимул участвовать в рыночной торговле во время войны был существенно подорван инфляционными процессами, которые были особенно бурными в первые ее годы. Государство, пытаясь компенсировать лакуны централизованного снабжения продовольствием городского населения, использовало налоговый инструмент, чтобы привлечь крестьянскую продукцию на рынок. В таких условиях дворохозяйства даже в случае недостаточного потребления внутри семьи и высоких издержек транспортировки вынуждены были участвовать в торговле. Однако чем ниже были издержки, тем выгоднее для крестьян становились поездки на рынок. Кроме обязательств по налогам, крестьянство нуждалось в покупке товаров ширпотреба. Спекулятивный характер ценообразования приводил к распространению товарообменных операций, которые были взаимовыгодны для владельцев как продовольственных, так и промышленных товаров. Первые признаки стабилизации торговли обозначились только в последние годы войны. С 1943 г. в стране стало медленно восстанавливаться производство товаров народного потребления. Дефицит постепенно снижался как в рыночной, так и в государственной и кооперативной торговле³¹. В ответ крестьянство охотнее поставляло продовольствие в города.

Труд в колхозе и ЛПХ. Война усугубила проблему перетекания трудовой активности крестьянства в ЛПХ в ущерб колхозной экономике. Основной причиной было значительное сокращение поступлений зерна от колхозов в продовольственный бюджет семей. Выдача колхозникам хлеба на один трудодень в Западной Сибири в 1941 г. составила 1201 г, в 1942 г. – 489 г, в 1943 г. – 382 г, в 1944 – 563 г³². Влиял и дополнительный фактор: большинство семей в результате воинских призывов лишились мужчин-кормильцев. До войны наличие в семье нескольких трудоспособных членов позволяло распределять нагрузку работы в колхозе и на приусадебном участке. Теперь же распространенная ситуация отсутствия основного работника ставила семью перед выбором, от которого зависело ее выживание. Зачастую он делался не в пользу сомнительной перспективы колхозных заработков.

ЛПХ в годы войны по ряду экономических показателей демонстрировали лучшую динамику по сравнению с колхозами. Общая посевная площадь в личных подсобных хозяйствах колхозников Западной Сибири (в границах 1945 г.) увеличилась с 210,7 тыс. га в 1940 г. до 228,0 тыс. га в 1944 г.³³ (для сравнения, посевные площади в колхозах сократились с 10 688,9 тыс. га в 1940 г. до 7 368,0 тыс. га в 1944 г.³⁴). ЛПХ превосходили колхозы по динамике воспроизводства поголовья КРС. Если в колхозах оно сократилось с 2 258,3 тыс. голов в 1940 г. до 1402,7 тыс. голов в 1944 г. (данные на конец года), то в ЛПХ снижение было минимальным: 1315,0 тыс. голов в 1940 г. и 1 222,7 тыс. голов в 1944 г.

Опора исключительно на доходы от работы в артели могла привести семью к бедственному положению. Например, в 1943 г. колхозница Агафья С., имея пятерых детей в возрасте от 5 до 13 лет, выработала 800 трудодней, что значительно превышало установленную

³⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3316. Л. 25.

³¹ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни... С. 128–136.

³² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 124.

³³ Там же. Л. 280.

³⁴ Там же. Л. 154.

государством норму. В итоге она не получила хлеба от артели, а дети страдали от недоедания³⁵. Колхозница Елена Л., имея пятерых детей и работая сторожем в колхозе, выработала 500 трудодней. Не получив хлеба за свою работу, семья была вынуждена питаться падалью³⁶. Примеры показывают, что в наиболее тяжелом положении оказывались многодетные семьи, потерявшие кормильца. Матери в таких семьях не могли одновременно работать в колхозе, вести личное приусадебное хозяйство и заботиться о детях.

В таких условиях дворохозяйства объединяли усилия в борьбе за выживание. Примером такой взаимопомощи может служить наблюдение, сделанное В.Г. Венжером в одной из колхозных семей Омской области в 1941 г.: «Живя в семье добросовестно работающего колхозника, я наблюдал, как распределяется рабочая сила семьи. Семья состояла из пяти человек. Глава семьи являлся основным работником двора – он работал в колхозе плотником и выработывал наибольшее количество трудодней, дочь работала на ферме и сын шофером, мать и малолетняя внучка в колхозе не работали. Старуха вела все домашнее хозяйство, и семилетняя внучка ей помогала. После призыва сына в Красную армию этот двор кооперировался с другим родственным двором – двором другой дочери, которая после призыва ее мужа в Красную армию осталась одна с тремя малолетними детьми. Теперь семилетняя внучка превратилась в няньку. Целыми днями она находилась в семье своей тетки и присматривала за ее детьми, пока тетка работала в колхозе. На обязанности старухи лежало по-прежнему ведение своего домашнего хозяйства и присмотр за домом своей замужней дочери вплоть до питания детей. Старик и две его дочери продолжали ежедневно работать в колхозе. А ночами они совместными усилиями подвозили корма к двум своим усадьбам и дрова на зиму. Накануне выходного дня, в котором две родственные семьи, кооперировавшие силы в условиях войны, решили принять участие, ночью все члены семьи подготавливали продукцию своих подсобных хозяйств (чистили капусту, лук, перебирали картофель, паковали, укладывали и пр.) и уславливались по всем вопросам рынка – ценам на свои продукты и покупкам на рынке. Одна из дочерей с разрешения колхоза должна была рано утром выехать на базар»³⁷.

Взаимопомощь позволила этим дворам сохранить связь с колхозом, так как каждая семья имела работающего колхозника, выполняющего обязательный минимум трудодней. Вместе с тем поддерживались контакты и с рынком, что позволяло получать необходимый доход от продажи продукции. Без такой кооперации семья жены красноармейца с тремя детьми оказалась бы в значительно худших условиях.

Легче было дворам с несколькими трудоспособными членами, хотя вносить свою лепту в общий доход приходилось не только женщинам, но и престарелым и подросткам. Даже при таком распределении труда преимущество отдавалось отнюдь не работе в колхозе. Уполномоченный КПК по Новосибирской области И. Кузнецов следующим образом трактовал недостатки в работе колхозов во время весенней посевной кампании 1944 г.: «Плохое использование и низкая производительность живого тягла на пахоте объясняются тем, что пахарями работают преимущественно подростки, не имеющие опыта работы и ухода за конем. Взрослое население с первых дней посевных работ, при попустительстве руководящих работников, было занято на обработке собственных огородов, а на колхозных работах в поле почти не участвовало»³⁸.

Низведенные к минимуму экономические стимулы к артельному труду замещались принудительными мерами. Еще в 1939 г. обязанность отдавать силы колхозу закреплялась введением обязательного минимума трудодней. В 1942 г. он был повышен (с 80 до 120 для Западной Сибири). Колхозники, не выполнившие без уважительных причин обязательный минимум, предавались суду и выбывали из колхоза, лишаясь приусадебного участка. Помимо законодательно закрепленных принудительных мер, широкое распространение

³⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 294.

³⁶ Там же.

³⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3316. Л. 57–58.

³⁸ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 44.

на местах получило прямое физическое насилие по отношению к крестьянам со стороны артельных должностных лиц (председателей, бригадиров).

Согласно спецсообщению управления НКГБ по Новосибирской области от 1944 г., военная цензура фиксировала значительное количество писем от семей военнослужащих, проживающих в сельской местности, в которых сообщалось о фактах насилия со стороны руководителей колхозов, совхозов и представителей местных органов власти. Например, А.Е. Вакулина писала своему родственнику: «...Председатель у нас Гришин И.А. беспощадно гонит на работу, а ходить совершенно не в чем. В рваных валенках выгнал меня насильно в поле. Пришла я на ток, а он схватил счеты и ударил меня по плечу – отбил руку, за то, что я пришла поздно. Я хотела написать жалобу прокурору, но боюсь, а то хуже будет». Другая колхозница описывала свои будни в колхозе следующим образом: «Работаем в колхозе день и ночь. Назар за малейшее неподчинение колхозников бьет, он гад выпил из нас всю кровь»³⁹.

Отношение колхозников к артельному труду в немалой степени зависело от того, насколько колхоз с его наличными земельными, трудовыми и техническими ресурсами был способен выполнять государственные задания. Производственная деятельность колхоза регулировалась директивными плановыми установками, артель не имела возможности самостоятельно решать, что производить, в какие сроки и в каких объемах, как распоряжаться доступными ресурсами. Адаптивные возможности сельхозартелей были настолько же ограничены, насколько ограниченным было пространство, в котором колхозы могли принимать самостоятельные решения. Прибавим к этому неспособность государства учитывать локальную специфику сельскохозяйственного производства (начиная от пригодности почв к выращиванию определенных культур и заканчивая трудообеспеченностью артелей). Низкий адаптивный потенциал колхозов вкупе с грубой директивной политикой порождал распространенный феномен «отстающих» колхозов, труд в которых для крестьян был совершенно бесперспективен с точки зрения возможности получения дохода.

Бессилие колхозов перед не зависящими от них обстоятельствами стало острее ощущаться после 1940 г., когда реформировали государственную заготовительную систему. Был введен так называемый погектарный принцип обязательных поставок основных сельскохозяйственных продуктов. Отныне единицей обложения становился каждый гектар закрепленного за колхозом земельного фонда без учета его освоения посевами. Позже данный принцип распространился и на заготовки животноводческой продукции. Их объемы зависели теперь не от поголовья стада, а также от площади приписанных к колхозу угодий (включая пастбища и луга). Нововведение должно было стимулировать максимальное хозяйственное использование всех доступных земель. Однако оно имело смысл только в случае достаточной обеспеченности колхозов рабочей силой и оснащенности МТС техникой. Дефицит и того и другого в годы войны неизбежно вел к переобложению артелей обязательными поставками. В наименее благоприятных условиях колхозы требовали от работников высокой интенсивности трудозатрат, но при этом не могли обеспечить даже минимальной их компенсации.

Тем не менее обстоятельства были разными. Например, по показателю нагрузки облагаемой земельной площади на один крестьянский двор колхозы находились в неравных условиях. В Новосибирской области она колебалась от 2 га в одних колхозах до 30 га и выше в других⁴⁰. Столь же разными были и объемы трудозатрат, которые требовались от одного крестьянина для поддержания экономики артели. Высокая нагрузка облагаемой земельной площади могла обесмыслить в глазах колхозников участие в артельных работах. Каждый из работников соотносил степень необходимых индивидуальных и коллективных трудозатрат с возможным доходом и потребностями семьи. В наименее благоприятных условиях добросовестное участие в артельном хозяйствовании не сулило ничего, кроме сверхинтенсивного труда без перспективы получить достаточный для выживания доход. В таких

³⁹ ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 248–252.

⁴⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 146.

«бесперспективных» артелях в первую очередь возникали проблемы с трудовой дисциплиной. Приведем типичное описание таких колхозов, содержащееся в справке прокуратуры Новосибирской области о выполнении постановления СНК СССР «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» от 25 февраля 1944 г.: «Организация труда поставлена отвратительно. Как правило, накануне рабочего дня правлениями колхозов наряды на работу не составляются. Назначения на работу даются только утром путем подворных обходов, разыскивания отдельных колхозников, вызова их в контору колхоза. При такой постановке трудовая дисциплина падает; лодыри и тунеядцы приступают к порученной им работе в 10–11 часов утра. В период рабочего дня не контролируются. Работу кончают, не выполнив заданий, в 3–4 часа дня и зачастую остаются безнаказанными»⁴¹.

Формы кооперации и учета труда в колхозе не позволяли с точностью определить индивидуальный вклад в производство каждого из работников. Это позволяло крестьянам экономить собственный трудовой ресурс, прибегая к разнообразным практикам имитации труда, некачественного и несвоевременного выполнения работ. В.Г. Венжер приводит рассказ И. Маляки, работавшей в колхозе им. Тараса Шевченко Омской области: «Учет у нас поставлен плохо. Работу не замеряют. Нас несколько женщин работало на скирдовании. Первый день мы работали средне, не особенно старались. Вечером приходит учетчик и записывает нам по 1,16 трудодня. Мы говорим ему, что это мало, мы сделали больше. А он отвечает, ничего, я вас не обижу. На следующий день мы почти не работали, пролежали и проговорили. Вечером опять приходит учетчик и пишет нам по 1,16 трудодня. На третий день надоело нам лежать и я говорю: “Ну, бабы, давайте поработаем по-настоящему!” Страсть захотелось поработать, тут никаких норм на нас не хватит. Опять приходит учетчик и пишет нам по 1,16 трудодня. Вот какой у нас учет»⁴².

Уравнильность в начислении трудодней, невнимание к качеству выполненных работ бросались в глаза горожанам, которых мобилизовали в помощь колхозам на полевые работы. Приведем отрывок из докладной записки Г.И. Голика, возглавлявшего бригаду Облгосстраха, направленную на уборочные работы в колхоз «Красный маяк» Новосибирской области в 1941 г.: «Тов. Корниенко (бригадир) не знает своих людей, не интересуется, кто из них как работает, как он живет и в чем нуждается. Ко всем он относился в одинаковой мере грубо, занимается дерганьем рабочей силы с одной работы на другую <...> При чем работа принимается им безо всякого учета – на глазок. Табель трудодней в большинстве случаев составляется со слов самих работающих, а нередко и самостоятельно, как говорит он – “приблизительно”. Поэтому нередко получается, что лентяи вырабатывают трудодней больше, нежели честные колхозники, а лучшие люди наоборот. Только поэтому передовые колхозники не желают работать в его бригаде, он противопоставляет людей сам себе <...> А в силу этого бывают случаи, а вернее имеются такие случаи, когда отдельные колхозники, хорошо ранее работающие, начали плохо работать, говоря, что все равно “работай хорошо или плохо, но больше не заработаешь”. А от этого страдает и дело в колхозе»⁴³.

В целом нагрузка колхозной работы на одного трудоспособного в годы войны возросла. Уход мужчин на службу в армию или на работу в промышленность перекладывал основную тяжесть артельных повинностей на остаток сельского населения. В Омской области среднее количество трудоспособных на один колхоз сократилось со 114 чел. на начало 1941 г. до 80 чел. к 1943 г. (или на 30 %). Количество мужчин за это же время снизилось на 70 %⁴⁴. В связи с этим резко возросла нагрузка посевных площадей на одного трудоспособного: с 5,5 га в 1940 г. до 7,1 га в 1942 г. (в некоторых колхозах нагрузка доходила до 17,5 га)⁴⁵. Количество выработанных трудодней на одного работника (не считая подростков) увеличилось с 296 в 1940 г. до 321 в 1942 г. Средняя выработка у мужчин увеличилась на 21 трудодень, у женщин – на 76 трудодней. Наибольший прирост трудодней в 1940–1942 гг. произо-

⁴¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 184. Л. 87.

⁴² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3316. Л. 75–76.

⁴³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 360. Л. 144.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 293. Л. 49.

⁴⁵ Там же. Л. 56.

шел по категории подростков. В среднем подросток в 1942 г. выработал на 80 трудодней больше, чем в 1940 г. Всего в 1942 г. колхозниками было выработано 140 072 трудодня, что составляло 94,9 % по отношению к 1940 г.⁴⁶

Несмотря на то, что экономика большинства колхозов находилась в плачевном состоянии, для крестьянской семьи сохранение связи с артелью оставалось жизненно важным. Пускай эта связь и не означала желание трудиться с полной самоотдачей, а зависимость семьи только от колхозных доходов грозила голодной смертью. Принадлежность к колхозу открывала доступ к пользованию личным подсобным хозяйством, а также к интеграции в межсемейные сети взаимопомощи, скреплявшие родственников и односельчан. Кроме того, слабый государственный контроль над колхозной продукцией и ресурсами позволял, хотя и в нарушение закона, присваивать себе их часть. Такие нежелательные для государства проявления колхозной жизни все-таки предотвращали даже «отстающие» колхозы от полного распада.

Заключение. Экономика колхозного двора строилась на неформальных взаимоотношениях внутри крестьянской семьи и подчинялась задаче совместного выживания ее трудоспособных и нетрудоспособных членов. В отличие от колхоза, вклад каждого в общий доход был заметен и жизненно важен. Даже временная потеря основного работника могла внести непоправимый дисбаланс в экономику двора. Под угрозой такой перспективы активировались межсемейные сети взаимопомощи.

Распределение труда и обязанностей подчинялось внутренней логике и рациональности семейного хозяйственного уклада. Активность участия одного или нескольких членов семьи в колхозном производстве зависела от степени доходности таких трудозатрат и доступности альтернатив (торговля на рынке, сезонные работы по найму и т.д.). Государство, наращивая мобилизационное давление на колхозную деревню, шло по пути ограничения альтернативных способов получения дохода и усиления принудительных мер. Последние скорее затрудняли для крестьян борьбу за выживание, а поэтому наталкивались на различные формы пассивного сопротивления (имитация труда, некачественное и несвоевременное выполнение работ). То, в чем власть усматривала «тунеядство» и «отлынивание» от работы, на наш взгляд стоит расценивать как вполне рациональное крестьянское поведение, позволявшее высвободить часть ограниченного семейного трудового ресурса, которую можно было направить на борьбу за выживание. Труд в ЛПХ в этом отношении приносил наибольшую пользу. Однако и здесь государство нашло возможность использовать крестьянские ресурсы в своих интересах. Чтобы вынудить колхозников продавать часть продукции на рынке, государство использовало налоговый механизм. Тем не менее крестьянские семьи были привязаны к колхозам. Членство в них гарантировало право на владение ЛПХ. Однако существовала и неформальная сторона – прямой доступ к продукции и другим ресурсам артели открывал возможности для незаконного их присвоения.

Литература

Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Ин-т истории, 1993. 243 с.

Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 457 с.

Зинич М.С. Будни военного лихолетья, 1941–1945. Вып. 1. М.: ИРИ, 1994. 125 с.

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: Ин-т истории ОИИФФ СО РАН, 2004. 165 с.

Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. 221 с.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 293. Л. 58.

Куманев Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005. 632 с.

Мотревич В.П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.

Рыков А.В. Социальная структура сельского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: состав, правовое и материальное положение // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 121–131.

Рыков А.В. Торговля крестьян периферийных районов Алтайского края в соседних регионах как адаптационная практика в годы Великой Отечественной войны по материалам устной истории // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 187–195. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-16.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945 / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. 470 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы / отв. ред. В. Данилов. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2: 1938–1939. 701 с.

Шарапов С.В. «...Ну, брат Вася, мне приходится здесь погибать, в Сибири»: голод в сельской местности Новосибирской области в 1940-е годы // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 163–176. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

References

Aniskov, V.T. (1993). *Zhertvennyy podvig derevni. Krest'yanstvo Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Sacrificial Feat of the Village. Peasantry of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 243 p.

Arutyunyan, Yu.V. (1970). *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet Peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka. 457 p.

Danilov, V. (Ed.). (2006). *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. Tom 5: 1937–1936. Kniga 2: 1938–1939* [Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. Documents and Materials. Vol. 5: 1937–1936. Book 2: 1938–1939]. Moscow, ROSSPEN. 701 p.

Il'nykh, V.A. (2004). *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoj derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh godov* [Taxation of the Siberian Village. Late 1920s – Early 1950s]. Novosibirsk, Institut istorii OIFF SO RAN. 165 p.

Il'nykh, V.A., Kavtsevich, O.K. (Eds.). (2011). *Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1930-e gg.: dokumental'no-monograficheskoe izdanie* [Agrarian Policy of the Soviet State and Siberian Agriculture in the 1930s: Documentary and Monographic Publication]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 608 p.

Kornilov, G.E. (1990). *Ural'skaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 g.)* [Ural Village during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 221 p.

Kumanev, G.A. (2005). *Govoryat stalinskie narkomy* [Stalin's Commissars Say]. Smolensk, Rusich. 632 p.

Livshin, A.Ya., Orlov, I.B. (Comp.). (2003). *Sovetskaya povsednevnost' i massovoe soznanie 1939–1945* [Soviet Everyday Life and Mass Consciousness 1939–1945]. Moscow, ROSSPEN. 470 p.

Motrivic, V.P. (2021). *Vklad v Pobedu: sel'skoe khozyaystvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Contribution to the Victory: Ural Agriculture during the Great Patriotic War]. Yekaterinburg, Al'fa Print. 700 p.

Rykov, A.V. (2019). *Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya Altayskogo kraja v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sostav, pravovoe i material'noe polozhenie* [Social Structure of the Rural Population of Altai Krai during the Great Patriotic War: Composition, Legal and Material Situation]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 3 (23), pp. 121–131.

Rykov, A.V. (2020). Torgovlya krest'yan periferiynykh rayonov Altayskogo kraya v sosednikh regionakh kak adaptatsionnaya praktika v gody Velikoy Otechestvennoy voyny po materialam ustnoy istorii [Trade of Peasants of Peripheral areas of Altai Krai in Neighboring Regions as an Adaptation Practice during the Great Patriotic War on the Materials of Oral History]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 5 (13), pp. 187–195. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-16.pdf> (date of access 07.02.2025).

Sharapov, S.V. (2024). "...Nu, brat Vasya, mne prikhoditsya zdes' pogibat', v Sibiri": golod v sel'skoy mestnosti Novosibirskoy oblasti v 1940-e gody ["...Well, Brother Vasya, I have to Die Here, in Siberia": Famine in Rural Areas of the Novosibirsk Region in the 1940s]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 4(36), pp. 163–176. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-13.pdf> (date of access 07.02.2025).

Zinich, M.S. (1994). *Budni voennogo liholet'ya, 1941–1945* [Everyday Life of the Military Hardship, 1941–1945]. Iss. 1. Moscow, IRI. 125 p.

Н.Н. Мельников*

**СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАФТАНОВ
И УПРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ НАУКОЙ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-10
УДК 94(47).084.8"1941/1945"*Выходные данные для цитирования:**Мельников Н.Н. Сергей Васильевич Кафтанов и управление советской наукой в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 132–140. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-10.pdf>*

N.N. Melnikov*

**SERGEY VASILIEVICH KAFTANOV KAFTANOV
AND THE MANAGEMENT OF SOVIET SCIENCE
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-10

*How to cite:**Melnikov N.N. Sergey Vasilievich Kaftanov and the Management of Soviet Science during the Great Patriotic War // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 132–140. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-10.pdf>]*

Abstract. In the early days of the Great Patriotic War, Sergey Vasilievich Kaftanov became the commissioner of the State Defense Committee for the Coordination and Strengthening of scientific work in the field of chemistry and headed the Scientific and Technical Council of the largest chemists and chemical technologists. Until the end of 1942, S.V. Kaftanov did not give up trying to spread his influence throughout Soviet science and lead all scientific research in the country. Famous scientists of the USSR were often involved in this process. However, the country's top leadership strongly rejected these initiatives. At the beginning of 1943, S.V. Kaftanov received a new direction of his activity – overseeing the atomic project. Interestingly, there is a strong tradition in Russian historical literature to consider S.V. Kaftanov the leader of all Soviet science during the war period. Although this directly contradicts the facts. As a result of the work of the Commissioner and the Council, during the first year and a half of the military conflict, the research topics of chemical institutes and laboratories of higher educational institutions were largely reoriented to developments related to strengthening the country's defense capability. Many projects implemented during this period have been successfully completed and put into production. All this suggests that S.V. Kaftanov, as an authorized representative of the State Defense Committee, actively participated in various projects and had a significant impact on the development of Soviet science and industry during the war.

Keywords: The Great Patriotic War, S.V. Kaftanov, science, chemistry.

The article has been received by the editor on 13.03.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В первые дни Великой Отечественной войны Сергей Васильевич Кафтанов стал уполномоченным Государственного комитета обороны (ГКО) по вопросам координации и усиления научной работы в области химии и возглавил Научно-технический совет из крупнейших ученых химиков и химиков-технологов. Вплоть до конца 1942 г. С.В. Кафтанов не оставлял попыток распространить свое влияние на всю советскую науку и возглавить все научные изыскания в стране. Часто к этому процессу подключались известные ученые СССР. Однако высшее руководство страны

* **Никита Николаевич Мельников**, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, e-mail: meln2011kit@gmail.com
Nikita Nikolaevich Melnikov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academia of Sciences, Yekaterinburg, Russia, e-mail: meln2011kit@gmail.com

всячески отклоняло эти инициативы. В начале 1943 г. С.В. Кафтанов получил новое направление своей деятельности – курирование атомного проекта. Интересно, что в отечественной исторической литературе сложилась устойчивая традиция считать С.В. Кафтана руководителем всей советской науки военного периода. Хотя это прямо противоречит фактам. В результате работы уполномоченного и совета в течение первых полутора лет военного конфликта тематика исследований химических институтов и лабораторий высших учебных заведений в значительной мере была переориентирована на разработки, связанные с укреплением обороноспособности страны. Многие проекты, реализованные за этот период, были успешно завершены и переданы для внедрения в производство. Все это говорит о том, что С.В. Кафтанов, будучи уполномоченным ГКО, активно участвовал в различных проектах и оказывал значительное влияние на развитие советской науки и промышленности в годы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, С.В. Кафтанов, наука, химия.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025 г.

С началом Великой Отечественной войны руководство СССР осознало необходимость регулирования и координации научной деятельности в рамках разработки и производства различных видов вооружений и в деле укрепления обороноспособности страны. Необходимо было переориентировать научно-исследовательскую работу в изменившихся обстоятельствах. Практически сразу в качестве одного из основных регуляторов развития научных изысканий стал председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы С.В. Кафтанов. Однако его амбиции начали распространяться далеко за пределы вверенных ему полномочий.

Исследования, посвященные истории советской науки в целом и деятельности С.В. Кафтана в частности, имеют широкое распространение¹. В научной литературе произошло интересное изменение в определении должности и роли Сергея Васильевича в части управления научной деятельностью военного периода. В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» С.В. Кафтанов указывается как уполномоченный ГКО в области химии². Но впоследствии в отечественной историографии советского и постсоветского периодов утвердилось мнение, что С.В. Кафтанов руководил не только химией, но всей советской наукой в годы войны: «...по указанию И.В. Сталина уполномоченным по науке был утвержден <...> С.В. Кафтанов»³; «...уполномоченного ГКО по науке С.В. Кафтана»⁴; «...его опыт работы уполномоченным по науке Государственного Комитета Обороны в годы войны»⁵. Часто авторы, ссылаясь на «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза», продолжают по уже устоявшейся традиции обозначать С.В. Кафтана как руководителя всей советской наукой⁶. Сам С.В. Кафтанов очень аккуратно обходил этот вопрос, стараясь не упоминать полного наименования своей долж-

¹ Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 2000; Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 3-е изд., доп. М.; Л., 1964; Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2: Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). С. 540–541.

³ Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны... С. 44.

⁴ Быковская Г.А. Положить все силы на то, чтобы безумный и опасный враг был уничтожен // Военно-исторический журнал. 2007. № 3. С. 10.

⁵ Деманов А.А. Послевоенная модель управления наукой в СССР: исторический опыт функционирования // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2016. С. 85.

⁶ Белозеров Б.П. Патриотизм научно-технической интеллигенции в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2008. № 1 (40). С. 55; Гусев Б.В., Макаров П.В., Покатов А.В. Наука – военная экономика – победа // Российский экономический журнал. 2015. № 1. С. 97–98.

ности: «...было решено создать при ГКО своего рода научный штаб, научно-технический совет. Возглавить его <...> было поручено мне в качестве уполномоченного ГКО»⁷.

Для анализа работы С.В. Кафтанова были использованы неопубликованные документы из фонда В.М. Молотова, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории. Через В.М. Молотова, который занимал должности заместителя председателя Совета народных комиссаров, члена Политбюро и Государственного комитета обороны, проходило множество документов, связанных с экономикой и наукой Советского Союза. В частности, именно через Вячеслава Михайловича Кафтанов пытался влиять на решения Сталина.

6 июля 1941 г. С.В. Кафтанов был назначен уполномоченным Государственного комитета обороны по вопросам координации и усиления научной работы в области химии. А 10 июля решением ГКО № 88 было утверждено «Положение об уполномоченном...»⁸. Одновременно при уполномоченном создан Научно-технический совет из крупнейших ученых химиков и химиков-технологов⁹.

Как уполномоченный С.В. Кафтанов координировал прежде всего вопросы организации разработок в области химии и не стал формальным руководителем всех исследований в военной сфере. Однако впоследствии и он сам, и некоторые деятели науки неоднократно поднимали вопрос о создании центра по единому научному руководству разработками в сфере обороны страны.

1 августа 1941 г. депутат Верховного Совета СССР академик В.Н. Образцов направил члену ГКО В.М. Молотову письмо, где прямо указал на необходимость создания такого центра при Комитете обороны. Академик писал: «В настоящее время все изобретения, рационализаторские предложения, высокоценные и часто легко осуществимые научные предложения – не имеют совершенно объединяющего центра и даже общей информации. Благодаря этому идет большой параллелизм в работе, повторение уже изобретенного <...> и часто многократный просмотр предложений заведомо негодных. Наряду с этим ценные предложения, требующие небольших опытных проверок, изготовления опытных образцов, не могут быть выполнены за отсутствием средств или отсутствием завода-исполнителя». В.Н. Образцов сослался на практику Великобритании, США и Германии, где еще в результате опыта Первой мировой войны были созданы объединяющие центры по всей научно-исследовательской и изобретательской работе. В таких централизованных органах были собраны крупнейшие гражданские и военные специалисты. Академик Образцов считал, что создание подобного ведомства в СССР может значительно повысить результативность научной и изобретательской работы¹⁰.

С этой же идеей в ноябре 1941 г. к В.М. Молотову обратились заместитель председателя СНК (а с февраля 1942 г. – нарком химической промышленности) М.Г. Первухин и С.В. Кафтанов. Они настаивали на необходимости расширения объемов деятельности уполномоченного ГКО по вопросам научной работы, организовав научно-технический Совет при уполномоченном по всем отраслям наук. Однако Вячеслав Михайлович отверг это предложение: «...лучше работать через отдельные группы специалистов, удобнее с т.[очки] зр.[ения] секретности»¹¹.

В середине октября 1942 г. С.В. Кафтанов вновь вернулся к попытке создать централизованный орган по координации, планированию и усилению научной работы. В своем обращении к Молотову и Сталину он настаивал на расширении своей деятельности и в очередной раз предложил учредить Научно-технический комитет при ГКО. Сергей Васильевич указал на существование и успешную работу подобных органов в США (Научно-исследовательский комитет по вопросам национальной обороны) и в Британии

⁷ Кафтанов С.В. По тревоге // Химия и жизнь. 1985. № 3. С. 6.

⁸ Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог: в 2 т. Т. 1. М., 2015. С. 43, 52.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 873. Л. 137.

¹⁰ Там же. Л. 1–2.

¹¹ Там же. Д. 862. Л. 7.

(Научно-совещательный комитет). Уполномоченный ГКО утверждал, что его полностью поддерживают академики П.Л. Капица, А.Ф. Иоффе, А.Н. Фрумкин, Н.Н. Семенов и др.¹²

По мнению С.В. Кафтanova, такой комитет должен был сконцентрировать в себе решение всех задач по управлению работой институализированных научных учреждений и отдельных изобретателей, организуя их работу по вопросам, связанным с обороной страны. Более того, Научно-технический комитет должен был распространять свою деятельность на Академию наук СССР, Академии наук союзных республик, все научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения наркоматов и ведомств. Уполномоченный ГКО считал, что для успешной работы Комитет мог иметь в своем распоряжении специальный денежный фонд для финансирования срочных внеплановых изысканий и организации промышленных опытных работ межведомственного характера¹³. Следовательно, С.В. Кафтанов хотел создать своеобразный «наркомат науки СССР», который бы позволил сосредоточить в руках уполномоченного ГКО колоссальные ресурсы по управлению всей научной сферой Советского Союза, включая структуру академической науки.

Кафтанов попытался проиллюстрировать проблемы управления научными исследованиями на втором году войны, когда «многие ученые и даже крупные научно-исследовательские учреждения страны работают еще недостаточно эффективно, а иногда и бесполезно вследствие незнания конкретных нужд и запросов промышленности и армии, а также сырьевых и технических возможностей народного хозяйства». Сергей Васильевич привел два примера. В первом случае – Институт тонкой химии (Москва) поставил работу о замене гликоля гораздо более дефицитными пиридиновыми основаниями (пиридин изготавливается из каменноугольной смолы) как основы охлаждающей жидкости для двигателей. Как мы увидим ниже, каменноугольного сырья катастрофически не хватало даже для производства взрывчатых веществ. Во втором случае С.В. Кафтанов сослался на группу работников Уральского научно-исследовательского института основной химии (видимо это современный Уральский научно-исследовательский химический институт в Екатеринбурге), которая в качестве средств, способных остановить танки противника, предложила использовать соединение брома и йода. Для реализации этого начинания группа запросила 8 тонн «чрезвычайно дефицитных» бромистых солей¹⁴.

Оба эти случая произошли именно в учреждениях, напрямую подчиненных С.В. Кафтанову как уполномоченному ГКО по вопросам координации и усиления научной работы в области химии. Оба института занимались непосредственно химическими исследованиями. Для контроля и недопущения подобных ситуаций у С.В. Кафтanova уже в тот момент было вполне достаточно возможностей и полномочий. Довольно странно, почему вместо попытки решить эти ситуации положительно и обеспечить институты необходимой работой уполномоченный ГКО решил ими воспользоваться для иллюстрации необходимости расширения своих управленческих возможностей.

Это была не последняя попытка Сергея Васильевича осуществить свой проект по управлению советской наукой, обнаруженный нами. В конце ноября 1942 г. ученые-химики, работавшие с С.В. Кафтановым как с уполномоченным ГКО по координации научно-исследовательских работ в области химии¹⁵, написали на имя Сталина обращение, где обосновывали необходимость создания Научно-технического комитета при Государственном комитете обороны. Среди прочих задач, которые должен выполнять комитет,

¹² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 873. Л. 137–139.

¹³ Там же. Л. 141–142.

¹⁴ Там же. Л. 138.

¹⁵ Это обращение подписали: член техсовета при уполномоченном ГКО, д-р хим. наук, профессор Московского химико-технологического института З.А. Роговин; д-р хим. наук, профессор МХТИ Н.М. Жаворонков; д-р хим. наук, профессор, руководитель лаборатории Научно-исследовательского физико-химического института В.В. Коршак; д-р хим. наук, доцент МХТИ К.Ф. Фомич; канд. хим. наук, профессор Московского государственного педагогического института С.А. Балезин. Они работали в аппарате Уполномоченного ГКО С.В. Кафтanova. В их биографиях часто встречается упоминание о работе или Уполномоченным ГКО (это явное преувеличение их заслуг), или помощником Уполномоченного. Впоследствии эти ученые так или иначе участвовали в реализации советского атомного проекта.

подписанты указали одну, ранее не упоминавшуюся в других подобных документах: «Организация научных работ, направленных на восстановление народного хозяйства в послевоенный период»¹⁶. Это очень похоже на то, что С.В. Кафтанов и его подчиненные всерьез думали о своей роли в послевоенном будущем страны. Однако обращение ученых-химиков было передано тому же Молотову и фактически осталось без ответа.

Осенью 1942 г. все же состоялась некоторая институализация деятельности С.В. Кафтanova в области развития информации о производстве вооружений. Государственный комитет обороны 19 октября принял решение создать при ГКО постоянную комиссию по обмену с США и Великобританией военно-технической информацией в соответствии с ранее принятыми двусторонними соглашениями о предоставлении друг другу оборонной информации. Но возглавил эту комиссию В.А. Малышев¹⁷. С.В. Кафтанов получил должность заместителя председателя. Третьим членом комиссии стал академик В.П. Никитин, один из крупнейших в стране специалистов по теории электросварки, который с 1940 г. занимал пост председателя Совета научно-технической экспертизы при Госплане СССР¹⁸, а с 1941 г. – заместителя председателя Госплана.

Комиссия должна была через соответствующие комиссариаты и другие ведомства СССР готовить запросы к США и Великобритании по вопросам военно-технической информации, представляющей для СССР интерес в сфере производства вооружений, обеспечивать получение этой информации со стороны союзников и контролировать ее использование. Параллельно комиссии вменялась передача подобной информации для США и Великобритании со стороны советской промышленности и вооруженных сил¹⁹.

Несмотря на достаточно широкую работу уполномоченного ГКО, осуществляемую де-факто не только в исследованиях в области химии, советское научное сообщество действительно требовало серьезной реорганизации исследовательской деятельности в условиях войны. В конце мая 1942 г. вице-президенты Академии наук СССР академики А.Ф. Иоффе и Л.А. Орбели и академик-секретарь Президиума Академии наук Н.Г. Бруевич (он же был первым заместителем С.В. Кафтanova на посту председателя Комитета по делам высшей школы) от имени всего Президиума Академии наук направили заместителю председателя ГКО В.М. Молотову письмо, где подробно изложили проблемы организации развития советской науки в условиях военного времени.

Президиум свел все работы Академии в шесть групп. Первая группа объединяла исследования в области новых боевых и защитных средств (темы «Пневматическая противотанковая мина», «Исследования боевых горючих жидкостей», «Газосигнализатор», «Получение нейтрального гипохлорида кальция» и др.). Вторая группа занималась вопросами создания новой оборонной техники (темы «Устройство для шифрования телефонной связи», «Прямоточный воздушно-реактивный двигатель», «Сухие аккумуляторы для авиации» и др.). Третья группа изучала возможности повышения артиллерийского огня (темы «Устойчивость вращательного движения снаряда» и «Учет влияния метеорологических факторов на определение положения звучащей цели звукометрическим методом»). Пятая группа²⁰ рассматривала вопросы изыскания новых материалов (заменителей) и интенсификации оборонных производств (темы «Синтез новых клеящих веществ»,

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 873. Л. 145–146.

¹⁷ В.А. Малышев до 14 июля 1942 г. возглавлял Наркомат танковой промышленности, но временно сдал этот пост директору Кировского завода И.М. Зальцману. 28 июня 1943 г. Малышев вернулся на должность наркома. Соответственно, в обозначенный выше период он как раз оказался свободен от оперативного управления танковой промышленностью СССР. Поэтому его организаторские способности оказались вполне применимы в организации обмена военно-технической информацией с союзниками.

¹⁸ Постановление Совета Народных Комиссаров. О создании Совета научно-технической экспертизы при Госплане Союза ССР. 27 января 1940 г. № 134.

¹⁹ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: док-ты и мат-лы. М., 2020. Т. 5. Ч. 1. Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – 1945). С. 648.

²⁰ В документе пропущена четвертая группа тем. При перечислении пунктов после третьей группы сразу следует описание пятой. См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 873. Л. 110.

«Получение толуола из гептаново-метилциклогексановой фракции бензинов прямой гонки», «Получение безуглеродистого феррохрома», «Загущенные легкие масла» и др.). Шестая группа объединяла разные темы («Устойчивость самолета при движении по земле»).

Первые три темы имели прямое оборонное значение. Поэтому они выполнялись в тесном контакте с Главными управлениями Наркомата обороны и Наркомата военно-морского флота и учитывали их тактико-технические требования. Однако, указывал Президиум, для успешного и быстрого выполнения работ, как об этом свидетельствовала практика проведения их в условиях военного времени, необходимо не только уточнение требований военных организаций, но и внесение целого ряда корректив в эти запросы, вытекающих из развития работ. А для этого был необходим более тесный контакт исполнителей с компетентными представителями заинтересованных военных организаций, вместе с которыми вносились бы те или иные изменения.

Президиум Академии наук считал, что для этой цели следовало создать прикрепление в качестве постоянных представителей Академии наук и ведущих работников Главных управлений НКО и НКВМФ, что позволит совершать со стороны специалистов в соответствующей области более частый и систематический контроль академических учреждений, выполняющих оборонные задания, и детальное ознакомление с текущим состоянием дел. В качестве примера было указано на установление тесной связи с Артиллерийским управлением РККА и Химическим управлением ВМФ, представители которых неоднократно бывали в учреждениях Академии наук в военное время.

В то же время для обеспечения успешного выполнения оборонных работ Президиум считал, что ему необходимо усилить свои организационные и контрольные функции. Решением СНК еще в сентябре 1939 г. при Президиуме была создана специальная группа, предназначенная для указанных функций. Но к моменту написания данного письма при количественно возросшем объеме работ эта группа не могла справиться с возложенными на нее обязанностями. Авторы письма указывали на потребность преобразования данной структуры в Отдел оборонных исследований с расширением его основных функций.

Представленные в письме работы уже вышли из стадии лабораторной проработки. Но академические учреждения, располагая хорошим оборудованием и оснащенными лабораториями, не имели сколько-нибудь солидной технической базы для осуществления экспериментов большого (полузаводского) масштаба. Это касалось исследований, заканчивающихся разработкой технологических процессов и исследований, имеющих задачу создания тех или иных образцов. На завершающем этапе изучения таких вопросов требовалось участие конструкторов-инженеров, хорошо оборудованных мастерских и наличие широкого круга фондируемых материалов (цветных металлов, легированных сталей и пр.). Всего этого было более чем достаточно у промышленных объединений и отдельных предприятий.

В этой связи Президиум указывал, что задержки с завершением работ чаще всего объясняются тем, что наркоматы затрудняются в предоставлении для академических организаций заводских установок, обычно занятых выполнением текущих производственных заданий. Именно поэтому, например, Институт горючих ископаемых не мог завершить исследования по высокооктановому моторному топливу. Для этих работ наиболее подходящей точкой проверки результатов был бы Уфимский нефтеперегонный завод, но он не мог предоставить свое оборудование.

В качестве выхода из сложившейся ситуации Президиум предлагал создание при Академии наук опытного завода, который бы имел широкий круг производственно-технических возможностей: механический, литейный, слесарный, деревообделочный, точной механики, электротехнический, оптический цеха. Это предприятие сможет выполнять целый комплекс научно-исследовательских работ и участвовать в создании и ремонте приборов.

В заключение Президиум указал на проблему, которая во многом схожа с неоднократными обращениями С.В. Кафтanova в ГКО с предложением создать Научно-технический комитет, – отсутствие в стране единого органа, который собирал бы отчетные материалы по всем научно-исследовательским работам, проводимым в исследовательских учреждениях страны. Помимо задачи сохранения фондов завершенных и осуществляемых изысканий, этот комитет выполнял бы функции научно-технической информации. Обращаясь в такой орган, любое научно-исследовательское учреждение могло бы получить справку о возможной подобной деятельности и их результатах, что предотвратило бы дублирование и помогало бы в наиболее успешном решении поставленных задач²¹. Однако такого координирующего комитета в годы войны так и не было создано.

С началом 1943 г. попытки С.В. Кафтanova возглавить управление советской наукой прекратились. 11 февраля вышло распоряжение ГКО, касающееся развития работ по урану. Теперь Сергей Васильевич совместно с наркомом химпрома Первухиным должен был курировать развитие советского атомного проекта²².

Тем не менее С.В. Кафтанов оказался тем человеком, через которого в поле зрения ГКО попадали не только исследования в области химии, но и в других технических науках. С.В. Кафтанов как уполномоченный ГКО продолжал руководить Научно-техническим советом, состоящим из крупнейших ученых и технологов-химиков. В этом качестве С.В. Кафтанов безусловно влиял на работу важнейших научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений страны, таких как Академия наук СССР, Московский государственный университет, Всесоюзный институт экспериментальной медицины, Научно-исследовательский физико-химический институт им. Карпова и многих других²³.

По словам самого С.В. Кафтanova, благодаря деятельности уполномоченного и совета в течение первых полутора лет войны тематика исследовательских работ химических институтов и лабораторий вузов в значительной степени была заменена разработками, связанными с обороной страны. Многие работы за указанный период были закончены и переданы для промышленного освоения. Например, были организованы или находились в стадии завершения организации различные виды производств, необходимых для развития промышленного изготовления взрывчатых веществ: новый метод получения жидкого кислорода, карбинола (метанола), нитроксилитана. Разрабатывались вопросы расширения сырьевой базы для производства взрывчатых веществ (прежде всего этилена) и технологии промышленного получения тринитробензола.

Была проведена масштабная работа по созданию производств синтетических каучуков (хлоркаучука, нитрильного каучука, тиокола – полисульфидного каучука). Искусственные виды каучука (технической резины, обладавшей специальными свойствами) были предельно важным материалом для развития советского машиностроения (прежде всего военного) в годы Великой Отечественной войны. Советская индустрия в результате действий противника в 1941–1942 гг. потеряла большую часть западных производств, среди которых были основные предприятия резинотехнической и шинной промышленности. Без восполнения этих ресурсов за счет создания аналогичных мощностей на востоке страны невозможно было развивать такие важнейшие отрасли как, самолето- и танкостроение, которые требовали различного вида резинотехнические изделия. Важной составляющей работы С.В. Кафтanova было содействие разработке и внедрению в серийное производство антифризов (незамерзающей жидкости) для авиамоторов и наземного транспорта, организация и внедрение работ по ингибиторам, получение заменителей жиров и масел и многое другое.

²¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 873. Л. 109–112.

²² Мельникова Н.В. Советский атомный проект: опыт кадрового обеспечения. М., 2022. С. 20.

²³ Интересно, что сам С.В. Кафтанов в этом списке указывает и Ленинградский политехнический институт. Однако представляется весьма сомнительным возможность влияния уполномоченного ГКО осенью 1942 г. на любую ленинградскую организацию в силу замкнутости системы управления городом в условиях существовавшей на тот момент блокады.

Все это свидетельствовало о широкой деятельности уполномоченного ГКО С.В. Кафтана (до его назначения на курирование атомного проекта) и его влиянии на развитие советской науки и рост промышленного производства в годы войны. Однако все попытки Сергея Васильевича возглавить управление всей советской наукой, которые он предпринимал на протяжении второй половины 1941 г. и в 1942 г., так и не увенчались успехом.

Литература

Белозеров Б.П. Патриотизм научно-технической интеллигенции в годы Великой Отечественной войны // *Клио*. 2008. № 1 (40). С. 55–57.

Быковская Г.А. Положить все силы на то, чтобы безумный и опасный враг был уничтожен // *Военно-исторический журнал*. 2007. № 3. С. 10–13.

Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог: в 2 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2015. Т. 1. 1222 с.

Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М.: ИРИ РАН, 2000.

Гусев Б.В., Макаров П.В., Покатов А.В. Наука – военная экономика – победа // *Российский экономический журнал*. 2015. № 1. С. 92–99.

Деманов А.А. Послевоенная модель управления наукой в СССР: исторический опыт функционирования // *Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. мат-лов III Всерос. науч. конф.* Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. С. 81–90.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. / ред. комис. П.Н. Поспелов и др. М.: Воениздат, 1961. Т. 2: Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). 682 с.

История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: док-ты и мат-лы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2020. Т. 5. Ч. 1: Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945) / отв. сост. Т. В. Сорокина. 880 с.

Кафтано́в С.В. По тревоге // *Химия и жизнь*. 1985. № 3. С. 6–10.

Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 3-е изд., доп. М.; Л.: Наука, 1964.

Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. 382 с.

Мельникова Н.В. Советский атомный проект: опыт кадрового обеспечения. М.: РОССПЭН, 2022. 390 с.

References

Belozеров, B.P. (2008). Patriotizm nauchno-tehnicheskoy intelligentsii v gody Velikoy Otechestvennoy voynuy [Patriotism of the Scientific and Technical Intelligentsia during the Great Patriotic War]. In *Klio*. No. 1 (40), pp. 55–57.

Bykovskaya, G.A. (2007). Polozhit' vse sily na to, chtoby bezumnyy i opasnyy vrag byl unichtozhen [Put All Your Efforts to Ensure that the Insane and Dangerous Enemy is Destroyed]. In *Voенно-istoricheskij zhurnal*. No. 3, pp. 10–13.

Demанov, A.A. (2016). Poslevoennaya model' upravleniya naukoy v SSSR: istoricheskij opyt funktsionirovaniya [The Post-War Management Model of Science in the USSR: Historical Experience of Functioning]. In *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriya i sovremennost. Sbornik materialov III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya, pp. 81–90.

Gusev, B.V., Makarov, P.V., Pokatov, A.V. (2015). *Nauka – voennaya ekonomika – Pobeda* [Science – Military Economics – The Victory]. In *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No. 1, pp. 92–99.

Kaftanov, S.V. (1985). *Po trevoge* [On Alert]. In *Khimiya i zhizn'*. No. 3, pp. 6–10.

Levshin, B.V. (1983). *Sovetskaya nauka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet Science during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka. 382 p.

Melnikova, N.V. (2022). *Sovetskiy atomnyy proekt: opyt kadrovogo obespecheniya* [The Soviet Atomic Project: The Experience of Staffing]. Moscow, ROSSPEN. 390 p.

Pospelov, P.N. (Ed.). (1961). *Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuz 1941–1945 gg.: v 6 tomakh. Tom 2: Otrazhenie sovetskim narodom verolomnogo napadeniya fashistskoy Germanii na SSSR. Sozdanie usloviy dlya korennogo pereloma v voyne (iyun' 1941 g. – noyabr' 1942 g.)* [The History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945: In 6 Vols. Vol. 2: Reflection by the Soviet People of the Treacherous Attack of Nazi Germany on the USSR. Creating Conditions for a Radical Turning Point in the War (June 1941 – November 1942)]. Moscow, Voenizdat. 682 p.

Sorokin, A.K. (Ed.). (2015). *Gosudarstvennyy komitet oborony SSSR. Postanovleniya i deyatelnost. 1941–1945 gg.* [The USSR State Defense Committee. Regulations and Activities. 1941–1945]. Annotirovannyi katalog: v 2 t. Vol. 1. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 1222 p.

Сорокина, Т.В. (Comp.). (2020). *Istoriya sozdaniya i razvitiya oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii i SSSR. 1900–1963: Dokumenty i materialy. Tom 5. Chast 1: Oboronno-promyshlennyy kompleks SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (iyun' 1941–1945)* [The History of the Creation and Development of the Military-Industrial Complex of Russia and the USSR. 1900–1963: Documents and Materials. Vol. 5, Part. 1: Military-Industrial Complex of the USSR during the Great Patriotic War (June 1941 – 1945)]. Moscow, Knizhnyy Klub Knigovek. 880 p.

Л.Э. Мезит*

**РОЛЬ ШКОЛЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
СОВЕТСКОГО РЕБЕНКА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-11
УДК 908+37.014.7*Выходные данные для цитирования:*
Мезит Л.Э. Роль школы в повседневной жизни советского ребенка в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 141–148. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-11.pdf>

L.E. Mezit*

**THE ROLE OF SCHOOL IN THE DAILY LIFE
OF A SOVIET CHILD DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-11

How to cite:
Mezit L.E. The Role of School in the Daily Life of a Soviet Child during the Great Patriotic War // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 141–148. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-11.pdf>]

Abstract. The article analyzes the role of schools in the adaptation of the younger generation to new living conditions, the restructuring of the educational process at school, the material and personnel problems of teaching staff. The wide range of functions that the school performed during this period overloaded teachers, whose activities were strictly regulated and monitored. The role of a teacher's personality in the socialization of children during this difficult period is shown, in changing the forms of work with students in the classroom and outside its walls in order to achieve the goals of the school. It was revealed that a significant number of children continued their studies at school, often combining their studies with work on a collective farm or at an industrial enterprise. However, the dropout rate from schools during the war was significant, meaning that the law on universal education in the Krasnoyarsk Territory was not implemented satisfactorily. The rapid maturation of schoolchildren, due to having many responsibilities previously performed by parents, required the children to develop their own survival strategies, limiting but not eliminating children's entertainment. Despite the persistence of juvenile delinquency during the war years, most of the children grew up to be true patriots of the country, actively participating in mobilizing, socially useful activities conducted under the guidance of teachers. The state strictly controlled the activities of schools, because it clearly understood that the cohesion of society depends on the results of the work of teachers. The role of the school during the war period grew significantly in the lives of its students and their families.

Keywords: school, universal education, socially useful activities, timurovtsy, pioneers.

The article has been received by the editor on 14.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье показана роль школы в адаптации подрастающего поколения к новым условиям жизни. Анализируется перестройка учебно-воспитательного процесса в школе, материальные, кадровые проблемы педагогических коллективов. Широкий спектр функций, которые выполняла школа в данный период, привели к перегрузке учителей, деятельность которых жестко регламентировалась и контролировалась. Показана роль личности учителя в социализации ребят в этот сложный период,

* **Людмила Эдгаровна Мезит**, кандидат исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: mezit@yandex.ru
Lyudmila Edgarovna Mezit, Candidate of Historical Sciences, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: mezit@yandex.ru

в изменении форм работы с учащимися в классе и за его стенами, чтобы добиваться целей, стоящих перед школой. Выявлено, что значительное число ребят продолжило обучение в школе, часто совмещая учебу с работой в колхозе, на промышленном предприятии, однако отсев из школ на протяжении войны был значительным, поэтому закон о всеобуче в Красноярском крае выполнялся неудовлетворительно. Быстрое взросление школьников, обусловленное массой обязанностей, которые ранее выполняли родители, потребовало от ребят выработать собственные стратегии выживания, ограничив, но не отменив детские развлечения. Несмотря на сохранение в годы войны детской преступности, большая часть детей росла настоящими патриотами страны, активно участвуя в мобилизационных, общественно-полезных мероприятиях, проводимых под руководством учителей. Государство жестко контролировало деятельность школ, так как отчетливо понимало, что от результатов работы педагогов зависит сплоченность общества. Роль школы в военный период существенно выросла в жизни своих учеников и их семей.

Ключевые слова: школа, всеобуч, общественно-полезная деятельность, тимуровцы, пионеры.

Статья поступила в редакцию 14.01.2025 г.

Война кардинально изменила все сферы жизни советских граждан и особенно ребят, которым в силу объективных обстоятельств пришлось рано повзрослеть. Детские учреждения в сибирской провинции в военный период частично утратили статус сугубо образовательных учреждений, выполняя широкий спектр функций. Как и в довоенный период, государство стремилось максимально унифицировать деятельность школьных учреждений, массовых детских объединений, чтобы обеспечить сплоченность общества в годы войны вокруг общих идеалов и смыслов. В данной статье мы реконструируем регламентируемую повседневность ребят школьного возраста военного периода в Красноярском крае. Мы согласны с К.К. Ашеновой¹, относящую школьную повседневность к регламентируемой, так как учебно-воспитательный процесс школы регулировался постановлениями государственных органов: деятельность педагогов жестко контролировалась, на них возлагались мобилизационные, агитационно-пропагандистские мероприятия и т.п.

Историографию исследования детства принято делить на два периода: советский и постсоветский. В советской историографии основное внимание уделялось социальным институтам детства, особенно политике в сфере образования. Жизнь детей военной поры в этих работах рассматривалась в позитивном ключе как опыт государственной заботы о подрастающем поколении.

За последнее десятилетие появилось значительное количество работ, изучающих историю повседневности и феномен военного детства. В работах А.В. Шалака², А.П. Дворецкой³ дана характеристика реализации социальной политики в отношении детей на территории края в годы войны со всеми ее противоречиями и трудностями. В монографии В.В. Бибиковой дан обстоятельный анализ решения проблем всеобуча в годы войны⁴. Автор объективно характеризует причины провала всеобуча в Красноярском крае в военный период, трудности перестройки системы образования. В исследовании профессора Н.Я. Артамоновой⁵ обстоятельно и объективно анализируется положение эвакуированных

¹ Ашенова К.К. Советское детство: повседневная жизнь детей Омска (1961–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2018.

² Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири в 1940–1950. Иркутск, 2000.

³ Дворецкая А.П. Государственная политика по защите детства в период Великой Отечественной войны // Современные исследования социальных проблем. Вып. 2. Красноярск, 2000. С. 36–39.

⁴ Бибикова В.В. Выполнение закона о всеобуче в годы Великой Отечественной войны в Красноярском крае. Красноярск, 2016.

⁵ Артамонова Н.Я. Эвакуированные ленинградские детские интернаты в Хакасской автономной области // Великая Отечественная война в истории Енисейской Сибири: в 5 т. Красноярск, 2023. Т. 3: 1943 г. С. 141–160.

ленинградских детских домов в Хакасии в исследуемый период. Проблемы военной повседневности школьников Тюмени обстоятельно исследованы в работах и диссертации Д.А. Вычеровым⁶. Изменения в школьном образовании Западной Сибири в годы войны проанализированы в работе М.П. Дудкиной⁷. В работах Т.А. Катциной, Л.Э. Мезит описывается колоссальный масштаб беспризорности и безнадзорности в годы войны и пути искоренения этих девиаций⁸. Имеющийся на современном этапе корпус публикаций носит фрагментарный характер.

Любовь и преданность Отечеству в годы войны являлись мощным морально-политическим фактором, обеспечившим победу. Система образования в патриотическом воспитании граждан играла важнейшую роль. Поэтому вопросы образования всегда были в центре внимания партийно-советских органов. Эволюция школьной сети Красноярского края представлена в нижеприведенной таблице.

Таблица

Численность школ и учащихся в Красноярском крае в 1940–1944 гг.

Показатель	1940	1941	1942	1943	1944
Сеть школ, всего	2 962	2 876	2 956	3 066	3 126
Начальных	2 317	2 292	2 355	2 456	2 518
Семилетних	467	433	440	440	438
Средних	178	151	161	170	170
Всего учащихся	418 634	355 663	310 934	276 778	286 314

Составлено по: Очерки истории народного образования Красноярского края XVII – начало XXI вв. Красноярск, 2014. С. 216.

В городах школьные здания в основном были переданы эвакуированным предприятиям, учреждениям и поэтому все образовательные учреждения работали в две-три смены, а 40 школ края – в три смены. Школы в годы войны почти не ремонтировались, плохо отапливались, часто возникали проблемы с освещением. Поэтому ученики совместно с учителями проводили ремонт школ, чинили мебель, заготавливали дрова.

В ходе мобилизации на начальном этапе войны в действующую армию ушла значительная часть учителей, на смену им пришли менее квалифицированные неподготовленные кадры, все это осложняло перестройку системы образования в новых условиях. Еще в августе 1941 г. на августовских совещаниях учителей были намечены первые шаги по перестройке работы школ в условиях военного времени: обязательное выполнение всеобщего, так как армии и народному хозяйству нужны грамотные кадры; повышение качества учебно-воспитательной работы в условиях массовой мобилизации квалифицированных педагогических кадров; развертывание общественно-полезной работы школьников; перенос (кроме первоклассников) начала учебного года на более поздний период из-за массового привлечения ребят к полевым работам в сельском хозяйстве и пр.⁹

Реформирование учебно-воспитательного процесса в школе осуществлялось в два этапа. Первый этап (1941–1942 гг.) включал в себя комплекс организационных мероприятий,

⁶ Вычеров Д.А. Повседневная жизнь советских школьников тылового города в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Тюмени): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2023.

⁷ Дудкина М.П. Изменения в школьном образовании в 1941–1945 гг. (на материалах Западной Сибири) // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2, № 1 (15). С. 115–122.

⁸ Исправительно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних в Сибири в 1890–1940-е гг.: организационный, правовой, педагогический аспекты. Красноярск, 2020; Мезит Л.Э. Борьба с детской преступностью в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 77–83. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-07.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

⁹ Бибикова В.В. Выполнение закона о всеобщем в годы Великой Отечественной войны... С. 296.

направленных на сохранение школы, обеспечение всеобуча и организацию школьной деятельности в соответствии с условиями войны. Приоритетным направлением этого этапа являлась деятельность, направленная на реализацию программы всеобуча, которая с началом войны во многих районах края оказалась на грани срыва. Учитель Дзержинского района А.П. Семенов вспоминал, что тетрадей и карандашей не хватало, писали на уроках соком свеклы, черники в самосшитых тетрадях, изготовленных из старых книг, и использовали их в работе. Один учебник был на несколько учеников¹⁰.

Основными мероприятиями второго этапа школьной реформы военных лет (1943–1944 гг.) были: введение обучения с 7-летнего возраста, раздельное обучение мальчиков и девочек, отмена практики социалистического соревнования в школах среди учащихся и учителей по вопросам учебно-воспитательной работы. В крае не удалось в полном объеме справиться с поставленными задачами в силу объективных причин. Как вспоминала Ольга Лаврова, работавшая учительницей в г. Иланском в годы войны: «Учителя давали по 8–10 уроков. Новый материал нужно было давать так, чтобы ребята его не просто поняли, но и запомнили, так как домашние задания делать ребятам было некогда, масса домашней работы и общественных поручений, которые они выполняли, отсутствовал свет в домах»¹¹.

Руководители районных отделов образования констатировали объективные проблемы, негативно влияющие на качество учебно-воспитательной работы: в Енисейском районе испытывали дефицит учебников (особенно для начальной школы), тетрадей и карандашей. Во многих районах отсев учащихся, по сведениям управленцев, происходил из-за отсутствия одежды и обуви у учащихся, а у них – фонда всеобуча, чтобы помочь нуждающимся семьям собрать ребят в школу. Слабость методической работы констатировали не только руководители органов образования, но и работники краевого института усовершенствования учителей, так как сокращение программ, их актуализация с военными событиями не всем учителям оказались по силам¹². В осеннее и зимнее время из-за отсутствия керосина и света в вечернее время занятия не проводились, что приводило к невыполнению учебных программ¹³.

Всем членам школьного коллектива приходилось адаптироваться к чрезвычайным условиям, чтобы учебный процесс не прерывался. Из воспоминаний Ольги Лавровой, работавшей учительницей в г. Иланском в годы войны: «...С первой военной зимы во всех школах города для учеников организовали бесплатное питание. Был установлен титан, где кипятился морковный чай, к нему ребятам выдавали кусочек хлеба и вареную картошку»¹⁴. В 1943 г. в пяти школах Красноярска были открыты столовые с охватом 3 200 школьников. Для снабжения школьных буфетов и столовых осуществлялся сбор продуктов у населения. Силами учеников и учителей на пришкольных участках выращивали овощи, которые использовались для питания ребят, но преобладающим в рационе был хлеб и чай.

В годы войны в содержании учебно-воспитательного процесса произошли серьезные перемены, обусловленные военной обстановкой: изменились учебные планы, сроки начала учебного года и т.п. Сельские и городские школьники изучали основы сельского хозяйства, а весной 1942 г. все школы края включились во Всесоюзное соревнование по выполнению сельскохозяйственных работ. Работа ребят, как и труд колхозников, оплачивалась в трудоднях. Каждый городской школьник 6-го класса должен был за лето выработать 45 трудодней, учащиеся 7–8-х классов – 60 трудодней, 9–10-х классов – 85 трудодней. Для сельских школьников нормы были выше¹⁵. Газета «Ленинский путь» Шушенского района писала в 1942 г.: «Курсы трактористов дали свои результаты. Катя Теселкина – лучшая трактористка, которая окончила 4 класса сельской школы, прошла курсы трактористов, на которых,

¹⁰ Ветераны войны и трудящиеся тыла Дзержинского района. Красноярск, 2020. С. 271.

¹¹ Трудовой фронт Красноярья. 1941–1945. Красноярск, 2018. С. 115.

¹² Народное образование в СССР: сборник документов 1917–1973 гг. М., 1974. С. 300.

¹³ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 651. Л. 2.

¹⁴ Трудовой фронт Красноярья... С. 115.

¹⁵ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 7. С. 98.

по ее словам, учиться было трудно, выдержала выпускной экзамен, “робко подошла к трактору”, и с 20 мая 1942 года не было дня, чтобы она не перевыполнила норму. При норме пахоты 3,9 га она вспахивала по 5–6,25 га. Ежедневно экономила по 4–6 кг горючего»¹⁶.

Архивные материалы позволяют утверждать, что учеба в жизни значительной части военного поколения детей не играла первостепенную роль, резко возросло значение трудовой деятельности, что ослабляло влияние школы на подростков. Они быстро становились взрослыми. Отчасти необходимость оставления школы или совмещение учебы и устройство в колхоз, на промышленное предприятие диктовались материальными трудностями многих семей. Значительная часть ребят шла на работу из патриотических побуждений – принести реальную пользу фронту. Поэтому по всеобучу Красноярский край был на последнем месте среди сибирских регионов¹⁷. Как вспоминал Иннокентий Никандрович Попов, проживавший в военный период в с. Маклаково Енисейского района: «...Я и мама работали в колхозе. А я к тому же учился в школе. Трудно было все это совмещать. Утром бежишь в школу на занятия, потом на колхозные поля, поздним вечером делаешь уроки. Постоянно не высыпался. В школе было холодно, но учились»¹⁸.

Педагоги и местные органы власти ответственно относились к выполнению закона о всеобуче в данный период, даже «судили» родителей, которые не содействовали возвращению ребенка в школу. Для работающих подростков открывали вечерние школы, старались обеспечить нуждающихся ребят обувью и одеждой и т.п. Из отчета заведующего крайоно за 1943 г. следует, что не только родители не содействовали возвращению ребят в школу, так как в семьях было тяжелое материальное положение, но и руководители колхозов, так как остро нуждались в рабочих руках. Совмещать учебу и работу подросткам было очень трудно¹⁹.

Из воспоминаний Людмилы Михайловны Козловой: «На завод им. Ворошилова меня привела мама. В цехе было много подростков, все трудились самостоятельно. Мне было двенадцать лет... Одновременно я училась в 5 классе вечерней школы. Дисциплина была жесткая – ни минуты опоздания. Работала полный рабочий день. Никаких поблажек для учащихся не было»²⁰.

В условиях Великой Отечественной войны у членов школьного коллектива (учителей и учеников) были схожие обязанности. Они вместе осваивали сельхозтехнику, собирали металлолом и макулатуру, сдавали вещи и деньги в помощь раненым, эвакуированным, жителям освобожденных от оккупации районов. Это являлось свидетельством сплоченности членов коллектива и отражало общую ситуацию в стране – мобилизацию всего населения для достижения победы.

Школьные коллективы в условиях войны выступали как единое целое, дистанция между учителями и учениками, характерная для учебного процесса, сокращалась в ходе совместных мобилизационных кампаний, направленных на помощь фронту. Из-за дефицита родительского внимания дети тянулись к учителям, которые о них заботились. Среди учительства этой поры преобладали женщины, которые сохраняли свое достоинство, стремились соответствовать статусу учителя, адаптируясь к ограничениям военного времени, самоотверженно выполняли свой гражданский долг и вносили посильный вклад в общее дело Победы.

Важной задачей школы в годы войны была организация общественно-полезной деятельности детей. Это формировало чувство сопричастности к общему делу помощи фронту, что соответствовало детским мечтам о подвигах, о славе. С другой стороны, это восполняло дефицит рабочих рук на промышленных предприятиях, колхозах, сдерживало рост детской преступности.

Как вспоминала Зоя Васильевна Борисова из пос. Уяр: «Помню, как нас отвозили на гору рядом с нынешним городским кладбищем. Там в военные годы сажали табак

¹⁶ Ленинский путь. 1942. 21 июня. С. 1.

¹⁷ Очерки истории народного образования Красноярского края... С. 216.

¹⁸ ГАКК. Ф. Р-1052. Оп. 1. Д. 44. Л. 40.

¹⁹ ГАКК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 433. Л. 9.

²⁰ ГАКК. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 74ж. Л. 1–4.

и капусту. А мы, дети, все это поливали. Нам на лошади подвозили огромную бочку, а мы ковшиками черпали из нее воду и таскали к грядкам. А еще нас возили по деревням и мы помогали сажать, окучивать, копать картошку, косить сено. Такую же работу выполняли дома, помогали маме заготавливать сено для нашей коровы, работали на огороде, на картофельном поле. Трудились много, без продыху. Самоотверженно трудились на колхозных полях, ведь каждый понимал, что это для фронта, а у каждого там были родные и близкие»²¹.

Война словно прибавила годы беззаботным девочкам и мальчикам. Как вспоминал А.П. Шерстобитов, которому в годы войны было 14 лет: «Осенью 1941 г. мы, пацаны, сели на коней – убирали, пахали. Грузили мешки по 70 кг, сами возили хлеб в город на хлебоприемный пункт»²².

В 1944 г. учителя и родители учеников школ г. Ачинска провели платные концерты. Средства, собранные в ходе их проведения в размере 4 756 руб., были переданы в Фонд помощи детям фронтовиков: были приобретены 184 бесплатных завтрака для ребят начальной школы, для 938 ребят приобретена обувь, одежда, починили 1 113 штук обуви²³.

Значительную роль в регламентированной повседневности школьников играла пионерская организация. Она по-прежнему действовала в школе и была многочисленной, и поэтому ее деятельность направлялась педагогами. Ярким примером общественно-полезной деятельности пионеров было тимуровское движение. В годы войны в крае действовала 531 тимуровская команда, которая шефствовала над 1 360 семьями фронтовиков на территории края. Ребята кололи дрова, помогали по хозяйству, дежурили в квартирах с маленькими детьми²⁴.

Часто инициатива исходила от самих ребят. Феоклита Николаевна Липай, работавшая в войну в детской библиотеке с. Шушенское, вспоминала, как в июле 1942 г. пришли девочки из школы № 1 читать про лекарственные травы. Они собрали много подорожника, кровохлебки, сушили и отправляли в аптеку госпиталя²⁵. Медалью «За трудовое отличие» был награжден и 14-летний воспитанник колхоза «Коминтерн» из села Шошино Илья Гордеевич Дружков. Иван Шильвест, Коля Максимов, Аня Лемяскина, Николай Огибалов в колхозе им. Ворошилова (с. Большая Ничка) на весеннем севе в 1942 г. вспахивали по две нормы ежедневно, а Аня Лемяскина боронила по 7 га. Эти ребята за полгода заработали в колхозе по 150–170 трудодней при норме 50 трудодней²⁶.

Основу воспитательного процесса в школе составляли установки и решения партии и правительства. Деятельность педагогов, их настроение и поведение не выходили из поля зрения первичных партийных организаций школ, районных, городских и областных партийных и профсоюзных комитетов, за деятельностью учреждений народного образования осуществлялся жесткий контроль.

Большое внимание уделялось патриотическому воспитанию: коллективно слушали радио, шефствовали над госпиталями, проводились лыжные кроссы и пр. Подавляющее большинство детей военной поры с теплотой вспоминали своих учителей, школу. «...Школа была для нас вторым домом. После уроков, сбегав домой, мы тянулись в школу. Участвовали в художественной самодеятельности, здесь нам рассказывали о Павке Корчагине, Зое Космодемьянской, Маресьеве. Пионервожатая читала нам новости с фронта, которых мы так ждали. Бабушка выращивала табак-самосад, мы с мамой шили кисеты, набивали их табаком, я несла их в школу, где собирали посылки для фронта...»²⁷.

Особую роль играли праздничные мероприятия, приуроченные к знаменательным датам советского календаря. В воспоминаниях детей войны упоминается праздник Нового года, который отмечали в школе. «...Хоть и суровое было время, праздники старались отмечать. Жизнь в школе не затухала. Занимались физзарядкой, очень развита была художе-

²¹ МКУ Енисейский районный архив. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.

²² Там же. Л. 42.

²³ ГАКК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 651. Л. 15.

²⁴ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 457. Л. 157–158.

²⁵ МКУ Енисейский районный архив. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 27. Л. 5.

²⁶ Ленинский путь. 1942. 26 окт. С. 1.

²⁷ МКУ Енисейский районный архив. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.

ственная самодеятельность... Как могли, помогали фронту, посылали посылки. Конечно, все приносили из дому. Родители вязали варежки, носки, шили кисеты и носовые платки. Осенью детей водили в лес собирать шиповник для отправки раненым в госпитали. В Новый год была в школе и елка, украшенная самодельными игрушками, и обязательное представление с Дедом Морозом. Учителя и старшеклассники ставили спектакли, например “Сын полка”»²⁸. Дети воспитывались в духе коллективизма и были ориентированы на получение трудовых навыков. Учителя как могли стремились сохранить детям детство, сплотить детские коллективы в суровых военных условиях.

Таким образом, в обстановке военного времени в качестве первоочередной власти поставила перед школой задачу усиления идейно-политической направленности обучения и воспитания школьников. На протяжении исследуемого периода в социальной среде сохраняется тенденция к регламентации, попытки упорядочения процесса воспитания и обучения детей в рамках школьных учреждений и пионерских организаций. Партийно-государственный курс на идеологизацию обучения и воспитания школьников осуществлялся безальтернативно и жестко, под постоянным контролем власти. Учебный материал всех школьных дисциплин связывался с современностью, с событиями Великой Отечественной войны. Реальный уровень общепедагогической подготовки ряда учителей был низким, но они искренне стремились выполнить поставленные перед школой задачи.

Можно констатировать, что значительное число ребят продолжило посещение школы, включилось в трудовую деятельность, общественно-политические мероприятия, проводимые в этот период, так как рассматривало эту деятельность как помощь фронту, государству в трудное время. Быстрое взросление, происходившее в исследуемый период, способствовало формированию собственных стратегий выживания, определивших поведение их на длительный период времени. Подавляющее большинство ребят безусловно верили идеологемам, пропагандируемым СМИ, школой, подчеркивалась значимость подрастающего поколения, его вклад в развитие страны. Школа стала вторым домом для продолживших обучение ребят, играла важную роль в их социализации.

Литература

Артамонова Н.Я. Эвакуированные ленинградские детские интернаты в Хакасской автономной области // Великая Отечественная война в истории Енисейской Сибири: в 5 т. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. Т. 3: 1943 г. С. 141–160.

Ашенова К.К. Советское детство: повседневная жизнь детей Омска (1961–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2018. 27 с.

Бибикова В.В. Выполнение закона о всеобуче в годы Великой Отечественной войны в Красноярском крае. Красноярск: Луна-Река, 2016. 333 с.

Ветераны войны и трудящиеся тыла Дзержинского района / отв. ред. Е.В. Троязыкова. Красноярск: Амальгема, 2020. С. 271.

Вычеров Д.А. Повседневная жизнь советских школьников тылового города в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Тюмени): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2023. 23 с.

Дворецкая А.П. Государственная политика по защите детства в период Великой Отечественной войны // Современные исследования социальных проблем. Вып. 2. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2000. С. 6–39.

Дудкина М.П. Изменения в школьном образовании в 1941–1945 гг. (на материалах Западной Сибири) // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2, № 1 (15). С. 115–122.

Исправительно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних в Сибири в 1890–1940-е гг.: организационный, правовой, педагогический аспекты / Т.А. Катцина, Н.В. Пашина и др. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2020. 240 с.

Мезит Л.Э. Борьба с детской преступностью в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 77–83. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-07.pdf> (дата обращения: 03.01.2025).

²⁸ МКУ Енисейский районный архив. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.

Народное образование в СССР. Сборник документов 1917–1973 гг. / отв. ред. А.А. Абакумов. М.: Просвещение, 1974. 300 с.

Очерки истории народного образования Красноярского края XVII – начало XXI вв. / отв. ред. В.И. Федорова. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2014. 579 с.

Трудовой фронт Красноярья 1941–1945 / В. Филиппов, Е. Лалетина, О. Паранина. Красноярск: Поликор, 2018. 208 с.

Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 357 с.

References

Abakumov, A.A. (Ed.). (1974). *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Sbornik dokumentov 1917–1973 gody* [Public Education in the USSR. Collection of Documents 1917–1973]. Moscow, Prosveshchenie. 300 p.

Artamonova, N.Ya. (2023). Evakuirovannyye leningradskie detskie internaty v Khakasskoy avtonomnoy oblasti [Evacuated Leningrad Children's Boarding Schools in the Khakass Autonomous Region]. In *Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii Eniseyskoy Sibiri: v 5 tomakh*. Tom 3. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet, pp. 141–160.

Ashenova, K.K. (2018). Sovetskoe detstvo: povsednevnyaya zhizn' detey Omska (1961–1980 gody) [Soviet Childhood: Everyday Life of Children in Omsk (1961–1980)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Tyumen. 27 p.

Bibikova, V.V. (2016). *Vypolnenie zakona o vseobuche v gody Velikoy Otechestvennoy vojny v Krasnoyarskom krae* [Implementation of the Law on Universal Education during the Great Patriotic War in the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, Luna-Reka. 333 p.

Dudkina, M.P. (2013). Izmeneniya v shkol'nom obrazovanii v 1941–1945 godakh (na materialakh Zapadnoy Sibiri) [Changes in School Education in 1941–1945 (Based on Materials from Western Siberia)]. In *Idei i idealy*. Vol. 2, No. 1 (15), pp. 115–122.

Dvoretzkaya, A.P. (2000). *Gosudarstvennaya politika po zashchite detstva v period Velikoy Otechestvennoy vojny* [State Policy for the Protection of Childhood during the Great Patriotic War]. In *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. Krasnoyarsk, Nauchno-innovatsionnyy tsentr. Iss. 2, pp. 36–39.

Fedorova, V.I. (Ed.). (2014). *Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Krasnoyarskogo kraya XVII – nachalo XXI veka* [Essays on the History of Public Education in the Krasnoyarsk Territory in the 17th – Early 21st Centuries]. Krasnoyarsk, KGPU imeni V.P. Astaf'eva. 579 p.

Filippov, V.V., Laletina, E., Paraniina, O. (Eds.). (2018). *Trudovoy front Krasnoyar'ya. 1941–1945* [Labor Front of Krasnoyarsk. 1941–1945]. Krasnoyarsk, Polikor. 208 p.

Katchina, T.A., Pashina, N.V. (Eds.). (2020). *Ispravitel'no-vospitatel'nye uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnikh v Sibiri v 1890–1940 e gody: organizatsionnyy, pravovoy, pedagogicheskiy aspekty* [Correctional and Educational Institutions for Minors in Siberia in the 1890–1940s: Organizational, Legal, Pedagogical Aspects]. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet. 240 p.

Mezit, L.E. (2020). Bor'ba s detskoj prestupnost'yu v Krasnoyarskom krae v gody Velikoy Otechestvennoy vojny [The Fight Against Child Crime in the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 3 (11), pp. 77–83. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-07.pdf> (date of access 03.01.2025).

Shalak, A.V. (2000). *Sotsial'nye problemy naseleniya Vostochnoy Sibiri (1940–1950)* [Social Problems of the Population of Eastern Siberia (1940–1950)]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGEA. 357 p.

Troyazykova, E.V. (Eds.). (2020). *Veterany vojny i trudyashchiesya tyla Dzerzhinskogo rayona* [War Veterans and Home front Workers. Dzerzhinsky District]. Krasnoyarsk, Amal'gema. 271 p.

Vycherov, D.A. (2023). *Povsednevnyaya zhizn sovetskikh shkolnikov tylovogo goroda v gody Velikoy Otechestvennoy vojny (na materialakh goroda Tyumeni)* [Everyday Life of Soviet Schoolchildren in a Rear City during the Great Patriotic War (Based on Materials from the City of Tyumen)], Cand. hist. sci. diss. abstract. St. Petersburg. 23 p.

С.А. Власов*

**МАЛЕНЬКИЕ ТРУЖЕНИКИ ТЫЛА:
ДЕТСКИЙ И ПОДРОСТКОВЫЙ ТРУД НА ДАЛЬНЕМ
ВОСТОКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-12
УДК 947.085(571.6)

Выходные данные для цитирования:
Власов С.А. Маленькие труженики тыла: детский и подростковый труд на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 149–159. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-12.pdf>

S.A. Vlasov*

**LITTLE HOME FRONT WORKERS:
CHILD AND ADOLESCENT LABOR
IN THE FAR EAST DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-12

How to cite:
Vlasov S.A. Little Home Front Workers: Child and Adolescent Labor in the Far East during the Great Patriotic War // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 149–159. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-12.pdf>]

Abstract. The article, based on a wide range of archival materials introduced into scientific circulation for the first time, examines the place and significance of child and adolescent labor in the Far East during the Great Patriotic War. It has been established that the main area of the economy where child and adolescent labor was widely used was agriculture. Schoolchildren from grades 5–10 worked in the fields of collective and state farms, and sometimes fourth-grade students were involved in the harvesting. High school students learned the profession of machine operators and worked as tractor drivers, combine operators, and chauffeurs. The work of teenagers in industrial enterprises and transport after training in the labor reserve system is not considered, since other researchers had previously conducted studies on this topic. At the same time, the article provides information about teenagers who came to permanent work in enterprises, organizations, and institutions voluntarily, on a freelance basis, bypassing training in factory or plant schools and vocational schools. In conditions of an acute shortage of workers, their labor activity was extremely necessary for the region's economy. It is noted that children and teenagers were involved in collecting medicinal herbs and wild plants, collecting scrap metal, preparing fuel, repairing schools, and other work. It is concluded that the work of children and adolescents had no alternative, as the country could not survive in the difficult conditions of wartime without their labor participation, and that they made their worthy contribution to the victory in the Great Patriotic War.

Keywords: children and teenagers, agricultural work, gathering wild plants, Sunday work, fuel procurement, school repairs.

The article has been received by the editor on 23.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Сергей Александрович Власов**, кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, e-mail: vlasov54@bk.ru

Sergey Aleksandrovich Vlasov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: vlasov54@bk.ru

Аннотация. В статье на основе обширного круга архивных материалов, вводимых в научный оборот впервые, исследовано место и значение детского и подросткового труда на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны. Установлено, что главной сферой экономики, где широко использовался труд детей и подростков, являлось сельское хозяйство. На полях колхозов и совхозов летом и осенью работали школьники 5–10-х классов, а иногда на уборку привлекались и учащиеся 4-х классов. Старшеклассники осваивали профессии механизаторов и работали трактористами, комбайнерами, шоферами. Автор не рассматривал работу подростков на промышленных предприятиях и транспорте после обучения в системе трудовых резервов, поскольку ранее другими исследователями по этой теме проводились изыскания. Вместе с тем в статье приводятся сведения о подростках, пришедших на постоянную работу на предприятия, в организации и учреждения добровольно, по свободному найму, минуя обучение в фабрично-заводских школах и ремесленных училищах. В условиях острого дефицита рабочих кадров их трудовая деятельность была крайне необходима экономике региона. Отмечается, что детей и подростков привлекали к сбору лекарственных трав и дикоросов, сбору металлолома, заготовке топлива, ремонту школ и другим работам. В заключение сделан вывод, что труд детей и подростков являлся безальтернативным, страна не могла выстоять в сложных условиях военного времени без их трудового участия, они внесли свой достойный вклад в победу в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: дети и подростки, сельскохозяйственные работы, сбор дикоросов, воскресники, заготовка топлива, ремонт школ.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025 г.

В годы Великой Отечественной войны в нашей стране в тылу на победу работали практически все – от детей до людей пожилого возраста. Трудовой подвиг советских людей нашел отражение в многочисленных публикациях, нет необходимости упоминать их. Согласно заявленной теме, отметим лишь те, где изучался трудовой вклад детей и подростков¹. Как правило, исследователи главное внимание уделяли работе малолетних тружеников на промышленных предприятиях после обучения в системе трудовых резервов – школах фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных (РУ) и железнодорожных училищах (ЖУ), куда принимали молодежь в возрасте с 14–16 лет. Поскольку проблема подготовки рабочих кадров через систему трудовых резервов, в том числе и для экономики Дальнего Востока, в годы Великой Отечественной войны хорошо исследована², автор поставил цель изучить те сферы трудовой деятельности детей и подростков с младшего

¹ Марискин О.И., Сапожникова В.П. Трудовая деятельность детей и подростков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: на примере Республики Мордовия // Экономическая история. 2024. Т. 2, № 2. С. 162–165; Сулейманова Р.Н. «Заменяем наших отцов и братьев»: использование детского труда в народном хозяйстве СССР в годы Великой Отечественной войны: региональный аспект // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 95–103; Попова К.В. Детский труд в условиях Великой Отечественной войны // Вестник научных конференций. 2016. № 1-5. С. 152–154; Романов Р.Е. «Становление жизни»: несовершеннолетние рабочие Новосибирска в военное время (1941–1945 годы) // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 134–145. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-12.pdf> (дата обращения: 13.01.2025); Ромашова М.В. Трудовое взросление в 1940-х гг. // Власть. 2012. № 10. С. 187–190; Тарасова Л.Я. Трудовой вклад в победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) алтайских детей // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-2. С. 273–274; Шалкус Г.А. Трудовой подвиг детей и подростков Сахалинской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Сахалинского музея. 2023. № 1. С. 54–62.

² Балдин С.С. Они тоже приближали победу: профтехшкола Приморья накануне и в годы войны // Россия и АТР. 2000. № 1. С. 23–28; Власов С.А. Повседневная жизнь учащихся и выпускников системы трудовых резервов в Хабаровском крае в годы Великой Отечественной войны // История повседневности. 2024. № 1. С. 96–112; Ткачева Г.А. Подготовка кадров для промышленности и транспорта (1941–1945 гг.) // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 44–56.

школьного (8–9 лет) и до старшего подросткового возраста (16 лет), которые не рассматривались ранее и не нашли отражение в исторической литературе. Для достижения цели решались следующие задачи:

- исследовалась трудовая деятельность детей и подростков в сельском хозяйстве;
- изучалась работа школьников по сбору дикоросов, металлолома;
- рассматривались другие виды труда малолетних тружеников (работа на производстве, участие в воскресниках, заготовка топлива и т.д.).

Исследование проводилось на основе материалов дальневосточных архивов (ГАПК, ГАХК), в статье использованы документальные источники, ранее не вводимые в научный оборот.

С началом войны в результате мобилизации мужчин в армию на предприятиях, транспорте, стройках численность рабочих заметно сократилась, возникла необходимость взамен ушедших на фронт привлечь на производство женщин-домохозяек, пожилых людей (пенсионеров), детей и подростков, чтобы продолжать производить продукцию, необходимую стране в военное время.

Одной из сфер экономики, где широко использовался детский и подростковый труд, являлось сельское хозяйство. 2 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление «О привлечении в военное время учащихся 7–10 классов к участию в сельскохозяйственных работах», согласно которому школьники-дальневосточники направлялись на работу в колхозы и совхозы. Только в Хабаровском крае летом и осенью 1941 г. в сельхозработах участвовали 17 430 школьников³.

В воспоминаниях о годах войны в книге А.Б. Бутовской упоминается, что новый учебный год в 1941 г. для школьников г. Комсомольск-на-Амуре начался 1 октября, поскольку до этого они трудились на полях пригородного совхоза. «Весь сентябрь 1941 г. мы (учащиеся 7-го класса) работали на сельхозработах в пригородном хозяйстве “Хурба” на уборке овощей и картошки. ...Работали по взрослым нормам и без выходных. Вставали рано, в 5 утра, завтракали и шли на работу. Работали весь день с двумя перерывами на отдых и обед (по два часа – с 11 до 13 и с 15 до 17) до 20 часов, в 21 ужин и отбой. ...Работали в любую погоду, в дождь, холод, слякоть, грелись у костров и не уходили с поля до тех пор, пока не заканчивали полностью отведенный нам участок, иногда при свете луны или фонарика отыскивая завалившуюся где-нибудь картофелину. Уже в середине сентября силы наши начали иссякать, мы устали от непрерывной тяжелой работы, от бытового неустройства, от холода, комаров, боли в растрескавшихся покрасневших руках»⁴.

Первое время школьников использовали на простейших работах – прополке и уборке овощей, но поскольку с началом войны возникла проблема нехватки квалифицированных кадров, 17 ноября 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «Об обучении сельскохозяйственным работам учащихся старших классов средних учебных заведений, учащихся высших учебных заведений и части служащих городов и райцентров». 27 ноября 1941 г. Хабаровский крайком ВКП(б) и крайисполком приняли совместное постановление, согласно которому учащиеся старших классов городских и сельских школ (наряду с другими категориями граждан) привлекались на курсы по подготовке профессиям трактористов, комбайнеров, шоферов, штурвальных, прицепщиков и др. Всего за время с 10 декабря 1941 г. по 10 апреля 1942 г. предполагалось подготовить 14 700 чел., из них – 4 006 старшекласников. Были проведены соответствующие мероприятия: утверждена программа, подобраны преподаватели, найдены помещения для занятий. Ответственность за обучение школьников сельскохозяйственным профессиям, контроль за посещением занятий возлагались на краевой отдел народного образования⁵.

Подобные курсы механизаторов были организованы и в Приморском крае, где к началу весеннего сева 1942 г. свыше 2 тыс. старшекласников научились работать на тракторе, 800 школьников – на других сельскохозяйственных машинах⁶.

³ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 1. Д. 995. Л. 13.

⁴ Бутовская А.Б. Комсомольск, школьные годы военные... Комсомольск-на-Амуре, 2008. С. 10–12.

⁵ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 928. Л. 124.

⁶ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-435. Оп. 1. Д. 27. Л. 63.

Летом и осенью 1942 г. школьники, получившие профессиональную подготовку на курсах, наряду со взрослыми трудились на ответственных участках сельскохозяйственного производства. В дальнейшем для подготовки механизаторов машинно-тракторных станций (МТС) в Амурской области были созданы две школы ФЗО, где наряду с юношами проходили обучение девушки – у них, в отличие от юношей, возраст приема был на год выше – с 16 лет.

13 апреля 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление № 507 «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудящегося населения городских и сельских местностей», которое предписывало местным органам власти во время наиболее напряженных сельскохозяйственных кампаний мобилизовать на работу все трудоспособное население, не занятое в промышленности и на транспорте, и часть служащих. Разрешалось привлекать учащихся 6–10-х классов неполных средних и средних сельских и городских школ. Рабочий день для них устанавливался по 6–8 часов (в зависимости от возраста и характера работы). Другим постановлением от 13.04.1942 г. № 508 устанавливался обязательный минимум в 50 трудодней в год для сельских подростков 12–16 лет, членов семей колхозников – им, как и взрослым, выдавались трудовые книжки.

Таким образом, с 1942 г. работа в сельском хозяйстве во время летних каникул становилась для детей и подростков не разовой акцией «помощи работникам сельского хозяйства», а постоянной трудовой деятельностью. Отметим, что возраст мобилизации детей был понижен – в первый военный год к сельхозработам привлекались школьники 7-го класса, в 1942 г. – шестиклассники, но в отдельных случаях привлекались учащиеся 5-х классов.

В Приморском крае в 1942 г. на сельскохозяйственных работах в колхозах и совхозах края работало 21 465 школьников⁷, в Хабаровском крае – 33 699⁸.

Каждую весну Приморский и Хабаровский крайисполкомы принимали постановления «О мобилизации учащихся городских и сельских школ на сельскохозяйственные работы в колхозы и совхозы». Так, 21 мая 1943 г. Хабаровский крайисполком принял постановление, согласно которому на сельскохозяйственные работы мобилизовались в городах 14 305 учащихся 5–10-х классов, в сельской местности – 16 075 учащихся, всего 30 380 чел.⁹ В исключительных случаях к сельскохозяйственным работам привлекали учащихся младших классов. Так, 15 сентября 1942 г. Хабаровский крайисполком принял решение «О дополнительной мобилизации служащих и трудоспособного населения на уборку картофеля и овощей». В нем указывалось «...привлечь к работе по подборке картофеля школьников младших классов, организовав их в отряды под руководством учителей»¹⁰. В Приморском крае летом и осенью 1943 г. 14 576 учителей и учащихся работали в колхозах и совхозах¹¹, план по мобилизации школьников был перевыполнен на 563 чел. за счет учащихся 4-х классов школ из сельских районов¹². В 1944 г. по решению Хабаровского крайисполкома на период летних и осенних сельскохозяйственных работ были мобилизованы учащиеся 5–10-х классов, в том числе из городов – 10 740 чел., из сельской местности – 17 080 чел.¹³

Учащихся младших и средних классов использовали на простейших сельскохозяйственных работах, не требующих специальных навыков – прополке и уборке. Старшеклассников, помимо этих работ – на сенокосе, работах на току и фермах.

Школьники не только работали как взрослые, у них, как и у взрослых, было организовано социалистическое соревнование, что в определенной степени являлось побудительным стимулом хорошо трудиться, выполнять и перевыполнять нормы. Так, в отчете о работе учащихся школы № 9 г. Свободный (Амурская область) за 1942 г. отмечалось, что

⁷ ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 44.

⁸ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 788. Л. 65.

⁹ Там же. Д. 832. Л. 123.

¹⁰ Там же. Д. 801. Л. 238.

¹¹ ГАПК Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 31. Л. 62.

¹² Там же. Д. 26-а. Л. 24.

¹³ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 870. Л. 195.

«все ребята выходят на работу в 5 утра и работают до поздней ночи, вместо 1 га по норме каждый ежедневно пропалывает 1,5 га зерновых. Ученица Ньюра Удовенко за время работы выработала свыше 130 трудодней»¹⁴.

По итогам 1942 г. победителями в соцсоревновании в Хабаровском крае среди средних школ была признана школа № 35 г. Хабаровск, среди неполных средних – школа с. Бирофельд Биробиджанского района Еврейской автономной области, среди начальных – школа с. Михайловка Благовещенского района Амурской области. Все они получили переходящие Красные Знамена Крайкома ВКП(б) и крайисполкома. 12 школ края были отмечены грамотами крайкома и крайисполкома¹⁵. Необходимо добавить, что малолетние труженики из Михайловской начальной школы за лето выработали в среднем по 64 трудодня на каждого¹⁶.

Работа детей и подростков контролировалась работниками отделов народного образования, партийными и советскими органами власти, сотрудниками прокуратуры. Проверялись условия труда и быта, обеспечение питанием, оплата труда, продолжительность рабочего дня.

Летом 1942 г. в ходе проверок в ряде колхозов и совхозов были выявлены факты неудовлетворительной организации труда и использования прибывших на работу школьников. Кроме этого, установлено, что детей и подростков часто размещали в бараках, приспособленных под жилье помещениях (амбарах, складах и т.д.), без предоставления минимальных бытовых условий – умывальников и бачков для питьевой воды, постельных принадлежностей, тазов для стирки белья и одежды, возможности посещения бани и т.д. Неудовлетворительное санитарно-бытовое обеспечение, скудное питание, тяжелый труд – все это приводило к значительному количеству заболеваний среди школьников, в частности фурункулезом¹⁷. По итогам проверки некоторым директорам совхозов – Бельман, Одинцову, Сотникову, Хапрову, где было выявлено много подобных фактов, по решению Хабаровского крайисполкома объявлен выговор¹⁸.

Степень вовлечения сельских детей в трудовую деятельность была, безусловно, намного выше, чем городских, которые привлекались на сельскохозяйственные работы во время летних каникул, а сельские работали практически круглогодично, хотя зимой не так интенсивно, как весной-осенью. Помимо работы в колхозе, им приходилось трудиться на своих приусадебных участках и подворьях, выполнять другие виды работ (заготовка топлива).

Частично городские школьники также привлекались к работе на своих личных огородах – в годы войны индивидуальное огородничество являлось одним из важных факторов продовольственного обеспечения горожан. Участки под огороды выделялись на пригородных землях предприятиям и организациям, и для работы на них рабочие и служащие были вынуждены привлекать своих детей. Но в городах личные огороды, в отличие от сельской местности, были не у всех, и часть городских детей на них не работала. Хотя с работой сельскохозяйственного характера приходилось сталкиваться даже тем детям, в семьях которых не было огородов. С 1942 г. при школах (в том числе и городских) создавались пришкольные огороды. Как было записано в решении Хабаровского горисполкома от 25 апреля 1942 г.: «В целях привлечения учащихся 1–4 классов городских школ к усиленному производительному труду и улучшения школьных завтраков за счет собственных школьных продуктовых фондов, горисполком решил организовать при всех школах Хабаровска пришкольные огородные участки. Отвести для каждой школы от 1 до 3 га

¹⁴ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 769. Л. 163.

¹⁵ Там же. Д. 788. Л. 65.

¹⁶ Там же. Д. 800. Л. 280.

¹⁷ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 769. Л. 163; Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1203. Л. 68–69; Д. 1352. Л. 354; Д. 1363. Л. 76–77.

¹⁸ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 797. Л. 160.

из ближайших к школам земельных массивов»¹⁹. В Приморском крае весной 1943 г. было засеяно 752,4 га пришкольных участков²⁰.

Но все это не шло ни в какое сравнение с трудовой деятельностью сельских детей и подростков, которые, будучи школьниками, трудились не изредка, а практически каждый день, а многие были вынуждены, оставив школу, идти работать в колхозы. Летом 1942 г. в колхозах Приморского края постоянно работали 14,1 тыс. сельских подростков, что составляло 24 % от общего числа колхозников²¹, в 1944 г. таковых было почти 7 тыс. (16,6 %)²².

Помимо работы в сельском хозяйстве, подростки работали в промышленности, на стройках и транспорте. Их трудовая деятельность на предприятиях после окончания РУ и школ ФЗО хорошо исследована, о чем достаточно много публикаций. В историографическом обзоре во вступительной части статьи автор упомянул об этом. Здесь лишь отметим, что за годы войны в системе трудовых резервов было подготовлено и направлено в народное хозяйство региона свыше 65 тыс. квалифицированных рабочих²³.

Вместе с тем часть подростков поступила на производство в порядке свободного найма, минуя ФЗО, РУ и ЖУ. Так, в Приморском крае летом 1943 г. 4 475 школьников устроились на постоянную работу на предприятия, в организации и учреждения. В течение 1943/1944 учебного года еще 2 941 чел., прервав учебу, ушли на производство²⁴.

В Хабаровском крае в течение 1942/1943 учебного года из школ выбыли по мобилизации в ФЗО, РУ и ЖУ, а также на работу в предприятия и учреждения 10 600 чел.²⁵ Только в Комсомольске-на-Амуре в строительные организации города за три с лишним военных года (июнь 1941 г. – октябрь 1944 г.) поступило по свободному найму молодых рабочих (в возрасте до 16 лет): в Госстройтрест № 1 НКАП – 336 чел., ОСМЧ-2 – 63 чел., ОСМЧ-70 – 142 чел.²⁶ Как правило, это были те, кто закончил 7 классов.

Некоторые школьники из городов, райцентров и рабочих поселков, которые не хотели бросать школу и продолжали учебу в 8–10-х классах, работали только во время летних каникул. В Приморском крае летом 1943 г. 35 учащихся из Красноармейского района работали на золотых приисках на добыче золота, 60 учащихся Шмаковского района – на лесозаводах²⁷.

В годы Великой Отечественной войны в качестве одного из главных видов продуктов питания, который Дальний Восток давал стране, стала рыба, рыбные консервы, а рыбодобывающая промышленность превратилась в одну из основных отраслей экономики региона. Здесь, как и в других отраслях народного хозяйства, невозможно было обойтись без труда детей и подростков. Главным промысловым районом Дальнего Востока являлась Камчатка, где только за зиму 1941/1942 гг. для работы на промыслах и рыбокомбинатах прошли подготовку 2 400 школьников²⁸. Все последующие годы дети и подростки ударно трудились, чем помогли взрослым ежегодно увеличивать выпуск рыбных консервов: в 1941 г. – 25,9 млн условных банок, в 1942 г. – 30,5 млн, в 1943 г. – 40,0 млн, в 1944 г. – 36,3 млн²⁹.

На рыбных промыслах работали дети и подростки и других районов Дальнего Востока. Весной 1942 г. Хабаровский крайисполком принял решение – установить обязательный минимум рабочих дней в году для детей и подростков в возрасте от 12 до 16 лет, членов семей колхозников-рыбаков в рыболовецких колхозах края (кроме Камчатки и Охото-

¹⁹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 772. Л. 52.

²⁰ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 31. Л. 11.

²¹ ГАПК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 161. Л. 83.

²² *Ткачева Г.А.* Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток, 2010. С. 157.

²³ *Ткалич А.П., Балдин С.С.* Кузница рабочих кадров: очерки развития профессионально-технического образования на Дальнем Востоке (1940–1975 гг.). Владивосток, 1981. С. 11.

²⁴ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 31. Л. 3–4.

²⁵ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 892. Л. 79.

²⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1688. Л. 42, 44, 46.

²⁷ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-а. Л. 20.

²⁸ Камчатка в годы Великой Отечественной войны: сб. док-тов. Елизово, 2005. С. 3.

²⁹ Камчатка в годы Великой Отечественной войны: стат. сб. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 5.

Аянского побережья), в количестве не менее 50 рабочих дней в году³⁰. Такое решение крайисполкома предполагало, что они будут работать во время летне-осенней путины, когда особенно велика потребность в рабочих руках. Еще до этого распоряжения, осенью 1941 г., в Нанайском районе Хабаровского края 885 школьников трудились на лове рыбы³¹. В 1943 г. в Приморском крае около 900 учащихся прибрежных районов работали на рыбных промыслах³².

На Сахалине из подростков были созданы рыболовецкие бригады, одна из них во главе с 14-летним бригадиром Колей Мартыновым за путину добыла 223 центнера кеты. В бригадах рыбаков-школьников в 1944 г. всего работало 110 чел., они выловили 550 центнеров рыбы³³.

Большой вклад дальневосточные школьники внесли в сбор лекарственных трав и дикоросов: щавеля, черемши, грибов, дикорастущих ягод. Работоспособная часть населения была вовлечена в сферу производства, привлекалась в ходе мобилизаций на выполнение других видов работ – лесозаготовки, санитарную уборку городов и поселков, заготовку топлива, работы по строительству и ремонту дорог и т.д., поэтому дети и подростки (помимо незначительного числа специалистов по заготовкам) являлись самой многочисленной группой дальневосточного населения, участвующего в этой работе.

Сбор дикоросов требовал не только определенных навыков, но и экипировки, что с учетом проблем с одеждой и обувью в некоторых семьях (в основном в сельских) ограничивало число школьников, вовлеченных в заготовки даров дальневосточной тайги. Тем не менее с учетом военного времени с первых месяцев войны и все военные годы школьников в обязательном порядке привлекали к сбору. Так, по решению Комсомольского-на-Амуре горисполкома в августе 1941 г. заведующему горно Акоюну вменялось послать 400 учащихся на сбор ягод³⁴.

3 октября 1941 г. бюро Приморского крайкома ВЛКСМ приняло постановление об участии комсомольских и пионерских организаций в сборе и заготовке лекарственных и пищевых растений³⁵. В 1942 г. школьники Приморского края собрали 45 т дикоросов и лекарственных растений³⁶. Всего за два первых года войны (1941–1942) они собрали почти 100 т грибов, ягод, плодов шиповника и других даров тайги³⁷.

К этой работе привлекали учащихся от младшего до старшего школьного возраста. В Приморском крае при крайкоме, райкомах и горкомах ВЛКСМ были созданы комиссии по руководству организацией сбора дикоросов, в их состав вошли представители заготовительных организаций, органов народного образования и комсомольских организаций. Школам, интернатам, детским домам был установлен план заготовок, из учащихся скомплектованы отряды. Согласно постановлению 10-го пленума Приморского крайкома ВЛКСМ (июль 1943 г.), для школьников младших классов устанавливалась норма 30 кг дикоросов и лекарственных трав, для учащихся 5–7-х классов – 50 кг, для старшеклассников – 70 кг³⁸. Сбор шел по-разному: были школы, которые не выполняли плана, но были дети и подростки, перекрывающие плановые задания. Так, Аня Мешкова, ученица 2-го класса Мельниковской начальной школы Буденовского района, сдала 107 кг дикоросов и лекарственных трав; ученик 4-го класса начальной школы № 9 г. Ворошилов Сергей Попов заготовил 150 кг дикоросов; ученик 7-го класса Иван Пика (Владими́ро-Александровская средняя школа Буденовского района) сдал 170 кг дикоросов³⁹. За успешную работу по сбору дикорастущих

³⁰ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 803. Л. 289–290.

³¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 995. Л. 13–14.

³² ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26-а. Л. 25.

³³ Шалкус Г.А. Трудовой подвиг детей... С. 56.

³⁴ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 595. Л. 11.

³⁵ Время, события, люди: Приморье 1917–1980. Владивосток, 1982. С. 170.

³⁶ ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 44.

³⁷ Время, события, люди... С. 178.

³⁸ ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 35. Л. 96.

³⁹ Там же. Л. 76.

полезных растений Семеновская средняя школа Яковлевского района была награждена грамотой ЦК ВЛКСМ и денежной премией в 3 тыс. руб. Школьники Кировского района сдали государству корень женьшеня на сумму 2 475 руб. Всего за лето 1943 г. учащиеся Приморского края собрали 6,6 т лекарственных трав и 119 т дикоросов⁴⁰.

Привлекали к сбору дикоросов школьников и в Хабаровском крае. В годы войны имели место проблемы с дефицитом витамина С, его нехватка приводила к болезням, инвалидности, поэтому особое внимание уделялось заготовке шиповника, богатого этим витамином. По распоряжению СНК РСФСР всем автономиям, областям, краям республики устанавливался план по сбору шиповника с декадной отчетностью о его выполнении. Хабаровскому краю в 1942 г. требовалось собрать и заготовить 14 т сухого шиповника⁴¹, в 1943 г. – 19 т⁴², в 1944 г. – 25 т⁴³. По распоряжению крайисполкома гор- и райисполкомам вменялось для его сбора скомплектовать бригады школьников под руководством специалистов из крайпищесторга.

Важной формой трудового вклада детей и подростков в победу являлся сбор металлолома. Для выпуска военной продукции страна нуждалась в металле, который можно было получить, в том числе, после переплавки металлического хлама и мусора.

На пленуме Хабаровского крайкома ВКП(б) (декабрь 1941 г.) отмечалось, что необходимо усилить работу по сбору лома и отходов черных и цветных металлов и широко привлекать к этому школьников как в городах, так и в сельской местности⁴⁴.

С пуском в феврале 1942 г. первой очереди металлургического завода «Амурсталь» в Комсомольске-на-Амуре внимание к сбору металлолома еще более усилилось, поскольку завод работал исключительно на переплавке лома черных металлов. 25 февраля 1942 г. Хабаровский крайисполком принимает постановление по выполнению плана обязательной сдачи металлолома в первом квартале 1942 г. (подобные постановления принимались все военные годы поквартально) районам, городам, рабочим поселкам, предприятиям и организациям в объеме 35,5 тыс. т, с привлечением населения, включая детей и подростков. Отдельно было прописано, что краевому прокурору Шевелькову поручалось привлекать к судебной ответственности лиц, срывающих выполнение установленного плана сбора металлолома⁴⁵, что свидетельствовало о важности данного мероприятия. В 1943 г. крайисполком дал указания Хабаровскому крайкому ВЛКСМ мобилизовать все комсомольские организации края, а также пионеров и школьников на работы по сбору металлолома для «Амурстали»⁴⁶.

Школьники, как правило, участвовали в сборе металлолома в форме разовых акций – воскресников. Так, в ходе всесоюзного пионерского воскресника 8 ноября 1942 г. в Приморском крае ими было собрано 250 т черного и цветного металлолома⁴⁷. Всего за два военных года (1941–1942 гг.) пионеры края собрали почти 350 т металлолома⁴⁸. За лето 1943 г. в ходе воскресников пионеры и комсомольцы Приморья собрали 420 т металлического лома⁴⁹.

К сбору металлолома привлекались и школьники младших классов. Осенью 1941 г. ученики 3-го класса школы № 9 Биробиджана собрали больше 1 т металлолома⁵⁰.

Одной из акций, связанной со сбором металлолома, был сбор гвоздей, поскольку строительные организации испытывали их острую нехватку. Поэтому было решено привлечь к работе по сбору гвоздей школьников. Весной 1942 г. Приморский крайком ВЛКСМ принял решение о том, что все пионеры и школьники края должны принять участие в сборе гвоздей:

⁴⁰ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 31. Л. 62.

⁴¹ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 791. Л. 111.

⁴² Там же. Д. 841. Л. 117.

⁴³ Там же. Д. 865. Л. 36.

⁴⁴ Там же. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 806. Л. 40.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 783. Л. 52.

⁴⁶ Там же. Д. 843. Л. 207.

⁴⁷ ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 28. Л. 44.

⁴⁸ Там же. Д. 27. Л. 15.

⁴⁹ Красное Знамя (Владивосток) 1943. 7 сент.

⁵⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 945. Л. 44.

устанавливалась норма – собрать каждому в течение месяца не менее 100 гвоздей, в ходе сбора развернуть социалистическое соревнование под лозунгом – кто больше соберет⁵¹.

Одной из проблем, которая сопровождала дальневосточников все годы войны, была нехватка топлива. Уголь и дрова в первую очередь поступали на промышленные предприятия, выпускающие продукцию для фронта, и социально важные объекты – медицинские учреждения, детские сады и ясли, школы. Но даже с учетом первоочередности обеспечения школ топливом его не хватало. Из-за отсутствия угля и дров в ряде школ занятия проводились при пониженной температуре, были случаи срыва учебных занятий на несколько дней. Поэтому многие директора школ из райцентров, рабочих поселков и сел были вынуждены организовывать из учащихся бригады по заготовке и доставке дров для школ, чтобы обеспечить их бесперебойную работу. Только в Сахалинской области на зиму 1943/1944 г. для школ силами учащихся, их родителей и учителей было заготовлено 12 750 куб. м дровяного топлива⁵².

В крупных городах школьников-старшеклассников привлекали к разгрузке угля, выкатке бревен из плотов, их распилке на чурки и т.д.⁵³ Они также работали в качестве истопников (кочегаров) при школьных котельных⁵⁴.

Еще одной обязанностью школьников старших классов был ежегодный ремонт школ во время летних каникул. В годы войны ремонт из-за нехватки средств и стройматериалов делался не во всех школах, а лишь там, где он был крайне необходим. Простейшие ремонтно-строительные работы – побелка, покраска – выполнялись силами учащихся. Летом 1943 г. во Владивостоке на ремонте школ под руководством учителей и родителей работали бригады учащихся общей численностью 100 чел.⁵⁵ В Хабаровске летом 1944 г. 200 учащихся старших классов были освобождены от работы в сельском хозяйстве и все лето трудились на ремонтно-строительных работах не только тех школ, где учились, но и других, подлежащих ремонту⁵⁶.

Все годы войны в школах Дальнего Востока продолжали действовать тимуровские команды, которые помогали престарелым и больным людям, семьям фронтовиков. Весной 1942 г. тимуровцы Благовещенской средней школы № 4 вскопали и посадили огороды семьям фронтовиков, за такую же работу (помощь семьям фронтовиков) тимуровская команда школы № 13 г. Хабаровск получила благодарность от горисполкома⁵⁷.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в условиях острого дефицита рабочих кадров дети с младшего школьного возраста (8–9 лет) и до старшего подросткового (16 лет) участвовали в трудовой деятельности – школьники (помимо учебы) работали на полях колхозов и совхозов, привлекались к сбору дикоросов, металлолома, ремонту школ и заготовке топлива; их сверстники, по разным причинам оставившие школу, постоянно работали в колхозах, на производстве, на рыбных промыслах.

По воспоминаниям А.Б. Бутовской, которая в годы войны училась в одной из школ Комсомольска-на-Амуре: во время летних каникул школьники трудились в колхозах и совхозах; в течение учебного года, кроме учебы, работали на воскресниках или занимались военно-спортивной подготовкой; выходных не было, вообще не было свободного времени ни для какого досуга – содержательного (чтение, походы в кино и театр) или развлекательного (игры, прогулки, общение со сверстниками)⁵⁸.

Такая ситуация, когда без детского и подросткового труда страна не могла обойтись, была связана с внезапным вторжением Германии 22 июня 1941 г., нарушившей пакт о ненападении 1939 г., что привело к тяжелой ситуации на фронтах летом-осенью 1941 г.,

⁵¹ ГАПК. Ф. П-435. Оп. 1. Д. 29. Л. 81.

⁵² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 892. Л. 37.

⁵³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 995. Л. 13–14; ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 35.

⁵⁴ ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 28. Л. 192.

⁵⁵ Там же. Д. 26-а. Л. 15.

⁵⁶ ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 892. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Д. 821. Л. 4.

⁵⁸ Бутовская А.Б. Комсомольск, школьные годы... С. 111.

а в дальнейшем к затяжному характеру войны. Для того чтобы одолеть сильного, хорошо подготовленного к войне врага, нашей стране пришлось задействовать все имеющиеся ресурсы, включая труд детей и подростков на производстве, в сельском хозяйстве и других сферах. Несмотря на тяготы и лишения, маленькие труженики внесли достойный вклад в достижение победы над врагом, работали в меру своих сил, что позволило нашей стране выстоять в годы Великой Отечественной войны, отстоять свободу и независимость.

Литература

Балдин С.С. Они тоже приближали победу: профтехшкола Приморья накануне и в годы войны // Россия и АТР. 2000. № 1. С. 23–28.

Бутовская А.Б. Комсомольск, школьные годы военные... Комсомольск-на-Амуре: ООО ПКП «ЖУК», 2008. 280 с.

Власов С.А. Повседневная жизнь учащихся и выпускников системы трудовых резервов в Хабаровском крае в годы Великой Отечественной войны // История повседневности. 2024. № 1. С. 96–112.

Время, события, люди: Приморье 1917–1980: сб. / под общ. ред. А.И. Крушанова. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. 400 с.

Камчатка в годы Великой Отечественной войны: сб. док-тов / сост. С. Ким. Елизово, 2005. 172 с.

Камчатка в годы Великой Отечественной войны: стат. сб. / сост. О.С. Гудь, И.В. Шамашова. Петропавловск-Камчатский: Управление Федеральной службы гос. статистики по Камчатскому краю, 2020. 16 с.

Марискин О.И., Сапожникова В.П. Трудовая деятельность детей и подростков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: на примере Республики Мордовия // Экономическая история. 2024. Т. 20, № 2. С. 162–165.

Попова К.В. Детский труд в условиях Великой Отечественной войны // Вестник научных конференций. 2016. № 1-5. С. 152–154.

Сулейманова Р.Н. «Заменяем наших отцов и братьев»: использование детского труда в народном хозяйстве СССР в годы Великой Отечественной войны: региональный аспект // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 95–103.

Романов Р.Е. «Становление жизни»: несовершеннолетние рабочие Новосибирска в военное время (1941–1945 годы) // Исторический курьер. 2021. № 1. С. 131–145. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-12.pdf> (дата обращения: 13.01.2025).

Ромашова М.В. Трудовое взросление в 1940-х гг. // Власть. 2012. № 10. С. 187–190.

Тарасова Л.Я. Трудовой вклад в победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) алтайских детей // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-2. С. 273–274.

Ткалич А.П., Балдин С.С. Кузница рабочих кадров: очерки развития профессионально-технического образования на Дальнем Востоке (1940–1975 гг.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1981. 96 с.

Ткачева Г.А. Подготовка кадров для промышленности и транспорта (1941–1945 гг.) // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 44–56.

Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Владивосток: Дальнаука, 2010. 376 с.

Шалкус Г.А. Трудовой подвиг детей и подростков Сахалинской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Сахалинского музея. 2023. № 1. С. 54–62.

References

Baldin, S.S. (2000). Oni tozhe priblizhali pobedu: proftezhskola Primop'ya nakanune i v gody voyny [They also Brought Victory Closer: The Vocational School of Primorye on the Eve of and during the War]. In *Rossiya i ATR*. No. 1, pp. 23–28.

Butovskaya, A.B. (2008). *Komsomol'sk, shkol'nye gody voennye...* [Komsomolsk, School Years War...]. Komsomol'sk-na-Amure, OOO PKP "Zhuk". 280 p.

Gud', O.S., Shamashova, I.V. (Comp.). (2020). *Kamchatka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kamchatka during the Great Patriotic War]. Petropavlovsk-Kachatskiy, Upravlenie Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Kamchatskomu krayu. 16 p.

Kim, S. (2005). *Kamchatka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kamchatka during the Great Patriotic War]. Yelizovo. 172 p.

Krushanov, A.I. (Eds.). (1982). *Vremya, sobytiya, lyudi: Primor'ye 1917–1980* [Time, Events, People: Primorye 1917–1980]. Vladivostok, Dalnevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo. 400 p.

Mariskin, O.I., Sapozhnikova, V.P. (2024). Trudovaya deyatel'nost detey i podrostkov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 godov: na primere Respubliki Mordoviya [Labor Activity of Children and Adolescents during the Great Patriotic War of 1941–1945: On the Example of the Republic of Mordovia]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. Vol. 20, No. 2, pp. 162–165.

Popova, K.V. (2016). Detskiy trud v usloviyah Velikoy Otechestvennoy voyny [Child Labor during the Great Patriotic War]. In *Vestnik nauchnykh konferentsiy*. No. 1-5, pp. 152–154.

Romanov, R.E. (2021). "Stanovlenie zhizni": nesovershennoletnie rabochie Novosibirsk v voennoe vremya (1941–1945 gody) [Formation of Life: Underage Workers of Novosibirsk during Wartime (1941–1945)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 1, pp. 95–103. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-12.pdf> (date of access 13.01.2025).

Romashova, M.V. (2012). Trudovoe vzroslenie v 1940-kh [Coming of Age in the 1940s]. In *Vlast*. No. 10, pp. 187–190.

Shalkus, G.A. (2023). Trudovoy podvig detey i podrostkov Sahalinskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Labor Feat of Children and Teenagers of the Sakhalin Region during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Sahalinskogo muzeya*. No. 1, pp. 54–62.

Suleymanova, R.N. (2016). "Zamenim nashih ottsov i brat'ev": ispol'zovanie detskogo truda v narodnom hozyaystve SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: regional'nyy aspekt ["Replacing Our Fathers and Brothers": The Use of Child Labor in the National Economy of the USSR during the Great Patriotic War: A Regional Aspect]. In *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii*. No. 1, pp. 95–103.

Tarasova, L.Ya. (2016). Trudovoy vklad v pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gody) altayskiy detey [Labor Contribution to the Victory in the Great Patriotic War (1941–1945) of Altai Children]. In *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. No. 16-2, pp. 273–274.

Tkacheva, G.A. (2006). Podgotovka kadrov dlya promyshlennosti i transporta (1941–1945 gody) [Training of Personnel for Industry and Transport (1941–1945)]. In *Rossiya i ATR*. No. 4, pp. 44–56.

Tkacheva, G.A. (2010). *Dal'nevostochnoe obshchestvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Far Eastern Society during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Vladivostok, Dal'nauka. 376 p.

Tkalich, A.P., Baldin, S.S. (1981). *Kuznitsa rabochikh kadrov: ocherki razvitiya professional'no-tehnicheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke (1940–1975 gody)* [Forge of Workers: Essays on the Development of Vocational Education in the Far East (1940–1975)]. Vladivostok, Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo. 96 p.

Vlasov, S.A. (2024). Povsednevnyaya zhizn uchashchihsya i vypusknikov sistemy trudovykh rezervov v Khabarovskom krae v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Everyday Life of Students and Graduates of the Labor Reserve System in Khabarovsk Krai during the Great Patriotic War]. In *Istoriya povsednevnosti*. No. 1, pp. 96–112.

Н.М. Маркдорф*

**ПРАВОНАРУШЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В КУЗБАССЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ****doi:10.31518/2618-9100-2025-2-13
УДК 947.085+362.74*Выходные данные для цитирования:**Маркдорф Н.М. Правонарушения несовершеннолетних в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 160–173.**URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-13.pdf>*

N.M. Markdorf

**JUVENILE DELINQUENCY
IN KUZBASS DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR****

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-13

*How to cite:**Markdorf N.M. Juvenile Delinquency in Kuzbass During the Great Patriotic War // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 160–173.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-13.pdf>]*

Abstract. The article provides a description of the state of offenses, including crimes committed by minors and children, during the war and in the first post-war years. The causes of offenses committed by individuals, including those in children's social, educational institutions (children's reception and distribution centers, orphanages) and educational institutions (schools of vocational education, vocational and railway schools) are investigated. The causes were identified, and quantitative indicators of offenses were characterized. During the war years the level of homelessness and neglect was high, which largely determined the significant rates of juvenile and especially adolescent crime and other offenses. Local authorities explained the situation with juvenile crime by the continuing problems in eliminating neglect, insufficient organization of preventive measures in educational institutions, and untimely identification of criminal groups of teenagers who were under the influence of criminal elements. Poorly organized educational work among the younger generation, among students of secondary specialized educational institutions, and, naturally, the negligent attitude of many parents to their responsibilities in raising children played a role. Local authorities required to take decisive measures aimed at combating homelessness, neglect, crime, and other unlawful offenses. Nevertheless, in the 1950s and 1960s it was not possible to eradicate such a phenomenon. The article is mainly based on archival sources concentrated in the archives of the Kemerovo and Novosibirsk regions.

Keywords: The Great Patriotic War, Kemerovo Region, Kuzbass, offense, crime, homelessness and neglect, minors and teenagers, children's reception and distribution center, orphanage, schools of vocational education, vocational and railway school, escapes, desertion.

* **Наталья Михайловна Маркдорф**, доктор исторических наук, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, e-mail: nmmark@mail.ru

Natalia Mikhailovna Markdorf, Doctor of Historical Sciences, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, e-mail: nmmark@mail.ru

** Автор выражает глубокую признательность директору Л.Ю. Сапуриной и сотрудникам Государственного архива Кузбасса, работникам Архива Информационного центра ГУ МВД России по Кемеровской области, оказавшим помощь в подборе материала.

The author expresses deep gratitude to the director L.Yu. Sapurina and employees of the State Archive of Kuzbass, employees of the Archive of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kemerovo Region, who assisted in the selection of material.

The article has been received by the editor on 10.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье дана характеристика состояния правонарушений, в том числе преступлений, совершаемых несовершеннолетними в военные и в первые послевоенные годы в Кемеровской области. Выявлены их причины и охарактеризованы количественные показатели, в том числе лицами, находившимися в детских социальных воспитательных учреждениях (детских приемниках-распределителях, детских домах) и учебных заведениях (школах фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных и железнодорожных училищах). Автор констатирует, что в военное время количественные показатели детской и подростковой преступности во многом объяснялись высоким уровнем беспризорности и безнадзорности в регионе, недостаточной организацией профилактических мероприятий в учебных заведениях, несвоевременным выявлением преступных групп подростков, находившихся под влиянием уголовного элемента, и, конечно, теми проблемами, которые решались в обществе в тяжелое для страны время. Свою роль играла слабо поставленная воспитательная работа среди подрастающего поколения, особенно среди учащихся учреждений среднего специального образования, и, конечно же, нерадивое отношение многих родителей к своим обязанностям в воспитании детей. От местных органов власти потребовалось принятие решительных мер, направленных на борьбу с беспризорностью, безнадзорностью, бродяжничеством, дезертирством с производства, из школ ФЗО, ремесленных, горных и железнодорожных училищ, побегами из детприемников и детских домов, преступностью и иными неправомерными поведением и проступками детей и подростков. Тем не менее в 1950–1960-е гг. изжить такое явление, как подростковая преступность, не удалось. В основном статья написана на основе архивных источников, сосредоточенных в архивах Кемеровской и Новосибирской областей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Кемеровская область, Кузбасс, правонарушение, преступность, беспризорность и безнадзорность, несовершеннолетние дети и подростки, детский приемник-распределитель, детский дом, школа ФЗО, ремесленное и железнодорожное училище, побеги, дезертирство.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025 г.

В годы Великой Отечественной войны и после ее окончания в Кемеровской области, как и в других тыловых регионах страны, наблюдался высокий уровень детских правонарушений и особенно преступности. Это было обусловлено следующими причинами. Во-первых, наличием детской беспризорности и безнадзорности. Если в 1942–1943 гг. в области насчитывалось около 4 000 беспризорных и безнадзорных детей, то в четвертом квартале 1944 г. их количество достигло 10 720 (3 512 беспризорных и 7 208 безнадзорных), а концу войны – 13 982 (3 516 беспризорных и 10 466 безнадзорных)¹. Во-вторых, неблагоприятной социально-экономической ситуацией, сложившейся в СССР. В-третьих, Кузбасс – высокоразвитый промышленный район, в который в годы войны было эвакуировано значительное число промышленных предприятий. В регионе трудилось большое количество мобилизованных рабочих и спецконтингентов (репатриантов, иностранных интернированных, спецпоселенцев различных национальностей), зачастую прибывавших в область вместе со своими семьями. На протяжении всего военного времени и первых послевоенных

¹ Архив информационного центра Главного управления МВД России по Кемеровской области (Архив ИЦ ГУ МВД России по КО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 28–48.

лет нерешенность их социально-бытовых проблем обусловила высокий уровень заболеваемости и смертности взрослых, а их осиротевшие дети часто пополняли ряды беспризорных. Часть рабочих, завербованных в промышленность Кузбасса из центральных районов страны, дезертировала с производства. Покидая область, многие бросали своих детей (в основном в возрасте от трех до семи лет) на вокзалах и базарах.

В детские приемники-распределители (ДПР), курируемые Управлением НКВД, беспризорные и безнадзорные несовершеннолетние поступали из милиции, доставлялись общественниками или приходили самостоятельно. При городских и районных отделениях милиции (с 1944 г. при детских комнатах милиции) действовали специальные группы, в состав которых входили работники детприемников и представители партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Приток детей и подростков в промышленные города Кузбасса обеспечивался за счет несовершеннолетних, бежавших в поисках лучшей доли, куска хлеба из сельской местности. На узловых железнодорожных станциях Тайга, Мариинск, Белово, Кольчугино, Топки, Сталинск, Юрга транспортная милиция ежедневно снимала с проходящих поездов несанкционированных и безбилетных «путешественников».

Особое внимание обращали на эшелоны, следующие через Кузбасс в европейскую часть страны и на Дальний Восток. Работники транспортной милиции договаривались с военными комендантами о передаче всех снятых детей с воинских эшелонов начальникам ДПР. Так, например, весной 1945 г. в поездах было задержано 113 детей, ехавших «на перекладных» в товарных вагонах и воинских эшелонах не только из сибирских городов (Иркутска, Красноярска, Абакана), но и из Москвы, Хабаровска, Владивостока. Только за первую половину 1945 г. через пять отделений милиции (Сталинск, Белово, Тайга, Топки, Кемерово) прошло 2 105 чел., в том числе 1 267 безнадзорных и 837 беспризорников². Все вышеназванные факты во многом объясняли постоянный рост числа беспризорных и безнадзорных детей и подростков, особенно в городской местности.

Малолетние бродяжки и попрошайки, которых местные жители в большом количестве могли наблюдать на улицах, возле рынков, у магазинов и на железнодорожных станциях, стали привычным явлением в сибирских городах. Дети и подростки пополняли ряды лиц, совершавших правонарушения, в том числе преступления, нередко попадая под влияние взрослого уголовного элемента.

В 1941–1945 гг. в Кемеровской области находилось шесть детских приемников-распределителей. В их задачи входил прием беспризорных и безнадзорных детей с улицы и дальнейшее их устройство в детские учреждения либо направление на предприятия области. Кроме детей, не имевших родителей и являвшихся полными сиротами, в детприемники (до 40 %) попадали дети и подростки, у которых родители (либо один из них) были. Часть несовершеннолетних добровольно уходила от родителей (опекунов) по причине тяжелого материального и финансового положения, неблагоприятной психологической обстановки в семье. Малолетние попрошайки и нищие, лишенные средств к существованию и вынужденные «зарабатывать» на улице, задерживались милицией и скрывали, что имеют близких родственников, осужденных или освободившихся из мест заключения родителей.

Находясь долгое время на улице, многие несовершеннолетние привыкали к бродяжничеству и после водворения в детское учреждение (детприемник-распределитель, детский дом) должны были следовать их жестким правилам, строго подчиняться дисциплине, выполнять режим дня и соблюдать правила внутреннего распорядка. Режим дня был одинаковым и для детей, и для подростков. Однако именно подростки наиболее тяжело привыкали к дисциплине, существующей в детском учреждении³.

Иногда в первые же дни пребывания в детском учреждении несовершеннолетние, не желая выполнять непривычные и отвергаемые ими требования, совершали побег.

² Данная статистика не в полной мере отражала уровень беспризорности, так как, во-первых, не всегда осуществлялся учет беспризорников. На составление разного рода сводок, справок и отчетов ввиду интенсивности оперативных мероприятий у сотрудников милиции времени да и желания не хватало (Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3. Л. 83).

³ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 16. Л. 126.

В рапортах, направляемых в УНКВД вместе с характеристиками на беглецов, руководство детприемников и детских домов указывало на полное отсутствие желания у подростков находиться в стенах любого детского учреждения. Часть из них, сохранивших контакты и поддерживающих связь с матерями рецидивистами, при первом удобном случае возвращалась к преступной деятельности. Пережив зиму и дождавшись лета, многие подростки вновь отправлялись в бега в поисках новых приключений. Иногда побег совершали целые компании друзей, в том числе и «в знак солидарности» с товарищем или под давлением его авторитета.

В свою очередь причинами, толкавшими подростков на самовольный уход из социального или воспитательного учреждения, становилась постоянная в нем численная скученность, неудовлетворительное снабжение питанием, холод в помещениях, грубость персонала, детская жестокость, отсутствие индивидуального внимания. В числе важных причин в Кемеровском отделении по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДБН) отмечали недокомплект профессиональных воспитателей, а следовательно их халатность, незаинтересованность в работе с трудными детьми и подростками.

Например, воспитанник Прокопьевского детского дома № 1 Пономарев Василий Елисеич 1940 года рождения сбежал из детского дома 12 раз. Предоставленный сам себе мальчик Антропов Николай Васильевич 1941 года рождения когда хотел, тогда и уходил из детского дома только потому, что его обижали старшие, а воспитатели не обращали на это никакого внимания. После возвращения в детдом с ним не проводилось никакой работы, а наоборот, его оставили без внимания⁴.

Так, только за четвертый квартал 1944 г. из детских домов Кемеровской области было зафиксировано 59 побегов, во втором квартале 1945 г. – 79, а в третьем квартале уже 90. Всего за первую половину 1945 г. из детских домов области совершили побег около 200 чел.⁵, в 1946 г. число побегов сократилось до 63⁶. Побег были зафиксированы во всех шести детских приемниках-распределителях. Также наибольшее их число приходилось на Прокопьевский № 3, Боровской, Колыонский, Анжеро-Судженский № 3, Берикульский, Стунисhevский, Власовский детские дома⁷.

На полноту статистики по побегам влияло отсутствие в детских учреждениях документов. В первые годы войны во многих детприемниках произошло уничтожение или частичная, а иногда и полная утрата по различным причинам как архивов, личных дел, так и материалов по розыску воспитанников, что существенно затрудняло учет совершавших правонарушения⁸. Даже в начале 1950-х гг. в ОБДБН УМВД отмечали, что в ряде детприемников отсутствовали картотеки учетных карточек бессрочного хранения на детей и подростков, документы с данными их проверок не сохранились, а личные дела воспитанников оборачивались в газетную бумагу⁹. Тем не менее сведения о побеге и их цифровые показатели зафиксированы в рапортах по детскому социальному учреждению, которые направлялись в Отделение по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Кузбасса.

На регулярно проводившихся совещаниях руководством областного Отделения по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью не просто констатировали наличие побегов, совершаемых воспитанниками детских приемников и детдомов, но и выявляли их причины, предлагали меры и разрабатывали стратегию по их предотвращению. Руководство детприемника или детского дома обязано было незамедлительно сообщать в детские комнаты милиции и в ОБДБН о побеге или о его подготовке¹⁰. Начиная с середины 1943 г. воспитанники, неоднократно бежавшие из детских домов, школ ФЗО или ремесленных

⁴ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 16. Л. 84.

⁵ Из них только 50 были возвращены в детские дома.

⁶ Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления России по Новосибирской области (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по НСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 301. Л. 2, 18.

⁷ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 9. Л. 99.

⁸ Данный пример показателен для ряда детских приемников-распределителей в 1940–1950-е гг. (Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 10. Л. 78).

⁹ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 16. Л. 126.

училищ, на основании инструкции НКВД и прокуратуры СССР от 24.06.1943 за № 325/52/45 отправлялись в трудовые воспитательные колонии¹¹.

С 1944 г. в Кемеровской области свое развитие получила практика размещения на железнодорожных станциях (Тайга, Мариинск, Белово, Кольчугино, Топки, Сталинск) контрольных постов¹². В общественных местах (театрах, садах, парках, рынках) не всегда регулярно, но действовали комсомольские посты. В весенне-летний период их количество старались увеличивать. Например, летом 1945 г. был организован десятидневный рейд по области с привлечением 120 профессиональных работников и 200 комсомольцев. Аналогичные рейды провели Сталинский и Беловский городские отделы Управления НКВД, а в Кемерово для поимки беглых из числа общественности были созданы три бригады (42 чел.)¹³.

Тем не менее следует отметить, что проведенные проверки со стороны Управления НКВД показали, что в нарушение государственных постановлений и инструкций не во всех детских учреждениях производился анализ причин побегов несовершеннолетних. В отчетности были отмечены заметные погрешности. Не всех беглецов сумели возвратить. Виновные в допущении побегов административные лица и персонал никоим образом не наказывались. Ряд партийных и профсоюзных работников организации в ликвидации побегов принимали недостаточное участие.

Правонарушения, совершаемые учащимися школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. С 1943 г. подростки старше 14 лет из приемников-распределителей, детских домов, возвращавшиеся из трудовых колоний, трудовых воспитательных колоний, централизованно направлялись на трудовое устройство на основании приказа Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и НКВД СССР от 13 сентября 1943 г. № 95/591 «О направлении в ремесленные, железнодорожные училища, школы ФЗО и промышленные предприятия подростков старше 14 лет из колоний для несовершеннолетних и детских приемников-распределителей НКВД». Сведения о количестве подростков старше 14 лет, поступавших в детприемники, передавались городским (районным) бюро по учету и распределению рабочей силы или городским и районным исполнительным комитетам¹⁴. При трудовом устройстве подросткам, если таковые отсутствовали, стали выдавать документы, удостоверяющие личность¹⁵.

Массовый характер в военные и в первые послевоенные годы носило дезертирство из учебных заведений (школ ФЗО, ремесленных, горных, железнодорожных училищ). Судя по приведенным Кемеровским областным управлением трудовых резервов данным, за 1942–1943 гг. из ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО на предприятия области поступило 35 000 рабочих, в 1944 г. через систему трудовых резервов области было подготовлено и передано на промышленные предприятия 15 500 молодых рабочих, за первую половину 1945 г. закончили учебу более 9 000 чел.¹⁶ За 1944 г. – первую половину 1945 г. учебные заведения самовольно покинули 2 453 чел. (1 090 чел. из школ ФЗО

¹⁰ В годы войны и в первые послевоенные годы область располагала пятью компаниями милиции (одна из которых – транспортная), сосредоточенными в основном в городской местности (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 459. Л. 367).

¹¹ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.

¹² Там же. Д. 10. Л. 19, 19 об.

¹³ Там же. Л. 38, 51.

¹⁴ «О направлении в ремесленные, железнодорожные училища, школы ФЗО и промышленные предприятия подростков старше 14 лет из колоний для несовершеннолетних и детских приемников-распределителей НКВД»: Приказ Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и НКВД СССР за № 95/591 13 сентября 1943 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 12. Д. 210. Т. 1. Л. 3–3 об.

¹⁵ Шатилов С.П. Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны // Право и политика. 2017. № 7. С. 77.

¹⁶ В Кемеровской области в 1944 г. действовали 22 ремесленных училища, 33 школы ФЗО; в 1945–1947 гг. – 16 ремесленных училищ, 3 железнодорожных училища, 59 школ ФЗО. На 01.07.1946 г. в школах ФЗО обучалось 9 093 чел., в училищах – 8 723 чел. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 11. Л. 45, 99; Государственное казенное учреждение «Государственный архив Кузбасса» (ГКУ ГАК). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

и 129 из училищ), или более 10 % от общего количества учащихся. Причем наибольший размах дезертирство приобрело в 1944 г. (1 645 чел., или 10,6 %) ¹⁷. Основной процент самовольных уходов приходился на учащихся, прибывавших в Кемеровскую область из других регионов страны ¹⁸.

В числе поступающих в школы ФЗО было много ранее судимых за уголовные преступления подростков, а также выпускников средних школ, отличавшихся девиантным поведением. У многих из них не было официально оформленных документов. В УНКВД и ОБДБН констатировали, что именно среди этой категории молодых людей было много дезертировавших из учебных заведений, а впоследствии с промышленных предприятий, и совершающих иные правонарушения, в том числе и уголовные преступления.

В свою очередь в качестве причин дезертирства несовершеннолетних и последующие за этим преступления в отчетных документах указывались следующие:

- необустроенность быта и неподготовленность общежитий к зимним условиям, отсутствие топлива, обмундирования и спецодежды;
- неудовлетворительно поставленная воспитательная, оздоровительная, военно-спортивная и культурно-массовая работа, ввиду чего подростки имели много свободного времени, которое проводили на улице и хулиганили;
- в ночное время в общежитиях отсутствовали проверки;
- аморальные проступки персонала.

В конце 1943 – начале 1944 г. УНКВД по Кемеровской области была произведена серия проверок санитарно-бытового состояния училищ и школ ФЗО, выявившая многочисленные факты нарушений. Например, в ходе обследования Кемеровского ремесленного училища № 17, в котором обучались дети-сироты, было зафиксировано неудовлетворительное состояние снабжения молодых людей питанием, обмундированием и топливом. В постановлении Обкома ВКП(б) отмечались факты использования молодых рабочих не по специальности (трест «Сталинскпромстрой»), направления их на разгрузку угля или на подсобные работы (промышленные предприятия и шахты Прокопьевска, Анжеро-Судженска). В июне 1945 г. очередная проверка выявила массовые пропуски занятий учащимися; число неуспевающих постоянно увеличивалось; состояние преподавания теоретических и производственных дисциплин оставалось на недопустимо низком уровне, так как по многим из них либо отсутствовали преподаватели, либо они имели низкую профессиональную квалификацию ¹⁹; ощущался дефицит производственных мастерских. Часть выпускников через 2–3 месяца (вместо отведенных шести) направлялась на производство, не получив необходимой квалификации.

К середине 1945 г. по решению Обкома партии во многих училищах заменили мастеров, был уволен начальник училища в Кемерово, и в конечном варианте во многих учебных заведениях смогли навести должный порядок. Были даны рекомендации администрации и работникам учебных заведений по организации и улучшению политико-воспитательной работы с несовершеннолетними, а также по борьбе с побегами и дезертирством. Обком ВКП(б) обязал руководство промышленных предприятий выделить училищам необходимое количество помещений для производственного обучения, размещения учащихся и организации для них нормальных жилищно-бытовых условий, решить вопросы обеспечения трехразовым питанием в столовых и бесперебойного снабжения их продуктами из подсобных хозяйств предприятий, организовать при учебных заведениях мастерские по ремонту обмундирования. Специальным постановлением запретили использовать не по специальности выпускников как на производстве, так и в самом учебном заведении, а также привлекать

¹⁷ ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 238. Л. 45, 47; Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 10. Л. 39.

¹⁸ Например, из 90 чел., прибывших в Кузбасс из Омской области молодых рабочих, в первые же месяцы с производства сбежали 40 чел.

¹⁹ Так, в 1947 г. руководство Кемеровского обкома ВКП(б) констатировало, что из 383 мастеров ремесленных училищ 322 имели незаконченное среднее или начальное образование, из 170 преподавателей у 73 отсутствовало педагогическое образование (ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 129. Л. 91).

их к работам, не связанным с обучением или производственной практикой²⁰. К началу 1946 г. в области предполагалось открыть два новых ремесленных училища на 300 мест специально для выпускников детских домов, увеличив срок их обучения до трех лет²¹.

За самовольный уход с места учебы или работы, а также систематическое грубое нарушение дисциплины, повлекшее исключение из школы или училища, несовершеннолетние правонарушители по приговору суда отправлялись отбывать наказание в трудовую колонию на срок до одного года, а начиная с 1943 г. в трудовую воспитательную колонию²². Администрации учебного заведения предлагалось незамедлительно сообщать данные о дезертирах в Прокуратуру, которая на основании справок о правонарушении, о поведении учащегося в стенах учебного заведения, его личностной характеристики, а также приказа об исключении из школы в пятидневный срок выносила решение о передаче дела в суд²³.

Письмо Народного комиссариата юстиции СССР (Наркомюст СССР, НКЮ СССР), Прокурора СССР и Главного управления трудовых резервов от 11 сентября 1943 г. «О мероприятиях по укреплению дисциплины в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО», с одной стороны, устанавливало учащемуся срок для исправления поведения до его исключения из училища или школы. С другой стороны, ужесточило наказание для дезорганизаторов учебно-производственной дисциплины, дезертиров, воров и хулиганов. Администрации учебного заведения предписывалось незамедлительно принимать меры к недопущению самовольных уходов учащихся. Должностных лиц (председателей сельсоветов, колхозов и иных учреждений), виновных в укрывательстве, самовольно оставивших училища и школы подростков или выдававших им фиктивные справки в целях уклонения от мобилизации или обучения в училищах и школах, привлекали в зависимости от обстоятельств дела и собранных доказательств к уголовной или дисциплинарной ответственности. Предусматривалась ответственность родителей через общественные организации предприятий, учреждений и колхозов, где они работали. После проведенного расследования Прокуратура передавала дела в суд. На судебные заседания вызывали представителей училищ и школ, а при необходимости выезжали в училища и школы.

За 1944 г. на основании данных нормативно-правовых актов к уголовной ответственности за дезертирство было привлечено более 500 учащихся, за 1945 г. – более 600²⁴. В 1944–1946 гг. было зафиксировано около 600 случаев дезертирства с производства молодых рабочих в возрасте до 18 лет. За восемь месяцев 1944 г. с завода «Карболит» дезертировало 69 чел., с завода № 388 – 48 молодых рабочих, не достигших 18 лет. Подобные случаи отмечали на других промышленных предприятиях области. В основном причинами стала необученность быта и дефицит мест в общежитиях, а также низкая заработная плата²⁵.

С 1943 г. розыск дезертиров (в том числе прибывших на предприятия из учебных заведений) с промышленных предприятий и обязательное уведомление Прокуратуры с результатами розыска и ареста дезертиров в пятидневный срок становятся постоянными²⁶. В июне 1944 г. был введен новый прядок организации розыскных мероприятий и привлечения к уголовной ответственности. Нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия в своем приказе от 07.07.1944 г. акцентировал особое внимание органов НКВД на важность быстрейшего устранения недочетов в деле борьбы с дезертирством на предприятиях военной промышленности и на максимально быстрый розыск дезертиров. Была введена в действие инструкция

²⁰ «О состоянии и мерах по улучшению работы ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО в Кемеровской области»: Постановление обкома ВКП(б) от 6 июня 1943 г. (ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 18. Л. 12–18, 20–21).

²¹ ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 137. Л. 148.

²² «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушения дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29.12.1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 1. С. 3–4.

²³ Приказ Народного Комиссара Юстиции Союза ССР, Прокурора Союза ССР и Начальника Главного управления трудовых резервов при СНК СССР от 4 января 1941 г. за № 2/5-3 // Государственные трудовые резервы: сборник официальных руководящих материалов. М., 1945. С. 48–50.

²⁴ ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 143. Л. 27–28.

²⁵ Там же. Л. 29–30.

²⁶ ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 35-1-1. Л. 1–2; Ф. 4. Оп. 1. Д. 316. Л. 196.

от 5 июля 1944 г. № 16/162/194 «О порядке розыска лиц, дезертировавших с промышленных предприятий в военное время». Под строгий контроль НКВД были взяты промышленные предприятия, МТС, колхозы, лесозаготовительные участки и иные учреждения. При этом Управления НКВД осуществляли меры по самостоятельному и незамедлительному розыску независимо от наличия розыскных заданий. Всех задержанных допрашивали, протоколы направляли в местную прокуратуру для привлечения виновных к уголовной ответственности²⁷.

В помощь органам милиции действовали группы общественного порядка из числа селян, управдомов, комендантов, дворников. Создавался партийно-комсомольский актив. Усилили проведение массовых операций (облав) по проверке документов во всех населенных пунктах, на станциях, в местах общего пользования, квартирах. Органам милиции, получившим розыскные задания прокуратуры от других органов милиции, поручили провести на обследуемой ими территории все необходимые розыскные мероприятия. На неустановленных в ходе оперативных мероприятий лиц дела в течение трех месяцев передавали в Первый спецотдел УНКВД.

Такое явление, как дезертирство из учебных заведений и предприятий области, до конца не было изжито и в послевоенное время, хотя благодаря предпринятым мерам оно значительно сокращается. Так, в 1946 г. зафиксировано 1 953 случая самовольного ухода молодых рабочих, а за первый квартал 1947 г. – еще 556, 132 дела бежавших из школ ФЗО и ремесленных училищ передали в суд²⁸.

К числу иных правонарушений, совершаемых учащимися средних учебных заведений в области, относились: нарушения режима, грубость и неповиновение администрации и педагогам, карточная игра, драки (что расценивалось как мелкое хулиганство), продажа и обмен казенного имущества на незначительные суммы на продукты питания на рынке, преднамеренное повреждение имущества, не наносящее серьезный ущерб учебному заведению (школы ФЗО Прокопьевска, Кемерово, Сталинска).

За мелкое хулиганство, нарушение общественного порядка, оскорбительное отношение к гражданам, грубость со стороны подростков и другие проступки к виновным применяли меры административного воздействия. Материалы о правонарушениях рассматривались народным судьей единолично в течение суток после поступления их в суд. Постановление суда приводилось в исполнение немедленно и обжалованию не подлежало. В то же время лица, отбывшие наказание за действия, предусмотренные Указом «Об ответственности за мелкое хулиганство», считались не имевшими судимости. За ними сохранялась ранее выполняемая работа и непрерывный трудовой стаж на производстве. Мелкое хулиганство влекло за собой арест на срок от 3 до 15 суток, если эти действия по своему характеру не влекли наказание, предусмотренное статьей 74 УК РСФСР²⁹.

В военное время из года в год возрастало количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними в учебных заведениях и молодыми рабочими на производстве. К числу наиболее характерных были отнесены следующие: злостное хулиганство, драки с применением холодного оружия, кражи и грабежи. За 1944–1945 гг. учащиеся совершили 89 преступлений, все они были привлечены к уголовной ответственности.

Преступность среди несовершеннолетних. Именно среди детей и подростков, самовольно покидавших детприемники, детские дома, дезертировавших из учебных заведений, трудоустроенных на промышленные предприятия, МТС или трудившихся в сельском хозяйстве, отмечался наиболее высокий процент лиц, совершавших преступления. Часть из них находилась под влиянием взрослых преступников, а часть попадала в различные крими-

²⁷ ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 322. Л. 46, 47.

²⁸ Например, в начале 1947 г. с Коксохимзавода из 290 прибывших из училищ дезертировало 219 молодых рабочих (ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Д. 9. Л. 38; ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 137. Л. 143; Д. 170. Л. 28).

²⁹ Тем не менее с целью борьбы с мелким хулиганством и учитывая, что уголовная ответственность за него не предусмотрена, зачастую рассматривалось несовершеннолетними правонарушителями как безнаказанность, Президиум Верховного Совета РСФСР 19 декабря 1956 г. принял специальное постановление и указ «Об ответственности за мелкое хулиганство». Указ утратил силу в соответствии с новым Указом Президиума РСФСР от 26.07.1966 г. (См.: Постановления Президиума ВС РСФСР. 1956. Д. № 212/8. С. 55, 107).

нальные группы. Так, за вторую половину 1944 г. за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность привлекли к уголовной ответственности 46 взрослых, в первой половине 1945 г. – 149 чел.³⁰ Причем это были не только закоренелые преступники, но и спившиеся родители. Многие из последних были осуждены³¹, лишены родительских прав, за допущение безнадзорности платили внушительные штрафы, а также были обязаны выплачивать алименты на содержание своих детей в детском заведении³². В послевоенные годы широкое распространение получила практика привлечения нерадивых родителей к показательным народным судам.

В целом по СССР количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в 1942 г., возросло по сравнению с 1941 г. на 61 %, а в 1944 г. – на 181 %³³. Так, Е.А. Чибурова отмечала, что среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности в стране, несовершеннолетние составляли 43 %, из них 68 % ранее были не судимы, а за кражи осудили 60 % беспризорных и безнадзорных³⁴.

В Западной Сибири уровень преступности несовершеннолетних был высоким, что обусловлено трудностями военного времени³⁵. Не исключением из общей ситуации стал и Кузбасс. В Кемеровской области во второй половине 1944 г. в своих отчетных документах бригада Совнаркома РСФСР зафиксировала рост преступности несовершеннолетних в два раза по сравнению с предыдущим годом и первыми двумя кварталами года текущего. Например, во втором квартале 1944 г. привлечено к уголовной ответственности 265 чел., за два месяца третьего квартала – 238 чел.³⁶ Наибольший всплеск преступности зафиксирован в Сталинске, Кемерово, Белово, Прокопьевске, Ленинске-Кузнецком.

Таблица

Виды преступлений и их количество

Показатель	4-й квартал 1944 г., чел.	1-й квартал 1945 г., чел.
Всего зарегистрировано преступлений	136	112
Из них:		
убийств бытовых	1	2
грабежей	2	39
телесных повреждений	2	12
кража скота	1	–
кражи	125	97
прочие	11	15
Привлечено несовершеннолетних к уголовной ответственности за текущий и предшествующий периоды	175	150
до 12 лет	7	22

³⁰ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 67–69.

³¹ Дети осужденных родителей направлялись в детские приемники-распределители, определявшие их в иное детское учреждение – детский дом, школу ФЗО, ремесленное училище (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. 322. Л. 31).

³² Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 9. Л. 179.

³³ Пажит Ю.Ю. Беспризорность, безнадзорность и детская преступность в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат-лы VIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 185–189.

³⁴ Чибурова Е.А. Деятельность милиции Алтайского края по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 21.

³⁵ Дунбинская Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 28 с.

³⁶ Маркдорф Н.М. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944–1950) // История повседневности. 2020. № 4 (16). С. 64–79.

Окончание табл.

Показатель	4-й квартал 1944 г., чел.	1-й квартал 1945 г., чел.
до 13 лет	13	33
до 14 лет	47	46
до 15 лет	69	46
до 16 лет	39	3

Составлено и подсчитано по: Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 10. Л. 97–99, 112.

К окончанию войны количество совершаемых несовершеннолетними преступлений сокращается, что объясняется тем комплексом мер, которые принимались органами государственной, исполнительной и партийной власти в отношении беспризорных и безнадзорных детей и подростков. После войны улучшается положение детприемников: часть из них финансировалась из государственного бюджета, часть – из регионального или имела смешанное финансирование и снабжение³⁷. Тем не менее уровень беспризорности и особенно безнадзорности и в послевоенные годы был высоким, что создавало почву для совершения несовершеннолетними правонарушений и преступлений.

Дети и подростки, совершившие правонарушения в приемниках-распределителях, в детских домах и иных учебных учреждениях, которые не могли быть осуждены, в соответствии с инструкциями НКВД направлялись в трудовые воспитательные колонии (ДТВК)³⁸. Это были:

– совершавшие мелкие кражи вещей и продуктов, и в том числе вовлекавшие других воспитанников в детприемниках, детских домах и иных учебных заведениях в преступную деятельность;

– неоднократно нарушавшие дисциплину и систематически не подчинявшиеся правилам внутреннего распорядка;

– многократно бежавшие из детприемников, детских домов. В ДТВК направляли тогда, когда все остальные меры педагогического воздействия были исчерпаны.

До разделения Новосибирской и Кемеровской областей, до открытия в Новосибирске трудовой воспитательной колонии (1943 г.) несовершеннолетних правонарушителей в первой половине 1940-х гг. направляли, как правило, в западносибирские города (например в Омск, Томск, Барнаул, Бийск), а также в другие регионы страны.

В 1942–1945 гг. в Западной Сибири было несколько трудовых и трудовых воспитательных колоний, организованных в Алтайском крае, Омской, Томской, Новосибирской областях. С октября 1943 г. в Омской области действовала детская трудовая воспитательная колония № 1 на 250 мест, среднесписочный состав которой менялся на протяжении 1940-х гг.³⁹ В 1942 г. на базе бывшей ИТЛ № 5 в г. Бийске была создана ДТВК для несовершеннолетних, а с 1944 г. в Барнауле (пос. Кирова) на базе барнаульского меланжевого комбината работали две колонии для несовершеннолетних: ТВК № 1 (для мальчиков) и ТВК № 2 (для девочек). Однако по численности колонии были небольшими. Например, 305 воспитанников барнаульской ТВК № 1 объединялись всего в пять отрядов⁴⁰.

³⁷ Сарбалаев А.М. Ретроспективный анализ социального сиротства в России: сущностные характеристики // Человеческий капитал. 2020. № 1 (133). С. 27.

³⁸ В ДТВК подростков направляли на основании действующей инструкции НКВД, НКО и Прокуратуры СССР от 21.06.1943 за № 325/52/45.

³⁹ Быкова А.Г., Быков А.В. Детская трудовая воспитательная колония № 1 УНКВД по Омской области: история создания и проблемы функционирования в 1943–1948 гг. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 4 (8). С. 83–89.

⁴⁰ Суверов Е.В. Деятельность детской трудовой воспитательной колонии в г. Бийске Алтайского края (1943–1945 гг.) // Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Барнаул, 2011. С. 73–74; Малкова Ю.А. Деятельность советских пенитенциарных учреждений и их роль в государственной репрессивной политике в Алтайском крае: 1937–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. С. 78–82; Суверов Е.В., Тарасова Л.Я. Алтайская милиция в борьбе с детской

С октября 1943 г. несовершеннолетних правонарушителей из Кузбасса принимала трудовая воспитательная колония № 1 в Томске⁴¹, а малолетних преступников – трудовая колония № 2 (рассчитанная на 500 мальчиков), из которой в ноябре 1943 г. предварительно вывели всех взрослых заключенных в отдельную обособленную зону⁴². К маю 1944 г. к существующим в Томской и Новосибирской областях дополнительно организовали три колонии с лимитом на 1 500 чел., при этом первоначально в колонии из Кемеровской области направили всего 99 чел.⁴³

Судя по архивным документам, из региона в четвертом квартале 1944 г. 51 несовершеннолетнего правонарушителя отправили в ТВК других областей и краев областей Западной, Восточной Сибири и Урала⁴⁴. Данная практика сохранялась и в последующие годы. Малый процент направления в колонии в этот период объяснялся следующими причинами: отсутствием своей ДТВК в области, длительностью получения нарядов от Отдела НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, так как для направления в учреждения других областей необходимо было запрашивать именной наряд. Его получение и оформление как в центре, так и на месте в общей сложности занимали 1–2 месяца.

В Кузбассе воспитательная трудовая колония отсутствовала. Областное Управление НКВД предполагало создать ее к началу 1945 г., но так и не открыло в последующие годы. В конце 1944 г. комиссия УНКВД осуществила проверку трех детских домов с целью открытия ДТВК на базе одного из них. При этом лучший Тутаевский детдом лично инспектировал начальник детской трудовой колонии г. Томска. Однако комиссия установила, что помещение, занимаемое детским учреждением, требует капитального ремонта, а его вместимость всего 100–120 чел., приспособить имеющиеся корпуса под производственные цеха, школу и иные хозяйственные нужды не удастся. Кроме того, этот детдом находился в 4 км от оборонного завода, сообщение с которым осуществлялось по железной и грунтовой дорогам и посредством паромной переправы через р. Томь⁴⁵.

В июне 1947 г. Кемеровским облисполкомом вновь был поднят вопрос об открытии ДТВК в г. Тайга Кемеровской области, однако данное решение так и осталось нереализованным⁴⁶. В связи с ростом преступности в военные и в первые послевоенные годы, количества побегов из различных социальных и специализированных детских учреждений предполагали дополнительно открытие детприемников в Прокопьевске и Тайге, что также не удалось осуществить.

Несмотря на наличие ТВК и ДТВК в 1940-е гг., малолетние заключенные в возрасте от 16 до 18 лет содержались в колониях ОИТК УМВД, расположенных в Кузбассе. К декабрю 1947 г. в десяти исправительно-трудовых колониях находилось 1 079 чел. Ряд директив НКВД-МВД СССР и Прокуратуры СССР регулировал режим содержания, определял порядок и условия их труда, которые неоднократно нарушались. Например, в ИТК № 6 в бараках вместе с 400 взрослыми заключенными (в том числе с особо опасными преступниками) находились 30 несовершеннолетних мальчиков. Как мальчики, так и девочки не имели чистого белья, спали на голом полу без каких-либо постельных принадлежностей. Несовершеннолетних использовали на тяжелых физических работах. В этом отношении Кузбасс не был исключением из числа других районов страны⁴⁷. Тем не менее в Управлении

беспризорностью и безнадзорностью в Алтайском крае: 1941–1945 гг. Барнаул, 2014; Блинова В.В. Детская преступность в годы Великой Отечественной войны // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4 (8). С. 41–50.

⁴¹ Решение приняли Новосибирский обком ВКП(б) и облисполком 07.09.1943 г. за № 431/15 в соответствии с указанием НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

⁴² ОАИ ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 302. Л. 196 об.

⁴³ Там же. Л. 271.

⁴⁴ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 65.

⁴⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 345.

⁴⁶ Приказание начальника МВД СССР по Кемеровской области. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 20–21.

⁴⁷ См., напр.: Гребенщикова И.В. Правовой статус несовершеннолетних, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 2 (42). С. 3–13. URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/52850> (дата обращения: 22.12.2023).

МВД было принято решение об улучшении содержания малолетних преступников, к декабрю 1947 – началу 1948 г. практически всех несовершеннолетних заключенных из тюрем и ИТК определили в специальные зоны, провели расследование о деятельности лиц, допустивших беззаконие, и виновных наказали⁴⁸.

Освобождаемые из колоний и тюрем лица, не достигшие 18-летнего возраста, были взяты на оперативный учет. Отделение по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью из областного Управления НКВД заблаговременно получало извещение об их возвращении в Кузбасс и направляло информацию в городские и районные отделения милиции. Так как освобожденные из колонии (особенно рецидивисты) могли вновь совершить преступление, за ними устанавливалось негласное наблюдение. Местные отделения должны были подтвердить факт прибытия и установить адрес проживания несовершеннолетнего.

Подводя итоги, можно утверждать, что в военные и в первые послевоенные годы уровень правонарушений, включая преступления, совершенные несовершеннолетними, был высоким. Управление НКВД–МВД по Кемеровской области, обком ВКП(б) отмечали, что количество привлеченных к уголовной ответственности подростков и детей являлось значительным, в том числе на протяжении всех 1950–1960-х гг. Как и в годы войны, в это время по-прежнему самое большое число преступлений составляли кражи общественного и личного имущества граждан. На втором месте находилось злостное хулиганство. Такое положение с преступностью среди несовершеннолетних местные органы власти объясняли сохранявшимися проблемами в деле ликвидации безнадзорности, слабой организацией профилактических мероприятий по предупреждению правонарушений в учебных заведениях, несвоевременным выявлением преступных групп подростков, находившихся под влиянием уголовного элемента. Свою роль, как и прежде, играла слабо поставленная воспитательная работа среди подрастающего поколения, особенно среди учащихся учреждений среднего специального образования, и, конечно же, нерадивое отношение многих родителей к своим обязанностям в воспитании детей.

Литература

Блинова В.В. Детская преступность в годы Великой Отечественной войны // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4 (8). С. 41–50.

Быкова А.Г., Быков А.В. Детская трудовая воспитательная колония № 1 УНКВД по Омской области: история создания и проблемы функционирования в 1943–1948 гг. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 4 (8). С. 83–89.

Гребенщикова И.В. Правовой статус несовершеннолетних, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 2 (42). С. 3–13. URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/52850> (дата обращения: 22.12.2023).

Дунбинская Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 28 с.

Малкова Ю.А. Деятельность советских пенитенциарных учреждений и их роль в государственной репрессивной политике в Алтайском крае: 1937–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 206 с.

Маркдорф Н.М. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944–1950) // История повседневности. 2020. № 4 (16). С. 64–79.

Пажит Ю.Ю. Беспризорность, безнадзорность и детская преступность в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат-лы VIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург: АМБ, 2007. Т. 2. С. 185–189.

Сарбалаев А.М. Ретроспективный анализ социального сиротства в России: сущностные характеристики // Человеческий капитал. 2020. № 1 (133). С. 26–33.

⁴⁸ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. Л. 14–17.

Суверов Е.В. Деятельность детской трудовой воспитательной колонии в г. Бийске Алтайского края (1943–1945 гг.) // Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Барнаул, 2011. С. 73–74.

Суверов Е.В., Тарасова Л.Я. Алтайская милиция в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в Алтайском крае: 1941–1945 гг. Барнаул: Барнаульский юридический институт, 2014. 87 с.

Шатилов С.П. Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны // Право и политика. 2017. № 7. С. 75–84.

Чибурова Е.А. Деятельность милиции Алтайского края по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 27 с.

References

Blinova, V.V. (2024). Detskaya prestupnost' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Child Crime during the Great Patriotic War]. In *Sibir' gumanitarnaya*. No. 4 (8), pp. 41–50.

Bykova, A.G., Bykov, A.V. (2015). Detskaya trudovaya vospitatel'naya koloniya № 1 UNKVD po Omskoy oblasti: istoriya sozdaniya i problemy funktsionirovaniya v 1943–1948 gg. [Children's Labor Educational Colony No. 1 of the UNKVD in the Omsk Region: History and Problems of Functioning in 1943–1948]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 4 (8), pp. 83–89.

Chiburova, E.A. (2010). Deyatel'nost' militsii Altayskogo kraya po bor'be s prestupnost'yu i okhrane obshchestvennogo poryadka v 1945–1953 gg. [Activities of the Altai Krai Police in Combating Crime and Maintaining Public Order in 1945–1953], Cand. hist. sci. diss. abstract. Barnaul. 27 p.

Dunbinskaya, T.I. (2004). Sotsialnaya adaptatsiya detey na territorii Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: analiz istoricheskogo opyta [Social Adaptation of Children in Western Siberia during the Great Patriotic War: Analysis of Historical Experience], Cand. hist. sci. diss. abstract. Tomsk. 28 p.

Grebenshchikova, I.V. (2023). Pravovoy status nesovershennoletnikh, sodержavshikhsya v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945) [The Legal Status of Minors Held in Forced Labor Institutions during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In *E'lektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"*. Vol. 11, No. 2 (42), pp. 3–13. Available at: URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/52850> (date of access 22.12.2023).

Malkova, Yu.A. (2013). Deyatel'nost' sovetskikh penitentsiarnykh uchrezhdeniy i ikh rol' v gosudarstvennoy repressivnoy politike v Altayskom krae: 1937–1953 gg. [The Activities of Soviet Penitentiary Institutions and Their Role in State Repressive Policy in the Altai Territory: 1937–1953], Cand. hist. sci. diss. abstract. Barnaul. 206 p.

Markdorf, N.M. (2020). Problemy likvidatsii detskoj besprizornosti i beznadzornosti v Kuzbasse (1944–1950) [Problems of Eliminating Child Homelessness and Neglect in Kuzbass (1944–1950)]. In *Istoriya povsednevnosti*. No. 4 (16), pp. 64–79.

Pazhit, Yu.Yu. (2007). Besprizornost', beznadzornost' i detskaya prestupnost' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Homelessness, Neglect and Juvenile Delinquency during the Great Patriotic War]. In *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya: materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Yekaterinburg, AMB. Vol. 2, pp. 185–189.

Sarbalaev, A.M. (2020). Retrospektivnyy analiz sotsial'nogo sirotstva v Rossii: sushchnostnye kharakteristiki [Retrospective Analysis of Social Orphanhood in Russia: Essential Characteristics]. In *Chelovecheskiy kapital*. No. 1 (133), pp. 26–33.

Shatilov, S.P. (2017). Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po bor'be s detskoй besprizornost'yu i beznadzornost'yu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Organizational and Legal Foundations of the Activities of Law Enforcement Agencies in Combating Child Homelessness and Neglect during the Great Patriotic War]. In *Pravo i politika*. No. 7, pp. 75–84.

Suverov, E.V. (2011). Deyatel'nost' detskoй trudovoy vospitatel'noy kolonii v gorode Biyske Altayskogo kraya (1943–1945 gg.) [Activities of the Children's Labor Correctional Colony in the City of Biysk, Altai Krai (1943–1945)]. In *Rossiya v epokhu modernizatsii: opyt, problemy, perspektivy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Barnaul, pp. 73–74.

Suverov, E.V., Tarasova, L.Ya. (2014). Altayskaya militsiya v bor'be s detskoй besprizornost'yu i beznadzornost'yu v Altayskom krae: 1941–1945 gody [Altai Police in the Fight Against Child Homelessness and Neglect in the Altai Region: 1941–1945]. Barnaul, Barnaul'skiy yuridicheskiy institut. 87 p.

Т.Г. Недзельюк
Е.В. Матерова*

**ДЕТСТВО В ЭВАКУАЦИИ:
ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ,
ЭВАКУИРОВАННЫХ НА ЮГ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-14
УДК 93/94(571.1)"1941/1945"

*Выходные данные для цитирования:
Недзельюк Т.Г., Матерова Е.В. Детство в эвакуации: источники для изучения истории повседневности детских учреждений, эвакуированных на юг Западной Сибири в период Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 174–183. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-14.pdf>*

T.G. Nedzelyuk
E.V. Materova*

**CHILDHOOD IN EVACUATION:
SOURCES FOR STUDYING THE HISTORY
OF THE DAILY LIFE OF CHILDREN'S INSTITUTIONS
EVACUATED TO THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-14

*How to cite:
Nedzelyuk T.G., Materova E.V. Childhood in Evacuation: Sources for Studying the History of the Daily Life of Children's Institutions Evacuated to the South of Western Siberia During the Great Patriotic War // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 174–183. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-14.pdf>]*

Abstract. The article is devoted to the characterization of the source potential for reconstructing the history of the daily life of children's institutions evacuated to the south of Western Siberia during the Great Patriotic War. The evacuation of children from places of military operations has acquired an urgent meaning in modern history. The historiography presents various, often contradictory, interpretations of the narrative "childhood in evacuation", which prompts us to once again turn to the topic of sources for studying the history of the daily life of children's institutions that changed their location during the Great Patriotic War. Children from besieged Leningrad and other occupied regions sought to settle in a warm climatic area (as far as possible in Siberia), and therefore the territorial locus of the study covers the Altai Territory, Novosibirsk, Omsk, Kemerovo regions and the south of Tomsk. The Altai village of Belokurikha became the home of the All-Union Artek Children's Camp for the period from 1942 to 1945. The office documentation on the research topic was identified by us as part of the archival collections of the State Archive of the Novosibirsk Region, the Novosibirsk City Archive, the State Archive of the Tomsk Region, the State Archive of the Altai Territory, the State Archive of Kuzbass. Sources of oral origin, materials of biographical interviews with former teachers, children from orphanages, Artek residents and their classmates provide an opportunity to study the history of extreme everyday life during the war.

Keywords: The Great Patriotic War, Western Siberia, history of childhood, alltagsgeschichte, source study, evacuation of the civilian population.

* **Татьяна Геннадьевна Недзельюк**, доктор исторических наук, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Новосибирск, Россия; Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Тобольск, Россия, e-mail: Nedzelyuk-tg@ranepa.ru

Tatyana Gennadievna Nedzelyuk, Doctor of Historical Sciences, Siberian Institute of Management – A Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia; Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia, e-mail: Nedzelyuk-tg@ranepa.ru

Екатерина Владимировна Матерова, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: Katyazotova@bk.ru

Ekaterina Vladimirovna Materova, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: Katyazotova@bk.ru

The article has been received by the editor on 26.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена характеристике источникового потенциала для реконструкции истории повседневности детских учреждений, эвакуированных на юг Западной Сибири в период Великой Отечественной войны. Эвакуация детей из мест ведения военных действий приобрела актуальное звучание в современной истории. В историографии представлены различные, нередко противоположные варианты трактовки нарратива «детство в эвакуации», что побуждает еще раз обратиться к теме источников для изучения истории повседневности детских учреждений, сменивших свою дислокацию в период Великой Отечественной войны. Детей из осажденного Ленинграда и других оккупированных областей стремились расселить в теплом климатическом ареале (насколько это возможно в условиях Сибири), а потому территориальный локус исследования охватывает Алтайский край, Новосибирскую, Омскую, Кемеровскую и юг Томской областей. Алтайский поселок Белокуриха стал домом для Всесоюзного детского лагеря «Артек» на период с 1942 по 1945 г. Делопроизводственная документация по теме исследования была выявлена нами в составе архивных коллекций Государственного архива Новосибирской области (ГАО), Новосибирского городского архива (НГА), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива Алтайского края (ГААК), Государственного архива Кузбасса (ГАК). Источники устного происхождения, материалы биографических интервью с бывшими воспитателями, воспитанниками детских домов, «артековцами» и их одноклассниками дают возможность изучения истории экстремальной повседневности военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Западная Сибирь, история детства, история повседневности, источниковедение, эвакуация гражданского населения.

Статья поступила в редакцию 26.02.2025 г.

Восемьдесят лет назад завершилась Великая Отечественная война. Несмотря на кажущуюся доскональную изученность ее событий, персоналий и результатов¹, ряд аспектов, как выясняется, до сих пор представляет собой если не «белые пятна», то малоизученные лакуны. К таковым относится повседневность эвакуации, в том числе детской. В отечественной историографии представлены различные, нередко противоположные варианты трактовки нарратива «детские учреждения в эвакуации», что побуждает еще раз обратиться к теме источников для изучения проблемы. Так, исследователь А.А. Славко отмечает, что «Детдом располагался в маленьких домах без удобств... В условиях печного отопления большинство печей были пожароопасны... Заготовкой дров занимались сами воспитанники, за что получали дополнительный кусочек хлеба с щепоткой сахара...»². Вероятно, с позиции современных социально-патронатных служб условия проживания в эвакуации не были идеальными и заслуживают критики. Правомерно ли подходить с «современным аршином»

¹ Стародубцев Е.Ю. Эвакуация промышленности и гражданского населения на территорию Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 312–318; Советская система охраны здоровья детей в годы Великой Отечественной войны. М., 2022; Семенова Е.Н. Медицинская помощь детям в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 6. С. 22–30. Носова М.С. Особенности детства в тыловом сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 58–63.

² Славко А.А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 79–88.

к событиям почти вековой давности? Были ли распространены иные варианты отопления зданий, помимо печного? Для экстренного размещения больших масс эвакуированного населения использовались помещения школ, церквей, частные дома. В качестве типичного примера рассмотрим «томский кейс». Учитывая, что к моменту начала войны население города Томска составляло около 150 тыс. чел., а в целом в современных границах Томской области проживало около 600 тыс. чел., то прием и размещение дополнительно свыше 50 тыс. чел., среди которых были рабочие промышленных предприятий, сотрудники учреждений культуры и правительственных учреждений, а также воспитанники детских домов, представляли значительную нагрузку на регион. Строительство комфортабельных помещений с центральным отоплением в годы войны относилось скорее к области фантастики.

О заготовке дров А.А. Славко повествует в трагичном тоне, при ближайшем же рассмотрении оказывается, что дрова «выделялись» детским учреждениям колхозами³ (в сельской местности), но их требовалось расколоть на мелкие щепочки (что, строго говоря, не относится к лесозаготовкам). Воспитанники всесоюзного детского лагеря «Артек», оказавшиеся в алтайском поселке Белокуриха с сентября 1942 по март 1945 г., напротив, не видели ничего зазорного в общественно-полезном труде: «Каждому отряду давалось задание по трудовой деятельности», – вспоминает старшая вожатая лагеря Антонина Сидорова, говоря о помощи местному совхозу. Повседневность артековцев включала не только песни возле костра, но и дежурство в столовой, в бригаде истопников, заготовку картофеля, колосков, уход за лошадьми для самого лагеря и госпиталя, разместившегося в санаторном корпусе Белокурихи⁴.

Организация питания в условиях длительной войны даже в тыловых регионах – непростая проблема. В работах Т.К. Щегловой неоднократно отмечалось голодное существование детей именно принимающего сибирского населения⁵, а вожатая «Артека» вспоминала, как 31 марта 1943 г. в качестве поощрения к ним приехала группа детей из Сибири и Алтайского края, большинство из которых уже работали на заводах, заменяя ушедших на фронт мужчин. Антонина Сидорова отмечала их «синеву и ослабленность». Всего же за время войны в «Артеке» побывало 500 местных ребятишек, «каждый из которых за смену поправился на 3–5 кг»⁶. Новосибирский городской архив (ГБУТО НГА) хранит решение Новосибирского горисполкома от 15 февраля 1943 г. № 102а, которым вводились нормы питания в детских учреждениях города⁷, сопоставимые с аналогичными нормами, зафиксированными постановлением того же горисполкома от 17 мая 1944 г. для руководства Западно-Сибирского филиала Академии наук⁸. В постановлении отмечалось, что «Руководители детских учреждений должны еженедельно отчитываться о расходовании продуктов перед районными контрольно-учетными бюро»⁹.

Цель настоящей статьи состоит в стратификации источникового потенциала для изучения истории повседневности детских учреждений, эвакуированных на юг Западной Сибири в период Великой Отечественной войны. Детей, прибывающих в порядке эвакуации, стремились расселить в теплом климатическом ареале (насколько это возможно в условиях Сибири), а потому территориальный локус исследования охватывает Алтайский край, Новосибирскую, Омскую, Кемеровскую области и юг Томской.

Хронологические границы исследования охватывают 1941–1945 гг. Так, уже 25 июня 1941 г. Новосибирским горисполкомом было принято решение № 473, в котором говорилось:

³ Снегирева Л.И. Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 28–31.

⁴ Сидорова А. Коротко об «Артеке», Всесоюзном пионерском лагере (воспоминания пионервожатой) // Артек на Алтае: сб. мат.-лов. Барнаул, 2019. С. 5–24.

⁵ Щеглова Т.К. Исследование исторической памяти и методы полевой работы военно-научного общества на юге Западной Сибири в 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 41–50.

⁶ Сидорова А. Коротко об «Артеке»... С. 18–19.

⁷ Новосибирский городской архив (НГА). Ф. 33. Оп. 1. Д. 537. Л. 57–58.

⁸ Там же. Д. 568. Л. 33.

⁹ Там же. Д. 537. Л. 58.

«В связи с возросшим числом прибывающего в Новосибирск эвакуированного населения Новосибирский горисполком принял решение от открытия с 1 августа 1941 г. детского дома на 100 человек¹⁰». 31 марта 1945 г. был дан старт возвратному движению – артековцы покинули Белокуруху¹¹, вслед за «Артеком» процесс реэвакуации начался и в других детских учреждениях.

Характеристика системы источников. Источники по теме настоящего исследования представлены несколькими группами. К первой относятся *законодательные и подзаконные правовые акты*. Декреты, постановления и решения Центрального комитета Коммунистической партии ЦК ВКП(б), Совета народных комиссаров (Совнаркома) «О создании Совета по эвакуации» от 24 июня 1941 г., Государственного комитета обороны (ГКО) «Об эвакуации промышленных предприятий» от 11 июля 1941 г.¹² сформировали правовой базис для перемещения больших групп населения из западных регионов страны на восток, в том числе в Западную Сибирь.

Создание нормативно-правовой основы эвакуационного процесса не только определило рамочные возможности для перемещения людей и ресурсов, но и директивно предопределило сроки и обязанности по их приему и размещению. Постановление Совета Народных Комиссаров от 23 января 1942 г. № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей» определило траекторию мероприятий, а приказы и инструкции Народного комиссариата торговли по вопросам карточной системы и нормированного снабжения позволили избежать тотального голода среди эвакуированных лиц¹³.

К категории подзаконных нормативных актов относятся решения местных органов исполнительной власти и муниципальных образований. Уже на четвертый день войны, 25 июня, Новосибирский горисполком принял решение «...в связи с возросшим числом прибывающего в Новосибирск эвакуированного населения»¹⁴ открыть с 1 августа 1941 г. детский дом на 100 чел.

Решением Новосибирского городского исполнительного комитета от 23 февраля 1942 г. № 203 восстанавливался существовавший ранее приемник-распределитель на 300 мест. Отмечалось, что «...из-за реорганизации детприемника город Новосибирск поставлен в затруднительное положение»¹⁵. Постановлением этого же органа власти от 15 февраля 1943 г. № 102а были введены специальные нормы питания в детских учреждениях, предписывавшие отпускать продовольственные товары, «указанные в приложении, за исключением хлеба, без зачета карточек»¹⁶; кроме того, было организовано пребывание эвакуированных детей в Новосибирском туберкулезном санатории с усиленным питанием, включающим сливочное масло, мясо и рыбу, сметану и сахар¹⁷.

Делопроизводственная документация была выявлена нами в составе архивных коллекций Государственного архива Новосибирской области (ГАО), Новосибирского городского архива (НГА), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива Алтайского края (ГАО), Государственного архива Кузбасса (ГАО). Например,

¹⁰ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 475. Л. 153.

¹¹ Сидорова А. Коротко об «Артеке»... С. 22.

¹² Законодательные и административно-правовые акты военного времени: с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942.; Законодательные и административно-правовые акты военного времени: с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г. М., 1943; Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени 1942–1943. Л., 1944; Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. Самый полный интернет-архив: 20 000 документов с 1917 по 1992 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 11.01.2025).

¹³ Об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей: Постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. № 75 // Собрание постановлений Совета народных комиссаров СССР. 1942. № 2. С. 2; Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения: Народный комиссариат торговли Союза ССР. М., 1944.

¹⁴ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 475. Л. 153.

¹⁵ Там же. Д. 507. Л. 161.

¹⁶ Там же. Д. 537. Л. 57, 58.

¹⁷ Там же. Д. 509. Л. 63.

в отделе архива Администрации Доволенского района Новосибирской области отложилось постановление исполнительного комитета Доволенского районного совета депутатов трудящихся и бюро РК ВКП(б) Новосибирской области от 15.06.1942 г. «О мерах по приему, расселению и трудоустройству эвакуированных из г. Ленинграда»¹⁸.

Рис. 1. Здание детского дома в пос. Суздалька Доволенского района Новосибирской области. Современное состояние (Фото Е.В. Матеровой)

Важное значение имеют материалы дел архивного хранения фонда Р-573 Управления Алтайского края по образованию и делам молодежи. Нами были востребованы описи 1–6 этого фонда (дела постоянного хранения) и 1а (дела по личному составу)¹⁹. На их основе установлены не только поименные списки воспитанников, но и эвакуированных педагогов, трудоустроенных в школы Алтайского края²⁰. Отмечена важная деталь: местами дислокации детских учреждений в эвакуации становились, как правило, районные центры (с. Баево Баевского района, с. Родино Родинского района, с. Смоленское Смоленского района, с. Волчиха Волчихинского района Алтайского края)²¹. Отчеты районных отделов образования Томской, Кемеровской, Новосибирской областей и Алтайского края позволяют сделать выводы о количественном составе воспитанников детских учреждений в эвакуации, о гендерных, возрастных и квалификационно-педагогических характеристиках сотрудников.

К третьему блоку мы отнесли корпус опубликованных документальных материалов, представляющих комплексные источники по теме. Трехтомный капитальный труд под ред. Л.И. Снегиревой, содержащий документы и материалы, в том числе статистические данные, о гражданском населении, эвакуированном в Западную Сибирь, позволяет составить представление и сделать выводы не только о количестве лиц, перемещенных из европейских регионов страны в наш регион, но и об условиях их размещения, жизнеобеспечения, организации питания и медицинского обслуживания, досуга²². Комплексным источником по повседневной истории типичного сибирского города следует считать издание Новосибирского городского архива «Жизнь Новосибирска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945»²³. Его ценность для нашего исследования состоит в органической включенности контекста эвакуации в общегородской нарратив. К этой же группе считаем возможным

¹⁸ Отдел архива Администрации Доволенского района Новосибирской обл. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 18–19.

¹⁹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-573. Оп. 1–6.

²⁰ ГААК. Ф. Р-573. Оп. 1а. Д. 209, 211; Оп. 6. Д. 8.

²¹ Недзелюк Т.Г. Детские учреждения в эвакуации на Алтае (1942–1946 гг.): по материалам государственного архива Алтайского края // Социальные, экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы. Барнаул, 2022. С. 207–212.

²² Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 3: Спасенное детство. Томск, 2005. 360 с.

²³ Жизнь Новосибирска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: календарь. Новосибирск, 2017.

отнести тематические базы данных об эвакуированных, созданные научными сотрудниками государственных архивов Томской и Кемеровской областей²⁴. Их важность и значимость заключаются в потенциальной доступности для генеалогических исследований потомками, в сохранении исторической памяти.

Четвертую группу источников составляют материалы периодической печати. Совершенно оригинальным примером локальной периодики стали «Окна «Артека»», выходявшие в Белокурихе стараниями воспитанников и вожатых лагеря по примеру знаменитых «Окон ТАСС»²⁵. «Детским проблемам» нашлось место как на страницах официальной «Советской Сибири», так и литературного альманаха «Сибирские огни». Территориальные газеты «Алтайская правда», «Бийский рабочий», «Сельская правда» на своих страницах военного периода сообщали о приезде эвакуированных ленинградцев, в послевоенных – о начале реэвакуации и возвращении детей в Ленинград; в 1994, 2005, 2020 и 2022 гг. здесь публиковались воспоминания бывших воспитанников и сотрудников детских домов²⁶.

Пятая группа – источники устного происхождения. Материалы биографических интервью с бывшими воспитателями детского дома в селе Суздалька Доволенского района Новосибирской области Зоей Дмитриевной Романкиной и Екатериной Павловной Москвоской, а также с одноклассниками воспитанников, старожилами Доволенского района Т.П. Маклюк, В.С. Черепановым и В.Н. Пинкером позволяют реконструировать событийную канву и воссоздать атмосферу экстремальной военной повседневности в глубоком тыловом сибирском поселке. Глубоко положительная эмоциональная окрашенность характеризует повествование респондентов. Удивительно, но «местные дети» завидовали детдомовцам, в распоряжении которых были индивидуальные одежда и обувь (а не одна пара валенок на всю семью), лыжи и санки. Эвакуированные же дети с удивлением взирали на «деревянную обувь» (лапти лыковые) местных ребятшек. Аналогичный нарратив озвучили бывшие воспитанники и воспитатели детских домов в пос. Шушенское Красноярского края и Яшкино Кемеровской области.

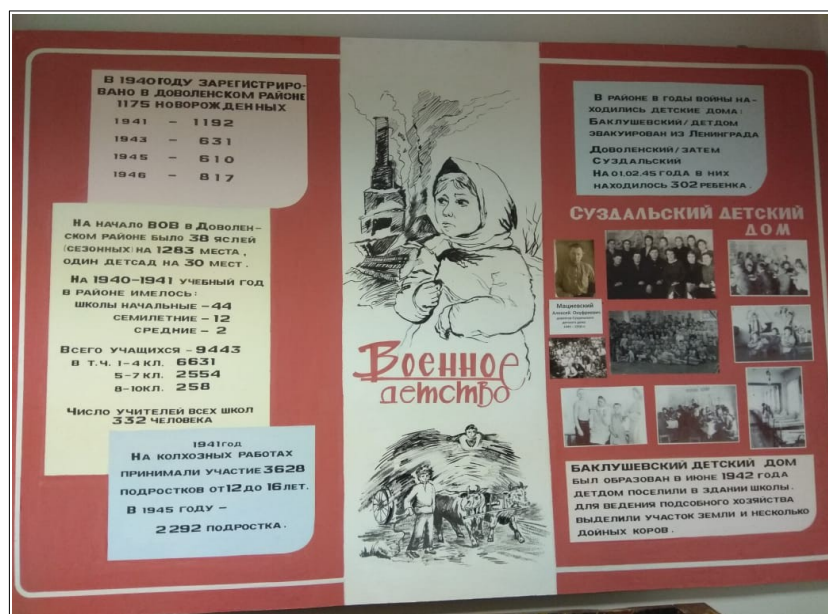

Рис. 2. Витрина экспозиции «Военное детство» в Доволенском районном краеведческом музее Новосибирской области

²⁴ Томская область в годы Великой Отечественной войны. Эвакуированные граждане: база данных [Электронный ресурс] // Центр документации новейшей истории Томской области. URL: <https://cdnito.tomsk.ru/evacuation/> (дата обращения: 05.01.2025); Эвакуация из Ленинграда и Ленинградской области в Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: тематическая база данных [Электронный ресурс] // Государственный архив Кемеровской области. URL: <http://arhfond.arhiv42.ru/database/11?sort=-content> (дата обращения: 08.01.2025).

²⁵ Артек на Алтае: сб. мат-лов. Барнаул, 2019. С. 102.

²⁶ В детском доме // Сельская правда. 1957. 12 апр.; Давно отгремела война // Сельская правда. 1994. 4 апр.; По доволенским просторам... Суздалька // Сельская правда. 2020. 14 нояб.; Маленькие ленинградцы «в далеких Баклушах» // Сельская правда. 2022. 5 февр.

Исследовательским коллективом Татьяны Кирилловны Щегловой из Барнаула проведены комплексные исследования oral history, направленные на изучение жизненных стратегий и повседневных практик сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны²⁷. Опубликованные результаты экспедиционных находок позволили сделать вывод относительно репрезентативности, верифицируемости и высокой частотности воспроизведения нарратива, охарактеризованного Щегловой как «субъективные показания», «устные рассказы, отражающие глубинное историческое мироощущение».

К группе источников «устной истории» примыкают произведения мемуарного жанра, а именно воспоминания, оставленные директорами детских домов для эвакуированных из блокадного Ленинграда – Петром Андреевичем Горьковским и Алексеем Онуфриевичем Мациевским (деревни Баклуши и Суздалка Доволенского района Новосибирской области), отложившиеся в коллекциях Музея истории развития образования города Новосибирска и Доволенского краеведческого музея, а также вожатыми и воспитанниками «Артека». Сборник материалов «“Артек” на Алтае» выдержал уже два издания, часть вошедших в него материалов увидела свет в качестве самостоятельных изданий на эстонском языке²⁸.

Самостоятельную ценность представляют письма участников интернациональной смены Этель Аэсмы, Ханса Лийва, Гене Эрславайте, Иоланды Рамми в штаб «Искорка», собранные учительницей Белокурихинской средней школы № 1 Раисой Берниковой.

Группа вещественных источников представлена материалами экспозиций краеведческих музеев Доволенского района Новосибирской области, Яшкинского района Кемеровской области, муниципального музея в селе Спирино Ордынского района Новосибирской области, Алтайского государственного краеведческого музея и городского музея «Мир детства» в Барнауле. Усилиями директора Доволенского детского дома Алексея Онуфриевича Мациевского оформлены в альбомы письма и подборки фотографий бывших воспитанников, которые щедро делились со своим покровителем и наставником военного периода эмоционально окрашенными воспоминаниями и повествованиями о новой «взрослой» повседневности. Школьные тетрадки и учебники военной поры, гусиные перья и чернильницы, ранцы и пеналы, горны и барабаны – неотъемлемые атрибуты школьной жизни ушедшей эпохи. Керосиновые лампы и фонари типа «летучая мышь» присутствуют во всех перечисленных музейных экспозициях, свидетельствуя о бытовых условиях жизни школьников военного лихолетья. Обязательным атрибутом досуга был баян. Лыжи и санки кустарного производства, коньки на валенках – визуальные источники для изучения истории повседневности детских учреждений в сибирской эвакуации, элементы «культурного кода» эпохи.

Заключение. Стратификация источникового потенциала в целях изучения истории повседневности детских учреждений, эвакуированных на юг Западной Сибири в период Великой Отечественной войны, призвана помочь как родственникам и потомкам когда-то вывезенных в Сибирь детей в их генеалогических исканиях, так и молодым историкам новой генерации. Сформировавшееся и казавшееся до недавнего времени незыблемым представление об эвакуации детей в Сибирь, о военном детстве периода Великой Отечественной войны нуждается в детализации и конкретизации. История повседневности как методологический инструмент, опирающаяся на репрезентативные исторические источники, дает возможность отойти от клише и шаблонов, увидеть живого человека с его потребностями, радостями и горестями. Благодаря возможностям цифровизации на базе городских и региональных архивов созданы тематические базы данных, позволяющие установить важные для родственников и потомков сведения. Имеется тенденция к изменению вектора экспозиционной деятельности краеведческих музеев – от атрибутов военной эпохи «взрослого мира» к артефактам «военного детства».

²⁷ Щеглова Т.К. Исследование исторической памяти и методы полевой работы военно-научного общества... С. 41–50; Щеглова Т.К. Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 2017. С. 22–39.

²⁸ Аэсма Э. Самая долгая путевка // Артек на Алтае. Барнаул, 2019. С. 25–120; Бабель В. Я и сейчас помню эстонские песни // Артек на Алтае... С. 153–160; Аас В. Путевка в «Артек» // Артек на Алтае... С. 121–142.

Литература

Артек на Алтае: сб. мат-лов / ред. Н.В. Юмашева. Барнаул: САМИ, 2019. 280 с.

Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 3: Спасенное детство / сост. Л.И. Снегирева. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 360 с.

Дунбинская Т.И. К вопросу о некоторых проблемах приема и размещения эвакуированного детского населения в Западной Сибири (1941–1942 гг.) // Актуальные проблемы Великой Отечественной войны. Томск, 2002. С. 68–77.

Жизнь Новосибирска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: календарь / сост. Ж.С. Осатаева, Т.А. Раснюк, Е.В. Шарухина. Новосибирск: Новосибирский городской архив, 2017. 236 с.

Коренюк М.В. Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени (по материалам Молотовской области): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2017. 293 с.

Матерова Е.В. Детские дома Доволенского района Новосибирской области периода Великой Отечественной войны в воспоминаниях их воспитанников и воспитателей [Электронный ресурс] // Интерактивное образование. 2023. Вып. № 106. URL: <https://io.nios.ru/articles2/124/15/detskie-doma-dovolenskogo-rayona-novosibirskoy-oblasti-perioda-velikoy> (дата обращения: 11.01.2025).

Недзелюк Т.Г. Детские учреждения в эвакуации на Алтае (1942–1946 гг.): по материалам государственного архива Алтайского края // Социальные, экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию образования СССР. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. С. 207–212.

Носова М.С. Особенности детства в тыловом сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 58–63.

Семенова Е.Н. Медицинская помощь детям в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 6. С. 22–30.

Славко А.А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 79–88.

Снегирева Л.И. Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 28–31.

Советская система охраны здоровья детей в годы Великой Отечественной войны / под ред. А.А. Баранова, В.Ю. Альбицкого, С.А. Шер. М.: Педиатр, 2022. 111 с.

Стародубцев Е.Ю. Эвакуация промышленности и гражданского населения на территорию Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2024. Т. 24. Вып. 3. С. 312–318.

Щеглова Т.К. Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. С. 22–39.

Щеглова Т.К. Исследование исторической памяти и методы полевой работы военно-научного общества на юге Западной Сибири в 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 41–50.

References

Baranov, A.A., Al'bitskoy, V.Yu., Sher, S.A. (Eds.). (2022). *Sovetskaya sistema okhrany zdorov'ya detey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Soviet System of Child Health Protection during the Great Patriotic War]. Moscow, *Pediatr.* 111 p.

Dunbinskaya, T.I. (2002). K voprosu o nekotorykh problemakh priema i razmeshcheniya evakuirovannogo detskogo naseleniya v Zapadnoi Sibiri (1941–1942 gg.) [On the Issue of Some Problems of Reception and Accommodation of the Evacuated Child Population in Western Siberia (1941–1942)]. In *Aktual'nye problemy Velikoy Otechestvennoy voyny*. Tomsk, pp. 68–77.

Korenyuk, M.V. (2017). *Povsednevnaia zhizn' detey voennogo i poslevoennogo vremeni (po materialam Molotovskoy oblasti)* [Daily Life of Children of the War and Post-War Period (Based on the Materials of the Molotov Region)], Dr. hist. sci. diss. Perm'. 293 p.

Materova, E.V. (2023). Detskie doma Dovolenskogo rayona Novosibirskoy oblasti perioda Velikoy Otechestvennoy voyny v vospominaniyakh ikh vospitannikov i vospitateley [Orphanages of the Dovolensky District of the Novosibirsk Region during the Great Patriotic War in the Memoirs of Their Pupils and Tutors]. In *Interaktivnoe obrazovanie*. No. 106. Available at: URL: <https://io.nios.ru/articles2/124/15/detskie-doma-dovolenskogo-rayona-novosibirskoy-oblasti-perioda-velikoy> (date of access 11.01.2025).

Nedzeliuk, T.G. (2022). Detskie uchrezhdeniya v evakuatsii na Altae (1942–1946 gg.): po materialam gosudarstvennogo arkhiva Altayskogo kraya [Children's Institutions Evacuated in Altai (1942–1946): Based on the Materials of the State Archive of the Altai Territory]. In *Sotsial'nye, ekonomicheskie i kul'turnye aspekty vzaimodeystviya slavyanskikh i tyurkskikh narodov SSSR: itogi i perspektivy*. Barnaul, pp. 207–212.

Nosova, M.S. (2019). Osobennosti detstva v tylovom sibirskom gorode v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere Omska) [Childhood Features in the Rear Siberian City during the Great Patriotic War (On the Example of Omsk)]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 4, No. 2, pp. 58–63.

Ostareva, Zh.S., Rasnyuk, T.A., Sharukhina, E.V. (Comp). (2017). *Zhizn' Novosibirska v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: kalendar'* [The Life of Novosibirsk during the Great Patriotic War 1941–1945: Calendar]. Novosibirsk, Novosibirskiy gorodskoy arkhiv. 236 p.

Semenova, E.N. (2020). Meditsinskaya pomoshch' detyam v Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Medical Care for Children in Western Siberia during the Great Patriotic War]. In *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. No. 6, pp. 22–30.

Shcheglova, T.K. (2017). Ustnaya istoriya (oral history) kak metod i istochnik etnograficheskikh issledovaniy sel'skogo naseleniya v kontekste istoricheskikh sobytiiy XX – nachala XXI veka [Oral History as a Method and Source of Ethnographic Research of the Rural Population in the Context of Historical Events of the 20th – Early 21st Century]. In *Ustnaya istoriya: zhiznennye strategii i povsednevnye praktiki sel'skogo naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. Barnaul, pp. 22–39.

Shcheglova, T.K. (2024). Issledovanie istoricheskoy pamyati i metody polevoy raboty voenno-nauchnogo obshchestva na yuge Zapadnoy Sibiri v 1960-kh gg. [Research of Historical Memory and Methods of Field Work of the Military Scientific Society in the South of Western Siberia in the 1960s]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 31, No. 2, pp. 41–50.

Slavko, A.A. (2010). Detskie doma i shkoly dlya detey-sirot v Rossii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i poslevoennyy period [Orphanages and Schools for Orphaned Children in Russia during the Great Patriotic War and the Post-War Period]. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. No. 1, pp. 79–88.

Snegireva, L.I. (2010). Evakuatsiya detey v Zapadnuyu Sibir' (1941–1945 gg.) [Evacuation of Children to Western Siberia (1941–1945)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 28–31.

Snegireva, L.I. (Comp.). (2005). *Vo imya Pobedy: evakuatsiya grazhdanskogo naseleniya v Zapadnuyu Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v dokumentakh i materialakh: v 3 tomakh. Tom 3: Spasennoe detstvo* [In the Name of Victory: Evacuation of the Civilian Population to Western Siberia during the Great Patriotic War in Documents and Materials: In 3 Vols. Vol. 3: Saved Childhood]. In *Spasennoe detstvo*. Tomsk. 360 p.

Starodubtsev, E.Yu. (2024). *Evakuatsiya promyshlennosti i grazhdanskogo naseleniya na territoriyu Kuzbassa v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Evacuation of Industry and Civilian Population to the Territory of Kuzbass during the Great Patriotic War]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 24, No. 3, pp. 312–318.

Yumasheva, N.V. (Ed.). (2019). *Artek na Altae: sbornik materialov* [Artek in Altai: Collection of Materials]. Barnaul. 280 p.

Е.П. Мироничев*

«...ЭТО НЕ ОПЕРАЦИЯ, А ЭКСПЕДИЦИЯ.
ЖАЛЬ СИЛ, КОТОРЫЕ БУДУТ ЗДЕСЬ ИСПОЛЬЗОВАНЫ»:
СОВЕТСКОЕ ЗАПОЛЯРЬЕ В ДОКУМЕНТАХ ВЫСШЕГО
ГЕРМАНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ В 1940–1941 ГОДАХ

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-15
УДК 94(470.2)

Выходные данные для цитирования:
Мироничев Е.П. «...Это не операция, а экспедиция. Жаль сил, которые будут здесь использованы»: Советское Заполярье в документах высшего германского командования в 1940–1941 годах // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 184–200. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-15.pdf>

E.P. Mironichev*

“...THIS IS NOT AN OPERATION, BUT AN EXPEDITION.
IT IS A PITY FOR THE FORCES THAT WILL BE USED HERE”:
THE SOVIET ARCTIC IN THE DOCUMENTS
OF THE GERMAN HIGH COMMAND IN 1940–1941

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-15

How to cite:
Mironichev E.P. “...This is Not an Operation, but an Expedition. It is a Pity for the Forces That will Be Used Here”: The Soviet Arctic in the Documents of the German High Command in 1940–1941 // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 184–200. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-15.pdf>]

Abstract. The article, based on published and unpublished German military planning documents, including those posted in electronic remote access systems, reveals the significance of the military operation in the Arctic in the main documents preparing the aggression of the Third Reich against the USSR in 1940–1941. Historiography has a simplified disclosure of the topic, and does not study the impact of these plans on the course of hostilities. A consistent review of the documents shows that the prepared plan of Operation “Silberfuchs” was largely formed due to pronounced economic reasons, but at the same time had a low military demand, which led to the disproportionality of the set goals and the training carried out by the German command. The contradictions and views of the German command related to the plans in the North are shown. The main factors in the preparation of the German operation in the Arctic are identified, including the stated position of the Finnish government, the real and hypothetical actions of the British and Soviet navy fleets in 1941, as well as the importance of Norway in German trade and economic chains. Based on the available materials, an attempt is made to simulate the process of developing the “Silberfuchs” plan considering the events of the Soviet-Finnish war and hypothetical actions arising from the pre-war plans of the involved parties. The pre-war plans had a great influence on the events of the Great Patriotic War in the North in 1941, when the German-Finnish troops in the Arctic could not defeat the Red Army and did not achieve their stated goals in any of the areas of military operations.

Keywords: The Great Patriotic War, Arctic, Murmansk, Norway, Wehrmacht, War planning, 1941.

The article has been received by the editor on 22.03.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Евгений Павлович Мироничев**, соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Музей Карельского фронта (филиал БУ «Национальный музей Республики Карелия»), Беломорск, Россия, e-mail: evilchainsaw@yandex.ru
Evgeniy Pavlovich Mironichev, Candidate for a Degree, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Museum of the Karelian Front (Branch of the National Museum of the Republic of Karelia), Belomorsk, Russia, e-mail: evilchainsaw@yandex.ru

Аннотация. Статья на основе опубликованных и неопубликованных германских документов военного планирования, в том числе размещенных в электронных системах удаленного доступа, раскрывает значение военной операции в Заполярье в основных документах подготовки агрессии Третьего рейха против СССР в 1940–1941 гг. Отмечается упрощенное раскрытие темы в историографии, в которой также не изучается влияние этих планов на ход боевых действий. Последовательное рассмотрение документов показывает, что подготовленный план операции «Зильберфукс» во многом сформировался из-за ярко выраженных экономических причин, но при этом имел невысокую военную востребованность, что обусловило несоразмерность заданных целей и проведенной подготовки со стороны германского командования. Показаны противоречия и воззрения германского командования, связанные с планами на Севере. Выявлены главные факторы подготовки германской операции в Заполярье, среди которых позиция финляндского правительства, реальные и гипотетические действия британского и советского флота в 1941 г., а также важность Норвегии в торгово-экономических цепочках Германии. Сделана попытка на основе доступных материалов смоделировать процесс выработки плана «Зильберфукс» через призму событий советско-финляндской войны и гипотетических действий, вытекающих из предвоенных планов сторон. Делается вывод о большом влиянии предвоенных планов на события Великой Отечественной войны на Севере в 1941 г., когда германско-финляндские войска в Заполярье не смогли нанести поражение Красной армии и не достигли заявленных целей ни на одном из направлений боевых действий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Заполярье, Мурманск, Норвегия, Вермахт, военное планирование, 1941.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025 г.

Оборона Советского Заполярья стала одним из эпизодов Великой Отечественной войны, до сих пор привлекающим к себе разного рода исследователей. К этой теме весьма часто обращаются и средства массовой информации. Оборона Заполярья стала прочно ассоциироваться с действиями Северного флота и с героической борьбой за Мурманск, незамерзающий порт и пункт приема союзных конвоев. Петсамо-Киркенесская операция, имевшая среди прочего еще и внешнеполитический аспект, обратила на себя внимание историков и военных теоретиков как один из примеров успешной крупной операции в сложных заполярных природно-климатических условиях. Она также вошла в список «десяти сталинских ударов», став в нем последним – десятым, завершив таким образом этот перечень крупных наступлений Красной армии в 1944 г.

Вместе с тем в истории боевых действий на Севере остается большое количество белых пятен. Победная операция 1944 г. окончательно оформила определенный перекоп в изучении боевых действий на Севере. Оборона Заполярья фактически отождествляется с событиями, развернувшимися на мурманском направлении и в Баренцевом море. В то же время боевые действия в южной части Заполярья остаются без внимания. Это, в свою очередь, привело к появлению мнения в отечественной историографии и публицистике, которое гласило об исключительной роли Мурманска в планах нацистской Германии. Некоторые авторы добавляют также и фактор богатства Кольского полуострова природными ресурсами, что якобы привлекало германское военно-политическое руководство.

Необходимо отметить, что в историографии глубокого рассмотрения планов Германии в Заполярье не производилось. В советский период, как было указано, сформировалась точка зрения об исключительности Советского Заполярья в германских планах. Она поддерживалась Н.М. Румянцевым¹, А.А. Киселёвым², авторами многотомных изданий, посвященных

¹ Румянцев Н.М. Победа Советской Армии в Заполярье: Десятый удар (1944 год). М., 1955; Румянцев Н.М. Разгром врага в Заполярье. Военно-исторический очерк. М., 1963.

² Киселёв А.А. Крушение планов фашистской Германии в Заполярье // Вопросы истории. 1984. № 11. С. 25–38.

Второй мировой³ и Великой Отечественной войне (изданных в 1960-е⁴ и в 2010-е гг.⁵), а также авторским коллективом монографии «Карельский фронт в годы Великой Отечественной войны»⁶. Как правило, в них представлены общие сведения о важности Мурманска как незамерзающего порта и Кировской железной дороги как единственного сухопутного пути на юг, а также о богатых ресурсах Кольского полуострова. Как представляется, недоступность и фрагментарность германских документов привели к появлению такого объяснения попыток германских войск атаковать Мурманск. Особняком стоит работа А.М. Носкова, основанная на богатом материале и большом количестве иностранных источников⁷. Впервые в отечественной историографии представлена объективная картина планов Германии в Заполярье, указана главная задача вермахта на Севере – оборона Норвегии. При этом А.М. Носков, прилагая обширный материал, подтверждающий по крайней мере непервостепенный характер операции против Мурманска, противоречиво заявляет, что «...однако это не означало, что захвату Кольского полуострова гитлеровское командование придавало второстепенное значение»⁸.

После 1991 г. в историографии все меньше декларировалась исключительность Кольского полуострова и внимание было сосредоточено на проблемах советского планирования. Наиболее содержательными работами по теме являются труды А.А. Чапенко⁹, Д.Г. Семёнова¹⁰, В.Н. Барышникова¹¹, Д.В. Дулича¹², коллективная монография «Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны»¹³ и др. Однако и среди современных исследователей вопрос германских планов описывается в основном по уже ранее опубликованным работам, как правило, не отражающим фактический материал по документам противника. Хотя еще в начале 2000-х гг. появился ряд работ М.Н. Супруна и Р.Ю. Болдырева, освещавших подготовку агрессии рейха на Севере через призму разведанных¹⁴, фрагментарность доступных материалов не позволила в полной мере и целостно тогда отразить специфику планов вермахта против Советского Севера.

Вместе с тем в зарубежной историографии картина германского планирования в Заполярье представлена более подробно. Одним из первых зарубежных исследователей, обстоятельно описавшим ход подготовки германской агрессии на Севере, стал Э. Зимке¹⁵ в 1950-е гг. С привлечением зарубежных источников также изданы труды Х.О. Лунде¹⁶, К. Манна и К. Йоргенсена¹⁷, многие аспекты через призму финляндско-германского сотруд-

³ История Второй Мировой Войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М., 1974. Т. 3: Начало войны. Подготовка агрессии против СССР.

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1960. Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1961. Т. 2: Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.).

⁵ Великая Отечественная Война 1941–1945 гг.: в 12 т. М., 2012. Т. 2: Происхождение и начало войны.

⁶ Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1984.

⁷ Носков А.М. Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М., 1977.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Чапенко А.А. Война на мурманском направлении. Год 1941-й. Лето-осень. Красноярск, 2018.

¹⁰ Семёнов Д.Г. Мурманск в советском военном планировании 1920–1930-х гг. // Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее: материалы межрегион. науч. конф. Мурманск, 2016. С. 47–53.

¹¹ Барышников В.Н. Вступление Финляндии во вторую мировую войну (1940–1941 гг.). СПб., 2005.

¹² Дулич Д.В. «Героический Рыбачий, фатальный Рыбачий...»: проблема места истории обороны полуострова Рыбачий в истории Великой Отечественной войны в Заполярье // Ученые записки МАГУ. Исторические науки: сб. науч. ст. Мурманск, 2022. С. 31–45.

¹³ Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. СПб., 2005.

¹⁴ Супрун М.Н., Болдырев Р.Ю. Немецкая разведка о Русском Севере, 1939–1943 гг.: из “Сборной папки о тыловой области противника перед 20-м горным корпусом по состоянию на 01.02.1943 г.” // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 4. Архангельск, 2000. С. 291–318; Болдырев Р.Ю. Русский Север глазами германской разведки. Молотовск в документах армии «Норвегия» // Война в Арктике (1939–1945 гг.). Архангельск, 2000. С. 187–203.

¹⁵ Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы. Боевые операции Третьего рейха. 1940–1945. М., 2005.

¹⁶ Lunde H.O. Finland's War of Choice: The Troubled German-Finnish Coalition in World War II. Haverton, 2011.

ничества отражены в работах М. Йокипии¹⁸, А. Раунио¹⁹ и Ю.М. Килина²⁰, в финских много- томных трудах по истории войны 1941–1945 гг., изданных в 1950-х²¹ и в 1990-х гг.²², и др. Значительная информация о непосредственной подготовке содержится и в воспоминаниях прежде всего германских военнослужащих – Г. Хёлтера²³, В. Гесса²⁴, Ф. Шрайбера²⁵, К. Кнабе²⁶ и многих других, участвовавших в боях в Заполярье. Однако и они, написанные зачастую в духе «доблестной истории борьбы против СССР», лишь фрагментарно показывают некоторые аспекты и не содержат обстоятельного анализа процесса подготовки операции.

Поэтому ни в отечественной, ни в зарубежной историографии не ставились вопросы ни о документально подтвержденных причинах наступления на Севере, ни о влиянии изначальных германских планов на ход событий Великой Отечественной войны в Заполярье, особенно в первые месяцы боевых действий.

Более того, в связи с обострением внешнеполитической ситуации и ростом напряженности на северных границах из-за недружественных действий западных стран вновь становится актуальным осмысление опыта Великой Отечественной войны на Севере. Авторская работа по теме позволила включить в научный оборот ряд новых германских документов, обратила внимание на некоторые аспекты, не раскрытые в отечественной историографии. Например, поднята проблема выбора приоритетного направления германского наступления в Заполярье и показаны идеи германского генштаба на ведение боев на Севере, что повлияло на ход Великой Отечественной войны на этом участке. Выявление этого полезно не только с точки зрения истории, но и актуально в современной ситуации. Большое значение в данной работе играет не только анализ вводимых в оборот документов и их сопоставление между собой и с советскими документами, но и рассмотрение их в контексте общих событий, моделирование на основе аналогичных произошедших событий (например, штабные игры, действия войск в других конфликтах в том же регионе), воззрений и установок, прописанных в документах, а также регионально-исторических условий, характерных для приграничного Севера.

Не умаляя подвиг Мурманска, мурманчан и войск, находившихся в северной части Кольского полуострова, нужно отметить, что, как представляется, сложившаяся ситуация в историографии не позволяет назвать ее объективной. Рассмотрение документов германского командования на высшем уровне позволяет дать ответ на вопрос: если Заполярье, как декларируется в историографии, играло исключительную роль в планах Германии, то почему германские войска не достигли здесь больших успехов ни в первые недели Великой Отечественной войны, ни в последующие месяцы 1941 г. с учетом практически катастрофической обстановки со снабжением и пополнением Красной армии на северных участках²⁷?

Данная статья показывает аспекты германской подготовки и не вступает в противоречие с разработками по действиям Красной армии; напротив, верные замыслы, предвоенные мероприятия и действия советского командования в первый период войны в сложнейших

¹⁷ Манн К., Йоргенсен К. Война в Арктике. Боевые операции немецких войск на Крайнем Севере. 1939–1945. М., 2010.

¹⁸ Йокипии М. Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999.

¹⁹ Раунио А. Военное сотрудничество Финляндии и Германии в 1940–1942 гг. // *Studia Humanitatis Borealis*. 2017. № 1. С. 4–30.

²⁰ Raunio A., Kilin J. *Jatkosodan hyökkäystaisteluja*. Keuruu, 2007.

²¹ Suomen sota 1941–1945. 5 osa: Sotatoimet Seesjärven ja Jäämeren välillä 1941. Helsinki, 1954.

²² *Jatkosodan historia*. 4 osa: Saksalaisarmeijan hyökkäys Pohjois-Suomesta, asemasota, vetäytyminen Karjalan kannakselta. Porvoo, 1993.

²³ Hölter H. *Armee in der Arktis. Die Operationen der deutschen Lappland-Armee*. Bad Nauheim, 1953.

²⁴ Hess W. *Eismeerfront 1941: Aufmarsch und Kämpfe des Gebirgskorps Norwegen in den Tundren vor Murmansk*. Heidelberg, 1956.

²⁵ Schreiber F. *Kampf unter dem Nordlicht. Deutsch-finnische Waffenbruderschaft am Polarkreis. Die Geschichte der 6. SS-Gebirgs-Division Nord*. Osnabrück, 1969.

²⁶ Knabe K. *Das Auge Dietls. Fernaufklärung am Polarkreis. Leoni am Starnberger-See*, 1978.

²⁷ Сквирский Л.С. От 14-й армии – к Карельскому фронту // *Вопросы истории*. 1985. № 2. С. 80–99.

условиях Заполярья только лишь дополняют и подтверждают обстоятельства, раскрытые далее.

Автор сосредоточился преимущественно на высшем звене германской военной иерархии, поскольку процесс планирования был чрезвычайно сложен: разработка планов агрессии в Заполярье в 1940–1941 гг. шла долго, испытывала влияние множества факторов и регулярно менялась в содержании. Данной статьей предполагается указать на общую проблематику германских планов в Заполярье. Более детальное рассмотрение подготовки вермахта на Севере планируется в других работах.

Вначале необходимо отметить, что, несмотря на выявление советской разведкой информации об увеличении германского влияния и присутствия в Финляндии в конце 1930-х гг.,²⁸ в военных планах рейха Советское Заполярье появилось не сразу.

В одном из первых планов войны, подготовленном в августе 1940 г. – так называемый «план генерала Э. Маркса»²⁹, северные участки вообще не рассматривались как район действий германской армии или ее союзников. Но уже в нем была заложена основная идея, прямым образом повлиявшая на место Заполярья в дальнейшем планировании, – это быстрый разгром СССР и занятие его европейской части в течение 2–4 месяцев.

Существовал другой проект стратегической разработки кампании против СССР – за авторством начальника группы сухопутных войск оперативного отдела штаба Главного командования вермахта (ОКВ) Б. Лоссберга³⁰. В этом проекте впервые появляется упоминание Финляндии как германского союзника и действия германских войск на территории Заполярья. Предлагалось сосредоточить основные германско-финляндские силы в Южной Финляндии, а некоторую часть выдвинуть в сторону Мурманска. Главными задачами же финляндской группировки являлись сковывание советских войск и дальнейшее участие в окружении Ленинграда.

Принятая 18 декабря 1940 г. директива № 21 «План Барбаросса» в связи с изменяющейся обстановкой по-другому раскрывала предполагаемые действия немецко-финляндской группировки. Германской 21-й армейской группе (будущей армии «Норвегия») в первую очередь давались оборонительные задачи: оборона Норвегии и района Петсамо с никелевыми рудниками. Следующей задачей стала бы парализация сухопутного снабжения Мурманской области путем занятия Кировской железной дороги вместе с финскими войсками. При этом количество войск, задействованных в операции против железной дороги, видимо, предполагалось свести к минимуму (до трех дивизий), а основные действия должна была вести Финляндия³¹. Главная задача же финских сил должна была выполняться на совсем другом участке фронта – им предписывалось сковать советские войска западнее или по обеим сторонам Ладожского озера, а также захватить полуостров Ханко.

Эта директива определила основные моменты в планировании действий в Заполярье на ближайшие месяцы: наступление на Севере должно проводиться преимущественно финскими войсками, а главная задача германских войск – оборона Норвегии.

²⁸ Семёнов Д.Г. Финская Лапландия в конце 1930-х гг.: «скрытая милитаризация»? // Первопроходцы крайнего Севера: Четырнадцатые Феодоритовские чтения: к 450-летию блаженной кончины преподобного Феодорита Кольского, в начале XVI века просветившего Евангельским светом земли Кольского Севера: мат-лы истор.-краевед. конф. Мурманск, 2022. С. 414.

²⁹ Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР: сб. док-тов. и мат-лов. М., 2015. С. 129–143.

³⁰ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: док-ты и мат-лы. М., 1987. С. 28–33; Лавренов С.Я. Особенности политико-стратегического планирования Германией войны против СССР // Обозреватель – Observer. 2015. № 1 (300). С. 47–66.

³¹ Это подтверждается деталями совещания А. Гитлера 5 декабря 1940 г. Начальник немецкого генерального штаба Ф. Гальдер в своих дневниках зафиксировал: «...одну дивизию перебросить из Нарвика по железной дороге через Швецию и ввести в действие вместе с двумя горными дивизиями Дитля на самом северном фланге. Задача – выход на побережье Ледовитого океана». См.: Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: в 3 т. М., 1969. Т. 2: От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1/VII 1940 – 21/VI 1941). С. 278.

При этом стоит отметить, параллельно – с лета 1940 г. – началось торговое сотрудничество Германии и Финляндии, быстро переросшее в военное, что удовлетворяло интересы обеих сторон. В июле 1940 г. было подписано соглашение о поставках никеля из Петсамо, 22 сентября заключено соглашение о транзите грузов для всех родов войск, а в ноябре – соглашение о проезде войск, направляющихся на отдых из Северной Норвегии в Германию³². Проводились и поставки вооружения³³.

Особый интерес рейха был, безусловно, в никелевых месторождениях. Это пересекалось с регулярно доносившимся Германии мнением финляндской стороны, которая не была заинтересована в обороне северных участков по причине крайне растянутых коммуникаций и отсутствия сил на это³⁴, но при этом озабочена сохранением сухопутной связи со Швецией в Лапландии³⁵. В то же время СССР также демонстрировал свой интерес к Петсамо, что вкупе с близостью баз Северного флота расценивалось германским командованием недвусмысленно – это «угрожало» не только петсамскому никелю, но и северным норвежским портам на фоне уже не гипотетической, а действительно приближающейся войны с Советским Союзом.

Поэтому в германском генштабе и родилась идея своеобразного «профилактического» удара по Кольскому полуострову. Его смысл заключался в том, чтобы обезопасить Петсамо и норвежские порты. Одновременно германское командование видело недавние события советско-финляндской войны, когда СССР сосредоточил именно на северных участках от Кандалакши до Мурманска значительные силы. Вследствие этого «профилактический» удар принимал характер армейской операции на нескольких направлениях с амбициозной целью – полностью разгромить гипотетические советские войска не только непосредственно в Мурманске, но и на особо опасном кандалакшском направлении – на юге Заполярья.

Южные направления Мурманской области с лета 1940 г. стали играть большое военнополитическое значение благодаря в первую очередь появлению железнодорожной ветки Кандалакша – Рованиemi. Об этом открыто писала, в том числе, прогерманская пресса. Так, например, швейцарская газета «Die Berner Woche» («Бернская неделя») еще в марте 1940 г. указывала: «Ужасным является продвижение русских к границе в Северной Финляндии, в направлении Рованиemi, в так называемом “секторе Салла” <...> Русские здесь стали на 130 километров ближе к шведской границе и рудным заводам <...> железная дорога, строительство которой запланировано на 1940 год и которая свяжет Рованиemi с Кандалакшей на Белом море, является стратегической линией, ведущей непосредственно к Торнео–Хапаранда и к рудному району»³⁶.

Хотя советской стороной и декларировалось исключительно мирное использование железной дороги для торговли со Швецией, именно вдоль этой ветки были размещены значительные силы 14-й армии, а весной 1941 г. для прикрытия кандалакшского направления был сформирован 42-й стрелковый корпус, входивший в армию, с двумя стрелковыми дивизиями³⁷. К июню 1941 г. по плану прикрытия корпус получал также танковую дивизию. Для обеспечения данной группировки железнодорожная ветка использовалась наиболее активно. Германское командование в контексте событий советско-финляндской войны учитывало значение транспортной артерии Кандалакша – Рованиemi и частично имело информацию о размещении крупных сил Красной армии в Заполярье.

Примечательным фактом является ответ начальника германского генштаба Ф. Гальдера на вопрос финского генерала А.Э. Хейнрикса в январе 1941 г. о возможном участии германских войск на Севере в войне против СССР – он указал, что предполагаются действия двух горных дивизий на кандалакшском направлении³⁸.

³² Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы... С. 142.

³³ Гальдер Ф. Военный дневник... С. 121.

³⁴ Bundesarchiv (BArch). RW 39/6. S. 242–245.

³⁵ Йокиши М. Финляндия на пути к войне... С. 87–88.

³⁶ Sieger und Besiegte im Frieden von Moskau? // Die Berner Woche. 1940. № 12. S. 4.

³⁷ Мироничев Е.П. Кандалакшское направление в советском военном планировании в 1940-1941 гг. // Российская история. 2024. № 2. С. 139–150.

³⁸ Йокиши М. Финляндия на пути к войне... С. 95.

Таким образом, становится очевидным, что, с одной стороны, германское командование не считало возможным действовать пассивно на Севере, а с другой – было вынуждено планировать наступления на разных направлениях на огромном участке фронта от Мурманска до Кандалакши.

Тем временем уже с августа 1940 г. началась проработка операции в Заполярье на уровне армии³⁹. Нужно отметить, что принцип работы над ней в целом был следующим: замысел путем принятия директивы № 21 и отдачи приказов был отправлен «сверху» от Главного командования вермахта (ОКВ) для командующего войсками в Норвегии. Именно он и его штаб армии «Норвегия» должны были вести основную разработку операции, обращаясь при необходимости к вышестоящим инстанциям в виде Главного командования сухопутных войск (ОКХ) с заявками на проведение разведки, обеспечение войск и иных мероприятий. Также, что весьма важно, штаб армии «Норвегия» разрабатывал предложения и требования к Финляндии, чтобы затем уже военно-политическое руководство Германии могло их представить финской стороне в ходе переговоров или разрешить обратиться к ним напрямую.

27 января 1941 г. армия «Норвегия» подготовила разработку замысла операции «Silberfuchs» («Серебристая лиса»)⁴⁰. Предлагалось на основе общих указаний командования нанести главный удар на кандалакшском направлении и выйти к Белому морю, затем разгромить остатки советских сил на Кольском полуострове во взаимодействии с войсками, наступающими со стороны Киркенеса, а после этого двигаться на юг вдоль Кировской железной дороги, занимая сухопутные участки от Белого моря до Финского залива. Штаб при этом считал, что операция против Кандалакши будет иметь характер прикрытия с севера финской группировки, ведущей основные боевые действия.

Операция, по мнению штаба армии, была бы невозможной без обеспечения ряда условий: усиление обороны норвежского побережья за счет новых войск для защиты от вероятных британских или советско-британских операций, участие Швеции в транзите германских частей или даже ее участие в боевых действиях против СССР, а также исключительно наступательные действия финской армии. Большое внимание «Норвегия» уделила проблемам переброски и снабжения войск, отмечая неразвитость дорожной сети в Северной Норвегии и Лапландии. В связи с климатическими особенностями армия предлагала проводить операцию не позже 1 марта – период, когда возможны передвижения по зимним дорогам, или не раньше 15 июня – пока не растает снег.

Организационно предлагалось возложить командование всей операцией на Севере на финскую сторону⁴¹, при этом район наступления германско-финляндских войск в Лапландии был в ведении армии «Норвегия» в составе трех корпусов: горный корпус «Норвегия», 36-й армейский и 5-й финский.

31 января 1941 г. была принята директива ОКХ № 050/41 по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск по плану «Барбаросса»⁴². Для северных направлений в ней указаны следующие положения. Армия «Норвегия» главной задачей имела оборону норвежского побережья, особенно в районе Киркенеса и Нарвика, от возможных диверсионных и десантных операций британских войск. Помимо главной оборонительной задачи, она получила дополнительные: отмеченная как особо значимая операция «Северный олень» («Renntier») по занятию района Петсамо и никелевых месторождений, а также операция «Чернобурая лисица» («Silberfuchs») по окружению Мурманска и возможному его захвату при благоприятных условиях. Таким образом, армия «Норвегия» становилась одной из немногих в вермахте, получившей оборонительную задачу в качестве главной в плане «Барбаросса».

³⁹ Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы... С. 150.

⁴⁰ VArch. RW 39/6. S. 190–222.

⁴¹ В дальнейшем финляндская сторона от этого отказалась, операцией в Заполярье занималась армия «Норвегия».

⁴² Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март-июнь 1941 г.: док-ты из Центрального архива ФСБ России. М., 1995. С. 193–208.

2 марта 1941 г. оперативный отдел ОКХ направил армии «Норвегия» указания по операции «Зильберфукс»⁴³. Было разрешено начать подготовку к ней, однако с целым рядом нюансов. Оказались отложены военно-политические требования к Финляндии, так как они еще не были утверждены, а также не имелось возможности восполнить недостаток транспортных средств и личного состава. Еще ранее, 11 февраля, ОКХ ответило на ряд заявок армии и указало, что выполнить их в полном виде невозможно⁴⁴. Кроме того, расчет запасов снабжения производился на месяц боевых действий⁴⁵.

В самом начале марта 1941 г. произошло примечательное событие, серьезно повлиявшее на дальнейшее планирование операции в Заполярье. Силами британских спецподразделений был совершен рейд на Лофотенские острова – операция «Клеймор»⁴⁶. В результате успешных действий 4 марта британским силам удалось уничтожить некоторые объекты инфраструктуры, потопить несколько судов, взять в плен несколько сотен пленных, а также захватить кодовые книги и элементы системы Enigma.

В свою очередь германское командование обратило на это событие весьма пристальное внимание, главным образом в силу того, что оно обнажило целый ряд проблем в обороне норвежского побережья при исключительно важной роли самой Норвегии и, в частности, ее огромного значения в транспортировке железной руды из Швеции. Напомним, что в перспективе ожидалось занятие района Петсамо, из которого вывозили никель через Норвегию.

11 марта командующему войсками в Норвегии Н. фон Фалькенхорсту⁴⁷ были отправлены «Указания оперативного отдела ОКХ» № 372/41. Первый пункт указаний гласил, что армия «Норвегия» «...по-прежнему сохраняет за собой обязанность защищать Норвегию»⁴⁸. Несколько конкретизировалось прежнее положение о руководстве операцией: общее командование производилось маршалом К.Г.Э. Маннергеймом при управлении немецкими войсками в Лапландии штабом армии «Норвегия».

На следующий день на совещании германского командования была обсуждена ситуация в Скандинавии. Гитлер заявил, что британцы «не могли бы найти лучшую цель, чем Норвегия с ее длинным изрезанным побережьем и плохо развитой системой внутренних коммуникаций»⁴⁹. Также он заявил, что британские силы, проведя несколько мелких рейдов, могут составить одну большую операцию, поэтому первостепенной задачей армии «Норвегия» остается оборона норвежского побережья.

17 марта 1941 г. на совещании с Гитлером командующий армией «Норвегия» кратко описал план операции «Зильберфукс»: 2-я горная дивизия ведет наступление на Полярный (главную базу Северного флота), а одна финская и одна немецкая дивизии наступают на кемиярвском направлении в сторону Кандалакши⁵⁰. При этом Гитлер упомянул, что от финских войск можно ожидать только захват Ханко и лишение возможности советского флота отойти в район Прибалтики⁵¹. Гитлер также подтвердил намерение усилить оборону Норвегии, мотивируя это, в том числе, возможностью английских войск высадиться и даже соединиться с советскими силами в северной части Норвегии. Для усиления обороны требовалось перебросить на норвежскую территорию все запасные части соединений до двух оккупационных дивизий из тех, что находились во Франции, увеличить количество строительных частей, а также установить 160 артиллерийских батарей, эшелонированных в глубину и прикрытых пехотой и зенитными средствами. Уже 26 марта эти положения были

⁴³ VArch. RW 39/6. S. 129–131.

⁴⁴ Ibid. S. 174.

⁴⁵ Гальдер Ф. Военный дневник... С. 344–345

⁴⁶ № 38331. Raid on military and economic objectives in the Lofoten Islands // Supplement to The London Gazette. 1948. 22 June. P. 3683–3692.

⁴⁷ Он же – командующий армией «Норвегия».

⁴⁸ VArch. RW 39/6. S. 125.

⁴⁹ Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы... С. 158.

⁵⁰ Гальдер Ф. Военный дневник... С. 407–408.

⁵¹ Там же. С. 409.

закреплены в директиве ОКВ № 00469/41 по обороне Норвегии⁵². Войскам, размещенным там, приказывалось усилить охрану побережья, а основное внимание обратить на северные порты. Одновременно с этим в марте армия «Норвегия» выведена из подчинения командования сухопутных войск и передана напрямую Главному командованию вермахта.

7 апреля командующему вермахтом в Норвегии был направлен приказ ОКВ № 44355/41 о его полномочиях в операции «Барбаросса»⁵³. В очередной раз армии «Норвегия» указали главную задачу – оборона норвежского побережья и также особенно Петсамо от возможных десантов и атак. Исходя из этого, армия должна была, во-первых, обеспечить оборону никелевых месторождений сухопутными силами, во-вторых – обеспечить береговую оборону совместными действиями морских, воздушных сил и войск, осуществляющих защиту побережья, а в-третьих – снять угрозу для северных портов и месторождений со стороны советских сил путем ликвидации или блокирования военно-морских баз в районе Мурманска. Последняя задача должна была быть реализована в первую очередь стремительным наступлением на Кандалакшу, в результате чего было бы нарушено все сухопутное снабжение Кольского полуострова. Более того, в возложенных на штаб армии «Норвегия» переговорах с финским командованием требовалось особо подчеркивать транспортное значение Мурманска, которое могло быть сведено на нет только при его захвате. Это, по мнению германского командования, убедило бы финнов в том, что северную группировку необходимо усилить и это в их же интересах.

17 апреля штаб армии «Норвегия» отправил свои соображения по проведению операции в ответ на директиву⁵⁴. В них четко указывались задачи армии: оборона Норвегии и портов; срочное занятие Петсамо и его охрана; ликвидация мурманского транспортного узла не ранее середины июня 1941 г. Конкретные задачи по группировкам (корпусам) распределялись следующим образом: горный корпус «Норвегия» под командованием генерал-лейтенанта Э. Дитля должен был нейтрализовать главную базу Северного флота в Полярном и блокировать Мурманск выходом к Кольскому заливу; 36-й армейский корпус под командованием генерала от кавалерии Г. Файге должен был отсечь Кольский полуостров посредством захвата Кандалакши и узла Кировской железной дороги на юге, а потом при благоприятных условиях продвигаться на север и во взаимодействии с горным корпусом захватить Мурманск.

После этого началась стадия непосредственно практической подготовки действий армии «Норвегия» в Заполярье. Она продлилась вплоть до конца июня 1941 г., и в этот период вскрылись существенные недостатки, а порой и провалы в приготовлениях. Так, например, разведка за некоторым исключением ограничивалась данными визуального наблюдения со стороны границы⁵⁵; выделенные войска не просто не были готовы для войны в Заполярье, а не имели и базовой подготовки – некоторые части даже не проводили стрельб вообще, подразделения не были сколочены⁵⁶; не была должным образом исследована инфраструктура Лапландии, удручающее состояние которой выявилось только после транспортировки германских войск в Финляндию, не в полной мере учитывались особенности местности⁵⁷; не были созданы значительные складские запасы и т.п. В дополнение к последним обстоятельствам следует заметить, что известный «Военно-географический обзор Карелии и Кольского полуострова» был подготовлен германской разведкой лишь к июню 1941 г.⁵⁸,

⁵² VArch. RW 39/6. S. 54–57.

⁵³ Ibid. S. 36–41.

⁵⁴ Ibid. S. 27–35.

⁵⁵ Мироничев Е.П. Деятельность немецкой разведки на кандалакшском направлении в 1941 году (по документам армии «Норвегия» и 36-го армейского корпуса) // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых учёных: мат-лы юбилейной 75-й Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. обучающихся и молодых ученых. Петрозаводск, 2023. С. 116–119.

⁵⁶ National Archives and Record Administration (NARA). T. 314. R. 873. Fr. 736–737.

⁵⁷ Ibid. Fr. 724.

⁵⁸ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 500. Оп. 12451. Д. 891 [Электронный ресурс] // Российско-германский проект по оцифровке германских документов в архивах Российской Федерации. URL: <https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1658> (дата обращения: 27.03.2025).

в связи с чем армия «Норвегия» не получила цельной картины местности предстоящих боев и, более того, обзор уже на тот момент оказался во многом неактуальным, так как использовал устаревшие материалы 1930-х гг.. Интересно, что армия в условиях дефицита разведанных даже пользовалась такими специфическими источниками, как, в частности, переведенные на немецкий язык сведения визуального наблюдения за Кировской железной дорогой польской агентуры середины 1930-х гг.⁵⁹ К 1943 г. 20-я горная армия (бывшая армия «Норвегия») смогла провести более обстоятельный военно-экономический анализ⁶⁰, однако на фоне отказа от наступлений на Севере в 1942–1943 гг.⁶¹ эти данные разведки в большей мере оставались бесполезными.

Отдельно стоит упомянуть роль морских сил и авиации. Хотя еще 14 февраля 1941 г. начальник оперативного отдела штаба сухопутных войск Германии А. Хойзингер на совещании доложил, что «блокада Баренцева моря может быть осуществлена лишь авиацией или организацией Лахузена^{62»}⁶³, кригсмарине и люфтваффе, в силу ограниченности сил, выполняли на практике вспомогательные задачи и сосредоточивались на обороне Норвегии.

На последнюю задачу, например, было выделено 200 самолетов 5-го воздушного флота, в то время как на действия против Красной армии в Заполярье – всего лишь 60⁶⁴. В апрельской директиве ОКВ № 44355/41 ставились следующие задачи авиации: поддержка «в рамках имеющихся возможностей», минирование Кольского залива и уничтожение портовой инфраструктуры Мурманска⁶⁵. В приказе № 88/41 командующего 5-м воздушным флотом люфтваффе от 12 июня указывались такие задачи: уничтожение кораблей Северного флота, разрушение портовых сооружений, минирование Кольского залива и Белого моря, уничтожение Беломорско-Балтийского канала, препятствование работе Кировской железной дороги и поддержка наступающих частей⁶⁶. Столь большой список задач, территориально разбросанных от Мурманска до Беломорска в Карелии, возлагался на оперативную группу особого назначения, в составе которой из непосредственно боевых формирований была лишь одна группа эскадры штурмовиков и одна группа бомбардировочной эскадры.

В январе 1941 г. в вышеупомянутой разработке замысла операции штаб армии «Норвегия» предполагал, что кригсмарине будет только обеспечивать морские коммуникации вдоль норвежского побережья⁶⁷. 25 марта командующий военно-морскими силами в Норвегии написал особое мнение по проведению операции «Барбаросса» в части, касающейся действий в Заполярье. Он особо отметил тот факт, что силы кригсмарине в Норвегии незначительны и их едва ли хватало для обороны норвежского побережья. В связи с этим участвовать в действиях на море против советского флота в районе Кольского полуострова, как указал командующий, невозможно. Кроме того, он отмечал, что вероятен сценарий соединения советских морских сил с британскими, а самым худшим вариантом было бы такое союзничество еще до начала войны с СССР. Поэтому, по мнению командующего ВМС в Норвегии, флот на Севере не смог бы обеспечить морские коммуникации до ликвидации советских морских сил и военно-морских баз, которые следовало бы атаковать с суши⁶⁸. В директиве ОКВ № 44355/41 для кригсмарине была определена задача лишь защищать морское снабжение вдоль Северной Норвегии и в Петсамо, никаких активных действий против советского Северного флота не предполагалось⁶⁹. В итоге морские силы Германии

⁵⁹ Мироничев Е.П. «Мурманбан»: описание Кировской железной дороги в документах разведывательного отдела армии «Норвегия» // Пути сообщения в военном деле. СПб., 2022. С. 138–146.

⁶⁰ Супрун М.Н., Болдырев Р.Ю. Немецкая разведка о Русском Севере...; Также см.: VArch. RH 20-20/169; Ibid. RH 20-20/170.

⁶¹ Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы... С. 300–307.

⁶² Спецподразделениями Абвера.

⁶³ Гальдер Ф. Военный дневник... С. 363–364.

⁶⁴ Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы... С. 163.

⁶⁵ VArch. RW 39/6. S. 39.

⁶⁶ Ibid. S. 60–64.

⁶⁷ Ibid. S. 261–262.

⁶⁸ Ibid. S. 65–74.

⁶⁹ Ibid. S. 39.

на первых порах действительно не участвовали в боевых действиях, и только в июле-августе 1941 г. в районе Баренцева моря стали действовать первые единичные германские подводные лодки⁷⁰.

Очевидно, что армия «Норвегия» в части наступления на Мурманск была лишена существенной поддержки авиации, что резко контрастировало с основным советско-германским фронтом, и морских сил, которые могли бы серьезно нарушить снабжение советских частей, по крайней мере расположенных у границы на мурманском направлении – в районе реки Титовка и на полуостровах Средний и Рыбачий – и снабжавшихся именно морем.

Таким образом, к апрелю-маю 1941 г. окончательно воплотилась в директивных документах германского командования идея о необходимости двойного удара с целью ликвидации угрозы со стороны СССР для норвежских портов и района Петсамо. Можно заключить, что план исходил из следующих явных или неявных воззрений:

1. Удар исключительно на мурманском направлении не принес бы большого успеха. Это было связано с ограниченностью выделенных сил, которых, по оценкам штаба горного корпуса «Норвегия», назначенного там наступать, не хватало для выполнения всех поставленных задач. Кроме того, значительную роль играло отсутствие какой-либо транспортной сети в приграничном районе, что создавало особо трудные условия для наступления. Гипотетический выход немецких войск к Кольскому заливу с захватом Полярного ничего не решал, так как, во-первых, нерешенной бы оставалась проблема полуострова Рыбачий, а во-вторых – сразу бы остро встала проблема обеспечения горного корпуса из Киркенеса в условиях отсутствия дорог. Затем потребовалось бы форсировать залив для захвата Мурманска, а до этого его блокирование практически никак не влияло бы на общее положение Красной армии в районе. Многие эти обстоятельства предполагались, а затем были выявлены на штабной игре с участием командиров горного корпуса и горных дивизий, командующего береговой обороной Полярного побережья Норвегии и командующего люфтваффе в Северной Норвегии 17–18 апреля 1941 г.⁷¹

Более того, осталась бы существенная угроза в южной части – на кандалакшском направлении, что показала советско-финляндская война, во время которой на этом участке наблюдалось одно из самых глубоких продвижений Красной армии, стремившейся выйти к Ботническому заливу. Не следует забывать и о существовании так называемых «соображений» на случай войны с Финляндией, подготовленных командованием Красной армии в сентябре 1940 г.⁷² В этих планах кандалакшское направление играло то же значение – именно через него достигался бы выход к Ботническому заливу. Гипотетический прорыв Красной армии в районе Рованиеми был бы крайне нежелателен как для Финляндии, так и для Германии. Во-первых, это перерезало бы жизненно важную транспортную артерию уже германских войск в Заполярье – «Арктическое шоссе», связывавшее порты Ботнического залива с Киркенесом. Во-вторых, германские войска, допустив прорыв на юге, оказывались бы в своеобразном «мешке» на мурманском направлении, где в 1941 г. еще не было должной инфраструктуры для особо крупных группировок. Это усугублялось отсутствием больших складских запасов в Северной Норвегии. Следует предположить, что в таком случае морской путь в Киркенес был бы значительно перегружен, он не мог бы обеспечить поставки одновременно и никеля, и всего снабжения для войск⁷³. Подобный кризис снабжения как раз и произошел к осени 1941 г.⁷⁴

⁷⁰ Сергеев А.А. Германские подводные лодки в Арктике 1941–1942. М., 2003. С. 8–9; Морозов М.Э. «Борьба с использованием существующих типов подводных лодок может дать лишь отдельные успехи...». Боевые действия германских подлодок на Северном морском театре военных действий в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2023. № 7. С. 36.

⁷¹ VArch. RW 39/9. S. 181–193.

⁷² 1941 год: док-ты: в 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 253–260.

⁷³ Следует добавить, что логичное предположение об использовании Мурманска для перевозки никеля на самом деле было бы нереалистичным из-за усложненной логистики – особенно в связи с отсутствием законченной дороги (шоссе) от Мурманска до границы в Петсамо в 1941 г., а также из-за поставленной задачи уничтожить портовую инфраструктуру города.

⁷⁴ Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы... С. 194.

2. Удар исключительно по Кандалакше не решал проблему Петсамо и норвежских портов. Хотя таким образом войска Красной армии были бы лишены своей важнейшей сухопутной транспортной артерии, не было бы парализовано снабжение по морю и не был бы нейтрализован Северный флот. В ранее упомянутых «соображениях» по войне с Финляндией осени 1940 г. 14-я армия и флот получали бы задачу вести активные действия по захвату района Петсамо⁷⁵. С учетом реальных событий лета-осени 1941 г., когда И.В. Сталин предлагал британской стороне провести совместный десант на севере Норвегии⁷⁶, а сами британские силы даже производили авианалеты⁷⁷, опасность для германского никеля и норвежских портов была бы весьма существенной. Вышеупомянутая штабная игра показала, что выделенных сил береговой обороны не хватило для отражения британского десанта в Северной Норвегии⁷⁸.

3. Лишь одновременный удар на мурманском и кандалакшском направлениях соответствовал заданной цели обезопасить Петсамо и норвежские порты. Но для этого требовалось большое количество войск, которое выделить ни армия «Норвегия», ни вышестоящее командование не могли. При этом важность Кандалакши в этой операции отчетливо понималась, ведь именно только после ее захвата должна была произойти ликвидация оставшихся сил Красной армии в районе Мурманска. О том, что юг Мурманской области советские войска будут отчаянно оборонять из-за его огромной важности, командир 36-го армейского корпуса докладывал в своих соображениях еще в апреле 1941 г.⁷⁹ В связи с этим операция в Заполярье принимала чрезвычайно авантюрный характер: на основе фрагментарных данных разведки⁸⁰, слабо подготовленных для действий в Заполярье пехотными войсками, в крайне сложной местности и в непредсказуемом климате, практически в бездорожье, армии требовалось очень ограниченными силами достичь успехов, которые на основном советско-германском фронте достигались намного большими силами в более благоприятных условиях.

Ярко выраженные проблемы по разным причинам не были должным образом решены германским командованием. Действия в Заполярье были, безусловно, крайне важными с точки зрения экономических условий Германии, но в военном плане имели характер одновременно и вынужденных, и вспомогательных, или второстепенных, поскольку судьба Советского Союза должна была решаться на юге, причем в короткие сроки.

Как представляется, именно это привело к выраженному диссонансу между заявленной целью операции и ее фактической подготовкой⁸¹. Заполярный участок фронта также существенно не отражался в директивных документах вермахта с конца весны 1941 г., и лишь с нарушением всех планов в июле-августе впервые появились отдельные директивы, связанные с действиями на финском участке.

Начальник штаба армии «Норвегия» полковник Э. Бушенхаген в мае 1941 г. называл предстоящие действия на Севере «экспедицией» и что ему «жаль сил, которые будут здесь использованы»⁸². Подобное отношение к операции во многом и стало причиной неудач вермахта в Заполярье, когда слабо подготовленные войска армии «Норвегия» не смогли разгромить советскую 14-ю армию, оказавшуюся в определенной степени качественнее противника и в куда более выгодных условиях. Вермахт не смог захватить Кандалакшу и Мурманск ни в 1941 г., ни в последующие периоды.

⁷⁵ 1941 год... С. 256.

⁷⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). М., 1958. С. 10–11.

⁷⁷ Roskill S.W. The War at Sea 1939–1945: The Defensive. History of the Second World War United Kingdom Military Series. Vol. I (3th impr. ed.). London, 1954. P. 485–486.

⁷⁸ ВArch. RW 39/9. S. 183.

⁷⁹ Ibid. S. 48.

⁸⁰ Например, командир 36АК в конце апреля 1941 г. указывал на отсутствие аэрофотосъемки и разведки полосы наступления, о неточности и скудности картографического материала, об отсутствии внятной информации о дорожной сети (ВArch. RW 39/8. S. 47–48, 53).

⁸¹ Результаты детального исследования всех мероприятий армии «Норвегия» по подготовке операции в Заполярье в 1940–1941 гг. в данной статье намеренно не приводятся по практическим соображениям.

⁸² Гальдер Ф. Военный дневник... С. 523.

Литература

1941 год: док-ты: в 2 кн. Кн. 1 / ред. В.П. Наумов; сост. Л.Е. Решетин. М.: Демократия, 1998. 828 с.

Барышников В.Н. Вступление Финляндии во вторую мировую войну (1940–1941 гг.). 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. 480 с.

Болдырев Р.Ю. Русский Север глазами германской разведки. Молотовск в документах армии «Норвегия» // Война в Арктике (1939–1945 гг.). Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. С. 187–203.

Великая Отечественная Война 1941–1945 гг.: в 12 т. Т. 2: Происхождение и начало войны / под ред. О.А. Ржешевского и др. М.: Кучково поле, 2012. 1008 с.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: в 3 т. М.: Воениздат, 1969. Т. 2: От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1/VII 1940 – 21/VI 1941). 628 с.

Дулич Д.В. «Героический Рыбачий, фатальный Рыбачий...»: проблема места истории обороны полуострова Рыбачий в истории Великой Отечественной войны в Заполярье // Ученые записки МАГУ. Исторические науки: сб. науч. ст. Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2022. С. 31–45.

Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы. Боевые операции Третьего рейха. 1940–1945 / пер. с англ. Е. Каца. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М.: Воениздат, 1960. Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами / ред. П.Н. Пospelов и др. 600 с.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М.: Воениздат, 1961. Т. 2: Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) / ред. П.Н. Пospelов и др. 682 с.

История Второй Мировой Войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М.: Воениздат, 1974. Т. 3: Начало войны. Подготовка агрессии против СССР / под ред. А.А. Гречко и др. 498 с.

Йокипи М. Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. / пер. с фин. Л.В. Суни. Петрозаводск: Карелия, 1999. 370 с.

Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк / ред. А.И. Бабин. М.: Воениздат, 1984. 359 с.

Киселёв А.А. Крушение планов фашистской Германии в Заполярье // Вопросы истории. 1984. № 11. С. 25–38.

Лавренов С.Я. Особенности политико-стратегического планирования Германией войны против СССР // Обозреватель – Observer. 2015. № 1 (300). С. 47–66.

Манн К., Йоргенсен К. Война в Арктике. Боевые операции немецких войск на Крайнем Севере. 1939–1945 / пер. с англ. Е.В. Ламанова. М.: Центрполиграф, 2010. 221 с.

Мироничев Е.П. «Мурманбан»: описание Кировской железной дороги в документах разведывательного отдела армии «Норвегия» // Пути сообщения в военном деле. СПб.: ГАЛАРТ+, 2022. С. 138–146.

Мироничев Е.П. Деятельность немецкой разведки на кандалакшском направлении в 1941 году (по документам армии «Норвегия» и 36-го армейского корпуса) // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: мат-лы юбилейной 75-й Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. обучающихся и молодых ученых (Петрозаводск, 3–23 апреля 2023 г.). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2023. С. 116–119.

Мироничев Е.П. Кандалакшское направление в советском военном планировании в 1940–1941 гг. // Российская история. 2024. № 2. С. 139–150.

Морозов М.Э. «Борьба с использованием существующих типов подводных лодок может дать лишь отдельные успехи...». Боевые действия германских подлодок на Северном морском театре военных действий в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2023. № 7. С. 34–47.

Носков А.М. Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М.: Наука, 1977. 247 с.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Политиздат, 1958. Т. 1: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). 462 с.

Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР: сб. док-тов и мат-лов / ред. В.П. Золотарев. М.: Кучково поле, 2015. 399 с.

Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: док-ты и мат-лы / авт.-сост. А.С. Орлов и др. М.: Воениздат, 1987. 326 с.

Раунио А. Военное сотрудничество Финляндии и Германии в 1940–1942 гг. / пер. с фин. яз. Ю.М. Килина // *Studia Humanitatis Borealis*. 2017. № 1. С. 4–30.

Румянцев Н.М. Победа Советской Армии в Заполярье: Десятый удар (1944 год). М.: Воениздат, 1955. 104 с.

Румянцев Н.М. Разгром врага в Заполярье. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1963. 286 с.

Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / под общ. ред. И.И. Клебанова. СПб.: Славия, 2005. 415 с.

Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март-июнь 1941 г.: док-ты из Центрального архива ФСБ России / сост. В.К. Виноградов и др. М.: Мосгорархив, 1995. 252 с.

Семёнов Д.Г. Мурманск в советском военном планировании 1920–1930-х гг. // Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы межрегион. науч. конф. (Мурманск, 26–28 сентября 2016 г.). Мурманск: МАГУ, 2016. С. 47–53.

Семёнов Д.Г. Финская Лапландия в конце 1930-х гг.: «скрытая милитаризация»? // Первопроходцы крайнего Севера: Четырнадцатые Феодоритовские чтения: к 450-летию блаженной кончины преподобного Феодорита Кольского, в начале XVI века просветившего Евангельским светом земли Кольского Севера: мат-лы историко-краевед. конф. (Апатиты, 16–19 сентября 2021 г.). Мурманск: Издательство Мурманской епархии, 2022. С. 410–415.

Сергеев А.А. Германские подводные лодки в Арктике 1941–1942. М.: Русский Издательский Дом, 2003. 304 с.

Сквирский Л. С. От 14-й армии – к Карельскому фронту // *Вопросы истории*. 1985. № 2. С. 80–99.

Супрун М.Н., Болдырев Р.Ю. Немецкая разведка о Русском Севере, 1939–1943 гг.: из «Сборной папки о тыловой области противника перед 20-м горным корпусом по состоянию на 01.02.1943 г.» // *Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы*. Вып. 4. Архангельск: Правда Севера, 2000. С. 291–318.

Чапенко А.А. Война на мурманском направлении. Год 1941-й. Лето-осень. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2018. 326 с.

Jatkosodan historia. 4 osa: Saksalaisarmeijan hyökkäys Pohjois-Suomesta, asemasota, vetäytyminen Karjalan kannakselta. Porvoo: WSOY, 1993. 440 s.

Lunde H.O. Finland's War of Choice: The Troubled German-Finnish Coalition in World War II. Haverton: Casemate Publishers, 2011. 382 p.

Raunio A., Kilin J. Jatkosodan hyökkäystaisteluja. Keuruu: Karttakeskus, 2007. 301 s.

Roskill S.W. The War at Sea 1939–1945: The Defensive. History of the Second World War United Kingdom Military Series. Vol. I (3th impr. ed.). London: Her Majesty's Stationery Office, 1954. 664 p.

Suomen sota 1941–1945. 5 osa: Sotatoimet Seesjärven ja Jäämeren välillä 1941 / A. Petramaa, V. Pesonius. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Kivi, 1954. 383 s.

References

- Babin, A., Zheltov, A. (Eds.). (1984). *Karel'skiy front v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Karelian Front in the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow, Voenizdat. 359 p.
- Baryshnikov, V.N. (2005). *Vstuplenie Finlyandii vo vtoruyu mirovuyu voynu (1940–1941 gody)* [Finland's Entry into World War II (1940–1941)]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universitetf. 480 p.
- Boldyrev, R.Yu. (2000). Russkiy Sever glazami germanskoj razvedki. Molotovsk v dokumentah armii "Norvegiya" [The Russian North Through the Eyes of German Intelligence. Molotovsk in the Documents of the Army "Norwegen"]. In *Voyna v Arktike (1939–1945 gody)*. Arhangel'sk, Pomorskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 187–203.
- Chapenko, A.A. (2018). *Voyna na murmanskoy napravlenii. God 1941-y. Leto-osen'* [War on the Murmansk Direction. 1941. Summer-Autumn]. Krasnoyarsk, Nauchno-innovatsionnyy tsentr. 326 p.
- Dulich, D.V. (2022). "Geroicheskiy Rybachiy, fatal'nyy Rybachiy...": problema mesta istorii oborony poluostrova Rybachiy v istorii Velikoy Otechestvennoy vojny v Zapolyar'e ["Heroic Rybachiy, Fatal Rybachiy...": The Problem of Role of the History of Rubachiy Peninsula's Defence in the History of the Great Patriotic War in the Arctic]. In *Uchenye zapiski MAGU. Istoricheskie nauki*. Murmansk, Murmanskiy arkticheskiy gosudarstvennyy univesitet, pp. 31–45.
- Gal'der, F. (1969). *Voennyi dnevnik. Ezhednevnye zapisi nachal'nika general'nogo shtaba suhoputnykh voysk 1939–1942 gg.: v 3 t. Tom 2: Ot zaplanirovannogo vtorzheniya v Angliyu do nachala Vostochnoy kampanii (1/VII 1940 – 21/VI 1941)* [War Diary. Daily Records of the Chief of the General Staff of the Ground Forces 1939–1942: in 3 Vols. Vol. 2: From the Planned Invasion of England to the Start of the Eastern Campaign (1/VII 1940 – 21/VI 1941)]. Moscow, Voenizdat. 628 p.
- Grechko, A., Arbatov, G. (Eds.). (1974). *Istoriya Vtoroy Mirovoy Vojny 1939–1945 godov. Tom 3: Nachalo vojny. Podgotovka agressii protiv SSSR* [History of the WWII 1939–1945. Vol. 3: Beginning of the War. Preparing of Agression against USSR]. Moscow, Voenizdat. 498 p.
- Jokipii, M. (1999). *Finlyandiya na puti k voyne: Issledovanie o voennom sotrudnichestve Germanii i Finlyandii v 1940–1941 gg.* [Finland is on Its Way to War. Researching of the Military Cooperation of Germany and Finland in 1940–1941]. Petrozavodsk, Karelia. 370 p.
- Kiselev, A.A. (1984). Krushenie planov fashistskoj Germanii v Zapolyar'e [The Collapse of Nazi Germany's Plans in the Arctic]. In *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 25–38.
- Klebanov, I., Abramov, A. (Eds.). (2005). *Severo-Zapad Rossii v gody Velikoy Otechestvennoy vojny. 1941–1945* [The North-West of Russia during the Great Patriotic War. 1941–1945]. St. Petersburg, Slaviya. 415 p.
- Lavrenov, S.Ya. (2015). Osobennosti politiko-strategicheskogo planirovaniya Germaniy vojny protiv SSSR [The Features of the German Political and Strategical Planning of War against USSR]. In *Obozrevatel' – Observer*. No. 1 (300), pp. 47–66.
- Lunde, H.O. (2011). *Finland's War of Choice: The Troubled German-Finnish Coalition in World War II*. Haverton, Casemate Publishers. 382 p.
- Mann, K., Jorgensen, K. (2010). *Voyna v Arktike. Boevye operatsii nemetskiikh voysk na Kraynem Severe. 1939–1945* [War in the Arctic. Combat Operations of German Troops in the Far North]. Moscow, Tsentrpoligraf. 221 p.
- Mironichev, E.P. (2022). "Murmanban": opisanie Kirovskoy zheleznoy dorogi v dokumentakh razvedyvatel'nogo otdela armii "Norvegiya" ["Murmanbahn": Description of the Kirov Railway in the Documents of the Army "Norwegen" Intelligence Department]. In *Puti soobshcheniya v voennom dele*. St. Petersburg, GALART+, pp. 138–146.
- Mironichev, E.P. (2023). Deyatel'nost' nemetskoj razvedki na kandalakshskom napravlenii v 1941 godu (po dokumentam armii "Norvegiya" i 36-go armeyskogo korpusa) [German Intelligence Activities in the Kandalaksha Area in 1941 (According to Documents from the Army "Norwegen" and the 36th Army Corps)]. In *Nauchno-issledovatel'skaya rabota obuchayushchihsya i molodykh uchenykh: materialy yubileyroy 75-y Vserossiyskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii obuchayushchihsya i molodykh uchenykh, Petrozavodsk, 3–23 aprelya 2023 goda*. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, pp. 116–119.

Mironichev, E.P. (2024). Kandalakshskoe napravlenie v sovetskom voennom planirovanii v 1940–1941 gg. [Kandalaksha Direction in Soviet Military Planning in 1940–1941]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 2, pp. 139–150.

Morozov, M.E. (2023) “Bor’ba s ispol’zovaniem sushchestvuyushchih tipov podvodnykh lodok mozhet dat’ lish’ otdel’nye uspekhi...”. Boevye deystviya germanskikh podlodok na severnom morskoy teatre voennykh deystviy v 1941–1945 gg. [“The Struggle against the Use of Existing Types of Submarines Can Give Only Isolated Successes...”. The Fighting of German Submarines in the Northern Sea Theater of Operations in 1941–1945]. In *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. No. 7, pp. 34–47.

Naumov, V.P. (Ed.), Reshetin, L.E. (Comp.). (1998). *1941 god: dokumenty. V 2 knigakh. Kniga 1* [1941: Documents. In 2 books. Book 1]. Moscow, Demokratiya. 828 p.

Noskov, A.M. (1977). *Skandinavskiy platsdarm vo vtoroy mirovoy voyne* [Scandinavian Beachhead in WWII]. Moscow, Nauka. 247 p.

Orlov, A.S. et al. (Comp.). (1987). *Prestupnye tseli gitlerovskoy Germanii v voyne protiv Sovetskogo Soyuzha: dokumenty i materialy* [The Criminal Goals of Hitler’s Germany in the War against the Soviet Union: Documents and Materials]. Moscow, Voenizdat. 326 p.

(1958). *Perepiska Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR s prezidentami SSHA i prem’er-ministrami Velikobritanii vo vremya Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg. Tom 1: Perepiska s U. Cherkhillom i K. Ettli (iyul’ 1941 g. – noyabr’ 1945 g.)* [Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR With the Presidents of the United States and Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 1: Correspondence with W. Churchill and C. Attlee (July 1941 – November 1945)]. Moscow, Politizdat. 462 p.

Petramaa, A., Pesonius, V. (1954). *Suomen sota 1941–1945. 5 osa: Sotatoimet Seesjärven ja Jäämeren välillä 1941* [War of Finland 1941–1945. Part 5: War Activities between Seesjärvi and Arctic Sea 1941]. Helsinki, Kustannusosakeyhtiö Kivi. 383 s.

Pospelov, P., Andreev, V. (Eds.). (1960). *Istoriya Velikoy Otechestvennoy vojny Sovetskogo Soyuzha 1941–1945 gg. Tom 1: Podgotovka i razvyazyvanie vojny imperialisticheskimi derzhavami* [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. Vol. 1: Preparation and Outbreak of War by the Imperialist Powers]. Moscow, Voenizdat. 600 p.

Pospelov, P., Andreev, V. (Eds.). (1961). *Istoriya Velikoy Otechestvennoy vojny Sovetskogo Soyuzha 1941–1945 gg. Tom 2: Otrazhenie sovetskim narodom verolomnogo napadeniya fashist-skoy Germanii na SSSR. Sozdanie usloviy dlya korennoy pereloma v voyne (iyun’ 1941 g. – noyabr’ 1942 g.)*. [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. Vol. 2: The Soviet People Repelled the Treacherous Attack of Fascist Germany on the USSR. Reating Conditions for a Fundamental Turning Point in the War (June 1941 – November 1942)]. Moscow, Voenizdat. 682 p.

Raunio, A. (2017). Voennoe sotrudnichestvo Finlyandii i Germanii v 1940–1942 gg. (perevod s finskogo yazyka Yu.M. Kilina) [Military Cooperation of Finland and Germany in 1940–1942. Translating from Finnish by Yu.M. Kilin]. In *Studia Humanitatis Borealis*. No. 1, pp. 4–30.

Raunio, A., Elfvengren, E. (Eds.). (1993). *Jatkosodan historia. 4 osa: Saksalaisarmeijan hyökkäys Pohjois-Suomesta, asemasota, vetäytyminen Karjalan kannakselta* [History of the War. Part 4: German Army Attack from Northern Finland, Station War, Withdrawal from Karelia]. Porvoo, WSOY. 440 s.

Raunio, A., Kilin, J. (2007). *Jatkosodan hyökkäystaisteluja* [Further War Attack Battles]. Keuruu, Karttakeskus. 301 s.

Roskill, S.W. (1954). *The War at Sea 1939–1945: The Defensive. History of the Second World War United Kingdom Military Series*. Vol. I. London, Her Majesty’s Stationery Office. 664 p.

Rumyantsev, N.M. (1955). *Pobeda Sovetskoy Armii v Zapolyar’e: Desyatyy udar (1944 god)* [Victory of Soviet Army in Arctic: 10th Stalin Strike (1944)]. Moscow, Voenizdat. 104 p.

Rumyantsev, N.M. (1963). *Razgrom vraga v Zapolyar’e. Voenno-istoricheskiy ocherk* [Defeating the Enemy in the Arctic. Military History Essay]. Moscow, Voenizdat. 286 p.

Rzheshhevskiy, O., Kumanev, G. (Eds.). (2012). *Velikaya Otechestvennaya Voina 1941–1945 gg. Tom 2: Proiskhozhdenie i nachalo voyny* [The Great Patriotic War 1941–1945. Vol. 2: The Origin and Beginning of the War]. Moscow, Kuchkovo pole. 1008 p.

Semenov, D.G. (2016). Murmansk v sovetskom voennom planirovanii 1920–1930-kh gg. [Murmansk in Soviet Military Planning in 1920–1930s]. In *Murman i Rossiyskaya Arktika: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy mezhregional'noy nauchnoy konferentsii, Murmansk, 26–28 sentyabrya 2016 goda*. Murmansk, MAGU, pp. 47–53.

Semenov, D.G. (2022). Finskaya Laplandiya v kontse 1930-kh gg.: “skrytaya militarizatsiya”? [Finnish Lapland in the End of 1930s: “Hidden Militarization”?]. In *Pervoprophodtsy Kraynego Severa: Chetyrnadtsatye Feodoritovskie chteniya: k 450-letiyu blazhennoy konchiny prepodobnogo Feodorita Kol'skogo, v nachale XVI veka prosvetivshogo Evangel'skim svetom zemli Kol'skogo Severa: materialy istoriko-kraevedcheskoy konferentsii, Apatity, 16–19 sentyabrya 2021 goda*. Murmansk, Izdatel'stvo urmanskou eparkii, pp. 410–415.

Sergeev, A.A. (2003). *Germanskije podvodnye lodki v Arktike 1941–1942* [German Submarines in the Arctic 1941–1942]. Moscow, Russkiy Izdatel'skiy Dom. 304 p.

Skvirskiy, L.S. (1985). Ot 14-y armii – k Karel'skomu frontu [From 14th Army – to the Karelian Front]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 80–99.

Suprun, M.N., Boldyrev, R.Yu. (2000). Nemetskaya razvedka o Russkom Severe, 1939–1943 gg.: iz “Sbornoy papki o tylovoy oblasti protivnika pered 20-m gornym korpusom po sostoyaniyu na 01.02.1943 g.” [German Intelligence about the Russian North, 1939–1943: From the “Collection Folder on the Enemy's Rear Area in Front of the 20th Mountain Corps as of 02/01/1943”]. In *Severnye konvoi: Issledovaniya, vospominaniya, dokumenty*. Iss. 4. Arhangel'sk, Pravda Severa, pp. 291–318.

Vinogradov, V.K. et al. (Comp.). (1995). *Sekrety Gitlera na stole u Stalina: Razvedka i kontrrazvedka o podgotovke germanskoy agressii protiv SSSR, mart-iyun' 1941 g.: dokumenty iz Tsentral'nogo arkhiva FSB Rossii* [Hitler's Secrets on Stalin's Table: Intelligence and Counterintelligence on the Preparation of German Aggression Against the USSR, March-June 1941: Documents from the Central Archive of the FSB of Russia]. Moscow, Mosgorarkhiv. 252 p.

Zimke, E. (2005). *Nemetskaya okkupatsiya Severnoy Evropy. Boevye operatsii Tret'ego reykh. 1940–1945* [The German Occupation of Northern Europe. Combat Operations of the Third Reich. 1940–1945]. Moscow, Tsentrpoligraf. 415 p.

Zolotarev, V.P. (Ed.). (2015). *Politiko-strategicheskoe sodержanie planov Tret'ego reyha v otnoshenii SSSR: sbornik dokumentov i materialov* [Political and Strategic Content of the Plans of the Third Reich in Relation to the USSR: Collection of Documents and Materials]. Moscow, Kuchkovo pole. 399 p.

И.И. Ханипова*

**РАТНЫЕ ПОДВИГИ УРОЖЕНЦЕВ БАШКИРСКОЙ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАТАРСКИХ ФРОНТОВЫХ ГАЗЕТ)**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-16
УДК 94(470.46)"1941/1945"*Выходные данные для цитирования:**Ханипова И.И. Ратные подвиги уроженцев Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам татарских фронтовых газет) // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 201–211.**URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-16.pdf>*

I.I. Khanipova*

**MILITARY FEATS OF THE NATIVES OF THE BASHKIR ASSR
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED
ON MATERIALS FROM TATAR FRONT-LINE NEWSPAPERS)**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-16

*How to cite:**Khanipova I.I. Military Feats of the Natives of the Bashkir ASSR during the Great Patriotic War (Based on Materials from Tatar Front-line Newspapers) // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 201–211.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-16.pdf>]*

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the content of frontline newspapers published during the years of the Great Patriotic War in the Tatar language: “Alga doshman østenə” (“Forward Against the Enemy”), “Vatan øchen sugyshka” (“To Battle for the Motherland”), “Vatan namusy øchen” (“For the Honor of the Motherland”), “Vatanny saklauda” (“Guarding the Motherland”), “Kyzyl Armiya” (“Red Army”), “Front khakyikate” (“Frontline Truth”), “Sovet sugyshchysy” (“Soviet Warrior”), “Stalin bairagy” (“Stalin’s Banner”), “Suvorov-chy” (“Suvorovits”), “Жиңү bairagy” (“Banner of Victory”), as well as the Kazakh army newspaper “Zhaufa qarsy attan” (“Forward Against the Enemy”). The studied materials, which illustrate the nature and means of mass mobilization work at the front, allow for the conclusion that newspapers published on the fronts of the Great Patriotic War were a powerful factor in shaping public consciousness, actively and specifically influencing the mood and worldview of Red Army soldiers. It is shown that the majority of the articles were aimed at increasing the civic responsibility and patriotism of Soviet soldiers. Considering frontline newspapers as a historical source about frontline soldiers native to the Bashkir ASSR, materials concerning both well-known war heroes and little-known ones, whose names have been preserved only on the pages of Red Army newspapers, have been identified. Considering the high potential of the content of frontline newspapers not only in terms of the chronological events of the Great Patriotic War, examples of personal courage and heroism, but information about the everyday military life of Soviet soldiers and the biographical data of heroic frontline soldiers, it is important to involve frontline newspapers in scientific circulation as a valuable source on the history of peoples and regions.

Keywords: The Great Patriotic War, Tatar front-line newspapers, Military feats, Bashkir ASSR (Autonomous Soviet Socialist Republic), Tatars.

The article has been received by the editor on 20.03.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Ильнара Ильдусовна Ханипова**, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, e-mail: ihanipova@mail.ru

Il'nara Ildusovna Khanipova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Sh. Mardzhani of Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia, e-mail: ihanipova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания фронтовых газет, выходивших в годы Великой Отечественной войны на татарском языке: «Алга дошман өстенә» («Вперед на врага»), «Ватан өчен сугышка» («В бой за Родину»), «Ватан намусы өчен» («За честь Родины»), «Ватанны саклауда» («На страже Родины»), «Кызыл Армия» («Красная Армия»), «Фронт хакыйкәте» («Фронтовая правда»), «Совет сугышчысы» («Советский воин»), «Сталин байрагы» («Сталинское знамя»), «Суворовчы» («Суворовец»), «Жиңү байрагы» («Знамя победы»), а также казахской армейской газеты «Жауға қарсы аттан» («Вперед на врага»). На основе изученных материалов, иллюстрирующих характер и средства мобилизационно-массовой работы на передовой, автор пришел к выводу, что газеты, выходившие на фронтах Великой Отечественной войны, являлись мощным фактором формирования общественного сознания, активно и адресно воздействуя на настроение и мировоззрение бойцов Красной армии. Показано, что основная масса статей направлена на повышение гражданской ответственности и патриотизма советских солдат. Рассматривая фронтовые газеты в качестве исторического источника о фронтовиках – уроженцах Башкирской АССР, выявлены материалы, касающиеся как известных героев войны, так и малоизвестных, чьи имена сохранились только на страницах красноармейских газет. Отмечая высокий потенциал содержания фронтовых газет не только в плане событийной хронологии периода Великой Отечественной войны, примеров личного мужества и героизма, но и информации о военной повседневности советского солдата, о биографических данных героев-фронтовиков, автор пришел к заключению о важности вовлечения фронтовых газет в научный оборот как ценного источника по истории народов и регионов.

Ключевые слова: Великая Отечественная войны, татарские фронтовые газеты, ратные подвиги, Башкирская АССР, татары.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025 г.

Введение. Газеты, выходившие на фронтах Великой Отечественной войны, как и в целом периодическая печать, служили источником официальной информации о положении на передовой и в тылу, оперативно и адресно воздействовали на настроение бойцов Красной армии, являясь мощным фактором формирования общественного сознания. В отличие от центральной и региональной прессы военного периода, контент фронтовых газет, особенно выходивших на национальных языках народов нашей страны, изучен недостаточно. Поэтому в данной статье автор показал не столько содержание газеты как иллюстрацию характера и средств мобилизационно-массовой (пропагандистской) работы на передовой, сколько ее информационный потенциал как исторического источника, взяв в качестве примера лишь один из аспектов содержания красноармейской прессы – статьи об уроженцах Башкирской АССР.

Отметим, что проблематика фронтовых газет как исторического источника слабо представлена в отечественной историографии. Еще в советские годы вышел сборник очерков, воспоминаний и фотодокументов «Летописцы Победы», посвященный работникам редакций армейских/фронтовых газет¹. Большую роль в становлении и изучении данной темы в региональной историографии сыграло исследование А.К. Айнутдинова².

Организаторскую деятельность национальных фронтовых газет, их значение в идейно-политическом воспитании бойцов нерусской национальности исследовал И.С. Семакин. Отличительными чертами его исследования являются глубокое понимание проблем, испытываемых бойцами в отрыве от национальной среды, демонстрация масштабности и действенности многонациональной фронтовой печати³.

¹ Летописцы Победы. М., 1984.

² Айнутдинов А.К. Летопись подвига (Исторический очерк по страницам татарских фронтовых газет). Казань, 1984.

³ Семакин И.С. Фронтовая печать на языках народов СССР в 1941–1945 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 12. С. 37–46.

Взаимоотношениям и микроклимату в редакции татарских фронтовых газет посвящена статья Р. Магадеевой, изучившей данный вопрос на примере деятельности татарского писателя из БАССР Мустая Каримова⁴. Фронтовые будни татарского писателя Абдурахмана Абсалямова, служившего на Карельском фронте, показаны в работе А.Б. Абсалямовой⁵. О татарской фронтовой газете «Ватанны саклауда», выходившей на Ленинградском фронте в период блокады Ленинграда, рассказывается в статье В. Бередниковой⁶. Ее выводы о значении газеты для бойцов разных национальностей подтверждаются в монографии Р. Теляшова, отмечавшего тематическое и жанровое разнообразие татарской фронтовой периодики, а также добросовестность и высокое качество выпусков, несмотря на тяжелые условия военного времени⁷.

Из работ последнего десятилетия можно назвать статьи Л.Р. Насыйховой, которая дала общую характеристику татарской публицистики на страницах фронтовых газет⁸. Вместе с тем автор не совсем точно указала периодизацию изучаемой татарской фронтовой периодики – 1941–1945 гг., так как армейские газеты на национальных языках начали выпускаться лишь с февраля 1942 г.⁹, первый же выпуск татарской фронтовой газеты «Ватан өчен» («За Родину») датирован 10 июля 1942 г. Автор пишет о предпринятой попытке систематизации и анализа информационных жанров татарской газеты периода Великой Отечественной войны на примере газет «Ватан өчен» («За Родину»), «Сталин сугышчысы» («Сталинский воин»), «Фронт правдасы» («Фронтовая правда»). На наш взгляд, во всех статьях Л.Р. Насыйховой страдает репрезентативность источников (в данном случае – самих газет), не хватает базового (источникового) материала. Вместе с тем в самой диссертации дана хорошая характеристика тематических направлений фронтовой татарской публицистики, интересно представлены образы сражающегося народа через портреты конкретных людей¹⁰.

Большое значение для исследуемой темы имеет работа Р.Л. Исхакова. Автор рассматривает фронтовую (дивизионную) периодику Великой Отечественной войны, в том числе татарскую, с точки зрения анализа ее роли в формировании военно-патриотической идентичности с одной стороны – как среду для воспитания патриотизма, с другой – как один из механизмов партийно-политической работы военного времени¹¹.

Данная публикация имеет цель провести анализ фронтовых газет как источника для изучения ратных подвигов уроженцев и жителей Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны.

⁴ Магадеева Р. Мустай Карим – корреспондент фронтовых газет // Ватандаш. 2015. № 1 (220). С. 197–200.

⁵ Абсалямова А.Б. Татарский писатель на Карельском фронте: влияние событий военных лет на творческий путь литератора // Румянцевские чтения – 2018. Библиотеки и музеи как культурные и научные центры: историческая ретроспектива и взгляд в будущее. К 190-летию со времени основания Румянцевского музея: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. М., 2018. С. 5–9.

⁶ Бередникова В. Периодическая печать Ленинградского фронта в период блокады Ленинграда // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. Сб. тр. Всерос. науч. конф. СПб., 2019. С. 169–175.

⁷ Теляшов Р.Х. Татары в Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда. СПб., 2005. С. 356–357.

⁸ Насыйхова Л.Р. Письмо как жанр военной публицистики (на материале татарских газет периода Великой Отечественной войны) // Казанская наука. 2020. № 7. С. 31–33; Насыйхова Л.Р. Система информационных жанров татарской газеты периода Великой Отечественной войны // Казанская наука. 2020. № 8. С. 15–17; Насыйхова Л.Р. Татарская публицистика на страницах фронтовых газет (1941–1945 гг.) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 4. С. 180–184.

⁹ См. об этом: Исхаков Р.Л. Дивизионная печать в механизме партийно-политической работы в годы Великой Отечественной войны // Регионы России в военной истории страны: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2020. С. 160.

¹⁰ Насыйхова Л.Р. Жанрово-тематические и стилистические особенности татарской фронтовой публицистики в годы Великой Отечественной войны (на примере дневников и очерков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2023.

¹¹ Исхаков Р.Л. Дивизионная печать в механизме партийно-политической работы в годы Великой Отечественной войны... С. 156–168.

Источниковой основой статьи послужили материалы фронтовых (армейских) газет, выходившие на татарском и казахском языках. Автором были проанализированы начиная с 1942–1943 гг. (годы начала издания татарских фронтовых газет) татарские фронтовые газеты «Алга дошман өстенә» («Вперед на врага»), «Ватан өчен сугышка» («В бой за Родину»), «Ватан намусы өчен» («За честь Родины»), «Ватанны саклауда» («На страже Родины»), «Кызыл Армия («Красная Армия»), «Фронт хакыйкате» («Фронтовая правда»), «Совет сугышчысы» («Советский воин»), «Сталин байрагы» («Сталинское знамя»), «Суворовчы» («Суворовец»), «Жиңү байрагы» («Знамя победы»), а также материалы казахской армейской газеты «Жауға қарсы аттан» («Вперед на врага»).

Обращение к данной теме неслучайно. Публикация заметок и статей о героях войны в армейских газетах иногда сопровождалась фотографиями бойца. При этом, в силу военного времени, информация давалась минимальная, не указывались конкретно военные части, места свершения подвига, а относительно героев-татар зачастую отсутствовали не только инициалы, но даже и имя. «Иптәш Закиров» – «товарищ Закиров» – так, например, мог назвать автор заметки своего героя. Поэтому идентификация изображенного на фотографии красноармейца, выяснение биографии героя публикации благодаря описанию его конкретных подвигов, действий и поступков играет, на наш взгляд, важную роль в деле сохранения исторической памяти. Тем более что в татарских, особенно деревенских семьях не было принято фотографироваться. И многие ушедшие на фронт воины, запечатленные в газетах на фотографиях или портретах, нарисованных талантливыми однополчанами или художниками из редакции, не имели довоенных снимков. В случае когда герой заметки погибал, такие публикации оставались единственным визуальным источником о солдате.

«Я дал слово великому народу. Не запятнаю клятвы я святой...». Наряду с многочисленными политическими и патриотическими лозунгами, стратегическими задачами, ставившимися перед красноармейцами, письмами-обращениями к бойцам, приходившими от трудовых коллективов, и новостями с родных краев татарские фронтовые газеты уже с первых номеров стали публиковать заметки о фронтовых подвигах земляков и фотографии бойцов, проявивших мужество в боях с немецкими оккупантами. На 19 фронтах Великой Отечественной войны выходило 16 самостоятельных (не дублирующих русское издание) армейских газет на татарском языке, которые читали татары, башкиры, узбеки, казахи и другие народы, говорившие на тюркских языках.

С первых дней войны находился на фронте талантливый татарский поэт Шараф Мударрис (Ш.Х. Мударрисов), не понаслышке знавший, что такое война. В 1942 г., когда начинает выходить первая татарская фронтовая газета Северо-Западного фронта «Ватан өчен» («За Родину»), его переводят в редакцию газеты. После расформирования фронта вместе с газетой, переданной вновь сформированному 2-му Белорусскому фронту, Ш. Мударрис продолжает работу в редакции газеты, выходившей уже под названием «Фронт хакыйкате» («Фронтовая правда»). 13 декабря 1944 г. в № 110 «Фронт хакыйкате» в рубрике «Наши герои фронта» опубликована его статья «Габдулла», посвященная татарским батырам (героям)¹². «Среди татар это простое и невероятно распространенное имя», – пишет автор. «За три с половиной года войны мне приходилось очень много слышать имя Габдулла. Тысячи наших Габдулл идут за Родину на смертный бой, сотни Габдулл, проявившие смелость и мужество, награждены орденами и медалями». Рассказывая о фронтовиках по имени Габдулла, столь же распространенном, как и имя русского солдата Иван, автор с долей шутки («сегодня мой герой не Габдулла Саитов, не Габдулла Валиев, а Габдулла Идрисов») раскрывает нешуточный каждодневный подвиг советского солдата – связного артиллерийской части Г. Идрисова. «Простой деревенский парень, простой солдат, победив смерть, стал героем», – пишет Ш. Мударрис. «Во время ожесточенных боев, когда воины дышали пороховым дымом, Габдулла, стиснув зубы, с яростью раненого льва продолжал двигаться вперед, навстречу врагу. Габдулла видит – наши стрелки под проливным огнем неприятеля, скрывающегося в блиндаже, прижаты к земле, а он, связной артиллерии,

¹² Мударрис Ш. Габдулла // Фронт хакыйкате (Фронтовая правда). 1944. № 110. 13 дек. На тат. яз.

на полкилометра впереди. Не растерявшись, подползает к блиндажу и передает своей батарее ориентиры вражеской огневой точки, вызвав огонь на себя».

Более точных сведений о самоотверженном герое заметки не осталось, но на сайте «Память народа» хранятся данные десятки Габдулл (Абдулл) Идрисовых – сыновей татарского народа, уроженцев разных регионов страны, отдавших свою жизнь за Родину.

2 января 1944 г. фронтовая газета «Сталин байрагы» («Сталинское знамя») ¹³ опубликовала заметку о славном сыне татарского народа разведчике Зуфаре Исмагилове. Ее автор, гвардии сержант Гурьев, рассказывал об отважном бойце своего подразделения, о его храбрости и героизме, умении преодолевать мины и проволочные заграждения, бесшумно проходить через вражеские посты, с одного удара снимать часового, чтобы, ворвавшись в блиндаж, взять «языка». «Доблестный воин уже два года воюет с немецкими захватчиками. Не раз ходил в разведку, устраивал засады, бывал в тылу врага, участвовал в налетах на немецкий штаб. Поймавший десятки «языков», беспощадно уничтожавший врага, за мужество и отвагу дважды был представлен к ордену Красной Звезды, награжден медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда» ¹⁴

Изучение материалов сайта «Память народа» показало, что героем статьи стал Зуфар Харисович Исмагилов (25.12.1925 – 1989), уроженец г. Белебей Республики Башкортостан. Он ушел на фронт в ноябре 1942 г. в возрасте 17 лет. Воевал разведчиком в составе 1315-го строевого полка. 25 июня 1944 г. в боях под Оршей, действуя в группе разведчиков, дезорганизовал систему огня противника, обеспечив продвижение наших батальонов. 27 июня в районе д. Устье Витебской области в составе группы разведчиков разгромил неприятельский заслон, захватил штабную машину с ценными документами, 3 радиоприемника, 5 телефонных аппаратов и другие трофеи, за что был представлен к ордену Славы III степени ¹⁵.

2 августа 1944 г. Зуфар Исмагилов был тяжело ранен и несколько месяцев находился на лечении в госпитале. С декабря 1944 г. вновь продолжил военную службу в качестве разведчика в составе 138-го строевого полка. Принимал участие в освобождении Кенигсберга, Варшавы, в штурме Берлина. Страна высоко оценила подвиги З.Х. Исмагилова, дважды наградив орденом Красной Звезды (12 мая 1944 г. и 8 мая 1945 г.), орденом Отечественной войны II степени (31 июля 1944 г.), орденом Славы III степени (26 июля 1944 г.), а также медалями «За отвагу» (15 декабря 1943 г.), «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина». В 1945 г. был награжден грамотой, подписанной лично командующим 1-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, за овладение г. Берлин.

3 марта 1944 г. фронтовая газета «Алга дошман өстенә» публикует портрет, выполненный талантливым художником, работавшим в редакции Байназаром Альменовым: «Политрук, капитан С. Кабиров, награжденный орденом Красной Звезды» (рис. 1). Сын татарского народа из д. Чувалкипово Башкирской АССР Сафа Хаматович Кабиров (17.12.1912 – ?) был удостоен высокой награды 2 ноября 1942 г. за мужественные и бесстрашные действия юго-восточнее д. Лебзино Ржевского района. За подвиги 23 июня 1944 г., во время прорыва глубоко эшелонированной обороны противника в районе д. Забо-

Рис. 1. Политрук, капитан С.Х. Кабиров. (Алга дошман өстенә. 1944. № 18. 3 марта)

¹³ Печатный орган Политуправления Южного фронта. С 20 октября 1943 г. – красноармейская газета вновь созданного 4-го Украинского фронта.

¹⁴ Зуфар Исмагыйлев // Сталин байрагы (Сталинское знамя). 1944. № 1. 2 янв. На тат. яз.

¹⁵ Исмагилов Зуфар Харисович [Электронный ресурс] // Память народа. 1941–1945. URL: https://pamyatnaroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrashdenie36789203 (дата обращения: 18.03.2025).

лотки Шумилинского района Витебской области, отважный боец награжден орденом Отечественной войны II степени. С. Кабиров одним из первых атаковал врага и, несмотря на ранение, продолжал сражение, был эвакуирован с поля боя лишь после повторного ранения. 6 августа 1949 г. за очередной подвиг получил медаль «За боевые заслуги».

Еще об одном политработнике – пропагандисте Н-ского военного госпиталя лейтенанте Рашите Габитове рассказала 17 мая 1944 г. «Фронтная правда» («Фронт хакыйкате»). Р. Габитов играл важную роль в культмассовой работе среди раненых красноармейцев нерусских национальностей. Автор заметки подчеркивал, что он «оказывал неоценимую помощь представителям многонациональных народов страны, совершившим героические подвиги, но оказавшимся ранеными и оставшимся без государственной награды»¹⁶. Уроженец д. Лаклы Салаватского района БАССР Рашид Давлетович Габитов (1914 г.р.) служил в 421-м эвакуогоспитале, в Смоленском госпитале, позднее переформированном в № 3584 в госпиталь 99-го местного эвакуационного пункта 2-го Белорусского фронта. В январе 1942 г., тяжелораненый и контуженный в боях на Волховском фронте, попадает в госпиталь, где с августа 1942 г. работает пропагандистом. Несмотря на постановочный характер фотографии, Р. Габитов на всем протяжении работы в госпитале проявлял организаторские качества, активно участвовал в обеспечении массового поступления раненых. По данным наградного листа, во время массового поступления раненых с 23 января по 24 февраля 1945 г., сутками не уходя из госпиталя, без сна и отдыха обеспечивал быструю разгрузку машин. В приемно-сортировочном отделении на 2 500 чел. вел постоянную работу с ранеными, оказывая моральную поддержку и «протягивая руку помощи». 12 мая 1945 г. награжден орденом Красной Звезды (рис. 2).

Рис. 2. Лейтенант Р. Габитов с ранеными Н-ского военного госпиталя (Фронт хакыйкате. 1944. № 55. 17 мая).

Уроженец с. Шигаево Белорецкого БАССР снайпер Рахадин Хальфетдинов (1913 – 18.10.1944) стал героем майской передовицы газеты «Вперед на врага». Автор заметки старшина Г. Загидуллин подчеркивал не только его профессионализм – на счету снайпера было 66 уничтоженных немцев, но и умение в наставничестве передать опыт новобранцам. В арсенале побед сержанта Р. Хальфетдинова, помимо уничтоженных фашистов, было несколько задержанных государственных преступников и один агент немецкой разведки¹⁷. Недаром снайпер 31-го погранполка 1-го стрелкового корпуса 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта награжден медалью «За отвагу» (4 февраля 1943 г.) и орденом Отечественной войны I степени (18 апреля 1944 г.).

16 сентября 1944 г. фронтная газета «Суворовчы» («Суворовец») опубликовала статью «Кавалер ордена Славы Сабир Каримов»¹⁸. В ней капитан В. Журавлев рассказал о первом бое вновь прибывшего рядового С. Каримова, который сразу же по приказу командира вместе с десантом автоматчиков отправился на штурм немецких траншей. В том же бою он оказал первую помощь раненому танкисту младшему лейтенанту Изотову, спасшемуся из горящего танка. Расчищая путь от врага, молодой боец донес раненого танкиста до безопасного места. По-особому показал себя С. Каримов и на второй день своего боевого пути. За сорок минут он выполнил приказ командира, взяв в плен «кукушку» – снайпера, расположившегося недалеко от позиций советской танковой части. По словам капитана

16 Фронт хакыйкате. 1944. № 55. 17 мая. На тат. яз.
¹⁷ Загидуллин Г. Снайпер Халфетдинов // Алга дошман өстенә (Вперед на врага). 1944. № 28. 8 апр. На тат. яз.
¹⁸ Кавалер ордена Славы Сабир Каримов // Суворовчы (Суворовец). 1944. № 60. 16 сент. На тат. яз.

В. Журавлева, уже в первые дни своей боевой службы «отважный воин Сабир Каримов во время контратак убил 18 и взял в плен 6 гитлеровцев».

Уроженец д. Загитово С.Н. Каримов (1924–1991) был призван в ряды РККА в мае 1943 г. Архангельским райвоенкоматом Башкирской АССР. Служил автоматчиком моторизованного батальона автоматчиков 24-й танковой бригады 5-й танковой колонны. 17–19 июля 1944 г. проявил себя бесстрашным бойцом в боях за переправу на р. Сарьянка у д. Вожане и д. Сардыки Витебской области и переправу р. Асуница у дер. Устье, увлекая личным примером бойцов в атаку. За проявленный героизм в боях с захватчиками 20 июля 1944 г. был представлен к награде, 30 июля – награжден Приказом подразделения № 18 орденом Славы III степени.

В ноябре 1944 г. газета 2-го Белорусского фронта «Фронт хакыйкате»¹⁹ публикует небольшую заметку лейтенанта А. Иванова «Уничтожены 11 автомашин врага», рассказывающую о командире 45-мм орудия старшем сержанте Заки Файрушине, который демонстрировал в этой войне отвагу и героизм. «С расчетом своего орудия Файрушин максимально близко подошел к противнику, прицельным огнем уничтожив 11 автомашин и мост. Кавалер орденов Отечественной войны II степени и Красной Звезды, своими решительными и умелыми действиями он обеспечивает успехи нашего подразделения», – писал А. Иванов²⁰.

Поиск информации на сайте «Память народа» оказался успешным. Выяснилось, что татарин Заки (Закей) Шакирович Файрушин, 1924 г.р., был призван в ряды Красной армии в августе 1942 г. Гафурийским РВК Башкирской АССР. В Приказе № 16 от 23 января 1944 г. по 563-му стрелковому полку 153-ей стрелковой дивизии 5-й Армии Западного фронта о предоставлении к медали «За отвагу» отмечено: «В боях за д. Бобовики (Витебской области. – И. Х.) орудие под командованием З. Файрушина уничтожило 5 пулеметных точек и 1 орудие в отражении 2 контратак противника... Родных нет». 30 декабря 1943 г. командир батареи 45-мм орудий 563-го стрелкового полка 153-й Смоленской стрелковой дивизии З. Файрушин награжден орденом Красной Звезды,²¹ 17 августа 1944 г. – орденом Славы III степени, 6 декабря 1944 г. – орденом Славы II степени.

29 декабря 1945 г. фронтовая газета «Жиңу байрагы» («Знамя победы») опубликовала статью о верном сыне татарского народа, уроженце д. Кляшево Чишминского района БАССР капитане Файзулле Сатаеве²² (рис. 3). Свою первую награду Файзулла Шарипович Сатаев получил в 20-летнем возрасте за отвагу, проявленную в боях на р. Халхин-Гол. В Великую Отечественную вступил уже командиром роты, проявив себя как высокопрофессиональный, владеющий вопросами тактики отважный командир. Не раз возглавлял отряды разведки, приводя из тыла врага пленных и добывая бесценную информацию. В 1944 г. в боях за Львов штурмовая рота капитана Сатаева показала исключительную отвагу и мужество, став примером для всей войсковой части. «Однополчане любят и уважают своего старательного и способного командира», – отмечал автор статьи Г. Насретдинов.

Ярким примером мужества и отваги для многих красноармейцев, призванных с Поволжья и Урала, стал сын татарского народа, уроженец д. Илякшиде Илишевского района Башкирской АССР, дважды Герой Советского Союза Муса Гайсинович Гареев. О подвигах слав-

Рис. 3. Капитан Ф. Сатаев
(Жиңу байрагы. 1945. № 95. 29 декабря)

¹⁹ Печатный орган Политуправления 2-го Белорусского фронта.

²⁰ Иванов А. Дошманның 11 автомашинасы юк ителде // Фронт хакыйкате. 1944. № 104. 18 нояб. На тат. яз.

²¹ Файрушин Закей Шакирович [Электронный ресурс] // Память народа. 1941–1945. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie21887031/ (дата обращения: 18.03.2025).

²² Капитан Файзулла Сатаев // Жиңу байрагы (Знамя победы). 1945. № 95. 29 дек. На тат. яз.

ного летчика писали многие фронтовые газеты²³. Выполненный на знаменитом штурмовике «Ил-2» более 250 боевых вылетов, участвуя во многих воздушных боях от Сталинграда до Пиллау, начав свой боевой путь со звания сержанта в 1943 г., М.Г. Гареев стал к концу войны майором (рис. 4).

Немало внимания на страницах фронтовых газет уделялось и защитницам Отечества. О легендарной летчице Таманского Краснознаменного и ордена Суворова женского авиационного полка 325-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии Магубе Гусейновне (Хусаиновне) Сыртлановой (1912–1971), история одного из боев которой была освещена на страницах газеты «Фронтовая правда»,²⁴ в свое время писала А.Ш. Кабирова, отмечая героизм и бесстрашие дочери татарского народа²⁵. В наградном листе на представление к ордену Красного Знамени (1945) говорилось, что М. Сыртланова «лично за период боевой работы произвела 722 боевых вылета ночью с налетом 886 часов... Обладая отличной техникой пилотирования, боевые задания выполняет в любых метеоусловиях». Всего за время войны общий налет Магубы Хусаиновны составил 3 098 часов 15 минут, дневной – 1 816 часов 15 минут, ночной – 1 282 часа, боевой налет – 782 вылета – 955 часов 20 минут. За мужество и мастерство при выполнении боевых заданий М. Сыртланова награждена двумя орденами Красного Знамени (28 мая 1943 г., 22 мая 1945 г.), Красной Звезды (26 апреля 1944 г.), Отечественной войны II степени (30 октября 1943 г.), медалью «За оборону Кавказа» (23 сентября 1944 г.). 15 мая 1946 г. указом Президиума Верховного Совета СССР М.Х. Сыртланова была удостоена звания Героя Советского Союза.

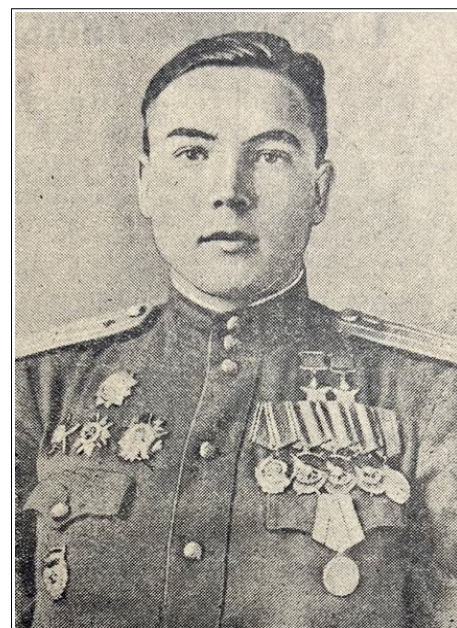

Рис. 4. Майор М.Г. Гареев (Сталин сугышчысы. 1945. № 75. 12 окт.)

О подвиге Закиры Хатыповны Хафизовой (1920 – ?, после 1985), награжденной 14 апреля 1944 г. медалью «За боевые заслуги», фронтовики узнали из газеты «Фронт какый-кате» («Фронтовая правда»). 10 мая 1944 г. опубликована заметка Х. Сайфетдинова «Трудолюбивая девушка» о юной уфимской татарке Закире Хафизовой, чей фронтовой путь начался в 1942 г. под Сталинградом. Главной задачей Закиры была предполетная подготовка и обеспечение истребителей снарядами. Рассказывая о трудовом героизме девушки, автор привел один из случаев фронтовой жизни. Когда блиндаж с боевыми снарядами полностью затопило талой водой, Закира со своей подругой Ивановой, находясь по грудь в воде, всю ночь выносили боеприпасы. На сайте «Память народа» хранятся свидетельства о боевых подвигах ефрейтора 495-го истребительного авиационного полка Закиры Хатыповны – медали «За боевые заслуги» (14 апреля 1944 г.) и «За оборону Сталинграда» (22 декабря 1944 г.)²⁶.

Еще об одной уроженке г. Уфа, дочери татарского народа Б. Хикматуллиной, рассказала казахская фронтовая газета «Жауға қарсы аттан» («Вперед на врага») ²⁷. «Регулировщица, комсомолка, сержант Бибисара Хикматуллина получила несколько благодарностей от командования за образцовое выполнение своих обязанностей» – писал автор о Бибисаре.

²³ Ике тапкыр Герой Муса Гэрэев // Ватан намусы өчен (За честь Родины). 1945. № 52. 19 авг. На тат. яз.; Халкыбызның батыр улы. Муса Гэрэев // Жиңу байрагы (Знамя победы). 1945. № 64. 2 сент. На тат. яз.; Гвардии майор Муса Гэрэев // Сталин сугышчысы (Сталинский воин). 1945. № 75. 12 окт. На тат. яз.

²⁴ Нава батыры Сыртланова // Фронт какыйкате (Фронтовая правда). 1944. № 95. 18 окт. На тат. яз.; «Ночная ведьма» Магуба Сыртланова: смертельная татарская «лезгинка» и подпись на рейхстаге [Электронный ресурс] // Миллиард Теарт. URL: <https://milliard.tatar/news/nocnaya-vedma-maguba-syrtlanova-smertelnaya-tatarskaya-lezginka-i-podpis-na-reixstage-1428> (дата обращения: 15.03.2025).

²⁵ Кабирова А.Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. Казань, 1995. С. 142–143.

²⁶ Хафизова Закира Хатыповна [Электронный ресурс] // Память народа. 1941–1945. URL: <https://pamyatnaroda.ru/heroes/person-hero101336167> (дата обращения: 20.03.2025).

²⁷ Жауға қарсы аттан. 1944. № 24. 19 марта. На казах. яз.; Семейбаев Б. Бибисара // Жауға қарсы аттан. 1944. № 20. 9 марта. На казах. яз.

Воспитанница детдома, после окончания 7-летней школы девушка работала на фабрике. На фронте служила в дорожно-строительном батальоне, была одной из «элитных передовых регулировщиц». Хорошо справляясь с этой задачей, Бибисара не останавливалась на достигнутом и, получив новые знания, стала медицинской сестрой (рис. 5).

Из небольшой подписи к фотографии, опубликованной 10 мая 1944 г., читатели фронтовой газеты «Алга дошман өстенә» («Вперед на врага») узнали о дочери татарского народа, лейтенанте медицинской службы Назибе Кариповой²⁸. Уроженка д. Кичикир Янаульского района Башкирской АССР, Назиба Асламовна (30.11.1921 г.р.) служила старшей операционной сестрой хирургической группы отдельной роты медицинского усиления № 35. С самого начала войны принимала активное участие в организации работы перевязочно-операционных блоков в госпиталях действующей армии. Самоотверженно трудилась в условиях боевых действий. Награждена медалями «За боевые заслуги» (13 августа 1943 г.), «За оборону Сталинграда» (22 декабря 1942 г.), «За победу над Германией» (9 мая 1945 г.), «За победу над Японией» (30 сентября 1945 г.), орденом Красной Звезды (7 марта 1945 г.)²⁹. Завершила службу 14 февраля 1948 г. (рис. 6).

Фото еще одной героини – уроженки Илишевского района БАССР Ризаны Валиуллиной (1923–2016) украсило страницы газеты «Фронт хакыйкате» («Фронтовая правда»). «Дочь родины Ризана – зенитчица ефрейтор Валиуллина прошла долгий путь воина, участвовала в боях под Сталинградом. Награждена медалью “За оборону Сталинграда”, благодарностями командования» (рис. 7). В воспоминаниях самой Р.С. Ялаевой (Валиуллиной) говорится, что она была призвана в 18-летнем возрасте в апреле 1942 г., служила прожектористом 43-го прожекторного полка 56-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона войск ПВО³⁰.

Уроженцы Башкортостана выступали не только героями, но и авторами заметок для фронтовых газет. «Побольше печатайте в газете песен и стихов», – с такой просьбой обращался в редакцию газеты «Алга дошман өстенә» («Вперед на врага») Г. Илчебаев. «Я сам башкирский парень. Газету “Вперед на врага”, выходящую на татарском языке, читаю с большим удовольствием. В ней печатается разная интересная информация»³¹.

Ежедневному подвигу татарской девушки – санитарки Назиры посвящено стихотворение уроженца д. Кляшево Башкирской АССР Мустая Карима «Идел кызы», опубли-

Рис. 5. Сержант Б. Хикматуллина (Жауға қарсы аттан. 1944. № 24. 19 марта)

Рис. 6. Лейтенант Н. Карипова. (Алга дошман өстенә. 1944. № 37. 10 мая).

²⁸ Алга дошман өстенә (Вперед на врага). 1944. № 37. 10 мая. На тат. яз.

²⁹ Карипова Назиба Асламовна [Электронный ресурс] // Память народа. 1941–1945. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93761039> (дата обращения: 20.03.2025).

³⁰ День героев Отечества. Ялалова (Валиуллина) Ризана Сулеймановна [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall337486312_2857 (дата обращения: 20.03.2025).

³¹ Илчебаев Г. Побольше печатайте песен // Алга дошман өстенә (Вперед на врага). 1944. № 36. 5 мая.

кованное 6 апреля 1944 г. в газете «Ватан намусы өчен»³². Татарский поэт Мустафа Сафич Каримов (20.10.1919–21.09.2005) в годы Великой Отечественной войны был корреспондентом русской газеты «За честь родины» и татарской красноармейской газеты «Совет сугышчысы» («Советский воин»). После ранения и лечения в госпитале стал работать в редакции газеты «Ватан намусы очен» («За честь Родины») Воронежского фронта.

Выводы. Сегодня, когда предпринимается немало попыток фальсификации отечественной истории, в том числе и применительно к периоду Великой Отечественной войны, когда еще встречаются забытые имена героев-фронтовиков, актуально восполнять пробелы в освещении данной темы, используя все возможные источники, в том числе периодическую печать. Проанализировав материалы татарских фронтовых газет, автор пришел к выводу об их высоком потенциале как многопланового источника не только событийной хронологии периода Великой Отечественной войны, примеров личного мужества и героизма, но и содержащего информацию о военной повседневности советского солдата, передающего атмосферу и детали военной эпохи, позволяющего в ряде случаев заполнить лакуны в биографических данных героев-фронтовиков.

Рис. 7. Ефрейтор Р. Валиуллина
(Фронт хакыйкаты. 1944. № 52. 6 мая)

Литература

Абсалямова А.Б. Татарский писатель на Карельском фронте: влияние событий военных лет на творческий путь литератора // Румянцевские чтения – 2018. Библиотеки и музеи как культурные и научные центры: историческая ретроспектива и взгляд в будущее. К 190-летию со времени основания Румянцевского музея: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. М.: Пашков дом, 2018. С. 5–9.

Айнутдинов А.К. Летопись подвига (Исторический очерк по страницам татарских фронтовых газет). Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 110 с.

Берединова В. Периодическая печать Ленинградского фронта в период блокады Ленинграда // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. Сб. тр. Всерос. науч. конф. СПб.: Нестор-история, 2019. С. 169–175.

Исхаков Р.Л. Дивизионная печать в механизме партийно-политической работы в годы Великой Отечественной войны // Регионы России в военной истории страны: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, 2020. С. 156–168.

Кабирова А.Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. 174 с.

Летописцы Победы / сост. Б.С. Бурков, В.А. Мякушков. М.: Политиздат, 1984. 238 с.

Магадеева Р. Мустай Карим – корреспондент фронтовых газет // Ватандаш. 2015. № 1 (220). С. 197–200.

Насыйхова Л.Р. Татарская публицистика на страницах фронтовых газет (1941–1945 гг.) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 4. С. 180–184.

Насыйхова Л.Р. Письмо как жанр военной публицистики (на материале татарских газет периода Великой Отечественной войны) // Казанская наука. 2020. № 7. С. 31–33.

Насыйхова Л.Р. Система информационных жанров татарской газеты периода Великой Отечественной войны // Казанская наука. 2020. № 8. С. 15–17.

³² Ватан намусы өчен (За честь Родины). 1944. № 26. 6 апр. На тат. яз.

Насыйхова Л.Р. Жанрово-тематические и стилистические особенности татарской фронтовой публицистики в годы Великой Отечественной войны (на примере дневников и очерков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2023. 27 с.

Семакин И.С. Фронтовая печать на языках народов СССР в 1941–1945 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 12. С. 37–46.

Теляшов Р.Х. Татары в Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда. СПб., 2005. 575 с.

References

Absalyamova, A.B. (2018). Tatarskiy pisatel' na Karel'skom fronte: vliyanie sobytiy voennykh let na tvorcheskii put' literatora [The Tatar Writer on the Karelian Front: The Impact of the Events of the Great Patriotic War on the Creative Development of the Writer]. In *Rumyantsevskie chteniya – 2018. Biblioteki i muzei kak kul'turnye i nauchnye tsentry: istoricheskaya retrospektiva i vzglyad v budushchee. K 190-letiyu so vremeni osnovaniya Rumyantsevskogo muzeya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Part 1. Moscow, Pashkov dom, pp. 5–9.

Aynutdinov, A.K. (1984). *Letopis' podviga (Istoricheskiy ocherk po stranitsam tatarskikh frontovykh gazet)* [Chronicles of the Feat (Historical Essay on the Pages of Tatar Front-Line News-Papers)]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 110 p.

Berednikova, V. (2019). Periodicheskaya pechat' Leningradskogo fronta v period blokady Leningrada [The Periodic Press of the Leningrad Front during the Siege of Leningrad]. In *Bitva za Leningrad 1941–1944 ggodov: podvig goroda-geroya v Velikoy Otechestvennoy voyne. Sbornik trudov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, Nestor-istoriya, pp. 169–175.

Burkov, B.S., Myakushkov, V.A. (Comp.). (1984). *Letopistsy Pobedy* [Chroniclers of Victory]. Moscow, Politizdat. 238 p.

Iskhakov, R.L. (2020). Divizionnaya pechat' v mekhanizme partiynno-politicheskoy raboty v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Division Printing in the Mechanism of Partypolitical Work during the Great Patriotic War]. In *Regiony Rossii v voennoy istorii strany. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Yoshkar-Ola, MarNIIYaLI imeni V.M. Vasil'eva, pp. 156–168.

Kabirova, A.Sh. (1995). *Zhenshchiny Tatarstana na fronte i v tylu* [Tatarstan Woman at the Front and in the Rear]. Kazan', IaaLI imeni G. Ibragimova ANT. 174 p.

Magadeeva, R. (2015). Mustay Karim – korrespondent frontovykh gazet [Mustai Karim – Correspondent of Front-Line Newspapers]. In *Vatandash*. No. 1 (220), pp. 197–200.

Nasyikhova, L.R. (2012). Tatarskaya publitsistika na stranitsakh frontovykh gazet (1941–1945 gody) [Tatar Journalism in the Pages of Front-Line Newspapers (1941–1945)]. In *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. No. 4, pp. 180–184.

Nasyikhova, L.R. (2020). Pis'mo kak zhanr voennoy publitsistiki (na materiale tatarskikh gazet perioda Velikoy Otechestvennoy voyny) [Letter as a Genre of Military Journalism (Based on the Material of Tatar Newspapers during the Great Patriotic War)]. In *Kazanskaya nauka*. No. 7, pp. 31–33.

Nasyikhova, L.R. (2020). Sistema informatsionnykh zhanrov tatarskoy gazety perioda Velikoy Otechestvennoy voyny [The System of Informational Genres in Tatar Newspapers during the Great Patriotic War]. In *Kazanskaya nauka*. No. 8, pp. 15–17.

Nasyikhova, L.R. (2023). *Zhanrovo-tematicheskie i stilisticheskie osobennosti tatarskoy frontovoy publitsistiki v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere dnevnikov i ocherkov)* [Genre-Thematic and Stylistic Features of Tatar Frontline Journalism during the Great Patriotic War (Based on Diaries and Essays)], Cand. philol. sci. diss. abstract. Kazan. 27 p.

Semakin, I.S. (2016). Frontovaya pechat' na yazykakh narodov SSSR v 1941–1945 godakh [Print Media in Languages of Peoples of the USSR on the Battlefield in 1941–1945]. In *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 12, pp. 37–46.

Telyashov, R.Kh. (2005). *Tatary v Velikoy Otechestvennoy voyne i blokade Leningrada* [Tatars in the Great Patriotic War and the Blockade of Leningrad]. St. Petersburg. 575 p.

В.А. Иванов
В.Р. Щербакова*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОДПОЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ КРЫМА 1941–1944 ГОДОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-17
УДК 930.2:355.425.4(47)"1941/1944"

Выходные данные для цитирования:

Иванов В.А., Щербакова В.Р. Исследование подпольного Сопротивления Крыма 1941–1944 годов в региональной литературе // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 212–232. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-17.pdf>

V.A. Ivanov
V.R. Shcherbakova*

STUDY OF UNDERGROUND RESISTANCE IN CRIMEA 1941–1944 IN REGIONAL STUDIES

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-17

How to cite:

Ivanov V.A., Shcherbakova V.R. Study of Underground Resistance in Crimea 1941–1944 in Regional Studies // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 212–232. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-17.pdf>]

Abstract. The article examines the problem of underground Resistance in the occupied Crimea during the Great Patriotic War. The authors identify three periods of research on the Resistance movement in Crimea after the end of the Great Patriotic War: 1) the Soviet period of Russian historiography (from 1944 to 1991), 2) the literature of the period when the Crimean Peninsula was part of independent Ukraine (1991–2014) and 3) the post-Soviet period of Russian historiography (from 2014 to the present). Despite the fact that many interesting works have been published on the history of the Crimean underground during the Great Patriotic War, there are still no generalizing works in the scientific research field. Accordingly, the authors of the article conclude that for 80 years historians have studied in detail only some aspects of this problem and therefore it is necessary to identify new priority areas in research. At the same time, it is important to significantly supplement, clarify and focus on a number of key, according to the authors, historiographical factors. The main problem that arose when studying the underground movement in historiography is that underground patriotic organizations are not considered separately from the partisan movement, considering that underground patriots represent only an auxiliary force in the Resistance movement, and not a separate structure. In addition, the source base on the history of the underground movement consists largely of documents and materials that were compiled after the end of the Great Patriotic War, and contain a number of significant inaccuracies and omissions, which causes certain difficulties when considering this scientific problem.

Keywords: underground Resistance, Crimea, Great Patriotic War, historical literature.

The article has been received by the editor on 27.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Вячеслав Александрович Иванов**, кандидат исторических наук, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Россия, e-mail: slavik1855@gmail.com

Vyacheslav Aleksandrovich Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russia, e-mail: slavik1855@gmail.com

Валентина Ростиславовна Щербакова, Центральный музей Тавриды, Симферополь, Россия, e-mail: shcherbakova79787316539@yandex.ru

Valentina Rostislavovna Shcherbakova, Central Museum of Tavrida, Simferopol, Russia, e-mail: shcherbakova79787316539@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается изучение проблемы подпольного Сопротивления на территории оккупированного Крыма в годы Великой Отечественной войны. Авторы выделяют три периода исследования движения Сопротивления в Крыму после окончания Великой Отечественной войны: 1) советский период отечественной историографии (с 1944 г. по 1991 г.), 2) литературу периода пребывания Крымского полуострова в составе независимой Украины (1991–2014 гг.) и 3) постсоветский период отечественной историографии (с 2014 г. по настоящее время). Несмотря на то обстоятельство, что было выпущено немало интересных работ по истории крымского подполья в годы Великой Отечественной войны, обобщающих работ в научно-исследовательском поле до сих пор нет. Соответственно авторы статьи приходят к выводу, что за 80 лет историками были подробно изучены лишь некоторые аспекты данной проблемы и поэтому необходимо выделить новые приоритетные направления в исследованиях. Вместе с тем важно существенно дополнить, уточнить и акцентировать внимание на ряде ключевых, по мнению авторов, историографических факторов. Главной проблемой, которая возникла при изучении подпольного движения в историографии является то, что подпольно-патриотические организации не рассматривают в отдельности от партизанского движения, считая, что патриоты-подпольщики представляют собой лишь вспомогательную силу в движении Сопротивления, а не отдельную структуру. Кроме того, источниковедческая база по истории подпольного движения состоит большей частью из документов и материалов, которые составлялись уже после завершения Великой Отечественной войны, содержат в себе ряд значительных неточностей и упущений, что вызывает определенные затруднения при рассмотрении данной научной проблемы.

Ключевые слова: подпольное Сопротивление, Крым, Великая Отечественная война, отечественная историография.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025 г.

Тема подпольной борьбы как составной части движения Сопротивления в годы Великой Отечественной войны на территории Крыма является актуально, дискуссионной, однако в то же время малоизученной проблемой в плане исследования. На вопрос – почему сложилась такая ситуация – авторы придерживаются следующей версии:

– до настоящего дня доступ к партийным документам по истории подпольного Сопротивления ограничен, что не позволяет комплексно исследовать эту тему;

– во время пребывания Крыма в составе независимой Украины (декабрь 1991 – март 2014 г.), несмотря на рассекречивание документов по эпохе СССР и получение для многих исследователей возможности поработать с ними, интерес к советскому движению Сопротивления существенно снизился. Это объяснялось тем, что украинское государство стремилось показывать в общественно-политическом и научном дискурсе Советский Союз с отрицательной стороны, всячески замалчивая вклад местных патриотов в разгром нацистской Германии и ее сателлитов;

– многие документы по истории подпольной борьбы, к сожалению, не сохранились, а те, которые используются в научных исследованиях, составлялись «по горячим следам» уже после освобождения европейской части СССР от гитлеровской Германии и ее союзников. Нередко в этих материалах содержались неточности, ошибки и значительные упущения. Кроме того, подпольщики, в отличие от партизан, должны были гораздо строже соблюдать режим конспирации, чтобы их персональные вещи (дневники и воспоминания) не попали в руки нацистских спецслужб и их союзников. Естественно, получив доступ к таким документам, гитлеровцы и их сателлиты могли арестовать участников подпольно-патриотических организаций, а также членов их семей.

Цель настоящей публикации – анализ региональной литературы с 1944 по 2025 г., посвященной подпольному движению Сопротивления на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны. На основании настоящего исследования авторами выделено несколько направлений, активно изучавшихся историками и публицистами, обобщены результаты их работы и выделены проблемы, являющиеся перспективными с научной точки зрения. Перейдем непосредственно к рассмотрению данной научной проблемы.

Советский период отечественной историографии (1944–1991 гг.). Рассматривая данный вопрос, авторы условно выделяют несколько региональных центров изучения проблемы подпольного Сопротивления в Крыму, созданных после 1944 г.:

– Симферополь (на базе партийного архива Крымского обкома РСФСР, а с 1954 г. УССР, Симферопольского государственного университета им. М.В. Фрунзе и Крымского краеведческого музея (сегодня Центральный музей Тавриды Республики Крым));

– Севастополь (на базе Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя и архива города Севастополя);

– Киев (на базе Института истории АН УССР (с 21 ноября 1990 г. – Институт истории Украины АН УССР) и Института истории партии при ЦК Компартии Украины – филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне Центральный государственный архив общественных объединений и украиники – ЦДАГОУ));

– Москва (на базе Института истории СССР (ныне Институт российской истории РАН) и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ)). Здесь ведущей можно назвать работу Н. Макарова «Непокоренная земля российская», где сообщалось о секретаре Крымского подпольного обкома ВКП(б) И.А. Козлове¹ и о других подпольных организациях Крыма².

Функционировали также специальные научные центры, относящиеся к историко-краеведческим музеям Крымской области УССР, при которых находились бюро бывших партизан и подпольщиков полуострова (Красноперекопск, Армянск, Евпатория, Саки, Нижнегорское, Феодосия, Керчь, Джанкой, Первомайское, Ялта и др.)³.

После освобождения Крыма от нацистской оккупации вышли работы, которые лишь эпизодически освещали деятельность крымского подполья. В первую очередь это воспоминания участников сопротивления (А. Косухина, В. Бабия, Я. Морозова, В. Долетова, И. Козлова)⁴.

Передача Крымской области из состава РСФСР в состав УССР актуализировала изучение вопроса деятельности подпольных организаций полуострова в годы Великой Отечественной войны. Этим вопросом вскоре занялся академик АН УССР, доктор исторических наук, профессор П.Т. Тронько. Именно в его работе одной из первых была показана борьба комсомольского подполья Украины (а в ее контексте и Крыма) в 1941–1944 гг. на примере СПО и ее руководителей Бориса Хохлова, Николая Долетова, Евгения Семякова, Лидии Трофименко, Семена Кусакина, Владлена Бабаева, Зои Жильцовой, Зои Рухадзе, Александра Цюрупы и др.⁵ В дальнейшем эта работа П.Т. Тронько станет «классической»:

¹ Макаров Н.И. Непокоренная земля Российская. М., 1976. С. 37.

² Там же. С. 78–80, 85–87, 151–152, 222, 227, 230, 286, 289, 292, 303; Партийное подполье. Деятельность подпольных партийных органов и организаций на оккупированной сов. территории в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. С. 16, 51, 53, 54, 83, 195, 196.

³ См., к примеру: Косовская А.Ф., Милославский В.Н. Саки: очерк-путеводитель. Симферополь, 1972; Косовская А.Ф., Милославский В.Н. Саки: очерк-путеводитель. Симферополь, 1974; Косовская А., Милославский В. Саки: очерк-путеводитель. Симферополь, 1977; Косовская А.Ф. Саки: Путеводитель. Симферополь, 1980; Косовская А.Ф. Саки: Путеводитель: 2-е изд., доп. Симферополь, 1984.

⁴ Косухин А. Наша организация // Красный Крым. 1944. 27 авг. № 119 (5893). С. 3; Бабий В. Две операции // Красный Крым. 1944. 27 авг. № 119 (5893). С. 3; Морозов Я., Долетов В. Сила правдивого слова // Красный Крым. 1944. 27 авг. № 119 (5893). С. 3; Козлов И.А. В крымском подполье. Симферополь, 1947; Вперед, комсомольское племя! Сборник материалов для комсомольцев-агитаторов и беседчиков. Симферополь, 1948.

⁵ Тронько П.Т. Безсмертя юних (3 історії боротьби комсомольського підпілля України в роки Великої Вітчизняної війни). Київ, 1957. С. 141–145.

не единожды переиздается на русском языке в 1958, 1970, 1979 и 1985 гг. Кроме того, под редакцией П.Т. Тронько вышел в свет 26-й том уникальной многотомной энциклопедии на украинском и русском языках, посвященный Крыму, давалась справочная информация о той или иной подпольной организации, действующей в населенных пунктах полуострова в годы Великой Отечественной войны⁶.

Г.С. Бабичев провел детальный анализ участия представителей Крымской комсомольской организации в годы Великой Отечественной войны, выделив из антифашистов причастных к подпольной работе комсомольцев. Он одним из первых обратил внимание на учащихся 14-й средней школы г. Симферополь – Николая Долетова, Бориса Хохлова (впоследствии секретарь комсомольской молодежной подпольной организации), Лидию Трофименко, создавших первую комсомольскую подпольно-патриотическую группу. Г.С. Бабичев указывал, что Василий Бабий из учащихся других школ города создал боевую группу, задачей которой было проведение диверсий и организация акций саботажа⁷. Кроме того, писатель отметил деятельность евпаторийских подпольщиков под общим руководством Федора Афиногеновича Павлова (это утверждение, на наш взгляд, является не совсем точным. В Евпатории действовало несколько подпольно-патриотических групп, к которым Ф.А. Павлов не имел абсолютно никакого отношения) – А.С. Скрыпника, Ф.И. Алдошина, Евгении Шаяновой, Александра Рудюка, Любви Клименко⁸, Надежды Лисановой, занимающейся подпольной работой в качестве связной партизанского отряда⁹, участников Бахчисарайской комсомольской подпольной организации Леонида Сушко, Екатерины Лебеденко, Александра Алексева, Александра Поповича¹⁰. Продолжением книги Г.С. Бабичева «Поколение отважных», где рассматривался вклад воспитанников крымского комсомола в общее дело антифашистской борьбы, стала книга «Эстафета поколений. Очерк о боевых и трудовых подвигах комсомольцев и молодежи Крыма (1917–1971 гг.)»¹¹.

Отдельно следует сказать о вкладе в изучение подпольного Сопротивления на полуострове в 1941–1944 гг. бывшей участницы партизанского движения в Крыму Е.Н. Шамко. В своей первой работе Е.Н. Шамко кратко рассмотрела участие представителей крымского комсомола – В. Бабия, А. Косухина, Н. Долетова, С. Кусакина, Б. Хохлова, З. Рухадзе (Симферополь), Г. Гузова, Е. Захаровой, А. Лопачука, К. Белокопя, Л. Нефедовой, К. Анзина, М. Балашева (Севастополь), Е. Лебеденко, Л. Сушко, И. Кацаиля, Е. Сереженко, А. Алексева (Бахчисарай), И. Кулявина, М. Вуренко (Зуя)¹². В 1959 г. в книге «Партизанское движение в Крыму» Е.Н. Шамко упоминает бывших партизан Очигова, Р.М. Юрченко, А. Дагджи, К.Ф. Васильковскую, С.Д. Залесскую, которых перевели на подпольную работу из крымских лесов¹³, а также о централизации руководства подпольным Сопротивлением в Крыму – создании Крымского подпольного обкома ВКП(б) в составе Н.Д. Лугового, И.Г. Генова и Р.Р. Мустафаева¹⁴. Весьма подробно она осветила страницы героической борьбы Багеровской подпольно-патриотической организации¹⁵.

Именно Е.Н. Шамко одной из первой привела статистику общего количества крымских подпольщиков к осени 1942 г. – 38 подпольных организаций и групп общей численностью 126 человек¹⁶. Более детальный разбор проблемы движения Сопротивления в Крыму

⁶ Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Кримська область. Київ, 1974; История городов и сел Украинской ССР: в 26 т. Крымская область. Киев, 1974.

⁷ Бабичев Г.С. Поколение отважных. Комсомольцы Крыма – активные помощники партии в Великой Отечественной войне. Симферополь, 1958. С. 111–130.

⁸ С. 130–132.

⁹ Там же. С. 132–134.

¹⁰ Там же. С. 135.

¹¹ Бабичев Г.С. Эстафета поколений: очерк о боевых и трудовых подвигах комсомольцев и молодежи Крыма (1917–1971 гг.). Симферополь, 1973. С. 151–170.

¹² Шамко Е.Н. Комсомольцы и молодежь Крыма в боях за Родину. Симферополь, 1958. С. 24–26.

¹³ Шамко Е.Н. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. Симферополь, 1959. С. 65.

¹⁴ Там же. С. 66.

¹⁵ Там же. С. 128–137.

¹⁶ Там же. С. 65.

Е.Н. Шамко сделала в статьях для «Украинского исторического журнала» (1960)¹⁷ и коллективного сборника «Герои подполья» (переиздавался в 1970, 1972 гг.)¹⁸. В своих статьях Е.Н. Шамко сделала акцент на уже знакомой схеме (Симферополь, Севастополь, Ялта, Керчь, Феодосия, Красно-Перекопский (ныне Красноперекопский), Тельманский (ныне Красногвардейский), Сейтлерский (ныне Нижнегорский), Ичкинский (ныне Советский), Лариндорфский (ныне Первомайский район), Карасубазарский (ныне Белогорский) районы). Районы Крымской АССР, где не было связи с Крымским подпольным обкомом ВКП(б) и Крымским штабом партизанского движения, Е.Н. Шамко не рассматривала. Незадолго до своей кончины Е.Н. Шамко заинтересовалась вопросом взаимодействия партизанско-подпольного Сопротивления и органов госбезопасности СССР – НКВД и НКГБ и, вероятно, для этой цели собирала материал для книги или статьи. Однако ее смерть в 1986 г. прервала написание задуманного.

В 1961 г. «Крымиздат» выпускает в свет книгу В. Успенской «Симферополь. Историко-краеведческий очерк»¹⁹. Главная цель, которую преследовал автор, – рассмотрение прошлого крымской столицы, освещение социально-экономического и культурного развития города. Обращаясь к истории Симферополя в годы Великой Отечественной войны, В. Успенская в первую очередь выделяет причины формирования подпольного Сопротивления: установление нацистского «нового мирового порядка» (расстрелы, публичные казни, повешения на деревьях), уничтожение евреев и психически больных, создание на территории бывшего птицеводческого совхоза «Красный» концентрационного лагеря, где погибло, по разным данным, от 8 до 20 тыс. человек²⁰.

Что касается подпольных групп, то автор выделяет следующие:

– Григория Яковлевича Долетова, Беспалова, Сбойчакова, связных крымских партизан. Их основная деятельность сводилась к агитационно-пропагандистской работе и сборе разведданных;

– Абдуллы Дагджи (подпольная кличка «Дядя Володя»), которого партизанское руководство Крыма отправило в Симферополь для усиления подпольной работы. Под его руководством вели борьбу с нацистскими оккупантами несколько групп, которые действовали на консервном заводе «Трудовой Октябрь», в электромеханических мастерских, на электростанции, в городской больнице и библиотеке;

– Ивана Георгиевича Лексина, в которую, согласно данным В. Успенской, входило 75 человек. В доме по ул. Некрасова, 3, на квартире И.Г. Лексина, находился явочный пункт Крымского обкома ВКП(б) и Крымского штаба партизанского движения;

– П.И. Топалова на Симферопольском хлебозаводе;

– Александры Андреевны Волошиновой, которой подчинялись шесть прочих подпольных групп под началом Виктора Кирилловича Ефремова (подпольная кличка «Хрен»), Н. Усовой, А. Иванова, О. Щербины, Т. Малика, А. Досычева;

– Семена Кусакина, секретаря комсомольско-молодежной подпольной группы, объединившейся в первой половине 1943 г.;

– В.Э. Лавриненко (подпольная кличка «Кошка»);

– И.Г. Левицкого (подпольная кличка «Мотя»);

– Николая Андреевича Барышева (подпольная кличка «Сокол», в связи с чем подпольную группу под руководством Н.А. Барышева ошибочно именуют «Сокол»), главного

¹⁷ Шамко К.М. Партиїне підпілля в Криму в роки Великої Вітчизняної війни // Український історичний журнал. 1960. № 5. С. 16–27.

¹⁸ Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. М., 1968. Вып. 2. С. 51–95; Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. 2-е изд., испр. и доп. М., 1970. Вып. 2. С. 56–99; Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. 3-е изд., испр. и доп. М., 1972. Вып. 2. С. 47–82.

¹⁹ Успенская В.В. Симферополь: историко-краеведческий очерк. Симферополь, 1961.

²⁰ Там же. С. 129.

художника Крымского государственного драматического театра имени М. Горького (в годы нацистской оккупации театр был переименован в Симферопольский русский театр драмы и комедии). В эту группу также входили артисты театра А.Ф. Перегонец, З.П. Яковлева, Д.К. Добросмыслов, машинист сцены П.И. Четчин, костюмер И.Н. Озеров, уборщица П.Т. Ефимова, ученик Н.А. Барышева О.А. Савватеев²¹.

В 1961 г. В. Яковлев в контексте изучения преступления нацистов и их пособников в Крыму в годы Второй мировой войны издает книгу «Преступления. Борьба. Возмездие»²². Один из ее разделов посвящен подпольному Сопротивлению. Автор приводит сведения о симферопольских подпольщиках: Петре Бражникове, Василии Алтухове, Дмитрии Склярове, комсомольско-молодежной группе Керчи, Феодосии, Севастополя, а также села Пролом Карасубазарского района²³ (ныне Белогорского района Республики Крым). Важным достижением В. Яковлева в изучении подпольного Сопротивления является тот факт, что автор акцентировал внимание на усилении подпольного движения бывшими 400 партизанами по распоряжению Военного Совета Закавказского фронта и Крымского обкома ВКП(б) в обстановке тяжелого положения последних. Народные мстители, как отмечает В. Яковлев, «...оседая в населенных пунктах под различными предлогами... развернули политическую, организационную и разведывательно-подрывную работу в тылу гитлеровских войск»²⁴. Однако, на наш взгляд, В. Яковлев рассмотрел упомянутые группы подпольщиков схематически, не конкретизируя, какой персональный вклад в разгром гитлеровской Германии и ее сателлитов внесли подпольщики. Отметим также, что В. Яковлев не сказал о том, что бывшие участники партизанского движения, переходя на «легальное положение», подвергали себя значительному риску, так как, будучи незнакомыми с местными людьми и окружающей обстановкой, часто становились жертвой предательства, нацистских и румынских спецслужб.

Впервые после окончания Великой Отечественной войны детальный анализ деятельности подпольного Сопротивления приводит И.С. Чирва²⁵. Он первым называет общее количество подпольных групп – около 200, которые объединяли более 2 150 человек²⁶.

И.С. Чирва указывает и на ошибки, которые допустило крымское партийное руководство при создании подпольного Сопротивления. Во-первых, неудачное решение о размещении Крымского областного подпольного центра в Керчи, а не в Симферополе или Бахчисарае, что затрудняло связь всего крымского подполья с Керчью; во-вторых, легализация Крымского областного подпольного центра и неутверждение нового состава, крайне необходимого для ведения подпольной борьбы. Лишь в апреле 1942 г. И.Г. Генов, один из руководителей Крымского партизанского движения, создает Крымский подпольный центр именно для руководства подпольной борьбой²⁷. Единственным недостатком, на наш взгляд, является то, что И.С. Чирва не рассмотрел в своей статье подпольное Сопротивление в других частях Крымского полуострова, а именно – в северо-западной. Он лишь указал, что «большую боевую и политическую работу проводили также подпольно-патриотические организации и группы городов Евпатории, Феодосии, Старого Крыма, Белогорска (в годы войны Карасубазара) и многих районов»²⁸.

Крымским обкомом Компартии Украины в 1981 г. выпускаются «Очерки истории Крымской областной партийной организации», где рассматривались вопросы антифашистского Сопротивления в Крыму в 1941–1944 гг.²⁹ Авторы сборника условно делили

²¹ Успенская В.В. Симферополь... С. 139–140.

²² Яковлев В. Преступления. Борьба. Возмездие. Симферополь, 1961.

²³ Там же. С. 159–160, 165–173.

²⁴ Там же. С. 165.

²⁵ Чирва И.С. Крымское подполье 1941–1944 гг. // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Сборник. Симферополь, 1963. С. 204–261.

²⁶ Там же. С. 260.

²⁷ Там же. С. 212.

²⁸ Там же. С. 261.

²⁹ Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь, 1981. С. 199–209.

подпольное движение на партийное, беспартийное и комсомольское. Уточнялось общее количество подпольщиков (по сравнению с исследованиями И.С. Чирвы и Е.Н. Шамко), которое включало 2 500 человек и 220 подпольных организаций³⁰.

Деятельность партизан и подпольщиков Восточного Крыма одним из первых осветил Я.И. Рудь³¹. В произведениях «Главный причал Крыма»³² и «Неукротимые»³³ он рассмотрел вклад в антифашистское движение Феодосийской подпольной организации, возглавляемой Н.М. Листовничей и А.А. Айрапетовым. Однако в переизданных своих работах «Сказание о Феодосии»³⁴, «Главный причал Крыма»³⁵, «Легенды и сказания Феодосии»³⁶ автор не раскрывает имен агентов нацистских спецслужб, завербованных в лагере для военнопленных, где организовал подпольную работу А.А. Айрапетов. Я.И. Рудь ошибочно полагал, что провокатор был подослан в городскую подпольную организацию намеренно. На самом же деле агент А. Гулевич, как выяснил феодосийский краевед А.В. Туров³⁷, уже после арестов членов феодосийского подполья под давлением гитлеровцев был завербован и только тогда начал передавать им имена участников местного Сопротивления. Версия, которой придерживался Я.И. Рудь, привела к тому, что сформировался целый комплекс мифов об истории Феодосийского подполья, которые, к сожалению, ретранслируются и в настоящее время.

В августе 1984 г., к 200-летию со дня основания г. Симферополя, историк-архивист, заведующий партийным архивом Крымской области Украинской ССР, И.П. Кондранов публикует в «Крымской правде» статью, где обобщает почти 20-летний труд по выявлению и публикации документов подпольного Сопротивления³⁸. Автор выделяет факторы, определившие действия антифашистского подполья на территории оккупированного Крыма. Во-первых, Крымский обком ВКП(б) и местные партийные органы в каждом городе и районном центре провели инструктажи будущих подпольщиков из числа партийно-комсомольского актива, подобрали конспиративные квартиры, установили для них явки и пароли. Во-вторых, тех подпольщиков, которых особенно хорошо знали в лицо в населенном пункте, в котором они работали, перевели в другие районы, где их никто не знал, снабдив «положительными документами»³⁹.

Согласно данным, приводимым И.П. Кондрановым, первую подпольно-патриотическую группу в Симферополе создал член ВКП(б) Ф.И. Беленков (до февраля 1942 г.)⁴⁰. В декабре 1941 г. появляются другие подпольно-патриотические группы, преимущественно из членов ВЛКСМ («комсомольско-молодежные»), организаторами которых стали выпускники городских школ Н.Г. Долетов, В.И. Бабий, С.Н. Кусакин, Л.М. Трофименко, Б.Н. Хохлов, А.Н. Косухин. В феврале 1942 г., отмечает И.П. Кондранов, в Симферополе оформляются подпольные организации коммунистов И.Г. Лексина, Я.П. Ходячего. Из крымских лесов был прислан бывший партизан А. Дагджи, до Великой Отечественной войны секретарь Балаклавского райкома ВКП(б). Он сумел осесть в оккупированном городе и в сентябре 1942 г. начал создавать свою подпольную организацию. В 1942 г. в Симферополе действовали 22 подпольно-патриотические группы. Согласно И.П. Кондранову,

³⁰ Очерки истории Крымской областной партийной организации... С. 208.

³¹ Рудь Я.И. Неукротимые. М., 1980; Винник П., Рудь Я., Андрущенко В. Главный причал Крыма. Очерк. Симферополь, 1975; Рудь Я.И., Винник П.Я., Большаков Ю.П. Главный причал Крыма. Очерки истории. Симферополь, 2000.

³² Винник П., Рудь Я., Андрущенко В. Главный причал Крыма... С. 77–79.

³³ Рудь Я.И. Неукротимые. М., 1980. С. 34–48.

³⁴ Рудь Я.И. Сказание о Феодосии: Этюды истории. Симферополь, 1994. С. 122–127.

³⁵ Рудь Я.И., Винник П.Я., Большаков Ю.П. Главный причал Крыма... С. 92–94.

³⁶ Рудь Я.И. Легенды и сказания Феодосии. Симферополь, 2008. С. 254–259.

³⁷ Рудь Я.И., Винник П.Я., Большаков Ю.П. Главный причал Крыма... С. 92–94.

³⁸ Кондранов И.П. Антифашистское подполье // Крымская правда. 1984. № 199 (18314). 29 авг. С. 3.

³⁹ Туров А.В. Ася Аркадьевна Аметова (Большая) – незаслуженно забытая отважная разведчица Отдельной Приморской армии [Электронный ресурс]. URL: <https://kaoluys.ru/2023/01/17/asja-arkadevna-ametova-boljan-nezasluzhenno-zabytaja-otvazhnaja-razvedchica-otdelnoj-primorskoj-armii> (дата обращения: 12.12.2024).

⁴⁰ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-5026. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.

«наибольший размах и целенаправленный характер подпольная борьба приняла после разгрома фашистской группировки в Сталинграде»⁴¹.

Мероприятия Крымского подпольного центра способствовали, утверждает И.П. Кондранов, «активизации симферопольского подполья»⁴². Так, наряду с действовавшими с 1942 г. подпольно-патриотическими организациями в городе возникают новые – комсомольско-молодежная (май 1943 г.), организация Н.А. Барышева (работников Крымского государственного академического театра имени М. Горького, в годы нацистской оккупации – Симферопольский русский театр драмы и комедии), организация А.А. Волошиновой и М.А. Корабаня (варианты написания фамилии – Коробань, Карабань) (май 1943 г.) и др.⁴³

И.П. Кондранов заключает, что «борьба симферопольского подполья против гитлеровских захватчиков носила суровый характер и нередко сопровождалась потерями. К провалу приводили неопытность людей, пренебрежение требованиям конспирации»⁴⁴. Нацистские карательные структуры умело пользовались этими обстоятельствами. Так, И.П. Кондранов констатирует, что «с помощью завербованной агентуры из числа вставших на путь предательства Родины людей» гитлеровским спецслужбам удалось раскрыть подпольные организации Ф.А. Беленкова (февраль 1942 г.), Я.П. Ходячего (март 1943 г.), А.П. Дагджи (июнь 1943 г.), В.К. Ефремова, А.А. Волошиновой и другие (февраль – март 1944 г.). В результате погибло и пропало без вести около 200 подпольщиков⁴⁵.

Роли и месту представителей крымского комсомола в Великой Отечественной войне посвящен труд М.Р. Акулова и Е.Н. Шамко⁴⁶, вышедший в свет в 1985 г. – в год 40-летия Великой Победы. Опираясь на документы партийного архива Крымской области Украинской ССР (ныне Государственный архив Республики Крым), исследователи выделили вклад крымской ячейки ВЛКСМ в становление и развитие подпольного Сопротивления в Крыму. В частности, авторы указывают на обстоятельство, согласно которому 15 ноября 1942 г. был утвержден подпольный обком комсомола Крыма – центральный орган для управления подпольной работой молодежи полуострова⁴⁷. Основываясь на материалах партархива, исследователи приводят численность комсомольского подполья к началу 1942 г. – до восьми комсомольско-молодежных групп и организаций; всего же в составе партизанских отрядов Крыма числились 33 комсомольские организации, насчитывавшие свыше 1 100 человек⁴⁸. К достоинствам издания следует отнести и тот факт, что в нем, по сравнению с предыдущими работами в соавторстве с М.Р. Акуловым, Е.Н. Шамко проанализирована гораздо больший массив фактического материала, чем в своих предыдущих работах⁴⁹.

В 1990 г., уже в преддверии распада СССР, за свои личные средства Г.А. Скрипниченко-Коровяковская издает книгу «Правда о разведчице “Лесной”»⁵⁰. Главная задача книги автора состояла в том, что добиться реабилитации ее матери – подпольщицы и партизанской разведчицы Л.В. Скрипниченко, которую продолжительное время ошибочно считали предательницей. Г.А. Скрипниченко подвергла решительной критике воспоминания секретаря Симферопольского подпольного горкома партии И.А. Козлова, благодаря которому и появилась официальная версия о предательстве Л.В. Скрипниченко. Причем конкретных доказательств И.А. Козлов так и не предоставил, а в силу его авторитета как лидера крымского подполья эту версию советское партийное руководство не подвергло сомнению.

Помощь заведующего партархивом Крымской области Украинской ССР помогла Г.А. Скрипниченко-Коровяковской получить доступ к архивным документам и наладить

⁴¹ ГАРК. Ф. Р-5026. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 4–5.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Акулов М.Р., Шамко Е.Н. Все для фронта, все для победы (комсомол Крыма в годы Великой Отечественной войны). Симферополь, 1985.

⁴⁷ Там же. С. 26.

⁴⁸ Там же. С. 24.

⁴⁹ Там же. С. 23–33.

⁵⁰ Скрипниченко-Коровяковская Г.А. Правда о разведчице «Лесной». Симферополь, 1990.

связь с участниками партизанско-подпольного Сопротивления. Агитацией и вербовкой зарубежных участников Сопротивления в Крыму – словаков и румын – занималась непосредственно сама Л.В. Скрипниченко. В книге «Правда о разведчице “Лесной”» названы имена предателей, завербованных румынской контрразведкой (сигуранцей), выдавших симферопольских подпольщиков, – Федор Купич и Георгий Ларецкий, а также агенты СД нацистской Германии – Александр Гильденберг и Александр Павлович Лукин. Они осуществляли аресты, пытки, допросы и расправы над советскими патриотами⁵¹. В 2009 г. Г.А. Скрипниченко-Коровяковская переиздала книгу, дополнив ее новыми материалами из личного архива, в которых имелись справки и выписки из протоколов допросов вышеупомянутых коллаборационистов, виновных в трагедии семьи Скрипниченко.

Крымская историография в период пребывания Крымского полуострова в составе независимой Украины (1991–2014 гг.). Распад СССР привел к тому, что, по меткому замечанию историка спецслужб С.А. Терехова, «некогда единая историческая школа разделилась»⁵². Для изучения темы подпольного движения это имело как позитивные, так и негативные последствия. Как позитивные можно расценивать «архивную революцию»: документы Компартии, комсомола и советских органов госбезопасности стали доступны рядовым исследователям, причем не только историкам, а и публицистам. Негативными последствиями стало то, что украинская историческая традиция начала рассматривать подпольное Сопротивление на территории Крыма и Украины с критической точки зрения, поскольку оно боролось за восстановление советской власти, которую власти независимой Украины считали исключительно тоталитарной и преступной, виновной в смерти миллионов украинцев.

В данный период в свет стали выходить исследования, где анализировались политические репрессии в СССР 1920–1980-х гг. Крымские историки сосредоточили свое внимание на изучении темы политических репрессий, выпустив в свет ряд глубоких исследований, но стали меньше уделять внимания различным аспектам Великой Отечественной войны, в том числе подпольному движению. Им стали заниматься преимущественно работники крымских музеев и архивов, которые «продолжали держать оборону» и, несмотря на то, что выполняли инструкции Министерства культуры Украины, направленные на интеграцию Крыма в украинское социокультурное пространство, не отказывались от советских традиций историописания Великой Отечественной войны. Изданные их труды затрагивали вопросы зарождения и функционирования подпольно-патриотического движения в Симферополе и отдельных районах Крымского полуострова. Ряд публикаций публицистического характера о подпольном Сопротивлении выходит в газете «Крымская правда».

В 2009 г. исследователи В.Н. Пащенко и психолог Е.В. Пащенко выпускают в свет книгу «Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945)»⁵³. Цель, которую преследовали авторы, – раскрыть потенциал Крымской автономии накануне и во время Второй мировой войны, рассмотреть боевые действия в 1941–1944 гг. оборонительного и наступательного периодов, а также показать противодействие движения Сопротивления нацистскому оккупационному режиму. В главе IV «Крымская АССР в годы оккупации (1941–1944)» в разделе 4.3 «Особенности советского подпольного движения сопротивления оккупантам»⁵⁴ авторы акцентируют внимание на подпольном Сопротивлении. Несмотря на значительную проделанную работу, к книге В.Н. Пащенко и Е.В. Пащенко стоит относиться крайне осторожно по следующим причинам:

⁵¹ Скрипниченко-Коровяковская Г.А. Правда о разведчице «Лесной»... С. 3–4, 105–107; Скрипниченко-Коровяковская Г.А. Долгий путь к правде. Симферополь, 2009. С. 6, 138–143, 205–218.

⁵² Терехов С.А. История крымских органов ВЧК–ОГПУ: отечественная и украинская историография // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, № 2. С. 23–26.

⁵³ Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.): монография. Симферополь, 2009; Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.): монография. 2-е изд. Симферополь, 2014.

⁵⁴ Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны... 2009. С. 241–262.

– несмотря на обширную историографическую и источниковедческую базу, авторы упустили из виду эксклюзивные работы, выходящие по теме подпольного Сопротивления в Крыму с 1944 г.⁵⁵ Что касается нарративных источников, то их в вышеупомянутой книге крайне мало: отсутствуют материалы муниципальных архивов и историко-краеведческих музеев Крыма, где хранились уникальные рукописи (справки, отчеты, анкеты, воспоминания, протоколы и т.д.), свидетельствующие о подпольной работе в Саках, Евпатории, Ак-Шейхе (ныне п. Раздольное) и т.д.⁵⁶;

– текст изобилует фактологическими ошибками (вместо С. Бокун – С. Бакун, В. Камлер – В. Кемлер, Н.М. Листовничая – Н.М. Листовниченко, Г.А. Арабаджиев – Гиссак Арабаджи, вместо клички «Серго», «Альберт» – кличка «Серый», подпольная группа актеров и работников Крымского государственного драматического театра имени М. Горького (во время нацистской оккупации – Симферопольский русский театр драмы и комедии) отождествлены с разведывательно-диверсионной группой ОМСБОН НКВД СССР «Соколы», что является грубейшей ошибкой, и т.д.)⁵⁷;

– в выводах о роли Сопротивления сделан упор на партизанском движении, подпольной же борьбе должного внимания не уделено⁵⁸.

В работе С.Г. Емец, основанной на обширной источниковедческой базе, а также личных архивах крымчан, представлена история г. Судак накануне, во время и после окончания Великой Отечественной войны. Сама книга представляет собой собрание очерков по истории Судака, соединенных общей канвой повествования. Полагаем, С.Г. Емец удалось раскрыть вклад Судака и судакчан в разгром нацистской Германии в Великой Отечественной войне. Так, в частности, в очерке «Новый порядок»⁵⁹ убедительно проанализирована деятельность Судакской подпольно-патриотической организации, во главе которой стояли Сергей Иванович Синельников, Леонтий Ефремович Цыкунов, Дмитрий Максимович Черниченко и др.⁶⁰ Общим недостатком, на наш взгляд, является то, что С.Г. Емец не разделяет партизанскую борьбу и подпольную работу. Вследствие этого при чтении текстов данного автора иногда трудно понять, к какой структуре принадлежит некий персонаж. Тем не менее проделана колоссальная работа, ценность которой бесспорна.

В материалах научно-практической конференции, состоявшейся 29 февраля 2012 г. в Феодосии, было опубликовано научная статья Ю. Таганова «Подпольно-патриотические группы Сейтлерского (Нижнегорского) района в 1942–1943 гг.: постановка проблемы»⁶¹. Публикация стала значительным достижением крымских исследователей. Во-первых, появился отсутствовавший ранее обобщающий материал о крымских подпольщиках, а не партизанах; во-вторых, статья посвящена деятельности подпольных групп не в крупных городах Крыма, чему уделялось достаточное внимание еще в советский период исто-

⁵⁵ Бабичев Г.С. Поколение отважных...; Шамко К.М. Партийне підпілля в Криму... С. 16–27; Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. Вып. 2. М., 1968. С. 51–95; Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. Вып. 2. 2-е изд., испр. и доп. М., 1970. С. 56–99; Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. 2. 3-е изд., испр. и доп. М., 1972. С. 47–82; Сапранкова К.Г., Удод В.П. Их подвиги бессмертны. Из истории деятельности коммунистического подполья в Севастополе в 1942–1944 гг. // Вопросы истории КПСС. 1974. № 2. С. 91–98.

⁵⁶ Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны... 2009. С. 247; Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны... 2014. С. 264.

⁵⁷ Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны... 2009. С. 254–255; Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны... 2014. С. 263–264, 268–269, 271–273.

⁵⁸ Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны... 2009. С. 261–262.

⁵⁹ Емец С.Г. Пусть живые запомнят. Судак и судакчане в годы Великой Отечественной войны. Симферополь, 2011. С. 22–46.

⁶⁰ Там же. С. 33–38.

⁶¹ Таганов Ю. Подпольно-патриотические группы Сейтлерского (Нижнегорского) района в 1942–1944 гг.: постановка проблемы // Крымфронт: проблемы истории и памяти. 70 лет спустя: сб. работ. науч.-практ. конф. Феодосия, 2012. С. 126–143.

риографии; в-третьих, исследование базируется на солидных, введенных в научный оборот источниках из фондов Государственного архива в Автономной Республике Крым (ГААРК), фондов краеведческого музея Нижнегорского района, фондов мемориального музея И.Г. Генова (с. Садовое Нижнегорского района) и личного архива Ю. Таганова (записанные им воспоминания участников Сопrotивления в Крыму по истории с. Уваровка Нижнегорского района)⁶².

Единственным недостатком статьи, на наш взгляд, является то, что Ю. Таганов чрезмерно увлекся общим повествованием о подпольно-партизанском Сопrotивлении⁶³, а собственно Сейтлерскому (Нижнегорскому) подполью, которым руководил уполномоченный Крымского подпольного обкома ВКП(б) Иван Сергеевич Дьяченко (кличка «Владимир»), уделил всего три страницы⁶⁴. Тем не менее публикация Ю. Таганова, основываясь на уникальных первоисточниках, существенно обогатила крымскую историографию украинского периода.

Постсоветский период отечественной историографии (с 2014 г.). Значительный научный интерес представляет «Сборник материалов о партизанах и подпольщиках, действовавших на Южном берегу Крыма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», собранный и упорядоченный Л.В. Коноваловой, школьной учительницей и методистом по краеведению, руководителем Музея боевой славы в г. Ялте. Л.В. Коновалова использовала солидное количество материалов из Государственного архива Республики Крым (в частности, относящихся к деятельности подпольной группы А.И. Казанцева, редактора подпольной газеты «Крымская правда»), опубликованные материалы С.И. Становского, Г.А. Северского, А. Семенова, а также личные архивы А.И. Казанцева и А.М. Минько, которые были переданы в Музей боевой славы при Доме пионеров г. Ялты 20 мая 1985 г.⁶⁵ Благодаря полученным материалам удалось создать музейную экспозицию «ЮБК в годы Великой Отечественной войны». Как утверждают сотрудники музея, «отбор материалов тщательно проверялся и сверялся с архивами бывшего СССР. Все материалы в музее исторически достоверны»⁶⁶.

Л.В. Коновалова смогла выделить 21 подпольно-патриотическую группу, действующую на ЮБК, а также руководителей этих групп: А.Р. Мицко, Л.И. Пригон, А.Л. Гузенко, Т.А. Полякову, Г.А. Данилина, О. Пайоль, Н.А. Попандопуло, Ф. Тивякова, Н. Покатоло, Л.А. Хадыкьяна, Д.П. Мухина, А. Губина, А. Макердыча, А.И. Казанцева, А.А. Пересыпкина, В. Основина, Н.В. Лисановой, А. Говырина, Г.Е. Леоненко, А.Т. Левшина, А.И. Калугина⁶⁷.

О Кореизском подполье, действующем в местной больнице в период нацистской оккупации 1941–1944 гг., детально рассказала Т. Барская, заслуженный журналист Республики Крым, лауреат Чеховской и Пушкинской премий. Эксклюзивность ее работы состоит в том, что в ней используется большое количество интервью, записанных с непосредственными участниками событий и хранящихся в личном архиве автора⁶⁸.

В 2017 г. исследователи В.М. Брошеван и Е.В. Гаршина впервые после 73 лет забвения рассказали о вкладе в борьбу с немецко-румынскими оккупантами молодых симферопольских подпольщиков под руководством Валентина Ивановича Гаршина в составе Симферопольской подпольной комсомольской организации⁶⁹. Авторы пришли к выводам о том, что после окончания Великой Отечественной войны деятельность подпольной группы В. Гаршина намеренно искажалась: на первый план выводили личностей, которые имели

⁶² Таганов Ю. Подпольно-патриотические группы Сейтлерского (Нижнегорского) района... С. 142–143.

⁶³ Там же. С. 126–131, 133–140.

⁶⁴ Там же. С. 131–132, 140–141.

⁶⁵ Музей боевой славы. Официальный сайт. Центр развития творчества детей и юношества г. Ялта [Электронный ресурс]. URL: <https://яцртдю.пф/muzey-boevoy-slavy.html> (дата обращения: 12.12.2024).

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Коновалова Л.В. Сборник материалов о партизанах и подпольщиках, действовавших на Южном берегу Крыма в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. Мелитополь, 2014. С. 29.

⁶⁸ Барская Т. Подполье, не знавшее провалов // Старая Ялта. Историко-краеведческий альманах. Специальный выпуск. 2020. С. 29–32.

⁶⁹ Брошеван В.М., Гаршина Е.В. Правда о Валентине Гаршине и его группе в подполье Симферополя. 1943–1944 гг. Симферополь, 2017.

весьма отдаленное отношение к подпольному движению⁷⁰. Это привело к тому, что в научном сообществе Крыма и в настоящее время фигурируют искаженные сведения о борьбе Симферопольского подполья. Книга В.М. Брошевана и Е.В. Гаршиной хоть и некоторые из мифов, однако в целом изменить ситуацию пока не смогла.

В 2018 и 2023 гг. выходят в свет публикации В.Е. Полякова, Р.Н. Белоглазова и А.Г. Рац⁷¹, представляющие собой воспоминания И.А. Козлова и В.И. Осокина по истории деятельности Симферопольского и Севастопольского подполья в годы Великой Отечественной войны.

В 2020–2021 гг. крымский военный историк, доцент Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого С.Н. Ткаченко в «Ученых записках Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского» публикует две статьи, в которых пытается обобщить вопросы становления и развертывания крымского подполья. Ученый привлек значительную источниковедческую базу – материалы из фондов Государственного архива Республики Крым и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Однако, на наш взгляд, автор не справился с поставленной задачей. Говоря о становлении и развитии подпольного Сопротивления в Крыму в целом, С.Н. Ткаченко показал только Восточный Крым (да и то фрагментарно), сосредоточив усилия на взаимодействии партизан, подпольщиков и спецгрупп НКВД. Исследователь справедливо отметил, что в процессе своего формирования подпольное движение преследовали провалы, связанные в первую очередь с тем, что «специалисты из СД... подготовили всю необходимую информацию о возможном подполье и процессе саботажа»⁷² благодаря дезертирам из партизанских отрядов и отказавшимся от подпольной работы организаторам. По отношению к центральной, юго-западной и юго-восточной части Крымского полуострова вышеуказанное наблюдение действительно имело место. А в других значительно удаленных от центра Крыма районах полуострова? Евпатория, Саки, Ак-Мечеть (пгт Черноморское), Ак-Шейх, Красно-Перекопский и Лариндорфский (Первомайский район)? Об этих районах и особенностях подпольной работы автор не упоминает, что не вполне корректно. Тем не менее расцениваем статьи С.Н. Ткаченко как весьма ценный с точки зрения историографического дискурса ресурс.

Проблеме подпольного движения Сопротивления в Крыму во время Великой Отечественной войны уделяет значительное внимание историк В.А. Иванов, в настоящее время работающий над докторской диссертацией по этой теме. В исследовании, осуществляемом В.А. Ивановым, выделяются три этапа:

1) сбор и систематизация обширной источниковедческой базы по крымскому подполью, включающей архивы Российской Федерации, в первую очередь Республики Крым и г. Севастополь (ученый особое внимание акцентировал на муниципальных архивах Республики Крым, где хранятся уникальные материалы по деятельности отдельных подпольно-патриотических групп), московские архивы, архив Хабаровского края, архивы Украины (Одесса, Киев), рассекреченные архивы ФСБ, архив Мемориального музея Холокоста (США), Федеральный архив Германии (Бундесархив), фонды историко-краеведческих музеев Республики Крым и г. Севастополь, а также личные архивы крымчан, чьи близкие участвовали в подпольной борьбе;

2) разработка концепции подпольного Сопротивления, включающей пять позиций:

а) участники подпольной борьбы, мобилизованные по партийно-комсомольской линии⁷³;

⁷⁰ Брошеван В.М., Гаршина Е.В. Правда о Валентине Гаршине... С. 68.

⁷¹ Поляков В.Е. Книга «В крымском подполье» – неизвестное продолжение в фондах ГАРК // Крымский архив. 2018. № 2 (29). С. 19–30; Белоглазов Р.Н., Рац А.Г. Неопубликованные мемуары В.И. Осокина как источник по истории деятельности подпольных организаций Севастополя в годы Великой Отечественной войны // Власть истории – История власти. 2023. Т. 9, № 46. Ч. 4. С. 42–51.

⁷² Ткаченко С.Н. Становление крымского подполья в конце 1941 – первой половине 1942 года // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Сер.: Исторические науки. 2020. Т. 6 (72), № 2. С. 206.

б) участники подпольной борьбы, привлеченные к ней органами НКВД–НКГБ⁷⁴;
в) участники подпольной борьбы, завербованные органами военной разведки и контрразведки Красной армии и Флота⁷⁵;

г) участники подпольной борьбы, самостоятельно вставшие на путь антигитлеровского Сопротивления без какой-либо поддержки извне⁷⁶;

д) участники подпольной борьбы, находящиеся в нацистских тюрьмах и концлагерях на территории оккупированного Крыма и не только, однако продолжавшие оказывать гитлеровцам сопротивление, даже находясь за колючей проволокой⁷⁷;

3) развенчание исторических мифов и стереотипов⁷⁸, сложившихся вокруг подпольных организаций Крыма в годы Великой Отечественной войны, появление которых объясняется ограниченным доступом исследователей к ведомственным архивам.

Истории Крыма XX в., в том числе событиям Великой Отечественной войны, уделяют внимание исследователи⁷⁹ В.В. Петров и А.А. Форманчук. Однако в их публикациях подпольному движению отводится непростительно мало места: авторы следуют стандартной схеме историописания, где основное повествование посвящено боевым действиям на территории Крыма в 1941–1944 гг., нацистскому оккупационному режиму и партизанскому движению. Архивных источников, которые могли бы детальнее раскрыть сложные этнополитические процессы в Крыму в годы Второй мировой войны, авторы не используют. В.В. Петров и А.А. Форманчук упоминают только об общеизвестных подпольных группах, действующих в Керчи, Симферополе, Севастополе и Феодосии, не упоминая аналогичные подпольно-патриотические организации в Саках, Евпатории, Ак-Мечети (ныне пгт. Черноморское, Черноморский район Республики Крым), Ак-Шейхе (ныне пгт. Раздольное, Раздольненский район Республики Крым), Джанкое, Лариндорфском (Первомайском) и др. Главную проблему – почему Сопротивлению так тяжело было действовать в Крыму? – исследователи видят в «многочисленных коллаборационистских формированиях, созданных по национальному признаку из местного населения для борьбы с партизанами» и в «значительном влиянии исламского фактора, которое приходилось учитывать для привлечения на свою сторону крымско-татарского населения»⁸⁰. На наш взгляд, это не совсем так. В значительной части Крымского полуострова крымско-татарское население занимало скорее нейтральную позицию, чем враждебную, по отношению к советским антифашистам, порой даже помогало им. В качестве подпольщиков – крымских татар В.В. Петров

⁷³ Иванов В.А. К вопросу о снабжении партизан и подпольщиков Крыма с помощью авиации в 1941–1944 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2021. № 3. С. 15–24; Иванов В.А. Становление подпольного движения в Северном Крыму (1941–1943 гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Майкоп, 2023. Т. 15, № 1. С. 23–30.

⁷⁴ Иванов В.А. «Большая земля направила в Крым “Без одного чертову дюжину”». Роль органов НКВД–НКГБ СССР в объединении подполья Крыма в 1941–1944 гг. // Военно-исторический журнал. 2022. № 8. С. 28–41.

⁷⁵ Иванов В.А. Особенности подпольного движения в Северном Крыму (1941–1943 гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета Майкоп, 2023. Т. 15, № 2. С. 21–32.

⁷⁶ Иванов В.А. Борьба Сакской подпольной организации с нацистскими оккупантами. 1942–1944 гг. // Омский научный вестник. 2023. Т. 8, № 1. С. 16–25; Иванов В.А. Борьба советских военнопленных с нацистскими оккупантами в Севастополе в 1943–1944 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2024. Т. 24, № 1. С. 5–16; Иванов В.А. «...Смело сжимая винтовку рукою, ударю с тобой по врагу». К вопросу о деятельности Евпаторийской подпольной организации в 1942–1944 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11, № 2. С. 240–249.

⁷⁷ Иванов В.А. История и функционирование концлагеря «Красный» в годы нацистской оккупации Крыма (1941–1944 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2 (35). С. 161–166; Иванов В.А. Коллективный портрет жертв концлагеря «Красный» в годы нацистской оккупации Крыма (1941–1944 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4 (37). С. 367–372.

⁷⁸ Иванов В.А. Подпольно-патриотические организации М.А. Коробаня и И.П. Кондратова в Крыму в 1943 г. // История и архивы. 2024. Т. 6, № 4. С. 76–93.

⁷⁹ Петров В.П., Форманчук А.А. Крым в Великой Отечественной войне // Форпост Союза на юге...: очерки истории Крымской АССР (1921–1945 гг.). Симферополь, 2024. С. 314–343.

⁸⁰ Там же. С. 331.

и А.А. Форманчук называют только Абдуллу Дагджи («Дядю Володю»), причем не упоминая о его тесных связях с органами НКВД СССР и НКГБ Крымской АССР⁸¹.

Одна из последних и актуальных работ по излагаемой проблеме – детализированное и системное исследование В.В. Бобкова и Н.В. Довгель⁸², посвященное деятельности подпольно-патриотической группы «Сокол», работников Крымского государственного академического театра им. М. Горького. Авторы привлекли солидную базу источников из российских и зарубежных архивов, благодаря чему им удалось выявить роль работников театра в разгроме гитлеровской Германии, а также обнаружить след провокатора, который предал подпольщиков⁸³.

Ранее к этой теме обращалась историк театра С.П. Щендрикова, однако в ее работе новых данных по сравнению с данными В.В. Бобкова и Н.В. Довгель представлено не было. Хотя, безусловно, это довольно интересная работа⁸⁴.

Таким образом, в период с 1944 по 2024 г. исследователи значительно продвинулись в изучении такой обширной темы, как подпольное Сопротивление в Крыму в годы Великой Отечественной войны. Издание литературы с конца 1940-х гг. и по настоящее время прошло разные стадии: цензурирование, табуирование, искажение исторических фактов, откровенные домыслы, закрытость архивных источников бывшей Компартии и комсомола СССР и недопущение к ним исследователей. Исследовательский анализ представленной литературы позволил выделить следующие трудности в комплексном изучении настоящей проблемы:

- изучен вопрос управления подпольным Сопротивлением со стороны партийных структур и органов государственной безопасности – НКВД, НКГБ, армейской разведки – ГРУ и т.д. Однако тем не менее в издаваемых в настоящее время работах допускаются серьезные неточности и упущения;

- сложность при подсчете количества подпольных организаций и численности входящих в них антифашистов. Подпольщики не вели, как правило, дневники, не писали воспоминаний во время выполнения подпольной работы, так как это было строгой запретом. Поэтому источники личного происхождения, написанные во время войны, крайне редки и весьма ценны, а разведанные, передаваемые партизанам и советской разведке, были зашифрованы, и узнать, кто стоял за этими сведениями, сейчас чрезвычайно сложно;

- отсутствие унификации терминов, связанных с деятельностью подпольщиков. Даже такие ведущие специалисты, как В.Е. Поляков, С.Н. Ткаченко, С.А. Терехов, А.Ю. Бутовский и др., не выделяют подпольщиков из среды партизан, не видя между ними существенных отличий, однако активно используют термин «движение Сопротивления». Это понятие зарубежное и больше характерно для западноевропейской историографии, чем для отечественной. Предлагаем использовать термин «подпольное Сопротивление» или «подпольное движение», что больше соответствует современным реалиям;

- приравнивание подпольщиков к партизанам. Подпольщики действовали в городах и селах, вели как активную (диверсии, вооруженные нападения и т.д.), так и пассивную (агитационно-пропагандистская работа, саботаж) антифашистскую борьбу. При несоблюдении конспирации и раскрытии подпольной организации подпольщики могли укрыться в лесу и влиться в состав партизанского отряда. Партизанам же, в отличие от подпольщиков, перейти из нелегального положения на полуполюгальное, влиться в ряды подполья было более рискованно. К сожалению, в отечественной историографии до сих пор четкой дифференциации относительно разграничения сфер деятельности антифашистов нет;

- и, наконец, проблема исторической памяти. Ряд подпольных организаций, в частности на северо-западе и севере Крыма, по окончании Великой Отечественной войны

⁸¹ Петров В.П., Форманчук А.А. Крым в Великой Отечественной войне... С. 330.

⁸² Бобков В.В., Довгель Н.В. «Исполнив роли главные свои»: история театральной подпольно-патриотической группы «Сокол». Симферополь, 2024.

⁸³ Там же. С. 246–271.

⁸⁴ Щендрикова С.П. Крымское подполье в годы фашистской оккупации на примере деятельности группы «Сокол» // Гуманитарные науки. 2015. № 1 (29). С. 43–52.

не были признаны Крымским обкомом ВКП(б). Причина – несогласование с ним своей деятельности, а также подчинение в 1943–1944 гг. Компартии Украины в лице Украинского штаба партизанского движения, который активно помогал в освобождении не только Южной Украины, но и Севера Крыма. После завершения Великой Отечественной войны на территории полуострова этот факт замалчивался.

Литература

Акулов М.Р., Шамко Е.Н. Все для фронта, все для победы (комсомол Крыма в годы Великой Отечественной войны). Симферополь: Таврида, 1985. 40 с.

Бабичев Г.С. Поколение отважных. Комсомольцы Крыма – активные помощники партии в Великой Отечественной войне. Симферополь: Крымиздат, 1958. 200 с.

Бабичев Г.С. Эстафета поколений: очерк о боевых и трудовых подвигах комсомольцев и молодежи Крыма (1917–1971 гг.). Симферополь: Таврия, 1973. 272 с.

Барская Т. Подполье, не знавшее провалов // Старая Ялта. Историко-краеведческий альманах. Специальный выпуск. 2020. С. 29–32.

Белоглазов Р.Н., Рац А.Г. Неопубликованные мемуары В.И. Осокина как источник по истории деятельности подпольных организаций Севастополя в годы Великой Отечественной войны // Власть истории – История власти. 2023. Т. 9, № 46. Ч. 4. С. 42–51.

Бобков В.В., Довгель Н.В. «Исполнив роли главные свои»: история театральной подпольно-патриотической группы «Сокол». Симферополь: АРИАЛ, 2024. 351 с.

Брошеван В.М., Гаршина Е.В. Правда о Валентине Гаршине и его группе в подполье Симферополя. 1943–1944 гг. Симферополь: Тарпан, 2017. 102 с.

Винник П., Рудь Я., Андрущенко В. Главный причал Крыма. Очерк. Симферополь: Таврия, 1975. 120 с.

Вперед, комсомольское племя! Сборник материалов для комсомольцев-агитаторов и беседчиков / сост. Г. Ивановский, М. Бабушкин Е. Иванов, Б. Серман, Д. Холендро. Симферополь: Крымиздат, 1948. 140 с.

Емец С.Г. Пусть живые запомнят. Судак и судакчане в годы Великой Отечественной войны. Симферополь: Таврида, 2011. 640 с.

Иванов В.А. «Огненные годы крымской степи»: страницы неизвестной борьбы советской разведки с гитлеровскими захватчиками в Крыму в годы Великой Отечественной войны // Вестник Воронежского государственного университета. 2021. № 3. С. 41–46.

Иванов В.А. История и функционирование концлагеря «Красный» в годы нацистской оккупации Крыма (1941–1944 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2 (35). С. 161–166.

Иванов В.А. К вопросу о снабжении партизан и подпольщиков Крыма с помощью авиации в 1941–1944 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2021. № 3. С. 15–24.

Иванов В.А. Коллективный портрет жертв концлагеря «Красный» в годы нацистской оккупации Крыма (1941–1944 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4 (37). С. 367–372.

Иванов В.А. «Большая земля направила в Крым “Без одного чертову дюжину”». Роль органов НКВД–НКГБ СССР в объединении подполья Крыма в 1941–1944 гг. // Военно-исторический журнал. 2022. № 8. С. 28–41.

Иванов В.А. «Тайная война в крымской столице»: деятельность подпольно-патриотической организации П.В. Смирнова в оккупированном Симферополе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 62–70.

Иванов В.А. Борьба Сакской подпольной организации с нацистскими оккупантами. 1942–1944 гг. // Омский научный вестник. 2023. Т. 8, № 1. С. 16–25.

Иванов В.А. Особенности подпольного движения в Северном Крыму (1941–1943 гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 1. С. 23–30.

Иванов В.А. Становление подпольного движения в Северном Крыму (1941–1943 гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 2. С. 21–32.

Иванов В.А. «...Смело сжимая винтовку рукою, ударю с тобой по врагу». К вопросу о деятельности Евпаторийской подпольной организации в 1942–1944 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11, № 2. С. 240–249.

Иванов В.А. Борьба советских военнопленных с нацистскими оккупантами в Севастополе в 1943–1944 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2024. Т. 24, № 1. С. 5–16.

Иванов В.А. Подпольно-патриотические организации М.А. Коробаня и И.П. Кондратова в Крыму в 1943 г. // История и архивы. 2024. Т. 6, № 4. С. 76–93.

Иванов В.А. Агитация и пропаганда подпольщиков Крыма в годы Великой Отечественной войны // Вестник Государственного университета просвещения. Сер.: История и политические науки. 2025. № 1. С. 103–119.

История городов и сел Украинской ССР: в 26 т. Крымская область / отв. ред. П.Т. Тронько. Киев: Главная редакция Украинской Советской Энциклопедии Академии Наук УССР, 1974. 624 с.

Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Кримська область / відп. ред. П.Т. Тронько. Київ: УРЕ, 1974. 802 с.

Козлов И.А. В крымском подполье. Симферополь: Крымиздат, 1947. 312 с.

Коновалова Л.В. Сборник материалов о партизанах и подпольщиках, действовавших на Южном берегу Крыма в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. Мелитополь: Издательский дом Мелитопольской городской типографии, 2014. 120 с.

Косовская А.Ф. Саки: Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1980. 88 с.

Косовская А.Ф. Саки: Путеводитель. 2-е изд., доп. Симферополь: Таврия, 1984. 96 с.

Косовская А.Ф., Милославский В.Н. Саки: очерк-путеводитель. Симферополь: Таврия, 1972. 86 с.

Косовская А.Ф., Милославский В.Н. Саки: очерк-путеводитель. Симферополь: Таврия, 1974. 86 с.

Косовская А., Милославский В. Саки: очерк-путеводитель. Симферополь: Таврия, 1977. 62 с.

Макаров Н.И. Непокоренная земля Российская. М.: Политиздат, 1976. 319 с.

Очерки истории Крымской областной партийной организации / отв. ред. Н.В. Багров. Симферополь: Таврия, 1981. 376 с.

Партийное подполье. Деятельность подпольных партийных органов и организаций на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. Н.И. Макаров. М.: Политиздат, 1983. 352 с.

Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.): монография. Симферополь: ДИАЙПИ, 2009. 376 с.

Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.): монография. 2-е изд. Симферополь: ДИАЙПИ, 2014. 414 с.

Петров В.П., Форманчук А.А. Крым в Великой Отечественной войне // Форпост Союза на юге... Очерки истории Крымской АССР (1921–1945 гг.) / В.В. Петров, С.А. Ефимов, Г.Н. Кондратюк; и др. Симферополь: Антиква, 2024. С. 314–343.

Поляков В.Е. Книга «В крымском подполье» – неизвестное продолжение в фондах ГАРК // Крымский архив. 2018. № 2 (29). С. 19–30.

Рудь Я.И. Неукротимые. М.: Воениздат, 1980. 102 с.

Рудь Я.И. Сказание о Феодосии: Этюды истории. Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1994. 176 с.

Рудь Я.И. Легенды и сказания Феодосии. Симферополь: Таврия, 2008. 328 с.

Рудь Я.И., Винник П.Я., Большаков Ю.П. Главный причал Крыма. Очерки истории. Симферополь: Таврия, 2000. 216 с.

Сапранкова К.Г., Удод В.П. Их подвиги бессмертны. Из истории деятельности коммунистического подполья в Севастополе в 1942–1944 гг. // Вопросы истории КПСС. 1974. № 2. С. 91–98.

Скрипниченко-Коровяковская Г.А. Правда о разведчице «Лесной». Симферополь: Таврия, 1990. 168 с.

Скрипниченко-Коровяковская Г.А. Долгий путь к правде. Симферополь: Антиква, 2009. 310 с.

Таганов Ю. Подпольно-патриотические группы Сейтлерского (Нижнегорского) района в 1942–1944 гг.: постановка проблемы // Крымфронт: проблемы истории и памяти. 70 лет спустя: сб. работ науч.-практ. конф. Феодосия: НИЛ, 2012. С. 126–143.

Терехов С.А. История крымских органов ВЧК–ОГПУ: отечественная и украинская историография // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, № 2. С. 23–26.

Ткаченко С.Н. Становление крымского подполья в конце 1941 – первой половине 1942 года // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: Исторические науки. 2020. Т. 6 (72), № 2. С. 203–213.

Ткаченко С.Н. «Спецзадание-42». К вопросу развертывания крымского подполья летом 1942 года // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: Исторические науки. 2021. Т. 7 (73), № 2. С. 142–150.

Тронько П.Т. Безсмертя юних. (З історії боротьби комсомольського підпілля України в роки Великої Вітчизняної війни). Київ: Вид-во ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1957. 176 с.

Тронько П.Т. Подвиг твоих отцов. М.: Молодая гвардия, 1970. 448 с.

Тронько П.Т. Бессмертие подвига. Киев: Молодь, 1985. 240 с.

Успенская В.В. Симферополь: историко-краеведческий очерк. Симферополь: Крымиздат, 1961. 198 с.

Чирва И.С. Крымское подполье 1941–1944 гг. // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.: сб. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 204–261.

Шамко Е.Н. Комсомольцы и молодежь Крыма в боях за Родину. Симферополь: Знание, 1958. 32 с.

Шамко Е. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. Симферополь: Крымиздат, 1959. 160 с.

Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. Вып. 2. М.: Политиздат, 1968. С. 51–95.

Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. Вып. 2. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1970. С. 56–99.

Шамко Е.Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. Вып. 2. 3-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1972. С. 47–82.

Шамко К.М. Партійне підпілля в Криму в роки Великої Вітчизняної війни // Український історичний журнал. 1960. № 5. С. 16–27.

Шендрикова С.П. Крымское подполье в годы фашистской оккупации на примере деятельности группы «Сокол» // Гуманитарные науки. 2015. № 1 (29). С. 43–52.

Яковлев В. Преступления. Борьба. Возмездие. Симферополь: Крымиздат, 1961. 240 с.

References

Akulov, M.R., Shamko, E.N. (1985). *Vse dlya fronta, vse dlya pobedy (komsomol Kryma v gody Velikoy Otechestvennoy voyny)* [Everything for the Front, Everything for Victory (Komsomol of Crimea during the Great Patriotic War)]. Simferopol, Tavrida. 40 p.

Babichev, G.S. (1958). *Pokolenie otvazhnykh. Komsomol'tsy Kryma – aktivnye pomoshchniki partii v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Generation of the Brave. Komsomol Members of Crimea – Active Assistants to the Party in the Great Patriotic War]. Simferopol, Krymizdat. 200 p.

Babichev, G.S. (1973). *Estafeta pokoleniy: ocherk o boevykh i trudovykh podvigakh komsomol'tsev i molodezhi Kryma (1917–1971 gody)* [Relay of Generations: An Essay on the Military and Labor Exploits of Komsomol Members and Youth of Crimea (1917–1971)]. Simferopol, Tavrida. 272 p.

Bagrov, N.V. (Ed.). (1981). *Ocherki istorii Krymskoy oblastnoy partiynoy organizatsii* [Essays on the History of the Crimean Regional Party Organization]. Simferopol, Tavriya. 376 p.

Barskaya, T. (2020). Podpol'e, ne znavshee provalov [The Underground That Knew No Failures]. In *Staraya Yalta. Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh*. Spetsial'nyy vypusk, pp. 29–32.

Beloglazov, R.N., Rats, A.G. (2023). Neopublikovannyye memuary V.I. Osokina kak istochnik po istorii deyatelnosti podpol'nykh organizatsiy Sevastopolya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Unpublished Memoirs of V.I. Osokina as a Source on the History of the Activities of Underground Organizations in Sevastopol during the Great Patriotic War]. In *Vlast' istorii – Istoriya vlasti*. Vol. 9, No. 46, part 4, pp. 42–51.

Bobkov, V., Dovgel', N. (2024). "Ispolniv roli glavnye svoi": istoriya teatral'noy podpol'no-patrioticheskoy gruppy "Sokol" ["Having Played their Main Roles": The History of the Underground Patriotic Theatre Group "Sokol"]. Simferopol, Arial. 351 p.

Broshevan, V.M., Garshina, E.V. (2017). *Pravda o Valentine Garshine i ego gruppe v podpol'e Simferopolya. 1943–1944 gody* [The Truth about Valentin Garshin and His Group in the Simferopol Underground. 1943–1944]. Simferopol, Tarpan. 102 p.

Chirva, I.S. (1963). Krymskoe podpol'e 1941–1944 gg. [Crimean Underground 1941–1944]. In *Krym v Velikoy Otechestvennoy voynе Sovetskogo Soyuza 1941–1945 godov*. Sbornik. Simferopol, Krymizdat, pp. 204–261.

Emets, S.G. (2011). *Pust' zhivye zapomnyat. Sudak i sudakchane v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Let the Living Remember. Sudak and Sudak Residents during the Great Patriotic War]. Simferopol, Tavrida. 640 p.

Ivanov, V.A. (2021). "Ognennyye gody krymskoy stepi": stranitsy neizvestnoy bor'by sovet-skoy razvedki s gitlerovskimi zahvatchikami v Krymu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny ["The Fiery Years of the Crimean Steppe": Pages of the Unknown Struggle of Soviet Intelligence with Nazi Invaders in Crimea during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 41–46.

Ivanov, V.A. (2021). Istoriya i funktsionirovanie kontslagerya "Krasnyy" v gody natsistskoy okkupatsii Kryma (1941–1944 gody) [History and Functioning of the Concentration Camp "Krasnyy" during the Nazi Occupation of Crimea (1941–1944)]. In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (35), pp. 161–166.

Ivanov, V.A. (2021). K voprosu o snabzhenii partizan i podpol'shchikov Kryma s pomoshch'yu aviatsii v 1941–1944 godu [On the Issue of Supplying Partisans and Underground Fighters of Crimea With the Help of Aviation in 1941–1944]. In *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 15–24.

Ivanov, V.A. (2021). Kollektivnyy portret zhertv kontslagerya "Krasnyy" v gody natsistskoy okkupatsii Kryma (1941–1944 gody) [Collective Portrait of the Victims of the "Krasnyy" Concentration Camp during the Nazi Occupation of Crimea (1941–1944)]. In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (37), pp. 367–372.

Ivanov, V.A. (2022). "Bol'shaya zemlya napravila v Krym 'Bez odnogo chertovu dyuzhinu". Rol' organov NKVD–NKGB SSSR v ob'edinenii podpol'ya Kryma v 1941–1944 godakh ["The Mainland Sent "A Devil's dozen" to Crimea Without One". The Role of the NKVD–NKGB of the USSR in Uniting the Crimean Underground in 1941–1944]. In *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. No. 8, pp. 28–41.

Ivanov, V.A. (2022). "Taynaya Voyna v krymskoy stolitse": deyatelnost' podpol'no-patrioticheskoy organizatsii P.V. Smirnova v okkupirovannom Simferopole ["Secret War in the Crimean Capital": The Activities of the Underground Patriotic Organization of P.V. Smirnov in Occupied

Simferopol]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 44, No. 2, pp. 62–70.

Ivanov, V.A. (2023). Bor'ba Sakskey podpol'noy organizatsii s natsistskimi okkupantami. 1942–1944 gody [The Struggle of the Saki Underground Organization Against the Nazi Occupiers. 1942–1944]. In *Omskiy nauchnyy vestnik*. Vol. 8, No. 1, pp. 16–25.

Ivanov, V.A. (2023). Stanovlenie podpol'nogo dvizheniya v Severnom Krymu (1941–1943 gody) [Formation of the Underground Movement in Northern Crimea (1941–1943)]. In *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. Vol. 15, No. 1, pp. 23–30.

Ivanov, V.A. (2023). Osobennosti podpol'nogo dvizheniya v Severnom Krymu (1941–1943 gody) [Features of the Underground Movement in Northern Crimea (1941–1943)]. In *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. Vol. 15, No. 2, pp. 21–32.

Ivanov, V.A. (2024). “...Smelo szhimaya vintovku rukoyu, udaryu s toboy po vragu”. K voprosu o deyatelnosti Evpatoriyskoy podpol'noy organizatsii v 1942–1944 godakh [“...Boldly Clutching the Rifle in My Hand, I Will Strike the Enemy with You”. On the Issue of the Activities of the Evpatoria Underground Organization in 1942–1944]. In *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. Vol. 11, No. 2, pp. 240–249.

Ivanov, V.A. (2024). Bor'ba sovetskikh voennoplennykh s natsistskimi okkupantami v Sevastopole v 1943–1944 godakh [The Struggle of Soviet Prisoners of War against the Nazi Occupiers in Sevastopol in 1943–1944]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Vol. 24, No. 1, pp. 5–16.

Ivanov, V.A. (2024). Podpol'no-patrioticheskie organizatsii M.A. Korobanya i I.P. Kondratova v Krymu v 1943 godu [Underground Patriotic Organizations of M.A. Koroban and I.P. Kondratov in Crimea in 1943]. In *Istoriya i arkhiv*. Vol. 6, No. 4, pp. 76–93.

Ivanov, V.A. (2025). Agitatsiya i propaganda podpol'shchikov Kryma v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Agitation and Propaganda of the Crimean Underground during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya*. No. 1, pp. 103–119.

Ivanovskiy, G., Babushkin, M., Ivanov, E., Serman, B., Kholendro, D. (Comp.). (1948). *Vpered, komsomol'skoe plemya! Sbornik materialov dlya komsomol'tsev-agitatorov i besedchikov* [Forward, Komsomol Tribe! Collection of Materials for Komsomol Agitators and Conversationalists]. Simferopol, Krymizdat. 140 p.

Konovalova, L.V. (2014). *Sbornik materialov o partizanakh i podpol'shchikakh, deystvovavshikh na yuzhnom beregu Kryma v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1944 gg.* [Collection of Materials about Partisans and Underground Fighters Operating on the Southern coast of Crimea during the Great Patriotic War of 1941–1944]. Melitopol, Izdatel'skiy dom Melitopol'skoy gorodskoy tipografii. 120 p.

Kosovskaya, A., Miloslavskiy, V. (1977). *Saki: ocherk-putevoditel'* [Saki: Essay-Guide]. Simferopol, Tavriya. 62 p.

Kosovskaya, A.F. (1980). *Saki: Putevoditel'* [Saki: Essay-Guide]. Simferopol, Tavriya. 88 p.

Kosovskaya, A.F. (1984). *Saki: Putevoditel'* [Saki: Essay-Guide]. Simferopol, Tavriya. 96 p.

Kosovskaya, A.F., Miloslavskiy, V.N. (1972). *Saki: ocherk-putevoditel'* [Saki: Essay-Guide]. Simferopol, Tavriya. 86 p.

Kosovskaya, A.F., Miloslavskiy, V.N. (1974). *Saki: ocherk-putevoditel'* [Saki: Essay-Guide]. Simferopol, Tavriya. 86 p.

Kozlov, I.A. (1947). *V krymskom podpol'e* [In the Crimean Underground]. Simferopol, Krymizdat. 312 p.

Makarov, N.I. (1976). *Nepokorennaya zemlya Rossiyskaya* [The Unconquered Russian Land]. Moscow, Politizdat. 319 p.

Makarov, N.I. (1983). (Ed.). *Partiynoe podpol'e. Deyatel'nost' podpol'nykh partiynykh organov i organizatsiy na okkupirovannoy sovetskoj territorii v gody Velikoy Otechestvennoy*

voyny [The Party Underground. Activities of Underground Party Organs and Organizations in the Occupied Soviet Territory during the Great Patriotic War]. Moscow, Politizdat. 352 p.

Pashchenya, V.N., Pashchenya, E.V. (2009). *Krymskaya ASSR v gody II Mirovoy voyny (1939–1945 gody): monografiya* [The Crimean ASSR during World War II (1939–1945): Monograph]. Simferopol, DIAIPI. 376 p.

Pashchenya, V.N., Pashchenya, E.V. (2014). *Krymskaya ASSR v gody II Mirovoy voyny (1939–1945 gody): monografiya. 2 izdanie* [The Crimean ASSR during the Second World War (1939–1945): monograph. 2nd ed.]. Simferopol, DIAIPI. 414 p.

Petrov, V.P., Formanchuk, A.A. (2024). Krym v Velikoy Otechestvennoy voyne [Crimea in the Great Patriotic War]. In *Forpost Soyuz na yuge...: ocherki istorii Krymskoy ASSR (1921–1945 gody)*. Simferopol, Antikva, pp. 314–343.

Polyakov, V.E. (2018). Knigda “V krymskom podpol’e” – neizvestnoe prodolzhenie v fondakh GARK [The Book “In the Crimean Underground” – an Unknown Continuation in the Funds of the GARK]. In *Krymskiy arkhiv*. No. 2 (29), pp. 19–30.

Rud', Ya.I. (1980). *Neukrotimye* [The Indomitable]. Moscow, Voenizdat. 102 p.

Rud', Ya.I. (1994). *Skazanie o Feodosii: Etyudy istorii* [The Tale of Feodosia: Studies in History]. Simferopol, Redotdel Krymskogo komiteta po pechati. 176 p.

Rud', Ya.I. (2008). *Legendy i skazaniya Feodosii* [Legends and Tales of Feodosia]. Simferopol, Tavriya. 328 p.

Rud', Ya.I., Vinnik, P.Ya., Bol'shakov, Yu.P. (2000). *Glavnyy prichal Kryma. Ocherki istorii* [The Main Pier of Crimea. Essays on History]. Simferopol, Tavriya. 216 p.

Saprankova K.G., Udod V.P. (1974). *Ikh podvigi bessmertny. Iz istorii deyatel'nosti kommunisticheskogo podpol'ya v Sevastopole v 1942–1944 godakh* [Their Exploits are Immortal. from the History of the Activities of the Communist Underground in Sevastopol in 1942–1944]. In *Voprosy istorii KPSS*. No. 2, pp. 91–98.

Shamko, E. (1959). *Partizanskoe dvizhenie v Krymu v 1941–1944 godakh* [Partisan Movement in Crimea in 1941–1944]. Simferopol, Krymizdat. 160 p.

Shamko, E.N. (1958). *Komsomol'tsy i molodezh' Kryma v boyah za Rodinu* [Komsomol Members and Youth of Crimea in the Battles for the Motherland]. Simferopol, Znanie. 32 p.

Shamko, E.N. (1968). *Plamya nad Krymom* [Flame over Crimea]. In *Geroi podpol'ya. O podpol'noy bor'be sovetskikh patriotov v tylu nemetsko-fashistskikh zahvatchikov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik statey*. Moscow, Politizdat. Iss. 2, pp. 51–95.

Shamko, E.N. (1970). *Plamya nad Krymom* [Flame over Crimea]. In *Geroi podpol'ya. O podpol'noy bor'be sovetskikh patriotov v tylu nemetsko-fashistskikh zahvatchikov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik statey. 2nd corrected and supplemented edition*. Moscow, Politizdat. Iss. 2, pp. 56–99.

Shamko, E.N. (1972). *Plamya nad Krymom* [Flame over Crimea]. In *Geroi podpol'ya. O podpol'noy bor'be sovetskikh patriotov v tylu nemetsko-fashistskikh zahvatchikov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik statey. 3rd corrected and supplemented edition*. Moscow, Politizdat, pp. 47–82.

Shamko, K.M. (1960). *Partiynye pidpillya v Krimu v roki Velikoï Vitchiznjanoï viyni* [Party Support in Crimea during the Great Patriotic War]. In *Ukrains'kiy istorichnyi zhurnal*. No. 5, pp. 16–27.

Shendrikova, S.P. (2015). Krymskoe podpol'e v gody fashistskoy okkupatsii na primere deyatel'nosti grupy “Sokol” [Crimean Underground during the Years of Fascist Occupation on the Example of the Activities of the Sokol Group]. In *Gumanitarnye nauki*. No. 1 (29), pp. 43–52.

Skripnichenko-Korovyakovskaya, G.A. (1990). *Pravda o razvedchitse “Lesnoy”* [The Truth about the Scout “Lesnaya”]. Simferopol, Tavriya. 168 p.

Skripnichenko-Korovyakovskaya, G.A. (2009). *Dolgiy put' k pravde* [The Long Path to Truth]. Simferopol, Antikva. 310 p.

Taganov, Yu. (2012). Podpol'no-patrioticheskie gruppy Seytlerskogo (Nizhnegorskogo) rayona v 1942–1944 godakh: postanovka problemy [Underground Patriotic Groups of the Seitler (Nizhnegorsk) District in 1942–1944: Statement of the Problem]. In *Krymfront: problemy istorii i pamyati. 70 let spustya. Sbornik rabot nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Feodosia, NIL, pp. 126–143.

Terehov, S.A. (2023). Istoriya krymskikh organov VChK–OGPU: otechestvennaya i ukrain-skaya istoriografiya [History of the Crimean Organs of the Cheka-OGPU: Domestic and Ukrainian Historiography]. In *Nauka. Obshchestvo. Oborona*. Vol. 11, No. 2, pp. 23–26.

Tkachenko, S.N. (2020). Stanovlenie krymskogo podpol'ya v kontse 1941 – pervoy polovine 1942 goda [Formation of the Crimean Underground in Late 1941 – First Half of 1942]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskie nauki*. Vol. 6 (72), No. 2, pp. 203–213.

Tkachenko, S.N. (2021). “Spetszadanie-42”. K voprosu razvertyvaniya krymskogo podpol'ya letom 1942 goda [“Special assignment-42”. On the Issue of the Deployment of the Crimean Underground in the Summer of 1942]. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskie nauki*. Vol. 7 (73), No. 2, pp. 142–150.

Tron'ko, P.T. (1957). *Bezsmertya yunikh (Z istorii borot'bi komsomol'skogo pidpillya Ukraïni v roki Velikoï Vitchiznyanoi viyni)* [Immortality of the Young. (From the History of the Fight Against the Komsomol Underworld of Ukraine during the Great Patriotic War)]. Kyiv, Vidatstvo CK LKSMU “Molod’”. 176 p.

Tron'ko, P.T. (1970). *Podvig tvoikh ottsov* [The Feat of Your Fathers]. Moscow, Molodaya Gvardiya. 448 p.

Tron'ko, P.T. (1974). *Istoriya mist i sil Ukraïns'koï RSR: v 26 tomakh. Krims'ka oblast'* [History of Cities and Villages of the Ukrainian SSR: in 26 vol. Crimean Region]. Kyiv, URE. 802 p.

Tron'ko, P.T. (1985). *Bessmertie podviga* [The Immortality of the Feat]. Kyiv, Molod'. 240 p.

Tron'ko, P.T. (Rd.). (1974). *Istoriya gorodov i sel Ukrainskoy SSR. V 26 tomakh. Krymskaya oblast'* [History of Cities and Villages of the Ukrainian SSR. In 26 Vol. Crimean Region]. Kyiv, Glavnaya redaktsiya Ukrainskoy Sovetskoy Entsiklopedii Akademii Nauk USSR. 624 p.

Uspenskaya, V.V. (1961). *Simferopol': istoriko-kraevedcheskiy ocherk* [Simferopol: Historical and Local History Essay]. Simferopol, Krymizdat. 198 p.

Vinnik, P., Rud', Ya., Andrushchenko, V. (1975). *Glavnyy prichal Kryma. Ocherk* [The Main Pier of Crimea. Essay]. Simferopol, Tavriya. 120 p.

Yakovlev, V. (1961). *Prestupleniya. Bor'ba. Vozmezdnie* [Crimes. Struggle. Retribution]. Simferopol, Krymizdat. 240 p.

С.В. Кулик
А.Г. Лагойко
А.С. Прищепа*

ИССЛЕДОВАНИЕ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА В ТРУДАХ СОТРУДНИКОВ «ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА»

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-18
УДК 94(47).084.8

Выходные данные для цитирования:
Кулик С.В., Лагойко А.Г., Прищепа А.С. Исследование блокады Ленинграда в трудах сотрудников «Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда» // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 233–244.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-18.pdf>

S.V. Kulik
A.G. Lagoyko
A.S. Prischepa*

STUDY OF THE SIEGE OF LENINGRAD IN THE WRITINGS OF EMPLOYEES OF THE “STATE MEMORIAL MUSEUM OF THE DEFENSE AND BLOCKADE OF LENINGRAD”

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-18

How to cite:
Kulik S.V., Lagoyko A.G., Prischepa A.S. Study of the Siege of Leningrad in the Writings of Employees of the “State Memorial Museum of the Defense and Blockade of Leningrad” // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 233–244.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-18.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the analysis of contemporary historiography of the siege of Leningrad and examines its key aspects through the lens of historical, social, and cultural approaches. The purpose of the study is to systematize research findings, analyze modern interpretations of the siege events, and highlight promising directions for further exploration. The methods of analysis and synthesis were used, enabling an objective evaluation of materials related to the siege period. The main content of the article includes several key aspects. First, an analysis of the occupation regime in the Leningrad region, including the development of partisan movement. Second, an examination of the functioning of Leningrad defense industry during the siege and an emphasis on its adaptation of enterprises and collaboration with scientific institutions. Third, a description of the daily life of citizens and the contribution of the scientific community to the common struggle. Fourth, a study of information activities in besieged Leningrad, including propaganda methods and their impact on the morale of the city’s population. The scientific novelty of the study lies in the systematization of historiographic sources, the expansion of interpretations of the topic based on new archival data, and interdisciplinary research. The conclusions emphasize the necessity of a comprehensive approach to deepen the understanding of the siege context, as well as the continued effort to introduce new sources into scholarly circulation.

Keywords: the Siege of Leningrad, the Great Patriotic War, partisan warfare, science and production, historiography, State Memorial Museum of the Defense and Siege of Leningrad.

* **Сергей Владимирович Кулик**, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kulik54@mail.ru

Sergey Vladimirovich Kulik, Doctor of Historical Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, e-mail: kulik54@mail.ru

Анастасия Геннадьевна Лагойко, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: anastasia.lagoyko@gmail.com

Anastasia Gennadievna Lagoyko, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, e-mail: anastasia.lagoyko@gmail.com

Александр Сергеевич Прищепа, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.prischepa@list.ru

Alexander Sergeevich Prischepa, Candidate of Historical Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; State Memorial Museum of Defense and Siege of Leningrad, St. Petersburg, Russia, e-mail: a.prischepa@list.ru

The article has been received by the editor on 16.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена анализу современной историографии блокады Ленинграда, исследуя ее ключевые аспекты через призму исторических, социальных и культурных подходов. Цель работы – систематизировать результаты исследований, проанализировать современные интерпретации событий блокады и выделить перспективные направления дальнейшего изучения. Методология исследования основывается на проблемно-хронологическом, общенаучном и междисциплинарном подходах. Основное содержание статьи включает несколько ключевых аспектов. Первый – анализ оккупационного режима в Ленинградской области, включая развитие подпольного и партизанского движения. Второй – изучение функционирования ленинградской оборонной промышленности в условиях блокады с акцентом на адаптацию предприятий и сотрудничество с научными учреждениями. Третий – описание повседневной жизни горожан и вклада научного сообщества в общую борьбу. Четвертый – исследование информационно-пропагандистской работы в блокадном Ленинграде, включая методы пропаганды и их влияние на моральный дух населения. Научная новизна заключается в систематизации историографических источников, расширении интерпретации темы на основе новых архивных данных и междисциплинарных исследований. Выводы подчеркивают необходимость комплексного подхода для углубления понимания контекста блокады, а также продолжения работы по введению в научный оборот новых источников.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, партизанское движение, наука и производство, историография, Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025 г.

Герой Советского Союза Владимир Васильевич Карпов, писатель, публицист и общественный деятель, испытавший все тяготы войны и длительное время изучавший различные ее аспекты, однажды сказал, что «человеческая история делается трижды – на поле боя; на поле времени, то есть когда происходит идеологическая борьба или вмешивается конъюнктура; на поле восстановления фактов интерпретации и толкования событий»¹. К настоящему времени мы уже подошли к третьему и скорее всего завершающему этапу. И в этом периоде будут представлены однозначные выводы и неопровержимые доказательства преступлений нацистов и их союзников.

История блокады Ленинграда остается одной из центральных тем в отечественной исторической науке. На протяжении десятилетий она осмыслялась в различных научных и публицистических формах, при этом современные подходы все более склоняются к комплексному и междисциплинарному анализу этого драматического периода.

В рамках настоящего исследования под *современной петербургской историографией* блокады Ленинграда понимаются научные работы, подготовленные с середины 2010-х гг. по настоящее время. Такой временной рубеж связан не столько с произвольной хронологией, сколько с активизацией исследовательской работы и институциональным оформлением направления в рамках деятельности научного отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда (СПБ ГБУК ГММОБЛ). Именно публикации, подготовленные сотрудниками отдела и другими

¹ Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 65-летию полного снятия блокады Ленинграда (Санкт-Петербург, 18 декабря 2008 г.). СПб., 2009.

петербургскими учеными, взаимодействуют с ним, легли в основу историографического обзора, представленного в статье. Эти работы объединяет не только территориальный признак, но и общая методологическая и тематическая направленность, а также внимание к «человеческому измерению» блокады: повседневности, памяти, информационному воздействию.

Обратим внимание, что в данной работе не ставилась задача охватить все возможные направления и авторские подходы в историографии блокады Ленинграда. В частности, в обзор не вошел фундаментальный трехтомный труд почетного профессора СПбГУ Г.Л. Соболева, являющийся результатом многолетней индивидуальной исследовательской работы². Также за рамками нашего обзора остается содержательная и фундаментальная научная публикация К.А. Болдовского, которая, несмотря на тематическую близость и аналогичность поставленных задач, затрагивает более широкий круг источников и проблематики³.

Цель статьи – представить целостный обзор современного состояния петербургской историографии блокады Ленинграда, систематизировать основные направления работы и обозначить перспективные точки дальнейшего научного поиска с акцентом на деятельность сотрудников отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» под руководством доктора исторических наук, профессора Н.А. Ломагина. В фокусе находятся не просто отдельные публикации, а формирующаяся исследовательская традиция, отражающая как преемственность поколений, так и новые вызовы в осмыслении исторического прошлого. Таким образом, в статье не только зафиксированы актуальные направления научного поиска, но и продемонстрирована тенденция к формированию локальной исследовательской школы.

Методология основывается на сочетании проблемно-хронологического, структурно-системного и междисциплинарного подходов. Историография рассматривается не просто как совокупность публикаций, а как институционально оформленное направление, связанное с деятельностью вышеуказанного отдела Музея обороны и блокады Ленинграда. Это позволило не только систематизировать труды петербургских историков, но и выявить ключевые тематические блоки, в которых развивается научная мысль: история оккупационного режима, функционирование оборонной промышленности, повседневная жизнь горожан и информационно-пропагандистская деятельность.

Оккупационный режим на территории Ленинградской области: общая характеристика. Развитие подпольного и партизанского движения, включая северо-западное направление. Прежде чем говорить об историографическом компоненте, стоит сказать, что в настоящее время тема весьма актуальна, и вопросы, связанные с деятельностью партизанского движения, вызывают определенный интерес у исследователей сегодня. При рассмотрении этого вопроса считаем необходимым разделить его на два периода изучения: советский и постсоветский.

Советский опыт примечателен тем, что определенное количество научных трудов выполнено непосредственными участниками и лицами, пережившими сложное время войны⁴. В этих работах обращает на себя внимание личный оттенок описываемых событий. Другая же часть дополнялась из опубликованных ранее дневников и воспоминаний партизан⁵.

Постсоветский опыт опирается на воспоминания участников военного времени и материал из архивов, хранящихся на территории Северо-Запада. Это прежде всего региональные

² Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1. СПб., 2013; Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 2. СПб., 2015; Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 3. СПб., 2017.

³ Болдовский К.А. Блокадный Ленинград: новые источники и исследования (2015–2021) // Российская история. 2022. № 3. С. 135–145.

⁴ Кутузов В.А. Возрождение земли ленинградской: коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л., 1985; Непокоренный Ленинград: Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. 3-е изд., перераб. и доп. Л., 1985.

⁵ Никитин М.Н. Партизанская война в Ленинградской области. Л., 1943; Новгородские партизаны: партизанское движение на Новгородской земле в 1941–1944 гг.: сб. док-тов и восп. Великий Новгород, 2001; Псковщина партизанская: воспоминания участников партизанского движения. Л., 1979.

архивы Великого Новгорода, Пскова, Ленинградской области, Республики Карелии, Смоленской области и т.д.

Переходя к ученым и специалистам, которые в настоящее время занимаются изучением материалов по данной тематике, отметим кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» СПб ГБУК ГММОБЛ С.К. Бернева. В своих научных работах, таких как «Вопросы противодействия реабилитации нацистских преступников»⁶ и «Периодическая печать на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР (1941–1944)»⁷, Станислав Константинович пишет о движении сопротивления на оккупированных территориях Северо-Запада и Ленинградской области. Он довольно подробно описывает диверсионную и повседневную бытовую стороны жизни партизан.

В данном разделе стоит обратиться к трудам таких специалистов, как доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, руководитель Новгородской группы СПбИИ РАН Б.Н. Ковалев, доктор исторических наук, профессор Высшей школы общественных наук (ВШОН) Гуманитарного института (ГИ) Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ) С.В. Кулик и кандидат исторических наук, сотрудник СПбИИ РАН Д.Ю. Асташкин, которые подготовили ряд монографий и научных публикаций, связанных с оккупационным режимом на Северо-Западе России, раскрывающих деятельность партизанских отрядов на оккупированной территории. В таких трудах, как «Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие»⁸, «Оккупация. Сопротивление. Возмездие: нацистский режим на Новгородской земле»⁹ и «Забвению не подлежит: оккупация, сопротивление, возмездие»¹⁰, акцентировано внимание на партизанских группах Северо-Запада.

Функционирование ленинградской оборонной промышленности в первые месяцы войны и в блокадное время. Говоря о функционировании промышленности в блокадный период, конечно же, стоит упомянуть труды таких ученых, как Е.Е. Красноженова и А.М. Рябков. В своих работах авторы исследовали рабочий процесс промышленных предприятий Ленинграда, возникавшие перед производственниками трудности с последующей адаптацией к новым условиям. Им удалось осветить такие сложные сюжеты, как эвакуация промышленных мощностей, как проходила работа на оставшемся оборудовании, какую продукцию выпускали, кто трудился на производстве, чем кормили в производственных столовых и многие другие важные вопросы.

Так, труды доктора исторических наук, профессора ВШОН ГИ СПбПУ Е.Е. Красноженовой отражают два главных аспекта. Во-первых, оказание реальной помощи промышленному сектору Ленинграда. Например, научно-техническое сотрудничество между производственниками и сотрудниками научно-образовательных и исследовательских учреждений города. Этому посвящена научная публикация «Научно-производственная деятельность ленинградских вузов в годы блокады (на примере Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина)»¹¹. Вторая публикация «Восстановление и техническая модернизация предприятий ленинградской промышленности (1942–1945 гг.)» рассматривает обновление промышленного капитала, станков и оборудования и описание процесса подготовки

⁶ Бернев С.К. Вопросы противодействия реабилитации нацистских преступников // Правда и Закон. 2018. № 1 (3). С. 12–17.

⁷ Бернев С.К. Периодическая печать на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР (1941–1944) // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 9–11.

⁸ Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н., Кулик С.В. Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие. СПб., 2018.

⁹ Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н., Кулик С.В. Оккупация. Сопротивление. Возмездие: нацистский режим на Новгородской земле. Великий Новгород, 2016.

¹⁰ Ковалев Б.Н., Кулик С.В., Асташкин Д.Ю. Забвению не подлежит: оккупация, сопротивление, возмездие. М., 2019.

¹¹ Красноженова Е.Е., Кулик С.В., Прищепина А.С. Научно-производственная деятельность ленинградских вузов в годы блокады (на примере Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина) // Genesis: исторические исследования. 2023. № 3. С. 40–46.

кадров, необходимых для функционирования производства¹². В данном контексте обратим внимание на еще одну публикацию «Формы и методы повышения производительности труда на оборонных предприятиях блокадного Ленинграда»¹³, в которой, в отличие от вышеперечисленных публикаций, представлено не только описание и выявленные закономерности работы местного производства, но и затронут вопрос кадровой политики заводов города с акцентом на повышение производительности труда и социальный компонент.

Научный сотрудник РАНХиГС, специалист-исследователь Европейского университета в Санкт-Петербурге А.М. Рябков уделил внимание в своих работах промышленному сектору Ленинграда. В публикации «Ленинград-1941. Сделано для фронта» освещаются практики налаживания и перепрофилирования промышленного оборудования и переориентации городских предприятий на выпуск военной продукции¹⁴. Следующая научная публикация содержит нарратив о промышленном потенциале местных предприятий перед ВОВ¹⁵. Автор опирался как на источники семейного архива С.И. Маханова, копия которого хранится в архиве И.О. Тюменцева, так и на данные, хранящиеся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), фонд 1728¹⁶.

В журнале «Технологос» опубликована работа «О работе промышленных предприятий Ленинграда в 1941 году»¹⁷, где Андрей Маркович постарался отразить реальные трудности и проблемы, с которыми столкнулись рабочие ленинградских заводов накануне войны.

Повседневная жизнь и научная деятельность в Ленинграде в годы блокады. Общество фронту – гражданская наука. В контексте повседневности стоит выделить работы доктора исторических наук, профессора М.В. Ходякова, заведующего кафедрой Новейшей истории России, СПбГУ. В своих публикациях он изучал аспекты проводимой в городе жилищной политики¹⁸, включая деятельность ленинградских коммунальных служб, которые функционировали на благо горожан и старались всеми силами поддерживать мирную жизнь¹⁹. Примерами служит уборка улиц от снега в зимний период, обслуживание домов городских жителей и т.д.

Среди научных работ, выполненных доктором исторических наук, профессором В.Л. Пянкевичем, заведующим кафедрой истории народов стран Содружества Независимых Государств, СПбГУ, можно выделить более 70 научных статей, посвященных теме блокады.

Так, в публикации «Неформальные практики в сфере услуг в блокадном Ленинграде» приведен перечень оказываемых в годы блокады услуг²⁰. Отдельным сюжетом представлена информация о стоимости видов услуг, сколько затрачивалось времени на обслуживание и сколько зарабатывал мастер.

В научной публикации «“Ты что вспухла?” – “Туфли починила”. Ремонт и изготовление обуви в заблокированном Ленинграде» автор раскрывает тему товарно-денежных отно-

¹² Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Восстановление и техническая модернизация предприятий ленинградской промышленности (1942–1945 гг.) // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 168–172.

¹³ Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Формы и методы повышения производительности труда на оборонных предприятиях блокадного Ленинграда // Современная научная мысль. 2021. № 4. С. 106–111.

¹⁴ Рябков А.М. Ленинград-1941. Сделано для фронта // Новый часовой. 2022. № 25. С. 70–99.

¹⁵ Рябков А.М. Из личного дела главного конструктора артиллерийского бюро Кировского завода И.А. Маханова // Русский архив. 2022. № 10 (1). С. 27–49.

¹⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 198000-в.

¹⁷ Рябков А.М. О работе промышленных предприятий Ленинграда в 1941 году // Технологос. 2021. № 2. С. 14–29.

¹⁸ Ходяков М.В. Ограничительные практики предоставления жилья в Ленинграде на завершающем этапе Великой Отечественной войны // От прорыва блокады Ленинграда до Курской битвы: сб. мат-лов междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Санкт-Петербург, 25–27 мая 2023 г.). СПб., 2023. С. 55–59.

¹⁹ Гаврилова О.А. Ленинградский управхоз в годы блокады: зона ответственности и образ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 1. С. 85–93.

²⁰ Пянкевич В.Л. Неформальные практики в сфере услуг в блокадном Ленинграде // От прорыва блокады Ленинграда до Курской битвы: сб. мат-лов междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Санкт-Петербург, 25–27 мая 2023 г.). СПб., 2023. С. 45–48.

шений, которые в то непростое время вышли на новый уровень²¹. Ведь не секрет, что жители Ленинграда за ремонт обуви могли отдавать самое дорогое – хлеб, продукты, карточки и талоны или оставшиеся ценные вещи.

В статье «Разрушения блокадного Ленинграда в дневниках, письмах, фотографиях и живописи очевидцев» В.Л. Пянкевичем поднимаются вопросы, связанные с восприятием разрушений через письменные и визуальные источники информации. Показана динамика личного отношения к оставшимся руинам, эмоциональному фону и поведению горожан. Статья основана на документах блокадного периода (дневниках, письмах, фотографиях, живописи), а также свидетельствах блокадников (воспоминаниях, интервью, живописи) более позднего времени²².

В столь широкой и весьма значимой тематике необходимо выделить научные исследования, проводимые петербургским ученым, доктором исторических наук, профессором СПбГУ и Европейского университета Н.А. Ломагиным. В работе «Учет и контроль – основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг.» Никита Андреевич опирается на факт «ускоренной индустриализации», когда Ленинград за столь короткое время превратился в один из крупнейших мегаполисов с восстановленной инфраструктурой²³. «Имеющиеся каналы снабжения продуктами города сводились по сути к перевозкам по железной дороге, а небольшие складские емкости в городе, а также отсутствие развитой собственной ресурсной базы – все это в условиях довоенной установки на запрет формирования существенных запасов превращало Ленинград в крайне уязвимый объект», – утверждает автор²⁴.

В научной статье «Особенности оккупационной политики Германии на территории Ленинградской области в 1941–1942 гг.» Ломагин описывает повседневную жизнь находившихся в оккупации граждан, их адаптацию к новым реалиям проживания с немецкими захватчиками «бок о бок»²⁵.

Защита и оборона Ленинграда в директивных отчетах, через решения ГКО, НКО и СНК. В данном разделе, по нашему мнению, следует выделить заведующего лабораторией «История блокады Ленинграда» СПб ИИ РАН К.А. Болдовского, который на протяжении десяти лет изучает данный вопрос. Кирилл Анатольевич широко использует справки, статистические показатели и данные работников кадровых служб и подразделений, занимавших партийные должности в городе. Представленные им свидетельства содержат сведения о персональном составе руководителей, их образовании, возрасте, предыдущих местах работы. На основе анализа этих документов можно предположить, что в период Великой Отечественной войны кадровый состав ленинградских руководителей полностью состоял из местных сотрудников²⁶.

В научной работе «Актуальные вопросы исследований управленческих кадров Ленинграда периода обороны и блокады города» Кирилл Анатольевич рассматривает структуру управления и деятельность руководящих кадров города в период блокады и обороны города

²¹ Пянкевич В.Л. «Ты что вспухла?» – «Туфли починила». Ремонт и изготовление обуви в заблокированном Ленинграде // Клио. 2023. № 11 (203). С. 113–117.

²² Пянкевич В.Л. Разрушения блокадного Ленинграда в дневниках, письмах, фотографиях и живописи очевидцев // Вопросы истории. 2022. № 11-3. С. 54–67.

²³ Ломагин Н.А. Учет и контроль – основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3 (23). С. 155–182.

²⁴ Там же.

²⁵ Ломагин Н.А. Особенности оккупационной политики Германии на территории Ленинградской области в 1941–1942 гг. // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию освобождения Дона и Донбасса (Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г.). Ростов н/Д., 2023. С. 269–278.

²⁶ Болдовский К.А. Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 201–215; Болдовский К.А. Руководящие кадры блокадного Ленинграда в номенклатуре ЦК ВКП(б) // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 840–852.

во время ВОВ²⁷. При этом автор уверен в «необходимости исследования системы управления городом, так как в чрезвычайных военных условиях деятельность управленческого аппарата имела большое значение»²⁸.

Информационная работа, проводившаяся в блокадном городе. В 2012 г. А.В. Кутузов защитил докторскую диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Блокада Ленинграда в информационном противоборстве в годы Второй мировой войны»²⁹. Александр Владиславович, доктор исторических наук, профессор, исследователь обороны Ленинграда, ученый секретарь СПб ГБУК ГММОБЛ, более 20 лет занимается изучением вопросов, связанных с информационной и агитационной деятельностью, под влиянием которой попали жители и защитники города. Согласно краткой аннотации выполненной им научной работы, объектом исследования определена «блокада Ленинграда в информационном противоборстве в годы Второй мировой войны». Цель своего исследования А.В. Кутузов определил как «анализ использования образа блокадного Ленинграда в информационном противоборстве в годы Второй мировой войны, применения в информационном противоборстве методов идеологического воздействия»³⁰.

В работах автор опирается на печатные материалы, кинематографические источники, новостные радиопередачи, способные оказать информационное влияние на мировоззрение населения в различных государствах. В публикации «Информационная война осажденного Ленинграда и использование ее методов во вражеском стане» Александр Владиславович подтверждает успешность проводимой в городе пропаганды словами: «С этой задачей как нельзя лучше мог справиться кинематограф, и это очень хорошо понимали в заблокированном городе»³¹. Поэтому высшим партийным руководством города было принято решение снять фильм о жизни в заблокированном городе.

Съемки начались в 1942 г. и в прокат фильм «Ленинград в борьбе» вышел 9 июля 1942 г.³² Проект вызвал среди немцев довольно большой ажиотаж. Они негодовали: как и когда русским в осажденном городе еще удастся снимать фильмы? А.И. Хитрова, заместитель заведующего отделом кадров Московского района РК ВКП(б), вспоминала, что к съемкам фильма действительно готовились: «Так перед нами, работниками райкома, и было поставлено, чтобы мы имели приличный вид... В марте 1942 г. мы уже сняли военную форму и стали надевать костюмы, туфли, стали следить за своим внешним видом. И, нужно сказать, это сыграло свою <...> роль...»³³. Данная цитата была получена из материалов архивного фонда ЦГАИПД СПб, а именно из стенограммы беседы с А.И. Хитровой, заместителем заведующего отделом кадров Московского РК ВКП(б) города Ленинграда³⁴.

В монографии «Блокада Ленинграда в историях обороны крепостей» А.В. Кутузов берет за основу первое обращение В.М. Молотова от лица советского правительства 22 июня 1941 г.: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером...»³⁵. В данном контексте мы можем увидеть посыл, что не в первый раз гражданам страны удалось защитить свою Родину, но враг был и будет повержен. Александр Владиславович продолжает: «Обратим внимание на то, что в известном обращении к совет-

²⁷ Болдовский К.А. Актуальные вопросы исследований управленческих кадров Ленинграда периода обороны и блокады города // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3 (23). С. 110–116.

²⁸ Там же.

²⁹ Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в информационном противоборстве в годы Второй мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012.

³⁰ Там же.

³¹ Кутузов А.В. Информационная война осажденного Ленинграда и использование ее методов во враждебном стане // Материалы межвузовской конференции, посвященной 65-летию полного снятия блокады Ленинграда... С. 18–22.

³² Там же. С. 18–22.

³³ Там же.

³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 647.

³⁵ Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в историях обороны крепостей: монография. СПб., 2021.

скому народу в 1941 г. И.В. Сталин употребляет, наряду с привычным обращением “Товарищи!”, христианское – “Братья и сестры”, да и по своему эмоциональному накалу очень напоминало приведенное выше воззвание. По-видимому, именно на это воззвание и ориентировался И.В. Сталин при составлении известной речи»³⁶.

Следовательно, Великая Отечественная война явилась некоторым образом катализатором возрождения исторических традиций. Однако официальное признание православных героев произошло еще в самом начале боевых действий. Ведь именно в тот момент открыто начали говорить о подвигах великих российских полководцев А. Невского, Д. Донского. Даже в официальных речах говорили о том, что враг будет повержен и неизбежно повторит судьбу всех завоевателей³⁷.

Впоследствии А.В. Кутузов обращает внимание на связь времен и героические страницы, на подвиг народа и значение полков народного ополчения (читай партизанского движения. – *Прим. авт.*). Пресса военного времени возродила отвергнутые ранее исторические образы. Огромную роль в поддержании духовной стойкости населения играла публикация мемуаров, музыкальные произведения и фильмы о сражениях и битвах прошлого. Опора на исторические параллели – характерная черта риторики всех воюющих государств.

Таким образом, комплексный подход к изучению блокады Ленинграда – военный, экономический, социальный, культурный и информационный – остается важнейшим условием полноценного научного осмысления этого трагического и героического периода отечественной истории. Несмотря на солидный массив уже накопленных исследований, история блокады остается открытым полем для научного поиска, прежде всего в части ввода в научный оборот новых архивных документов, дневников, а также в осмыслении ранее не изученных сюжетов повседневной жизни, локальных практик выживания, функционирования институтов, средств пропаганды.

Современный этап изучения блокады Ленинграда связан с активным формированием петербургской исследовательской школы, ядром которой является деятельность научного отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» при Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда. Именно в его рамках сегодня аккумулируются как исследовательские усилия, так и архивные материалы, а сама работа отдела задает методологические ориентиры для новых проектов. Важно подчеркнуть, что деятельность музея под руководством Елены Витальевны Лезик в целом направлена не только на переосмысление прежнего научного наследия, но и на внедрение новых методов – от цифровой гуманитаристики до антропологического анализа блокадного опыта.

Новизна историографии блокады Ленинграда последних лет заключается в переходе от макроисторического взгляда к микроанализу, в обращении к судьбам отдельных сообществ, профессиональных групп, городских институтов. Статья демонстрирует, как именно в рамках одного научного центра – института при музее – формируется не просто тематическая, но и методологическая преемственность, соединяющая поколения исследователей.

Тем самым петербургская историографическая школа, представленная в данной работе, подтверждает свою ключевую роль в сохранении и развитии исторической памяти по обороне и блокаде Ленинграда. Ее деятельность обеспечивает не только научную, но и культурную миссию: формирование подлинного документально подтвержденного образа блокадного города как части национального исторического сознания и духовного опыта страны.

Литература

Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н., Кулик С.В. Оккупация. Сопrotивление. Возмездие: нацистский режим на Новгородской земле. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2016. 276 с.

Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н., Кулик С.В. Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопrotивление. Возмездие. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2018. 420 с.

³⁶ Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в историях обороны крепостей... С. 15.

³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 442.

Бернев С.К. Периодическая печать на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР (1941–1944) // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 9–11.

Бернев С.К. Вопросы противодействия реабилитации нацистских преступников // Правда и Закон. 2018. № 1 (3). С. 12–17.

Болдовский К.А. Актуальные вопросы исследований управленческих кадров Ленинграда периода обороны и блокады города // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3 (23). С. 110–116.

Болдовский К.А. Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 201–215.

Болдовский К.А. Блокадный Ленинград: новые источники и исследования (2015–2021) // Российская история. 2022. № 3. С. 135–145.

Болдовский К.А. Руководящие кадры блокадного Ленинграда в номенклатуре ЦК ВКП(б) // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 840–852.

Гаврилова О.А. Ленинградский управхоз в годы блокады: зона ответственности и образ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 1. С. 85–93.

Ковалев Б.Н., Кулик С.В., Асташкин Д.Ю. Забвению не подлежит: оккупация, сопротивление, возмездие. М.: Просвещение, 2019. 287 с.

Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Формы и методы повышения производительности труда на оборонных предприятиях блокадного Ленинграда // Современная научная мысль. 2021. № 4. С. 106–111.

Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Восстановление и техническая модернизация предприятий ленинградской промышленности (1942–1945 гг.) // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 168–172.

Красноженова Е.Е., Кулик С.В., Прищеп А.С. Научно-производственная деятельность ленинградских вузов в годы блокады (на примере Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина) // Genesis: исторические исследования. 2023. № 3. С. 40–46.

Кутузов А.В. Информационная война осажденного Ленинграда и использование ее методов во враждебном стане // Материалы межвузовской конференции, посвященной 65-летию полного снятия блокады Ленинграда (Санкт-Петербург, 18 декабря 2008 г.). СПб.: Книжный дом, 2009. С. 18–22.

Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в информационном противоборстве в годы Второй мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012. 582 с.

Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в историях обороны крепостей: монография. СПб.: Санкт-Петербургская академия СК РФ, 2021. 142 с.

Кутузов В.А. Возрождение земли ленинградской: коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1985. 246 с.

Ломагин Н.А. Учет и контроль – основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3 (23). С. 155–182.

Ломагин Н.А. Особенности оккупационной политики Германии на территории Ленинградской области в 1941–1942 гг. // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию освобождения Дона и Донбасса (Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2023. С. 269–278.

Непокоренный Ленинград: Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А.Р. Дзенискевич В.М. Ковальчук, В.А. Шишкин и др. 3-е изд., перераб. и доп. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985. 327 с.

Никитин М.Н. Партизанская война в Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1943. 234 с.

Новгородские партизаны: партизанское движение на Новгородской земле в 1941–1944 гг.: сб. док-тов и восп. / сост. С.Ф. Витушкин и др. Великий Новгород: ГАНПИНО, 2001. 464 с.

Псковщина партизанская: воспоминания участников партизанского движения / сост. В.А. Акатов; лит. обраб. П.Г. Осокина. Л.: Лениздат, 1979. 271 с.

Пянкевич В.Л. Разрушения блокадного Ленинграда в дневниках, письмах, фотографиях и живописи очевидцев // Вопросы истории. 2022. № 11-3. С. 54–67.

Пянкевич В.Л. «Ты что вспухла?» – «Туфли починила». Ремонт и изготовление обуви в блокированном Ленинграде // Клио. 2023. № 11 (203). С. 113–117.

Пянкевич В.Л. Неформальные практики в сфере услуг в блокадном Ленинграде // От прорыва блокады Ленинграда до Курской битвы: сб. мат-лов междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Санкт-Петербург, 25–27 мая 2023 г.). СПб.: Нестор-История, 2023. С. 45–48.

Рябков А.М. О работе промышленных предприятий Ленинграда в 1941 году // Техно-логос. 2021. № 2. С. 14–29.

Рябков А.М. Ленинград-1941. Сделано для фронта // Новый часовой. 2022. № 25. С. 70–99.

Рябков А.М., Тюменцев И.О. Из личного дела главного конструктора артиллерийского бюро Кировского завода И.А. Маханова // Русский архив. 2022. № 10 (1). С. 27–49.

Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. 696 с.

Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 2. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2015. 526 с.

Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 3. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2017. 748 с.

Ходяков М.В. Ограничительные практики предоставления жилья в Ленинграде на завершающем этапе Великой Отечественной войны // От прорыва блокады Ленинграда до Курской битвы: сб. мат-лов междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Санкт-Петербург, 25–27 мая 2023 г.). СПб.: Нестор-История, 2023. С. 55–59.

References

Akatov, V.A. (Comp.). (1979). *Pskovshchina partizanskaya: Vospominaniya uchastnikov partizanskogo dvizheniya* [Partisan Pskov Region: Memoirs of Participants in the Partisan Movement]. Leningrad, Lenizdat. 271 p.

Astashkin, D.Yu., Kovalev, B.N., Kulik, S.V. (2016). *Okkupatsiya. Soprotivlenie. Vozmezhdie: natsistskiy rezhim na Novgorodskoy zemle* [Occupation. Resistance. Retribution: The Nazi Regime in the Novgorod Region]. Velikiy Novgorod. 276 p.

Astashkin, D.Yu., Kovalev, B.N., Kulik, S.V. (2018). *Natsistskiy rezhim na Severo-Zapade Rossii. Okkupatsiya. Soprotivlenie. Vozmezhdie* [Nazi Regime in the North-West of Russia. Occupation. Resistance. Retribution]. St. Peterburg. 420 p.

Bernev, S.K. (2008). Periodicheskaya pechat' na okkupirovannoy territorii Severo-Zapada RSFSR (1941–1944) [Periodical Press on the Occupied Territory of the North-West of the RSFSR (1941–1944)]. In *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 49, pp. 9–11.

Bernev, S.K. (2018). Voprosy protivodeystviya reabilitatsii natsistskikh prestupnikov [Issues of Counteracting the Rehabilitation of Nazi Criminals]. In *Pravda i Zakon*. No. 1 (3), pp. 12–17.

Boldovskiy, K.A. (2019). Aktual'nye voprosy issledovaniy upravlencheskikh kadrov Leningrada perioda oborony i blokady goroda [Topical Issues in the Study of Administrative Personnel of Leningrad during the Defense and Siege of the City]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 3 (23), pp. 110–116.

Boldovskiy, K.A. (2020). Partiynyy apparat Leningrada kak element upravlencheskoy struktury goroda perioda blokady [The Party Apparatus of Leningrad as an Element of the City's

Management Structure during the Siege of Leningrad]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 3 (27), pp. 201–215.

Boldovskiy, K.A. (2022). Blokadnyy Leningrad: novye istochniki i issledovaniya (2015–2021) [Blockade Leningrad: New Sources and Research (2015–2021)]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 135–145.

Boldovskiy, K.A. (2022). Rukovodyashchie kadry blokadnogo Leningrada v nomenklature TsK VKP(b) [Executives of Besieged Leningrad in the Nomenclature of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 12, No. 4, pp. 840–852.

Dzeniskevich, A.R., Kovalchuk, V.M., Shishkin, V.A. (1985). *Nepokorennyy Leningrad: Kratkiy ocherk istorii goroda v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Unconquered Leningrad: A Brief Essay on the City's History During the Great Patriotic War]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 327 p.

Gavrilova, O.A. (2023). Leningradskiy upravkhoz v gody blokady: zona otvetstvennosti i obraz [Leningrad Housing Management during the Siege: Scope of Responsibility and Image]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 28, No. 1, pp. 85–93.

Khodyakov, M.V. (2023). Ogranichitel'nye praktiki predostavleniya zhilya v Leningrade na zavershayushchem etape Velikoy Otechestvennoy voyny [Restrictive Practices for Providing Housing in Leningrad at the Final Stage of the Great Patriotic War]. In *Ot proryva blokady Leningrada do Kurskoy bitvy: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu korennoy pereloma v Velikoy Otechestvennoy voyne*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 55–59.

Kovalev B.N., Kulik, S.V., Astashkin, D.Yu. (2019). *Zabveniyu ne podlezhit: okkupatsiya, soprotivlenie, vozmezhdie* [Not to Be Forgotten: Occupation, Resistance, Retribution]. Moscow, Prosveshchenie. 287 p.

Krasnozhenova, E.E., Kulik, S.V. (2021). Formy i metody povysheniya proizvoditel'nosti truda na oboronnykh predpriyatiyakh blokadnogo Leningrada [Forms and Methods for Improving Labor Productivity at Defense Enterprises of Blockaded Leningrad]. In *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. No. 4, pp. 106–111.

Krasnozhenova, E.E., Kulik, S.V. (2022). Vosstanovlenie i tekhnicheskaya modernizatsiya predpriyatiy leningradskoy promyshlennosti (1942–1945) [Restoration and Technical Modernization of Leningrad Industry Enterprises (1942–1945)]. In *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. No. 5, pp. 168–172.

Krasnozhenova, E.E., Kulik, S.V., Prishchepa, A.S. (2023). Nauchno-proizvodstvennaya deyatel'nost' leningradskikh vuzov v gody blokady (na primere Leningradskogo politekhnicheskogo instituta im. M.I. Kalinina) [Scientific and Industrial Activities of Leningrad Universities During the Siege of Leningrad (Based on the Example of the M.I. Kalinin Leningrad Polytechnic Institute)]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. No. 3, pp. 40–46.

Kutuzov, A.V. (2009). Informatsionnaya voyna osazhdennoy Leningrada i ispol'zovanie ee metodov vo vrazhdebnoy stane [Information War of Besieged Leningrad and the Use of Its Methods in a Hostile Camp]. In *Materialy mezhdvuzovskoy konferentsii, posvyashchennoy 65-letiyu polnogo snyatiya blokady Leningrada (St. Petersburg, 18 dekabrya 2008 g.)*. St. Petersburg, Knizhnyy dom, pp. 18–22.

Kutuzov, A.V. (2012). *Blokada Leningrada v informatsionnom protivoborstve v gody Vtoroy mirovoy voyny* [The Siege of Leningrad in the Information Confrontation during the Second World War: Doctoral Thesis in History], Dr. hist. sci. diss. abstract. St. Petersburg. 582 p.

Kutuzov, A.V. (2021). *Blokada Leningrada v istoriyakh oborony krepostey: monografiya* [The Siege of Leningrad in Fortress Defense Histories: Monograph]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskaya akademiya SK RF. 142 p.

Kutuzov, V.A. (1985). *Vozrozhdenie zemli leningradskoy: Kommunisty v avangarde vosstanovleniya narodnogo khozyaystva leningradskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy vojny* [The Revival of the Leningrad Land: Communists at the Forefront of Restoring the National Economy of the Leningrad Region during the Great Patriotic War]. Leningrad, Lenizdat. 246 p.

Lomagin, N.A. (2019). Uchet i kontrol' – osnova sotsializma: razmyshleniya o vnutrennikh prichinakh goloda v Leningrade osen'yu i zimoy 1941–1942 [Accounting and Control as the Basis of Socialism: Reflections on the Internal Causes of Famine in Leningrad in the Autumn and Winter of 1941–1942]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 3 (23), pp. 155–182.

Lomagin, N.A. (2023). Osobennosti okkupatsionnoy politiki Germanii na territorii Leningradskoy oblasti v 1941–1942 [Features of the German Occupation Policy on the Territory of the Leningrad Region in 1941–1942]. In *Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvoly: materialy IV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 80-letiyu osvobozhdeniya Dona i Donbassa (Rostov-na-Donu, 05–08 iyulya 2023 g.)*. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo TuNTs RAN, pp. 269–278.

Nikitin, M.N. (1943). *Partizanskaya vojna v Leningradskoy oblasti* [Partisan Warfare in the Leningrad Region]. Leningrad, Lenizdat. 234 p.

Pyankevich, V.L. (2022). Razrusheniya blokadnogo Leningrada v dnevnikakh, pis'makh, fotografiyakh i zhivopisi ochevidtsev [Destruction of Besieged Leningrad in Diaries, Letters, Photographs, and Paintings of Eyewitnesses]. In *Voprosy istorii*. No. 11-3, pp. 54–67.

Pyankevich, V.L. (2023). “Ty chto vspukhla?” – “Tufli pochinila”. Remont i izgotovlenie obuvi v blokirovannom Leningrade [“Why Are You Swollen?” – “I Fixed My Shoes”. Shoe Repair and Manufacturing in Besieged Leningrad]. In *Klio*. No. 11 (203), pp. 113–117.

Pyankevich, V.L. (2023). Neformal'nye praktiki v sfere uslug v blokadnom Leningrade [Informal Practices in the Service Sector in Besieged Leningrad]. In *Ot proryva blokady Leningrada do Kurskoy bitvy: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu korenного pereloma v Velikoy Otechestvennoy vojne*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 45–48.

Ryabkov, A.M. (2021). O rabote promyshlennykh predpriyatiy Leningrada v 1941 godu [On the Work of Industrial Enterprises of Leningrad in 1941]. In *Tekhnologos*. No. 2, pp. 14–29.

Ryabkov, A.M. (2022). Iz lichnogo dela glavnogo konstruktora artilleriyskogo byuro Kirovskogo zavoda I.A. Makhanova [From the Personal File of the Chief Designer of the Artillery Bureau of the Kirov Plant, I.A. Mahanov]. In *Russkiy arkhiv*. No. 10 (1), pp. 27–49.

Ryabkov, A.M. (2022). Leningrad-1941. Sdelano dlya fronta [Leningrad-1941. Made for the Front]. In *Novyy chasovoy*. No. 25, pp. 70–99.

Sobolev, G.L. (2013). *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga 1* [Leningrad in the Struggle for Survival in the Blockade. Book 1]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 696 p.

Sobolev, G.L. (2015). *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga 2* [Leningrad in the Struggle for Survival in the Blockade. Book 2]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 526 p.

Sobolev, G.L. (2017). *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga 3* [Leningrad in the Struggle for Survival in the Blockade. Book 3]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 748 p.

Vitushkin, S.F. et al. (2021). *Novgorodskie partizany: partizanskoe dvizhenie na Novgorodskoy zemle v 1941–1944: sbornik dokumentov i vospominaniy* [Novgorod Partisans: The Partisan Movement in the Novgorod Region in 1941–1944: A Collection of Documents and Memoirs]. Velikiy Novgorod, GANPINO. 464 p.

С.И. Сивцева*

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ИСТОРИОГРАФИИ ЯКУТИИ**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-19
УДК 94"1941/1945"(571.56)*Выходные данные для цитирования:
Сивцева С.И. Великая Отечественная война в историографии Якутии // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 245–257.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-19.pdf>*

S.I. Sivtseva*

**THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN HISTORIOGRAPHY OF YAKUTIA**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-19

*How to cite:
Sivtseva S.I. The Great Patriotic War in Historiography of Yakutia // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 245–257.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-19.pdf>]*

Abstract. More than 80 years of research have allowed building a significant collection of scientific literature and popular science publications. The article gives a brief historiographical review of historical research on the Great Patriotic War conducted in Yakutia, with a particular focus on publications of recent years. Studies of the Yakut history during the Great Patriotic War began even before the end of the war, in the 1940s. The Soviet historiography included works by A.E. Mordinov, D.D. Izbekov, D.D. Petrov, and others. A new round of research from the second half of the 1980s the 1990s, beyond the scope of the Marxism-Leninism methodology, has resulted in the objective presentation of the mainly tragic pages of history. These are publications by E.E. Alekseev, I.S. Sivtsev, S.E. Nikitina, Yu.D. Petrov, S.I. Sivtseva, journalists D.V. Kusturov, D.N. Gavriliev, and others. Later works about military everyday life were published by M.E. Gryaznukhina, N.D. Vasilieva, A.D. Vinokurov, I.E. Neghenbli, S.I. Boyakova, and others. The books about the previously unknown history of cargo transportation of the gold-producing Allah-Yun have been published. One of the chapters of the third volume (20th – early 21st centuries) of the recently published three-volume edition of “History of Yakutia” is dedicated to the Great Patriotic War. The book is based on the analysis and reconsidering of the previous historiography, and introduction of a wide range of new sources into scientific circulation. Today, the preservation of historical memory is becoming a topical issue, with its coverage found in the results of scientific research and materials of conferences and round table discussions. The article attempts to outline new tasks and areas for future research on the history of Yakutia during the Great Patriotic War, including the historical demography. The numbers of people mobilized to the front, prisoners of war, and the demobilized require clarification. The history of the Yakut people’s participation in the war with militaristic Japan remains understudied. The question why the widespread famine and the resulting high mortality became possible deep in the rear remains unresolved. The number of population in Yakutia during the Great Patriotic War and, accordingly, the size of migration flows, natural population movement, calculation of the percent error of current statistical records must be updated using new materials such as the data of settlement councils. The findings of further research should shape the calculations of human losses, confirming or to refuting past research results).

Keywords: History, historiography, Great Patriotic War of 1941–1945, Yakutia, historical memory.

* **Саассылана Иннокентьевна Сивцева**, доктор исторических наук, доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия, e-mail: ivlana@list.ru
Saassylana Innokentyevna Sivtseva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, e-mail: ivlana@list.ru

The article has been received by the editor on 29.01.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. За более чем 80 лет исследований сложился весьма значительный комплекс как научной литературы, так и научно-популярных изданий. В статье автор задается целью дать краткий историографический обзор исторических исследований в Якутии по периоду Великой Отечественной войны, притом значительное внимание уделяется изданиям последних лет. Изучение истории Якутии в годы Великой Отечественной войны началось еще до окончания войны, в 1940-е. Советскую историографию представили работы А.Е. Мординова, Д.Д. Избекова, Д.Д. Петрова и др. Со второй половины 1980-х и в 1990-е гг. начинается «новый виток» исследований, вне рамок методологии марксизма-ленинизма, что приводит к объективному изложению во многом трагических страниц истории. Это публикации Е.Е. Алексеева, И.С. Сивцева, С.Е. Никитиной, Ю.Д. Петрова, С.И. Сивцевой, журналистов Д.В. Кустурова, Д.Н. Гаврильева и др. Позднее вышли работы М.Э. Грязнухиной, Н.Д. Васильевой, А.Д. Винокурова, И.Е. Негенбли, С.И. Бояковой и др., посвященные военной повседневности. Изданы книги, посвященные ранее неизвестной истории грузоперевозок золотопромышленного Аллах-Юня. Недавно вышло трехтомное издание «История Якутии», где в третьем томе (XX – начало XXI вв.) одна из глав посвящена Великой Отечественной войне. Книга написана на основе анализа и переосмысления предшествующей историографии, введения в научный оборот широкого круга новых источников. Сегодня актуализируется тема сохранения исторической памяти. По этой проблеме издаются как результаты научных исследований, так и материалы конференций и круглых столов. Обозначены новые задачи и перспективные направления исследований истории Якутии в годы Великой Отечественной войны, в том числе в области исторической демографии. Требуют уточнения цифры мобилизованных на фронт, военнопленных, демобилизованных. Остается малоизученной история участия якутян в войне с милитаристской Японией. Открыт вопрос возникновения массового голода и высокой смертности от него, почему это стало возможным в глубоком тылу. Есть необходимость уточнения численности населения Якутии в годы Великой Отечественной войны по новым материалам – данным поселковых советов, и, соответственно, размера миграционных потоков, естественного движения населения, расчета процента погрешности текущего статистического учета. Результаты дальнейших исследований должны повлиять на итоговую составляющую – расчеты размеров людских потерь (подтвердить прошлые результаты исследований или, наоборот, опровергнуть их).

Ключевые слова: история, историография, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Якутия, историческая память.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025 г.

Историографический обзор. Данная статья посвящена историографическому обзору основных исследований по истории Якутии в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание будет уделено изданиям последних лет.

Тема Великой Отечественной войны, участия в ней якутян уже была поднята в работах 1944 г. А.Е. Мординова, Г.В. Попова¹. Небольшие по объему брошюры написаны с целью

¹ Мординов А.Е. Якутия в Великой Отечественной войне Советского Союза. Якутск, 1944; Попов Г.В. Все для фронта, все для победы! Трудящиеся Якутской АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Якутск, 1944.

патриотического воспитания молодежи. После войны изучению героических подвигов фронтовиков-якутян посвящены работы Д.Д. Избекова².

С 1960-х гг. изучением истории Великой Отечественной войны занимался Д.Д. Петров. Результатами его кропотливого труда стало не только издание сборников документов и материалов³ (в соавторстве), но и монографий⁴. Благодаря его изысканиям стали известны основные сражения, в которых принимали участие якутяне, были открыты новые имена героев Советского Союза, показан вклад населения республики в Победу. В 1992 г. в монографии, посвященной истории тыла, Д.Д. Петров поставил новую научную проблему определения людских потерь, чурапчинского переселения, а также спецпереселенцев⁵. Наряду с Д.Д. Петровым нужно выделить и работы И.А. Аргунова⁶, посвященные также и социальным аспектам истории 1941–1945 гг. Отметим, что издания упомянутых книг Д.Д. Петрова, И.А. Аргунова во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. стали возможны в связи с начавшейся либерализацией общественной жизни.

Вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг., как мы знаем, отмечена открытием архивов, изучением «белых пятен», новым прочтением отечественной истории. Поставленные в вышеназванных монографиях Д.Д. Петрова и И.А. Аргунова исследовательские заделы и проблемы актуализируются и приобретают «новое дыхание» в 1990–2000-е гг. Появляются работы историков, журналистов и краеведов, основанные преимущественно на документальных, архивных источниках, воспоминаниях старшего поколения, которые раскрывают ранее закрытые темы: факты массового голода и высокой смертности от нее в годы Великой Отечественной войны, вопросы, связанные с определением размеров мобилизации якутян на фронт, чурапчинским переселением 1942 г., спецпереселенцами. Это публикации Е.Е. Алексеева, И.С. Сивцева, С.Е. Никитиной, Ю.Д. Петрова, С.И. Сивцевой, журналистов Д.В. Кустурова, Д.Н. Гаврильева⁷ и др., а также сборники статей, материалов конференций, круглых столов и др.⁸

² Избеков Д.Д. Якутяне – герои Великой Отечественной войны. Якутск, 1961; Избеков Д.Д. Якутяне в боях за Родину. Якутск, 1966; Избеков Д.Д. Якутяне в небе фронтовом. Якутск, 1970.

³ Во имя победы. Помощь трудящихся Якутии фронту в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (Личными средствами): сб. док-тов и мат-лов. Якутск, 1965; Вклад народов Якутии в дело Победы (1941–1945 гг.): док-ты и мат-лы: в 3 т. Т. 1: Якутяне на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза. Якутск, 1968; Т. 2: Трудовой подвиг трудящихся Якутии. Якутск, 1985; Т. 3: Всенародная помощь фронту. Якутск, 1983.

⁴ Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 1: Якутяне в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Якутск, 1979; Ч. 2: Трудящиеся Якутии в тылу. Якутск, 1992; Петров Д.Д. Якутяне в боях за Ильмень. Якутск, 1968.

⁵ Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2...

⁶ Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа: историко-социологическое исследование образа жизни. Новосибирск, 1985; Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР: история формирования и современные проблемы. Якутск, 1988.

⁷ Алексеев Е.Е. Борьба с голодом (к 100-летию со дня рождения И.Е. Винокурова) // Полярная звезда. 1994. № 5. С. 156–165; Алексеев Е.Е. Голод и борьба с ним // Великая Отечественная: Значение и уроки победы: мат-лы науч.-практ. конф. Якутск, 1995. С. 110–118; Алексеев Е.Е. Жизнь и деятельность И.Е. Винокурова (1896–1937 гг.). Якутск, 1995; Сивцев И.С. Трагедия и героизм народов Якутии в годы Великой Отечественной войны // Сб. мат-лов науч. конф. преподавателей и студентов Якутского сельскохозяйственного института, посвящ. 50-летию Победы. Якутск, 1995. С. 3–5; Никитина С.Е. Голод в Якутии в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная: значение и уроки победы: мат-лы науч.-практ. конф. Якутск, 1995. С. 104–109; Петров Ю.Д. Вклад Якутии в дело Победы. 1941–1945 гг. Якутск, 2010; Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1998; Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск, 2000; Кустуров Д.В. Сэрии уонна Саха сириин дьоно: ыстатыйалар, очеркалар (перевод авт.: Война и люди якутской земли: статьи, очерки). Якутск, 1995; Гаврильев Д.Н. «Амма» совхоз: 1930–2000 сс. (перевод авт.: Совхоз «Амма»: 1930–2000 гг.). Якутск, 2000; и др.

⁸ Чурапчы алдьархайа: ыстатыйалар, докумуоннар, ахтыылар, уус-уран айымньылар. (перевод авт.: Беда Чурапчи: статьи, документы, воспоминания, художественная литература). Якутск, 1993; И.Е. Винокуров (Роль личности в развитии республики): мат-лы науч.-практ. конф. Якутск, 1996; Сэрии сылларыгар детдом баар буолан...: Ахтыылар. Ыстатыйалар. Докумуоннар. (перевод авт.: В годы войны благодаря детдому... Воспоминания. Статьи. Документы). Якутск, 2000; Ким да умнуллубат, туох да умнуллубат: ыстатыйалар, ахтыылар, докумуоннар, испиһэктэр (перевод авт.: Никто не забыт, ничто не забыто: статьи, воспоминания, документы, списки). Кн. 1–3. Якутск, 2001–2022; и др.

В 1990-е гг. началась большая работа по созданию книги-мемориала «Память» с целью уточнения поименных списков мобилизованных на фронт якутян. Всего вышло десять книг, из них посвященных воинам-якутянам – восемь и посвященных ветеранам тыла – две⁹.

Историками Института гуманитарных проблем издана книга «Народ саха от века к веку» (2003). История Якутии в годы Великой Отечественной войны была описана вкратце, в контексте открывшихся в 1990-е гг. фактов¹⁰.

С.И. Сивцевой изучаются проблемы, связанные с демографией и людскими потерями Якутии. Основываясь на материалах Всесоюзных переписей населения 1937 г. (так называемой «репрессированной» переписи), 1939 г. (известна как «сфальсифицированная» перепись; в то же время выявлена достоверность ее материалов для Якутии) и 1959 г., а также данных текущей статистики, было показано состояние численности жителей накануне войны, размеры людских потерь Якутии в 1941–1945 гг., причины массовой смертности якутян. Установлено, что численность населения Якутии за годы Великой Отечественной войны сократилась на 13 % (что сопоставимо с размерами людских потерь по СССР), а численность ее сельского населения – на 24 %. Выявлены численность, состав спецпоселенцев в Якутии с начала 1930-х вплоть до середины 1950-х гг., уточнено их расселение по спецпоселкам республики, естественное и миграционное движение, условия жизни и труда¹¹.

Тем не менее остаются следующие проблемы: необходимость уточнения численности населения Якутии в годы Великой Отечественной войны по новым материалам – данным поселковых советов, размера миграционных потоков, естественного движения населения, выявления процента погрешности статистического учета. Результаты дальнейших исследований могут повлиять на итоговую составляющую – расчеты размеров людских потерь (подтвердить прошлые результаты исследований, конкретизировать или, наоборот, опровергнуть их).

В начале 2000-х гг. вышли работы М.Э. Грязнухиной, Н.Д. Васильевой, А.Д. Винокурова, А.И. Макаровой и Е.А. Леонтьевой¹², посвященные военной повседневности. Некоторые аспекты образовательных процессов в Якутии освещены в монографии Ю.Д. Петрова¹³, а науки – в книге Е.П. Антонова и М.Э. Грязнухиной¹⁴. Перегоночной трассе Аляска – Сибирь, участием авиаторов-якутян в боях Великой Отечественной войны посвящены работы И.Е. Негенбли¹⁵. Статья С.И. Бояковой «Ленд-лиз и Якутия: плавание на восточном участке Северного морского пути в годы Великой Отечественной войны»¹⁶ посвящена роли грузоперевозок в рамках программы ленд-лиза из США через порты Тихого и Северного Ледовитого океанов.

Сотрудники Национального архива Республики Саха (Якутия) вносят весомый вклад в историографию Великой Отечественной войны. Так, благодаря многолетнему труду в архивах нашей страны архивиста А.А. Калашникова появились новые сведения об яку-

⁹ Память. Книга-мемориал... Кн. 1–10. Якутск, 1992–2009.

¹⁰ Народ саха от века к веку. Новосибирск, 2003.

¹¹ Сивцева С.И. Спецпоселенцы в Якутии в 1930 – 1950-х гг. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 108–117.

¹² Грязнухина М.Э. Якутия в Великой Отечественной войне: тыл // Россия и Якутия: сквозь призму истории. Якутск, 2007. С. 174–186; Васильева Н.Д. Повседневность сельского населения Якутии в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в региональном измерении: мат-лы Всерос. науч. конф. Орел, 2015. С. 136–145; Винокуров А.Д. Жилищно-бытовые условия жизни населения виллойской группы районов Якутской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Молодой ученый. 2015. № 17.1 (97.1). С. 8–11; Винокуров А.Д. «Рыба – фронту!»: Чурапчинская трагедия 1942–1944 гг.: из истории трудовых мобилизаций в Якутской АССР // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 1. С. 81–89; Макарова А.И., Леонтьева Е.А. Заречные районы Якутии в годы Великой Отечественной войны: социально-экономический аспект // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 7. С. 1321–1325; и др.

¹³ Петров Ю.Д. В годы суровых испытаний (Якутский пединститут в 1941–1945 гг.). Якутск, 2005.

¹⁴ Антонов Е.П., Грязнухина М.Э. Наука Якутии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): научная деятельность и ратный подвиг. Якутск, 2010.

¹⁵ Негенбля И.Е. Аляска–Сибирь: трасса мужества. Якутск, 2000; Негенбля И.Е. Авиаторы Якутии в годы войны. Якутск, 2015 и др.

¹⁶ Боякова С.И. Ленд-лиз и Якутия: плавание на восточном участке северного морского пути в годы Великой Отечественной войны // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1 (10). С. 6–11.

тягах-участниках Великой Отечественной войны¹⁷. В 2012 г. был выпущен сборник документов из фондов Национального архива Республики Саха (Якутия) «Трудный путь к Победе (1940-1950 гг.)»¹⁸. Кроме того, сотрудниками Национального архива создан электронный архив – онлайн-база фронтовиков с поиском по именам и фамилиям (в базе данных более 61 тыс. фронтовиков)¹⁹. Архивисты выполняют работу и по поступающим от поисковиков запросам. Так, недавно было установлено имя якутянина, без вести пропавшего в 1942 г., Дмитрия Федоровича Колесова²⁰.

В эти годы было выпущено значительное количество работ по истории улусов в 1941–1945 гг. Это не только юбилейные издания, но и исследовательские работы²¹. Среди них отметим книгу, посвященную ранее неизвестной истории грузоперевозок Аллах-Юня – перспективного золотопромышленного района республики в годы войны²².

Современную отечественную историографию невозможно представить без недавно изданной книги «История Якутии» (в трех томах), где в третьем томе (XX – начало XXI вв.)²³ одна из глав посвящена Великой Отечественной войне. Если в прошлом издании «Истории Якутии» 1963 г. многие проблемы были только заявлены (чурапчинское переселение, неурожай и засуха, приведшие к неурожаю, и др.), то в новой «Истории Якутии» авторы на основе последних актуальных исследований попытались разобраться в причинах и следствиях тяжелых событий. Была подробно описана общественно-политическая обстановка в условиях военного времени (повышение роли советов, профсоюзов, женсоветов; отмечена востребованность системы назначения вместо практики выборов; роковая роль политики Якутского обкома ВКП(б) в руководстве сельским хозяйством и т.д.), подробно описано участие воинов-якутян в Великой Отечественной войне и разгроме милитаристской Японии (уточнены дивизии и сражения, где воевали якутяне; рассмотрены подвиги якутян-фронтовиков; доказано, что ввиду отсутствия в северных районах военкоматов призыва на фронт вплоть до войны с Японией, до 1945 г., не было), конкретизирована всенародная помощь фронту и освобожденным от оккупации территориям, подробно изложено развитие промышленности и транспорта, положение в сельском хозяйстве, описана социально-демографическая ситуация, а также весьма подробно изучены культура и наука в 1941–1945 гг. Последняя тема в «Истории Якутии» 1963 г. была сильно сокращена, буквально до двух страниц. А социально-демографическая ситуация и вовсе не разбиралась.

Сегодня можно выделить следующие проблемы в изучении истории Якутии в годы Великой Отечественной войны. Это прежде всего определение размеров мобилизации

¹⁷ Воины-якутяне – участники освобождения народов Европы от фашизма, 1944–1945. Якутск, 2009; Танковая колонна «Советская Якутия», 1941–1945. Якутск, 2009; Воины-якутяне в битве на Курской дуге: 5 июля – 23 августа 1943 г. Якутск, 2015; Воины-якутяне в битве за Крым, 8 апреля – 12 мая 1944 г. Якутск, 2016; *Калашников А.А.* Воины-якутяне в Сталинградской битве: 17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г. Якутск, 2019; Якутяне в боях за освобождение земли Новгородской. 1941–1944 гг. Якутск, 2023; и др.

¹⁸ Трудный путь к Победе (1940–1950 гг.): сб. док-тов из фондов Национального архива Республики Саха (Якутия). Якутск, 2012.

¹⁹ История Якутии. XX век [Электронный ресурс] // Якутия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: <https://history-yakutia.ru/temy/yakutiya-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-1945-gg> (дата обращения: 04.01.2025).

²⁰ ГКУ РС(Я) «Национальный архив Республики Саха (Якутия)» [Электронное издание] // Мира Ким. Архивисты установили имя якутянина без вести пропавшего в 1942 году. URL: <https://archivesakha.ru/2024/08/27/arhivisty-yakutii-smogli-ustanovit-imya-bojczha-yakutyana/> (дата обращения: 04.01.2025).

²¹ *Павлов А.А.* Судьбы чурапчинцев на Кобяйской земле: трагедия войны // Кобяйский улус: история, культура, фольклор. Якутск, 2007. С. 121–127; *Игнатьева В.Б.* Кобяйский район в годы Великой Отечественной войны // Кобяйский улус: история, культура, фольклор. Якутск, 2007. С. 100–109; *Макарова А.И., Лазарев И.И.* Учителя истории Чурапчинского района – участники Великой Отечественной войны // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Сер.: История. Политология. Право. 2020. № 1 (17). С. 5–13; *Яковлева А.В., Сивцева С.И.* Эльгяйский наслег Сунтарского улуса Якутии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Сер.: История. Политология. Право. 2023. № 3 (31). С. 51–57; и др.

²² Трудовой подвиг колхозников-грузоперевозчиков на Аллах-Юнь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Якутск, 2017.

²³ История Якутии: в 3 т. Новосибирск, 2021. Т. 3.

на фронт. В последней книге Д.Д. Петрова есть цифра призванных на фронт с начала войны по 1 января 1945 г. – 59 351 (сумма в таблице в разрезе районов)²⁴, в «Истории Якутии» (2021) за этот же период (1941–1944 гг.) – 59 238 чел.²⁵ Если учесть призыв 1945 г. (более 4,6 тыс. чел. пришло на призывные пункты²⁶), то показатель будет только возрастать. В книге «История Якутии» (2021) рассматривается величина свыше 62 тыс. чел.²⁷, однако точной цифры мы не знаем.

Размеры безвозвратных потерь мобилизованных также неизвестны. Есть предположения, что в данном случае потери могли составить свыше 25 тыс. чел.²⁸ или от 31–32 тыс. до 38,4 тыс. чел.²⁹ Остается открытым также вопрос с военнопленными³⁰ – сколько их было, какое наказание они понесли и смогли ли возвратиться домой.

Сколько фронтовиков возвратилось на Родину? Этот вопрос также требует уточнения. Так, по одной версии, всего с начала демобилизации по 1 марта 1947 г. прибыло 12 440 фронтовиков. Кроме того, на 1 января 1945 г. насчитывалось 3 754 участника войны, вернувшихся по ранению (часть якутян еще продолжала служить в рядах Красной армии)³¹. По другой версии, по данным Военного комиссариата ЯАССР за 1947 г., всего вернулось с фронта 15 754 чел., без учета 3 754 комиссованных ранее по ранению бойцов³².

Важно отметить, что остается малоизученной история участия якутян в войне с милитаристской Японией³³. Известно, что в ней участвовало около 1 тыс. воинов из Якутии³⁴.

Есть и вопросы, касающиеся экономической истории Якутии в 1941–1945 гг. Доказано, что в республике наблюдались явления массового голода и смертности от него. Показатели смертности в Якутской АССР почти в два раза были выше аналогичных показателей в Сибири³⁵. Однако каковы были причины столь тяжелого положения населения? Вторая волна сплошной коллективизации, начавшаяся накануне, в 1939 г.³⁶ Политика Якутского обкома ВКП(б) в отношении сельского хозяйства?³⁷ Тяжелейшие засуха и неурожай 1939–1942 гг.³⁸

Как работала транспортная схема завоза продукции из Большой Земли? (Иркутска, Усть-Кут). Можно ли говорить о сокращении наименований завозимых продуктов питания или даже отсутствии их завоза в период с 1941 по 1945 г.? Напомним, что в 1942 г. в северные районы республики было перемещено более 9 тыс. спецпереселенцев – по тем временам большой приток людей. Вполне вероятно, что при малочисленности речных судов Ленского пароходства в самое тяжелое время, в 1942 г., наблюдалось сокращение объемов грузоперевозок. И это притом, что речные суда и баржи были задействованы и в перевозке значительного числа мобилизованных якутян на фронт.

В этой связи отметим, что грузы с продовольствием из США якутяне получали и по ленд-лизу (п. Тикси). Однако каков был объем поставляемой продукции питания и какова его роль в спасении местного населения, доподлинно неизвестно.

²⁴ Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2... С. 313.

²⁵ История Якутии. Новосибирск, 2021. Т. 3. С. 244.

²⁶ Там же. С. 247.

²⁷ Там же. С. 277.

²⁸ Там же. С. 247.

²⁹ Там же. С. 277.

³⁰ Грязнухина М.Э. Трагедия плена: о судьбах якутских военнопленных // Якутский архив. 2005. № 1. С. 40–43.

³¹ История Якутии. Новосибирск, 2021. Т. 3. С. 247.

³² Там же. С. 277.

³³ Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 1... С. 341, 342; Они защищали восточные рубежи России (1945 г.): воспоминания. Якутск, 2006; История Якутии. Новосибирск, 2021. Т. 3. С. 248.

³⁴ История Якутии. Новосибирск, 2021. Т. 3. С. 248.

³⁵ Там же. С. 279.

³⁶ Сивцева С.И. «Теперь неслыханное в века тяжелое время наступило»: демографические последствия коллективизации и Великой Отечественной войны в Якутской АССР (1928–1945 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. № 4 (38). С. 56–69.

³⁷ История Якутии. Новосибирск, 2021. Т. 3. С. 233, 269.

³⁸ Там же. С. 267, 268.

На ухудшении условий жизни населения сыграл и сам фактор войны – все усилия населения были мобилизованы на отпор врага, а требования к результатам работы и сборам всевозможной помощи возрастали.

Таким образом, краткий историографический обзор научных и научно-популярных исследований Республики Саха (Якутия) о Великой Отечественной войне обнаруживает необходимость дальнейшей разработки данной тематики. Особое внимание сегодня необходимо уделить и сохранению исторической памяти о героическом подвиге наших предков, тем более что актуальность изучения истории Великой Отечественной войны возрастает в связи с проведением Россией специальной военной операции.

Литература

Алексеев Е.Е. Борьба с голодом (к 100-летию со дня рождения И.Е. Винокурова) // Полярная звезда. 1994. № 5. С. 156–165.

Алексеев Е.Е. Голод и борьба с ним // Великая Отечественная: Значение и уроки Победы: мат-лы науч.-практ. конф. (18 апреля 1995 г.). Якутск: ИГИ, 1995. С. 110–118.

Алексеев Е.Е. Жизнь и деятельность И.Е. Винокурова (1896–1937 гг.). Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. 97 с.

Антонов Е.П., Грязнухина М.Э. Наука Якутии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): научная деятельность и ратный подвиг. Якутск: Феникс, 2010. 79 с.

Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа: историко-социологическое исследование образа жизни. Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.

Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР: история формирования и современные проблемы. Якутск: Кн. изд-во, 1988. 227 с.

Боякова С.И. Ленд-лиз и Якутия: плавания на восточном участке Северного морского пути в годы Великой Отечественной войны // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1 (10). С. 6–11.

Васильева Н.Д. Повседневность сельского населения Якутии в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в региональном измерении: мат-лы Всерос. науч. конф. (Орел, 23–24 апреля 2015 г.). Орел: Орлик, 2015. С. 136–145.

Винокурова Л.И. Великая Победа в повседневном пространстве сельской Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1 (10). С. 11–18.

Винокуров А.Д. Жилищно-бытовые условия жизни населения вилюйской группы районов Якутской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Молодой ученый. 2015. № 17.1 (97.1). С. 8–11.

Винокуров А.Д. «Рыба – фронту!»: Чурапчинская трагедия 1942–1944 гг.: из истории трудовых мобилизаций в Якутской АССР // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 1. С. 81–89.

Военный заказ: мат-лы краевед. конф. «Мои дедушка и бабушка строили военный аэродром», посвящ. 70-летию перегоночной трассы Аляска–Сибирь (Олекминск, 4 мая 2012 г.) / сост. Н.Я. Дехтяр. Олекминск: Межпоселенческая библиотека Олекминского района, 2012. 64 с.

Во имя победы. Помощь трудящихся Якутии фронту в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (Личными средствами): сб. док. и мат-лов / сост. Д.Д. Петров, И.Н. Семенов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. 202 с.

Война в истории моей семьи: книга, написанная школьниками. Якутск: РИЦ, 2021. 29 с.

Воины-якутяне в битве за Крым, 8 апреля – 12 мая 1944 г. / ред. А.А. Калашников. Якутск: РИО-Медиа-холдинг, 2016. 232 с.

Воины-якутяне в битве на Курской дуге: 5 июля – 23 августе 1943 г. / ред. А.А. Калашников. Якутск: РИО-Медиа-холдинг, 2015. 448 с.

Воины-якутяне – участники освобождения народов Европы от фашизма, 1944–1945 / ред. А.А. Калашников. Якутск: Якутский край, 2009. 436 с.

Вклад народов Якутии в дело Победы (1941–1945 гг.): док-ты и мат-лы: в 3 т. Т. 1: Якутяне на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза / ред. Д.Д. Петров. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1968. 370 с.

Вклад народов Якутии в дело Победы (1941–1945 гг.): док-ты и мат-лы: в 3 т. Т. 2: Трудовой подвиг трудящихся Якутии / ред. В.Н. Иванов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1985. 428 с.

Вклад народов Якутии в дело Победы (1941–1945 гг.): док-ты и мат-лы: в 3 т. Т. 3: Всенародная помощь фронту / ред. Д.Д. Петров. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1983. 344 с.

Габышев М.П. Неиссякаемая память народа. Якутск: Якутия, 2015. 168 с.

Гаврильев Д.Н. «Амма» совхоз: 1930–2000 сс. (перевод авт.: Совхоз «Амма»: 1930–2000 гг.) Якутск: Бичик, 2000. 129 с.

Грязнухина М.Э. Трагедия плена: о судьбах якутских военнопленных // Якутский архив. 2005. № 1. С. 40–43.

Грязнухина М.Э. Якутия в Великой Отечественной войне: тыл // Россия и Якутия: сквозь призму истории. Якутск: Медиа-Холдинг «Якутия», 2007. С. 174–186.

Игнатьева В.Б. Кобяйский район в годы Великой Отечественной войны // Кобяйский улус: история, культура, фольклор. Якутск, 2007. С. 100–109.

И.Е. Винокуров (Роль личности в развитии республики): мат-лы науч.-практ. конф. Намцы, 5 января, Якутск, 9 и 11 января 1996 г. / ред. В.И. Кузьмин. Якутск: Полиграфист, 1996. 111 с.

Избеков Д.Д. Якутяне – герои Великой Отечественной войны. Якутск: Якуткнигоиздат, 1961. 139 с.

Избеков Д.Д. Якутяне в боях за Родину. Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. 213 с.

Избеков Д.Д. Якутяне в небе фронтовом. Якутск: Кн. изд-во, 1970. 102 с.

История Якутии: в 3 т. Новосибирск: Наука, 2021. Т. 3. 592 с.

Калашников А.А. Воины-якутяне в Сталинградской битве: 17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г. Якутск: Медиа-холдинг, 2019. 432 с.

Ким да умнуллубат, туох да умнуллубат : ыстатыйалар, ахтыылар, докумуоннар, испи-иһэктэр (перевод авт.: Никто не забыт, ничто не забыто: статьи, воспоминания, документы, списки) / ред. В.Н. Луковцев. Кн. 1–3. Якутск: Бичик, 2001–2022.

Кустуров Д.В. Сэрии уонна Саха сиригэр дьонно : ыстатыйалар, очеркалар (перевод авт.: Война и люди якутской земли: статьи, очерки). Якутск: Бичик, 1995. 108 с.

Макарова А.И., Лазарев И.И. Учителя истории Чурапчинского района – участники Великой Отечественной войны // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Сер.: История. Политология. Право. 2020. № 1 (17). С. 5–13.

Макарова А.И., Леонтьева Е.А. Заречные районы Якутии в годы Великой Отечественной войны: социально-экономический аспект // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 7. С. 1321–1325.

Мординов А.Е. Якутия в Великой Отечественной войне Советского Союза. Якутск: Якутгиз, 1944. 52 с.

Народ саха от века к веку / Е.П. Антонов, А.А. Борисов, С.И. Боякова и др.. Новосибирск: Наука, 2003. 326 с.

Негенбля И.Е. Аляска – Сибирь: трасса мужества. Якутск: Якутский край, 2000. 272 с.

Негенбля И.Е. Авиаторы Якутии в годы войны. Якутск: Медиа-холдинг, 2015. 336 с.

Никитина С.Е. Голод в Якутии в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная: значение и уроки победы: мат-лы науч.-практ. конф. (18 апреля 1995 г.). Якутск: ИГИ, 1995. С. 104–109.

Они защищали восточные рубежи России (1945 г.): воспоминания / ред. А.А. Калашников. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2006. 182 с.

Павлов А.А. Судьбы чурапчинцев на Кобяйской земле: трагедия войны // Кобяйский улус: история, культура, фольклор. Якутск, 2007. С. 121–127.

Память. Книга-мемориал... / редкол. М.П. Габышев и др. Кн. 1–10. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1992–2009.

Петров Д.Д. Якутяне в боях за Ильмень. Якутск: Кн. изд-во, 1968. 24 с.

Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 1: Якутяне в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 356 с.

Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2: Трудящиеся Якутии в тылу. Якутск: Кн. изд-во, 1992. 320 с.

Петров П.Д. Достояние истории. Якутск: РИО медиа-холдинг, 2015. 248 с.

Петров Ю.Д. В годы суровых испытаний (Якутский пединститут в 1941–1945 гг.). Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2005. 144 с.

Петров Ю.Д. Вклад Якутии в дело Победы. 1941–1945 гг. Якутск: Сфера, 2010. 96 с.

Попов Г.В. Все для фронта, все для победы! Трудящиеся Якутской АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1944. 42 с.

Сивцев И.С. Трагедия и героизм народов Якутии в годы Великой Отечественной войны // Сб. мат-лов науч. конф. преподавателей и студентов Якутского сельскохозяйственного института, посвящ. 50-летию Победы. Якутск: ЯСХИ, 1995. С. 3–5.

Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1998. 24 с.

Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2000. 148 с.

Сивцева С.И. Спецпоселенцы в Якутии в 1930–1950-х гг. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 108–117.

Сивцева С.И. «Теперь неслыханное в века тяжелое время наступило»: демографические последствия коллективизации и Великой Отечественной войны в Якутской АССР (1928–1945 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. № 4 (38). С. 56–69.

Сивцева С.И. Великая Отечественная война в исторической памяти населения Якутии // Общество: философия, история, культура. 2016. № 12. С. 103–105.

Сэрии сылларыгар детдом баар буолан...: Ахтыылар. Ыстатыйалар. Докумуоннар. (перевод авт.: В годы войны благодаря детдому... Воспоминания. Статьи. Документы). Якутск: Сахаполиграфиздат, 2000. 216 с.

Танковая колонна «Советская Якутия», 1941–1945 / ред. А.А. Калашников. Якутск: Якутский край, 2009. 176 с.

Тарабукин Г.А., Сивцева С.И. Памятники Великой Отечественной войны г. Якутска и проблемы сохранения исторической памяти // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Сер.: История. Политология. Право. 2022. № 3 (27). С. 54–60.

Трудовой подвиг колхозников-грузоперевозчиков на Аллах-Юнь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / ред. Е.П. Антипов. Якутск: Алаас, 2017. 350 с.

Трудный путь к Победе (1940–1950 гг.): сб. док-тов из фондов Национального архива Республики Саха (Якутия) / ред. Н.С. Степанова. Якутск: Бичик, 2012. 536 с.

Чурапчы алдьархайа: ыстатыйалар, докумуоннар, ахтыылар, уус-уран айымньылар. (перевод авт.: Беда Чурапчи: статьи, документы, воспоминания, художественная литература) / ред. И.Е. Федосеев. Якутск: Бичик, 1993. 264 с.

Яковлева А.В., Сивцева С.И. Эльгыйский наслег Сунтарского улуса Якутии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: История. Политология. Право. 2023. № 3 (31). С. 51–57.

Якутяне в боях за освобождение земли Новгородской. 1941–1944 гг. / ред. А.А. Калашников. Якутск: Айар, 2023. 192 с.

References

Alekseev, A.N. (Ed.). (2021). *Istoriya Yakutii: v 3 tomakh* [History of Yakutia. In 3 Vol.]. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 592 p.

Alekseev, E.E. (1994). *Bor'ba s golodom (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.E. Vinokurova)* [Over Coming Famine (To the 100th Anniversary of the Birth of I.E. Vinokurov)]. In *Polyarnaya zvezda*. No. 5, pp. 156–165.

Alekseev, E.E. (1995). *Golod i bor'ba s nim* [Famine and its Relief]. In *Velikaya Otechestvennaya: Znachenie i uroki Pobedy: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 18 aprelya, 1995*. Yakutsk, IGI, pp. 110–118.

Alekseev, E.E. (1995). *Zhizn' i deyatel'nost' I.E. Vinokurova (1896–1937 gody)* [Life and Work of I.E. Vinokurov (1896–1937)]. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat. 97 p.

Antonov, E.P. (Ed.). (2017). *Trudovoy podvig kolkhoznikov-gruzoperevozchikov na Allah-Yun' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 godov* [Labour Feat of Collective Farmers-Cargo Carriers on Allah-Yun during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Yakutsk, Alaas. 350 p.

Antonov, E.P., Borisov, A.A., Boyakova, S.I. (2003). *Narod sakha ot veka k veku* [Sakha People from Century to Century]. Novosibirsk, Nauka. 326 p.

Antonov, E.P., Gryaznukhina, M.E. (2010). *Nauka Yakutii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gody): nauchnaya deyatel'nost' i ratnyy podvig* [Science in Yakutia during the Great Patriotic War (1941–1945): Scientific Activities and Feat of Arms]. Yakutsk, Feniks. 79 p.

Argunov, I.A. (1985). *Sotsial'noe razvitie yakutskogo naroda: istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie obraza zhizni* [Social Development of the Yakut People: Historical and Sociological Study of the Lifestyle]. Novosibirsk, Nauka. 319 p.

Argunov, I.A. (1988). *Sotsial'naya sfera obraza zhizni v Yakutskoy ASSR: istoriya formirovaniya i sovremennye problemy* [Social Aspect of the Lifestyle in the Yakut ASSR: History of Formation and Modern Challenges]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 227 p.

Boyakova, S.I. (2015). Lend-liz i Yakutiya: plavaniya na vostochnom uchastke severnogo morskogo puti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Lend-Lease and Yakutia: Voyages on the Eastern Section of the Northern Sea Route during the Great Patriotic War]. In *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. No. 1 (10), pp. 6–11.

Dekhtyar, N.Ya. (Comp.). (2012). *Voenny zakaz: materialy kraevedcheskoy konferentsii "Moi dedushka i babushka stroili voenny aerodrom", posvyashchennoy 70-letiyu peregonochnoy trassy Alyaska–Sibir', 4 maya 2012 goda, Olekminsk* [Military Order: Materials of a Local History Conference "My Grandfather and Grandmother Built a Military Airfield", Dedicated to the 70th Anniversary of the Alaska–Siberia Air Road, 4 May 2012, Olekminsk]. Olekminsk, Mezhpolelencheskaya biblioteka Olekminskogo rayona. 64 p.

Fedoseev, I.E. (Ed.). (1993). *Churapchy ald'arkhaia: ystatyialar, dokumuonnar, akhtyyalar, uus-uran aiymn'ylar. (perevod avtora: Beda Churapchi: stat'i, dokumenty, vospominaniya, khudozhestvennaya literatura)*. [Churapcha in Trouble: Articles, Documents, Memoirs, Fiction]. Yakutsk, Bichik. 264 p.

Gabyshv, M.P. (2015). *Neissyakaemaya pamyat' naroda* [Inexhaustible Memory of the Nation]. Yakutsk, Yakutiya. 168 p.

Gabyshv, M.P. et al. (Ed.). (1992–2009). *Pamyat'. Kniga-memorial... Knigi 1–10* [Remembrance. Memorial Book. Books 1–10]. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat.

Gavril'ev, D.N. (2000). "Amma" sovkhov: 1930–2000 ss. (perevod avtora: Sovkhov "Amma": 1930–2000 gody) [Amma State Farm: 1930–2000]. Yakutsk, Bichik. 129 p.

Gryaznukhina, M.E. (2005). Tragediya plena: o sud'bakh yakutskikh voennoplennykh [The Tragedy of Captivity: On the Fate of Yakut Prisoners of War]. In *Yakutskiy arkhiv*. No. 1, pp. 40–43.

Gryaznukhina, M.E. (2007). Yakutiya v Velikoy Otechestvennoy voyne: tyl [Yakutia in the Great Patriotic War: The Home Front]. In *Rossiya i Yakutiya: skvoz' prizmu istorii*. Yakutsk, Media-Kholding "Yakutiya", pp. 174–186.

Ignat'eva, V.B. (2007). Kobayayskiy rayon v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Kobayayskiy District during the Great Patriotic War]. In *Kobayayskiy ulus: istoriya, kul'tura, fol'klor*. Yakutsk, pp. 100–109.

Ivanov, V.N. (Ed.). (1985). Vklad narodov Yakutii v delo Pobedy (1941–1945 gody): dokumenty i materialy. V 3 tomakh. Tom 2: Trudovoy podvig trudyashchikhsya Yakutii [Contribution of the Peoples of Yakutia to the Victory (1941–1945): Documents and Materials: In 3 Vol. Vol. 2: Labour Feat of Workers of Yakutia]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 428 p.

Izbekov, D.D. (1961). *Yakutyane – geroi Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Yakut People, Heroes of the Great Patriotic War]. Yakutsk, Yakutknigoizdat. 139 p.

Izbekov, D.D. (1966). *Yakutyane v boyakh za Rodinu* [The Yakut People Fighting for the Motherland]. Yakutsk, Yakutknigoizdat. 213 p.

Izbekov, D.D. (1970). *Yakutyane v nebe frontovom* [The Yakut People in the Frontline Sky]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 102 p.

Kalashnikov, A.A. (2019) *Voiny-yakutyane v Stalingradskoi bitve: 17 iyulya 1942 goda – 2 fevralya 1943 goda* [Yakut Combatants in the Battle of Stalingrad: 17 July 1942 – 2 February 1943]. Yakutsk, Media-kholding. 432 p.

Kalashnikov, A.A. (2023). *Yakutyane v boyakh za osvobozhdenie zemli Novgorodskoy. 1941–1944 gody* [The Yakut People in the Battles for the Liberation of the Novgorod Land]. Yakutsk, Aiar. 192 p.

Kalashnikov, A.A. (Ed.). (2006). *Oni zashchishchali vostochnye rubezhi Rossii (1945 god): vospominaniya* [They Defended the Eastern Borders of Russia (1945): Memoirs]. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat. 182 p.

Kalashnikov, A.A. (Ed.). (2009). *Tankovaya kolonna “Sovetskaya Yakutiya”, 1941–1945* [Tank Column “Soviet Yakutia”, 1941–1945]. Yakutsk, Yakutskiy kray. 176 p.

Kalashnikov, A.A. (Ed.). (2009). *Voiny-yakutyane – uchastniki osvobozhdeniya narodov Evropy ot fashizma, 1944–1945* [Yakut Combatants Participating in the Liberation of the Peoples of Europe from Fascism, 1944–1945]. Yakutsk, Yakutskiy kray. 436 p.

Kalashnikov, A.A. (Ed.). (2015). *Voiny-yakutyane v bitve na Kurskoy duge: 5 Iyulya – 23 Avgusta 1943 goda* [Yakut Combatants in the Battle of Kursk: 5 July – 23 August 1943]. Yakutsk, Media-kholding. 448 p.

Kalashnikov, A.A. (Ed.). (2016). *Voiny-yakutyane v bitve za Krym, 8 aprelya – 12 maya 1944 goda* [Yakut Combatants in the Battle for the Crimea, 8 April – 12 May 1944]. Yakutsk, Media-kholding. 232 p.

Kusturov, D.V. (1995). *Serii uonna Sakha sirin d'ono: ystatyialar, ocherkalar (perevod avtora: Voyna i lyudi yakutskoy zemli: stat'i, ocherki)* [War and People of the Yakut Land: Articles, Essays]. Yakutsk, Bichik. 108 p.

Kuz'min, V.R. (Ed.). (1996). *I.E. Vinokurov (Rol' lichnosti v razvitii respubliki): materaly nauchno-prakticheskoy konferentsii. Namtsy, 5 yanvarya, Yakutsk, 9 i 11 yanvarya 1996 goda* [I.E. Vinokurov (The Role of the Individual in the Development of the Republic): Materials of a Scientific and Practical Conference. Namtsy, January 5, Yakutsk, January 9 and 11, 1996]. Yakutsk, Poligrafist. 111 p.

Lukovtsev, V.N. (Ed.). (2001–2022). *Kim da umnullubat, tuokh da umnullubat : ystatyialar, akhtyylar, dokumuonnar, ispiihokter (perevod avtora: nikto ne zabyt, nichto ne zabyto: stat'i, vospominaniya, dokumenty, spiski)* [No One is Forgotten, Nothing is Forgotten: Articles, Memories, Documents, Lists]. Books 1–3. Yakutsk, Bichik.

Makarova, A. I., Lazarev, I.I. (2020). Uchitelya istorii Churapchinskogo rayona – uchastniki Velikoy Otechestvennoy voyny [History Teachers of Churapchinsky district – Veterans of the Great Patriotic War]. In *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo*. No. 1 (17), pp. 5–13.

Makarova, A.I., Leont'eva, E.A. (2021). Zarechnye rayony Yakutii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt [Districts of Yakutia located on the Other Side of the River, during the Great Patriotic War: Socio-Economic Aspect]. In *Manuskript*. Vol. 14, No. 7, pp. 1321–1325.

Mordinov, A.E. (1944). *Yakutiya v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuza* [Yakutia in the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Yakutsk, Yakutgiz. 52 p.

Negenblya, I.E. (2000). *Alyaska – Sibir': trassa muzhestva* [Alaska – Siberia: The Road of Courage]. Yakutsk, Yakutskiy kray. 272 p.

Negenblya, I.E. (2015). *Aviatory Yakutii v gody voyny* [Aviators of Yakutia during the War]. Yakutsk, Media-kholding. 336 p.

Nikitina, S.E. (1995). Golod v Yakutii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Famine in Yakutia during the Great Patriotic War]. In *Velikaya Otechestvennaya: znachenie i uroki pobedy: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 18 aprelya 1995 goda*. Yakutsk, IGI, pp. 104–109.

Pavlov, A.A. (2007). Sud'by churapchintsev na Kobyayskoy zemle: tragediya voyny [Fates of the Churapcha People on the Kobyay Land: The Tragedy of War]. In *Kobyayskiy ulus: istoriya, kul'tura, fol'klor*. Yakutsk, pp. 121–127.

Petrov, D.D. (1968). *Vklad narodov Yakutii v delo Pobedy (1941–1945 gody): dokumenty i materialy: v 3 tomakh. Tom 1: Yakutyane na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza* [Contribution of the Peoples of Yakutia to the Victory (1941–1945): Documents and Materials: In 3 vol. Vol. 1: Yakuts at the Fronts of the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 370 p.

Petrov, D.D. (1968). *Yakutyane v boyakh za Il'men'* [The Yakut People in Battles for Ilmen]. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 24 p.

Petrov, D.D. (1979). *Yakutiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Chast' 1: Yakutyane v boyakh s nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami* [Yakutia during the Great Patriotic War. Part 1: The Yakut People in Battles with the Nazi Invaders]. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 356 p.

Petrov, D.D. (1983). *Vklad narodov Yakutii v delo Pobedy (1941–1945 gody): dokumenty i materialy: v 3 tomakh. Tom 3: Vsenarodnaya pomoshch' frontu* [Contribution of the Peoples of Yakutia to the Victory (1941–1945): Documents and Materials: In 3 vol. Vol 3: Nationwide Aid to the Front]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 344 p.

Petrov, D.D. (1992). *Yakutiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Chast' 2: Trudyashchiesya Yakutii v tylu* [Yakutia during the Great Patriotic War. Part 2: Yakut Workers on the Home Front]. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 320 p.

Petrov, D.D., Semenov, I.N. (Comp.). (1965). *Vo imya pobedy. Pomoshch' trudyashchikhsya Yakutii frontu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza (Lichnymi sredstvami): sbornik dokumentov i materialov* [In the Name of Victory. Assistance of Yakut workers to the Front during the Great Patriotic War of the Soviet Union (Personal Means): Collection of Documents and Materials]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 202 p.

Petrov, P.D. (2015). *Dostoyanie istorii* [Historical Heritage]. Yakutsk, Media-kholding. 248 p.

Petrov, Yu.D. (2005). *V gody surovyykh ispytaniy (Yakutskiy pedinstitut v 1941–1945 godakh)* [In the Years of Crucibles (Yakutsk Pedagogical Institute in 1941–1945)]. Yakutsk, Izdatel'stvo Yakutskogo universiteta. 144 p.

Petrov, Yu.D. (2010). *Vklad Yakutii v delo Pobedy. 1941–1945 gody* [Yakutia's Contribution to the Victory. 1941–1945]. Yakutsk, Sfera. 96 p.

Popov, G.V. (1944). *Vse dlya fronta, vse dlya pobedy! Trudyashchiesya Yakutskoy ASSR v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuza* [All for the Front, All for Victory!: Workers of the Yakut ASSR in the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Yakutsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo YaASSR. 42 p.

Pukhov, D.I. (Ed.). (2000). *Serii syllarygar detdom baar buolan...: Akhtyylar. Ystatyialar. Dokumuonnar (perevod avtora: V gody voyny blagodarya detdomu... Vospominaniya. Stat'i. Dokumenty)* [During the War Years Owing to the Orphanage... Memories. Articles. Documents]. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat. 216 p.

Sivtsev, I.S. (1995). Tragediya i geroizm narodov Yakutii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Tragedy and Heroism of the Peoples of Yakutia during the Great Patriotic War]. In *Sbornik materialov nauchnoy konferentsii prepodavateley i studentov Yakutskogo sel'skokhozyaystvennogo instituta, posvyashchennoy 50-letiyu Pobedy*. Yakutsk, YaSKhI, pp. 3–5.

Sivtseva, S.I. (1998). *Yakutiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sotsial'no-demograficheskiy aspekt (1941–1945 gody)* [Yakutia during the Great Patriotic War: Social and Demographic Aspect (1941–1945)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Yakutsk. 24 p.

Sivtseva, S.I. (2000). *Yakutiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sotsial'no-demograficheskiy aspekt (1941–1945 gody)* [Yakutia during the Great Patriotic War: Social and Demographic Aspect (1941–1945)]. Yakutsk, Izdatel'stvo YaNTs SO RAN. 148 p.

Sivtseva, S.I. (2007). Spetsposelentsy v Yakutii v 1930–1950-kh godakh [Special Settlers in Yakutia in the 1930s–1950s]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 6, pp. 108–117.

Sivtseva, S.I. (2013). “Teper’ neslykhanoe v veka tyazheloe vremya nastupilo”: demograficheskie posledstviya kollektivizatsii i Velikoy Otechestvennoy voyny v Yakutskoy ASSR (1928–1945 gody) [“Now the Hard Time Shave Come That We Have Never Experienced Before”: Demographic Consequences of Collectivization and the Great Patriotic War in the Yakut ASSR (1928–1945)]. In *Novyy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (38), pp. 56–69.

Sivtseva, S.I. (2016). Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskoy pamyati naseleniya Yakutii [The Great Patriotic War in the Historical Memory of the Population of Yakutia]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 12, pp. 103–105.

Stepanova, N.S. (Ed.). (2012). *Trudnyy put' k Pobede (1940–1950 gody): sbornik dokumentov iz fondov Natsional'nogo arkhiva Respubliki Sakha (Yakutiya)* [A Hard Path to Victory (1940–1950): Collection of Documents from the Assets of the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Yakutsk, Bichik. 536 p.

Tarabukin, G.A., Sivtseva, S.I. (2022). Pamyatniki Velikoy Otechestvennoy voyny goroda Yakutsk i problemy sokhraneniya istoricheskoy pamyati [Monuments of the Great Patriotic War in Yakutsk. Yakutsk and Challenges of Historical Memory Preservation]. In *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo*. No. 3 (27), pp. 54–60.

Vasil'eva, N.D. (2015). Povsednevnost' sel'skogo naseleniya Yakutii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Everyday Life of the Rural Population of Yakutia during the Great Patriotic War]. In *Velikaya Otechestvennaya voyna v regional'nom izmerenii: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Orel, 23–24 aprelya 2015 goda*. Orel, Orlik, pp. 136–145.

Vinokurov, A.D. (2015). Zhilishchno-bytovye usloviya zhizni naseleniya vilyuiskoy gruppy rayonov Yakutskoy ASSR nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gody [Living Conditions of the Population of the Vilyuy Group of Districts of the Yakut ASSR on the eve and during the Great Patriotic War 1941–1945]. In *Molodoy uchenyy*. No. 17.1 (97.1), pp. 8–11.

Vinokurov, A.D. (2017). “Ryba – frontu!”: Churapchinskaya tragediya 1942–1944 godov: iz istorii trudovykh mobilizatsiy v Yakutskoy ASSR [“Fish to the Front!”: The Churapcha Tragedy of 1942–1944: From the History of Labour Mobilisations in the Yakut ASSR]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. No. 1, pp. 81–89.

Vinokurova, L.I. (2015). Velikaya Pobeda v povsednevnom prostranstve sel'skoy Yakutii. [The Great Victory in the Everyday Life of Rural Yakutia]. In *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. No. 1 (10), pp. 11–18.

Yakovleva, A.V., Sivtseva S.I. (2023). El'gyayskiy nasleg Suntarskogo ulusa Yakutii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Elgyajnasleg of Suntarsky Ulus of Yakutia during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo*. No. 3 (31), pp. 51–57.

М.Н. Потемкина*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КАГАНОВИЧ А. «ТАШКЕНТСКИЙ ФРОНТ»: ЕВРЕЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В СОВЕТСКОМ ТЫЛУ. М.: БИБЛИОТЕКА М. ГРИНБЕРГА; КНИЖНИКИ, 2023. 448 С.doi:10.31518/2618-9100-2025-2-20
УДК 94(470)"1941/1945"+(049.32)*Выходные данные для цитирования:**Потемкина М.Н. Рецензия на книгу: Каганович А. «Ташкентский фронт»: еврейские беженцы в советском тылу. М.: Библиотека М. Гринберга; Книжники, 2023. 448 с. // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 258–265. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-20.pdf>*

M.N. Potemkina*

REVIEW OF THE BOOK: KAGANOVICH A. "TASHKENT FRONT": JEWISH REFUGEES IN THE SOVIET REAR. MOSCOW: M. GRINBERG LIBRARY; KNIZHNIKI, 2023. 448 P.

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-20

*How to cite:**Potemkina M.N. Review of the Book: Kaganovich A. "Tashkent Front": Jewish Refugees in the Soviet Rear. Moscow: M. Grinberg Library; Knizhniki, 2023. 448 p. // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 258–265. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-20.pdf>]*

Abstract. The article presents a review of the book by A. Kaganovich, dedicated to the migration of Jews from the frontline zone and their stay in the rear regions of the USSR in 1941–1945. The monograph provides information on the movement of refugees to the rear and back, issues of food, material and living arrangements, labor activities of migrants, and presents stories that reveal the relationship of refugees with the authorities and the local population. The source base mainly includes personal sources. The “Jewish refugees” experienced a difficult situation due to almost complete absence of assistance from both central and regional authorities. There is a need to continue the scientific discussion on the problems of migration flows of 1941–1942 and the conditions of stay of migrants in the rear regions of the USSR.

Keywords: World War II, migration, evacuation, Soviet rear, Stalin’s policy, Jewish refugees.

The article has been received by the editor on 08.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлена рецензия на книгу А. Кагановича, посвященную миграции евреев из прифронтовой зоны и пребыванию их в тыловых регионах СССР в период 1941–1945 гг. В монографии приводятся сведения о перемещении беженцев в тыл и обратно, вопросы питания, материально-бытового устройства, трудовой деятельности мигрантов, представлены сюжеты, раскрывающие взаимоотношения беженцев с властью и местным населением. В качестве источниковой базы использованы преимущественно источники личного происхождения. Автор книги приходит к выводу о тяжелом положении «еврейских беженцев» вследствие почти полного отсутствия помощи со стороны как центральной, так и региональной власти. Выраженная автором позиция свидетельствует о необходимости продолжения научной дискуссии по проблемам миграционных потоков 1941–1942 гг. и условий пребывания мигрантов в тыловых регионах СССР.

* **Марина Николаевна Потемкина**, доктор исторических наук, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: mpotemkina@mail.ru
Marina Nikolaevna Potemkina, Doctor of Historical Sciences, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, e-mail: mpotemkina@mail.ru

Ключевые слова: Вторая мировая война, миграция, эвакуация, советский тыл, сталинская политика, еврейские беженцы.

Статья поступила в редакцию 08.02.2025 г.

Проблемы миграционных перемещений в период Второй мировой войны продолжают оставаться в центре внимания российских и зарубежных ученых. Свидетельством тому служат проводимые научные конференции, публикации научных статей и монографий. Поэтому появление научной монографии А. Кагановича¹, посвященной судьбам еврейских беженцев в 1941–1945 гг. на территории СССР, не могло остаться без внимания. Актуальность тематики определяется и последними тенденциями научного изучения социальной истории Холокоста и Второй мировой войны, в соответствии с которыми, по мнению Карташовой, «вырисовывается перспектива сложной идентичности советских евреев, которая сближает нарративы о Великой Отечественной войне и Холокосте и воздает должное исторической несправедливости в игнорировании этими историями друг друга»².

Исследование А. Кагановича опирается на солидную источниковую базу, которая включает документы, извлеченные из фондов 15 архивов России, Израиля, США, Белоруссии, Казахстана, Украины. Оценивая достоверность архивных материалов, А. Каганович делает оговорку: «Хотя многие материалы в архивах не могут восприниматься надежными источниками, к сожалению, им нет альтернативы» (с. 201).

Обратим внимание на список использованной литературы на 13 страницах, автором он обозначен как «Селективная библиография», причем использована литература на английском, немецком, польском, русском языках, а также на иврите и идише. Значительная часть этого списка – опубликованные документы и источники личного происхождения (мемуарные свидетельства, личные дневники и воспоминания).

Что касается историографической части библиографического списка, то рядом с обширным списком ведущих западноевропейских и американских авторов соседствует далеко неполная российская историография. Это не было бы серьезным упущением, если бы не почти полное отсутствие публикаций, изданных позднее 2009 г. (за исключением статей Г.Е. Корнилова – 2010 г., Е.Е. Красноженовой – 2012 г.).

В историографическом разделе монографии представители советской (М.И. Лихоманов, Г.А. Куманев) и различных научных направлений постсоветской (позиции М.Н. Потемкиной и Е. Красноженовой принципиально различны) историографии почему-то объединены под именем «апологеты концепции успешной абсорбции эвакуированного населения» (с. 17). К сожалению, автор даже не упоминает о серьезных историографических достижениях российских ученых последних лет в изучении проблемы эвакуации и социальных процессов в советском тылу. Между тем в работах современных историков многие вопросы, поставленные в рецензируемой монографии как новаторские, уже нашли свое отражение (неравенство возможностей при эвакуации из прифронтовых районов, преступность в советском тылу, взаимоотношения эвакуированных и коренного населения, политика центральных и местных властей по отношению к прибывшим и др.).³

¹ Каганович А. «Ташкентский фронт»: еврейские беженцы в советском тылу. М., 2023.

² Карташова О. Рецензия на кн.: Soviet jews in World War II: fighting, witnessing, remembering // Judaic-Slavic Journal. 2020. № 2 (4). С. 290.

³ Жаркынбаева Р.С. Гуманитарные проблемы эвакуированного населения (по материалам казахстанских архивов) // Primo Aspectu. 2019. № 1 (37). С. 59–65; Потемкина М.Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск, 2016; Пянкевич В.Л., Чистиков А.Н. Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 56–69; Снегирева Л.И. Эвакуация населения из Сталинграда в сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны (1942 год) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (192). С. 174–185.

Уже в формулировке цели исследования автор пытается заявить о принципиально новом подходе к изучаемой проблеме: «показать читателю как можно более полную картину истории еврейских беженцев.... Это исследование пытается разрушить выстроенный в СССР за многие десятилетия миф о сплоченности народа и власти во время войны. Оно показывает кризис управленческого аппарата и раскрывает острые противоречия в советском обществе» (с. 25).

Но прежде чем воссоздавать «полную картину», необходимо разобраться с понятийным аппаратом и определить категорию «еврейские беженцы», поскольку именно этот термин фигурирует в названии монографии.

Во вступительной части работы А. Каганович дает следующую авторскую трактовку объекту исследования – «беженцам»: «в этом исследовании из-за схожих условий все беженцы, эвакуированные, а также депортированные из западных областей перед войной и освобожденные в ходе ее бывшие польские и румынские граждане объединены названием беженцы. Объединение под таким общим именем представляется более справедливым еще из-за получения эвакуированными лишь минимальной помощи в дороге и очень плохой заботы властей по прибытии» (с. 13). То есть в качестве критерия выставлена помощь со стороны власти вне зависимости от цели и характера миграции, а также официально зафиксированного в документальных источниках правового статуса мигрантов. В тексте монографии автор использует термины «мигранты», «эвакуированные», «беженцы», «депортированные», «ссылнопереселенцы», «трудмобилизованные» как синонимичные.

Следует заметить, что миграционные потоки гражданского населения, происходившие как в организованном, так и в стихийном порядке, перемещавшиеся в условиях ведения войны с территории СССР, угрожаемой оккупацией противником, в тыловые регионы страны, включали в себя такие категории, как: организовано перемещаемые работники промышленных предприятий и государственных учреждений; вывозимые организовано детские учреждения; беженцы, уезжавшие или уходившие в тыл самостоятельно; отведенные военными органами в тыловые районы люди призывного возраста, подлежащие мобилизации; гражданское население, отселяемое на небольшие расстояния из зоны боевых действий; перемещаемые в восточные районы страны спецпереселенцы, заключенные. Отдельными потоками насильственной миграции были депортируемые и трудмобилизованные (причем трудовые мобилизации военного времени далеко не всегда были связаны с перемещением в другой регион)⁴. Небрежное отношение автора монографии к терминологическому аппарату, на наш взгляд, привело к целому ряду необоснованных выводов. Во избежание путаницы далее будем употреблять понятие «беженцы» в интерпретации А. Кагановича.

Большая часть книги посвящена даже не миграционным процессам, а пребыванию «беженцев» в советском тылу. Композиционно монография состоит из восьми глав. Разберем их последовательно, тем более что многие тезисы автора вызывают у читателя целый ряд вопросов.

Первая глава «Миграция в восточные регионы СССР» хронологически охватывает период 1941–1942 гг. и призвана показать процесс эвакуации населения. Но, характеризуя перемещение людских потоков из прифронтной зоны страны в тыловые восточные регионы, автор намеренно не использует термины «эвакуация» и «эвакуированные». А. Каганович так определяет позицию руководства страны: «Сталин упрямо отдавал приказы о наступлении. В его планах беженцы виделись только препятствием. Поэтому, не планируя тогда еще труд беженцев в тылу, власти не только почти ничего не делали для эвакуации населения или хотя бы облегчения бегства, но во многих местах даже продолжали сдерживать его до середины или даже до конца июля 1941 г.» (с. 46). Сложно согласиться с этим тезисом. Официальная позиция руководства СССР отражена в рассекреченных и сегодня доступных исследователям документальных источниках: уже 24 июня 1941 г. при

⁴ Исупов В.А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 12–16.

СНК был создан Совет по эвакуации, 27 июня принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», 5 июля 1941 г. приняты секретные Постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР: № 1821-815сс «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий»⁵, № 1821-814сс «О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, Флота и Войск НКВД из прифронтовой полосы»⁶, № 1821-818сс «О порядке эвакуации населения в военное время»⁷, № 1823-816сс «Об утверждении Положения “Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы”»⁸. Формирование эвакуационного механизма на местах сопровождалось трудностями и просчетами, но этот процесс был начат в первые дни войны.

Затрагивает автор и вопрос об эвакуации промышленных предприятий и их кадрового состава, отмечая, что вывоз рабочих и служащих предприятий имел ряд особенностей (с. 57). Однако этот тезис не получает дальнейшего развития в тексте. Представляется недостаточно обоснованным утверждение автора, основанное на единичном примере: «большая часть вывезенных с трудом на восток предприятий так и не были реконструированы на новом месте по разным причинам или проходили этот процесс очень медленно» (с. 59). Приводимые в последующих главах примеры, касающиеся трудовой занятости и социально-бытовых условий эвакуированного населения, в значительной степени не относятся к вышеупомянутой категории работников промышленных предприятий.

Вторая глава «Местные власти и беженцы» (с. 92–142) посвящена политике руководства тыловых краев, областей и республик в отношении прибывшего населения и характеристике проблем, с которыми столкнулись люди в эвакуации. Интересен сюжет, раскрывающий механизм работы власти с жалобами беженцев. А. Каганович выдвигает тезис о том, что отношение разных уровней власти к беженцам существенно различалось. «Хуже всего к ним относилась низовая власть, поскольку не видела в беженцах необходимой для победы пользы в качестве трудовых ресурсов» (с. 142).

В третьей и четвертой главах автор рассматривает проблемы трудоустройства, жилья, обеспечения продовольствием, медико-санитарной помощи беженцам. Раскрывая тему трудоустройства, автор оперирует терминами, используемыми при характеристике современной рыночной экономики: безработица, предпринимательство, коммерческие предприятия. Автор высказывает позицию о том, что предприимчивость части еврейских беженцев не приветствовалась советскими властями, поскольку «даже в трудных условиях товарного и продовольственного дефицита защита устоев властям была важнее уравнивания цен в регионах» (с. 148). В тексте монографии мы находим некоторое противоречие: с одной стороны, автор пишет о недостатке рабочих мест и даже о конкуренции за рабочие места (с. 143), с другой – о дефиците рабочей силы (с. 160). Приводя факты трудового использования беженцев, А. Каганович преимущественно иллюстрирует свои тезисы примерами о спецпоселенцах, депортированных и трудмобилизованных. Положение с обеспечением беженцев продуктами питания и товарами первой необходимости автор оценивает как «повсеместно плохое» и в качестве основной причины определяет «воровство руководителей и чиновников» (с. 187). Соглашаясь с наличием экономических преступлений в распределительной системе⁹, следует отметить, что тотальная война на истощение ресурсов привела к снижению и без того низкого уровня населения в советском тылу, и это касалось не только категории «беженцев». Приводя многочисленные примеры, автор описывает сюжеты о заболеваемости и смертности в тылу, огородничестве и заграничной помощи еврейских организаций.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 259сч. Оп. 40. Д. 3022. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 40.

⁷ Там же. Л. 34.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 287–293.

⁹ Аполовников А.А., Пасс А.А., Потемкина М.Н., Усольцева Н.Л. Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала). Челябинск, 2021.

В пятой главе отдельно выделена категория эвакуированных в тыл детских домов. А. Каганович вычленяет четыре группы размещенных в советском тылу детских домов: а) эвакуированные; б) местные старые детские дома; в) новые специально созданные для детей беженцев детские дома; г) новые общие детские дома (с. 224). Далее автор, раскрывая такие сюжетные линии, как экономические условия пребывания детей в детских домах и интернатах, труд, система наказаний, усыновление, приходит к выводу: «Ситуация в советских детских домах и до войны была неудовлетворительная, а во время войны она еще более ухудшилась» (с. 254).

Тему пребывания беженцев в тылу продолжает шестая глава «Что сюда приехали, пускай бы всех вас там поубивали...». В ней автор прослеживает взаимовосприятие и взаимоотношения коренного и прибывшего населения.

Критикуя предшествующих исследователей за подверженность влиянию советской пропаганды и проявлениям «регионального патриотизма» (с. 260), автор в свою очередь при рассмотрении этой сложной и деликатной проблематики опирается преимущественно на источники личного происхождения, что приводит к формированию бинарной оппозиции, в которой беженцы представлены исключительно в позитивном свете, а местное население тыловых регионов – в негативном. Центральным тезисом работы является утверждение о встрече «богатого, по советским меркам, Запада и бедного Востока» (с. 256), при этом под «богатым Западом» подразумевается европейская часть СССР, а под «бедным Востоком» – Урал, Казахстан и Сибирь. Утверждение представляется весьма спорным и политизированным, скорее можно говорить о различиях между столичными жителями и провинцией¹⁰.

В этой же главе помещен развернутый сюжет о проявлениях антисемитизма, действительно имевших место в военный период в советском тылу¹¹. В качестве причин неприязненного отношения большинства местного населения к беженцам (с. 332) автор выделяет: 1) разрушение привычного уклада, дороговизну, вызванную приездом беженцев; 2) более высокий довоенный экономический и культурный статус беженцев.

Особый интерес представляет седьмая глава «Статистика беженцев и их миграция», поскольку вопрос о численности эвакуированного населения до сих пор является полемичным и трудноразрешимым как в российской, так и в зарубежной историографии. Автор попытался внести свою лепту в дискуссию российских и зарубежных ученых о численности выехавших в эвакуацию из прифронтовой зоны людей в 1941–1942 гг. Приведя точки зрения Г.А. Куманева, М.Н. Потемкиной, В. Дубсона, Р. Манли, а также проанализировав данные центрального статистического управления СССР, извлеченные из архивных фондов, автор приходит к выводу, что «численность всех побывавших к 1 января 1943 г. в статусе эвакуированных должна была достичь 8 700 000» (с. 361–362). Логично звучит замечание о том, что реальная цифра находившихся в тылу беженцев была меньше за счет мобилизации на фронт, попадания части беженцев первой волны под оккупацию, смертности от голода и болезней. В дальнейшем численность все время сокращалась, к вышеназванным факторам позднее добавилась реэвакуация (с. 362). Приводя общую цифру, автор употребляет термин «эвакуированные», а не «беженцы», и не уточняет, какие временные, пространственные, социальные маркеры ограничивают это понятие. Не совсем понятно в свете вышесказанного, какие категории мигрантов включил автор и какие методики подсчета использовал. Что касается численности еврейских беженцев, то ее Каганович оценивает в 2 200 000 чел. (с. 367). Данная цифра хотя и немного выше, но вполне коррелирует с данными других ученых (И. Арад, В. Дубсон, С. Швейбиш).

Надо отметить, что автора в целом отличает небрежное отношение к цифрам. Так, приведя данные М.Н. Потемкиной по трудоустройству эвакуированных в Уральском регионе (с. 144.), автор уточняет: «В России к Уралу относят Свердловскую, Челябинскую и Оренбургскую области». На самом деле эти цифровые данные относятся к территории,

¹⁰ Потемкина М.Н. Конфликтные зоны эвакуации в СССР и способы их преодоления (1941–1945 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 219–226.

¹¹ Будницкий О.В. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. М., 2005.

включающей Свердловскую, Челябинскую, Молотовскую (Пермскую), Чкаловскую (Оренбургскую), Курганскую, Башкирскую АССР, Удмуртскую АССР.

В тексте работы неоднократно встречаются цифровые данные, не подкрепленные достаточной эмпирической базой. В частности, на с. 52 автор выдвигает предположение о том, что «не менее 2 % населения, пытавшегося бежать из западных республик, погибли именно от немецких самолетов», не приводя при этом статистических обоснований. Аналогичным образом без достаточной аргументации остается утверждение о том, что 15–20 % беженцев умерли от голода и болезней (с. 24). Повторяя эту цифру на с. 422, А. Каганович уточняет: «Всего за время эвакуации (включая очень голодный 1946 год) умерло 15–20 % беженцев». Помимо терминологической неопределенности, в данном случае возникает и хронологическая неточность, поскольку к концу 1946 г. значительная часть эвакуированного населения вернулась к месту прежнего проживания и, следовательно, не может быть отнесена к категории беженцев.

Завершающая восьмая глава «Резэвакуация еврейских беженцев и сталинская политика» хронологически выходит за рамки военного периода.

Заявленная тема резэвакуации не раскрыта автором и содержит ряд сомнительных тезисов. Действительно, как утверждает автор, «отъезд беженцев создавал для местных властей серьезную проблему нехватки трудовых ресурсов», но нельзя согласиться¹² с тем, что «особенно пострадали колхозы» (с. 374). Серьезные проблемы в восточных регионах страны возникли в связи с резэвакуацией врачей, учителей, инженеров.

Организованная резэвакуация началась уже в декабре 1941 г., хотя и носила единичный характер, массовая – с января 1944 г. Ограничения, введенные властями на резэвакуационные перемещения, касались работников промышленных предприятий оборонного значения, а не всего эвакуантского населения, как утверждает автор монографии (с. 418). Анализ документальных и нарративных источников показывает, что по прибытии на прежнее место жительства с жилищными, бытовыми и психологическими проблемами столкнулись все резэвакуанты вне зависимости от их национальной принадлежности¹³.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что привлеченные А. Кагановичем многочисленные воспоминания очевидцев описываемых событий являются ценнейшим источником для изучения проблем эвакуации и социальной истории советского тыла периода Великой Отечественной войны. Несомненным достоинством книги является грамотный академический стиль, широкий перечень источников и литературы, отраженных в библиографическом аппарате книги, а также наличие именного и географического указателя. Но в изложении автора присутствуют не подкрепленные аргументацией или тенденциозно изложенные положения.

В целом, оценивая рецензируемую монографию, хочется отметить не только актуальность поставленных в ней проблем, введение в научный оборот большого числа архивных источников, но и крайнюю полемичность многих тезисов автора. Это дает дополнительный повод для научной дискуссии по проблемам миграционных потоков 1941–1942 гг. и условий пребывания мигрантов в тыловых регионах СССР. Исследовательские усилия ученых историков необходимы и для формирования общепринятого терминологического аппарата, а также определения количества перемещенных в тыл людей.

Литература

Аполовников А.А., Пасс А.А., Потемкина М.Н., Усольцева Н.Л. Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала). Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 359 с.

¹² Корнилов Г.Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 70.

¹³ Карпенко И.А. Социально-бытовые аспекты процесса резэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943–1946 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2006. № 4. С. 177–181.

Будницкий О.В. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2005. 592 с.

Жаркынбаева Р.С. Гуманитарные проблемы эвакуированного населения (по материалам казахстанских архивов) // *Primo Aspectu*. 2019. № 1 (37). С. 59–65.

Исупов В.А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2016. Т. 23, № 1. С. 12–16.

Каганович А. «Ташкентский фронт»: еврейские беженцы в советском тылу. М.: Библиотека М. Гринберга; Книжники, 2023. 448 с.

Карпенко И.А. Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943–1946 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2006. № 4. С. 177–181.

Карташова О. Рецензия на кн.: *Soviet jews in World War II: fighting, witnessing, remembering* // *Judaic-Slavic Journal*. 2020. № 2 (4). С. 288–291.

Корнилов Г.Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // *Отечественная история*. 1993. № 3. С. 67–82.

Потемкина М.Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. тех. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. 151 с.

Потемкина М.Н. Конфликтные зоны эвакуации в СССР и способы их преодоления (1941–1945 гг.) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2016. № 3 (53). С. 219–226.

Пянкевич В.Л., Чистиков А.Н. Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 1. С. 56–69.

Снегирева Л.И. Эвакуация населения из Сталинграда в сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны (1942 год) // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2018. № 3 (192). С. 174–185.

References

Apolovnikov, A.A., Pass, A.A., Potemkina, M.N., Usol'tseva, N.L. (2021). *Ehkonomicheskaya prestupnost' v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Yuzhnogo Urala)* [Economic Crime in the USSR during the Great Patriotic War (Based on Materials from the Southern Urals)]. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 359 p.

Budnitskiy, O.V. (2005). *Gosudarstvennyy antisemitizm v SSSR. Ot nachala do kul'minatsii, 1938–1953*. [State Anti-Semitism in the USSR. From Beginning to Culmination, 1938–1953]. Moscow, Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya". 592 p.

Isupov, V.A. (2016). K voprosu o tipakh migratsii i ikh sootnoshenii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On the Issue of Types of Migrations and Their Relationship during the Great Patriotic War]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 23, No. 1, pp. 12–16.

Kaganovich, A. (2023). "Tashkentskiy front": evreyskie bezhency v sovetskom tylu ["Tashkent Front": Jewish Refugees in the Soviet Rear]. Moscow, Biblioteka M. Grinberga, Knizhnik. 448 p.

Karpenko, I.A. (2006). Sotsial'no-bytovye aspekty protsessa reevakuatsii grazhdanskogo naseleniya v Leningrad. 1943–1946 gg. [Social and Everyday Aspects of the Process of re-Evacuation of the Civilian Population to Leningrad. 1943–1946 gg.]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. No. 4, pp. 177–181.

Kartashova, O. (2020). Retsenziya na knigu: *Soviet jews in World War II: fighting, witnessing, remembering* [Review of the Book: Soviet Jews in World War II: Fighting, Witnessing, Remembering]. In *Judaic-Slavic Journal*. No. 2 (4), pp. 288–291.

Kornilov, G.E. (1993). Migratsiya sel'skogo naseleniya Ural'skogo regiona v gody voyny [Migration of the Rural Population of the Ural Region during the War]. In *Otechestvennaya istoriya*. No 3, pp. 67–82.

Potemkina, M.N. (2016). “Vykovyrennyye”: *lichnostnoe vospriyatie ehvakuatsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [“Vykovyrennyye”: Personal Perception of Evacuation during the Great Patriotic War]. Magnitogorsk, Izdatel'stvo Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni G.I. Nosova. 151 p.

Potemkina, M.N. (2016). Konfliktnye zony ehvakuatsii v SSSR i sposoby ikh preodoleniya (1941–1945 gody) [Conflict Zones of Evacuation in the USSR and Ways to Overcome them (1941–1945)]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. No. 3 (53), pp. 219–226.

Pyankevich, V.L., Chistikov, A.N. (2019). Peshkom po ozeru: ehvakuatsiya naseleniya iz Leningrada v kontse noyabrya – nachale dekabrya 1941 goda [Walking on the Lake: Evacuation of the Population from Leningrad in Late November – Early December 1941]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 9, No. 1, pp. 56-69.

Snegireva, L.I. (2018). Ehvakuatsiya naseleniya iz Stalingrada v sibirskiy tyl v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1942 god) [Evacuation of the Population from Stalingrad to the Siberian Rear during the Great Patriotic War (1942)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 3 (192), pp. 174–185.

Zharkynbaeva, R.S. (2019). Gumanitarnye problemy ehvakuirovannogo naseleniya (po materialam kazakhstanskikh arkhivov) [Humanitarian Problems of the Evacuated Population (Based on Materials from Kazakhstan Archives)]. In *Primo Aspectu*. No. 1 (37), pp. 59–65.

А.В. Куликова
Н.Г. Пушкарева
С.И. Трусова*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1993–2024 ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-21
УДК 016(1/9)

Выходные данные для цитирования:
Куликова А.В., Пушкарева Н.Г., Трусова С.И. Региональные энциклопедические и справочные издания, посвященные Великой Отечественной войне (1993–2024 годы) // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 266–295.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-21.pdf>

A.V. Kulikova
N.G. Pushkareva
S.I. Trusova*

REGIONAL ENCYCLOPEDIA AND REFERENCE PUBLICATIONS DEVOTED TO THE GREAT PATRIOTIC WAR (1993–2024)

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-21

How to cite:
Kulikova A.V., Pushkareva N.G., Trusova S.I. Regional Encyclopedic and Reference Publications Devoted to the Great Patriotic War (1993–2024) // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 266–292.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-21.pdf>]

Abstract. A previously unpublished bibliographic list of regional encyclopedic and reference publications on the Great Patriotic War of 1941–1945, published in the Russian Federation from 1993 to 2024, is presented. The preface to the list provides general information about the typology of the listed publications, as well as a brief statistical description of this array of regional reference literature. The list has been prepared on the basis of information contained in the electronic reference and bibliographic resource “All Russia. Sources of reference and historical information about regions and localities”, posted on the website of the National Library of Russia.

Keywords: History of the Great Patriotic War, regional history, historical bibliography, local history bibliography, regional encyclopedias, biographical reference books, historical biography, the National Library of Russia, database “All Russia”.

The article has been received by the editor on 31.03.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлен хронологический список региональных изданий, посвященных Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., опубликованных с 1993 по 2024 г. (энциклопедий, биографических, отраслевых и тематических справочников). Приведены общие сведения о типологии учтенных изданий, а также краткая статистическая характеристика данного массива региональной справочной литературы. Динамика выпуска анализируемых изданий по отдельным регионам, видам и годам отражена в диаграммах, сопровождающих вводную часть публикации.

* **Ангелина Викторовна Куликова**, кандидат филологических наук, Ассоциированные Региональные Библиотечные Консорциумы (АРБИКОН), Санкт-Петербург, Россия, e-mail: angelina-alvidas@yandex.ru

Angelina Viktorovna Kulikova, Candidate of Philology, Associated Regional Library Consortia, St. Petersburg, Russia, e-mail: angelina-alvidas@yandex.ru

Наталья Геннадьевна Пушкарева, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: nataly_pushka@mail.ru

Natalia Gennadievna Pushkareva, National Library of Russia, St. Petersburg, Russia, e-mail: nataly_pushka@mail.ru

Светлана Игоревна Трусова, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: elodiaeyes@gmail.com

Svetlana Igorevna Trusova, National Library of Russia, St. Petersburg, Russia, e-mail: elodiaeyes@gmail.com

Ключевые слова: История Великой Отечественной войны, региональная история, историческая библиография, краеведческая библиография, региональные энциклопедии, биографические справочники, историческая биографика, Российская национальная библиотека, база данных «Вся Россия».

Статья поступила в редакцию 31.03.2025 г.

В Российской национальной библиотеке (РНБ) в настоящее время ведется формирование электронного справочно-библиографического ресурса «Вся Россия. Источники справочной и исторической информации о регионах и местностях»¹, который призван объединить на единой сетевой площадке информацию о различных источниках, содержащих сведения о регионах, ныне находящихся в Российской Федерации, а также входивших ранее в состав Русского государства, Российской империи, РСФСР и СССР². Среди современных региональных справочных изданий, вышедших в свет начиная с 1992 г., которые учтены в составе названного ресурса, важное место занимают разнообразные энциклопедии и энциклопедические справочники (свыше 1 тыс.), биографические справочники и словари (свыше 1,8 тыс.), отраслевые и тематические справочники (свыше 1,4 тыс.). В этом обширном массиве присутствует ряд энциклопедических и справочных изданий, посвященных Великой Отечественной войне. В год 80-летия Победы Советского Союза над Германией и ее сателлитами к подобным изданиям прикован особый интерес как профессиональных исследователей, так и широкого круга читателей. Это дает повод вычлнить подобные издания из общего корпуса региональных справочников в отдельный ряд и кратко проанализировать его по регионам, типологии и хронологии выхода в свет.

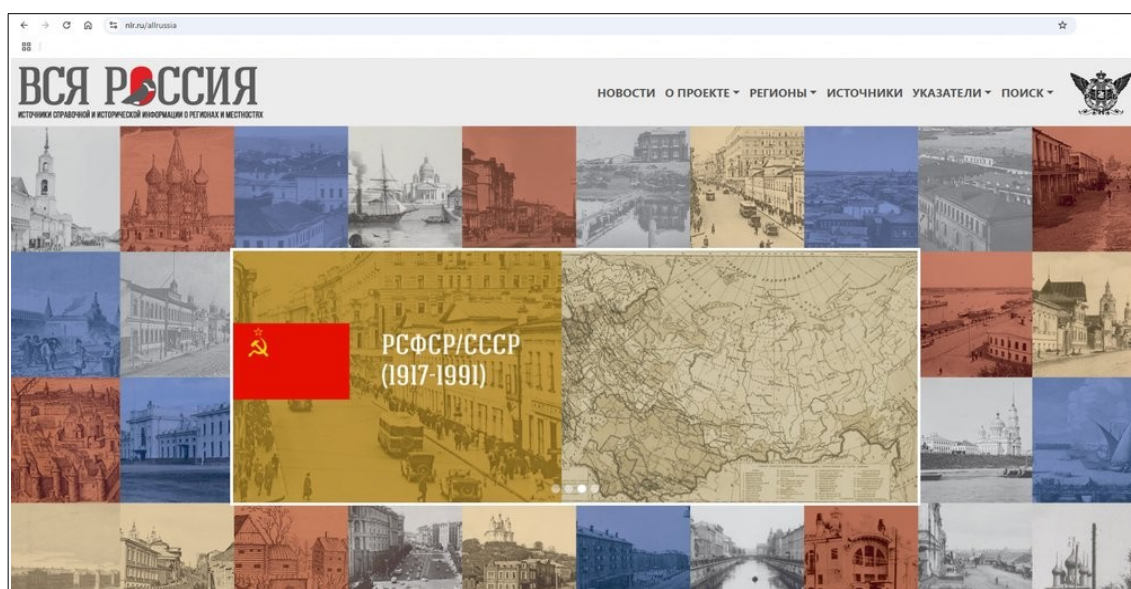

Рис. 1. Заглавная страница проекта «Вся Россия»

Всего к марту 2025 г. выявлено 232 наименования региональных энциклопедических и справочных изданий по 72 регионам Российской Федерации, специально посвященных событиям Великой Отечественной войны и людям, в ней участвовавшим (при этом следует учитывать, что «военная» тема, разумеется, широко представлена и в универсальных регио-

¹ Вся Россия. Источники справочной и исторической информации о регионах и местностях: интернет-портал / Рос. нац. б-ка, Федер. центр регионалистики «Вся Россия»; руководитель проекта А.И. Раздорский; веб-мастер В.А. Черноусова. СПб., 2023–2025. URL: <https://nlr.ru/allrussia> (дата обращения: 31.03.2025).

² Раздорский А.И. Проект «Вся Россия. Источники исторической и справочной информации о регионах и местностях»: предыстория, нынешнее состояние, перспективы развития // Национальная библиотека. 2024. № 1. С. 50–57.

нальных энциклопедиях и справочниках, остающихся за рамками данного обзора). Важно отметить, что некоторые издания были переизданы, некоторые многократно (например, энциклопедия «Сталинградская битва», впервые опубликованная в 2007 г., затем переиздавалась 8 раз). С учетом переизданий общее число учтенных региональных энциклопедических и справочных изданий о Великой Отечественной войне достигает на данный момент 273. Статистический анализ массива изданий, результаты которого приведены ниже, выполнен только по наименованиям, без учета переизданий.

Публикуемый список энциклопедических и справочных изданий о Великой Отечественной войне представляет собой выборку из общей библиографической базы данных ресурса «Вся Россия», которая формируется в результате обследования электронных каталогов, баз данных, библиографических и полнотекстовых ресурсов федеральных и региональных библиотек Российской Федерации, а также изданий Российской книжной палаты («Книжная летопись», «Летопись рецензий»). Наиболее раннее из учтенных в списке издание относится к 1993 г. (справочник «Урал ковал победу»). За 2024 г. информация об изданиях заведомо неполна, поскольку процесс поступления вновь выходящих книг в библиотеки и их последующая технологическая обработка растянуты по времени.

Лидерами в сфере подготовки и публикации региональных энциклопедических и справочных изданий о Великой Отечественной войне являются обе российские столицы – Москва и Санкт-Петербург (по 16 наименований). Второе место в этом условном рейтинге занимает Пермский край (11 наименований), третье место делят Московская и Волгоградская области (по 9 наименований), четвертое – Кемеровская область и Краснодарский край (по 8 наименований). Пятерку лидеров замыкает Республика Крым (7 наименований). Полная картина регионального справочного книгоиздания о Великой Отечественной войне отражена в диаграмме 1³.

По видам изданий учтенные источники справочной информации распределяются следующим образом:

- региональные энциклопедии и энциклопедические справочники – 20 наименований⁴;
- региональные отраслевые и тематические справочники – 35;
- биографические справочники и словари – 177.

Как видим, в общем массиве региональных энциклопедических и справочных изданий о Великой Отечественной войне преобладают прежде всего издания биографического профиля. В основном это издания, посвященные Героям Советского Союза (в ряде справочников информация о них объединена со сведениями о Героях России) и кавалерам ордена Славы.

Наиболее активно региональные энциклопедические и справочные издания о Великой Отечественной войне выходят прежде всего в годы, когда отмечаются юбилеи Победы (1995, 2000, 2005, 2010, 2015, 2020). Эту тенденцию четко демонстрирует диаграмма 2.

Таким образом, в нашей стране к настоящему времени сложился довольно многочисленный корпус разнообразных региональных энциклопедических и справочных изданий о Великой Отечественной войне, который постоянно пополняется за счет вновь выходящей литературы. Подобные справочники, среди которых преобладают издания историко-биографической тематики, выпущены по подавляющему большинству субъектов Российской Федерации. Есть основания полагать, что массив рассматриваемых изданий получит существенное пополнение в год 80-летия Победы. Вновь выходящие издания, которые пока не получили отражение в приведенном ниже списке, будут учтены в составе электронного справочно-библиографического ресурса «Вся Россия. Источники справочной и исторической информации о регионах и местностях», который регулярно пополняется и обновляется.

³ Издания, посвященные крупным природно-географическим регионам (Сибирь, Дальний Восток, Урал и т.д.), условно систематизированы в диаграмме по федеральным округам.

⁴ Об этих изданиях см. подробнее: Куликова А.В., Трусова С.И. Региональные энциклопедии и энциклопедические справочники, посвященные Великой Отечественной войне (обзор российских изданий 1999–2023 гг.) // Национальная библиотека. 2025. № 1 (30). (В печати).

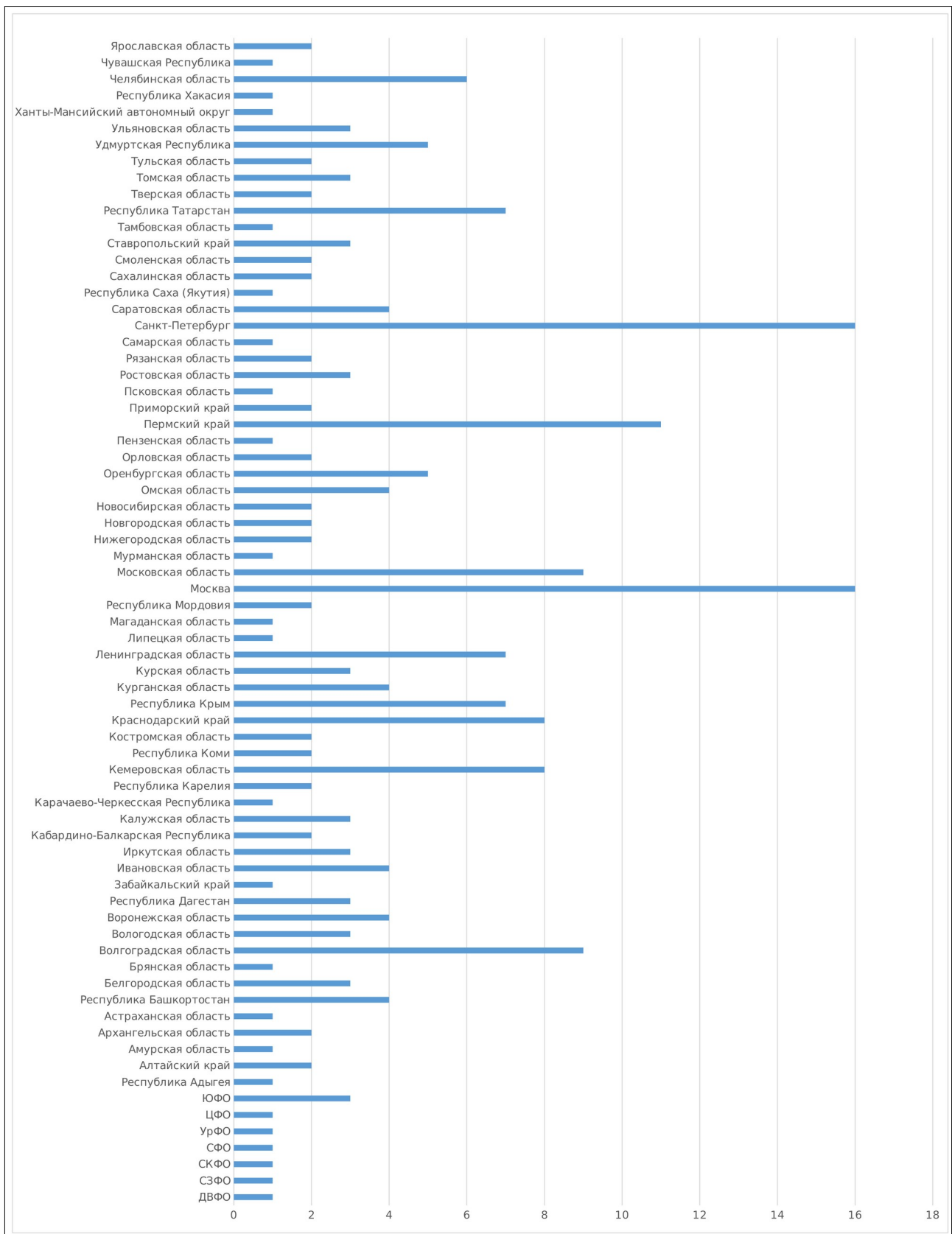

Диаграмма 1. Выпуск региональных энциклопедических и справочных изданий о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. по регионам

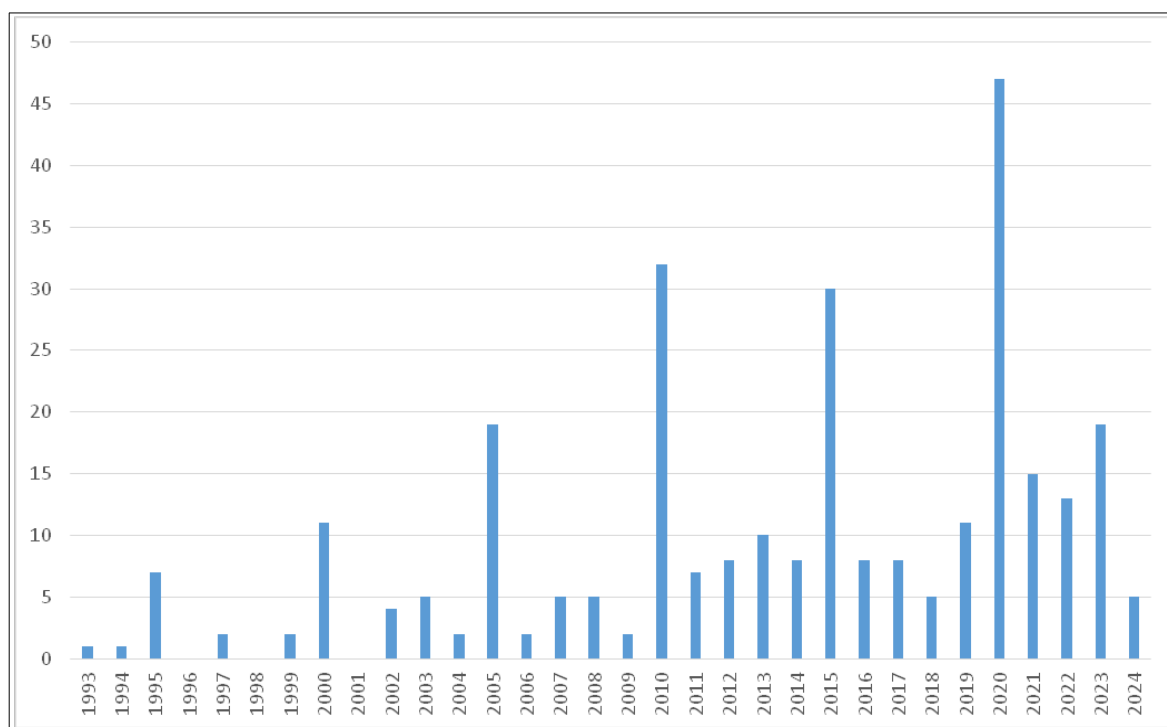

Диаграмма 2. Выпуск региональных энциклопедических и справочных изданий о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. по годам

Библиографический список региональных энциклопедических и справочных изданий, посвященных Великой Отечественной войне (1993–2024 гг.)

1993

1. **Урал ковал победу** : сборник-справочник / Совет министров Респ. Башкортостан. Ком. по делам архивов [и др. ; сост.: С. Д. Алексеев и др. ; под общ. ред. П. Г. Агарышева]. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1993. — 382 с. : табл. — На контртит.: К 50-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне. — 4 500 экз.

1994

2. **Победители** : о сотрудниках ОмСХИ — участниках Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : к 50-летию Победы над фашистской Германией / В. Н. Червоненко, И. В. Мишкина ; под ред. В. А. Полевых ; Ом. гос. аграр. ун-т. — Омск : ОмГАУ, 1994. — 77, [1] с. — Участники Великой Отечественной войны, о которых нет полных сведений: с. 70–77. — 500 экз.

2 а. **Победители** : о сотрудниках ОмГАУ — участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Ом. гос. аграр. ун-т ; [сост. В. Н. Червоненко и др.] ; под ред. Н. К. Чернявской. — 2-е изд., испр. и доп. — Омск : [Изд-во ОмГАУ], 2000. — 85 с., [10] л. ил., портр. — На тит. л.: К 55-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. — 300 экз.

1995

3. **Геологоразведчики Урала в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.** : биографический справочник / В. Я. Комарский ; М-во природ. ресурсов Свердл. обл., Урал. территор. правление Рос. геол. о-ва. — Екатеринбург : Урал. рабочий : Информ.-изд. центр Екатеринбург. епархии РПЦ (вып. 4), 1995–2007.

Вып. 1. — 1995. — 96 с. : портр. — 200 экз.

Вып. 2 / [ред. В. М. Якушев]. — 1997. — 277, [1] с. : портр. — Авт.-сост. указан на об. тит. л. — 400 экз.

Вып. 3. — 2002. — 300, [2] с. : портр. — Предм. указ. к Биографическому справочнику: с. 246–252. Указ. персоналий (разд. 1 и подразд. 2.6 и 2.7): с. 292–295. — 500 экз.

Вып. 4 / под общ. ред. М. Н. Пленкова. — 2007. — 437, [1] с. : портр. — Имен. указ.: с. 420–425. Предм. указ.: с. 426–434. — 500 экз.

4. **Золотые звезды челябинцев** : 50-летию Великой Победы посвящается : (биографический справочник) / Челяб. обл. совет ветеранов войны, труда, вооружен. сил и правоохранит. органов ; [сост. А. К. Окоороков ; науч. ред. П. Г. Агарышев]. — Челябинск, 1995. — 46 с.

5. **Книга Памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета, 1941–1945** / С.-Петерб. гос. ун-т. Ист. фак. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995–2000.

Вып. 1 / [редкол.: Л. А. Вербицкая, В. Ф. Барабанов, Г. Л. Соболев и др.]. — 1995. — 351 с., [32] л. портр. — 2 500 экз.

Вып. 2 / [редкол.: Л. А. Вербицкая, В. А. Кутузов, Н. Д. Колесов и др.]. — 2000. — 199 с., [6] л. портр. — Имен. указ. к 1-му и ко 2-му выпускам «Книги Памяти»: с. 149–197. — 300 экз.

6. **Наши земляки** : Герои Советского Союза. Герои Российской Федерации. Полные кавалеры ордена Славы / [Совет Министров Удмурт. Респ. ; сост. и авт. текста Р. А. Ислентьева, И. Г. Кулемин, Л. Ф. Сентемова]. — Ижевск : Удмуртия, 1995. — 264, [5] с. : портр. — 3 000 экз.

7. **Офицеры-якутяне — участники Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.** : (биографические справки) / И. Ф. Иванов ; [рукоп. дополнена и подгот. к печати К. Н. Гурьевым]. — Якутск : Сахаполиграфиздат, 1995. — 205, [1] с., [16] л. ил., портр. — 5 000 экз.

8. **Ратная доблесть белгородцев** : (Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы) / [сост. Ю. И. Гончаренко, В. Е. Молчанов]. — Белгород : Истоки, 1995. — 396 с. : ил., портр. — На авантит.: 50-летию Победы посвящается. — 6000 экз.

9. **Ульяновск и Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны** : (очерк-справочник) / Ю. Д. Ефимов, В. И. Лосева. — Ульяновск : Симбир. кн., 1995. — 50, [1] с. : табл., [5] л. ил. — 2 500 экз.

1997

10. **Писатели Москвы — участники Великой Отечественной войны** : [справочник / сост. М. Е. Баранов, И. З. Давыдов, Л. Т. Евтюхин, Б. П. Павлов ; ред.: С. В. Грибанов, А. Г. Коган ; Обществ. ред. совет: И. А. Колос (пред.) и др.]. — М. : Воениздат, 1997. — 495 с. — На тит. л.: Издается по решению Совета ветеранов войны Московской писательской организации. — 560 экз.

1999

11. **Блокада Ленинграда** : [энциклопедия] / А. И. Мелуа ; под ред. С. Г. Гумена. — М. ; СПб. : Гуманистика, 1999. — 671 с. : портр. — (Биографическая международная энциклопедия «Гуманистика»). — Библиогр.: с. 666–670. — 500 экз.

12. **Котляревцы — участники Великой Отечественной войны 1941–1945 годов** : биографии / Лилия Касимовна Клевцова. — Нальчик, 1999. — 394 с. : портр. — На авантит.: Терским казакам посвящаю... — 1 000 экз.

2000

13. **Герои-ульяновцы в боях за Родину** : краткий биографический словарь / [редкол.: В. Л. Табакин, Д. Я. Старостин, В. С. Емелин и др.]. — Ульяновск : Ульян. Дом печати, 2000. — 116, [3] с. : ил., портр. — 1000 экз.

14. **Золотое созвездие Зауралья**. — Курган : Парус-М, 2000–2003. — 1000 экз.

[Т. 1 : Герои Советского Союза и Герои России] / [авт.-сост. Г. П. Устюжанин, В. В. Усманов, М. М. Мозин]. — 2000. — 479 с. : портр. — На об. тит. л. : 50-летию Победы посвящается.

Т. 2 : Герои Социалистического Труда / [авт.-сост. Г. П. Устюжанин, В. А. Есетов]. — 2002. — 461 с. : портр. — На об. тит. л.: 60-летию Курганской области посвящается.

Т. 3 : Кавалеры ордена Славы / [авт.-сост.: Г. П. Устюжанин, В. В. Усманов]. — 2003. — 703 с. : портр. — На об. тит. л.: К 60-летию учреждения ордена Славы и 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

15. **Калужане — Герои Советского Союза, Герои России** / К. А. Поленков, Т. В. Романова, Н. А. Хромиенков ; [сост. Т. В. Романова]. — [2-е изд., доп. и перераб.]. — Калуга : Золотая аллея, 2000. — 479 с. : портр. — 2 050 экз.

16. **Менделеевцы ветераны-участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.** : [биографический справочник] / Рос. хим.-технол. ун-т им. Д. И. Менделеева. Изд. центр. Совет ветеранов ; [сост. С. С. Аралов, А. И. Выборнов, П. В. Ковтуненко и др.]. — М. : РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2000. — 151 с. : ил., портр. — 100 экз.

16 а. **Менделеевцы — ветераны Великой Отечественной войны 1941–1945** : [биографический справочник] / Рос. хим.-технол. ун-т им. Д. И. Менделеева. Изд. центр. Совет ветеранов ; [сост. В. Н. Лисицын, М. Б. Алехина, С. С. Арапов и др.]. — М. : [РХТУ им. Д. И. Менделеева], 2005. — 111 с. : портр. — 170 экз.

16 б. **Менделеевцы — ветераны Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.** : [биографический справочник] / Рос. хим.-технол. ун-т им. Д. И. Менделеева. Совет ветеранов ; под общ. ред. В. Н. Лисицына ; [сост.: В. Н. Лисицын, Н. Ю. Денисова, А. П. Жуков, А. И. Родионов]. — М., 2015. — 223 с. : ил., портр. — 300 экз.

17. **Памятники Великой Отечественной войны в Кировском районе Ленинградской области** : [справочник] / Башкиров К. С. ; [ред. Блюдова Л. К.] ; Ленингр. обл. универс. науч. б-ка. Сектор краевед. фактографии. — СПб., 2000. — 24 с. — Указ. фамилий архитекторов, скульпторов и авторов памятных мест: с. 24. Указ. персоналий участников войны, упоминаемых в тексте: с. 24.

18. **Памятники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кемеровской области: эвакогоспитали и захоронения** / Ю. П. Горелов ; Департамент культуры Администрации Кемер. обл., Кемер. гос. ун-т. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2000. — 119 с. : ил., пл. — (Материалы к Своду памятников истории и культуры России ; вып. 4). — 500 экз.

19. **Подвиги их — бессмертны** : справочник о Героях Советского Союза и полных кавалерах ордена Славы из Республики Башкортостан / Центр. гос. арх. обществ. об-ний Респ. Башкортостан ; [сост. Р. А. Валишин и др.]. — Уфа : Китап, 2000. — 398 с. : портр. — 3 000 экз.

19 а. **Подвиги их — бессмертны** : справочник о Героях Советского Союза, Героях Российской Федерации и полных кавалерах ордена Славы из Республики Башкортостан / Центр. арх. обществ. об-ний Респ. Башкортостан ; [авт.-сост.: Р. А. Валишин (отв. сост.) и др.]. — [2-е изд., испр. и доп.]. — Уфа : Китап, 2015. — 566 с. : портр. — 2 000 экз.

19 б. **Подвиги их — бессмертны** : [справочник о Героях Советского Союза, Героях Российской Федерации, Героях Социалистического Труда, полных кавалерах ордена Славы, маршалах, генералах и адмиралах по Республике Башкортостан / авт.-сост.: Р. А. Валишин (отв. ред.) и др.]. — [3-е изд., испр. и доп.]. — Уфа : Китап, 2020. — 607 с. : портр. — На обл.: 75. Победа! 1945–2020. — 2 000 экз.

20. **Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны** : краткий энциклопедический справочник / Н. В. Вишневецкий ; Гос. арх. Сахал. обл., Сахал. центр документации новейшей истории. — Южно-Сахалинск, 2000. — 167 с. : ил., карты, портр., схемы. — Указ. населен. пунктов Южного Сахалина и Курильских островов: с. 156–166. — Библиогр.: с. 167. — 1 200 экз.

20 а. **Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны** : краткий энциклопедический справочник / Н. В. Вишневецкий. — Изд. 2-е, доп. — Южно-Сахалинск : Символ ДВ — Сахалин, 2010. — 260 с. : ил., карты, портр. — Яп.-рус. топоним. указ. Южного Сахалина и Курильских островов: с. 243–255.

20 б. **Сахалин и Курильские острова в годы Второй мировой войны** : краткий энциклопедический справочник / Н. В. Вишневский. — Изд. 3-е, доп. — М. : Буки Веди, 2016. — 272 с. : ил., карты, портр. — Яп.-рус. топоним. указ. Южного Сахалина и Курильских островов: с. 252–266. — 500 экз.

21. **Слава и гордость нашего края** : героини-земляки и защитники Сталинграда / [Волгогр. обл. совет ветеранов войны, труда, вооружен. сил и правоохранит. органов ; сост. А. В. Майоров ; редкол.: П. А. Дубицкая и др.]. — Волгоград : Издатель, 2000. — 271 с. : портр. — На авантит.: 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. посвящается. — Библиогр.: с. 268. — 1 000 экз.

Герои Советского Союза, кавалеры ордена Славы.

2002

22. **Воронежцы — Герои Советского Союза** : краткий биографический словарь / сост. А. С. Сапрунов, В. И. Жихарев. — Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2002.

[Т. 1] : А — Л. — 272 с.

[Т. 2] : М — Я. — 270 с.

23. **Золотой венок славы** / [сост. и авт. вступ. ст. Ю. Д. Гусев, В. А. Харламов ; редкол.: О. Н. Савинова (отв. ред.) и др.]. — Н. Новгород : Барс XXI в., 2002. — 380 с. : портр. — 1 000 экз.

Нижегородцы — Герои Советского Союза и России.

2003

24. **Вечно помнить павших на войне** : Мордовские писатели, погибшие во время Великой Отечественной войны : биобиблиографический справочник / Т. Ф. Сафонова-Телина. — Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 2003. — 92, [1] с. : портр. — На тит. л.: К 60-летию Великой Победы. — Имен. указ.: с. 89–92. — 100 экз.

25. **Золотая слава Кубани** : краткий биографический справочник о Героях Советского Союза, Героях Российской Федерации и полных кавалерах ордена Славы / В. В. Козлов, М. Г. Кутумов, В. В. Маркелов, К. А. Обойщиков. — Краснодар : Периодика Кубани, 2003. — 171, [3] с. : портр.

25 а. **Золотая слава Кубани** : о Героях Советского Союза, полных кавалерах ордена Славы и Героях Российской Федерации / [Н. Л. Заздравных, В. В. Маркелов, З. Е. Любимова и др. ; ред. Н. Л. Заздравных, В. М. Склярова]. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Краснодар : Диапазон-В, 2019. — 243, [1] с. : портр., [4] л. ил., портр. — На тит. л.: Россия, Краснодарский край. — Библиогр.: с. 240–243 (275 назв.). — 2 000 экз.

26. **Северный административный округ Москвы** : Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации, кавалеры трех орденов Славы / Префектура Сев. адм. округа г. Москвы ; [сост. Е. Н. Мачульский, А. А. Симонов ; ред. А. А. Симонов]. — М. : Энцикл. рос. деревень : Моск. учебники, 2003. — 471 с. : портр. — Имен. указ.: с. 464–470. — Библиогр.: с. 462–463. — 2 000 экз.

27. **Энциклопедия Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»** / Гос. воен.-ист. музей-заповедник «Прохоровское поле», Фонд «Народная память». — М. : Фонд «Народная память», 2003. — 439 с. : ил., портр. — На тит. л.: Посвящается 60-летию Победы в Курской битве и 50-летию образования Белгородской области. — 1 000 экз.

Включает сведения о пос. Прохоровка и прилегающей к нему округе.

2004

28. **Золотые звезды Пармы** : [биобиблиографический справочник] / Ю. П. Зубов. — Пермь : Горт, 2004 — 86 с. : ил., портр. — (Именитые граждане Земли Коми-Пермяцкой ; вып. 7). — Библиогр.: с. 84. — 1 000 экз.

29. **Памятники города-героя Мурманска** / [ред. и сост. Т. Владимирова]. — Мурманск : Борей, 2004. — 63, [1] с. : ил. — На обл.: 60 лет Великой Победы. — 10 000 экз. — Без тит. л. Описано по обл.

2005

30. **Амурцы — Герои** : [в 3 т.] / [авт. проекта В. Ф. Саяпин]. — Благовещенск : Приамурье, 2005–2012.

Т. 1 : Амурцы — Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / [ред. совет: Ю. В. Кузнецов (пред.) и др.]. — 2005. — 435 с. : портр., [14] л. ил., портр. — Библиогр.: с. 426. — 5 000 экз.

Т. 2 : Амурцы — Герои Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., Герои Советского Союза и Герои Российской Федерации в локальных войнах, Герои Социалистического Труда и полные кавалеры ордена Трудовой Славы / [ред. совет: В. Г. Анисимова (пред.) и др.]. — 2010. — 435 с. : портр., [18] л. ил., портр. — На с. 3: 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. посвящается. — Библиогр.: с. 426. — 1 500 экз.

31. **В боях за отечество** : (биографический словарь) / А. В. Хоренков ; [под общ. ред. В. А. Константинова]. — СПб., 2005. — 262, [1] с. : портр. — На тит. л.: Михайловская военная артиллерийская академия. 1820–2005. На об. тит. л.: Посвящается 60-летию Победы в Великой Отечественной войне и 185-й годовщине Михайловской военной артиллерийской академии. — 1 000 экз.

32. **Герои битвы за Ленинград** : биографический словарь / В. Д. Доценко, Г. М. Гетманец, В. Л. Хмыров, В. Н. Щербаков. — СПб. : Судостроение, 2005. — 470, [1] с. : ил., портр. — На авантит.: Посвящается 60-летию победы в Великой Отечественной войне. — Указ. имен: с. 466–470. — 1 000 экз.

33. **Герои земли Дмитровской** : биобиблиографический справочник о Героях Советского Союза, Героях России и кавалерах ордена Славы трех степеней Дмитровского района Московской области / Администрация Дмитров. р-на Моск. обл., Центр краеведения Дмитров. центр. район. б-ки ; [сост. Н. Л. Еловская ; отв. ред. З. И. Злотникова]. — Дмитров, 2005. — 51, [1] с. : ил., портр. — 2 000 экз.

34. **Герои Советского Союза. Полные кавалеры орденов Славы** / [сост. Ю. Д. Гаранькин, И. М. Валитов]. — Оренбург : Димур, 2005. — 156 с. : ил., портр. — На с. 3: 60-летию Великой Победы посвящается. — 500 экз.

35. **Геройские звезды** : биографический справочник о Героях Советского Союза, Героях России и полных кавалерах ордена Славы / И. П. Ениватов. — Саранск : Морд. кн. изд-во, 2005. — 97, [2] с. : портр. — Библиогр.: с. 90–95. — 1 000 экз.

36. **Забайкальцы — герои Отечества** : к 60-летию Великой Победы / Администрация Чит. обл. [и др. ; отв. ред. М. В. Константинов]. — Чита, 2005. — 239, [2] с. : портр. — (Библиотека «Энциклопедии Забайкалья»). — 1 000 экз.

Герои Советского Союза, Герои России, полные кавалеры ордена Славы.

37. **Золотые звезды Новокузнецка** : Герои Советского Союза. Герои Российской Федерации : биобиблиографический справочник / Упр. культуры Администрации г. Новокузнецка, Центр. гор. б-ка им. Н. В. Гоголя ; [авт.-сост. О. В. Быкова, Е. Э. Протопопова ; ред.: Л. Н. Арефьева, Т. Н. Киреева, Л. И. Тимофеева]. — Новокузнецк, 2005. — 123 с. : портр. — (Ими гордится Новокузнецк). — На тит. л.: 60-летию Великой Победы посвящается... — 500 экз.

38. **Золотые звезды Оренбуржья** : биографический справочник / В. П. Россовский. — Изд. 2-е, перераб., доп. — Оренбург : Оренбург. лит. агентство, 2005. — 595 с. : ил., портр. — На обл. в подзаг.: 60-летию Великой Победы посвящается... — Имен. указ.: с. 588–594. — 2 000 экз.

39. **И помнит мир спасенный...** : преподаватели и сотрудники ЧГПИ — ЧГПУ — участники Великой Отечественной войны : краткие биографии / Челяб. гос. пед. ун-т ; [сост. Н. А. Вахрушева ; редкол.: В. В. Латюшин (пред.) и др.]. — Челябинск, 2005. — 115 с. :

портр. — На с. 3: Преподавателям, сотрудникам — участникам Великой Отечественной посвящается! — 250 экз.

39 а. **И помнит мир спасенный...** : преподаватели и сотрудники ЧГПИ — ЧГПУ — участники Великой Отечественной войны / Челяб. гос. пед. ун-т ; [сост. Н. А. Вахрушева ; редкол.: В. В. Садырин (пред.) и др.]. — [2-е изд., доп.]. — Челябинск, 2013. — 297 с. : портр. — На с. 5: Преподавателям, сотрудникам — участникам Великой Отечественной посвящается! — 150 экз.

40. **Институт востоковедения: защитники Отечества (1941–1945 гг.)** / РАН. Ин-т востоковедения ; [ред.-сост. Н. Ю. Агеев]. — М. : ИВ РАН, 2005. — 253 с. — На тит. л. и обл.: К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Указ. имен: с. 250–253. — 300 экз.

41. **Книга боевой славы Воронежской государственной медицинской академии имени Н. Н. Бурденко** : (к 60-летию Великой Победы) / [редкол.: И. Э. Есауленко и др.]. — Воронеж : [Водолей], 2005. — 118 с. : портр. — 500 экз.

41 а. **Книга боевой славы Воронежской государственной медицинской академии имени Н. Н. Бурденко** : (к 65-летию Великой Победы) : монография / [под общ. ред. И. Э. Есауленко]. — Изд. 2-е, испр., доп. и перераб. — Воронеж : Науч. книга, 2010. — 95 с. : ил., портр., [1] л. ил. — На тит. л.: Ушедшим — память, Живущим — слава, Грядущим — надежда! — 1 000 экз.

41 б. **Книга боевой славы Воронежской государственной медицинской академии имени Н. Н. Бурденко** : (к 70-летию Великой Победы) : монография / [под общ. ред. И. Э. Есауленко]. — 3-е изд., испр., перераб. и доп. — Воронеж : Науч. книга, 2015. — 127 с. : портр., табл., факс. — Имен. указ.: с. 123–124. — Библиогр.: с. 126. — На тит. л.: Ушедшим — память, Живущим — слава, Грядущим — надежда! — 200 экз.

42. **Медики Чувашии в годы войны** : [энциклопедия] / Г. А. Алексеев ; [гл. ред. Н. В. Суслонова] ; Минздрав Чуваш. Респ. — Чебоксары : ЧГИГН, 2005. — 465 с. : портр. — 500 экз.

42 а. **Медики Чувашии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.** : энциклопедия / Г. А. Алексеев ; [Ин-т усовершенствования врачей М-ва здравоохранения и социал. развития Чуваш. Респ.]. — 2-е, доп. изд. — Чебоксары, 2010. — 325 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 324. — 500 экз.

43. **Они ковали Победу!** : профессорско-преподавательский состав, сотрудники и студенты Сталинградского государственного педагогического института — участники Великой Отечественной войны и труженики тыла / Волгогр. гос. пед. ун-т ; [сост. Н. В. Широ, С. В. Широ, М. С. Широ ; редкол.: В. И. Данильчук и др.]. — Волгоград : Перемена, 2005. — 234 с. : ил., портр. — На тит. л.: К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. — 250 экз.

44. **Сотрудники ИМГРЭ** : участники Великой Отечественной войны и труженики тыла, 1941–1945 гг. / МПР России Роснедра, РАН, Ин-т минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов ; [сост. А. М. Антошин, Е. М. Еськова, Т. И. Нефелова ; отв. ред. А. А. Кременецкий]. — 2-е изд., доп. — М., 2005. — VIII, 78, [1] с. — Указ. имен и фамилий участников и ветеранов войны: с. 77–78. — 300 экз.

44 а. **Сотрудники ИМГРЭ — участники Великой Отечественной войны и труженики тыла, 1941–1945 гг.** / Ин-т минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов ; [сост.: Бондаренко И. В., Максимюк И. Е., Поликашина Н. С. и др. ; отв. ред. Спиридонов И. Г.]. — 3-е изд., доп. — М., 2020. — 195 с. : ил., портр. — Указ. имен и фамилий ветеранов боевых действий и тружеников тыла: с. 193–194. — 200 экз.

45. **Твои Герои, Карелия** / Карел. респ. Совет ветеранов [и др. ; авт.-сост. М. А. Бабушкин]. — Петрозаводск : Карелия, 2005. — 191 с. : портр. — Имен. указ.: с. 190–191. — 500 экз.

Герои Советского Союза.

46. **Томск в судьбе героев** : краткий биографический справочник Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы I степени / Департамент по молодеж. политике, физ. культуре и спорту Администрации Том. обл., Центр документации новейшей истории Том. обл. ;

[сост.: Н. Б. Морокова ; редкол.: М. В. Томилова (отв. ред.) и др.]. — Томск, 2005. — 167 с. — На тит. л.: 60-летию Победы посвящается. — Имен. указ.: с. 163–166. — 1 000 экз.

46 а. **Томск в судьбе героев** : краткий биографический справочник Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы I степени / Департамент по молодеж. политике, физ. культуре и спорту Администрации Том. обл., Центр документации новейшей истории Том. обл. ; [сост. Н. Б. Морокова]. — [2-е изд., доп. и испр.]. — Томск : Ветер, 2010. — 207 с. — На обл.: 65 лет Победы. — Имен. указ.: с. 203–206. — 1 000 экз.

46 б. **Томск в судьбе героев** : краткий биографический справочник Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы трех степеней / Администрация г. Томска, Центр документации новейшей истории Том. обл. ; [сост. Н. Б. Морокова]. — [3-е изд., доп. и испр.]. — Томск : Ветер, 2015. — 247 с. : ил. — Имен. указ.: с. 243–246. — 1 000 экз.

2006

47. **Герои Прикамья** : [биографический справочник / проект З. Р. Козловой]. — Пермь : Пушка, 2006. — 479 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 472. — 3 000 экз.

Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации, полные кавалеры ордена Славы, Герои Социалистического Труда.

48. **Подвиги во имя Отечества бессмертны** : книга о героях Советского Союза, Российской Федерации, причастных к земле Саратовской / Н. Н. Тимонин. — Саратов : Приволж. кн. изд-во, 2006. — 280 с. : ил., портр. — 1 000 экз.

2007

49. **Журналисты-фронтовики Республики Коми** : биобиблиографический справочник / Нац. б-ка Респ. Коми. Отд. период. изд., Союз журналистов Респ. Коми ; [сост. Н. М. Кочегарова, Л. В. Игушева, Е. Н. Шведова ; лит. ред. Р. И. Бихерт]. — Сыктывкар, 2007. — 212 с. : портр. — На с. 3: Посвящается 90-летию печати Республики Коми. — 220 экз.

50. **Они сражались в Заполярье: Герои Советского Союза, 1939–1945** : боевые биографии / Владимир Сорокажердьев. — Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 2007. — 303 с. : карты, портр. — На авантит.: 50 лет Мурманскому областному книжному издательству. — Алф.-темат. указ.: с. 292–296. — Библиогр.: с. 297–300. — 1 000 экз.

51. **Отчизны верные сыны** : выпускники и преподаватели Военно-морской академии — Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда и Герои Российской Федерации : биографический справочник / Ю. В. Варганов ; под общ. ред. Ю. Н. Сысуева. — СПб. : Система, 2007. — 469 с. : портр. — 990 экз.

52. **Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943** : энциклопедия / Администрация Волгогр. обл. [и др.] ; редкол.: М. М. Загоруйко (гл. ред.) [и др.]. — Волгоград : Издатель, 2007. — 511 с. : ил., карты, пл., портр. — Библиогр.: с. 498–504. — Загл. парал. рус., англ. — 1 000 экз.

52 а. **Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943** : энциклопедия / Администрация Волгогр. обл. [и др.] ; редкол.: М. М. Загоруйко (гл. ред., рук. авт. коллектива) [и др.]. — 2-е изд., испр. и доп. — Волгоград : Издатель, 2010. — 751 с. : ил., карты, портр. — На авантит.: Советскому народу, отстаившему свободу и независимость своей Родины, посвящается. — Библиогр.: с. 720–742. — Загл. парал. рус., англ. — 1 000 экз.

52 б. **Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943** : энциклопедия / Администрация Волгогр. обл. [и др.] ; редкол.: М. М. Загоруйко (гл. ред., рук. авт. коллектива) [и др.]. — 3-е изд., испр. и доп. — Волгоград : Издатель, 2010. — 751 с. : ил., карты, портр. — На авантит.: Советскому народу, отстаившему свободу и независимость своей Родины, посвящается. — Библиогр.: с. 720–742. — 850 экз.

52 в. **Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943** : энциклопедия / Администрация Волгогр. обл. [и др.] ; редкол.: М. М. Загоруйко (гл. ред., рук. авт. коллектива) [и др.]. — 4-е изд. — Волгоград : Издатель, 2010. — 751 с. : ил., карты, портр. — На авантит.: Совет-

скому народу, отстоявшему свободу и независимость своей Родины, посвящается. — Библиогр.: с. 720–742. — 1 300 экз.

52 г. **Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943** : энциклопедия / Правительство Волгогр. обл. [и др.] ; редкол.: гл. ред. Загорулько М. М. [и др.]. — 5-е изд., испр. и доп. — Волгоград : Издатель, 2012. — 798 с. : ил., карты, портр. — На авантит.: Советскому народу, отстоявшему свободу и независимость своей Родины, посвящается. — Библиогр.: с. 758–783. — 2 000 экз.

52 д. **Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943** : энциклопедия / Администрация Волгогр. обл. [и др.] ; редкол.: гл. ред., рук. авт. коллектива Загорулько М. М. [и др.]. — 6-е изд., доп. — Волгоград : Издатель, 2015. — 806 с. : ил., карты, портр. — На авантит.: Советскому народу, отстоявшему свободу и независимость своей Родины, посвящается. — Библиогр.: с. 764–787. — 1 500 экз.

52 е. **Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943** : энциклопедия / Администрация Волгогр. обл. [и др.] ; редкол.: гл. ред., рук. авт. коллектива Загорулько М. М. [и др.]. — 7-е изд., доп. — Волгоград : Издатель, 2017. — 838 с. : ил., карты, портр. — Имен. указ.: с. 793–817. Указ. карт и схем: с. 818. — Библиогр.: с. 778–792. — 1 940 экз.

52 ж. **Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943** : энциклопедия / Администрация Волгогр. обл. [и др.] ; редкол.: гл. ред., рук. авт. коллектива: Загорулько М. М. [и др.]. — [8-е изд.?]. — Волгоград : Издатель, 2020. — 847 с. : ил., карты, портр. — На авантит.: 75. Победа! 1945–2020. Советскому народу, отстоявшему свободу и независимость своей Родины, посвящается. — Имен. указ.: с. 802–826. Указ. карт и схем: с. 827. — Библиогр.: с. 787–801. — 500 экз.

52 з. **Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943** : энциклопедия / Администрация Волгогр. обл. [и др. ; редкол.: Загорулько М. М. (гл. ред.) и др.]. — 8-е изд. — Волгоград : Издатель : ГКУ ВО ЦИМТО, 2023. — 847 с. : ил., карты, портр., схемы. — На авантит.: Советскому народу, отстоявшему свободу и независимость своей Родины, посвящается. — Имен. указ.: с. 802–826. — Библиогр.: с. 787–801. — 1 000 экз.

2008

53. **Герои Оренбуржья** / Георгий Мохунов. — Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2008. — 270, [1] с. : портр., [8] л. ил., портр. — 860 экз.

Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, Герои Российской Федерации, полные кавалеры орденов Славы и Трудовой Славы.

53 а. **Герои Оренбуржья** / Георгий Мохунов. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2013. — 375 с. : портр., [8] л. ил., портр. — 500 экз.

Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, Герои Российской Федерации, полные кавалеры орденов Славы и Трудовой Славы, полные кавалеры Георгиевского креста.

53 б. **Герои Оренбуржья** / Георгий Мохунов. — Изд. 3-е, доп. и перераб. — Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2016. — 374, [1] с. : портр., [8] л. ил., портр. — 100 экз.

54. **Гордость и слава Кузбасса, 1941–1945** / З. П. Верховцева. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. — 580 с. : ил., портр. — Геогр. указ. ...: с. 464–470. Имен. указ.: с. 571–579. — 1 000 экз.

Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации, кавалеры ордена Славы трех степеней.

55. **Дагестанцы** : Герои России, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда / [сост. З. З. Ильясов]. — Махачкала : Дагест. кн. изд-во, 2008. — 352 с. : ил., портр.

56. **Подвигу доблести — память и честь** : дмитриевцы — участники Курской битвы : биобиблиографический справочник / Межпоселен. б-ка Дмитриев. р-на ; [сост. Л. Н. Заричук, Ж. И. Сахарова]. — Дмитриев, 2008. — 72 с. : портр. — На тит. л.: 65-летию Курской битвы посвящается.

57. **Судьбы курсантские** : о выпускниках Краснодарского пулеметно-минометного училища, окончивших его в первой половине 1943 года : историко-биографический справочник / В. В. Винокуров, Н. С. Лапенко. — Краснодар : Диапазон-В, 2008. — 439, [1] с. : портр., [4] л. ил. — 500 экз.

2009

58. **Золотое сияние над Воронежской землей** / Гос. арх. Воронеж. обл., Ком. ветеранов войны и воен. службы Воронеж. обл. ; [редкол.: А. Н. Юрасов (гл. ред.)]. — Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2009. — 299, [1] с. : ил., портр. — Имен. указ.: с. 292–298. — Библиогр.: с. 289–291. — 500 экз.

Полные кавалеры Георгиевского креста, Герои Советского Союза, кавалеры ордена Трудовой Славы трех степеней, Герои Труда, Герои Социалистического Труда, кавалеры орденов Трудовой Славы трех степеней, Герои Российской Федерации.

59. **Иркутские геологи в Великой Отечественной войне** / Иркут. гос. ун-т. Геол. фак., Ассоц. выпускников и сотрудников геол. фак. Иркут. гос. ун-та (ГеоИГУ) ; [сост. В. В. Андреев и др. ; ред. совет: В. В. Андреев (отв. ред.) и др.]. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2009. — 180 с. : ил., портр. — (Геологи Сибири ; вып. 4). — На авантит.: Посвящается живым и павшим иркутским геологам — участникам Великой Отечественной войны. — Библиогр.: с. 177. — 225 экз.

2010

60. **Богатыри земли Русской** : кировчане — Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы / Киров. ист.-краевед. музей ; [сост. А. А. Бауэр]. — Калуга : Полиграф-Информ, 2010. — 35 с. : ил., портр. — На тит. л.: 65-летию Великой Победы посвящается. — 500 экз.

61. **В суровые годы...** : Московский (Кагановичский) район Нижнего Новгорода в годы Великой Отечественной войны : справочник / [сост. В. В. Страхова, Т. В. Кучерова]. — Н. Новгород : Кварц, 2010. — 35, [1] с. : ил., портр. — На тит. л.: К 65-летию Победы.

62. **«Во имя павших и живых во имя...»**. Книга памяти Казанского университета / [сост. В. Ф. Телишев ; науч. ред. Р. Г. Минзарипов]. — Казань : Казан. гос. ун-т, 2010. — 122 с. — 300 экз.

63. **Выстояли и победили** : сотрудники и преподаватели УлГТУ — участники Великой Отечественной войны : биобиблиографический справочник / Ульянов. гос. техн. ун-т. Науч. б-ка. Науч.-библиогр. отд. ; [сост. Н. П. Шерстнева ; под ред. В. А. Андреева]. — Ульяновск, 2010. — 234 с. : портр. — Имен. указ.: с. 219–230. — 50 экз.

64. **Геологи — участники Великой Отечественной войны**: биографический словарь студентов и выпускников Казанского университета / В. М. Смелков, Н. С. Чугунова ; [науч. ред. В. М. Смелков]. — Казань : Казан. гос. ун-т, 2010. — 127 с. : портр. — 250 экз.

65. **Герои-коломенцы** / А. И. Кузовкин. — Коломна : Лига, 2010. — 237, [2] с. : портр. — На тит. л.: К 65-летию Великой Победы. — 1 000 экз.

66. **День Победы приближали как могли...** : преподаватели и сотрудники ЧГПИ — ЧГПУ — труженики тыла : краткие биографии / Челяб. гос. пед. ун-т ; [сост. И. А. Филиппова ; редкол.: В. В. Латюшин (пред.) и др.]. — Челябинск, 2010. — 170 с. : портр. — На тит. л.: 65-летию Великой Победы посвящается. — 150 экз.

67. **Золотые звезды города Кемерово** : Герои Советского Союза. Герои Российской Федерации : [краткий биографический справочник] / Администрация г. Кемерово, [Централиз. библиот. система г. Кемерово ; сост. О. А. Макарова, С. А. Алехина ; ред. И. Л. Иноземцев, А. А. Боронихин]. — Кемерово, 2010. — 90 с. : ил., портр. + 1 CD-ROM. — На тит. л.: 65-летию Великой Победы посвящается. — Библиогр.: с. 90. — 520 экз.

68. **Золотые звезды Оренбуржья** : [биографический справочник] / Правительство Оренбург. обл. М-во культуры, обществ. и внеш. связей, Оренбург. обл. обществ. орг. пенсионеров, инвалидов-ветеранов войн, труда, вооружен. сил и правоохранит. органов ; [авт.-сост. и ред. Е. А. Урбанович]. — Оренбург : Оренбург. лит. агентство, 2010. — 351 с. : ил., портр. —

На тит. л.: 65 лет. Победа в Великой Отечественной войне. На об. тит. л.: Памяти В. П. Россовского, участника Великой Отечественной войны, патриота и краеведа Оренбуржья. — Имен. указ.: с. 349–351. — 5 000 экз.

69. **Каталог памятников воинской славы и воинских захоронений Самарской области** / [под общ. ред. Рыбаковой О. В. ; гл. ред. Агрофенина Л. И.]. — Самара : Агни, 2010. — 479, [1] с. : ил., портр. — На тит. л.: 65-летие Великой Победы.

70. **Ленинградская блокада от А до Я** / Игорь Богданов. — СПб. : Кентавр, 2010. — 411, [5] с. : ил., портр., [24] л. ил., портр. — Библиогр.: с. 394–397. — 1 500 экз.

71. **Медики Заречного — в тылу и в бою** : биобиблиографический справочник. — Заречный, 2010– .

Ч. 1 : Участники Великой Отечественной войны / [сост. И. В. Тюрина]. — 2010. — 63, [1] с. : портр. — 65-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается. — Указ. имен: с. [1].

72. **Мемориальные, информационные доски и памятники Великой Отечественной войны** : справочник / [сост.: И. В. Ульянова и др. ; отв. ред. М. М. Маслов]. — Новокузнецк, 2010. — 71, [1] с. : ил. — На обл.: Дважды орденоносный город Новокузнецк.

73. **Новосибирцы — Герои Отечества** / Администрация Новосиб. обл. [и др. ; авт. замысла проекта и гл. ред. С. Н. Станков ; авт.-сост. С. Н. Станков, С. Б. Виноградов]. — Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2010. — 767 с. : портр. — Алф. указ.: с. 737–742. — Библиогр.: с. 743–766. — 4 300 экз.

74. **Они победили и вернулись домой** : биографический справочник / [Администрация Кочев. муницип. р-на ; ре. Л. П. Ратегова, В. Н. Коколева]. — Пермь : Звезда, 2010. — 432 с. : ил., портр. — 500 экз.

Участники Великой Отечественной войны Кочевского района Коми-Пермяцкого округа.

75. **Писатели-фронтовики Кубани и Адыгеи** : [биобиблиографический справочник] / [сост. И. В. Селищева, А. Я. Асылканова ; ред. П. С. Макаренко]. — Краснодар : Традиция, 2010. — 87 с. : ил., портр. — 1 000 экз.

76. **Подвиг их бессмертен** : судьбы студентов, аспирантов и сотрудников Томского государственного университета в годы Великой Отечественной войны / Том. гос. ун-т, Гос. арх. Том. обл. ; под ред. С. Ф. Фоминых ; [сост.: Фоминых С. Ф., Некрылов С. А., Делич И. Б. и др.]. — Томск, 2010. — 366, [1] с., [18] л. ил. : ил., портр. — Имен. указ.: с. 353–366. — 300 экз.

76 а. **Подвиг их бессмертен** : судьбы студентов, аспирантов и сотрудников Томского государственного университета в годы Великой Отечественной войны / Нац. исслед. Том. гос. ун-т, Гос. арх. Том. обл. ; под ред. С. А. Некрылова ; [авт. коллектив: С. А. Некрылов, И. А. Дунбинский, С. Ф. Фоминых и др.]. — 2-е изд., испр. и доп. — Томск : [Изд. дом Том. гос. ун-та], 2020. — 410 с. : ил., портр. — Имен. указ.: с. 395–409. — 100 экз.

77. **Ростовская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.** : энциклопедический словарь-справочник / Межрегион. обществ. орг. «Юж. рубеж», Рост. обл. клуб «Память-Поиск» ; [авт.-сост. В. К. Щербанов]. — Ростов н/Д. : Проф-Пресс, 2010. — 479 с. : портр. — 1 000 экз.

77 а. **Ростовская область в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов** : словарь-справочник / Правительство Рост. обл. Ком. по молодеж. политике Рост. обл., Центр патриот. воспитания молодежи Рост. обл., Рост. обл. клуб «Память-Поиск» ; [авт.-сост.: В. К. Щербанов]. — Ростов н/Д. : Печатная лавка, 2014. — 467 с. : портр. — 1 000 экз.

78. **Сотрудники НИИЯФ МГУ — участники Великой Отечественной войны** : к 65-летию Победы / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, НИИ ядер. физики им. Д. В. Скобельцына ; [кн. подготовлена О. В. Беспаловой и др.]. — М. : Книжный дом Университет, 2010. — 117, [1] с. : ил., портр. — 150 экз.

79. **Страницы памяти, 1941–1945** : художники Ленинградского Союза советских художников, погибшие в годы Великой Отечественной войны и в блокаду Ленинграда : справочно-мемориальный сборник / Ком. по культуре Мэрии Санкт-Петербурга, С.-Петерб. союз художников [и др. ; рук. проекта Л. В. Балахнина ; сост. Ю. В. Басов, Л. С. Конова ; гл. ред. и авт. примеч. Л. С. Конова]. — СПб. : Петрополис, 2010. — 340 с. : ил., портр. — Имен. указ.: с. 322–329. — 1 000 экз.

80. **Томские политехники — солдаты Великой Отечественной** : биографический справочник / [Нац. исслед. Том. политехн. ун-т ; сост. Р. А. Галанова, М. В. Ведяшкин, В. В. Беккер, Р. С. Василевский ; под общ. ред. П. С. Чубика]. — Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2010. — 239 с. : портр. — На обл.: 65 лет Победы! — 200 экз.

81. **Ярославская область в годы Великой Отечественной войны** : научно-популярное справочное издание / Упр. по делам архивов Правительства Яросл. обл., Гос. арх. Яросл. обл., Фил. ГУ «ГАЯО» Центр документации новейшей истории ; [сост.: Г. А. Казаринова, О. В. Кузнецова ; под общ. ред. О. В. Кузнецовой]. — Ярославль : Индиго, 2010. — 398, [1] с., [32] л. ил. — На тит. л.: К 65-летию Великой Победы. — Библиогр.: с. 373–395. — 1 000 экз.

2011

82. **Время не властно над памятью.** Золотой фонд (ветераны Великой Отечественной войны Омского института ветеринарной медицины) : биографический справочник / [редкол.: В. И. Мироненко, И. Г. Трофимов]. — Омск : Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2011. — 127 с. : ил., портр. — 100 экз.

83. **Герои Вологодчины** : [энциклопедический словарь биографий] / [редкол. под рук. В. Е. Позгалева в составе: В. М. Бабкин и др.]. — Вологда : [Фест], 2011. — 319 с. : портр., [2] л. ил. — Библиогр.: с. 310–312. — 2 000 экз.

83 а. **Герои Вологодчины** : полные Георгиевские кавалеры, Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы, Герои Российской Федерации : [энциклопедический словарь биографий / редкол.: О. А. Кувшинников (рук.) и др.]. — 2-е изд., доп. — Вологда : [Волог. обл. информ. центр], 2015. — 231 с. : портр., [30] л. ил., портр. — На обл.: 70-летию Великой Победы посвящается. — Библиогр.: с. 225–226. — 2 000 экз.

84. **Женщины-геологи Казанского университета — труженицы тыла Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.** : биографический словарь / В. М. Смелков, Н. С. Чугунова ; [отв. ред. В. Н. Напалков]. — Казань : Казан. ун-т, 2011. — 45 с. : портр. — Библиогр.: с. 45 (13 назв.). — 250 экз.

85. **Знаменитые люди Санкт-Петербурга** : биографический словарь : в 15 т. — СПб. : Аврора-Дизайн, 2005–2011.

Т. 9, кн. 1 [!]: Герои Великой Отечественной войны 1941–1945 / В. Д. Доценко. — 2011. — 496 с. : ил. — 10 000 экз.

[Т. 9, кн. 2?]: Герои Великой Отечественной войны 1941–1945 / В. Д. Доценко, С. И. Макаров. — 2011. — 345 с. : ил.

86. **Они защищали Ленинград** / В. Д. Доценко, Г. М. Гетманец, С. И. Макаров, В. Н. Щербаков ; [редкол.: В. Д. Доценко (пред.) и др.]; Ист.-культур. центр «Личность Петербурга». — СПб. : Аврора-Дизайн, 2011. — 669, [1] с. : ил., портр. — На авантит.: Посвящается 65-летию победы в Великой Отечественной войне. — Указ. имен: с. 656–669. — 100 экз.

87. **Памятники Второй мировой войны 1939–1945 гг.** : Волосовский район, Гатчинский район, Кировский район, Ломоносовский район, г. Сосновый Бор, Тосненский район / [сост.: Седельников Алексей]. — СПб., 2011. — 220 с. : ил., схема, карты. — (Книга Памяти).

88. **Помните нас** : мемориалы, памятники и обелиски воинам, погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : Октябрьский район ХМАО — Югра, Тюменская область : информационный каталог / [сост. Н. В. Крюкова]. — Ханты-Мансийск : Информ.-изд. центр, 2011. — 44 с. : ил.

2012

89. **Воинские памятники и мемориалы Одинцовской земли** : каталог-путеводитель ; [авт.-сост.: Кузнецов А. В., Лукашова С. А. ; под ред. О. А. Ломакина]. — Одинцово, 2012. — 239, [7] с. : ил., карты-схемы, табл. — Библиогр.: с. 19 (12 назв.). — 1 000 экз.
90. **Вологжане в Сталинградской битве** : [энциклопедический словарь биографий / редкол.: В. К. Смирнов и др.]. — Вологда : Полиграф-Периодика, 2012. — 170, [5] с. : портр., [2] л. ил. — Библиогр.: с. 170. — 1 000 экз.
91. **Герои Советского Союза города Тайги** / [авт.-сост. Е. В. Ерюжева, Л. Ф. Кузьмина ; ред. коллектив: Н. В. Кинева, О. А. Белова, А. В. Зуева]. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. — 95, [1] с. : ил., портр. — (Золотая гвардия Тайги). — 120 экз.
92. **Герои-касимовцы** : очерки о касимовцах — Героях Советского Союза и России, Героях Социалистического Труда / [сост. Т. З. Куприна]. — Рязань : Пресса, 2012. — 510, [2] с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 509–510. — 1 000 экз.
93. **Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов** : призваны на военную службу из Кабардино-Балкарии / О. Л. Опрышко ; [науч. ред. Б. Х. Бгажноков] ; Ин-т гуманитар. исследований Правительства К[абардино-]Б[алкар.]Р[есп.] и К[абардино-]Б[алкар.]Н[ауч.]Ц[ентра] РАН. — Нальчик : [Изд. отд. КБИГИ], 2012. — 165 с. : ил., портр., [4] л. ил. — 500 экз.
- 93а. **Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов** : призваны на военную службы из Кабардино-Балкарии / О. Л. Опрышко ; [науч. ред. Б. Х. Бгажноков] ; Ин-т гуманитар. исследований Правительства К[абардино-]Б[алкар.]Р[есп.] и К[абардино-]Б[алкар.]Н[ауч.]Ц[ентра] РАН. — 2-е изд., [доп.]. — Нальчик : [Изд. отд. КБИГИ], 2013. — 196, [3] с. : портр., [4] л. ил. — 500 экз.
94. **Малая энциклопедия Кавказского района. Кавказский район в годы Великой Отечественной войны** / Центр. межпоселен. б-ка муницип. образования Кавказ. р-н. — ст-ца Кавказская, 2012. — 84 с. : ил.
95. **Памятники Второй мировой войны 1939–1945 гг.** : Выборгский район / [сост.: Седелников Алексей]. — Выборг, 2012. — 80 с. : ил. — (Книга Памяти). — 1 000 экз.

2013

96. **Золотое созвездие Сахалинской области** / А. М. Пашков. — Южно-Сахалинск : Сахал. обл. тип., 2013. — 135, [2] с. : ил., портр. — (Подвигам отцов верны). — Алф.-имен. указ.: с. 125–128. — Библиогр.: с. 132–133. — 300 экз.
- Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы, Герои Социалистического Труда.
97. **«Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...»** : библиографический справочник об уроженцах Любытинского района, удостоенных звания Героев Советского Союза и Социалистического Труда / М[ежпоселен.] ЦБС Любытин. муницип. р-на. Центр. район. б-ка ; сост. С. В. Катыхова. — Любытино, 2013. — 25 с. : ил.
98. **Курская битва** : первая иллюстрированная энциклопедия / Алексей Исаев. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 367 с. : ил., карты, портр. — (Генеральные сражения Великой Отечественной). — Библиогр.: с. 367. — 2 000 экз.
- 98 а. **Курская битва** : всё о сражении, решившем судьбу Второй мировой / Алексей Исаев. — М. : Эксмо : Яуза, 2018. — 367 с. : ил., карты, портр. — Библиогр.: с. 367. — [(Главные сражения Великой Отечественной. Иллюстрированная энциклопедия)]. — 1 000 экз.
- 98 б. **Курская битва** : всё о сражении, решившем судьбу Второй мировой : [иллюстрированная энциклопедия] / Алексей Исаев. — М. : Яуза-пресс, 2023. — 367 с. : ил., карты, портр. — Библиогр.: с. 367. — 1 200 экз.
99. **Памяти павших за Родину** : ленинградские писатели, погибшие на войне / [сост. А. И. Белинский]. — СПб. : Дума, 2013. — 147 с. — 100 экз.

100. **Памятники Второй мировой войны 1939–1945 гг.** : Всеволожский район / [сост.: Седелников Алексей]. — СПб., 2013. — 110 с. : ил. — (Книга Памяти).

101. **Памятники Второй мировой войны 1939–1945 гг.** : Ломоносовский район / [сост.: Седелников Алексей]. — СПб., 2013. — 72 с. : ил. — (Книга Памяти).

102. **Памятники Второй мировой войны 1939–1945 гг.** : Сосновоборский городской округ / [сост.: Седелников Алексей]. — СПб., 2013. — 12 с. : ил. — (Книга Памяти).

2014

103. **Золотая слава Дагестана** : биографический словарь / [А. Г. Дейнега ; сост. И. А. Кузьмина] ; Нац. б-ка Респ. Дагестан им. Р. Гамзатова. Служба науч. информ. По культуре и искусству. — Махачкала, 2014. — 67 с., [6] л. ил., портр. — На тит. л.: 2014 год культуры. — 100 экз.

Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы.

104. **Керченский полуостров в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов** : словарь-справочник / Общерос. общ. движение «Поисковое движение России», Рост. обл. клуб «Память-Поиск» ; [авт.-сост.: В. К. Щербанов, В. В. Симонов, О. И. Демиденко]. — Ростов н/Д. : Печатная лавка, 2014. — 355 с. : ил. — 1 500 экз.

105. **Мы еще в строю** : сборник биографий участников Великой Отечественной войны, проживающих в Республике Коми / [Администрация Главы Респ. Коми, Коми респ. совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда, вооружен. сил и правоохранит. органов ; гл. ред., сост. А. Т. Гончаров]. — Сыктывкар : Коми респ. тип., 2014. — 401 с. : ил., портр. — (Память огненных лет ; кн. 5). — 1 000 экз.

106. **Памятники Второй мировой войны 1939–1945 гг.** : Невский район / [авт. коллектив: О. В. Исаева, А. Б. Лябин, А. А. Седелников, Л. А. Харитонов ; под ред. А. А. Седелникова ; при поддержке администрации Нев. р-на]. — СПб., 2014. — 56 с. : ил., портр., схема. — (Книга Памяти). — На с. 3: 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается. — Библиогр.: с. 55.

107. **Сталинград** : иллюстрированная энциклопедия : [всё о переломном сражении Великой Отечественной] / Алексей Исаев. — М. : Эксмо : Яуза, 2014. — 268, [2] с. : ил., карты, планы, портр. — (Генеральные сражения Великой Отечественной). — Библиогр.: с. 266–268 (81 назв.). — 1 000 экз.

108. **Страницы памяти, 1941–1945** : художники Санкт-Петербургского (Ленинградского) союза художников — ветераны Великой Отечественной войны : справочно-биографический сборник / С.-Петерб. союз художников ; [рук. проекта Л. В. Балахнина ; сост. Л. С. Конова, Л. В. Балахнина ; гл. ред. и авт. примеч. Л. С. Конова]. — СПб. : [Петрополис], 2014. — На тит. л.: Посвящается 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. — 500 экз.

Кн. 1 : [А — Л]. — 739 с. : ил., портр. — Указ. имен: с. 709–723. — Библиогр.: с. 739 (6 назв.).

Кн. 2 : [М — Я]. — 689 с. : ил., портр. — Указ. имен: с. 659–672. — Библиогр.: с. 689 (6 назв.).

2015

109. **Ветераны Великой Отечественной войны Дальневосточного федерального университета** : к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / Дальневост. федер. ун-т ; [сост. В. В. Бураков, А. В. Мочалов, С. В. Куличков и др.]. — Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2015. — 255 с. : ил., портр. — Алф. указ.: с. 249–255. — 200 экз.

110. **Во славу павших, во имя живых** : памятники и памятные места Пскова, связанные с событиями Великой Отечественной войны / Централиз. библ. система г. Пскова ; [рук. проекта: Г. Н. Большакова ; сост.: Бакалова С. Л., Подабулкина А. И., Русанова Л. Ф. и др.]. — [Изд. 3-е, перераб. и доп.]. — Псков : [ЛОГОС Плюс], 2015. — 83 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 77–80. — 300 экз.

111. **Вспомним сердцем своим...** / Сев.-Вост. федер. ун-т им. М. К. Амосова ; [Р. И. Петрова, В. С. Сивцева, С. И. Петрова, М. Н. Максимова]. — Якутск, 2015. — 405 с. : портр. — На тит. л.: Посвящается 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Библиогр.: с. 401–404 (40 назв.). — 250 экз.

О преподавателях, работавших во время Великой Отечественной войны в Якутском педагогическом и Учительском институтах, участниках и ветеранах войны — преподавателях и сотрудниках университета.

112. **Герои Великой Победы** : фронтовые дороги и подвиги участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов преподавателей и сотрудников НГПИ–НСХИ–НГСХА–НПИ–НОВГУ / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого ; рук. проекта Е. С. Быстров ; отв. ред. А. Л. Гавриков. — Великий Новгород, 2015. — 191, [1] с. : ил. — Победа! 70 лет. — 100 экз.

113. **Герои Отечества. Колыма и Чукотка** : Герои Советского Союза, Герои России и полные кавалеры ордена Славы, Герои Социалистического Труда и полные кавалеры ордена Трудовой Славы : биобиблиографический справочник / Магад. обл. универс. науч. б-ка им. А. С. Пушкина ; [сост. И. М. Морякова ; редкол.: О. А. Толоконцева (отв. ред.) и др.]. — Магадан : Охотник, 2015. — 165 с. : ил., портр. — Указ. персоналий: с. 164. — Библиогр.: с. 116–117. — 200 экз.

113 а. **Герои Отечества. Колыма и Чукотка** : Герои Советского Союза, Герои России и полные кавалеры ордена Славы, Герои Социалистического Труда и полные кавалеры ордена Трудовой Славы : биобиблиографический справочник / Магад. обл. универс. науч. б-ка им. А. С. Пушкина ; [сост. И. М. Морякова ; редкол.: О. А. Толоконцева (отв. ред.) и др.]. — [2-е изд.]. — Магадан : Охотник, 2020. — 149, [2] с. : ил., портр. — Указ. персоналий: с. [1]. — Библиогр.: с. 118. — 500 экз.

114. **Город Березники в годы Великой Отечественной войны** : (справочник) / [Березников. ист.-худож. музей им. И. Ф. Коновалова ; отв. ред.: О. Н. Варнакова]. — Березники, 2015. — 152 с. : ил., портр. — На с. 3: Посвящается 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Библиогр.: с. 143–146. — 1 000 экз.

115. **Дорогами Победы! Биологи МГУ имени М. В. Ломоносова — фронтовики и труженники тыла Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.** / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; [сост.: Л. Л. Данилкина, Е. Н. Жарикова, В. Г. Крейер ; редкол.: М. П. Кирпичников (пред.) и др.]. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. — 247 с. : ил., портр. — Имен. указ.: с. 243–246. — Библиогр.: с. 241–242. — 500 экз.

116. **Золотые звезды Карачаево-Черкесии** / Карачаево-Черкес. Респ. Гос. Нац. б-ка им. Х. Б. Байрамуковой ; [авт. проекта и ред. Хапчаев С. Ю. ; сост. Боюнсузова Р. Б.]. — Черкесск, 2015. — 145 с. : ил., портр. — Имен. указ.: с. 141–142. — Библиогр.: с. 136–140. — 150 экз.

Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации, полные кавалеры ордена Славы, Герои Социалистического Труда, полные кавалеры ордена Трудовой Славы.

117. **Золотые звезды пушкинцев** / Василий Панченков. — М. : Граф Сервис, 2015–2016. — 1 000 экз.

Кн. 1. — 2015. — 247 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 239–240.

Кн. 2. — 2016. — 191 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 183–184.

Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации, кавалеры орденов Славы трех степеней, Герои Труда (до 1938 г.) и Герои Социалистического Труда, родившиеся, проживавшие или служившие на территории Пушкинского муниципального района Московской области.

118. **Иркутяне — Герои Советского Союза, Герои России, полные кавалеры ордена Славы** / [авт.-сост. А. В. Ануфриев и др. ; науч. ред. С. И. Кузнецов]. — Иркутск : Оттиск, 2015. — 255 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 249–250. — 300 экз.

119. **Москва в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов** : энциклопедия / рук. коллектива авт.-составителей А. И. Докучаев. — М. : Планета, 2015. — 559 с. : ил.

120. **НКВД и милиция Удмуртии в годы Великой Отечественной войны** : (историко-биографический справочник) / [Коробейников А. В., Кочкарёв Г. В.]. — Ижевск : Иднакар, 2015. — 277, [1] с. : ил., портр., [2] л. ил. — Алф. указ. горрайорганов НКВД-МВД УАССР: с. 274–277. — 150 экз.

121. **Оренбургские литераторы — участники Великой Отечественной войны** : библиографический справочник / Оренбург. обл. универс. науч. б-ка им. Н. К. Крупской. Отд. краеведения ; [сост.: В. М. Капустина, А. А. Утевалиева ; ред.: Т. А. Камскова]. — Оренбург, 2015. — 96 с. : портр.

122. **Памятники боевой славы Москвы** : альбом-справочник / [авт.-сост.: Докучаев А. И. ; ред. совет: И. И. Мельниченко (пред.) и др. ; фотосъемка памятников: А. И. Докучаев, Т. В. Нелюбина, Ю. Ю. Шипилов]. — М. : Армпресс, 2015. — 199, [1] с. : ил. — На авантит.: 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов посвящается... — Перечень памятников и мемориалов: с. 197–198. — Библиогр.: с. [1]. — 1 500 экз.

123. **Пермский край в Великой Отечественной войне** : энциклопедия : пилотный выпуск / [редкол.: Мохов В. П. (пред., науч. ред.) и др. ; авт.-сост.: Зебзеева А. Г. (авт. проекта) и др.]. — Пермь : Пушка, 2015. — 429, [1] с., [64] л. ил., портр. — На авантит.: Победа! 70 лет. 1945–2015. — Библиогр.: с. 410–416. — 1 000 экз.

123 а. **Пермский край в Великой Отечественной войне** : энциклопедия / [редкол.: В. П. Мохов (гл. ред.) и др.]. — Изд. испр. и доп. — Пермь : Пушка, 2020. — 470, [1] с., [64] л. ил., портр. — Библиогр.: с. 43. Кн., изд. на территории Молот. обл. в годы Великой Отечественной войны (по фондам Перм. краев. б-ки им. А. М. Горького): с. 430–437. — 3 000 экз.

124. **Подвиги героев в памяти поколений** : краткий биографический справочник / [сост. А. А. Загидуллин, Л. И. Хайдаров]. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2015. — 279 с. : портр. — На обл.: Победа! 70 лет. — 1 000 экз.

Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы, военачальники — участники Великой Отечественной войны.

125. **Помним всех поименно...** : преподаватели и сотрудники КГПИ — КемГУ — участники Великой Отечественной войны : историко-биографический справочник / Л. З. Боголепова ; Кемер. гос. ун-т. Музей «Археологии, этнографии и экологии Сибири» КемГУ. — Кемерово, 2015. — 125 с. : ил., портр. — На с. 5: К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Список участников Великой Отечественной (1953–2015 гг.): с. 121–125. — 500 экз.

126. **Преодоление** : архитекторы Ленинграда — жертвы войны и блокады / Владимир Ермаков. — СПб. : Соларт, 2015. — 143 с. : ил., портр. — На с. 3: Защитникам города-героя Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. посвящается. К 70-летию Великой Победы. — Библиогр.: с. 137 (26 назв.). — 150 экз.

127. **Ради мира на земле** : книга памяти о ветеранах войны и тыла ИрИИТа (ИрГУПС) / Иркут. гос. ун-т путей сообщ. Науч.-техн. б-ка ; [авт.-сост. Л. И. Васильева ; редкол.: С. М. Солянова (отв. ред.), Е. С. Кожевникова]. — Иркутск, 2015. — 114 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 105–112 (84 назв.). — 100 экз.

128. **Сотрудники органов госбезопасности Удмуртии в годы Великой Отечественной войны** : [историко-биографический справочник / Коробейников А. В.]. — Ижевск : Иднакар, 2015. — 561 с. : портр. — 100 экз.

129. **Ставропольский медицинский: дорогами войны** : биографический справочник / Ставроп. гос. мед. ун-т ; [сост. А. В. Карташев, А. К. Курьянов, С. М. Дугинец и др.]. — Ставрополь, 2015. — 231 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 222–223 (38 назв.). — На тит. л.: 70-летию Победы посвящается. — 100 экз.

129 а. **Ставропольский медицинский: дорогами войны** / [авт.: Карташев А. В., Дугинец С. М., Карташев И. В., Курьянов А. К.] ; Ставроп. гос. мед. ун-т М-ва здравоохранения Рос. Федерации. — [Изд. 2-е, перераб. и доп.]. — Ставрополь : [Изд-во СтМГУ], 2023. — 247 с. : ил., портр. — Алф. указ.: с. 239–242. — Библиогр.: с. 234–238. — 250 экз.

130. **Старицкий генералитет Великой Отечественной войны 1941–1945 годов** : краткий биографический словарь / Александр Шитков. — Старица : Стариц. тип., 2015. — 64 с. : ил., портр. — 200 экз.

131. **Судьбы, связанные с Омским педагогическим** : [биографический справочник] / Ом. гос. пед. ун-т ; [сост. С. А. Талалаева ; ред. совет: Э. М. Анфингер и др.]. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2015. — 185, [2] с. : ил., портр. — 100 экз.

Преподаватели, сотрудники и студенты — участники Великой Отечественной войны, труженики тыла.

2016

132. **Воинские подразделения, формировавшиеся, дислоцировавшиеся и пополнявшиеся в годы Великой Отечественной войны на территории Саратовской области** : справочник / Г. И. Гарибян. — Саратов, 2016– .

Ч. 1. — 2016. — 317 с.

133. **Выпускники Архангельского государственного медицинского института военных лет, 1941–1944 гг.** / Сев. гос. мед. ун-т ; [сост.: А. В. Андреева, М. Г. Чирцова ; ред. группа: В. П. Быков и др.]. — 4-е доп. изд. — Архангельск : КИРА, 2016. — 411 с. : ил., портр. — На обл.: К 75-летию начала Великой Отечественной войны. — Алф. указ.: с. 385–408. — 100 экз.

133 а. **Выпускники Архангельского государственного медицинского института военных лет (1941–1944)** / Сев. гос. мед. ун-т ; [авт.-сост.: А. В. Андреева, Г. О. Самбуров]. — Изд. 5-е, доп. — Архангельск : Лоция, 2021. — 374, [1] с. : ил., портр. — Алф. указ.: с. 364–372. — Библиогр.: с. 360–363 (79 назв.). — 300 экз.

134. **Московская битва 1941–1942 годов** : энциклопедия / [ред. совет: В. И. Долгих (пред.) и др. ; авт.-сост.: А. И. Докучаев (рук.) и др.]. — М. : Планета, 2016. — 511 с. : ил., карты, портр. — (Издательская программа Правительства Москвы). — На авантит.: Посвящается 75-летию разгрома немецко-фашистских войск советскими войсками под Москвой. — Библиогр.: с. 509–510. — 35 000 экз.

135. **Обелиски Саратовской области** : воинские захоронения и объекты увековечения памяти защитников Отечества / Г. И. Гарибян. — Саратов, 2016–2017.

Ч. 1. — 2016. — 436 с.

Ч. 2. — 2017. — 367 с. — 100 экз.

136. **Полные кавалеры ордена Славы. Красноярский край** / [авт. концепции и ред.-сост. В. Филиппов ; ред. совет: А. П. Самков и др.]. — Красноярск : Поликор, 2016. — 191 с. : ил., портр. — На обл.: 1943–1945. — Библиогр.: с. 191. — 1 100 экз.

2017

137. **Битва за Москву** : [иллюстрированная энциклопедия] / Максим Коломиец. — М. : Эксмо : Яуза, 2017. — 191 с. : ил., портр., [2] л. ил., карт. — (Главные сражения Великой Отечественной). — Библиогр.: с. 191. — 1 000 экз.

138. **Борисоглебские соколы** : Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда и Герои Российской Федерации — воспитанники Борисоглебской летной школы : биографический справочник / С. И. Косинов, С. В. Аверченко ; Воен.-воздуш. акад. им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина. — Воронеж, 2017. — 406 с. : ил., портр.

139. **МГРИ на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945)** / [Скопцова В. И., Карпиков А. П. ; под ред. Е. А. Козловского]. — М. : Филтроткани, 2017. — 317 с. : ил., карты, портр. — Библиогр.: с. 294–295 (35 назв.). — 1 000 экз.

Московский геологоразведочный институт (Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе).

140. **Солдатская слава** : Котлашане — кавалеры ордена Славы I, II, III степени : иллюстративный информационно-справочный сборник / Котлас. гор. Совет ветеранов войны и труда ; [ред. совет: Н. М. Любов (рук.), В. И. Плотников (ред.-сост.) и др.]. — Котлас, 2017. —

203, [1] с. : ил., портр. — На обл.: Память народа. 1941–1945. Посвящен 100-летию г. Котласа. — 200 экз.

141. **Сталинградская битва** : самая полная иллюстрированная энциклопедия / Алексей Исаев. — М. : Яуза : Эксмо, 2017. — 268, [2] с. : ил., карты, портр. — (Главные сражения Великой Отечественной). — Библиогр.: с. 266–268 (81 назв.). — 1 500 экз.

141 а. **Сталинградская битва** : самая полная иллюстрированная энциклопедия / Алексей Исаев. — [Стер. изд.]. — М. : Яуза : Эксмо, 2019. — 268, [2] с. : ил., карты, портр. — (Главные сражения Великой Отечественной). — Библиогр.: с. 266–268 (81 назв.). — 1 500 экз.

141 б. **Сталинградская битва** : самая полная иллюстрированная энциклопедия / Алексей Исаев. — [Стер. изд.]. — М. : Яуза-пресс, 2022. — 268, [2] с. : ил., карты, портр. — Библиогр.: с. 266–268 (81 назв.). — 1 500 экз.

142. **Сталинградская битва** : словарь-справочник / Волгогр. гос. ин-т искусств и культуры, Центр по изучению Сталинградской битвы Администрации Волгогр. обл. ; [редкол.: З. П. Тинина (отв. ред.) и др.]. — Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2017. — 161 с. : ил., карты, портр. — 300 экз.

2018

143. **Герои Казани** / Мэрия г. Казани, Обществ. орг. «Герои Татарстана» [и др. ; авт.-сост. М. В. Черепанов, Е. В. Панов ; редкол.: Д. И. Фаттахов (пред.) и др.]. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2018. — 335 с. : ил., портр., табл. — Тит. л., текст парал. рус., татар. — Библиогр.: с. 328–330. — 3 050 экз.

Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы, Герои Российской Федерации, Герои Социалистического Труда, полные кавалеры ордена Трудовой Славы и др.

144. **Герои Советского Союза — боевая слава земли Ставропольской** : краткий биографический справочник : к 75-летию битвы за Кавказ : [в 2 т.] / [авт.-сост. Г. Н. Каменева и др. ; науч. ред. Н. Д. Судавцов]. — Ставрополь ; Кемерово : Технопринт, 2018.

Т. 1. — 254, [1] с. : ил., портр. — Имен. указ.: с. 251–254. — Библиогр.: с. 244–249.

Т. 2. — 265, [1] с. : ил., портр.

144 а. **Герои Советского Союза — боевая слава земли Ставропольской** : краткий биографический справочник / Правительство Ставроп. края, Регион. отд-ние Общечерос. обществ.-гос. орг. «Рос. воен.-ист. о-во» в Ставроп. крае ; [авт.-сост.: Каменева Г. Н., Карабут А. П., Мельникова Е. А., Судавцов Н. Д. ; науч. ред. Судавцов Н. Д.]. — Ставрополь : Бюро новостей, 2019. — 338 с. : ил., портр. — Полн. имен. указ. Героев Советского Союза, связанных с историей Ставрополья: с. 335–338. — Библиогр.: с. 316–334. — 300 экз.

145. **Полководцы и военачальники земли Шуйской** / авт.-сост. И. Ю. Смирнов, А. А. Патрикеев ; Шуйское краевед. о-во. — Иваново : Референт, 2018. — 257, [6] с. : портр. — (Шуйская энциклопедия). — 100 экз.

146. **Смоляне — защитники Брестской крепости** : библиографический справочник / Смол. гос. ун-т [и др. ; сост. М. Н. Болохоненкова и др. ; ред. Д. Н. Бакун]. — Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2018. — 184 с. : ил., портр. — Геогр. указ.: с. 171–179. — Библиогр.: с. 180–183. — 100 экз.

2019

147. **Бессмертный полк земли Шуйской** / А. А. Патрикеев и И. Ю. Смирнов ; Шуйское краевед. о-во. — Шуя, 2019–. — (Шуйская энциклопедия). — 100 экз.

[Кн. 1] : Старшие офицеры в Великой Отечественной войне. — 2019. — 312, [7] с. : ил., портр.

[Кн. 2] : Офицеры в Великой Отечественной войне. — 2020. — 297, [7] с. : ил., портр.

[Кн. 3] : Офицеры в Великой Отечественной войне. — 2020. — 325, [8] с. : ил., портр.

[Кн. 4] : Младший командный и рядовой состав в Великой Отечественной войне. — 2021. — 420, [10] с. : ил., портр.

148. Волжско-Каспийский бассейн в 1942–1943 годах: обеспечение коренного перелома в войне : энциклопедический справочник. — Волгоград : Издатель, 2019– .

Т. 1 : Боевые навигации на Нижней Волге и Северном Каспии (1942–1943) / Администрация Волгогр. обл., Центр по изучению Сталинградской битвы, Гос. ист.-мемор. музей-заповедник «Сталинградская битва» ; [авт.-сост.: В. В. Булатов, О. А. Гоманенко, Е. Л. Головина ; ред. М. М. Загоруйко]. — 2019. — 255 с. : ил., карты, портр., табл. — 100 экз.

148 а. Волжско-Каспийский бассейн в 1942–1943 годах: обеспечение коренного перелома в войне : энциклопедический справочник / Администрация Волгогр. обл., Центр по изучению Сталинградской битвы ; [редкол.: М. М. Загоруйко (отв. ред.) и др. ; авт.-сост.: В. В. Булатов, О. А. Гоманенко, Е. Л. Головина]. — Волгоград : Центр информ. и материально-техн. обеспечения, 2023– .

Т. 1 : Боевые навигации на Нижней Волге и Северном Каспии (1942–1943). — 2023. — 255 с. : ил., карты, портр. — Имен. указ.: с. 235–244. Указ. воен. кораблей, мор. И реч. судов: с. 245–255. — 300 экз.

149. Герои великой страны на Щёлковской земле : (Герои Советского Союза, Герои Социалистического труда, полные кавалеры ордена Славы) : краткий биографический справочник / Юрий Тимаков ; Щелк. краевед. клуб. — Щелково, 2019.

Ч. 1 : От А до З. — 120 с. : ил., портр. — На обл.: (42 фамилии от А до З). — Библиогр.: с. 120.

[Ч. 2] : От А до Ю. — 333 с. : ил., карта, портр.

150. Золотые звезды курян : краткий биографический словарь / Администрация Кур. обл., [Кур. гос. ун-т ; редкол.: Р. В. Старовойт (рук.) и др. ; сост.: Е. А. Гончарова, В. В. Коровин, А. Н. Манжосов и др.]. — Курск : Планета, 2019. — 274, [5] с. : ил., портр., [8] л. ил. + 1 CD-ROM. — На тит. л.: Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — Библиогр.: с. 273–274. — 2 000 экз.

Герои Советского Союза, Герои России, полные кавалеры ордена Славы.

151. Костромичи — Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации, полные кавалеры ордена Славы : [сборник биографий : в 2 т.] / Михаил Белоус ; [редкол.: Н. В. Павличкова (гл. ред. и др.) ; Департамент культуры Костром. обл., Костром. гос. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник. — Кострома, 2019. — 1 000 экз.

Т. 1. — 311 с. : ил., портр.

Т. 2. — 367 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 366.

152. Саратовские судьи — ветераны Великой Отечественной войны : к 75-летию Великой Победы / [Сарат. обл. суд, Рос. об-ние судей, Упр. Судеб. департамента в Сарат. обл. ; редкол.: Ф. В. Телегин и др.]. — [Саратов : Амирит, 2019]. — 337 с. : ил., портр. — 200 экз.

2020

153. Аграрное производство Пермского края в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: справочник / Перм. гос. аграр.-технол. ун-т им. акад. Д. Н. Прянишникова ; [авт.-сост.: Ю. Б. Шувалова, Т. С. Волкова, О. В. Ярома и др.]. — Пермь, 2020. — 217 с. : табл., диагр. — Геогр. указ.: с. 197–199. Имен. указ.: с. 199–200. — Библиогр.: с. 201–206. — 100 экз.

154. Баррикадный район Сталинграда. Завод «Баррикады», 1941–1945 : энциклопедия / Администрация Волгограда, Центр по изучению Сталингр. битвы ; авт.-сост. В. Е. Алабушев ; [редкол.: М. М. Загоруйко (отв. ред.) и др.]. — Волгоград : Издатель, 2020. — 295 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 286–288. — 100 экз.

155. Бессмертный полк мединститута : [учебное пособие] / О. А. Башкина, Т. А. Левина, Н. В. Тимофеева ; Астрах. ГМУ Минздрава России. — Астрахань, 2020. — 162 с. : ил., портр. — (Жизнь замечательных врачей ; т. 9). — 100 экз.

156. **Бессмертный полк тамбовских медиков** : к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945) / Т. В. Кувалдина ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. Тамбов. фил. РАНХиГС. — Тамбов : Студия печати Галины Золотовой, 2020. — 327 с. : ил., портр. — Имен. указ.: с. 322–324. — Библиогр.: с. 327 (12 назв.). — 100 экз.

157. **Бессмертный полк тульских журналистов** / Б. А. Играев ; Тул. регион. отд-ние Союза журналистов России, Каф. журналистики Тул. гос. ун-та. — Изд. 2-е, перераб., доп. — Тула : Борус-Принт, 2020. — 303, [1] с. : ил., [16] л. ил., портр. — На с. 3: 75-летию Великой Победы посвящается. — Алф. указ.: с. 300–303. — 400 экз.

158. **Бессмертный полк школы на Васильевском** : памяти педагогов и воспитанников Школы Карла Мая — Советской единой трудовой школы — Шестой специальной артиллерийской школы — участников Великой Отечественной войны / авт. коллектив Н. В. Благово, М. Т. Валиев, И. В. Родышевцева, В. Г. Рожков ; отв. ред., сост. Н. В. Благово ; Администрация Василеостров. р-на Санкт-Петербурга, С.-Петерб. гос. музей-институт семьи Рерихов, Музей истории Школы К. Мая. — СПб. : Серебряный век, 2020. — 529, [2] с. : ил., портр. — На тит. л.: К 75-летию Великой Победы. 25-летию Музея истории Школы К. Мая. — 440 экз.

159. **Военно-исторические мемориалы Калужской области** / Калуж. объединен. музей-заповедник ; [авт. коллектив: В. М. Аниканова, Е. И. Барина, Е. С. Воронкина и др.]. — Калуга : СерНа, 2020. — 143 с. : ил. — (Достояние земли Калужской). — На тит. л.: 75. Победа! — 1 000 экз.

160. **Вспоминая о войне** : Бессмертный полк педагогов-фронтовиков / Волгогр. обл. организация профсоюза работников нар. образования и науки РФ, Ком. образования, науки и молодёж. политики Волгогр. обл. ; сост.: Л. Л. Кочергина, С. Г. Зубкова, Н. А. Крыжановская, О. В. Родионова]. — М. : Планета, 2020. — 471 с. : портр. — 500 экз.

161. **Герои Балашихи** : книга очерков и биографий / [Алексей Галанин, Василий Голотюк]. — [Большая Балашиха, 2020]. — 743 с., [16] л. ил., портр. — Библиогр.: с. 734–739 (175 назв.). — 2 000 экз.

Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, Герои Российской Федерации.

161 а. **Герои Балашихи** : книга очерков и биографий / [Алексей Галанин, Василий Голотюк]. — [Изд. 2-е]. — [Большая Балашиха ; М. : СЛОН ПО, 2021]. — 743 с., [16] л. ил., портр. — 1 000 экз.

162. **Герои без присвоенного звания Героя Советского Союза, 1941–1945 гг.** : Челябинская область / [сост. О. В. Дедов ; ред.: Н. С. Дедова]. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2020. — 118, [1] с. : ил. — На с. 3: К 75-летию Великой Победы. — Библиогр.: с. 117–118 (43 назв.). — 500 экз.

163. **Герои земли Волосовской** / авт.-сост. Т. Е. Данилова. — Гатчина : Изд-во НИЦ «Курчатовский институт» — ПИЯФ, 2020. — 96 с. : портр.

Герои Советского Союза, полные кавалеры орденов Славы, Герои Социалистического Труда, Герои России и др.

164. **Герои Победы** : Дальний Восток / [в подгот. изд. принимали участие: А. Л. Анисимов, Н. М. Платонова, В. Ж. Дорохов и др.]. — Хабаровск : Форпост науки, 2020. — 223 с. : ил., портр. — На обл.: 75 лет Победы, 1945–2020. — 1 000 экз.

Герои Советского Союза — участники Великой Отечественной войны и войны с Японией.

165. **Герои ратной славы Тульского края** : [иллюстрированная энциклопедия] / Гос. учреждение культуры Тул. обл. «Об-ние “Ист.-краевед. и худож. музей”». Тул. воен.-ист. музей ; [отв. сост. А. Г. Белов ; отв. ред. И. Н. Авдюшкина]. — [Тула : Аквариус, 2020]. — 562 с. : ил., портр., табл. — На об. тит. л.: К 250-й годовщине Героев Отечества и 75-летнему юбилею Великой Победы. — Библиогр.: с. 555–556. — 1 000 экз.

166. **Герои Советского Союза — выпускники Орловского бронетанкового училища** / Марина Самарина. — Орел : Картуш, 2020. — 446 с. : ил., портр. — 850 экз.
167. **Герои Советского Союза — шахтинцы** / Г. А. Ерёмкина. — Шахты : Изд. центр ИСОиП (фил.) ДГТУ в г. Шахты, 2020. — 159 с. : портр. — Загл. обл.: Легендарное поколение. Герои Советского Союза — шахтинцы. — 50 экз.
168. **Звезды доблести ратной** : в 2 т. / Алексей Кобелев. — Барнаул : Алт. дом печати, 2020. — На обл.: Гордость Отечества. Слава Алтая.
Т. 1. — 582 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 561–575. — 250 экз.
Т. 2. — 678, [1] с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 651–669. — 350 экз.
Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы.
169. **Их имена хранить в бессмертных списках...** : первый вуз Алтая — Великой Победе! : сборник материалов, посвященных памяти участников Великой Отечественной войны Барнаульского государственного педагогического института / Алт. гос. пед. ун-т ; [сост.: Р. Г. Носонов, В. В. Гарбузова, О. Н. Жукова и др.]. — Барнаул : АлтГПУ, 2020. — 151 с. : ил., портр. — На обл.: 75 лет со дня Великой Победы. — Библиогр.: с. 150–151 (34 назв.). — 100 экз.
170. **Керчь. Герои Советского Союза** / [Керчен. гор. совет ветеранов]. — Симферополь : Таврида, 2020. — 239 с. : портр. — Имен. указ.: с. 236–239. — 300 экз.
Участники Керченско-Эльтигенского десанта, освобождавшие г. Керчь от немецко-фашистских захватчиков осенью 1943 г.
171. **Книга памяти преподавателей, сотрудников и студентов Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.** / Моск. гос. ин-т музыки им. А. Г. Шнитке ; [сост.: И. А. Корсакова ; отв. ред.: А. И. Щербакова]. — М. : Согласие, 2020. — 55, [1] с. : ил., портр., факс. — 100 экз.
172. **Кубанские легкоатлеты — участники Великой Отечественной войны** / Н. И. Кривошапов. — Краснодар : Диапазон-В, 2020. — 183 с. : ил., портр. — 500 экз.
173. **Курсантский Сталинград** : об училищах Северо-Кавказского военного округа, дислоцирующихся в г. Краснодаре в 1942 году, и их курсантских полках — участниках Сталинградской битвы : историко-документальный справочник / В. В. Винокуров. — Краснодар : Диапазон-В, 2020– .
Т. 1. — 326 с. : ил., портр., табл., карты. — На тит. л.: 75. Победа! 1945–2020. — 500 экз.
174. **Липецкий авиационный центр. Герои Победы** : биографический справочник / сост. С. Ю. Ковалев ; [рис. И. А. Якунина]. — Липецк, 2020. — 140 с. : ил., портр.
Участники Великой Отечественной войны, в разное время служившие и работавшие в Липецком авиационном центре — Государственном центре подготовки авиационного персонала и войсковых испытаний Министерства обороны Российской Федерации им. В. П. Чкалова.
175. **«Мы помним ваши имена...»** : данные об эвакуационных госпиталях и списки воинских захоронений периода Великой Отечественной войны на территории Кемеровской области — Кузбасса : информационный справочник / Науч.-метод. центр ; [сост.: В. И. Колесников ; редкол.: И. В. Давыдова, Г. А. Вашкина]. — Кемерово, 2020. — 125 с. : табл., [8] л. ил., портр. — На обл.: 75. Победа! 1945–2020. — 300 экз.
176. **Мы помним, мы гордимся!** : памяти преподавателей и сотрудников Уфимского государственного нефтяного технического университета, ковавших на фронтах и в тылу Победу в Великой Отечественной войне / Уфим. гос. нефтяной техн. ун-т ; [под общ. ред. О. А. Баулина]. — Уфа : Информреклама, 2020. — 175 с. : ил., портр. — На обл.: 75. Победа! 1945–2020. — 300 экз.
177. **О ленинградских математиках, погибших в 1941–1944 годах** / В. П. Одинец ; [науч. ред. В. А. Попов] ; Сыктывкар. гос. ун-т им. Питирима Сорокина. — Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2020–2021. — 100 экз.
[Кн. 1]. — 2020. — 121 с. : портр. — Предм. указ.: с. 110–111. Имен. указ.: с. 112–121.

[Кн.] 2. — 2021. — 108 с. : портр. — Предм. указ.: с. 98–99. Имен. указ.: с. 100–108.

178. **Они бессмертны** / Абдулатип Гаджиев. — Махачкала : Дагест. кн. Изд-во, 2020. — 221 с. : портр. — На авантит.: 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. посвящается. — 300 экз.

Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы — участники Великой Отечественной войны, родившиеся или жившие в Дагестане.

179. **Они родились рязанцами** : полный биографический справочник Героев Советского Союза, родившихся на Рязанской земле / [авт.-сост. А. Ф. Агарев, М. В. Ромадина, В. Л. Фролов ; под ред. Т. А. Бадаловой, В. А. Конкиной]. — Рязань : Рязан. обл. тип., 2020. — 311 с. : ил., портр. — На тит. л.: Региональный проект «Нам есть кем гордиться», посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Загл. обл.: Они родились рязанцами. Книга героев. 75. Победа! 1945–2020. — Библиогр.: с. 304. — 500 экз.

180. **Пермский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.** : энциклопедия / Перм. гос. арх. социал.-полит. истории ; [авт.-сост.: Т. С. Волкова и др.]. — Пермь, 2020. — 799 с. : ил., портр. — На контртит.: Подвигу жителей Пермского края (Молотовской области) в годы Великой Отечественной войны посвящается это издание. — Имен. указ.: с. 681–688. Геогр. указ.: с. 689–726. — Библиогр.: с. 745–799. — 500 экз.

181. **Подвиг и слава** : Керчь и Керченский полуостров : [в 2 т. / Керч. ЦБС, Вост.-Крым. ист.-культур. музей-заповедник ; рук. проекта: Попова Л. Я. ; редкол.: Бельский А. В. и др.]. — Симферополь : Таврида, 2020–2022. — На тит. л.: 75. Победа! 1945–2020.

Т. 1. — 2020. — 423 с. : портр., [4] л. ил. — Имен. указ.: с. 403–405. — Библиогр.: с. 417–421. — 1000 экз.

Т. 2. — 2022. — 331 с. : портр., [4] л. ил. — Имен. указ.: с. 294–307. — Библиогр.: с. 323–329. — 500 экз.

182. **Смоляне — участники боев под г. Брестом в июне 1941 года** : биобиблиографический справочник / Смол. гос. ун-т. Науч.-образоват. центр «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем» (СмолГУ), Мемор. комплекс «Брестская крепость-герой» ; [сост.: Л. А. Качулина, Т. Н. Ладожина, Е. В. Митюкова, Ю. В. Фомин ; ред. Д. Н. Бакун]. — Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2020. — 97, [1] с. : ил., портр. — Геогр. указ.: с. 87–93. — Библиогр.: с. 94–96. — 100 экз.

183. **Солдатская слава ивановцев** / [Каргапольцев С. В., Лагута С. В.]. — Иваново : ПресСто, 2020– . — (Библиотека интернет-проекта «Иваново помнит!» www.ivanovo1945.ru).

Кн. 1. — 2020. — 174 с. : портр., [9] л. ил., портр. — Список кавалеров ордена Славы 3-й степени: с. 133–171. — 500 экз.

184. **Солдаты Победы** : [биографический справочник] / М-во внутр. дел Рос. Федерации. Ом. акад. ; [сост. М. К. Алафьев, И. А. Андреева, А. В. Быков и др.]. — 2-е изд., доп. — Омск : ОмА МВД России, 2020. — 194 с. : портр. — На тит. л.: Посвящается 75-летию победы в Великой Отечественной войне. — На обл.: 100 лет Омской академии МВД России, 1920–2020. — 150 экз.

185. **Сотрудники и выпускники Ростовского медицинского института — участники Великой Отечественной войны** / Харламов Е. В., Чаплыгина Е. В., Закусилов Д. И. [и др.] ; Рост. гос. мед. ун-т. — Ростов н/Д. : МиниТайп, 2020. — 272 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 264–271 (126 назв.). — 200 экз.

186. **Сотрудники и студенты Ижевского государственного медицинского института в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.** / Ижев. гос. мед. акад. ; [сост. Н. М. Попова, Л. Л. Шубин, В. Н. Савельев ; редкол.: А. Е. Шкляев, Н. П. Пенкин, А. С. Киселева]. — Ижевск : ИГМА, 2020. — 119 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 116–117 (26 назв.). — 200 экз.

187. **Сотрудники факультета почвоведения — участники Великой Отечественной войны** / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Фак. почвоведения ; под ред. С. А. Шобы, Т. И. Хуснет-

диновой ; [сост. Т. И. Хуснетдинова]. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020. — 87, [1] с. : ил., портр. — На обл.: 75. Победа! 1945–2020. — 100 экз.

188. **Студенты, аспиранты, преподаватели и сотрудники Казанского химико-технологического института — участники Великой Отечественной войны** / Казан. нац. исслед. технол. ун-т ; [под ред. В. П. Барабанова]. — Казань : Изд-во КНИТУ, 2020. — 143 с. : ил., портр. — На обл.: 130 лет КНИТУ — КХТИ. 75. Победа! 1945–2020. — Библиогр.: с. 130–132 (24 назв.). — 200 экз.

189. **Трижды прославленные** : биографический справочник о ставропольцах — полных кавалерах орденов Славы / Регион. отд-ние Общерос. обществ.-гос. орг. «Рос. воен.-ист. О-во» в Ставроп. крае ; [авт.-сост.: Каменева Г. Н., Мельникова Е. Н., Мхце Б. З., Судавцов Н. Д. ; науч. ред. Судавцов Н. Д.]. — Ставрополь, 2020. — 171 с. : портр. — Имен. указ.: с. 170–171. — Библиогр.: с. 164–169. — 300 экз.

190. **Увековечение памяти Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы на территории Пермского края** : справочник / Администрация губернатора Перм. края, М-во образования и науки Перм. края, Перм. краев. центр воен.-патриот. воспитания и подгот. граждан (молодёжи) к воен. службе ; [авт.-сост. И. В. Марасанова]. — Пермь, 2020. — 174, [2] с. : ил., портр., табл. — На обл.: 75. Победа! 1945–2020. — Библиогр.: с. 174 (17 назв.). — 500 экз.

Краткие биографические сведения о Героях; административно-территориальное устройство Молотовской области в годы Великой Отечественной войны; муниципальные практики увековечения памяти.

191. **Энциклопедия Победы. Приморье и приморцы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.** / [сост. А. П. Яковец ; рук. проекта Д. Н. Григорович]. — Владивосток : Рус. Остров, 2020. — 432 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 428. — 2 170 экз.

2021

192. **Артиллериянаме** : биографический справочник / В. Е. Поляков. — М. : Маска, 2021. — 171 с. : портр. — (Поляково поле) (Крымские татары в Красной армии и Военно-Морском флоте в 1941–1945 гг.). — Библиогр.: с. 170. — 500 экз.

193. **Гидрометеорологи Центрального Черноземья в годы Отечественной войны, 1941–1945** : биографический словарь : [в 2 т.] / В. В. Потапов ; Центр.-Чернозем. упр. по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. — Курск : ИП Бабкина Г. П., 2021. — Загл. т. 2: Гидрометеорологи Центрального Черноземья, 1945–2020.

Т. 1. — 385 с. : ил., портр. — На обл.: Победа! 75 лет. — 200 экз.

Т. 2. — 359 с. : ил., портр. — 300 экз.

194. **Госпитали Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны** : справочно-документальное издание / М. А. Семенов, Е. Н. Семенова. — Новосибирск, 2021. — 435 с. : ил., портр., схемы, табл. — 300 экз.

195. **Золотая слава Кубани** : Курганинский район : 60-летию города Курганинска, 76-летию Великой Победы в Великой Отечественной войне посвящается... / [авт.-сост. Е. Г. Гончарова, Е. Ш. Айрапетян]. — Курганинск, 2021. — 155, [1] с. : ил., портр. — 100 экз.

Герои Советского Союза, Герои России, Герои Социалистического Труда, Герои труда.

196. **Литераторы Ярославской земли — участники Великой Отечественной войны 1941–1945 годов** : биобиблиографический словарь / ЦБС г. Ярославля. Центр. б-ка им. М. Ю. Лермонтова ; [сост. и отв. ред. С. Ю. Ахметдинова]. — Ярославль, 2021. — 319 с. : портр. — На тит. л.: Великой Победе посвящается. — 200 экз.

197. **Медицинские работники Усолья в Великой Отечественной войне: история в лицах** / Л. Б. Кузнецова. — Усолье ; [Березники : Изд. дом «Типография купца Тарасова»], 2021. — 383 с. : портр. — На с. 3: Посвящается советским медикам-усольчанам, участникам Великой Отечественной войны и работникам эвакогоспиталей 1941–1945 гг. — 200 экз.

198. **Подвиг, застывший в металле и камне** : мемориальные комплексы, памятники, закладные камни, храмы и часовни. Московская область / Г. Г. Сергеев, О. А. Берестова, С. Н. Князев ; [Моск. обл. отд-ние Всерос. обществ. орг. ветеранов «Боевое братство»]. — М. : ВегаПринт, 2021. — 319 с. : ил. — Алф. указ. памятников, храмов и часовен, установленных на территории Моск. обл. в память о погибших при исполнении воинского долга и служебных обязанностей: с. 292–304. — Библиогр.: с. 314–315 (19 назв.). — 2 000 экз.

199. **Помнить всех поимённо** : о сотрудниках удмуртской милиции — участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / М-во внутренних дел по Удмурт. Респ., Регион. обществ. орг. ветеранов органов внутр. дел и внутр. войск по Удмурт. Респ. — Ижевск : Бон Анца, 2021. — 398 с. : портр. — Библиогр.: с. 396. — 100 экз.

200. **Преподаватели и студенты Шадринского университета — участники Великой Отечественной войны и труженики тыла** : биографический справочник / С. Б. Борисов ; Шадрин. гос. пед. ун-т. Центр культурно-антропол. исслед. Каф. филологии и социогуманитар. дисциплин. — Шадринск, 2021. — 120 с. : ил., портр. — На тит. л. и обл.: к 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Библиогр.: с. 116–117. — 300 экз.

201. **Сибиряки — защитники Брестской крепости** : биографический справочник / Фонд президентских грантов, Новосиб. гор. обществ. организация Воен.-ист. клуб «Живая история» ; авт.-сост.: Ефименко А. В. — Новосибирск, 2021. — 101 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 100. — 100 экз.

202. **Танкнаме** : [биографический справочник / В. Е. Поляков]. — М. : Маска, 2021. — 67 с. : портр. — Библиогр.: с. 65–66 (34 назв.). — (Поляково поле) (Крымские татары в Красной армии и Военно-Морском флоте в 1941–1945 гг.). — 500 экз.

203. **Фронтвики из Щекавцева** : краткий биографический справочник / [авт.-сост. Лунёв В. М.]. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Щекавцево, Ногин. р-на Моск. обл., 2021. — 231 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 230–231. — 50 экз.

Участники Великой Отечественной войны д. Щекавцево Ногинского района.

204. **Шаймуратовцы — воины легендарной 112-й Башкирской кавалерийской дивизии** : биографический справочник / [состав рабочей группы: Э. Р. Аиткулова и др.]. — Уфа : Башк. энцикл., 2021. — 414, [1] с. : ил., портр., [8] л. ил., карт, портр. — Имен. указ.: с. 349–370. — Библиогр.: с. 371–372. — 500 экз.

Биографии воинов 112-й Башкирской (16-й гвардейской) кавалерийской дивизии, родившихся в Башкортостане или призванных в Красную армию из Башкирской АССР, командиров дивизии и ее частей.

204 а. **Шаймуратовцы — воины легендарной 112-й Башкирской кавалерийской дивизии** : биографический справочник / [Всемир. курултай (конгресс) башкир ; авт.-сост.: К. И. Аглиуллина и др. ; науч. ред. Р. Н. Рахимов]. — [Изд. 2-е, перераб. и доп.]. — Уфа : Китап, 2022. — 470 с. : ил., портр., [12] л. ил., карт, портр. — Библиогр.: с. 415–416. — 1 000 экз.

2022

205. **Автомобильнаме** : [биографический справочник / В. Е. Поляков]. — М. : Маска, 2022. — 195 с. : портр. — (Поляково поле) (Крымские татары в Красной Армии и Военно-Морском флоте в 1941–1945 гг.). — Библиогр.: с. 194–195 (20 назв.). — 500 экз.

206. **Вернулись с Победой**. Преподаватели и сотрудники КГУ — ветераны Великой Отечественной войны : справочник / Кург. гос. ун-т, Рос. ист. о-во (Совет отд-ния в Кург. обл.) ; [отв. ред. К. Ю. Кладова]. — Курган : Изд-во Кург. гос. ун-та, 2022. — 203 с. : портр. — Библиогр.: с. 200 (18 назв.). — 100 экз.

207. **Волжско-Каспийский бассейн в 1942–1943 годах** : энциклопедический справочник / Администрация Волгогр. обл., Центр по изучению Сталинградской битвы ; [авт.-сост.: О. А. Гоманенко, В. В. Булатов, Л. А. Бетина и др. ; редкол.: М. М. Загорулько (отв. ред.) и др.]. — Волгоград : Центр информ. и материально-техн. обеспечения, 2022. — 383, [1] с. : ил., карты, портр., табл. — Библиогр.: с. 368–372.

208. **Женская рота Бессмертного полка** : Вологодская область. Усть-Кубинский район, 1941–1945 / Усть-Кубин. районное отделение Всерос. обществ. организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооружён. Сил и правоохранит. органов ; [сост.: А. Д. Тепляшова (рук. проекта), В. Н. Мякишева, Н. Н. Волченкова ; ред. М. В. Васильева]. — Вологда : Древности Севера, 2022. — 199 с. : ил., портр. — Библиогр.: с. 189. — 500 экз.

209. **Ивановцы — кавалеры ордена Александра Невского** / Азаров А. Г., Каргапольцев С. В. — Иваново : ПресСто, 2022. — 127 с. : ил., портр. — (Библиотека интернет-проекта «Иваново помнит!» www.ivanovo1945.ru). — 100 экз.

210. **Книга героев** / [Акад. наук Респ. Татарстан. Ин-т татар. энциклопедии и регионоведения ; сост.: М. В. Черепанов, Е. В. Панов ; науч. ред. Б. Хамидуллин]. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2022. — 327 с. : портр. — Текст парал. рус., татар. — 1 200 экз.

Биографические справки о Героях Советского Союза — уроженцах Татарстана. В прил. списки Героев Советского Союза, чья судьба связана с Татарстаном, Героев Советского Союза из других регионов, Героев Советского Союза, учившихся и служивших в Татарстане, а также уроженцев и жителей Татарстана, представленных к званию Героя, но получивших ордена; полные кавалеры Ордена Славы.

211. **Пермские войсковые части Красной Армии во время Великой Отечественной войны** : научно-справочное издание / Администрация губернатора Перм. края, Перм. гос. арх. социал.-полит. истории ; под ред. С. В. Неганова. — Пермь, 2022. — 719 с. : портр., табл. — Геогр. указ.: с. 678–685. Имен. указ.: с. 686–688. — Библиогр.: с. 689–709. — 1 000 экз.

212. **Служители закона на защите Родины** : посвящается работникам прокуратуры Башкортостана — участникам Великой Отечественной войны / [гл. ред. Тюнёва Н. Р.]. — Уфа : Мир печати, 2022. — 251 с. : ил., портр. — 1 000 экз.

213. **Студенты Шадринского института на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.** : биографический справочник / Шадрин. гос. пед. ун-т. Студенч. поисковый отряд «Знамя Победы» ; [сост. А. А. Рязанов, В. В. Морковкин ; отв. ред. Т. В. Сизова]. — Шадринск, 2022. — 194 с. : портр. — 26 экз.

214. **Энциклопедия Московского народного ополчения Великой Отечественной войны 1941–1945 годов** : информационный справочник / [Сообщество потомков моск. ополченцев Великой Отечеств. войны ; науч. ред.: В. И. Каримов]. — М. : Планета, 2022. — 303 с. : ил., карты, портр. — 2 000 экз.

2023

215. **Бессмертный полк Орловского государственного педагогического института: преподаватели, сотрудники, студенты и выпускники ОГПИ — участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.** : в 3 ч. / Орлов. гос. ун-т им. И. С. Тургенева ; [авт.-сост. И. И. Василевская ; ред. Е. О. Горохова]. — Орёл : ОГУ им. А. С. Тургенева, 2023. — 300 экз.

Ч. 1 : Преподаватели. — 191 с. : ил., портр., факс. — Библиогр.: с. 190–191 (20 назв.).

Ч. 2 : Сотрудники. — 227 с. : ил., портр., факс.

Кн. 1 : А — К. — 267 с. : ил., портр., факс. — Библиогр.: с. 266–267.

Кн. 2 : Л — Я. — 197 с. : ил., портр., факс.

216. **Герои госпиталя 1722: страницы памяти** : судьбы врачей, медицинского персонала и красноармейцев, находившихся на лечении в челябинском эвакогоспитале в годы Великой Отечественной войны / Челяб. гос. ин-т культуры ; [сост.: С. Б. Синецкий, А. В. Лушникова, Н. В. Овчинникова, А. Г. Лешуков]. — Челябинск : ЧГИК, 2023. — 262, [1] с. : ил., портр. — 150 экз.

217. **Герои Советского Союза земли Тюменской** / И. Н. Полещук. — Тюмень : Красное знамя, 2023. — 199 с. : ил., портр. — 500 экз.

Герои Советского Союза, кавалеры ордена Славы трех степеней.

218. **Динамовцы Карелии — участники Великой Отечественной войны, 1941–1945** / Владимир Стариков. — Петрозаводск, 2023. — 167 с. : ил., портр., факс. — На тит. л.: Посвящается 100-летию Всероссийского физкультурно-спортивного общества «Динамо» (1923–2023). — Библиогр.: с. 164–165. — 200 экз.

Известные карельские спортсмены-динамовцы и сотрудники аппарата Карело-Финского (Карельского) республиканского совета «Динамо».

219. **История партизанского движения на Брянщине в годы Великой Отечественной войны (1941–1943)** : энциклопедический словарь / Брян. гос. краевед. музей ; гл. ред. Алексеев В. П. — Брянск, 2023. — 419 с., [16] л. ил. — 500 экз.

220. **Кто руководил Калининской областью в годы Великой Отечественной войны** / С. Н. Корсаков. — Тверь : СФК-офис, 2023. — 80 с., [6] л. ил., портр. — 100 экз.

221. **Пермский край в Великой Отечественной войне: люди, события, факты** : научно-популярный справочник / Перм. нац. исслед. политехн. ун-т, Общерос. нар. фронт. Перм. регион. отд-ние ; под ред. В. П. Мохова. — Пермь : Изд-во Перм. НИПУ, 2023. — 209 с. : ил., табл., схемы. — 100 экз.

222. **Победители** : чудовцы — участники Берлинской наступательной операции и взятия Берлина : (биографический справочник) / А. А. Ходяков. — Великий Новгород, 2023. — 479 с. : портр. — Имен. указ.: с. 475–479. — 200 экз.

223. **Поколение победителей!** : посвящается ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова / Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова. Науч. б-ка ; [сост.: Боргоякова Л. М., Кожевникова Н. В., Магер Т. В., Пермякова Г. А. ; ред. В. А. Костин]. — Абакан, 2023. — 100 с. : ил., портр. — 300 экз.

224. **Связьнаме** : [биографический справочник / В. Е. Поляков]. — М. : Маска, 2023. — 131 с. : ил., портр. — (Поляково поле) (Крымские татары в Красной армии и Военно-морском флоте в 1941–1945 гг.). — Библиогр.: с. 130–131 (20 назв.). — 200 экз.

225. **Старооскольские учителя на защите Отечества** : посвящается 80-летию Курской битвы / Музей нар. образования Старооскол. гор. округа, Краевед. музей МБОУ «СОШ № 11» «Истоки» ; [авт.-сост.: Н. В. Самойлова ; редкол.: Н. И. Черепанова (гл. ред.) и др.]. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Старый Оскол : Кириллица, 2023. — 136 с. : ил., портр. — (Навечно в списке). — 250 экз.

Педагогические работники г. Старый Оскол и Старооскольского района — участники Великой Отечественной войны.

226. **Шагнувшие в бессмертие** : книга памяти учителей г. Буя и Буйского района Костромской области — участников Великой Отечественной войны / А. А. Смирнов. — Ярославль : Филигрань, 2023. — 246 с. : ил., портр., табл. — 30 экз.

227. **Энциклопедия памятников и воинских захоронений Сталинграда** / Администрация Волгогр. обл., Ком. гос. охраны объектов культур. наследия Волгогр. обл., Волгогр. обл. науч.-произв. центр по охране памятников истории и культуры, Гос. ист.-мемориал. музей заповедник «Сталинградская битва» ; ред. совет: А. Ю. Баженов (пред.) и др.]. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2023. — 363 с. : ил., портр., схемы. — 80 экз.

2024

228. **Воины школы на Васильевском** : памяти педагогов и воспитанников Школы Карла Мая — Советской единой трудовой школы — Шестой специальной артиллерийской школы — участников Великой Отечественной войны / авт.-сост., отв. ред. Н. В. Благово ; авт. коллектив Н. В. Благово, М. Т. Валиев, И. В. Родышевцева ; С.-Петерб. гос. музей-институт семьи Рерихов, Музей истории школы К. Мая. — СПб. : Серебряный век, 2024. — 618, [3] с., [4] л. ил., портр. — 150 экз.

229. **Герои госпиталя 1722: страницы подвигов** : судьбы врачей, медицинского персонала и красноармейцев, находившихся на лечении в челябинском эвакогоспитале в годы Великой Отечественной войны / Челяб. гос. ин-т культуры ; [сост.: С. Б. Синецкий, А. В. Лушникова,

Н. В. Овчинникова, А. Г. Лешуков]. — Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. — 369, [1] с. : ил., портр. — 150 экз.

230. **Каталог российских воинских захоронений на территории городского округа Химки и реестр имен погибших при защите Отечества** / подгот. к изд. Информ. центром по ист.-правовой работе, направленной на сохранение памяти погибших при защите Отечества «Родина» ; [состав редакции: А. Трякин (рук. редакции и авт. коллектива) и др.]. — Химки, 2024. — 295, [1] с. : ил., схемы. — Библиогр.: с. 295 (11 назв.).

231. **Книга Памяти преподавателей, аспирантов и студентов философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, павших в Великой Отечественной войне (1941–1945)** / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филос. фак. ; [сост., авт. предисл. С. Н. Корсаков]. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2024. — 453 с. : ил., портр., факс. — (История Московского университета). — Библиогр.: с. 411–448. — 250 экз.

232. **Славные сыны народов Северного Кавказа — Герои Советского Союза и Российской Федерации, награждённые за подвиги, совершённые в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов** / Джашарбек Шамильевич Каппушев. — Пятигорск : Просто, 2024. — 194 с. : портр. — Библиогр.: с. 193. — 500 экз.

Рис. 2. Издания, посвященные Великой Отечественной войне